

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЬ

802-11
280

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

Книга двенадцатая.

ДЕКАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ДМИТРИЕВА.

1850.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 30-го декабря 1850 года.

Ценсоръ *Н. Еламинъ.*

Редакторъ *К. Масальскій.*
Издатель *К. Жернаковъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТОЙ КНИГИ.

Декабрь. Стр. 41—44

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Тайный наказъ, данный при Царѣ Алексіѣ Михайлови-
чѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и за-
писки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667
и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи. *Продол-
женіе* 1—32

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. 1—54
Иностранныя извѣстія. 55—108

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Пѣвецъ. Соч. *Д. Ознобишина.* 1—2
Христіанинъ. Соч. *М. Половцова.* 2—3
Утро. Соч. *П. К.* 3—4
Вечеръ. Соч. *П. К—скаго.* 4—5
Хамар-Дабанъ. Соч. *П. Кожеевникова.* 5—6
Къ Колумбу. Соч. *Его же.* 6—7
Къ Ночи. Изъ *Кёрнера.* Соч. *И. Чеха.* 7—8

	Стр.
Изъ записокъ русскаго моряка. Статья вторая. Соч. <i>Кашубкаса</i>	1—26
Падучая звѣзда. Соч. <i>Н. А.</i>	1—2
Домашній театръ. Агафонъ въ Баденѣ, или думалъ то, а вышло другое. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. <i>Н.—А.—Н.</i>	1—36
Недоразумѣніе. Повѣсть. Соч. <i>Н. Курочкина</i>	1—42

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Дачный сосѣдь. Повѣсть <i>Мери</i>	1—36
--	------

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Етнографія и Геологія. Описаніе Каспійскаго моря и Кавказа. Е. Ейхвальда	1—20
Біографическіе очерки знаменитѣйшихъ механиковъ и строителей. Маркъ Изамбаръ Брюнель. <i>Н. Карелина</i>	21—32

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

97. Библейско-біографическій словарь. Сост. <i>Ф. И. Яковлевичъ</i> и <i>П. Я. Благовѣщенскій</i> .—98. Литературные вечера. Изд. <i>Н. Фумели</i> . Вечеръ второй.—99. Живописный сборникъ замѣчательныхъ предметовъ. Изд. <i>А. А. Плюшара</i> .—100. Аліція Паули. Романъ <i>Поля Февала</i> .—101. Графиня Салисбюри, соч. <i>А. Дюма</i> , пер. съ франц. <i>А.</i> .—102. Докторъ Серванъ, романъ <i>А. Дюма</i> .—103. Случайности жизни. Разказы, сост. <i>Т. Дилитцемъ</i> , перев. съ нѣмец. изд. <i>А. Лаврентьева</i> .—104. Мѣсяцословъ на 1851 годъ.	1—28
--	------

С М Ъ С Ъ.

Островъ Куба.—Очерки востока. Персидскія баядерки и ихъ пѣсни. — Турецкія цирюльни и брадобрѣи. — Дон-Жуанъ. Разказъ Гофманна.

Новости ученаго міра. Отъ Императорскаго Археологическаго Общества. — Подтвержденіе Бесселевой гипотезы

тезы о звѣздѣ Сиріусѣ. — Причина свѣтоносности фосфора. — Присутствіе іода въ каменномъ углѣ. — Холодная покрывка желѣза мѣлю. — Перегонка ртути водяными парами. — Открытіе золота въ Испаніи. — Растительное масло. — Новый горючій матеріалъ въ Россіи. — Новый фотографическій способъ Ньепса де-Сен-Виктора. — Изслѣдованіе пепла, выброшеннаго Везувіемъ. — Новыя свѣдѣнія объ источникахъ Нила. — Осушеніе Гарлемскаго-моря. — Последнее годичное засѣданіе Французской Академіи. — Потребленіе опиума въ Англіи. — Шведскія фабрики.

Общепольное. Домашній лечебникъ: Отъ жабы. — Отъ глистовъ. — Чтобы испорченные зубы выпали безъ боли. — Отъ ревматизма. — *Хозяйство:* О питательности сухихъ хормовъ. — Сѣно. — Солома. — О строевомъ лѣсѣ. — Рубка лѣса. — Высушка лѣса. — Прочность деревъ. — Твердость деревъ. — Лечение отмороженныхъ частей дерева. — О причинахъ худыхъ и хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ на однихъ и тѣхъ же поляхъ. — *Совѣты матерямъ:* Первые впечатлѣнія. — Выгоды дисциплины. — Характеръ, здоровье, привычки. — Соревнованіе. — Дружба между молодыми дѣвухами. — Важныя неудобства. — Вредныя связи.

Похожденія провинціала въ столицѣ.

Иностранная почта. Опять воздушный шаръ «Городъ Парижъ». — Море и вѣтеръ. — Опасность. — Паденіе. — Гг. Дешанъ и Кремьё. — Воспламененіе газа. — Убытокъ въ 15,000 франковъ. — Альбони. — Новая опера Обера и Скриба. — Мадмоазель Дамронъ. — Рокпланъ. — Г-жа Вярдо. — Пророкъ. — Г-жа Пункеттъ. — Ронкони. — Маріо. — Рашель. — Люмлей, европейскій импресарио. — Соннамбула. — Г-жа Зонтагъ. — Г-жа Угальдъ. — Новая комедія. — Водевиль. — Дежазё. — Арналь. — Жени Линдъ въ Бостонѣ. — Последний концертъ ея. — Безпорядки. — Отъѣздъ шведскаго соловья.

Мысль и улыбка.

Петербургскія моды.

Русскія книги 1—94

Музыкальная новость.

Приложенія:

1. Модная картинка.
2. L'addio arietta, музыкальное сочиненіе А. В. Лазарева, посвященное Е. С. Графу Михаилу Юрьевичу Віельгорскому.

Д Е К А Б Р Ъ .

Декабрь, по-латынѣ *december*, отъ *decem* (десять) по церковному *декемерій*, по-славянски *Студѣный*. Имя декабрь дано ему по мѣсту, занимаемому въ календарѣ Ромула, котораго годъ состоялъ изъ десяти мѣсяцевъ. При Юліѣ Цесарѣ, когда годъ началъ считаться вмѣсто 1-го марта съ 1-го января, названіе декабря стало несогласно съ порядкомъ мѣсяцевъ. Замѣтивъ это несходство, Императоръ Коммодъ пытался замѣнить названіе измѣненныхъ мѣсяцевъ другими именами; но эти названія скоро были оставлены. Веста считалась покровительницею декабря и въ этомъ мѣсяцѣ торжествовались многія празднества, изъ которыхъ главныя были въ честь Фауна и Сатурна. Первые праздновались 5 числа или въ день *коновъ*, по большей части въ деревняхъ. За ними 17 числа, начинались *Сатурналіи*, замѣненные у новѣйшихъ Римлянъ карнаваломъ, масляницею. Титъ Ливій говоритъ, что они первоначально праздновались только три дня, но Императоры Клавдій и Калигула увеличили ихъ до пяти дней. Черезъ нѣсколько времени къ нимъ прибавили еще два дня названные *сигиларіями* отъ *sigilla*, небольшихъ фигурокъ съ рѣзьбою, которыми Римляне дарили другъ друга, особливо родители дѣтей. Во-время празднествъ Сатурна, знаменитѣйшихъ въ древности, всѣ классы народа пировали и радовались; 25 декабря, въ день зимняго солнцеповорота, былъ день самый торжественный для всѣхъ древнихъ народовъ, какъ начало зимы. Причина этого объясняется возвращеніемъ солнца, которое, взойдя въ тропикъ Козерога, поворачивается къ холоднымъ странамъ. Потому-то, 25 декабря, какъ день рожденія солнца, праздновалось подъ разными именами, присвоенными этому свѣтилѹ. У насъ Христіанская Церковь празднуетъ въ этотъ день Рождество Христа Спасителя міра.

Въ декабрѣ солнце достигаетъ самаго низшаго стоянія своего въ небѣ, и вступая 10 числа въ 5 часовъ, 39 минутъ утра, въ зодіакальный знакъ Козерога, находящійся въ наше время въ созвѣздіи Стрѣльца. Въ это время на сѣверномъ полушаріи земли наступаетъ зима, а на южномъ лѣто: въ первомъ кратчайшій, а во второмъ должайшій день года. Съ этого дня солнце начинаетъ опять подвигаться къ экватору, и дни у насъ прибываютъ. Въ теченіе всего мѣсяца дня прибываетъ въ С.-Петербургѣ 32 минуты. 19 числа земной шаръ находился въ ближайшемъ своемъ разстояніи отъ солнца.

Солнце восходитъ:

	1 числа	11 числа	21 числа.
Въ С.-Петербургѣ.	8 ч. 57 м.	9 ч. 5 м.	9 ч. 4 м.
— Москвѣ.	8 — 23 —	8 — 30 —	8 — 32 —
— Архангельскѣ.	9 — 56 —	10 — 6 —	10 — 3 —
— Астрахани.	7 — 37 —	7 — 43 —	7 — 46 —
— Иркутскѣ.	8 — 4 —	8 — 11 —	8 — 12 —
— Казани.	8 — 25 —	8 — 32 —	8 — 33 —
— Кіевѣ.	7 — 54 —	8 — 1 —	8 — 3 —
— Ригѣ.	8 — 33 —	8 — 40 —	8 — 40 —
— Тифлисѣ.	7 — 20 —	7 — 26 —	7 — 29 —
— Тобольскѣ.	8 — 42 —	8 — 50 —	8 — 50 —

Солнце заходитъ:

	1 числа	11 числа	21 числа.
Въ С.-Петербургѣ.	2 ч. 52 м.	2 ч. 54 м.	3 ч. 4 м.
— Москвѣ.	3 — 25 —	3 — 28 —	3 — 23 —
— Архангельскѣ.	1 — 52 —	1 — 53 —	2 — 7 —
— Астрахани.	4 — 12 —	4 — 16 —	4 — 23 —
— Иркутскѣ.	3 — 45 —	3 — 48 —	3 — 57 —
— Казани.	3 — 24 —	3 — 27 —	3 — 36 —
— Кіевѣ.	3 — 54 —	3 — 58 —	4 — 6 —
— Ригѣ.	3 — 16 —	3 — 19 —	3 — 29 —
— Тифлисѣ.	4 — 29 —	4 — 32 —	4 — 40 —
— Тобольскѣ.	3 — 7 —	3 — 9 —	3 — 19 —

Полнолуіе 7 числа; послѣдняя четверть 13; новолуіе

21; первая четверть 29 числа. Самое меньшее разстояніе луны отъ земли—9 числа.

Меркурій, Венера и Марсъ въ декабрѣ будутъ невидимы для невооруженнаго глаза. Меркурій достигъ 10 числа своей наибольшей южной широты; 23 — его соединеніе съ луною, а 25 числа наибольшее восточное отдаленіе отъ солнца, равное 10° 6'.

Венера находится 4 числа въ нижнемъ своемъ соединеніи съ солнцемъ; 8 въ соединеніи съ Марсомъ, а 19 съ луною. Къ началу года Венера вновь появится на восточномъ небѣ въ утренніе сумерки, и будетъ постоянно увеличиваться въ блескѣ.

Соединеніе Марса съ луною было 20 числа.

Юпитеръ восходитъ въ третьемъ часу на В. Ю. В. Соединеніе его съ луною произошло 15 числа, а 31 онъ былъ въ квадратурѣ съ солнцемъ.

Сатурнъ виднѣнъ на небѣ всю первую половину ночи, и заходитъ во второмъ часу утра, на западѣ, 1 и 29 числа его соединеніе съ луною, а 24 числа квадратура съ солнцемъ.

Уранъ видимъ до трехъ часовъ утра.

Продолжительныя декабрскія ночи отличаются необыкновеннымъ великолѣпіемъ звѣзднаго неба. Вотъ положеніе созвѣздіи въ 7 часовъ вечера, въ началѣ мѣсяца, и въ 6 часовъ въ концѣ его.

Млечный-путь тянется, почти чрезъ зенитъ, отъ западнаго горизонта къ восточному. На западѣ близится къ закату яркій Атаиръ, звѣзда 1 величины въ созвѣздіи Орла, а надъ нимъ находятся незамѣчательныя созвѣздія Лисицы, Гуся и Стрѣлы. Выше ихъ блещутъ звѣзды Лебеда, образующія на небѣ продолговатый крестъ, и отъ этого созвѣздія полоса краткаго свѣта проходитъ близъ зенита (на С. В.) чрезъ Кассіопею и далѣе чрезъ Персея (на В.). Еще далѣе, уже довольно высоко на небѣ, горитъ яркая Капелла (въ созвѣздіи Возничаго), а подъ нею Близнецы, съ свѣтлыми звѣздами Касторомъ и Полуксомъ.

Что касается до положенія зодіака, то онъ занимаетъ въ

декабрь довольно высокое мѣсто на небѣ, особливо съ восточной стороны. На Ю. В. заходитъ Козерогъ и двѣ свѣтлыя звѣзды на его рогахъ стоятъ близъ горизонта, а влѣво отъ нихъ Фомаидъ (звѣзд. 1 вел. въ созвѣздіи Южной-Рыбы), надъ которымъ близится къ западу Водолей. Созвѣздіе Рыбы, въ которомъ, въ наше время, находится весенняя равноденственная точка, стоитъ теперь въ меридіанѣ. На Ю. Ю. В. Овенъ высится на небѣ, а на Ю. В. и В. блещутъ многочисленныя свѣтила Тельца съ Гиадами, Плеядами и краснымъ Альдебараномъ. Близнецы еще невысоко поднялись на С. В., а еще сѣвернѣ ихъ выходитъ изъ-подъ горизонта бѣдное яркими звѣздами созвѣздіе Рака.

Ниже зодіака, въ самомъ меридіанѣ, и по обѣимъ его сторонамъ, вся южная часть горизонта занята созвѣздіемъ Кита. Надъ зодіакомъ блещетъ въ меридіанѣ Андромеда, съ своимъ знаменитымъ туманнымъ пятномъ, доступнымъ даже невооруженному глазу.

На Ю. В. довольно высоко стоятъ звѣзды Пегаса, и по выше его, на правой рукѣ, находится въ Млечномъ-пути малозамѣтное созвѣздіе Ящерицы.

На В. къ Ю., подъ Тельцомъ блещетъ вполне уже вошедшій Оріонъ, въ видѣ продолговатаго четырехугольника, въ которомъ двѣ звѣзды 1 величины. Почти по направленію одной изъ діагоналей этой фигуры стоятъ рядомъ три яркихъ звѣзды 2 вел., образующихъ поясъ Оріона.

Между Оріономъ и Китомъ лежитъ Эриданъ.

Наконецъ взглянемъ на С. Тамъ, направо отъ Лебеда и ниже его, на З. С. З., блещетъ Лира съ одною изъ ярчайшихъ звѣздъ 1 величины. Право и ниже ея заходятъ звѣзды Геркулеса, а еще ближе къ С. находится Боотесъ съ Арктуромъ (зв. 1 вел.) Прямо на С. является Большая-Медвѣдица, а подъ хвостомъ ея, на С. С. З., Ловчие-Псы. Полярная-звѣзда занимаетъ теперь мѣсто надъ полюсомъ; а влѣво, отъ нея до Млечнаго-пути, мѣсто занато Цфеемъ. Между Малою-Медвѣдицею и Лирою, на западной сторонѣ сѣвернаго меридіана, находится Драконъ, а между Полярною звѣздою и Капеллою бѣдные звѣздами созвѣздіе Камелопарда.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ,

данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи.

ЗАПИСКИ ПОСЛАННИКОВЪ ПЕТРА ПОТЕМКИНА И СЕМЕНА РУМЯНЦОВА.

Марта въ 7-й день приставъ Франциска Стольнику Петру и Дяку Семену говорилъ: Великій-де Государь ихъ, Его Королевское Величество и Великая Государыня ихъ Ея Королевина Величество, велѣли вамъ Посланникамъ видѣть свои Королевскаго Величества очи, и съ грамотою Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества быть на посольствѣ нынѣшняго числа, и нынѣхъ государствъ пословъ и посланниковъ у Королевскаго Величества въ то время никого не

будеть. Да присланъ отъ Королевскаго Величества къ вамъ Царскаго Величества Посланикомъ дворецкій меньшій, Контъ де-Рьяль, да съ нимъ товарищъ, да шесть человекъ дворянъ, а вельмо ему Контю, съ вами Посланики къ Королевскому Величеству ъхать, и чтобъ вамъ Посланикомъ его Конта встрѣтить.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень велѣли Дворецкаго Конта и товарища его на нижнемъ крыльцѣ встрѣтить переводчику, да подъячимъ, а дворяне встрѣчали въ сѣняхъ; Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень встрѣтили въ полатѣ, гдѣ было королевское мѣсто устроено, и по ихъ извѣчаю съ ними витались и пошли въ полаты къ Столинику Петру. А шведъ въ полату сѣли въ креслахъ, Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень по правую сторону, а Дворецкій Контъ и товарищъ его по лѣвую сторону, и немного помотчавъ, Дворецкій Контъ де-Рьяль говорилъ: Прислали де ихъ Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество и Великая Государыня ихъ Ея Королевино Величество къ вамъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества Посланикомъ, чтобъ вы изволили ъхать къ ихъ Королевскимъ Величествамъ, а мнѣ и товарищу моему и дворянамъ Королевскаго Величества вельмо ъхать съ вами.

И подъ васъ Царскаго Величества Посланиковъ присланы съ нами лошади Королевскаго Величества посольскихъ чиновныхъ людей.

И Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень Контю говорили: Великому Государю вашему и Великой Государыни вашей къ ихъ Королевскимъ Величествамъ ъхать и видѣть ихъ государскіе очи готовы. И велѣли нести любительныя поминки, которыя посланы отъ Великаго Государя, отъ его Царскаго Величества къ Королевскому Величеству.

Несли поминки королевскихъ людей сто человекъ.

А послѣ того Посланики поѣхали верхами къ Королевскому Величеству на посольство, по правую сторону ѣхаль

Стольникъ Петръ Иваиовичъ Потемкинъ; съ лѣвую сторону у него Дворецкій Контъ де-Рьяль, да Дьякъ Семень Румянцевъ.

А Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества къ Королевскому Величеству любительную грамоту въ камкѣ везъ подъячій Андрей Сидоровъ.

Царскаго Величества посольскіе дворяне ѣхали передъ Посланики съ правую сторону, а королевскіе дворяне по лѣвую сторону, переводчикъ и подъячій и толмачъ ѣхали по переди ихъ.

А на королевскій дворъ пріѣхали къ крыльцу; передъ воротами королевскаго двора и по крыльцу стояли и около Посланиковъ шли королевскіе надворные пѣхоты со сто человекъ съ протазаны, а какъ пошли переходами къ Королевскому Величеству, Дворецкій Контъ де-Рьяль пошелъ съ лѣвой стороны и у Дьяка Семена товарищъ его, а приставъ Францышко де-Лира и дворяне королевскіе шли передъ Посланики.

Встрѣчи Посланикамъ на крыльцѣ не было, а какъ вошли въ сѣни встрѣчалъ Маркезъ де-Рьяль, а говорилъ: Великій де Государь Ихъ Королевское Величество указалъ ему Маркезу васъ Царскаго Величества Посланиковъ встрѣтить, и пошелъ по лѣвую сторону, попрежъ Дьяка Семена Румянцева. А какъ вошли въ полату и Королевское и Королевино Величество встали: Королевское Величество всталъ по правую сторону, а Королевино Величество по лѣвую сторону.

И Посланики Королевскому Величеству поклонилися по обычаю, и Королевское Величество въ то время шляпу снялъ, и послѣ того положилъ шляпу на себя, а не сѣлъ.

И помотчавъ немного Посланики приступа къ Королевскому Величеству, Стольникъ и Намѣстникъ Боровской Петръ

Ивановичъ Потемкинъ правилъ поклонъ отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя, отъ Его Царскаго Величества Карлусу Королю, Его Королевскому Величеству.

А какъ Стольникъ Петръ титу Великаго Государя, Его Царскаго Величества говорилъ, и въ то время Король и Королева выступя изъ мѣстъ своихъ стали, а шляпы Король не снялъ.

И стольникъ Петръ говорилъ рѣчь по наказу, что противъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества именования, Король шляпы не снялъ и про здоровье Его Царскаго Величества не спросилъ.

И ближній Королевскаго Величества человекъ, дворецкій Маркезь де-Атона говорилъ: какъ де вы Посланники Царскаго Величества вошли въ полату и въ то время Королевское и Королевино Величество встали и посямѣсть стоятъ.

И Королевское Величество шляпу снялъ въ то время для брата своего Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества, а не для васъ посланниковъ.

А какъ ты, Царскаго Величества Посолъ, началъ посольство отъ Великаго Государя своего, отъ Его Царскаго Величества править къ Королевскому Величеству, и въ то время Королевское и Королевино Величество отступя отъ мѣстъ своихъ стали, и то они Королевскія Величества чинять для чести Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, почитаючи Его государское пресвѣтлое имя.

А прежде сего ни при которыхъ послѣхъ Королевино и Королевское Величество такъ не ставали, да и все де посольство ваше Ихъ Королевское Величество не будетъ сидѣть для того, хотя быть въ вѣчной братской дружбѣ и любви съ Великимъ Государемъ вашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ.

А что де Королевское Величество не спросилъ о здоровьѣ Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества и то безъ хитрости учинилъ и не презираючи чести Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества, потому-что не въ взрослыхъ лѣтахъ Королевское Величество и вамъ Царскаго Величества Посланникамъ въ томъ на Королевское Величество не подивить.

А что де Королевское Величество стоитъ въ шляпѣ и то де у нихъ ведется искони; и изъ которыхъ государствъ послы и посланники ни бывають и того въ Шпанскомъ государствѣ не повелось, чтобъ въ то время Королевскому Величеству снимать шляпу, и вамъ Посламъ въ томъ на Королевское Величество не подивить же, то учинено, какъ чинитъ въ Шпанскомъ государствѣ належитъ.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень королевскимъ ближнимъ Думнымъ Людямъ говорили:

Мочно бѣ Великому Государю вашему, Его Королевскому Величеству для Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества братскія дружбы и любви, и для первыя Его Царскаго Величества присылки, учинить Королевскому Величеству и не во образецъ.

И послѣ того Королевское Величество спрашивалъ о здоровьѣ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя Его Царскаго Величества.

И Посланники о томъ говорили рѣчь по наказу.

А послѣ того Посланники, Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень правили поклонъ отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца отъ Его Царскаго Величества, и отъ Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Марьи Ильичны Королевины Величеству Довѣ Маріанѣ де-Устрин, матери Карлуса Короля.

И Королева Дона Маріана де-Устрія, про многолѣтнее здорье Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и Великія Государыни Царицы и Великія Княгини Маріи Ильичны спрашивала съ великимъ учтивствомъ, а говорила: Какъ вы Посланники поѣхали отъ Великаго Государя вашего отъ Его Царскаго Величества и Великій Государь вашъ и Великая Государыня ваша, Ихъ Царскія Величества въ добромъ ли здоровьѣ?

И послѣ того Посланники, Стольникъ Петръ подалъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества грамоту Королевскому Величеству.

И Королевское Величество принялъ грамоту Великаго Государя Его Царскаго Величества у Стольника Петра самъ и отдалъ ближнему человѣку.

А послѣ того Посланники явили отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца отъ Его Царскаго Величества любительные поминки и подали по росписи, отнявъ ярлыки, половину Королевскому Величеству, а другую Королевиному Величеству.

И первые сороки соборей Королевское Величество и Королевино Величество приняли сами у Стольника Петра и положили подлѣ себя и всеъ любительные поминки Великаго Государя Его Царскаго Величества велѣли Королевскіе Величества класть поближе себя, Королевскому Величеству съ Его стороны, а Королевиному Величеству съ ея стороны. И какъ понесли мѣха горностаевои и въ то время Королевское Величество свѣтлѣз учинился, и пришедъ, изволилъ ихъ смотрѣть и шляпу скинулъ въ то время съ себя на землю, и Королевино Величество почала безмѣрна быть свѣтла, видя сына своего Королевское Величество весела.

И говорила Королевино Величество: Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества о братской дружбѣ и любви присылку и любительные поминки съ великою любовью и за крайнее пріятство приемлемъ и ему Великому Государю челомъ бьемъ.

И послѣ того Стольникъ Петръ и Дьякъ Семенъ говорили рѣчь о дѣлахъ Великаго Государя, Его Царскаго Величества Королевскому Величеству.

А какъ Стольникъ Петръ и Дьякъ Семенъ посольство Королевскому Величеству отправляли, и Великаго Государя Его Царскаго Величества грамоту Королевскому Величеству подали и любительные поминки и рѣчь о дѣлахъ говорили и Королевское и Королевино Величество въ то время и во все посольство стояли, и какъ Посланники челомъ удара Королевскому и Королевиному Величеству пошли изъ полаты, и Королевское Величество въ то время шляпу снялъ.

А на посольствѣ при Королевскомъ и Королевиномъ Величествѣ стояли близко съ правую сторону отъ Короля Боярыня, вдова, мама Его Королевскаго Величества, да Дворецкій Его Королевскій Маркезъ де-Атона, а иные ближніе люди стояли поодаль, а отъ Королевы съ лѣвой стороны стояли Боярыни вдовы и дѣвицы, и при Королевскомъ Величествѣ въ то время было въ Полатѣ многолюдно, а чиновъ никакихъ при Королевскомъ Величествѣ не было.

На Королевскомъ Величествѣ платье было бархатное, цвѣтное, съ нѣмецкаго образца съ кружевами, шляпа съ перьемъ; на Королевино платье было черное обычное. А съ королевскаго двора Посланники и дворяне поѣхали въ королевскихъ трехъ коретахъ, отъ того жъ крыльца, къ которому поѣхали.

Въ коретѣ сидѣлъ Стольникъ Петръ, подлѣ его Дьякъ Семенъ, противъ ихъ Королевскій Дворецкій Контъ де-Рьяль и товарищъ его, а Приставъ Францышко де-Лира сидѣлъ въ стремени съ правую сторону, съ лѣвую сторону перевод-

чикъ. Въ двухъ каретахъ сидѣли дворяне; въ четвертой каретѣ подъячье, да толмачъ, въ которой прїѣзжалъ приставъ къ Посланникамъ на посольскій дворъ.

А какъ прїѣхали на посольскій дворъ, и дворецкїи Контъ де-Рьяль и товаришь его провожали Посланниковъ въ полату, и Посланники ихъ подчивали по чину посольскому; и провожали до тѣхъ же мѣстъ, гдѣ ихъ встрѣчали.

А дворяне и подъячье и переводчикъ и толмачъ провожали по чину, гдѣ кто встрѣчалъ на прїѣздѣ.

А со столомъ отъ Королевскаго Величества къ Посланникамъ не было присылки; былъ столъ королевскїи на дворѣ посольскомъ по чину, какъ и въ иные дни. Подчивалъ Приставъ Франциско де-Лира. Да и въ разговорахъ отъ Пристава и отъ иныхъ знатныхъ людей, которые прїѣзжали на посольскій дворъ, Посланники слышали, что ни которыхъ государствъ посломъ у Королевскаго Величества столовъ не бываетъ, кромѣ трехъ дней, а что де вамъ Великаго Государя Его Царскаго Величества Посланникамъ столы Королевскаго Величества съ великою со всякою честью и ни которыхъ государствъ посломъ и посланникамъ въ Испанскомъ государствѣ того не бывало: учиненъ такой образецъ вновь для Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества братскіе дружбы и любви.

Марта въ 8-й день Великаго Государя Его Царскаго Величества грамоту, которую подали Посланники Королевскому Величеству на посольствѣ будучи, принесъ посольскихъ дѣлъ Секретаріусъ Гавриль, а говорилъ: прислали де Его Королевское и Королевино Величество къ нимъ Посланникамъ для того, что той Царскаго Величества грамоты перевести у нихъ некому, и чтобъ де вы Посланники велѣли ту Царскаго Величества грамоту перевести своему переводчику.

Посланники говорили ему: Пославъ съ ними съ той Великаго Государя Его Царскаго Величества грамоты списокъ

на Латинскомъ языкѣ, и тотъ списокъ ему Гаврилу отдали, а велѣли донести до Королевскаго Величества.

Марта въ 16-й день приходилъ къ Посланникамъ тотъ же посольскихъ дѣлъ секретаріусъ Гавриль, и сказывалъ:

Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, со грамоты списокъ, что прислали вы Посланники къ Королевскому Величеству на Латинскомъ письмѣ, перевелъ онъ Гаврило на Испанскїи языкъ, и того де списка Великая Государыня ихъ Королева слушала сего мѣсяца въ 10-й день. А чомъ де тотъ списокъ передъ Королевинымъ Величествомъ одинъ канцлеръ ди Арагонъ, а въ то время у Королевины Величества ближнихъ людей, кромѣ его, никого ни было.

А послѣ того приказала Королевино Величество того списка слушать ближнимъ самымъ первымъ людямъ, шести человекамъ, которымъ приказалъ Государь ихъ Донъ Филиппъ Король, по смерти своей оберегать сына своего Карлуса Короля и въ духовной написалъ всякіе государственныя дѣла управлять до тѣхъ мѣстъ, какъ Великій Государь ихъ, Карлусъ Король, Его Королевское Величество будетъ въ возрастѣ.

А послѣ тѣхъ ближнихъ людей слушали всея полаты Думные Люди. И Королевино де Величество и Ближніе Люди удивляются безмѣрными дѣлы, что Великій Государь вашъ, Его Царское Величество къ брату своему къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству писалъ въ своей Царскаго Величества любительной грамотѣ съ превысокою братскою любовью и дружбою и съ великимъ прїятствомъ. И отъ такого любительнаго прїятства межъ Великимъ Государемъ вашимъ Его Царскимъ Величествомъ и Великимъ Государемъ Ихъ Королевскимъ Величествомъ впредь чаятъ великой братской любви и дружбы на вѣки.

Да онъ же Гавриль слышалъ, говорили Королевскаго Величества Ближніе люди въ то время, какъ слушали Великаго

Государя вашего, Его Царскаго Величества съ граматы списка: Государь де ихъ великій Филиппъ, Король Испанскій и Государство Испанское славное; а про то Великому Государю вашему, Его Царскому Величеству неизвѣстно, что Его Королевскаго Величества не стало, тому нынѣ четвертый годъ и грамата Великаго Государя вашего Его Королевскаго Величества писана къ Великому Государю ихъ Донъ Филиппу Королю, а не къ Карлусу Королю. И Ближніе люди въ неприязнство не ставятъ, и тому не удивляются, для того, что великое государство Московское отъ Испанскаго великаго государства въ самомъ дальнемъ разстояніи и ссылки у Государей ихъ Королей никогда съ Великимъ Государемъ вашимъ съ Его Царскимъ Величествомъ и съ прежними Великими Государями не бывало.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень ему Гаврилу говорили: Вѣдомо Королевскаго Величества Ближнимъ людямъ, что прежь сего у Великихъ Государей нашихъ Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, также и у Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца у Его Царскаго Величества съ Великимъ Государемъ ихъ, съ Его Королевскимъ Величествомъ сылокъ по се время за дальнимъ разстояніемъ не бывало, и Великому Государю нашему Его Царскому Величеству потому и неизвѣстно, что Государя ихъ Филиппа Короля не стало, и о томъ Ближнимъ Королевскаго Величества людямъ и самимъ мочно знать и великому удивленію себя не давать. А какъ ажъ дастъ Богъ, отпустить насъ Великій Государь ихъ Его Королевское Величество къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству, и свою Королевскаго Величества грамату къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству съ нами пошлетъ, и пословъ своихъ будетъ слать, и Великій Государь нашъ Его Царское Величество брата своего Великаго Государя вашего Его Королевскаго Величества именовать въ своихъ Царскаго Величества граматахъ впрёдѣ

учиетъ писать такъ, какъ Великій Государь вашъ въ своихъ любительныхъ граматахъ къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству будетъ писать, да и въ любительной Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества грамотѣ къ Великому Государю вашему къ Его Королевскому Величеству о томъ писано жъ.

Марта въ 17-й день говорилъ Посланникамъ Приставъ Францышка де-Лира: приказывали де ему Королевскаго Величества Думные люди, а велѣли у васъ Посланниковъ спросить: опричь тѣхъ дѣлъ Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, которые Королевскому Величеству объявили вы, будучи на посольствѣ, иныя какія дѣла съ вами наказаны ль? И чтобъ вамъ про то имъ Думнымъ людямъ объявить.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень къ королевскимъ Думнымъ людямъ съ Приставомъ приказали: что они въ отвѣтъ у нихъ Думныхъ людей быть готовы, только имъ напередъ надобно быть у Королевскаго Величества на дворѣ, и видѣть Его Королевскаго Величества очи, и челомъ ударить за Его Королевскаго Величества жалованье, за столы, что по Его Королевскому указу на посольскомъ дворѣ имъ, Посланникамъ и дворянамъ и всемъ посольскимъ людямъ, столы были полные. А бывъ у Королевскаго Величества, и къ нимъ Думнымъ людямъ въ отвѣтъ пойдемъ, и о дѣлахъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества, о которыхъ съ нами наказано, говорить будемъ. А чтобъ въ тотъ день и въ то время, какъ намъ быть у Королевскаго Величества, иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было.

И Приставъ сказалъ: Королевскаго Величества Думнымъ людямъ о томъ онъ извѣститъ и имъ Посланникамъ вѣдомо учинитъ.

Марта въ 18-й день Приставъ сказывалъ Посланникамъ: приказывали они Посланники, что въ отвѣтъ у Думныхъ людей быть готовы, только бѣ напередъ видѣть Королев-

скаго Величества очи, и потомъ идти къ Думнымъ людямъ въ отвѣтъ.

А въ отвѣтъ бѣ у Думныхъ людей быть на Королевскомъ же дворѣ. И въ Испанскомъ-де государствѣ того никогда не бывало, что Посланникомъ и Посломъ быть въ отвѣтъ на Королевскомъ дворѣ, и прежь видѣть Королевскаго Величества очи; бывають де послы въ отвѣтъ и дѣла объявляютъ на дворѣ у Думныхъ людей, у кого Королевское Величество укажетъ.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень съ Приставомъ приказывали Королевскаго Величества къ Думнымъ людямъ: присланы они отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, отъ Его Царскаго Величества къ брату его къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству, а не къ нимъ, Думнымъ людямъ. И имъ Царскаго Величества Посланникамъ, не бывъ у Великаго Государя ихъ, и не выдавъ Его Королевскаго Величества очей, и за Его Королевскаго Величества жалованье, за столъ, челомъ не ударя, къ Думнымъ людямъ въ отвѣтъ идти, и на королевскомъ дворѣ не мочно, а не токмо, чтобы въ отвѣтъ быть на дворѣ, у котораго Думнаго человѣка и дѣла-бѣ объявлять, и то не сбытное дѣло.

И Приставъ сказалъ: о томъ Королевскаго Величества онъ Думнымъ людямъ объявить, и имъ Посланникамъ вѣдомо учинить.

Марта въ 19-й день, сказывалъ Посланникамъ Приставъ Францышка де-Лира, что по указу Королевскаго Величества будетъ къ вамъ Ближній человѣкъ Его Королевскаго Величества, посольскихъ дѣлъ Думный Дьякъ Петръ Фернандъ говорить съ вами о государскихъ дѣлахъ, и чтобъ вамъ Посланникамъ о томъ было вѣдомо.

И Петръ и Семень Приставъ говорили: Королевскаго Величества Ближняго человѣка, кто будетъ къ нимъ присланъ

отъ Королевскаго Величества, для великихъ государскихъ дѣлъ, и они его со всякою достойною честью примуть.

Марта въ 23-й день въ понедѣльникъ Свѣтлыя недѣли пріѣзжали отъ Королевскаго Величества къ Посланникамъ посольскихъ дѣлъ Думный Дьякъ Петръ Фернандъ, да съ нимъ Приставъ Францышка де-Лира. Встрѣчали его переводчикъ, да подъячье на крыльцѣ, а дворяне въ сѣняхъ. Посланники въ полатѣ у дверей, гдѣ королевское мѣсто, и пошли въ полату, Стольникъ Петръ по правую сторону, а Думный Дьякъ Петръ Фернандъ по лѣвую сторону; и пришедъ въ полату сѣли въ креслахъ. И немного посидѣвъ, Петръ Фернандъ, вставъ и снявъ шляпу говорилъ рѣчь: прислала де его къ нимъ Царскаго Величества Посланникамъ Великая Государыня ихъ Дона Маріанна де-Устрія и велѣла объявить: Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества грамату любительную, Великая Государыня, ихъ Королева слушала и zelo радуется Его Царскаго Величества братской дружбѣ и любви и удивляется Его, Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества премудрому и высокому разуму, и просить у Господа Бога о томъ, чтобы Милосердый Господь Богъ межъ Великимъ Государемъ вашимъ, Его Царскимъ Величествомъ, и сыномъ ея, Государемъ нашимъ Карлусомъ Королемъ, Его Королевскимъ Величествомъ ихъ государскую братскую дружбу и любовь умножалъ на вѣки.

Также и о посольствѣ, какъ вы отпраляли отъ Великаго Государя отъ Его Царскаго Величества къ Великому Государю нашему, къ Его Королевскому Величеству и о любительныхъ поминкахъ Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества, Королевино Величество zelo радуется и за великое пріятство пріемлетъ.

Да вѣдомо Королевскому Величеству учинилось отъ Ближнихъ людей, что съ вами Посланники и иные государскіе дѣла къ Ихъ Королевскому Величеству наказано, и Великая Государыня ихъ Королева велѣла вамъ Посланникомъ видѣть свои Королевскаго Величества очи, а въ который день

вамъ у Ихъ Королевскаго Величества быть, о томъ вамъ учинять вѣдомо съ Приставомъ, чтобъ Ихъ Королевскому Величеству о всемъ вѣдать подлинно отъ Великаго Государя вашего отъ Его Царскаго Величества, сверхъ любительной граматы иные какіе дѣла съ вами наказаны, а что вы Посланники приказывали съ Приставомъ Королевскаго Величества къ Думнымъ людямъ, чтобъ тѣ дѣла, которые сверхъ Царскаго Величества граматы съ вами наказаны и о тѣхъ дѣлахъ говорить вамъ Королевскаго Величества съ Думными людьми въ отвѣтъ, видѣвъ Королевскаго Величества очи и въ Испанскомъ государствѣ того не бываетъ, чтобы посольскія и государства ихъ великія дѣла преждь Королевскаго Величества вѣдать Ближнимъ Думнымъ людямъ. Всякихъ дѣлъ преждь слушаетъ Королевское Величество, а потомъ укажетъ слушать самимъ Ближнимъ Думнымъ людямъ и вамъ Посланникамъ для Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества братскія дружбы и любви къ Великому Государю ихъ къ Его Королевскому Величеству тѣ дѣла, которые сверхъ Царскаго Величества граматы съ вами наказаны, поднести Королевино Величеству на письмѣ, чтобъ къ Великому Государю вашему, къ Его Царскому Величеству противъ его государской любительной граматы обо всемъ о томъ писать также съ великимъ любительствомъ, какъ Великій Государь Его Царское Величество писалъ въ своей Царскаго Величества граматѣ и о тѣхъ дѣлахъ, которыя сверхъ Царскаго Величества любительной граматы съ вами наказаны.

И Стольникъ Петръ и Дьякъ Семенъ Петру Фернанду говорили: слышимъ отъ тебя Думнаго человѣка, что Великая Государыня ваша Дона Марія де-Устрія, Божіею милостию Королева, выслушавъ грамату любительную Великаго Государя нашего милосердаго и хваламъ достойнаго Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣ-

дича и наследника и Государя обладателя, Его Царскаго Величества братской дружбѣ и любви zelo радуется и удивляется его государскому премудрому и высокому разуму и молитъ Господа Бога о томъ, чтобы Милосердый Господь Богъ межъ ими Великими Государями, какъ межъ Великимъ Государемъ нашимъ Его Царскимъ Величествомъ, также и сыномъ ея Великимъ Государемъ вашимъ Его Королевскимъ Величествомъ братскую дружбу и любовь умножилъ на вѣки.

Также и о посольствѣ, какъ отправляли отъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества къ Великому Государю вашему къ Его Королевскому Величеству и о любительныхъ поминкахъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества Королевино Величество zelo радуется и за великое пріятство пріемлетъ. И если Господь Богъ велитъ видѣть намъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества пресвѣтлыя очи, и о томъ о всемъ Великому Государю нашему Его Царскому Величеству извѣстимъ.

А у Королевскаго Величества быть и видѣть Ихъ Королевскаго Величества очи мы готовы, только бы въ тотъ день и въ то время иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было.

А отъ Великаго Государя нашего, отъ Его Царскаго Величества къ Королевскому Величеству, сверхъ королевской любительной граматы и сверхъ тѣхъ дѣлъ, что на посольствѣ будучи, Королевскому Величеству объявили, тайныхъ дѣлъ съ нами не наказано.

И чтобъ Королевское Величество велѣли имъ Посланникамъ видѣть свои Королевскіе очи, а послѣ быть у Думныхъ людей въ отвѣтъ на ихъ же королевскомъ дворѣ и о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ отъ Великаго Государя нашего, отъ Его Царскаго Величества съ нами наказаны въ отвѣтъ говорить съ Думными людьми, хотя у васъ того и не повелось, что посольскія и всякія великія дѣла преждь Королев-

скаго Величества вѣдать Ближнимъ Думнымъ людямъ, то въ ихъ Королевскаго Величества волѣ. А намъ мимо указа Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества учинить не мочно и Королевино бѣ Величество на насъ о томъ гнѣва не подержала, какъ намъ отъ Великаго Государя нашего, отъ Его Царскаго Величества наказано, такъ и дѣлаемъ, и тебѣ бѣ Думному Дьяку о томъ извѣстити Великой Государынѣ вашей, Ея Королевино Величеству.

И Думный Дьякъ Петръ Фернандъ сказалъ: о томъ доложить оу Королевскому Величеству и учинить имъ Посланникамъ вѣдомо и послѣ того подчивали его Посланники по чину посольскому и пили про многолѣтнее здоровье Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества и Королевскаго Величества и проводили его Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень до полатныхъ дверей, а дворяне до середняго крыльца; переводчикъ и подъячіе и толмачъ до нижняго крыльца; посольскіе люди до кареты, и поѣхалъ Думный Дьякъ къ Королевскому Величеству.

Марта въ 29-й день, ввечеру, пріѣзжалъ къ Посланникамъ Приставъ Францышка де-Лира и говорилъ: которую вы Царскаго Величества Посланника рѣчь наказывали съ Думнымъ Дьякомъ съ Петромъ Фернандомъ, а велѣли доложить Королевскому Величеству, и Думный Дьякъ Петръ Фернандъ Королевскому Величеству докладывалъ и Королевино Величество тѣ дѣла, которые отъ Великаго Государя вашего, отъ Его Царскаго Величества любительной граматы и о тѣхъ дѣлахъ по указу Царскаго Величества велѣно вамъ говорить въ отвѣтъ съ Думными людьми; и Королевино Величество велѣла вамъ Посланникамъ говорить: для Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества братскія дружбы и любви къ сыну ея, къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству, чтобъ тѣ дѣла подали вы на письмѣ Королевскому Величеству и о томъ бы вѣдать подлинно прежь Думныхъ людей Королевскому Величеству, а послѣ

Ближнимъ Думнымъ людямъ про то велить Королевино Величество объявить.

И для того, что Королевское Величество въ молодыхъ не въ взрослыхъ лѣтахъ, а мать его, Государыня ихъ, Королевино Величество остерегатель Его Королевскаго Величества здоровья, и всего государства Ишанскаго, посольскія и великія великія дѣла хочетъ Королевино Величество видать прежь Думныхъ людей и вамъ Посланникамъ за то, за что стоять, что тѣ дѣла Королевино Величеству на письмѣ подать по ихъ Королевскаго Величества изволенію, чтобъ ихъ Великихъ Государей братская дружба и любовь умножилась и возрастала на вѣки.

Посланники говорили: отъ Великаго Государя нашего, отъ Его Царскаго Величества тѣ дѣла, которые сверхъ Его Царскаго Величества любительной граматы, какову подали Королевскому Величеству на посольствѣ съ нами наказаны, а велѣно было о тѣхъ дѣлахъ говорить намъ въ отвѣтъ съ Ближними людьми Королевскаго Величества и о томъ мы съ тобою Приставомъ наказывали Ближнимъ королевскимъ людямъ и съ Думнымъ Дьякомъ съ Петромъ Фернандомъ о томъ говорили, чтобъ онъ извѣстилъ Королевскому Величеству, что мимо указа Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества учинить было того намъ не мочно, а нынѣ слышимъ мы отъ тебя Пристава, что Королевское Величество съ великимъ прошеніемъ къ намъ Посланникамъ изволили приказать о томъ, чтобъ тѣ дѣла поднести на письмѣ Королевскому Величеству, и когда то Королевскому Величеству годно, чтобъ тѣ дѣла, о которыхъ было въ отвѣтъ говорить съ Ближними людьми, подать на письмѣ Ихъ Королевскимъ Величествамъ, для того, чтобъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества и Великаго Государя вашего Его Королевскаго Величества братская дружба и любовь множилась и впредь бы имъ Великимъ Государямъ быть на вѣки въ братской дружбѣ и любви, хотя и не мочно было намъ того учинить только для того, чтобъ Ихъ Ве-

ликих Государей братскою дружбѣ и любви не къ нарушенію и дѣлу бѣ ихъ государскому ко веякому благополучному совершенію, буди по ихъ Королевскаго Величества изволенію. О тѣхъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества о дѣлахъ, о которыхъ было говорить намъ съ Ближними людьми въ отвѣтъ, подадимъ на письмѣ Королевскому Величеству, какъ увидимъ Ихъ Королевскіе очи.

Да и о томъ бы тебѣ Францишка де-Лира объявить Ближнимъ людямъ, а Ближніе бѣ люди довели до Королевскаго Величества: послана съ нами Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества опасная грамота на пословъ Королевскаго Величества.

А по указу Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества велѣно ту Его Царскаго Величества грамоту отдать Думнымъ людямъ, кто будетъ съ нами по королевскому указу въ отвѣтъ и о томъ бы Ихъ Королевскому Величеству было извѣстно жѣ.

И въ которой день намъ у Королевскаго Величества быть и въ тотъ бы день и въ то время иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было.

Апрѣля въ первый день Приставъ Францишка сказывалъ Посланикамъ: что по вашему посольскому приказу Королевѣ онъ докладывалъ о всемъ, и Королевское Величество велѣла вамъ сказать, что тѣ дѣла, которыя сверхъ Царскаго Величества грамоты съ вами наказаны, хотите подать на письмѣ для братскія дружбы и любви Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества съ Великимъ Государемъ нашимъ, съ Его Королевскимъ Величествомъ по ихъ Королевскому прошенію: и то Королевино Величеству zelo годно, и видитъ Королевское Величество, что вы желаете видѣть Великаго Государя вашего Его Царское Величество съ Королевскимъ Величествомъ въ вѣчной братской дружбѣ и любви, да и о томъ вамъ Королевино Величество велѣла говорить, чтобъ и грамоту Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества опасную на пословъ Королевскаго Ве-

личества, которая съ вами прислана, поднести бѣ Ихъ же Королевскому Величеству и велѣли вамъ Королевино Величество объявить, о томъ бы вамъ Царскаго Величества Посланикамъ не сомнѣваться, что изволила Королевино Величество ту грамоту Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества на пословъ себѣ подать, не презирая чести Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, по желая видѣть сына своего Карлуса Короля въ такой братской въ вѣчной дружбѣ и любви съ Великимъ Государемъ вашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, какъ и съ братомъ своимъ единокровнымъ съ Леопольдусомъ, Цесаремъ Римскимъ и васъ Пословъ Царскаго Величества также почитаетъ, какъ Цесарскихъ Пословъ.

Да и про то вамъ Королевино Величество велѣла объявить, въ которое время вамъ быть у Королевино Величества и видѣть Ихъ Королевино Величества очи и въ то время Королевскаго Величества не будетъ, потому-что въ молодыхъ лѣтахъ и никакихъ дѣлъ не знаетъ, а будетъ при Королевино Величествѣ одинъ Ближній человекъ, Дворецкій де-Атона.

А какъ дастъ Богъ, соверша Великаго Государя своего Его Царскаго Величества дѣло, будете у Королевскаго Величества на отпускъ, и въ то время Великая Государыня и Великій Государь Ихъ Королевское Величество будутъ вмѣстѣ и отпустятъ васъ къ Великому Государю вашему, къ Его Царскому Величеству отъ своего королевскаго лица со всякою достойною честью.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень говорили: Для Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества братскія дружбы и любви къ Великому Государю вашему къ Его Королевскому Величеству не противны Ихъ Королевскаго Величества волю, если въ чемъ мочно; и буде такъ годно Великой Государыни вашей, буди по Ея Королевино Величества изволенію; мы присланы отъ Великаго Государя нашего, отъ Его Царскаго Величества къ Ихъ Королевскому Величеству о братской дружбѣ и любви, а не споры чи-

ить, а какъ у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества въ посольскихъ обычаяхъ бываетъ и какъ намъ отъ Его Царскаго Величества наказано о его государскихъ дѣлахъ про то тебѣ сказывали, да и Ближнимъ людямъ о томъ велѣли объявить же.

Апрѣля въ 4-й день сказывалъ Посланникамъ Приставъ Францишка де-Лира: Королевскія Величества указали вамъ быть у себя нынѣшняго числа и видѣть Ихъ Королевскіе очи, чтобъ вамъ о томъ было вѣдомо, и сказавъ Приставъ Посланникамъ похвалъ къ Королю.

И послѣ того прѣхалъ на посольскій дворъ и говорилъ: чтобъ де вамъ Царскаго Величества Посланникамъ на меня пожаловать, не подивить, что поизмышкалъ на королевскомъ дворѣ. Былъ сего числа у Королевскаго Величества англійскій посоль и мнѣ де было къ вамъ вскорѣ быть невозможно. Извольте вхатъ къ Королевскому Величеству, а Королевино Величество васъ ожидаетъ, и кореты подъ васъ готовы.

И Посланники Приставу говорили: сего числа сказываешь былъ у Королевскаго Величества англійскій посоль прежь насъ и намъ быть нынѣ невозможно, да и говорено тебѣ о томъ, въ который день и въ которое время лучится быть у Королевскаго Величества, въ тотъ бы день и въ то время иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ никого не было, а ты о томъ намъ вѣдомо не учинилъ, что сегодня будетъ Англійскій посоль у Королевскаго Величества, а если бы намъ о томъ было вѣдомо и мы тебѣ отказали давно, что намъ послѣ Англійскаго посла у Королевскаго Величества никими мѣрами быть невозможно. Извести Королевино Величеству.

Да и о томъ доложи Королевино Величеству, въ которомъ числѣ намъ быть у Королевскаго Величества и видѣть ихъ Королевскіе очи, чтобъ въ тотъ день и въ то время иныхъ государствъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ не было.

Приставъ сказалъ: Королевино Величеству тотчасъ извѣсти о томъ, что вы мнѣ говорили, а на меня вамъ гнѣву не поддержать, что вамъ не объявилъ про Англійскаго посла забвеньемъ, то учинилось отъ многихъ дѣлъ, а не хитростію; и похвалъ тотчасъ къ Королю.

А кореты королевскіе въ то время были готовы у посольскаго двора.

И не много помотчавъ, Приставъ прѣхавъ сказалъ: Королевино Величеству онъ докладывалъ, о чемъ вы Посланники приказывали и Королевино де Величество велѣла вамъ сказать, что вамъ Царскаго Величества Посланникамъ не подивить на Ихъ Королевское Величество; учинилось то забвеньемъ, а Королевино Величеству надобно то, чтобъ Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества имени было все къ чести и впредь все къ дружбѣ и любви межъ ими, Великими Государями, и указала вамъ Посланникамъ видѣть свои Королевскаго Величества очи въ пятомъ числѣ сего мѣсяца или какъ вамъ годно, такъ извольте и вхатъ.

А что сегодня вамъ про Англійскаго посла вѣдомо не учинилъ, въ томъ пожалуйста не покручяньтесъ, учинилось то забвеньемъ, а не хитростію.

Апрѣля въ пятый день, въ воскресенье, часу въ осьмомъ дня, Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень у Королевскаго Величества были.

Съ королевскими кореты прѣвѣжалъ Приставъ Францишка де-Лира.

Въ первой каретѣ сидѣли Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень; противъ ихъ Приставъ Францишка де-Лира; въ двухъ коретахъ сидѣли дворяне и подьячіе. На королевскій дворъ прѣехали къ тому же крыльцу, какъ въ первомъ прѣвѣдѣ были.

Въ первой Королевиной полатѣ встрѣтилъ Посланниковъ Королевскаго Величества Дворецкій, который прѣвѣжалъ отъ Короля къ Посланникамъ и съ ними вхалъ, какъ

на Посольствѣ были, и встрѣта съ Посланники впитался.

И пошли къ Королеву въ полату Стольникъ Петръ по правую сторону; подлѣ его Дьякъ Семенъ; подлѣ Семена Дворецкій съ лѣвой стороны.

И пришедъ Стольникъ Петръ и Дьякъ Семенъ въ полату, и стали по близку отъ Королевина Величества и били челомъ на ихъ королевскомъ жалованьи и за ихъ королевскіе столы и поклонилися по обычаю.

И Королевино Величество велѣла Посланниковъ спросить о здоровьи Дворецкому Маркезу де-Атону и всѣ ли де Царскаго Величества люди въ добромъ здоровьи и во всякомъ покоѣ.

И Стольникъ Петръ и Дьякъ Семенъ говорили: милостию Господа Бога и Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и Государя и обладателя, Его Царскаго Величества счастьемъ въ добромъ здоровьи, и милостию Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества и вашимъ Королевскаго жалованьемъ во всякомъ покоѣ, и на вашемъ Королевскаго Величества жалованьи челомъ бьемъ.

И велѣла Королевино Величество Посланникамъ надѣть шапки.

Посланники Королеву по обычаю поклонилися на ея жалованье и шапокъ было не надѣли, для того, что Королева стояла.

И Королевино Величество велѣла говорить Посланникамъ Маркезу де-Атону въ другорядѣ, чтобы шапки надѣли и Посланники шапки надѣли, и не много постоявъ, сняли.

А послѣ того Стольникъ Петръ говорилъ рѣчь Королевиному Величеству:

А о чемъ вы Великая Государыня и сынъ вашъ, великій Государь, ваши Королевскія Величества къ намъ наказыва-

ли съ Думнымъ своимъ Дьякомъ съ Петромъ Фернандомъ и Приставомъ Францышкомъ де-Лира, которая дѣла отъ Великаго Государя нашего, отъ его Царскаго Величества сверхъ Великаго Государя нашего любительной грамоты съ нами наказаны, и тѣ бы дѣла объявить Вашему Королевскому Величеству на письмѣ, о которыхъ было дѣлахъ, по указу Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, велѣно намъ говорить съ вашими Королевскаго Величества съ Думными людьми въ отвѣтъ и грамоту Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества опасную, которая съ нами прислана на пословъ вашего Королевскаго Величества поднести вашему Королевскому Величеству.

А по указу Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества ту его Государскую грамоту велѣно было намъ отдать вашимъ Королевскаго Величества Думнымъ людямъ, которые съ нами по вашему Королевскому указу будутъ въ отвѣтъ.

А для Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества ко брату Его къ Великому Государю, къ сыну нашему, къ его Королевскому Величеству братскія дружбы и любви, а не смѣя, ваше Королевское Величество прогнѣвить, и того опасаяся, чтобы межъ вами Великими Государями, какъ межъ Великимъ Государемъ нашимъ Его Царскимъ Величествомъ вашей Государской братской дружбѣ и любви спонъ отъ того не учинилось, объявляемъ тѣ дѣла Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества Вашему Королевскому Величеству письмомъ.

И выговоря рѣчь, Стольникъ Петръ поднесъ Королеву грамоту Великаго Государя, Его Царскаго Величества опасную на пословъ Королевскаго Величества. И Королева приняла сама съ великою честью, и подержавъ, отдала Болрыню, которая стояла близко ея.

А послѣ того Стольникъ Петръ поднесъ Королеву на Латынскомъ письмѣ о тѣхъ дѣлахъ Великаго Государя Его Царскаго Величества, о которыхъ было говорить съ Думными людьми въ отвѣтъ.

И Королевино Величество, принявъ у Стольника Петра то письмо никому не отдава, положила за рукавъ.

И говорила Королевино Величество Посланникамъ: Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества грамоту опасную на пословъ нашихъ Королевскаго Величества, которую велъно вамъ, по указу Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества отдать Думнымъ нашимъ людямъ, будучи въ отвѣтъ, и отъхъ дѣлахъ рѣчь на письмѣ, о которыхъ было вамъ, Царскаго Величества Посланникамъ, говорить съ Думными нашими людьми въ отвѣтъ жь, намъ Королевино Величеству нынѣ подали, выслушаемъ сами, и противъ того велимъ вамъ отвѣтъ учинить. А что вы, хотя видѣть наше Королевское Величество съ Великимъ Государемъ вашимъ съ Его Царскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви навѣки, учинили по нашему изволенью, за то вамъ помоги Богъ.

Посланники поклонясь по обычаю, Королевино Величеству, изъ полаты пошли. Провожалъ тотъ же Дворецкій Королевскаго Величества до тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣтилъ.

Какъ Посланники были у Королевино Величества и въ то время сына ея Карлуса Короля въ той полатѣ не было. Королева стояла при Посланникахъ, не на Королевскомъ своемъ мѣстѣ, отступя далече къ окну безмѣрнымъ обычаемъ за просто. При Королевѣ стоялъ съ лѣвую сторону первый Ближній человекъ, чиномъ Майордома, Маркезь де Атона, по русски Бояринъ и Дворецкій; по правую сторону стояли вдовы и дѣвочки. Королева была въ такомъ же платьѣ, въ которомъ и на первомъ прѣздѣ; только передъ прежнимъ прибавки у Королевино Величества рукавъ сдѣланъ соболѣй, изъ любительныхъ поминокъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества. И у Боярынь у всѣхъ, которыя въ то время были при ея Королевино Величествѣ рукава собольныя.

А были Посланники у Королевино Величества въ полатахъ, а не въ Королевскихъ. Мѣсто ея Королевино чорными сукнами обито и кресла чернымижъ сукны покрыты.

Чиновъ никакихъ не было и безлюдно было безмѣрно. У сѣней ея Королевиныхъ пѣхоты человекъ съ десять стояли съ протазаны, которые на караулъ по вся дни бываютъ для обереганья ихъ Королевскаго Величества.

Дорогою ѣдучи съ посланники Приставъ говорилъ: Какъ де вы Посланники у Королевскаго Величества на посольствѣ были, и въ то время было при Королевскомъ Величествѣ безмѣрно многолюдно, а нынѣ для того было и безлюдно, что Королевино Величество изволила вамъ у себя быть такъ, какъ и брата своего Леопольдуса, Цесаря Римскаго Государемъ вашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ сыну ея Государю нашему, Его Королевскому Величеству быть въ братской дружбѣ и любви на вѣки.

Апрѣля въ 8-й день Приставъ Францышка говорилъ Посланникамъ: Великая Государыня и Великій Государь ихъ Королевскія Величества, велѣли вамъ Царскаго Величества Посланникамъ сказать: извольте посмотреть ихъ Королевскаго двора, на которомъ Королевское Величество бываетъ для потѣхи и Королевскаго Величества не токмо, что на потѣшный дворъ Королевскій ѣхать, куда ни изволисте тѣшиться ѣздить, всегда готовы кореты.

И Посланники говорили: Королевскому Величеству на милости челомъ бьемъ: по ихъ Государскому изволенью, гдѣ ихъ Королевское Величество изволитъ, туда и поѣдемъ.

Апрѣля въ 9-й день Стольникъ и Дьякъ Семенъ и Дворяне и все посольскіе люди Королевскаго двора и сада смотрѣть ѣздили.

Съ коретами прѣзжалъ Приставъ Францышка де Лира.

На потѣшный дворъ въѣхали въ каретахъ. Встрѣчали на дворѣ у нижняго крыльца Королевскіе Дворяне, человекъ съ десять, и пошли передъ Посланниками въ полаты съ Великимъ учтивствомъ и въ палатахъ оказывали всякое строенье.

Полаты строены съ ихъ обычаемъ вверхъ о трехъ жильяхъ. Въ палатахъ по стѣнамъ ковры, наборные золотомъ и сереб-

ромъ и шолковые браные разные образцы; столы въ полатахъ асиндные. Около всѣхъ полатъ сады и водызводные и травы узорами устроены разными; потому что зимы у нихъ и большихъ морозовъ никогда не бываетъ. Промежъ сада столпъ каменный, на немъ персана Филиппа четвертаго, Короля Испанскаго, вылита въ мѣди на лошади мѣданой же.

А бывъ въ Королевскихъ полатахъ и въ саду, вѣдчили верхами Посланики и Дворяне и всѣ посольскіе люди по изволеню Королевскаго Величества, смотреть большаго королевскаго сада. Лошади присланы были королевскіе, нарочно на тотъ дворъ.

А въ томъ саду яблоки, груши, дули, вишни, ядры миндалныя, ягоды вишныя, виноградъ, лимоны, оранцы, орѣхи грецкіе, кипарисы, фиичныя древа. А вода въ томъ саду приведена за двадцать верстъ: и устроены пруды, плотины каменные. Въ томъ же саду кляшторъ, строенье королевское; въ костелъ поникадило и лампы и подсвѣчники и рѣшетки серебряныя. И оказавъ въ садахъ и въ кляшторъ строенье всякое, Приставъ и дворяне королевскіе подчивали Посланиковъ и всѣхъ посольскихъ людей разными сахарами и виномъ Испанскимъ и водою коричною и лимонною, а прислано все было съ Королевскаго двора нарочно. А отъ города до того потѣшнаго королевскаго двора съ версту.

И какъ прѣехали Посланики на посольскій дворъ, и послѣ того приходилъ дворянинъ къ Посланикамъ съ королевскаго потѣшнаго двора, которому приказанъ тотъ королевскій дворъ, да съ нимъ тринадцать человекъ королевскихъ же людей съ хлѣбными ѣствами: устроены съ сахары и съ яблоки, да съ разными травами.

И пришедъ королевскій дворянинъ къ стольнику Петру въ полату говорилъ: Великая Государыня наша и великій Государь нашъ ихъ Королевскія Величества прислали къ вамъ Царскаго Величества Посланикамъ съ хлѣбными ѣствами, что сами ихъ Королевскія Величества кушаютъ, а по указу Королевскаго Величества тѣ хлѣбныя ѣствы

печены нынѣ на томъ ихъ Королевскомъ потѣшномъ дворѣ для вашего посольскаго прѣзда.

И стольникъ Петръ и Дьякъ Семень принявъ ѣствы, Королевскому дворянину говорили: Великой Государынь вашей и Великому Государю вашему ихъ Королевскому Величеству на ихъ Королевскаго Величества жалованье челомъ бьемъ. И того дворянина и всѣхъ посольскихъ людей подчивали и подарили Королевскаго Величества дворяницу пару соболей Великаго Государя, Его Царскаго Величества казны. А Королевскимъ людямъ, которые съ хлѣбными ѣствами приходили, Стольникъ Петръ далъ отъ себя по ефимку всемъ, и подчивали всѣхъ по чину посольскому.

Апрѣля въ 19-й день прѣвѣжалъ къ Посланикамъ Королевскаго Величества Думный Дьякъ Петръ Фернандъ дель Кампо, да съ нимъ приставъ Францишка де Лира.

И вшедъ въ полату съ Посланики виталися и съи по мѣстамъ.

И вставъ Думный Дьякъ говорилъ Посланикамъ: Великая Государыня наша и Великій Государь нашъ ихъ Королевскія Величества прислали его къ вамъ Царскаго Величества Посланикамъ и велѣли говорить. Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества опасную грамоту на пословъ Королевскаго Величества, которую вы посланики подали Королевице Величеству въ другомъ прѣздѣ, и рѣчь о тѣхъ дѣлахъ Великаго Государя Его Царскаго Величества, о чемъ было вамъ Посланикамъ говорить съ Близкими Думными людьми въ отвѣтъ Великая Государыня наша Королева слушала.

И Великаго Государя вашего его Царскаго Величества любительной пріятной присылкѣ радуется вседушно и zelo тому удивляется, что Великій Государь вашъ, Его Царское Величество для своей Государской братской дружбы и любви на Пословъ ихъ Королевскаго Величества свою Царскаго Величества опасную Грамоту прислалъ съ вами.

И у Всемогущаго Господа Бога милости просить, чтобъ Всемилостивый Господь Богъ межъ Великимъ Государемъ

вашимъ, Его Царскимъ Величествомъ, и сыномъ ея, Великимъ Государемъ нашимъ Карлусомъ Королемъ, Его Королевскимъ Величествомъ, ихъ Государскую братскую дружбу и любовь умножилъ на вѣки. Также и Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества дѣло, съ которымъ вы отъ великаго Государя вашего отъ его Царскаго Величества присланы, совершить въ братскомъ любительномъ пріятствѣ, чтобъ впредь имъ Великимъ Государемъ быть въ братской дружбѣ и любви навѣки.

И Пословъ своихъ Королевское Величество къ Великому Государю вашему, къ Его Царскому Величеству о братской дружбѣ и любви слать будутъ неотложно.

А какъ Великій Государь вашъ Его Царское Величество указать своего Царскаго Величества купецкимъ людемъ изъ Великаго Россійскаго Царствія призвать на корабляхъ Ишпанскаго Государства въ города, которые подъ державою Великаго Государя Нашего Его Королевскаго Величества, и тѣмъ купецкимъ людемъ Великаго Государя вашего Его Царскаго Величества во всѣхъ городахъ будетъ всякая повольность и свобода, какъ иныхъ государствъ торговымъ купецкимъ людемъ въ государствѣ ихъ бываютъ, и пошлину иматъ съ нихъ будутъ потомужъ, какъ и иныхъ государствъ съ торговыхъ людей въ Ишпанскомъ Государствѣ пошлину емлютъ.

А которые купецкіе торговые люди Великаго Государя Нашего, Его Королевскаго Величества похотятъ вхатъ въ Россійское Великое Государство къ пристанищу корабельному Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества къ Архангельскому Городу со всякими товары, и имъ отъ Королевскаго Величества о томъ повелѣно будетъ со всякою свободою, какъ и въ иные государства для купечества на корабляхъ ходить.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень говорили: Великой Государыни Вашей, Королевины Величеству и Великаго Государя вашего Его Королевскаго Величества къ Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Алексѣю Ми-

хайловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ Государствъ и Земель Восточныхъ и Западныхъ и Сѣверныхъ отчичу и дядичу и Наслѣднику и Государю и Обладателю, къ его Царскому Величеству, къ любительной братской дружбѣ и любви подвижность слышимъ, и чтобъ Господь Богъ межъ ихъ великихъ Государей ту братскую дружбу и любовь умножилъ на вѣки.

А какъ ажъ дастъ Богъ увидимъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества пресвѣтлыя очи и о томъ о всемъ Великому Государю Нашему Его Царскому Величеству извѣстимъ.

А Великій Государь Нашъ, Его Царское Величество прислалъ насъ къ брату своему, къ Великому Государю вашему къ Его Королевскому Величеству, хотя быть съ Великимъ Государемъ вашимъ, съ его Королевскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви, какъ Великій Государь Нашъ Его Царское Величество со всеми окрестными Великими Государями Христіанскими въ дружбѣ и любви пребываетъ и послы и посланники ссылаются.

А послѣ стольникъ Петръ и Дьякъ Семень Думному Дьяку говорили: Доложи Королевскому Величеству, о чемъ Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ любительной граматѣ къ Великому Государю вашему, къ Его Королевскому Величеству писано и что Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества сверхъ любительной граматѣ съ ними было наказано и мы то Королевскому Величеству объявили на письмѣ, по ихъ Королевскаго Величества изволенію.

И чтобъ Королевское Величество къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству противъ Его Царскаго Величества граматѣ съ нами въ своей Королевскаго Величества граматѣ и всемъ отписали, и насъ къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству отпустили незадержавъ и своихъ Королевскаго Величества Пословъ и Посланниковъ съ нами послали.

И Думный Дьякъ говорилъ: Великая Государыня наша

и Великій Государь нашъ ихъ Королевскія Величества, почитая любительную братскую присылку Великаго Государя вашего, Его Царскаго Величества, вамъ Посланникамъ рады, чтобъ въ Государствѣ ихъ вы были; а изъ Великаго Царствія въ Испанскомъ Государствѣ Послы никогда не бывали. А вы приказываете по часту, чтобъ васъ отпустить къ Великому Государю Вашему къ Его Царскому Величеству и какъ время то будетъ, то изволить Королевское Высочество васъ отпустить къ Великому Государю Вашему къ Его Царскому Величеству, и о томъ вамъ Посланникамъ ведомо учинить пристаѣтъ.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень Думному Дьяку говорили: Къ великому Государю Нашему Царю и Великому Князю Алексію Михайловичу вся Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, къ Его Царскому Величеству Королевскаго Величества грамота написана-ль?

И Думный Дьякъ сказалъ: къ Великому Государю вашему къ Его Царскому Величеству Королевскаго Величества любительная грамота готова будетъ вскорѣ, а какъ вы у Королевскаго Величества на отпуску будете и увидите Королевскаго Величества очи и послѣ того на другой или на третій день ту грамоту, что къ Великому Государю вашему, къ Его Царскому Величеству съ вами Королевское Величество посылаетъ, пришлетъ къ вамъ посланникамъ на посольскій дворъ съ нимъ, съ Думнымъ Дьякомъ или съ кѣмъ инымъ.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень говорили: У Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества въ посольскихъ обычаяхъ такъ бываетъ, отъ которыхъ Великихъ Государей Послы и Посланники къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству приходятъ и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество тѣхъ пословъ и посланниковъ жалуетъ на прѣздѣ и на отпускъ, велитъ имъ видѣть свои Царскаго Величества пресвѣтлыя очи и отпускаетъ ихъ отъ своего Царскаго Величества лица и грамоты къ тѣмъ Государямъ посламъ и посланникамъ подають при

Его Царскомъ Велиествѣ. Да и у всѣхъ великихъ Христіанскихъ Государей, у Цесаря Великаго и у королей, у Англійскаго и у Датскаго, и у иныхъ великихъ Государей и у королей такъ посламъ и посланникамъ бываетъ, отпускають отъ своего Государскаго лица и грамоты подають при нихъ Государямъ. И Государь бы ихъ Королевское Величество, хотя съ великимъ Государемъ нашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ быть въ братской дружбѣ и любви и въ сылкѣ на отпускъ велѣлъ бы намъ быть у себя и грамоту къ Великому Государю нашему къ Его Царскому Величеству велѣлъ отдать намъ при себѣ, Великому Государю, и отпустилъ насъ къ Великому Государю нашему къ его Царскому Величеству отъ своего Государскаго лица; то межъ ихъ великихъ Государей начало доброму дѣлу и любви. А какъ ажъ дасть Господь Богъ, у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества будутъ Великаго Государя вашего Его Королевскаго Величества Послы и Посланники и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество Государя вашего посламъ или Посланникамъ велитъ учинить по тому-же.

Думный Дьякъ Посланникамъ говорилъ: въ Испанскомъ Государствѣ того никогда не бывало, чтобъ посламъ или посланникамъ грамоты отдавать при Королевскомъ Велиествѣ.

Посланники ему говорили: Сказывалъ намъ ты, Думный Дьякъ, что Королевскія Величества Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества присылку пріемлютъ съ великою честью, чтобъ ихъ Государская дружба и любовь множилась на вѣки, за чтожъ такъ учинить, что къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству свою Королевскаго Величества грамоту прислать къ намъ на дворъ, а не при своемъ Королевскомъ Велиествѣ отдать. И то знатно въ началѣ, что неприятели Королевскаго Величества и не любовь является къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству.

А о которыхъ было дѣлахъ наказано намъ отъ Великаго Государя нашего, отъ его Царскаго Величества говорить съ Думными Королевскими людьми въ отвѣтъ и Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества грамоту опасную на пословъ Королевскаго Величества, Думнымъ же людямъ было отдать и тѣ дѣла Королевское Величество велѣлъ намъ подать на письмѣ и грамоту опасную Королевино Ве-

личество сама у насъ изволила принять; а учинили мы то для того, чтобъ межъ ими великими государями ко братской дружбѣ и любви, а не къ разорванію. А Королевскому Величеству грамоты своей къ Великому Государю нашему, къ его Царскому Величеству для чего намъ не отдать при своемъ Королевскомъ Величествѣ. Хотя того у насъ въ Государствѣ прежь сего не бывало, а для Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества присылки и братскія дружбы и любви мочно то и вновь учинить Королевскому Величеству.

И Думный Дьякъ говорилъ: Великая Государыня наша и Великій Государь нашъ ихъ Королевскія Величества, хотя бытъ съ Великимъ Государемъ вашимъ, съ его Царскимъ Величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви на вѣки, наипаче и того какъ съ иными Великими Государями во дружбѣ и любви пребываетъ. А то онъ объявилъ, какъ у нихъ въ посольскихъ обычаяхъ имѣется, въ томъ бы на него не подивить и о томъ обо всемъ, о чемъ вы посланники съ нимъ говорили, извѣстить Королевскому Величеству.

Стольникъ Петръ и Дьякъ Семень Думному Дьяку говорили: Доложи Королевскому Величеству и о томъ, чтобъ прежь отпуску нашего вельдья Королевское Величество съ любительныя своя грамоты, какову посылаютъ къ Великому Государю нашему, къ его Царскому Величеству прислать къ намъ на Латынскомъ языкъ списокъ, чтобъ отдать намъ подлинно, съ чѣмъ Королевскіе Величества къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству насъ отпускаютъ.

Да и о томъ Королевскаго Величества доложи, къ Великому Государю нашему, къ его Царскому Величеству, Королевскаго Величества любительная грамота на какомъ языкъ будетъ написана, надобно то намъ видѣть.

И Думный Дьякъ говорилъ: Къ Великому Государю вашему, къ его Царскому Величеству, Королевскаго Величества чать написана будетъ на Ишпанскомъ языкъ, а о чемъ вы посланники съ нимъ говорили и онъ о томъ о всемъ извѣстить Королевскому Величеству.

А что Королевскаго Величества о томъ указъ будетъ и онъ вамъ вѣдомо учинить; и повхалъ съ посольскаго двора къ Королевскому Величеству.

Продолженіе будетъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

3-го октябля, въ 7 часовъ утра, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ изволилъ выѣхать изъ станицы Бѣлогорской дамы, по тракту чрезъ Сурамъ, въ Ахалцихъ. На границѣ Ахалцихскаго уѣзда, Его Императорское Высочество встрѣченъ былъ уѣзднымъ начальникомъ, беками и почетнѣйшими жителями. По прибытіи въ Ахалцихъ, Его Императорское Высочество, встрѣченный и сопровождаемый радостными кликами народа, изволилъ войти въ соборную армяно-грегоріанскую церковь, гдѣ встрѣченъ былъ епархіальнымъ архіепископомъ Карапетомъ, съ духовенствомъ, съ крестомъ и святою водой. По отслуженіи краткаго молебствія о здравіи и благоденствіи Государя Императора и благополучномъ совершеніи путешествія Государемъ Цесаревичемъ, Августѣйшій посѣтитель изволилъ перейти къ дому, въ оградѣ церковной, гдѣ въ тѣхъ же самыхъ покояхъ изволилъ останавливаться Государь Императоръ, въ незабвенное посѣщеніе Закавказскаго края въ 1837 году. Здѣсь Его Императорское Высочество принялъ почетный караулъ, въ которомъ многіе нижніе чины имѣли знаки военнаго ордена и заслужили благодарность Государя Цесаревича за вѣрную службу свою Его Импера-

К. XII. — Отд. II.

торскому Величеству. Потомъ имѣли счастье представлять-ся воинскіе и гражданскіе чины, почетнѣйшіе жители и мусульманское духовенство. Вечеромъ городъ и крѣпость были прекрасно иллюминированы.

4-го октября, поутру, Его Императорское Высочество изволило осматривать позицію во-время осады и штурма Ахалцхской-крѣпости русскими войсками въ 1828 году, подъ начальствомъ Его Сибирскости Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Ериванскаго; причемъ начальникъ гражданскаго управленія, Генерал-Лейтенантъ Бебутовъ, сопровождающій Государя Цесаревича въ путешествіи по Закавказскому-краю, и участвовавшій въ 1828 году въ славномъ штурмѣ Ахалциха, имѣлъ счастье объяснить Его Императорскому Высочеству подробности взятія крѣпости, и потомъ, въ 1829 году, мужественной защиты ея, подъ личнымъ его начальствомъ, противъ двадцати тысячъ Турковъ, подступившихъ неожиданно, бросившихся на штурмъ крѣпости, и по отбитіи еще десять дней блокировавшихъ стѣны Ахалциха, защищаемого 9-ю ротами шхоты. Потомъ Его Императорское Высочество изволило осматривать: самую крѣпость, православную церковь, перестроенную изъ мечети Ахмед-паша, цитадель, пороховой погребъ, артиллерійскія и линейнаго батальона казармы, военный госпиталь, и всѣми этими частями остался весьма доволенъ. Въ тотъ-же день, въ 9 часовъ утра, Государь Наслѣдникъ выѣхалъ изъ Ахалциха по тракту не почтовому, въ Александрополь, гдѣ, по гористому мѣстоположенію, Его Императорское Высочество изволило ѣхать верхомъ до с. Аспиндзъ, расположеннаго у подошвы горы Чубуретской. Въ Аспиндзѣ приготовленъ былъ завтракъ, въ палаткѣ, окруженной многочисленными толпами народа, стекавшаго изъ всѣхъ окрестныхъ и далекихъ мѣстъ. Всѣ жители края спѣшати на разные пункты пути слѣдованія Государя Наслѣдника, чтобы имѣть счастье насладиться лицезрѣніемъ свѣтлаго Августѣйшаго гостя, навѣки запечатлѣть въ памяти благоклонную его привѣтливость и отъ полноты души прокличать «ура!» во изъявленіе радости и пожеланія здравія виновнику торжества сдѣлаго края. Такъ было и здѣсь въ Аспиндзѣ, при томъ за здравіе Государя Императора и потомъ Государя Наслѣдника — восторженное «ура» неумолкало, и далеко повторилось эхомъ горъ, окружающихъ Аспиндзу живописными и чудными видами. Въ тотъ-же

день, въ 10 часовъ вечера, Государь Цесаревичъ прибылъ на почлегъ въ Ахалкалаки.

5 октября, Его Императорское Высочество изволило осматривать ахалкалакскіе крѣпостные верки и воинскія помѣщенія. Затѣмъ имѣли счастье представляться Государю Наслѣднику почетные жители изъ Армянъ и Мусульманъ окрестныхъ мѣстъ, послѣ чего Его Императорское Высочество отправился въ дальнѣйшій путь по тракту въ Александрополь, куда и прибылъ въ пятомъ часу по-полуночи, будучи встрѣченъ радостными и восторженными кликами, собравшагося въ большомъ числѣ народонаселенія, какъ города Александрополя, такъ и окрестныхъ мѣстъ. Его Императорское Высочество изволило прямо отправиться въ крѣпостную церковь, потомъ осматривалъ крѣпостные верки, казармы, госпиталь, артиллерійскіе склады, и осмотровыми частями остался совершенно доволенъ. Изъ крѣпости Государь Наслѣдникъ отправился въ приготовленные покои, предъ тѣмъ принявъ почетный караулъ, состоявшій изъ роты Грузинскаго Линейнаго № 3-го батальона, а также удостоить принять почетный караулъ отъ жителей города Александрополя, составленный изъ 12 молодыхъ переселенцевъ изъ Армянъ, вооруженныхъ и одѣтыхъ отлично и богато, конвоировавшихъ на другой день съ прочими почетнѣйшими жителями города.

6-го октября, въ 7 часовъ утра, Его Императорское Высочество изволило дѣлать смотръ Грузинскому линейному № 3 батальону, и оставшись чрезвычайно доволенъ, какъ бодрымъ видомъ нижнихъ чиновъ, такъ и фронтальнымъ ихъ образованіемъ и обмундировкой, изволило изъявить строю и офицерамъ благодарность отъ имени Государя Императора за вѣрную и усердную ихъ службу, при чемъ нижнимъ чинамъ пожаловалъ по четверти рубля на человека. По осмотрѣ сего батальона, Государь Цесаревичъ отправился въ путь къ Ечмиадзинскому первопрестольному армянскому монастырю, куда изволило прибыть въ 5 часовъ вечера.

Далеко за оградой монастырской, Патриархъ и Католикосъ всѣхъ Армянъ, Персесъ съ постоянною при немъ стражею, встрѣтили Государя Наслѣдника, по древнему монастырскому обычаю, съ хоругвями и патриаршими знаками. Его Императорское Высочество изволило выйти изъ экипажа, принять благословеніе Его Святѣйшества, и потомъ съ Патриархомъ отправился въ коляскѣ къ монастырю. За 200

саженъ предъ врагами Ечмиадзинской обители многочисленное духовенство монастыря, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, святою водою, хоругвями и образами встрѣтило Августѣйшаго Посѣтителя, и Государь Наслѣдникъ, вступивъ въ монастырь при пѣніи священныхъ гимновъ и колокольномъ звонѣ, изволилъ войти въ самый соборъ, гдѣ, по отслушаніи краткаго молебствія, прикладывался къ Святому Копію и мощамъ Угодниковъ и за тѣмъ отправился въ древнія патриаршія палаты, великолѣпно украшенныя въ восточномъ вкусѣ. За обѣдомъ, престарѣлый Католикосъ предложилъ тосты за здравіе и долголѣтіе Государя Императора, потомъ и Августѣйшаго посѣтителя первопрестольной армянской обители — Государя Наслѣдника, принятые всеми съ единодушнымъ восторгомъ. Его Императорское Высочество провозгласилъ тостъ за здравіе Патріарха Нерсеса.

7 октября, Его Императорское Высочество изволилъ осматривать со всею подробностію древности и сокровища Ечмиадзинскаго храма, и вторично прикладывался къ святымъ мощамъ многихъ Апостоловъ и другихъ Угодниковъ. Потомъ, по обзорѣ обширныхъ трапезныхъ залъ, помѣщенія Ечмиадзинскаго Синода и древней монастырской библіотеки, предъ выѣздомъ въ Еривань, дѣлалъ смотръ Кенгерлинской конницѣ, выстроившейся, съ Высочайше пожалованнымъ ей знаменемъ, за оградой монастыря. Государь Наслѣдникъ изъявилъ Кенгерлинцамъ свое удовольствіе, и объявилъ имъ отъ Имени Государя Императора благодарность за усердную ихъ службу. Отправившись въ Еривань, и прибывъ туда, Его Императорское Высочество изволилъ войти въ крѣпостной соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ священникомъ съ крестомъ и святою водою. Потомъ Государь Наслѣдникъ осматривалъ старый сардарскій домъ, комнату, гдѣ въ 1837 г. изволилъ провести ночь Государь Императоръ, и гдѣ до-сихъ-поръ сохранилась собственноручная надпись Его Императорскаго Величества. Послѣ того Его Императорское Высочество осматривалъ арсеналъ, крѣпостныя верки и пунктъ атаки Ериванской-крѣпости въ Персидскую-войну 1827 года, подъ начальствомъ Князя Варшавскаго, Графа Паскевича-Ериванскаго. Подробности этой атаки имѣлъ счастье объяснить Его Императорскому Высочеству Начальникъ Главнаго Штаба войскъ находящихся на Кавказѣ, Генерал-Адъютантъ Коцебу, находившійся тогда

при войскахъ, осаждавшихъ Еривань. Потомъ Государь Наслѣдникъ изволилъ осматривать въ городѣ лавки, караван-сарай, главную магометанскую мечеть, и вездѣ былъ сопровождаемъ восторженными и радостными клякми народа. Въ городѣ Государь Наслѣдникъ удостоился посѣщеніемъ женское благотворительное заведеніе Святыя Рипсимы и Ериванское Уздное Училище, состояніемъ которыхъ она весьма доволенъ.

Въ тотъ-же день, въ 3 часа по-полудни, при собраніи всѣхъ лицъ, составлявшихъ свиту и сопровождающихъ въ путешествіи Его Императорское Высочество, а также всѣхъ воинскихъ и гражданскихъ чиновъ и почетныхъ жителей Еривани, Государь Наслѣдникъ изволилъ принимать, по церемоніалу, соображенному съ восточнымъ этикетомъ, высокостепеннаго и высокопочтеннаго Азис-хана, посланника отъ Его Величества Наср-Еддина, Шаха Персидскаго, прѣбывающаго въ Еривань съ поздравленіемъ о благополучномъ прибытіи Августѣйшаго Посѣтителя и для поднесенія Его Императорскому Высочеству осыпаннаго брилліантами портрета Шаха и высшаго знака персидскаго ордена Льва и Солнца. Послѣ этого Азис-ханъ имѣлъ счастье представлять Государю Наслѣднику прибывшихъ съ нимъ сановниковъ, и затѣмъ откланялся.

8-го октября, по отслуженіи въ крѣпостномъ соборѣ Божественной Литургіи, Его Императорское Высочество изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь; на 15 верстѣ отъ Еривани осмотрѣлъ Грузинскій линейный № 4-го батальонъ, и оставшись онымъ доволенъ, прибыть изволилъ въ вожделѣнномъ здравіи на ночлегъ въ Делижань.

9-го октября, въ 7 часовъ утра, сопровождаемый Казахскими Агаларами, Его Императорское Высочество изволилъ продолжать путешествіе большею частию верхомъ, по случаю дурной дороги отъ сильныхъ дождей, начавшихся съ самаго Ечмиадзинскаго монастыря. Въ 10 часовъ по-полудни того же дня, Государь Наслѣдникъ прибылъ верхомъ, кратчайшею дорогою чрезъ горы, отъ Астан-Беглинской на Салаоглинскую станцію, на Елисаветопольскомъ трактѣ.

Здѣсь Его Императорское Высочество изволилъ принять почетныя караулы отъ Грузинской дружины, отъ которой одна сотня прибыла для этой цели изъ Кахетіи, и отъ Казахскихъ Агаларовъ, изъ которыхъ многие удостоились высокаго вниманія Августѣйшаго Посѣтителя. До полуночи,

площадка предъ станицею, уставленная двумя рядами больших кибитокъ, назначенныхъ для ночлега свиты и сопровождающихъ, была иллюминирована шкालками и разноцветными фонарями, а горы большими кострами огня. Предъ кибитками толпились Татары, оглашавшие окрестность громкими «ура», а сотня Грузинской дружины шла по-русски гимнь: *Боже царя храни!*

10-го октября, предъ выездомъ въ дальнѣйшій путь, по тракту въ Елисаветополь, Его Императорское Высочество изволилъ дѣлать смотръ сотнѣ Грузинской дружины, представлявшей прекрасный строй, въ удобномъ, однообразномъ туземномъ костюмѣ, приспособленномъ къ мѣстнымъ потребностямъ. Костюмъ этотъ состоятъ: изъ бѣлой павѣхи; малиноваго сафьяна, бешмета съ короткими рукавами, подъ которымъ есть другой бешметъ съ длинными рукавами, узкаго исподняго платья, кожаныхъ штиблетъ и обуви въ родъ сандалій. Вооруженіе: кинжалъ, шанка и ружье, патронташъ и сумка съ десяти-дневнымъ провіантомъ. Всѣ ружейные приемы исполняются по командѣ на грузинскомъ языкѣ. Дружина эта состоитъ изъ 1,000 человекъ, и содержитъ посты на Левгинской кордонной линіи. Его Императорское Высочество, осмотрѣвъ этотъ прекрасный строй, остался имъ весьма доволенъ, и отъ Имени Государя Императора изволилъ изъявить имъ благодарность за верную и храбрую ихъ службу. Громкое и радостное «ура» не умолкало и тогда, когда уже Государь Наслѣдникъ изволилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, въ сопровожденіи большого числа Казахскихъ Агаларовъ.

Храбрая дружина, воспламенившись высокимъ вниманіемъ, оказаннымъ ей Его Императорскимъ Высочествомъ, бросилась бѣгомъ за колыскою Наслѣдника Цесаревича и провожала полверсты, не переставая оглашать воздухъ радостнымъ крикомъ ура! и сердечнымъ желаніемъ счастливаго и благополучнаго пути Его Императорскому Высочеству. Государь Наслѣдникъ въ 7 часовъ по-полуночи изволилъ прибыть въ г. Елисаветополь, улицы и дома котораго были великолѣпно освѣщены, какъ равно и крѣпость, и наполнены толпами жителей, оглашавшихъ воздухъ радостнымъ крикомъ, при неумолкаемой азіатской музыкѣ. По принятіи почетнаго караула отъ роты Мингрельскаго егерскаго полка, которымъ Наслѣдникъ Цесаревичъ остался весьма доволенъ, Его Императорское Высочество

изволилъ войти во дворецъ приготовленнаго для Него дома, у воротъ котораго, по древнему азіатскому обыкновенію, встрѣтили баяерки и плясавшія съ кастаньетами, при оглушительныхъ звукахъ національной музыки, сопровождал такимъ-образомъ Августѣйшаго Посвѣтителя до крыльца; подъ балкономъ дома, занимаемаго Его Императорскимъ Высочествомъ, продолжались пляски байдерокъ до поздней ночи, при степеніи всѣхъ жителей города; между-тѣмъ сожженъ былъ фейерверкъ, приготовленный самими жителями, въ азіатскомъ вкусѣ, на что Его Императорское Высочество неоднократно изволилъ изъявлять Свое удовольствіе. При каждомъ появленіи Его Императорскаго Высочества на балконъ, воздухъ оглашался крикомъ радости, и часто слышались, въ восхищенной толпѣ, восклицанія жителей, съ восторгомъ обращавшихъ взоры свои на Наслѣдника Цесаревича: *Ахъ какой молодецъ! Ахъ какой красавецъ! Дай Богъ ему здравія и долгодѣтія!*

11 числа, Государь Наслѣдникъ изволилъ осматривать главную мечеть, окруженную колоссальными чинарами, и комнату въ оградѣ оной, гдѣ въ 1803 году Генераль Князь Цицановъ имѣлъ свое пребываніе. Оттуда Его Императорское Высочество изволилъ верхомъ отправиться въ крѣпость, и отслушавъ краткое мѣлебствіе въ крѣпостной церкви, подробно разсматривалъ планъ осады и диспозицію штурма на фашъ, гдѣ при взятіи Ганжи убитъ былъ Джават-ханъ, защищавшій эту крѣпость, какъ владѣтель ханства Ганжинскаго; съ этой-же батареей Его Императорскому Высочеству указано было мѣсто, гдѣ раненъ былъ въ первый разъ, въ 1803 году, Генераль Петръ Стенановичъ Котляревскій, бывшій тогда обер-офицеромъ, а въ-послѣдствіи извѣстный герой Асландуза и Ленкорани. На этомъ самомъ мѣстѣ, по распоряженію Г. Намѣстника Кавказскаго, Князя Воронцова, участвовавшаго при осадѣ Ганжи, предполагено воздвигнуть памятникъ Генералу Котляревскому.

По окончаніи сего обзора, Его Императорское Высочество изволилъ выехать, въ 8 часовъ утра, по пути къ Шемахѣ, и не достигая 16 верстъ до Мингечаурской переправы, Государь Наслѣдникъ изволилъ охотиться ястребами на фазановъ и турачей, которыхъ въ продолженіе часа поймано было несколько штукъ.

На Мингечаурской переправѣ, границѣ Шемахинской губерніи съ Тифлисскою, Его Императорское Высочество

встреченъ былъ исправляющимъ должность Шемахинскаго Военнаго Губернатора, Шаинскимъ и Нухинскимъ уздскими Начальниками, ханами, беками и почетными жителями сихъ уздовъ, которые имѣли счастье тутъ-же представляться Наслѣднику Цесаревичу.

Предъ переправой чрезъ Куръ, на лодкѣ, съ щегольски-одетыми гребцами, нарочно приготовленной откупщиками Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, почетными гражданами Миримановымъ и Арпакуни, Его Императорское Высочество милостиво изволило благодарить Елисаветопольскаго Узднаго Начальника, Подполковника Князя Орбелиянова. Только что лодка отчалила отъ берега, какъ громогласное ура! раздадось на обоихъ берегахъ рѣки, устьянныхъ толпами собравшихся изъ разныхъ мѣстъ жителей; восторженные крики радости сопровождались ружейною пальбою, неумолкавшею до выхода на берегъ Его Императорскаго Высочества. Государь Наслѣдникъ изволилъ имѣть почлегъ на Гогчайской почтовой станицѣ.

12 числа, Его Императорское Высочество, въ 4 часа полудни, изволило въѣхать въ г. Шемаху верхомъ, окруженный свитою и сопровождавшими Его особами, при стеченіи многочисленнаго народа, оглашавшаго воздухъ радостными кликами. Впереди поезда, при звукахъ азіатской музыки, борцы и плясуны истощали все свое искусство, чтобы изъяснить радость встрѣчи мирнаго и свѣтлаго Гостя. Государь Наслѣдникъ, не заѣжая на квартиру, изволило остановиться предъ мусульманскою школою Сунитскаго исповѣданія, гдѣ встрѣченъ былъ почтеннымъ духовенствомъ и преподавателями, осмотрѣлъ это заведеніе, потомъ изволило посѣтить: мусульманскую школу Шитскаго исповѣданія, Учебное Заведеніе Св. Нины и Уздное Училище; во всѣхъ сихъ учебныхъ заведеніяхъ Его Императорское Высочество благосклонно разговаривало съ учащимися, а преподавателей разспрашивало о методѣ обученія, и вездѣ милостиво обращаясь къ молодымъ ученикамъ, какъ въ мусульманскихъ школахъ, такъ равно и въ Уздномъ Училищѣ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изъяснилъ надежду, что они, современемъ, несомнѣнно содѣлаются полезными членами общества и вѣрными слугами Государя Императора. При домѣ, приготовленномъ для пребыванія Его Императорскаго Высочества, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволило принимать почетный караулъ отъ Грузинскаго

линейнаго № 10 батальона, и послѣ, почетный-же караулъ, съ Высочайше-пожалованнымъ знаменемъ, составленный изъ хановъ и бековъ Шемахинской губерніи; отъ обоихъ почетныхъ карауловъ изволило принимать ординарцевъ и вѣстовыхъ; оставшись ими весьма доволенъ, отъ Имени Государя Императора всемъ вообще изволило объявить благодарность за вѣрную и усердную ихъ службу. У входа въ залу, Его Императорское Высочество истрѣченъ былъ почетными жителями г. Шемахи съ хлѣбомъ-солью. За обѣденнымъ столомъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Его Императорскаго Высочества, осчастливившаго высокимъ Своимъ пощещеніемъ Шемахинскую губернію; вожделанный этотъ тостъ, единодушно, съ восторгомъ принятый, сопровождался неумолкаемымъ ура! въ знакъ искренней радости всѣхъ присутствовавшихъ, наслаждавшихся лицезрѣніемъ свѣтлаго Гостя—Наслѣдника обожаемаго нашего Монарха.

Городъ былъ великолѣпно иллюминированъ: крыши и стѣны церквей, мечетей, караван-сараявъ, лавокъ и частныхъ домовъ, были унизаны огнями, повсюду сіяли вензеловыя изображенія имени Августѣйшаго посѣтителя, милостивымъ и благосклоннымъ вниманіемъ Своимъ обворожавшаго всѣхъ вообще обитателей осчастливленнаго, радостнымъ посщещеніемъ, Закавказскаго края.

Въ 10 часовъ вечера, когда Государь Цесаревичъ изволило находиться въ кругу Своей свиты и сопровождающихъ Его особъ, доложили Его Императорскому Высочеству о приходѣ азіатскихъ музыкантовъ съ молодыми плясунами и балдерками, желающихъ имѣть счастье, въ присутствіи Его Императорскаго Высочества показать свое искусство въ пѣніи и пляскахъ: по полученіи дозволенія, музыканты начали играть и пѣть, а плясуны и силачи, выказывая проворство, гибкость и силу членовъ, удивляли своимъ искусствомъ; послѣ чего балдерки плясали съ кастаньетами танецъ въ родѣ качучи; новое это зрѣлище азіатскаго увеселенія заслужило вниманіе, и Его Императорское Высочество изволило приказывать щедро одарить этихъ восточныхъ артистовъ.

13 числа, утромъ, имѣли счастье представляться Его Императорскому Высочеству военные и гражданскіе чиновники, ханы, беки и почетные жители; послѣ чего Государь Наслѣдникъ, осмотрѣвъ Грузинскаго Линейнаго № 10 батальона казармы и лазаретъ, и оставшись весьма дово-

лень, изволял осмотреть вновь выстроенную, и удивленіем братьевъ Пересосовыхъ, армяногригоріанскую церковь, съ, по освященіи оной, при первомъ-же богослуженіи предположено Армянами принести первыя молитвы Всевышнему о долголѣтій Государя Императора и Наслѣдника Его, собственнаго первымъ храмъ сей; а въ 8 часовъ по-полудни изволялъ вытхать въ г. Баку, куда въ вожделѣнномъ здраниіи прибылъ около 8 часовъ по-полудни. Все жители города Баки ожидали у крепостныхъ воротъ, съ факелами. Его Императорское Высочество встрѣченъ былъ здѣсь селеніемъ Армянъ и Мусульманъ, съ хлѣбомъ-солью, и съ всеобщимъ восторгомъ и радостными восклицаніями всѣхъ Бакинцевъ сопровождаемъ былъ до приготовленной для пребыванія Его квартиры, гдѣ изволялъ принимать почетныя караулы отъ Грузинскаго линейнаго № 9-го батальона и отъ бековъ, которыми Его Императорское Высочество остался доволенъ.

Г. Баку съ крѣпостью, окрестныя горы, суда, на рейдѣ стоящія, берега и даже самое море * пылали яркимъ огнемъ; вензеловыя изображенія Августѣйшаго имени обновника общаго этого торжества сіяли въ разноцвѣтныхъ огняхъ по разнымъ мѣстамъ, — восторгъ всюду былъ всеобщій, и радостныя клики не умолкали до поздней ночи.

14 числа пѣвали счастье представлялся Его Императорскому Высочеству военные и гражданскіе чиновники, ханы, прибывшіе изъ Ленкоранскаго уззда, беки и духовенство, послѣ чего Его Императорское Высочество изволялъ дѣлать смотръ Грузинскому линейному № 9 батальону, которымъ остался весьма доволенъ; по окончаніи церемоніальнаго марша, Его Императорское Высочество съ открытою головою изволялъ подойти къ памятнику, воздвигнутому по распоряженію Намѣстника Кавказскаго, Кн. Михаила Семеновича Воронцова, Кн. Цицианову, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ 1806 году герой сей измѣнически былъ умерщвленъ бакинскимъ ханомъ. За сѣмъ Его Императорское Высочество, осмотрѣвъ училища: уздское и мусульманское, казармы и лазаретъ морскаго вѣдомства, и отслушавъ краткое молебствіе въ церкви морскаго-же вѣдомства, изволялъ обзрѣвать старый домъ бывшихъ бакинскихъ хановъ, при-

* Для этого разбиваютъ по гладкой поверхности спокойнаго моря нефть и зажигаютъ ее

шедшій уже въ разрушеніе, и артиллерійскіе склады, помещаемые въ уцѣльвшихъ частяхъ этого замѣчательнаго зданія.

Того-же числа, въ половинѣ 4 часа по-полудни, Его Императорское Высочество изволялъ отправиться къ нефтянымъ колодцамъ, называемымъ *Балахана*, состоящимъ въ откушномъ содержаніи у тифлисскихъ гражданъ Кухуджанова и Мириманова, которые на вопросы Его Императорскаго Высочества о состояніи сего заведенія, о количествѣ добываемой нефти, о сбытѣ оной и прочее, имѣли счастье въ подробности объяснить Его Императорскому Высочеству. По обзорѣнн въ подробности Балаханскихъ источниковъ, Государь Наслѣдникъ изволялъ продолжать путь къ бакинскимъ вѣчнымъ огнямъ, называемымъ Сурахана, куда уже прибыть изволялъ въ сумерки; неугасимые огни въ оградѣ хана Индійцевъ и за оною освѣщали многочисленныя толпы собравшагося народа со всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, чтобы удостоиться лицезрѣнія Августѣйшаго Посѣтителя. Его Императорское Высочество изволялъ приказать въ нѣсколькихъ мѣстахъ разрывать землю, которая, по прикосновенію огня, мгновенно воспламенялась; Его Императорскому Высочеству благоудно было видѣть богослуженіе Индійцевъ по обряду ихъ религіи; это было исполнено, и мы поняли только, въ продолженіе этого служенія, что огнепоклонники упоминали Имена Государя Императора, Наслѣдника Его и всю Императорскую Фамилію. Богослуженіе началось тѣмъ, что одинъ изъ Индійцевъ трубилъ нѣсколько разъ въ раковину, а послѣ, до окончанія, оно сопровождалось звуками колокольчиковъ, тарелокъ и треугольниковъ; окончивъ моленіе, одинъ изъ Гебровъ поднесъ Его Императорскому Высочеству на тарелкахъ леденецъ, которымъ подчивалъ послѣ всѣхъ присутствовавшихъ.

Его Императорское Высочество, обзорѣвъ въ подробности обиталище этихъ поклонниковъ вѣчнаго огня, и разспросивъ, кто изъ нихъ и съ какого времени находится при огняхъ, изволялъ щедро наградить отшельниковъ, и принимая обратный путь въ Баку. Отъ вѣчныхъ огней до г. Баки около 12-ти верстъ; дорога эта вся была освѣщена нефтяными факелами; по обѣимъ сторонамъ множество жителей собралось на всѣхъ пунктахъ съ окрестныхъ селеній, и повѣздъ Его Императорскаго Высочества до Баки былъ истинно великолѣпный; а восторгъ и клики радости содѣ-

львали его торжественнымъ ликованьемъ преданности, усердія и восхищенія народа.

Въ г. Бакъ встрѣтилъ Государя Наслѣдника Цесаревича Командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, Генерал-Адъютантъ Кн. Аргутинскій-Долгорукой, и имѣлъ счастье представляться Его Императорскому Высочеству.

15-го октября, въ 7 часовъ утра, Государь Наслѣдникъ изволилъ выѣхать изъ Баки, и въ вожделинномъ здравіи прибылъ въ г. Кубу, гдѣ, при почетномъ караулѣ отъ пѣхотнаго Генерал-Фельдмаршала Кнзя Варшавскаго Графа Паскевича-Ериванскаго полка, Его Императорское Высочество встрѣченъ былъ Главнокомандующимъ Огдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, Генерал-Адъютантомъ Княземъ Воронцовымъ.

16-го числа, утромъ, имѣли счастье представляться Его Императорскому Высочеству военные и гражданскіе чиновники, почетные жители и мусульманское духовенство, послѣ чего Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ отправиться въ Кусары, штаб-квартиру пѣхотнаго Кнзя Варшавскаго полка, гдѣ, осмотрѣвъ почетный караулъ, тотчасъ обозрѣвалъ казармы, лазаретъ, пейгхаузы и кухни, состояніемъ которыхъ Его Императорское Высочество остался доволенъ. Прибывъ къ двумъ батальонамъ, въ строю находившимся на площади, Его Императорское Высочество изволилъ двѣять смотреть симъ батальонамъ, за отличное состояніе которыхъ, по здоровому виду нижнихъ чиновъ, обмундированію и по фронтовому образованію, Его Императорское Высочество неоднократно изъявлялъ благодарность въ продолженіе прохожденія этихъ батальоновъ церемоніальнымъ маршемъ; по окончаніи чего Его Императорское Высочество, вызвавъ всѣхъ штабъ и обер-офицеровъ предъ фронтъ, изволилъ объявить имъ отъ Имени Его Императорскаго Величества благодарность за вѣрную и усердную службу, и обратясь къ нижнимъ чинамъ, Его Императорское Высочество благодарилъ ихъ также за молодецкую ихъ службу, и въ знакъ особеннаго Своего благоволенія къ этому храброму полку, изволилъ обнять командира онаго, храбраго Полковника Манюкина. Минута эта была высоко трогательна, и знаки столько милостиво-благосклоннаго вниманія къ службѣ полка — глубоко отозвались въ душѣ каждого воина: слезы умиленія и святое чувство осіали лица воиновъ, издавна запечатлѣвшихъ въ сердцѣ чувства самоотверженія, предан-

ности Богу и Государю. Знакъ этой высокой милости былъ принять съ торжествомъ всеми, кто имѣлъ счастье присутствовать при этомъ радостномъ смотрѣ. Замѣтивъ между офицерами нѣсколько молодыхъ, и узнавъ, что они поступили въ полкъ изъ разныхъ кадетскихъ корпусовъ, и усердно своею службою и хорошимъ поведеніемъ обратили на себя вниманіе своего начальства,—Его Императорское Высочество изволилъ благодарить ихъ, и на свѣтломъ лицѣ Государя Наслѣдника видна была душевная радость, какъ у сурдобольнаго отпа, пекушагося о блажь дѣтей своихъ.

За завтракомъ, въ домѣ полковаго командира, Его Императорское Высочество изволилъ предложить тостъ въ честь пѣхотнаго Кнзя Варшавскаго полка, принятый съ благоговѣніемъ; въ-слѣдъ за тѣмъ, Полковникъ Манюкинъ предложилъ тостъ за здравіе и долгоденствіе Его Императорскаго Высочества; тогда долго таившійся въ душѣ каждаго восторгъ излился неумолкающимъ ура! перешедшимъ изъ залы къ собравшимся около дома офицерамъ, нижнимъ чинамъ и всѣмъ живущимъ въ штаб-квартирѣ лицамъ, продолжавшимъ восклицанія до-тѣхъ-поръ, пока Его Императорское Высочество, подойди къ окну, изволилъ благодарить всѣхъ.

Между тѣмъ дорожный экипажъ окруженъ былъ Гг. офицерами и нижними воинскими чинами, ожидавшими выхода изъ комнаты Государя Наслѣдника Цесаревича, и только что Его Императорское Высочество изволилъ подойти къ коляскѣ, то офицеры, почтительно приблизившись къ Августѣйшему Гостю, молодые изъ нихъ просили позволенія по кадетски посадить Его Императорское Высочество въ коляску, что мгновенно ими было исполнено, и восторженное ура! снова загремяло и разлилось по штаб-квартирѣ; офицеры и нижніе чины сопровождали коляску Его Высочества, пока она скрылась изъ глазъ по направленію къ Дербенту.

Управляющій Кюринскимъ ханствомъ, Полковникъ Юсуф-бекъ, съ беками и военными нукерами, при Высочайше пожалованномъ знамени, имѣлъ счастье встрѣтить Его Императорское Высочество на Худааской-станціи; принятый весьма милостиво Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Юсуф-бекъ съ конницею конвоировалъ Его Императорское Высочество. Въ 10 верстахъ отъ этой станціи, при

самой дорогъ устроенъ былъ Юсуф-бекомъ лагерь, съ богатоубранными палатками и роскошнымъ обьеденнымъ столомъ. Его Императорское Высочество, во уваженіе просьбы заслуженнаго хозяина, удостоилъ лагерь высокимъ Своимъ посещеніемъ, и Юсуф-бекъ, следуя древнему восточному обычаю, со всею строгостью и донынѣ въ этихъ мѣстахъ соблюдаемому, поднесъ Государю Наслѣднику *пенкишъ* (приношеніе), состоящій изъ сабли и кинжала, работы ку-бечинской, принятые благосклонно Его Императорскимъ Высочествомъ.

Въ 6 час. по-полудни, Его Императорское Высочество въ вождельномъ здравіи изволилъ прибыть въ Дербентъ, освѣщенный милліонами огней отъ цитадели до самаго моря; громъ пушекъ, при въездѣ Государя Наслѣдника въ крепостныя ворота, смѣлся съ радостными восклицаніями вышедшихъ на встрѣчу жителей, которые съ непрерывнымъ и неумолкаемымъ ура! провожали Его Императорское Высочество до квартиры. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, осмотрѣвъ почетный караулъ отъ Грузинскаго линейнаго № 16 батальона и отъ бековъ, изволилъ имъ изъяснить свое удовольствіе.

Во-время иллюминаціи города, между разнообразными огненными щитами и транспарантами, представлявшими взорамъ, замѣчательно было вензельное изображеніе имени Августѣйшаго Посѣтителя, по сторонамъ котораго изображены были: съ одной 1722 годъ, время пребыванія въ Дербентѣ Великаго Петра, а съ другой 1850 годъ, время посѣщенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

За обьедненнымъ столомъ, Главнокомандующій Отдельнымъ Кавказскимъ Корпусомъ и Намѣстникъ Кавказскій, Князь М. С. Воронцовъ, предложилъ тостъ за здравіе и долголѣтіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича, впервые ошасливившаго г. Дербентъ высокимъ присутствіемъ, послѣ Великаго Преобразователя Великой Россіи.

17 октября Его Императорское Высочество изволилъ дѣлать смотръ двумъ ротамъ Грузинскаго линейнаго № 16 батальона, осматривалъ казармы, лазаретъ и вновь строящійся госпиталь, состояніемъ которыхъ изволилъ остаться доволенъ. На самомъ берегу моря сохраняется огражденная рѣшеткою землянка, гдѣ въ 1722 году Петръ Великій

имѣлъ первое свое отдохновеніе. Его Императорское Высочество съ благоговѣніемъ изволилъ подойти къ этой землянкѣ, и въ подробности разсматривалъ оную. Послѣ сего благоволилъ удостоить Своимъ посещеніемъ уездное и мусульманское училища, милостиво разговаривалъ съ учителями, изъ коихъ мусульмане довольно порядочно объяснялись по-русски, и благодарили учителей. Послѣ сего Его Императорское Высочество верхомъ изволилъ отправиться въ цитадель Дербентской-крѣпости; осмотрѣвъ въ ней все достойное вниманія, Государь Наслѣдникъ изволилъ войти въ комендантскій домъ, и долго стоялъ у того самаго окна, откуда Великій Петръ обозривалъ Каспійское-море и окрестности Дербента. Къ-сожалѣнію, въ этотъ день погода была пасмурна, и густой туманъ, покрывавшій городъ съ окрестностями, препятствовала Его Императорскому Высочеству разсмотрѣть величественный видъ, представляющійся въ ясные дни изъ дербентской цитадели; жители города, толпами сопровождавшіе Его къ цитадели по узкимъ улицамъ, не переставали изъяснять радость свою громкими восклицаніями, и приписывали пасмурный день своему счастью, говоря, что городъ Дербентъ въ настоящее время освѣщается земнымъ солнцемъ, т. е. присутствіемъ Государя Наслѣдника, а въ такомъ случаѣ, небесное солнце должно было сокрыться.

Въ этотъ день имѣли счастье представляться Его Императорскому Высочеству гражданскіе и военные чиновники, беки, почетные жители города Дербента, армянскаго и мусульманскаго сословія. Беки Кайтагскіе и Табасаранскіе приняты Его Императорскимъ Высочествомъ весьма милостиво и благосклонно.

17 числа, въ 11 часовъ по-полудни, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ въ вождельномъ здравіи изволилъ выѣхать изъ Дербента, по пути къ Дишлагару, штаб-квартиръ Самурскаго полка, сопровождаемый громогласными восклицаніями, общимъ и сердечнымъ желаніемъ благополучнаго и счастливаго пути Его Императорскому Высочеству.

Во-время путешествія Наслѣдника Цесаревича по Закавказскому краю, отъ Дарьла черезъ Тифлисъ и до Дербента, между встрѣчавшими, конвоировавшими и имѣвшими счастье представляться Государю Наслѣднику князьями, дворянами, ханами, беками, агаларамъ и другихъ сословія

лицами, Его Императорское Высочество видѣлъ многихъ изъ нихъ, осыпанныхъ милостями Государя: чинами, орденами, медалями на Георгіевскихъ лентахъ и знаками отличія военнаго ордена. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, милостиво разговаривая съ ними, подробно изволилъ разспрашивать каждого: кто, когда и за какое дѣло былъ награжденъ; объявлялъ имъ отъ Имени Государя Императора благодарность за преданность ихъ и вѣрную службу, и каждый изъ заслуженныхъ этихъ лицъ, будучи осчастливленъ высокимъ вниманіемъ Его Императорскаго Высочества, откланиваясь, съ сердечнымъ умиленіемъ повторялъ сіи слова: «я весь принадлежу Тебѣ, и нѣтъ жертвы на свѣтѣ, которой не принесъ бы для Тебя, достойнѣйшій Наслѣдникъ Великаго нашего Монарха».

Вотъ непритворныя выраженія чувствованій вѣроподобнической преданности обитателей Закавказскаго края, осчастливленныхъ лицедрвіемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича,—выраженія, слышанныя лицами, имѣвшими счастье сопровождать Его Императорское Высочество, и знающими мѣстные языки и нарччія.

18-го октября, Его Императорское Высочество, не поспѣвъ, какъ предположено было, въ укрѣпленіе Темир-Хан-Шуру, былъ встрѣченъ на дорогѣ Генерал-Лейтенантомъ Шамхаломъ Княземъ Тарковскимъ, и отобѣдавъ у него въ селеніи Карабулакентѣ, имѣвъ ночлегу въ селеніи Гяляхъ. 19 числа, около полудни, Государь Наслѣдникъ прибылъ въ Темир-Хан-Шуру, и въ тотъ-же день производилъ смотръ войскамъ, и осматривалъ госпиталь и нововыстроенныя казармы Апшеронскаго Пѣхотнаго полка, которыми остался совершенно доволенъ. Не доѣзжая Шуры, Правитель Казы-Кумыкскаго Ханства, Полковникъ Агалар-Бекъ, съ милиціею своего Ханства и Высочайше пожалованнымъ знаменемъ, имѣлъ счастье встрѣтить Августѣйшаго Посѣтителя, и сопровождать Его. Слѣдующій день, 20 числа, предположенная Его Императорскимъ Высочествомъ поездка въ Ишкарты, Штабъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, исполнилась съ неожиданнымъ успѣхомъ. Шедшій въ продолженіе двухъ сутокъ дождь прекратился, и густой туманъ, покрывавшій горы, разсѣялся, какъ-бы для того, чтобъ вполне открыть Августѣйшему Посѣтителю Кавказа великолѣпную картину Дагестана, представляю-

щуюся съ высоты Кораяя. Въ тотъ-же день возвратившись на ночлегу въ Шуру, Его Императорское Высочество, 21 числа, осмотрѣвъ укрѣпленіе Евгеньевское, прибылъ на ночлегу въ Чир-Юртъ, гдѣ изволилъ производить, 22 числа, смотръ и ученье всему драгунскому Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полку, и въ тотъ-же день изволилъ прѣхать въ укрѣпленіе Хасап-Юртъ, а на другой день, переправившись чрезъ Терекъ, по новому мосту, у станицы Шелкозаводской, прибылъ на ночлегу въ станицу Червленную. Во все время слѣдованія по Дагестану и Кумыкской плоскости, Его Императорское Высочество изволилъ быть совершенно довольнымъ всемъ осматриваемымъ, равно какъ и войсками, имѣвшими счастье представляться и сопровождать Его. Государь Наслѣдникъ вездѣ былъ встрѣчаемъ съ восторгомъ всемъ населеніемъ, какого-бы племени или вѣроисповѣданія оно ни было.

Выѣзжая изъ станицы Червленной, 24 числа, Государь Наслѣдникъ присутствовалъ при джигитовкѣ Гребенскихъ Казаковъ, и вѣхалъ верхомъ до Николаевскаго-моста, гдѣ переправившись чрезъ Терекъ, прибылъ благополучно на ночлегу въ кр. Грозную. 25 числа Его Высочество выступилъ изъ Грозной въ кр. Воздвиженскую въ сопровожденіи пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. При выходѣ изъ Хаикальскаго ущелья, на такъ называемомъ Ермоловскомъ-куртанѣ, былъ приготовленъ завтракъ, и когда Главкомандующій провозгласилъ тостъ за здравіе Высокаго Посѣтителя, громкое ура всѣхъ присутствующихъ, повторенное въ ридяхъ всѣхъ войскъ, составлявшихъ отрядъ, при громѣ выстрѣловъ всей артиллеріи, далеко разнесло въ непокорный еще намъ стороны полный восторгъ привѣтъ Августѣйшему Гостю, осчастливленному Своимъ присутствіемъ вѣрныя войска Кавказа. Въ тотъ-же день Государь Наслѣдникъ прибылъ на ночлегу въ кр. Воздвиженскую, захавъ осмотрѣть башню, построенную въ 1848 году, на правомъ берегу Аргуна, въ Большой-Чечнѣ. 26-го числа Его Императорское Высочество изволилъ слѣдовать изъ крѣпости Воздвиженской чрезъ Урус-Мартанъ въ укрѣпленіе Ачхой, по такъ-называемой Русской-дорогѣ. Отрядъ, конвоировавшій Государя Наслѣдника въ боевомъ порядкѣ чрезъ эту сторону, недавно еще населенную непокорными племенами, а нынѣ отторгнутую оружіемъ нашихъ войскъ изъ рукъ

упорного прага, съ жадностію ждалъ только случая повторить, въ глазахъ Государя Наслѣдника, подвиги, ознаменовавшіе войска наши въ Малой-Чечнѣ. Событія въ памяти каждаго бойска воспоминанія уворныхъ боевъ на рѣкахъ Гойтъ, Рошни, Гехахъ и Валерикъ, но неприятель видѣ не показывался, и Августѣйшій Посѣтитель вхалъ по Малой-Чечнѣ, какъ по верной Ему русской странѣ. Наконецъ, совершенно неожиданный случай, въ то время, когда отрядъ находился между рѣками Рошнею и Валерикомъ, и на сей послѣдней уже видны были войска Владикавказскаго Округа, пришедшія на встрѣчу Государя Наслѣдника, — прибавилъ новый счастливый военный эпизодъ къ благополучному и благословенному Провидніемъ путешествію Его Императорскаго Высочества. Малая неприятельская партія показала на пвкоторомъ разстояніи лѣвой цѣпи нашей, впереди казаковъ, составлявшихъ авангардъ. Казаки и милиція, изъ покорившихся намъ Чеченцевъ, быстро бросились на нихъ. Его Императорское Высочество, внимая только порыву Августѣйшей груди Своей, съ свитою и казаками, составлявшими авангардъ, поскакалъ къ лѣсу, и былъ свидѣтелемъ малой стычки неприятеля съ казаками и милиціею. Настигнутые Чеченцы, сдѣлавъ залпъ изъ ружей и заведя перестрѣлку, бросились къ лѣсу. Предводитель этой партіи изрубленъ въ глазахъ Государя Наслѣдника, и оружіе его поднесено къ стопамъ Его Императорскаго Высочества. Все это было дѣломъ минуты, и невольное безпокойство, стѣсненное грудъ каждаго при мысли объ опасности, которой могъ подвергнуться нашъ Высочій Посѣтитель, — уступило мѣсто радости и восторгу, при видѣ обожаемаго Наслѣдника Престола, участвовавшаго, съ вѣрными войсками, въ этомъ маломъ эпизодѣ нашей боевой кавказской жизни. Въ тотъ-же день Его Императорское Высочество прибылъ на почлегъ въ кр. Ачхой, и 27 числа, осмотрѣвъ на пути поселенія храбраго Сунженскаго-полка, ставшаго стою твердою ногою на недавно враждебной намъ землѣ, — прибылъ благополучно во Владикавказъ, а на другой день, 28-го, изволилъ отправиться въ Ставрополь и далѣе, сопровождаемый благословеніями сего края, который навсегда сохранитъ воспоминаніе о счастливомъ посѣщеніи Кавказа Государемъ Наслѣдникомъ.

10-го ноября, въ половинѣ перваго часа по-полуночи, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесарь-

вичъ и Великій Князь Александръ Николаевичъ изволилъ прибыть въ Москву.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ изволилъ прибыть въ понедѣльникъ, 13-го числа, въ вождѣльномъ здравіи въ Царское-Село, изъ путешествія Своего на Кавказъ.

Ея Величество Государыня Императрица, въ вождѣльномъ здравіи, изволила возвратиться, 4-го ноября, въ Царское-Село изъ путешествія Своего въ Варшаву.

Его Императорское Величество изволилъ получить представленіе отъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, *Князя Воронцова*, изъ крѣпости Ачхой, отъ 27 октября 1850 года, слѣдующаго содержанія:

«Вчерашняго числа мы шли сюда изъ кр. Воздвиженской съ приличнымъ прикрытіемъ пѣхоты Егерскаго имени моего полка, 6-ти сотенъ Линейныхъ Казаковъ, одной Дунайской и двухъ Донскихъ, при Артиллеріи и конныхъ ракетныхъ командахъ, и много туземной милиціи и мирныхъ Чеченцевъ. Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ, по обыкновенію своему, шелъ съ авангардомъ. Между рѣками Рошпа и Валерикомъ, при которой мы должны были уже встрѣтить Генерал-Маіора *Ильинскаго*, съ пѣхотою и Сунженскими Казаками, Наслѣдникъ примѣтилъ, что за лѣвою цѣпью, подъ Черными-Горами, показалась партія неприятеля. Онъ немедленно туда поскакалъ въ сопровожденіи свиты, генераловъ отряда, съ частію казаковъ и туземцевъ, и приблизился къ неприятельской партіи такъ близко, что Чеченцы по Немъ выстрѣлили, и потомъ бросились бѣжать, но были преслѣдуемы казаками и мирными Чеченцами, при авангардѣ находившимся, покуда мой конвой изъ Линейныхъ Казаковъ и Азіатовъ захватилъ въ тылъ. — Въ присутствіи Его Императорскаго Высочества»

чества начальник непріятельской партіи, какъ увърлють, оруженосецъ наиба Саибдулы, былъ убитъ; тѣло его оставлено въ нашихъ рукахъ, и оружіе тутъ-же поднесено Государю Наслѣднику.—Признаюсь, что я не могъ безъ страха видѣть, съ какою быстротою и смѣлостію Великій Князь бросился за цѣпь, на большое разстояніе отъ дороги, черезъ перельски, тѣмъ болѣе, что будучи на хорошей лошади, не въ изъ свиты Его могли за Нимъ поспѣвать.

«Не ожидая въ эту послѣднюю, такъ-сказать, минуту слѣдованія ничего подобнаго, и страдалъ отъ сильнаго кашля и послѣдствія леченія онаго, я незадолго передъ тѣмъ принужденъ былъ съѣсть въ коляску; увидѣвъ движеніе, я сей-часъ съѣлъ верхомъ и съ трудомъ могъ доѣхать до Его Высочества, и только тогда, когда Оупъ остановился въ 3-хъ верстахъ отъ дороги и когда дѣло было уже кончено. Безпокойство мое обратилось въ истинную радость, когда я увидѣлъ, что обожаемому нашему Наслѣднику удалось присутствовать, хотя въ небольшомъ, но настоящемъ военномъ дѣлѣ, совершенно въ нашу пользу окончившемся; что Наслѣдникъ лично увидѣлъ ловкость и самоотверженіе, не только казаковъ, но даже и мирныхъ Чеченцевъ, которые съ нимъ поскакали; но чтѣ еще важнѣе и для насъ драгоцѣннѣе, это то, что не только всѣ войска, составившія отрядъ, почти всѣ генералы Кавказской Линіи, но и огромное количество милиціи разныхъ племенъ, между коими многіе, не болѣе какъ три недѣли тому назадъ, перешли изъ немирныхъ въ мирные, были лично свидѣтелями истинно-военнаго духа и благороднаго, можно сказать даже излишняго, порыва въ знаменитой груди Наслѣдника Россійскаго Престола.

«Этимъ совершенно неожиданнымъ случаемъ благополучно кончилось счастливое постоянно путешествіе Его Императорскаго Высочества по Кавказу, которое останется навсегда пріятнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ вѣрноподанныхъ Вашихъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ здѣшнемъ краѣ.

«Представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству, смѣю надѣяться, что и Вамъ будетъ пріятно услышать о впечатлѣніи, произведенномъ на насъ всѣхъ поступкомъ Сына и Наслѣдника Августѣйшаго нашего Монарха; смѣю также надѣяться, что Ваше Императорское Величество не откажете осчастливить меня и весь Кавказскій Корпусъ укра-

шеніемъ достойной груди Его Императорскаго Высочества знакомъ ордена храбрыхъ.

«Эта милость будетъ справедлива.

«Умоляю Ваше Императорское Величество не отказать мнѣ въ этомъ представленіи: крестъ Св. Георгія 4-й степени будетъ не только справедливою наградою Государю Наслѣднику, но будетъ сочтенъ драгоцѣннѣйшею наградою для всего Кавказскаго Корпуса, и будетъ съ восторгомъ принята всеми здѣшними войсками.»

Государь Императоръ, принявъ во Всемилостивѣйшее вниманіе представленіе Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, изволилъ отправить къ Государю Наслѣднику Цесаревичу знакъ военнаго ордена Св. Георгія 4-й степени съ Адъютантомъ Его Императорскаго Высочества, Гвардіи Полковникомъ *Паткулемъ*.

Указъ Капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, при обзорѣнн Кавказа, слѣдуя, 26 минувшаго октября, изъ кр. Воздвиженской въ укр. Ачхой, при авангардѣ прикрытія, между рѣчками Рошня и Валерикомъ, примѣтилъ партію непріятели, показавшуюся за лѣвою цѣпью, подъ Черными-Горами. Быстро и смѣло бросился туда Цесаревичъ, на большое разстояніе отъ дороги, черезъ перельски за цѣпь, и настигнулъ непріятельскую партію на такое близкое разстояніе, что Чеченцы по Немъ выстрѣлили, и потомъ обратились въ бѣгство; но были преслѣдуемы казаками и мирными Чеченцами, находившимися при авангардѣ. Это дѣло, въ коемъ начальникъ непріятельской партіи былъ убитъ, кончилось въ 3 верстахъ отъ дороги.

Получивъ подробное объ этомъ донесеніе отъ Главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, въ присутствіи котораго сіе происходило, Мы, удовлетворяя ходатайству Генерал-Адъютанта Князя Воронцова, Всемилостивѣйше жалуемъ Его Императорское Высочество Наслѣдника Цесаревича кавалеромъ ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца *Георгія четвертой степени*. Повѣляемъ Капитулу: снабдить Его Высочество Орденскимъ знакомъ при установленной грамотѣ.

На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*НИКОЛА Й.*»

Царское-Село, 10 ноября 1850 года.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ.

- 1) данный на имя *Генерал-Адъютанта, Инженер-Генерала Геруа.*

Александръ Клавдіевичъ! Съ самаго вступленія вашего на поприще инженерной службы, вы постоянно отличались подвигами полезной и неутомимой дѣятельности. Въ званіи Начальника Штаба Генерал-Инспектора по Инженерной части, вы были, около двадцати пяти лѣтъ, ближайшимъ сотрудникомъ въ Божь почитаемаго Великаго Князя Михаила Павловича во всѣхъ мѣрахъ, къ благоустройству сей важной части предпринимаемыхъ. Съ исполненіемъ сихъ многосложныхъ обязанностей, вы соединили, съ 1837 года, и управленіе Инженернымъ Департаментомъ. Въ минушемъ году, назначивъ васъ Членомъ Военнаго Совѣта, Я былъ увѣренъ, что, участвуя въ совѣщаніяхъ сего высшаго военнаго учрежденія, вы оправдаете все Мои ожиданія посвященнымъ усердіемъ и опытностію, въ непрерывныхъ трудахъ нами приобретенною. Желая изъявить вамъ искреннюю Мою признательность въ день совершившагося юбилея полубѣковаго достохвальнаго служенія вашего, Всемилостивѣйше жалую вамъ препровождаемую у сего, украшенную брилліантами табакерку съ Моимъ портретомъ. Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Царское-Село, 27-го октября 1850 года.

- 2) данный на имя *Московского Военнаго Генерал-Губернатора, Генерал-Адъютанта Графа Закревскаго.*

Графъ Арсеній Андреевичъ! Съ особеннымъ душевнымъ удовольствіемъ принялъ Я выраженіе въриподданническихъ чувствъ вашихъ и всѣхъ жителей Москвы по случаю

совершившагося двадцатипятилѣтія Моему царствованію. Видя это доказательство любви и преданности ко Мнѣ, Я поспѣваю изъявить всѣмъ жителямъ любезновѣрной первопрестольной столицы Нашей и вамъ, достойному ея Начальнику, Мою искреннюю признательность и особенное Мое благоволеніе. Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Царское-Село, 24-го ноября 1850 года.

- 3) данный на имя *Московского Военнаго Генерал-Губернатора, Генерал-Адъютанта, Графа Закревскаго.*

Графъ Арсеній Андреевичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ Я всеподданнѣйшее донесеніе ваше, что по случаю совершившагося двадцатипятилѣтія Моему царствованію, Московское купеческое общество пожертвовало въ капиталъ Пзмайловской Военной Богальни пятьдесятъ тысячъ руб. сер., на увеличеніе числа призываемыхъ въ оной заслуженныхъ и увѣчныхъ воиновъ. Видя въ этомъ приношеніи новое доказательство тѣхъ похвальныхъ чувствъ, которыя всегда отличали это достопочтенное сословіе, и особенной преданности ко Мнѣ, поручаю вамъ изъявить Московскому купечеству Мою душевную признательность, и увѣрить его въ постоянномъ Моемъ благоволеніи.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

ПРИКАЗЪ ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

Военно-Учебныхъ Заведеній.

Въ Шемахъ. Октября 12-го дня 1850 г. № 4,234.

Государь Императоръ, возвращая представленный на Высочайшее благоусмотрѣніе Отчетъ о состояніи Военно-Учеб-

ныхъ Заведеній за 1849 годъ, соизволилъ Всемилостивѣйше удостоить Меня слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО.

Поручивъ Вамъ, послѣ кончины Моего любезнаго Брата, блаженнаго памяти Великаго Князя Михаила Павловича, главное Начальство надъ Военно-Учебными Заведеніями, Я былъ увѣренъ, что въ воспитаніи юношества будетъ соблюдено тоже направленіе, которое было дано Вашимъ Августѣйшимъ Предшественникомъ и незабвеннымъ Другомъ. — Все ожиданія Мои оправдались вполне. — Разсмотрѣвъ нынѣ представленный Вами Мнѣ Отчетъ о состояніи сихъ Заведеній за 1849 годъ, Я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что главная цельъ военнаго воспитанія, при необходимомъ образованіи учебномъ и фронтномъ, обращена къ развитію въ юношахъ чистыхъ правилъ нравственности, высокаго чувства чести и непоколебимой любви и преданности къ Престолу и Отечеству. — Сердечно благодарю Ваше Высочество за Вашу родительскую попечительность о юношествѣ, Вамъ внутренно, за христіанское просвѣщеніе и истинно-русское его воспитаніе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Петергофъ, 28-го августа 1850 г.

Отличное состояніе Военно-Учебныхъ Заведеній, въ которыхъ они имѣютъ счастье постоянно заслуживать лестное Всемилостивѣйшее одобреніе, — есть плодъ благотворныхъ трудовъ и отеческой заботливости о благѣ Заведеній, незабвеннаго ихъ Начальника и Благодѣтеля, Его Императорскаго Высочества въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Павловича, а потому и въ настоящемъ случаѣ, чувства искренней Моей радости и благоговѣнной признательности посвящаю прежде всего Его священной для насъ памяти, и за сямъ поспѣшаю разделить ихъ съ Его и Моими достойными сотрудниками: Гг. Членами Совѣта и Инспекторами Военно-Учебныхъ Заведеній, Начальникомъ Мо-

его Штаба, Директорами Заведеній и всеми Гг. воспитателями, преподавателями и прочими лицами вѣдомства Военно-Учебныхъ Заведеній. Я увѣренъ, что все они, равно какъ и воспитанники, уразумѣвая сердцемъ высокую цельъ воспитанія, выраженную въ драгоцѣнныхъ словахъ сего Высочайшаго рескрипта, будутъ и впредь, какъ всегда, стремиться къ ней неуклонно, и тѣмъ оправдывать Всемилостивѣйшее къ нимъ вниманіе Государи Императора, заботы незабвеннаго ихъ Благодѣтеля и Мои отраднѣйшія надежды.

Высочайшій рескриптъ отъ 28-го августа предписываю хранить въ Штабѣ Моемъ по управленію Военно-Учебными Заведеніями, въ кофевъ Совѣта, — а приказъ сей прочесть при собраніи воспитанниковъ, во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ и баттареяхъ.

Подписалъ: *Генерал-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ.»

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ дополненіе къ существующимъ правиламъ, касательно обмундированія лицъ, определенныхъ въ 16-ти губерніяхъ Западной и Южной полосы Имперіи, съ цѣлю успѣшнѣйшаго истребленія волковъ, въ 25 день августа сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ.

1) Освободивъ Узднхъ Егерей отъ обязанности имѣть непременно установленные для нихъ сюртуки и кивера, дозволить тѣмъ изъ нихъ, кои пожелаютъ, носить, вмѣсто оныхъ, шинели съ патронами и фуражки, присвоивъ вновь учреждаемой обмундировкѣ, въ отличіе отъ нынѣшней полной, названіе *полевой*.

2) Установить форменныя шинели для Губернскихъ Почетныхъ Ловчихъ и ихъ Стремянныхъ, присвоивъ сверхъ того сямъ послѣднимъ особыя фуражки и отъиный положенныя нынѣ, какъ для Почетныхъ Ловчихъ и Стремянныхъ, такъ и для Узднхъ Егерей перья на киверахъ, шляпахъ и фуражныхъ шапкахъ.

О семъ Высочайшемъ повелѣніи Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ донесъ Правительствующему Сенату, для за-

висящихъ отъ него распоряженій, прилагая при семъ по одному экземпляру Высочайше-утвержденныхъ описаній до-полнительной обмундировки Почетныхъ Ловчихъ, Егерей и Стрельныхъ и рисунка оной.

Описание полевой обмундировки Ульздныхъ Егерей.

Шанель обыкновенная солдатская, изъ армейскаго сѣра-го сукна, съ 6 пуговицами, на коихъ изображенъ губер-нскій гербъ, съ чернымъ стоячимъ суконнымъ воротникомъ, безъ галуна; на каждой сторонѣ по 9 патроновъ. Охотни-чій ножъ на черной ремянной портупей, а черезъ плечи, на таковыхъ-же перевязяхъ: чрезъ правое—ружье, а чрезъ лѣвое—сумка. Фуражная шапка военной формы, зеленого сукна, съ чернымъ суконнымъ околышемъ, на которомъ два мѣдные охотничьи рога, и съ лаковымъ козырькомъ.

Описание шинелей Почетныхъ Ловчихъ.

Шинель сѣраго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротни-комъ, на обохъ концахъ коего по одному зеленому сукоц-ному клапану съ форменною пуговицею.

Описание полевой обмундировки Стрельныхъ.

Шинель сѣраго сукна двубортная, по 6 мѣдныхъ пуго-вицъ на каждой сторонѣ груди и по 3 подъ боковыми кар-манскими клапанами, воротникъ черный суконный отлож-ной, на обохъ концахъ коего по одной золотой петлицѣ; подъ нимъ капишонъ того-же сѣраго сукна, обшитый по краямъ каймою изъ чернаго сукна; чрезъ правое плечо охот-ничій ножъ на черной кожаной перевязи; брички зеленые суконные, сверхъ сапогъ. Фуражная шапка военной фор-мы, зеленого сукна, съ чернымъ суконнымъ околышемъ, на которомъ два мѣдные охотничьи рога, и съ лаковымъ ко-зырькомъ.

— Государь Императоръ, въ 28 день сентября сего года, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: предоставить, по примѣру Военно-Учебныхъ Заведеній, право полученія за-служенной по Министерству Народнаго Просвѣщенія пенсін,

всѣмъ тѣмъ преподавателямъ, кои, по увольненіи изъ помя-нутаго Министерства, будутъ состоять въ дѣйствительной службѣ по учебной части при учрежденіяхъ, удостоенныхъ Высочайшаго Ея Императорскаго Величества покровитель-ства, съ производствомъ имъ, отъ учрежденій сихъ, поло-женнаго жалованья.

— Военный Советъ, разсмотрѣвъ представленіе Департа-мента Военныхъ Поселеній, о томъ, чтобы чины ирегу-лярныхъ войскъ не измѣняли родовыхъ своихъ прозваній, и принимая во вниманіе, что въ положеніяхъ о казачьихъ вой-скахъ не постановлено правила о порядкѣ наблюденія за сохраненіемъ потомственныхъ родовыхъ прозваній между казаками, а между-тѣмъ правило это оказывается необходи-мымъ, положили: дополнить подмещающія статьи войско-выхъ положеній примѣчаніемъ слѣдующаго содержанія: «Станичнымъ Начальникамъ казачьихъ станицъ наблюдать, чтобы дѣти войсковыхъ казаковъ записываемы были въ ста-ничныя книги съ сохраненіемъ родовыхъ фамилій, и удер-живали ихъ навсегда, отнюдь не измѣняя тѣхъ фамилій на имена отцовъ.»—Правило сіе считать обязательнымъ для всѣхъ лицъ войскаго сословія, къ какому-бы исповѣданію вѣры они ни принадлежали.

Государь Императоръ, такое положеніе Военнаго Сова-та, въ 8 день минушаго октября, Высочайше утвердить со-изволилъ.

— Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочай-шемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, въ 13—25 дня октября 1850 года, за Собственноручнымъ Его Ве-личества подписаніемъ, изображено:

Въ постоянномъ попеченіи Нашемъ о развитіи торговли и промышленности, Мы признали за благо, для вышшаго облегченія, какъ заграничныхъ торговыхъ сношеній, такъ и внутреннихъ между Нашими вѣрноподанными въ Импе-ріи Россійской и Царствѣ Польскомъ, издать для Имперіи и Царства одинъ Общій Таможенный Тарифъ, со снятіемъ въ тоже время внутренней, между оными, Таможенной Линіи.

Въ-слѣдствіе сего, утвердивъ разсмотрѣнный въ Государ-ственномъ Советѣ и Кавказскомъ Комитетѣ составленный Министромъ Финансовъ, по сношеніи съ Намѣстниками Цар-ства Польскаго и Кавказскимъ, Общій Тарифъ по европей-ской торговлѣ, со всѣми слѣдующими къ оному приложе-

ніями, и пренровождая ихъ въ Правительствующій Сенатъ, Повелѣваемъ:

1) Тарифъ сей привести въ дѣйствіе какъ въ Имперіи, такъ и въ Царствѣ, съ 1—13 января 1851 года.

2) Въ то-же время снять внутреннюю между Имперією и Царствомъ Таможенную Линію, и ввести въ семь послѣднемъ Россійское Таможенное Управленіе.

3) Тѣ товары, которые къ 1—13 января 1851 года остаются въ Таможняхъ Имперіи и Царства неочищенными пошлиною, подвергнуть платежу уменьшенной новымъ Тарифомъ пошлины; по тѣмъ-же статьямъ, по которымъ пошлина симъ Тарифомъ нѣсколько возвышается, взимать оную съ означенныхъ товаровъ по прежнимъ положеніямъ.

Правительствующій Сенатъ не оставить учинить къ исполненію сего подлежащее распоряженіе.

— Высочайше-утвержденнымъ, въ 13-й день октября сего года, положеніемъ Военнаго Совета постановлено:

1) Управляющаго Канцелярією Инженернаго Департамента переименовать Правителемъ Канцеляріи, а его Помощника Старшимъ Секретаремъ.

2) Должности: Правителя Канцеляріи отнести къ VI-му классу, а Старшаго Секретаря къ VII-му классу.

3) Оклады содержанія, разряды пенсій и мундировъ присвоить по симъ должностямъ тѣ самыя, коими пользуются Правители Канцеляріи и Старшіе Секретари прочихъ Департаментовъ Военнаго Министерства.

— Государственный Советъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, относительно распространенія дѣйствій Тульскаго Александринскаго Банка, и не встрѣчая и съ своей стороны затрудненія допустить предлагаемую имъ, Г. Министромъ, мѣру, *мильнѣмъ положили*: представленіе его, Г. Министра, утвердить, и въслѣдствіе того, въ дополненіе Высочайше-утвержденнаго положенія объ Александринскомъ Банкѣ въ г. Туль, постановить: 1) Увеличить число Членовъ Банка еще двумя, избираемыми по общимъ правиламъ о выборахъ, изъ коихъ одинъ—отъ дворянства, назначается въ помощь Директору, для занятія его должности во время выбытія его, болѣзни или отпуска, а другой—отъ купечества, для исключительныхъ занятій по рассмотрѣнію представляемыхъ къ учету векселей, съ пре-

доставленіемъ имъ тѣхъ-же правъ, какія опредѣлены въ Положеніи Банка. 2) Предоставить Маклеру Банка, по приращенію къ ст. 716 Учреж. и Уст. Госуд. Кредит. Уст. (Св. Зак. Т. XI), пользоваться отъ предьявителей къ учету векселей куртажными деньгами, по одной шестой доль копѣйки съ рубля со всей суммы, въ какой вексель принять. 3) Назначеннаго по § 6-му Положенія Кассира избирать впродъ на три года. 4) Къ суммъ, опредѣленной § 97 того-же Положенія, на содержаніе Банка и на канцелярскіе расходы, а также на наемъ двухъ сторожей, прибавить еще сто пятьдесятъ рублей, съ отпускомъ оныхъ въ распоряженіе одного изъ Директоровъ, который обязанъ отдавать въ расходъ сей суммы надлежащій отчетъ. 5) Представляемая въ залогъ цѣнные вещи хранить въ кладовой Банка, (помѣщающейся въ зданіи Дѣтскаго Приюта) но съ тѣмъ, чтобы Члены имели строгое наблюденіе за цѣлостію и поверкою сихъ вещей, на законномъ основаніи. Его Императорское Величество, Государь Императоръ такое мнѣніе Государственнаго Совета Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить въ 16 день октября сего года.

— Государственный Советъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о приѣмъ билетовъ Коммиссіи Погашенія Долговъ 4%, %, займа къ учету въ Коммерческомъ Банкѣ и Конторахъ онаго, *мильнѣмъ положили*: представленіе его, Министра, утвердить, и въслѣдствіе того, въ дополненіе Привѣчанія къ ст. 143 Уст. Кред. Устан., (Св. Зак. Т. XI), постановить, что билеты Коммиссіи Погашенія Долговъ четырехъ съ половиною процентнаго займа принимаются въ залогъ Коммерческимъ Банкомъ и Конторами онаго по 75 за 100 нарицательной цѣны, считая фунтъ стерлинга по шести рублей серебромъ. (Высочайше-утверждено, въ 16 день октября).

— Въслѣдствіе отношенія Намѣстника Кавказскаго объ обращеніи временной въ Тифлисъ Магнитной Обсерваторіи въ постоянную, по составленнымъ Намѣстникомъ проектамъ Положенія и Штата, Г. Министръ Финансовъ, представлялъ проекты сіи на дальнѣйшее усмотрѣніе Кавказскаго Комитета.

Нынѣ выпискою изъ журналовъ Кавказскаго Комитета дано ему, Г. Министру Финансовъ, знать, что Государь

Императоръ, удостоить, согласно положенію онаго, въ 22 день миновавшаго октября, Высочайшей конфирмаціи означенные, препровожденные къ Г. Министру, при упомянутой выпискѣ, Положеніе и Штатъ о Тифлисской Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи, Высочайше повелѣть соизволилъ: сумму, потребную на содержаніе Обсерваторіи, всего три тысячи шесть сотъ рублей сер. въ годъ, отпускать изъ Государственнаго Казначейства, и съ этою цѣлью вносить ее, съ 1851 года, въ смету Горнаго вѣдомства.

— Г. Генерал-Адъютантъ Князь Чернышевъ, отъ 22-го октября сего года, сообщилъ г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ, въ разрѣшеніе возникшаго вопроса о томъ: какими правилами на пенсіи должны пользоваться писцы изъ кантонистовъ, служашіе по гражданскому вѣдомству за Кавказомъ, какъ въ должностяхъ писцовъ, такъ и при исправленіи штатныхъ должностей, — изволилъ найти, что представленіе писцамъ изъ кантонистовъ закавказскихъ присутственныхъ мѣстъ, исправляющихъ штатныя должности, равныхъ на пенсію правъ съ чиновниками, занимающими подобныя должности, было-бы несообразно съ общими законами, и что Высочайше-утвержденнымъ, 29-го ноября 1845 г., положеніемъ Кавказскаго Комитета, производство въ первый классный чинъ находящихся въ присутственныхъ мѣстахъ Закавказскаго края писцовъ изъ военныхъ кантонистовъ, оставлено на существующихъ правилахъ. Применяясь къ этому, Его Величество, согласно мнѣнію Военнаго Совѣта и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше соизволилъ повелѣть:

1. Находящимся въ закавказскихъ присутственныхъ мѣстахъ писцамъ изъ кантонистовъ, какъ занимающимъ мѣста писцовъ, такъ и исправляющимъ штатныя должности, — выслужившимъ узаконенный срокъ и выдержавшимъ установленное испытаніе на производство въ Коллежскіе Регистраторы, по добровольно отказавшимся отъ сего производства оставшимся на службѣ, предоставлять тѣ-же преимущества, которыми пользуются писаря военнаго вѣдомства, по двойной окладъ жалованія назначать имъ, не изъ окладовъ, определенныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ 25 июля 1849 года, а въ размѣръ, назначаемомъ писарямъ военнаго вѣдомства за Кавказомъ, за добровольный отказъ отъ производства. Въ пенсію-же имъ, применяясь къ ст. 433 кн. 2, час. 2 Св. Воен.

Пост, (прод. 1), назначать при отставкѣ по двадцати восьми рублей тридцати копѣекъ серебромъ, не прежде, какъ по прослуженіи безпорочно пяти лѣтъ со времени отказа отъ производства.

2. Невыдержавшимъ установленнаго испытанія для производства въ Коллежскіе Регистраторы, и потому неудостоеннымъ къ производству, если они по выслугѣ ими узаконеннаго срока, не пожелаютъ взять отставки, назначать въ прибавку къ штатному жалованью половину изъ выше-означеннаго оклада 28 руб. 30 коп., которую, по прослуженіи еще пяти лѣтъ, обращать при отставкѣ въ пенсію.

3. Вдовамъ писцовъ, пользовавшимся пенсіею, назначить половину пенсіи ихъ мужей, и

4. Вдовамъ писцовъ, умершихъ на службѣ и незаслужившихъ пенсіи, определять наравнѣ съ вдовами писарей военнаго вѣдомства, въ случаяхъ, закономъ определенныхъ, или вдовье содержаніе или единовременное пособіе.

— По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушалъ рапортъ Г. Управляющаго Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, что въ-слѣдствіе вступившихъ отъ нѣкоторыхъ вольноотпущенныхъ помѣщиками дворовыхъ людей и крестьянъ просьбъ о причисленіи ихъ въ государственные крестьяне, къ такимъ населеннымъ имѣніямъ, которыя, бывъ приобрѣтены покупкою въ казну изъ частнаго владѣнія, остаются на особомъ, въ отношеніи денежныхъ повинностей, положеніи, до выплаты суммъ, на покупку ихъ употребленной, и по неизмѣнію въ законахъ по сему предмету правилъ, оныхъ, Г. Управляющій Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ входить съ представленіемъ въ Комитетъ Гг. Министровъ о допущеніи причисленія къ означеннымъ, купленнымъ въ казну имѣніямъ тѣхъ людей, которые, на основаніи 649 ст. IX т. Св. Зак. о Сост., имѣютъ право избирать родъ жизни, съ тѣмъ, чтобы означенные люди, исходатайствовавъ на причисленіе ихъ согласіе мирскихъ обществъ сихъ имѣній, обязывались, безъ особыхъ льготъ, нести общія съ мѣстными жителями платежи и повинности, и чтобы Палаты Государственныхъ Имуществъ, на такое причисленіе сихъ людей, испрашивали разрѣшенія Министерства Государственныхъ Имуществъ. По положенію Комитета Гг. Министровъ, Государь Императоръ, въ 24 день октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: допустить причисленіе къ ку-

пленнымъ въ казну имѣніямъ людей свободнаго состоянія, согласно съ вышеизложеннымъ представленіемъ.

Г. Министръ Императорскаго Двора, отъ 24 октября, сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: изъясненное въ 3 примѣч. къ 4 пункту 444 ст. IV тома Уст. Рекрутскаго (прод. XII) правило, на основаніи коего дозволяется Палатамъ Государственныхъ Имуществъ продавать казенныхъ крестьянъ зачетныя рекрутскія квтанціи по 570 руб. сереб., распространить и на Государевыхъ крестьянъ въдомствъ Царскосельскаго Дворцоваго Правленія и Московской Дворцовой Конторы, равно и на всѣхъ прочихъ Дворцовыхъ крестьянъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество дозволяетъ означеннымъ крестьянамъ отправлять рекрутскую повинность наймомъ, на томъ-же основаніи, какъ разрешено сіе по Удельному въдомству.

— Государь Императоръ, по всеподанныйшему докладу Генерал-Аудиторіата, въ 26 день октября сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Для поспѣшнѣйшаго окончанія производящихся при С.-Петербургскомъ и Московскомъ Ордонамс-Гаузахъ военносудныхъ дѣлъ, и для скорѣйшаго рѣшенія участи подсудимыхъ, предоставить Военнымъ Генерал-Губернаторамъ С.-Петербургскому и Московскому власть, присвоенную Отдельнымъ Корпуснымъ Командирамъ, въ мирное время 48-ю и 395-ю ст. 2 кв. 5 част. Свод. Воен. Постан., какъ въ отношеніи преданія военному суду чиновъ, подвѣдомственныхъ имъ Комендантскихъ Управленій и Ордонамс-Гаузовъ, такъ и относительно утвержденія приговоровъ о нихъ чинахъ, равно о дезертирахъ, принадлежащихъ разнымъ полкамъ и командамъ, о коихъ военно-судныя дѣла въ порядкѣ, нынѣ существующемъ, будутъ восходить къ нимъ на ревизію, и о лицахъ гражданскаго въдомства, предаваемыхъ военному суду при С.-Петербургскомъ и Московскомъ Ордонамс-Гаузахъ, по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

2. Комендантамъ обѣихъ столицъ предоставить власть предавать военному суду нижнихъ чиновъ, неимѣющихъ особенныхъ правъ состоянія, которыхъ непосредственнаго Начальства въ столицахъ нѣтъ, и рѣшать военно-судныя дѣла на правахъ Дивизионнаго Начальника.

и 3. Сообразно сему сдѣлать измѣненія и дополненія въ подлежащихъ статьяхъ Свода Военныхъ Постановленій.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Правительствующему Сенату, октября 31, изображено: Во вниманіи къ ходатайству Государственнаго Канцлера, Графа *Нессельрода*, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Товарищу Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатору, Тайному Советнику *Селявину*, продолжать и во-время пребыванія Графа Нессельрода при Насъ въ С.-Петербургѣ, управлять Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, подъ главнымъ его начальствомъ и руководствомъ, на томъ основаніи, на коемъ порядокъ управленія симъ Министерствомъ учреждаемъ былъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ находился при Насъ въ заграничныхъ побѣдкахъ.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить Дворянству Московской губерніи Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе, за сдѣланное имъ пожертвованіе дополнительной суммы изъ доходовъ съ имѣній своихъ, на содержаніе 13 воспитанниковъ во 2-мъ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

— По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушала рапортъ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 2 сего ноября за № 4868, при коемъ представляетъ Правительствующему Сенату, для свѣдѣній, росписаніе сроковъ, назначенныхъ имъ, Г. Министромъ, по сношеніи съ Гг. Министромъ Финансовъ и Управляющимъ Министерствомъ Юстиціи, на основаніи § 254 Высочайше-утвержденнаго, 19—31-го іюля 1849 г., положенія о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имуществъ, для производства торговъ съ 1851 по 1854 г. на продажу недвижимыхъ имуществъ, оцѣненныхъ свыше 300 р. сер., присовокупляя, что таковыя росписанія przeprowadены имъ, Г. Министромъ, для зависящаго распоряженія къ начальникамъ губерній.

Росписание сроков для производства публичныхъ продажъ
движимыхъ имуществъ, оцененныхъ свыше 300 руб. сер.,
съ 1851 по 1854 годы.

№	Губерній.	Сроки для публичной продажи.
1.	Архангельская	съ 15 по 31 января, и съ 1 по 15 сентября.
2.	Астраханская	съ 15 по 31 января, и съ 1 по 15 июля.
3.	Бессарабская Об- ласть	съ 15 апреля по 1 июля, и съ 1 сентября по 25 октября, съ 23 апреля по 23 мая,
4.	Виленская	и съ 14 сентября по 14 октября, съ 1 мая по 1 июля,
5.	Витебская	и съ 15 января по 15 марта, съ 1 января по 1 февраля,
7.	Владимірская	и съ 1 по 20 июля. съ 15 по 31 января,
7.	Вологодская	и съ 1 по 15 июля. съ 5 по 20 февраля,
8.	Волынская	и съ 1 по 15 октября, съ 15 по 31 января,
9.	Вятская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
10.	Гродненская	и съ 1 по 15 июля. съ 15 мая по 1 июня,
11.	Енисейская	и съ 15 ноября по 1 декабря, съ 15 по 31 января,
12.	Екатеринослав- ская	и съ 1 по 15 июля.

13.	Иркутская	съ 1 по 15 июля, и съ 1 по 15 декабря, съ 8 по 24 января,
14.	Казанская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
15.	Калужская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 января по 15 февраля,
16.	Кіевская	и съ 15 по 30 сентября, съ 15 по 31 января,
17.	Ковенская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
18.	Костромская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
19.	Курская	и съ 1 по 15 июля, съ 7 января по 1 февраля,
20.	Минская	и съ 1 июля по 1 августа, съ 15 января по 15 февраля,
21.	Московская	и съ 15 ноября по 15 декабря, съ 7 января по 15 марта,
22.	Могилевская	и съ 15 июля по 15 августа, съ 15 по 31 января,
23.	Нижегородская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
24.	Олонцкая	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
25.	Оренбургская	и съ 1 по 15 июля, съ 15 по 31 января,
26.	Орловская	и съ 1 по 15 июля.

27. Полтавская	{	съ 1 по 15 февраля,
		и съ 1 по 15 сентября.
28. Подольская	{	съ 1 по 15 июля,
		и съ 1 по 15 декабря.
29. Пензенская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
30. Псковская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
31. Пермская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
32. Рязанская	{	съ 15 января по 15 февраля,
		и съ 1 по 21 июля.
33. Смоленская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
34. С.-Петербург- ская	{	съ 15 января по 15 марта,
		и съ 1 июля по 1 августа.
35. Саратовская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
36. Симбирская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
37. Тамбовская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
38. Тверская	{	съ 15 января по 15 февраля,
		и съ 1 июня по 1 июля.
39. Тобольская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.
40. Томская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.

41. Тульская	{	съ 15 по 30 июня,
		и съ 1 по 15 декабря.
42. Херсонская	{	съ 15 апреля по 15 мая,
		и съ 15 сентября по 15 октября.
43. Харьковская	{	съ 15 по 31 января,
		и съ 16 августа по 1 сентября.
44. Черниговская	{	съ 15 по 31 мая,
		и съ 1 по 15 декабря.
45. Ярославская.	{	съ 1 по 15 декабря,
		и съ 1 по 15 июня.
Градоначальства.		
46. Одесское	{	съ 15 по 31 января,
		съ 15 по 31 мая.
47. Таганрогское	{	и съ 15 по 30 сентября,
		и съ 1 по 15 мая.
48. Керчь-Николь- ское.	{	съ 10 по 25 августа.
		и съ 15 по 31 января,
		и съ 1 по 15 июля.

Подписалъ: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ

Графъ Перовскій.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Управляющаго Министерствомъ Юстиціи объ измѣненіи постановленій относительно порядка производства и рѣшенія дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ преступникахъ, и соглашаясь съ заключеніемъ его, Управляющаго Министерствомъ, *мигнѣмъ положилъ*: въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ и Уложенія о наказаніяхъ, постановить: 1) несовершеннолѣтіе, отъ 14-ти до 21-го года, неизъятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, за учиненіе преступленій

и проступковъ, которые, по общимъ законамъ, влекутъ за собою лишеніе всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и заключеніе въ рабочемъ домѣ, подвергаютъ, безъ лишенія сихъ правъ и преимуществъ, наказанію розгами, въ размѣръ, уменьшенномъ противъ определяемаго въ 84-й ст. Улож. одною или двумя степенями, по усмотрѣнію суда. 2) Дѣла о малолѣтнихъ, имѣвшихъ во-время совершенія преступленія не болѣе 14 лѣтъ, разсматриваются въ Совѣстныхъ Судахъ, которые по сѣмъ дѣламъ постановляютъ окончательныя приговоры во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ подсудимые обвиняются въ преступленіяхъ, подвергающихъ совершеннолѣтнихъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу, и малолѣтнихъ лишенію тѣхъ-же правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе (Улож. о Наказ. ст. 144 пун. 1-й и Св. Зак. Уголов. Том. XV по VI-му Продол. ст. 1591). Окончательныя приговоры Совѣстныхъ Судовъ объявляются установленнымъ порядкомъ родителямъ и опекунамъ малолѣтнихъ, на правѣ апелліи, которая должна быть подана въ-теченіе четырехъ мѣсяцевъ со дня объявленія рѣшенія Св. Зак. Угол. Том. XV, ст. 1591, 1593, 1594 и 1600—1604). Дѣла о тяжкихъ преступленіяхъ малолѣтнихъ вносятся чрезъ Начальниковъ губерній на ревизію Правительствующаго Сената, въ которомъ, смотря по званію подсудимыхъ, они рѣшаются окончательно, или представляются на Высочайшее усмотрѣніе (тамъ-же ст. 1591 и 1605, по VI продол.). 3) Дѣла о малолѣтнихъ, находившихся въ сообществѣ съ преступниками старшаго возраста, имѣющими болѣе 14 лѣтъ или уже достигшими совершеннолѣтія, разсматриваются въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, но вносятся во всякомъ случаѣ на ревизію Уголовныхъ Палатъ, которыя составляютъ для сего общее съ Совѣстными Судами присутствіе. По докладѣ дѣла, Совѣстный Судъ отдѣльно отъ Палаты рѣшитъ вопросъ о томъ, съ разумнѣемъ-ли дѣйствовала малолѣтний, а Палата также одна определяетъ наказаніе совершеннолѣтнимъ, и потомъ совокупно съ Совѣстнымъ Судомъ назначаетъ наказаніе малолѣтнему. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ сего рода поступать на основаніи изложенныхъ въ предшедшемъ пунктѣ правилъ о ревизіи и апелліи по дѣламъ о малолѣтнихъ. 4) На тѣхъ-же основаніяхъ разсматриваются въ Общемъ Присутствіи Уголовной Палаты и Совѣстнаго Суда тѣ дѣла, въ

коихъ, при совокупности преступленій подсудимаго, одно учтено имъ въ малолѣтствѣ, а другое по достиженіи 14 лѣтъ, или-же и совершенного возраста. 5) Дѣла о несовершеннолѣтнихъ, имѣвшихъ во-время учиненія преступленій болѣе 14 лѣтъ, но менше 21 года, разсматриваются по общимъ правиламъ уголовного судопроизводства, безъ участія Суда Совѣстнаго, въ полицейскихъ мѣстахъ, когда дѣло по званію подсудимаго и роду учиненнаго имъ преступленія можетъ подлежать полицейской расправѣ (Св. Зак. Угол. Т. XV въ VI пр. ст. 1676—1682), или-же въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, также безъ участія Суда Совѣстнаго; но въ тѣхъ случаяхъ, когда несовершеннолѣтніе за учиненныя ими преступленія приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь, въ каторжную работу или на поселеніе, дѣла о нихъ вносятся на ревизію Правительствующаго Сената, хотя-бы подсудимые принадлежали къ низшему состоянію. Окончательныя приговоры Судовъ 2-й степени о несовершеннолѣтнихъ объявляются самимъ подсудимымъ на правѣ апелліи, которая должна быть подана въ теченіе мѣсячнаго срока (Св. Зак. Угол. Томъ XV ст. 1591 по прод. VI. Примѣч. къ сей статьѣ по прод. XI и ст. 1605). (Высочайше-утверждено въ 13 день ноября 1850).

—Г. Военный Министръ сообщилъ г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ Высочайше повелѣлъ изволилъ:

1) Дозволить Управляющему Константиновскимъ Межевымъ Институтомъ, на пополненіе недостатка въ офицерахъ, избирать ихъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, за исключеніемъ:

- а) Генеральнаго Штаба.
- б) Учебныхъ Карабинерныхъ полковъ.
- в) Состоящихъ въ составѣ образцовыхъ войскъ.
- г) Непродслужившихъ 4 лѣтъ въ офицерскомъ званіи.
- д) Вообще Прапорщиковъ.

2) Тѣхъ изъ избранныхъ, на вышеизъясненныхъ основаніяхъ, офицеровъ, которыхъ признано будетъ необходимымъ, предварительно окончательнаго опредѣленія, подвергнуть испытанію въ способностяхъ для службы въ Институтѣ, прикомандировывать къ оному, довольствуя содержаніемъ изъ суммъ Института.

3) Порядокъ самаго прикомандированія производить по

представленію Министра Юстиціи, съ соизволенія Государя Императора, на 6 мѣсяцевъ.

4) По прошествіи этого срока входить съ представленіями объ окончательномъ перемѣщеніи тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся способными къ занятію должностей, по назначенію; и офицеровъ, непредставленныхъ, по истеченіи полугода, къ переводу, не за проступки, а по неспособности къ занятію должностей ротныхъ офицеровъ въ Институтъ, обращать въ свои полки, не объясняя въ формулярныхъ о службѣ ихъ спискахъ причинъ обращенія, но показывая лишь время откомандированія изъ полковъ и возвращенія къ онымъ. Изъ сего правила изымются тѣ офицеры, которые были бы отчислены отъ Института за проступки.

5) Дозволить Генерал-Лейтенанту Муравьеву ходатайствовать о прикомандированіи къ Институту и переводѣ офицеровъ, находившихся въ образцовыхъ войскахъ, но не прежде, какъ по дѣйствительномъ прослуженіи ими трехъ лѣтъ въ полкахъ, по возвращеніи изъ образцовыхъ войскъ.

6) При переводѣ офицеровъ изъ Института въ прежнія команды, тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ переведены ранѣе шести лѣтъ бытности въ Институтъ, зачислять старшинство къ производству со сверстниками ихъ, съ которыми до поступленія въ Институтъ, они состояли въ однихъ чинахъ; тѣмъ-же, которые пробудутъ въ Институтѣ болѣе шести лѣтъ—со дня производства ихъ въ настоящій чинъ.

7) Дозволить переводы офицеровъ въ Институтъ безъ предварительнаго прикомандированія изъ всѣхъ родовъ войскъ, за исключеніемъ вышеозначенныхъ, если со стороны Военнаго Министра не будетъ найдено къ тому препятствія, и

8) Офицеровъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ въ Межевомъ Институтѣ, не принимать въ Императорскую Военную Академію.

—Г. Военный Министръ сообщилъ Г. Управляющему Министерствомъ Юстиціи, что Государь Императоръ, по представленію Г. Намѣстника Кавказскаго и положенію Кавказскаго Комитета, Высочайше повелѣть соизволилъ: въ дополненіе къ § 7-му Высочайше-утвержденнаго, 2-го сентября 1846 года, положенія о Школахъ Кавказскихъ Межевицковъ, постановить слѣдующее: «воспитанники Школы Кавказскихъ Межевицковъ, по окончаніи курса наукъ поступившіе на

службу по Межевому вѣдомству за Кавказомъ, до опредѣленія на штатную должность получаютъ годовое содержаніе, каждый: выпускаемые Старшими Помощниками Землемѣровъ, съ чиномъ 14 класса: жалованья *двѣсти пятьдесятъ* и квартирныхъ *семьдесятъ пять*, а всего *триста двадцать пять рублей серебромъ*; выпускаемые Младшими Помощниками Землемѣровъ: жалованья *двѣсти* и квартирныхъ *шестьдесятъ*, а всего *двѣсти шестьдесятъ рублей серебромъ*; выпускаемые-же Межевицками—всего *двѣсти рублей серебромъ*. Оклады сіи производятся имъ изъ общихъ остатковъ суммъ, ежегодно отпускаемыхъ на содержаніе всего вообще Кавказскаго и Закавказскаго края; при недостаткѣ-же сихъ суммъ ассигнуются къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства, по сношенію Намѣстника Кавказскаго съ Министромъ Финансовъ.»

—Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: сооруженный въ С.-Петербургѣ чрезъ р. Неву постоянный на гранитныхъ устояхъ и быкахъ мостъ, именовать: Благовѣщенскій-мостъ.

—С.-Петербургскій Совѣтъ Дѣтскихъ Приютовъ вмѣняетъ себя въ обязанность довести до всеобщаго свѣдѣнія, что на производящуюся нынѣ постройку дома для Александроневскаго Приюта (Каретной части 1-го квартала) пожертвовали: неизвѣстный, чрезъ посредство Почетнаго Старшины сего учрежденія А. И. Калашникова, 23 апрѣля, 650 руб. сер., въ ознаменованіе Тезоименитства Ея Императорскаго Величества, и 23 сентября 1000 руб. сер.; Почетные Старшины сего-же Приюта: Почетный Гражданинъ Ф. М. Садовниковъ 2500 р. сер., и желѣза на 532 р. сер., и 3-й гильдіи купецъ У. Ф. Щедринъ 1000 р. сер., торгующій по 1-му разряду крестьянинъ Михаилъ Коноповъ кирпича на 75 р. сер., и Н. С., В. М. 100 р. сер.

—Въ ночи на 1-е сего декабря скончался въ С.-Петербургѣ, на 49 году отъ рожденія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Докторъ Медицины Германъ Ивановичъ Гессъ, Ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ, по части общей Химіи. Академія лишается въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ и ученѣйшихъ членовъ своихъ.

—Почетный Старшина С.-Петербургскаго Образцоваго Приюта, Потомственный Почетный Гражданинъ, здѣшній 2 гильдіи купецъ и Камеръ, В. А. Пивоваровъ, желая ознамено-

пять добрымъ дѣломъ всерадостивѣйшій для Россіи день двадцатипятилѣтія благословеннаго царствованія Государя Императора, пожертвовалъ 5500 руб. сер. на учрежденіе Дѣтскаго Приюта въ мѣстѣ родины своей, Ярославской губерніи въ г. Угличѣ.

По доведеніи о семъ до Высочайшаго Государыни Императрицы свѣдѣнія, Ея Императорское Величество, удостоивъ Всемилостивѣйшаго одобренія постоянное стремленіе къ благотвореніямъ и верноподданническое усердіе кушца Пивоварова, Высочайше повелѣть соизволила: разрѣшить учрежденіе Приюта въ Угличѣ, съ наименованіемъ онаго Николаевскимъ, а учредителю объявить особенное Ея Величества благоволеніе, и таковой примѣрный подвигъ его учинить известнымъ посредствомъ въдомостей.

— По утвержденному Главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ предположенію о тригонометрическихъ работахъ нынѣшняго года въ Закавказскомъ краѣ, вѣдано было въ обязанность совершить, если возможно, восхожденіе на Араратъ, съ геодезическими инструментами, для измѣренія тамъ вертикальныхъ угловъ главныхъ пунктовъ тригонометрической сѣти. Въ этомъ трудномъ предпріятіи долженъ былъ принять участіе, съ разрѣшенія Князя Воронцова, Статскій Советникъ Ханьковъ, и для того онъ отправился, 9-го числа іюля, въ штаб-квартиру Донскаго № 37-го полка, Аралыхъ, чтобы тамъ соединиться съ начальникомъ триангуляціи Закавказскаго Края, Полковникомъ Ходзько, и потомъ слѣдовать далѣе. 14-го іюля прибылъ туда-же и г. Ходзько, а 19-го іюля были на мѣстѣ, избранномъ для перваго лагеря между Большимъ и Малымъ Араратами, на ключѣ, разработанномъ бывшимъ Ериванскимъ Сардаромъ Гуссейн-Ханомъ, и названномъ по этому Сардарь-Булакомъ. Здѣсь отрядъ оставался до 29-го; отсюда онъ предпринималъ, 25-го іюля, восхожденіе на Малый-Араратъ. Наконецъ пріѣздъ Директора Тифлисской Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи, Г. Морица и Штабс-Капитана Корпуса Топографовъ Александра, доставившихъ съ собою нужные дополнителныя для наблюдений инструменты, а къ тому-же и наступившее пополуночіе, давшее надежду на установленіе хорошей погоды, позволили уже рѣшительно приступить къ восхожденію. Для сего, 29-го числа перѣехали въ лагерь, расположенный въ семи верстахъ выше Сардарь-Булака, почти подъ самую

снѣговаго лпцію Большаго-Арарата, спустившегося нынѣшній годъ необыкновенно низко. Здѣсь, дождавшись подвоза окончательнаго запаса углей и продовольствія, Полковникъ Ходзько рѣшился выступить 1-го августа. Утро этого дня было прекрасное, а потому и выступили изъ лагеря въ шесть часовъ по-полуночи. До двухъ часовъ послѣ полудня отрядъ достигъ перваго перерыва скалистаго гребня, часто останавливаясь и поджидая саней, на которыхъ находились пожитки и инструменты, и которыя везли нижніе чины. Въ три часа перешли на правую сторону оврага, и тамъ, соединясь съ Полковникомъ Ходзько, поднялись еще на четьреста сажень выше; и остановились лагеремъ на ночь подъ самою Таш-Килисою, огромною скалою, составляющею какъ-бы первую ступень вершины. 2-го числа августа, въ шесть часовъ утра, двинулись далѣе; по тутъ затрудненія возрастали съ каждымъ шагомъ. Перейдя по сѣзгу на скалистый гребень лѣваго берега Таш-Килисина оврага, отрядъ постепенно подвигался все выше и выше, втаскивая сани по сѣзгу. Небо, довольно ясное поутру, стало заволакиваться тучами, и къ двѣнадцати часамъ подулъ сильный западный вѣтеръ, обсыпая восходившихъ мерзлою снѣжною крупой. Около часа по-полудни отрядъ достигъ сѣверо-восточной оконечности гряды скалъ, которая тянулась отсюда мелкою каменною розсыпью, прорѣзанною кое-гдѣ снѣгомъ и обледѣлымъ пластомъ, къ подножью послѣдняго обрыва вершины, около котораго, въ 1845 году, прислужникъ Абиха подружилъ, во-время своего восхожденія, неокрашенный крестъ, теперь крѣпко вмозгившій въ землю. Здѣсь сдѣланы были небольшой привалъ, въ той надеждѣ, что начавшаяся буря утихнетъ, но ожиданія смѣлыхъ путешественниковъ были тщетны. Увидѣвъ, около двухъ съ половиною часовъ, что вѣтеръ все болѣе и болѣе усиливается, они рѣшились идти впередъ, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, между скалами обрыва найти приютъ отъ грозы. Обрывистыя скалы нигдѣ не разступались на столюкко, чтобы можно было думать поставить палатку, а потому Полковникъ Ходзько рѣшился отпустить людей въ пять часовъ по-полудни въ Таш-Килисинскій лагерь, гдѣ, на всякій случай, оставлена была одна палатка, а самъ, со всеми офицерами отряда и двумя казаками, остался на небольшой площадкѣ, въ три шага длины и полтора ширины, на которой шесть человекъ должны были размѣститься на ночлегъ.

Около десяти часовъ вечера разразилась жестокая гроза: по яркости молній и силѣ громовыхъ раскатовъ, путешественники не могли сомнѣваться, что они находятся въ грозовомъ облакѣ; каждая вспышка электричества освѣщала воздухъ не зигзагомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а распространялась въ немъ какъ-бы наполняя все его пространство съ ослѣпительною яркостью и съ различными отблесками зеленого, красного и бѣлаго цвѣтовъ; громъ слѣдовалъ почти непосредственно за свѣтомъ, и всякій разъ его многочисленныхъ овраговъ, долго и явственно повторяло могущественные его раскаты. Къ двѣнадцати часамъ гроза утихла, но свѣтъ продолжалъ засыпѣть путешественниковъ, такъ, что тѣ изъ нихъ, которые не двигались съ мѣста, были покрыты имъ отъ трехъ до четырехъ англійскихъ дюймовъ толщины. Наконецъ наступило желанное утро, но и оно принесло мало утѣшенія. Къ тремъ часамъ по-полудни небо вѣсколько разъяснилось, но вѣтеръ не терялъ своей силы. Въ четыре часа они снова начали взбираться по скаламъ, и только за третью грядою увидѣли наконецъ ровное мѣсто, о которомъ имъ говорили. Оно представляло покатость, имѣющую никакъ не менѣе 50 градусовъ наклоненія, покрытую мелкими пиритами, издававшими нестерпимый сѣрный запахъ. Справа тянулася изъ-подъ самой вершины обрывистый оврагъ, идущій къ Таш-Килеу, а слева, не менѣе покатый оврагъ, соединяющійся съ Макинскимъ-ледникомъ. Достигнувъ до половины этой покатости, путешественники должны были остановиться подъ самою вершиною, до которой имъ оставалось, какъ оказалось впоследствии, только двѣсти шаговъ. Они съ величайшимъ усиліемъ утвердили здѣсь двѣ палатки, на мѣстѣ, которое казалось равнѣе другихъ, провели здѣсь 3-е, 4-е и 5-е августа, въ теченіе коихъ вѣтеръ почти не утихалъ, и былъ постоянно сопровождаемъ или свѣгомъ, или градомъ, или крупю. Утромъ 6-го числа вѣтеръ стихъ совершенно. Полковникъ Ходзько рѣшился непременно употребить это утро для обзора самыхъ вершинъ и для выбора мѣста постановки инструментовъ и окончательнаго лагеря. Въ три четверти девятаго онъ тронулся съ казаками съ мѣста, и въ девять часовъ вступилъ на поверхность вершины; тудаже-же пришелъ, въ четверть десятаго, и Статскій Совѣтникъ Ханьковъ, въ сопровожденіи Капитана Генеральнаго Штаба Услара, и Г.

Токарева. Г.-же Морицъ съ Штабс-Капитаномъ Александровымъ остались въ лагерѣ для дѣланія барометрическихъ наблюдений. Тутъ представилась путешественникамъ довольно-обширная площадь, имѣющая въ длину 1,132 шага, съ тремя вершинами. Первая изъ этихъ вершинъ была скоро пройдена, и путешественники взошли на вторую, а въ десять часовъ по-полудни, въ день Сваса Преображенія, Гг. Ходзько, Ханьковъ и ихъ товарищи стояли на высшемъ холмѣ вершины Арарата, которой достигли досель только Шарротъ и Спасскій, но только съ другой стороны. Первымъ дѣломъ ихъ было водрузить крестъ въ три аршина, послѣ чего все обнажили головы, и послѣ искренней молитвы, Полковникъ Ходзько, въ сопровожденіи товарищей, отправился обратно, и около полудня того-же дня все были на мѣстѣ. Капитанъ Усларъ и Г. Токаревъ отправились внизъ, а Статскій Совѣтникъ Ханьковъ съ Г. Морицомъ и Александровымъ остались при Полковникѣ Ходзько, чтобы 7-го числа еще разъ побывать на вершинѣ, ночевать тамъ, и произвести рядъ ежечасныхъ суточныхъ наблюдений надъ термометромъ, барометромъ и психрометромъ. На другой день погода уже очевидно установилась, и они безъ труда снова взошли на вершину, гдѣ палатка ихъ была до половины врыта въ снѣгъ, сажень въ десяти отъ креста. Полковникъ Ходзько остался на самой вершинѣ до 12-го числа августа, и 14-го благополучно прибылъ въ Аралыхъ. Въ заключеніе необходимо сказать, что по окончаніи работы была воздвигнута по распоряженію Г. Ходзько, на мѣстѣ наблюденія пирамида изъ снѣга, болѣе сажени вышиною, въ которой утверждены крестъ и къ нему мѣдная доска, съ слѣдующею надписью: «1850 года, августа 6—18-го дня, въ благополучное царствованіе Императора Николая I-го, при Намѣстникѣ Кавказскаго-края, Князѣ М. С. Воронцовѣ, восходили на Большой-Араратъ: Начальникъ трангуляціи, Полковникъ Ходзько, Н. В. Ханьковъ, П. Н. Александровъ, Ар. Ф. Морицъ, И. П. Шарротъ, и нижнихъ чиновъ 60 человекъ.»

—26-го сентября скончался въ Иркутскѣ, послѣ продолжительной болѣзни, на 74-мъ году отъ рожденія, золотопромышленникъ Ефимъ Андреевичъ *Кузнецовъ*, обезсмертившій себя добродѣтелью, чисто-христіанскою. Излишне было-бы говорить о его пожертвованіяхъ на богоугодныя, общепользныя учрежденія и многочисленныхъ вспомошествовані-

лхъ бѣднымъ; онъ известны не одной Сибири, и неоднократно обращали на покойнаго Всемилостивѣйшее вниманіе Государя Императора. Кузнецовъ награжденъ былъ орденами: Св. Анны и Св. Владимира 3-й степени, и наконецъ возведенъ изъ Почетныхъ Гражданъ въ чинъ Статскаго Советника.

29-го числа, тѣло усопшаго было перенесено съ большою церемоніей изъ дому въ Казанскій Кафедральный Соборъ, гдѣ Высокопреосвященный Нилъ, Архіепископъ Иркутскій, Нерчинскій и Якутскій, произнесъ краснорѣчивое надгробное слово. Народъ, оплакивая усопшаго, слѣдовалъ за гробомъ, предшествуемый духовенствомъ всего города и монастырей. 30 числа тѣло предано землѣ при церкви Преображенія Господня. Нельзя не согласиться, что съ кончиною Кузнецова, Иркутскъ потерялъ очень много во всѣхъ отношеніяхъ; но такъ было угодно Богу, отозвавшему его въ селенія жизни безконечной....

— На бывшую въ прошедшемъ сентябрь мѣсяцъ, въ Архангельскъ, Маргаритинскую-ярмарку привезено было русскихъ товаровъ на 435,806 руб. и иностранныхъ на 33,067 руб., а всего на 468,873 руб.; иностранные товары, состоявшіе изъ соленой и сушеной рыбы, невыдѣланныхъ звѣриныхъ шкуръ и поваренной соли, проданы всѣ, а русскихъ—на 305,197 руб.; въ томъ числѣ: шелковыхъ на 8,000 р., шерстяныхъ на 10,500 р., бумажныхъ на 12,600 р., льняныхъ и пеньковыхъ на 6,500 р., металлическихъ на 5,000 руб., рыбы соленой и сушеной на 29,150 руб., масла, сала и мыла на 6,500 р., муки, крупы и ржи на 190,500 руб., льна, пеньки, пакля, щетинки и прочихъ сырыхъ произведеній на 7,500 руб., мѣховъ и шкуръ невыдѣланныхъ на 10,314 р. и разныхъ непоименованныхъ товаровъ на 10,000 руб.—Вообще товаровъ привезено было и продано меньше противъ прошлагодней ярмарки.—Для сравненія прилагается здѣсь свѣдѣніе о движеніи торговли на этой ярмаркѣ, со времени ея учрежденія, именно:

	Привезено:	Продано:
Въ 1844 г.	на 310,000 р.	на 285,000 р.
— 1845 —	— 201,261 —	— 200,761 —
— 1846 —	— 332,357 —	— 330,050 —
— 1847 —	— 375,792 —	— 363,257 —

— 1848 —	— 447,769 —	— 420,065 —
— 1849 —	— 514,039 —	— 375,824 —
— 1850 —	— 468,874 —	— 338,264 —
		2,650,092 — 2,311,221 —

Числа эти показываютъ, что ярмарка настоящаго года по привозу товаровъ уступаетъ только 1849 года, а по продажѣ ихъ тремъ предшествовавшимъ годамъ, превосходя впрочемъ первые годы со времени ея открытія, — и что среднимъ числомъ въ семилѣтній періодъ ея существованія привозъ товаровъ простирается на 378,584 руб., а сбытъ ихъ на 330,174 рубля серебр. ежегодно.

— Съ начала навигаціи до окончанія оной, 15-го октября, къ Рыбинской пристани прибыло 2,150 судовъ (въ томъ числѣ 13 пароходовъ); отошло по Волгѣ 2,695, по Мологѣ 2,064, по Шекснѣ 1,615. На нихъ въ это время привезено всего товаровъ на 15,784,717 р. сер., а отправлено всего на 19,580,721 р. сер., именно вверхъ по Волгѣ на 7,757,415 р., по Мологѣ на 3,281,722 р., по Шекснѣ на 8,541,584 р. Сверхъ-того внизъ по Волгѣ отправлено разной клади на 346,344 р. сер.

— Въ минувшемъ октябрѣ заграничная торговля при одескомъ портѣ была замѣтно дѣятельнѣе, нежели въ предшествовавшіе мѣсяцы, въ-слѣдствіе прибытія значительнаго числа судовъ; мѣсячные итоги отпуски и привоза были въ этомъ мѣсяцѣ, какъ и обыкновенно, выше, нежели во всѣ другіе мѣсяцы года. Цѣнность отпуски за границу въ октябрѣ возвысилась до 3,177,794 р. сер.; главныхъ продуктовъ вывезено: пшеницы 249,811 четвертей, льнянаго сѣмени 14,524 четв., шерсти 47,510 и сала 10,317½ пудовъ. Подвозы хлѣба изъ внутреннихъ губерній были въ октябрѣ меньше значительны, чѣмъ бываетъ въ это время года, по причинѣ сильной порчи дорогъ отъ дождей, и запасы пшеницы въ городѣ уменьшились тысячъ на сто четвертей. Въ цѣнахъ на пшеницу не было почти измѣненій, кромъ незначительнаго пониженія отъ 15 до 30 коп сер., на четверть, которое слѣдуетъ приписать большому количеству хлѣба въ зернѣ, остающемуся еще въ магазинахъ къ концу года; цѣны на сало цѣсколько понизились, а на лучшіе сорта шерсти немного возвысились.—Цѣнность привоза изъ-за границы въ октябрѣ составляла: въ товарахъ

1,273,903 рубл. и въ монетъ 202,892 р., всего 1,476,795 руб. серб.; внутрь Имперіи вывезено иностранныхъ товаровъ на 1,420,086 р. сер. — Судовъ прибыло въ октябрь 138 и отошло 132; всего въ приходъ по 1-е полбрія 763, а въ отходъ 628.

—Общество страховаія скота въ Россіи, обративъ свое вниманіе на внѣшнія причины, проводяція заразу между домашнимъ скотомъ, признаю ближайшимъ проводникомъ заносной заразы слѣдующія обстоятельства: прогонъ гуртовъ, провозъ тяжестей на волахъ, развозку сырыхъ кожъ и надлаища, а потому очень важно было, въ видахъ Общества, положить предѣлъ такому пути распространенія заразы, прежде чѣмъ оно откроетъ страхование скота. Прежде всего Общество признало нужнымъ, съ своей стороны, усилить существующій надзоръ за пресвщеніемъ сообщенія скоту заразы. Для того оно учредило, въ 1849 году, сорокъ пять заставъ на большихъ дорогахъ, пролегающихъ къ столицамъ, куда большая часть скота спогаетъ, на продовольствіе жителей и войска. Врачамъ, завѣдывающимъ заставами, назначены извѣстныя дистанціи или разстоянія; заставы расположены такъ, что гурты скота, прогоняемаго по дорогамъ, не могутъ ихъ миновать. Заставные врачи, состоящіе въ постоянныхъ сношеніяхъ съ мѣстными врачебными управленіями и полиціями, получая свѣдѣнія о появленіи повальныхъ болѣзней между домашнимъ скотомъ, ограждаютъ безопасность большихъ дорогъ отъ зачумленія, учрежденіемъ, въ необходимыхъ случаяхъ, обводныхъ дорогъ и карантинновъ для больного скота. Вообще этотъ надзоръ подчиненъ отчетности, изъ которой немедленно можно раскрыть убыль въ прогоняемыхъ гуртахъ, и слѣдить за причиною ея, предупреждая распространеніе заразы въ самыхъ гуртахъ. Сверхъ-того, принято правиломъ, больной или слабый скотъ не пускать въ прогонъ вмѣстѣ съ его гуртомъ, а оставлять такой скотъ при заставахъ, для отдыха или леченія. Подобное же вліяніе врачей распространено на провозъ сырыхъ кожъ, и на своевременную уборку палага скота, происходящіе въ кругу дѣйствія каждаго врача. Послѣдствіемъ этихъ мѣръ былъ значительно благопріятный успѣхъ, о которомъ сообщаемъ здѣсь свѣдѣнія, почерпнутыя изъ отчетовъ самаго Общества.

Въ 1849 году, состояло на попеченіи Общества 1,060 гуртовъ, въ числѣ 192,000 головъ скота. Эти гурты, поступив-

шіе на продажу въ столицахъ, слѣдовали подъ непосредственнымъ надзоромъ Общества въ слѣдующемъ числѣ: изъ Земли Войска Донскаго и Черноморіи 295 гуртовъ=63,580 головъ скота; изъ Полтавской губерніи 161 гуртъ=42 562 головы; изъ Екатеринославской и Черниговской губерній 59 гуртовъ=13,429 головъ; изъ Оренбургской губерніи 70 гуртовъ=11,159 головъ; изъ Симбирской, Харьковской и Воронежской 146 гуртовъ=25,731 голова.

Пространства, проходимыя этими гуртами, составляли отъ 1,000 до 1,800 верстъ, и потому можно судить, сколькимъ неблагопріятнымъ условіямъ долженъ былъ скотъ на такомъ пути подвергаться, отъ вліянія погоды, зноя, недостатковъ хорошаго корма, водопоя и т. п. вліяній, которыми домашній скотъ не подвергается. Между-тѣмъ изъ наблюденій надъ этими гуртами оказалось, что изъ всего числа гуртовъ, въ пяти только появлялась зараза во время прогона, тогда какъ они должны были проходить и такія мѣста, гдѣ свирѣствовало повальное падежъ; наконецъ, всего во всѣхъ гуртахъ было только до 500 скотинъ больныхъ, да и тѣ, при карантинномъ наблюденіи, за исключеніемъ тридцати шести павшихъ, всѣ выздоровѣли.

Въ первую половину сего года состояло на попеченіи Общества уже 1,219 гуртовъ, въ числѣ 197,239 головъ скота, а именно: изъ Оренбургскаго-края и Киргизскихъ-степей 34,878 гол., изъ Черноморіи и Земли Войска Донскаго 73,735 гол., изъ Малороссійскихъ губерній 56,831 гол., изъ Новороссійскаго-Края 31,795 гол. Благодѣтельное вліяніе его распоряженій ознаменовалось еще тѣмъ, что изъ Оренбургскаго-края, по отдаленности и затруднительности прогона, снабжавшаго столицы ограниченнымъ числомъ скота, нынѣ пригонъ его въ С.-Петербургъ увеличился въ пять разъ. Слѣдовательно, какъ ни дѣятеленъ надзоръ, при которомъ неразлучно, болѣе или менѣе, произволь прогонщиковъ долженъ стѣсняться, промышленность, вѣроятно, находитъ въ этомъ надзорѣ свою опору и выгоду. Къ сему нельзя не присовокупить, что изъ всего вышеприведеннаго числа гуртовъ ни въ одномъ не было заразы.

Успѣшный ходъ дѣйствій и распоряженій Общества особенно важенъ въ Россіи, гдѣ въ промыслѣ скотомъ обращается капиталъ до 33½ мил. руб. сер., какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Изъ Украйны и Черноморіи получася въ С - Петербургъ 100,000 воловъ, по продажной цѣнѣ на	4,000,000 р. с.
Въ Москву 160,000 воловъ.	4,800,000 » »
Изъ Холмогоръ въ объѣзды столицы до 10,000 воловъ	300,000 » »
Изъ Остзейскихъ губерній 30,000.	600,000 » »
Въ Галицію и Польскія губерніи выносятся ? 0,000.	2,400,000 » »
Въ юговосточныхъ губерніяхъ полагается сорокъ двѣ ярмарки, особенно замѣчательныя торговлею скотомъ. На нихъ покупается для заводскаго промысла до 450,000 крупнаго скота на	9,000,000 » »
5,000,000 овцъ.	12,500,000 » »

Вышеприведенныя обстоятельства уже сами по себѣ достаточны къ тому, чтобы отвергнуть искъ почтительное вліяніе заносныхъ болѣзней, распространяемыхъ будто-бы гуртами, ибо въ то самое время, когда бытъ повсемѣстный падежъ, гурты проходили и благополучно, и въ нихъ не было зараженнаго скота. Сверхъ-того, вотъ примѣръ, свидѣтельствующій о существованіи мѣстныхъ причинъ, которыя производятъ заразу въ скотъ, и ни мало не зависятъ отъ прогона гуртовъ. Въ 1849 году появилась внезапно зараза въ одномъ уездѣ изъ губернной средней полосы. При врачебномъ изслѣдованіи заразы, источникъ ея раскрытъ на ярмаркѣ, бывшей рано весною, гдѣ продавался крестьянскій скотъ изъ окрестности; но тамъ гуртовъ скота вовсе не проходили, и притомъ дороги, послѣ вскрытія рѣкъ, были еще непроходимы. Приблизившій на эту ярмарку мелочной промышленникъ, изъ числа мѣстныхъ жителей, закупили на этой ярмаркѣ нѣсколько десятковъ головъ, и погнали ихъ на пастбище, содержимое имъ въ разстояніи ста верстъ; отсюда вслѣдъ за его прогономъ, въ двадцати селеніяхъ, чрезъ которыя это стадо проходило, появилась зараза. Тѣ же послѣдствія оказались и въ другихъ мѣстахъ, жители которыхъ накупили себѣ коровъ на этой ярмаркѣ. Спрашивается, откуда весь этотъ скотъ заразился, когда около его не было никакого гуртоваго скота въ сообщеніи и даже по близости? Потому нельзя безусловно утверждать, будто бы зараза между домашнимъ скотомъ всегда бываетъ заносная; нѣтъ сомнѣній, что она сообщается, и часто, неумовными путями, но нельзя сомнѣваться и въ томъ, что

она можетъ возрождаться повсемѣстно сама собою въ скотѣ, при соответствующихъ этому возрожденію условіяхъ. Правильный уходъ за домашнимъ скотомъ, и вниманіе ко всемъ обстоятельствамъ, неблагопріятнымъ для здоровья скота, должны законодательствовать въ каждомъ благоустроенномъ хозяйствѣ; мѣры же осторожности противъ сообщенія большаго скота съ здоровымъ и удаленіе падалища, должны составлять домашнюю распорядительность. Несоблюденіе этихъ существенныхъ условій поражаетъ иногда болѣзнь, падежъ и заразу.

Пожалованіе въ званіе къ Высочайшему Двору.

Всемилоостивѣнше пожалованы во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ: сентября 30, дѣвица Марія *Шабельская*; ноября 5, внука Статс-Дамы Графини Соболевской, дѣвица Графиня Марія *Квилецкая*; октября 30, дѣвица Сесилія *Потоцкая*.

Опредѣленіе и назначеніе къ должностямъ:

Октября 25. Состоящій по Инженерному Корпусу и при Начальникѣ Инженеровъ Дѣйствующей Арміи Генерал-Маіоръ *Аврегіо 2* назначенъ Директоромъ Варшавско-Висской желѣзной дороги. Октября 26. Сверхштатный Членъ Совѣта, учрежденнаго при Главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ и Управляющій Канцеляріею того Совѣта, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Кожуховъ* помѣщенъ на открывшуюся вакансію штатнаго Члена сего Совѣта, съ оставленіемъ и Управляющимъ Канцеляріею. Октября 30. Состоящій по Кавалеріи и при Главнокомандующемъ Дѣйствующею Арміею Генерал-Лейтенантъ Графъ *Толстой* и состоящій по Артиллеріи и управляющій резервною переписью въ Царствѣ Польскомъ Генерал-Лейтенантъ *Соболевъ* — оба назначены присутствовать въ Варшавскихъ Правительствующаго Сената Департаментахъ, послѣ-

дний и съ утверждѣніемъ въ исправляемой имъ долж-
ности. Ноября 8. Начальникъ 3-й Артиллерійской Дивизіи
Генерал-Маіоръ *Миллеръ 1-й* Членомъ Совета Государствен-
наго Контроля, съ зачисленіемъ по Артиллеріи. Ноября
7. Директоръ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностран-
ныхъ Исповѣданій, Камергеръ, Дѣйствительный Статскій
Советникъ *Скрытницъ*, Членомъ Главнаго Управленія Цен-
суры, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставлені-
емъ и въ настоящей должности.—Дѣйствительные Статскіе
Советники: Членъ Варшавскихъ Правительствующаго Се-
ната Департаментовъ *Држевецкій*, Предсѣдатель Апелляці-
оннаго Суда Царства Польскаго *Покленковскій* и Членъ Пра-
вительственной Комиссіи Юстиціи *Барановскій*—Сенаторами
къ присутствованію въ Варшавскихъ Департаментахъ. Членъ
Общаго Присутствія Департамента Военныхъ Поселеній,
Генерал-Маіоръ *Веригинъ*, Вице-Директоромъ сего же Де-
партамента по дѣламъ Казачьихъ Иррегулярныхъ войскъ.

Увольненіе отъ службы:

По болѣзни. Ноября 7. Засѣдающій въ Общемъ Присут-
ствіи Департамента Военныхъ Отчетовъ, Чиновникъ особыхъ
порученій Государственнаго Контроля, Дѣйствительный
Статскій Советникъ, Камергеръ Князь *Голицынъ*, съ при-
дворнымъ вице-мундиромъ, по установленной формѣ.

Пожалованы орденами.

Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго, алмазами
украшеннаго.

Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при
Его Величествѣ Императорѣ Австрійскомъ, Тайный Совет-
никъ *Баронъ Мейендорфъ*.

Блгого Орла.

Начальникъ Главнаго Штаба войскъ, на Кавказѣ находя-

щихся, Генерал-Адъютантъ, Генерал-Лейтенантъ *Коцебу 2-й*.
Начальникъ Черноморской Береговой Линіи, Генерал-Адъ-
ютантъ, Генерал-Лейтенантъ *Будбергъ 1-й*. Начальникъ 1-го
Отдѣленія Черноморской Береговой Линіи, Вице-Адмиралъ
Серебряковъ.

Св. Равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени, Большаго креста.

Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ при
Его Величествѣ Королѣ Датскомъ, Дѣйствительный Стат-
скій Советникъ, *Баронъ Унгери-Штернбергъ*.

*Св. Анны 1-й Степени, Императорскою Короною укра-
шеннаго.*

25 октяб. Начальникъ 13 Пѣхотной Дивизіи, Генерал-
Лейтенантъ *Обручевъ 2-й*. Командиръ Кіевскаго Инженер-
наго Округа Генерал-Лейтенантъ *Фрейманъ 1-й*. Командую-
щій 21-ю пѣхотною дивизіею Генерал-Маіоръ, Баронъ фонъ-
Врангель 2-й.

Св. Анны 1-й степени безъ короны.

Командующій 6-ю Пѣхотною Дивизіею, Генерал-Маіоръ
Дрешернъ. Комендантъ Замосцкой крѣпости, состоящій по
Арміи Генерал-Маіоръ графъ *Оперманъ 1-й*. Комендантъ
Ивангородской-крѣпости, состоящій по Арміи Генерал-Лей-
тенантъ *Коцебу 1-й*. Исправляющій должность Начальни-
ка Штаба Инженеровъ Дѣйствующей Арміи, Генерал-Маіоръ
Станюковичъ. Начальникъ Подвижныхъ Запасныхъ Артил-
лерійскихъ Парковъ Дѣйствующей Арміи, Генерал-Лейте-
нантъ *Лазаревъ-Ставицкыиъ*. Членъ Консультациі, при Ми-
нистерствѣ Юстиціи учрежденной, Дѣйствительный Стат-
скій Советникъ *Ляпуновъ*. Исправляющій должность Наказ-

наго Атамана Черноморскаго казачьяго войска Генерал-Лейтенантъ Раиниль 1-й.

Св. Станислава 1-й Степени.

Командиръ 1-й Бригады 2-й Легкой Кавалерійской Дивизіи, Генерал-Маіоръ *Парадовскій*. Главный Лекаръ Придворнаго Госпиталя, Гоф-Медикъ, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Крестовскій*. Командиръ 2-й Бригады 16-й Пѣхотной Дивизіи, Генерал-Маіоръ *Шоертъ 1-й*. Командиръ 3-й Бригады 24-й Пѣхотной Дивизіи, Генерал-Маіоръ *Запольскій 1-й*. Начальникъ Инженеровъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и Управляющій Грузинскимъ Инженернымъ Округомъ, Генерал-Маіоръ *Гаузенъ*. Тифлисскій Комендантъ, Генерал-Маіоръ *Ротъ 3-й*.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ГЕРМАНІЯ.

1-го ноября.— Въ газетѣ «Times», напечатана слѣдующая статья о германскихъ дѣлахъ:

Обративъ взоръ на Германію, мы видимъ ее раздѣленною на два непріятельскіе лагеря. Военныя позиціи, которыя, по здравой политикѣ и по формальнымъ обязательствамъ. Германія должна защищать противъ общихъ враговъ, заняты теперь враждебными, если не непріятельскими арміями. Даже въ случаѣ, еслибы эта демонстрація и не имѣла цѣлю — вызвать междоусобную войну, нельзя отрицать, что малѣйшее столкновение можетъ возбудить борьбу. Видя эту часть материка преданною въ жертву ужаснымъ смутамъ, мы не можемъ не спросить, гдѣ же врагъ, противъ котораго вооружаются, и что именно за держава, на которую устремлены эти многочисленныя арміи? Дѣло въ томъ, что Германцы направляютъ свои удары противъ своей собственной тѣни; что всѣ эти военныя приготовленія, всѣ расточенія средствъ націю, толки о войнѣ безпричинной, простираются изъ мысли и честолюбія нѣсколькихъ изступленныхъ и восторженныхъ болтуновъ, которые привели націю на край погнѣбелн. Эта катастрофа, предвидѣнная и предсказанная остальною Европою въ ту минуту, когда германскій народъ стремится осуществить проекты единства и братства, сдѣлалась теперь столь опасною, что невѣжество, возможно ли отвратить ее, такъ-что Германцы, какъ безумные въ потьмахъ, бросаются одинъ на другаго.

Что касается дѣлъ Гессенскаго Курфюршества, служащихъ

теперь предложимъ къ приготовляемой борьбѣ, то, повидному, враждебныя стороны одинаково равнодушны къ поддержанію правъ гессенской націи, такъ-что эта вражда получила совершенно территориальный характеръ. Мы готовы вѣрить, что между лицами, которыя въ Англіи и въ самомъ ея правительствѣ, своими чисто либеральными началами делятъ призракъ преимущества Пруссіи въ Германіи, многие пылѣ убѣдились, что Пруссія никогда не имѣла другой цѣли, кромѣ своего увеличенія. Она одобряла переворотъ всякій разъ, какъ только онъ согласовался съ ея видами. Пруссія раздавала проекты своего владычества, не обращая вниманія на свои обязанности относительно германскихъ народовъ и другихъ европейскихъ государствъ. Пруссія, и только она одна, была причиною этого ужасающаго замѣшательства, которое снова распространяется въ Германіи страхъ о дѣйствительной или воображаемой опасности. Мы надѣемся на мирное рѣшеніе дѣла, потому-что Прусское правительство поставило себя въ такое дурное и шаткое положеніе, что принуждено будетъ отказаться отъ него вслѣдствіе общаго негодования Германіи и остальной Европы. Каковы бы ни были притязанія г. *Радвица*, но мы не повѣримъ, чтобы онъ могъ повергнуть свое государство въ пропасть.

Онъ довольно управлялъ, чтобы убѣдиться въ бесполезности своихъ любимыхъ проектовъ, падавшихъ одинъ за другимъ, и опытъ послѣдняго времени, кажется, долженъ былъ научить его, что въ политикѣ никакое средство, удаляющее отъ границъ, проведенныхъ общественными обязательствами образованнаго міра, не можетъ быть исполнено на дѣлѣ. Мы уже говорили объ этомъ при другихъ случаяхъ, и повторяемъ, что Пруссія необходимо должна отказаться отъ притязаній на права своихъ союзниковъ, равно какъ на права Даніи. Отъ нея не требуютъ унижительной покорности, не предлагаютъ ей унижительныхъ условий; отъ нея требуютъ только одного—исполненія своихъ обязательствъ 1850 года, относительно Германіи, и обязательствъ, оговоренныхъ въ мирномъ трактатѣ, который она недавно заключила съ Даніей. Но положеніе ея сдѣлалось до такой степени исключительнымъ, притязанія столь странными, что она считаетъ себя униженною и оскорбленною, когда требуютъ у нея исполненія обязательствъ. Но приближается время, когда Пруссія должна будетъ отказаться отъ такой системы, или же остаться жертвою всѣхъ послѣдствій своего положенія.»

Гессен-Кассель. — 1-го ноября. Въ часть по-полудни, вступилъ въ Ханау, подъ предводительствомъ князя *Таксійскаго*, корпусъ баварскихъ войскъ, состоящій почти изъ 8,000 чел.; при немъ находился батальонъ австрійскихъ егерей, съ 2½ батареями артиллеріи (20 орудій). Послѣ того, какъ князь *Таксійскій* сдѣлалъ смотръ всему корпусу, большая часть войскъ пошла далѣе, въ направленіи къ Гельнгаузену. Здѣсь остались 3,500 чел., всѣхъ родовъ оружія, и главная квартира. Всѣ здѣшніе дома наполнены солдатами: въ нихъ помѣщается до 60 челов. Народонаселеніе вело себя покойно. По вступленіи Баварцевъ въ городъ, оставшіяся здѣсь курфюршеско-гессенскія войска отступили черезъ Франкфуртъ, къ Бокенгейму и Праунгейму. На мѣсто генерала *Амелунксена*, сложившаго въ себя должность губернатора, былъ назначенъ майоръ *Хумбертъ*, который, однакожъ, тотчасъ-же поспѣшилъ въ Вильгельмсбадъ, къ Курфюрсту, для отклоненія отъ себя этой чести. Вечеромъ, Баварцы заняли гауптвахты, караулы у городскихъ воротъ и станцію желѣзной дороги.

Графъ *фон-Рехбергъ*, гражданскій комиссаръ Германскаго Союза, адресовалъ къ Гессенцамъ слѣдующую прокламацію:

«Будучи назначенъ, въ силу рѣшенія Сейма отъ 25-го октября, гражданскимъ комиссаромъ Германскаго Союза, и имѣя порученіе возстановить верховную власть въ Курфюршествѣ Гессенскомъ, довожу до общаго свѣдѣнія слѣдующее рѣшеніе высокаго Германскаго-Сейма.

«Какъ 15-го с. м., правительство Курфюршества потребовало, чрезъ своего посла при Сеймѣ, помощи Союза, то послѣдній, для возстановленія законнаго порядка, прибѣгаетъ, въ силу 26 и 31 статей извѣстнаго акта, къ необходимымъ военнымъ мѣрамъ, согласно съ постановленіями 6-й статьи регламента.

«Жители Курфюршества Гессенскаго! Переступая, въ силу этого рѣшенія, по повелѣнію Союза, границы Курфюршества, съ корпусомъ войскъ, ввѣренными начальству баварскаго генерала отъ кавалеріи, князя *Тури-Таксійскаго*, даю увѣреніе, что войска исполняютъ свою важную обязанность со всею умѣренностью, допускаемого обстоятельствами, и сколько возможно, облегчать, особенно для тѣхъ жителей, которые не окажутъ никакого сопротивленія возстановленію верховной власти, бремя, неразлучное съ занятіемъ страны чужими войсками. Это увѣреніе могу я дать вамъ, нисколько не колебаясь, потому-что

знаю истинно-воинский духъ, одушевляющій войска, какъ равно и полководца, или предводительствующаго. Верныя доброй славѣ своей, эти войска покажутъ себя умѣренными вездѣ, гдѣ не будетъ это противорѣчить ихъ обязанности; но также съ непреклонною строгостію станутъ подавлять всякій мятежъ, и сокрушать всякое сопротивленіе.

«Союзъ надѣется, что принятія имъ мѣры поведутъ Курфюршество къ скорому изъявленію совершенной покорности. Только скорое возстановленіе законнаго порядка можетъ отстранить отъ Гессен-Касселя великія жертвы, какихъ бы потребовало отъ него продолжительное занятіе этой страны войсками.

«Жители Курфюршерства Гессенскаго! Войска, вступающія въ вашу страну, суть войска Союза, и слѣдовательно, ваши друзья. Они идутъ не для угнетенія васъ, а для возстановленія въ вашей землѣ, во имя Союза, отъ котораго потребовалъ того вашъ Государь, нарушеннаго въ ней порядка, и для возвращенія вамъ благодѣяній правльнаго и опирающагося на законы управления. Имѣя порученіе, въ качествѣ гражданскаго Коммиссара Союза, исполнить эту обязанность, и глубоко чувствуя тяготящую на мнѣ отвѣтственность, приглашаю всѣ мѣстныя начальства, какъ равно всѣхъ жителей, безусловно сообщаться съ распоряженіями, какія будутъ мною сдѣланы отъ имени Союза. Я буду наблюдать, чтобъ правосудіе соблюдалось повсемѣстно. Жители Курфюршерства Гессенскаго всегда отличались любовью къ порядку вѣрностью и преданностью дому своихъ государей. Еще и теперь живы въ нихъ эти добродѣтели, потому-что, вообще, народонаселеніе Курфюршерства не принимаетъ никакого участія въ промислахъ нѣкоторыхъ изъ его главныхъ городовъ, пытавшихся лишить правительство средствъ управленія страной. И гессенское народонаселеніе не будетъ и впредь внимать злобнымъ внушеніямъ мятежниковъ.

«Если я обманулся въ своемъ ожиданіи, я буду принужденъ преодолѣть, всѣми зависящими отъ меня средствами, всякое сопротивленіе распоряженіямъ, сдѣланнымъ мною отъ имени Союза, и виновные должны будутъ винить не кого иного, какъ только самихъ себя, въ слѣдствіяхъ ихъ преступнаго образа дѣйствій.

«Ханау, 1-го ноября 1850.

«Именемъ Германскаго Союза, графъ фон-Рехбергъ, гражданскій коммиссаръ.»

2-го числа, въ полдень, въ Кассель вступили 3-й батальонъ 18-го Пруссакаго полка. Теперь здѣсь стоитъ всего-на-все около 2,500 чел. Пруссаковъ. Завтра, какъ объявляютъ, придутъ еще 3,000 чел. Кассельскимъ комендантомъ назначенъ полковникъ фон-Ханъ. Здѣшнее курфюршеско-гессенское военное начальство уже просило его принять на себя охраненіе курфюршескаго и государственнаго имущества. Полковникъ фон-Ханъ отправился къ обер-бургомштру столицы, и увѣдомилъ его о своемъ назначеніи, замѣтивъ, что онъ хотя готовъ оказать городу всякую военную защиту, но что, однакожъ, поддержаніе спокойствія и охраненіе публичныхъ зданій и каסף онъ долженъ предоставить единственно гражданскому начальству. Впрочемъ, обер-бургомштръ еще вчера созвалъ гражданскую гвардію, которая и отправляетъ сегодня обычную службу, вмѣсто удалившихся гессенскихъ войскъ.

3-го. — Генералъ Хайнау подалъ въ отставку, и возвращается завтра въ Кассель, какъ частное лицо. Гельмхаузенъ запятъ Пруссаками.

Сегодня, утромъ въ 7 часовъ, въ Ханау съ барабаннымъ боемъ было объявлено осадное положеніе города, и вторично обнародована прокламація графа Рехберга. Въ присовокупленіи къ этой прокламаціи, объявлено, отъ имени Германскаго Союза, слѣдующее: 1) городъ Ханау съ его округомъ объявляются въ осадномъ положеніи. Въ случаѣ какого-либо сопротивленія, осадное положеніе города будетъ усилено, и дѣла гражданскихъ и полицейскихъ властей будутъ переданы военному начальству. 2) Во-время осаднаго положенія запрещается имѣть при себѣ какое-либо оружіе; гражданской гвардіи и всѣмъ гражданамъ предписывается въ теченіе сутокъ представить въ ратушу все свое оружіе. Тѣ, которые не исполнятъ этого повелѣнія, подвергнутся конфискаціи ихъ оружія. По святіи осаднаго положенія, отобранныя оружія будутъ возвращены. 3) Всякія народныя сборища, съ политическою или какою-нибудь другою цѣлью, запрещаются. Политическія общества закрываются; общества, учрежденныя съ какою-нибудь другою цѣлью, могутъ продолжать свои дѣйствія съ разрѣшенія начальства. 4) Газеты и журналы могутъ выходить только съ позволенія правительственныхъ властей. Курфюршескія властямъ поручается наблюдать это повелѣніе, и на нихъ возлагается отвѣтственность за исполненіе его.

Прусскія войска, вступившія сюда, отправились дальше,

на югъ; сюда еще прибыли 4 пѣхотныхъ батальона, одна 6 фунтовая, и одна 12 фунтовая баттарей. Въ сосѣдствѣ стоять отрядъ кавалеріи (кпраспры.) Главнокомандующій, графъ фон-дер-Грёбенъ, генералъ князь Радзивиль, генералы Катте и Венцель все еще здѣсь. Сюда пріѣзжали баварскіе квартирмейстеры, но тотчасъ же удалились, когда увидѣли здѣсь Пруссаковъ. Баварскіе и австрійскіе форпосты расположены до Флидена и Нейхофа, въ 3-хъ часахъ отсюда. Сегодня прусскіе форпосты стоятъ у Керчелля.

4-го. — Прусскія войска заняли караулы при придворной и государственной казнѣ; это сдѣлано потому только, что комендантъ фон-Штаркъ, оставляя городъ, въ письмѣ къ отряду прусскому командиру возложилъ на него отвѣтственность въ сохраненіи казны.

Въ Ханау находятся теперь: главный штабъ и свита князя Тура и Таксиса, 1 бат. 14 пѣхотнаго полка, 1 бат. 1 пѣхотнаго полка, 1 рота 3 стрѣльцоваго батальона и 2 эскадрона легкой кавалеріи, при 4 орудіяхъ. Здѣсь провозглашено военное положеніе; въ теченіе 24 часовъ всѣ граждане должны выдать оружіе.

Министръ финансовъ приказалъ главной государственной казнѣ выдавать жалованье всемъ чиновникамъ.

Въ четвертое втораго по-полудни протрубили тревогу. Сегодня утромъ Баварцы и Пруссаки стояли другъ противъ друга на разстояніи 2.000 шаговъ. Прусское войско какъ-бы ждало перваго нападенія. Въ половинѣ третьяго, два эскадрона прусскихъ королевскихъ кирасиръ, при крикахъ ура, отправились скорою рысью, изъ воротъ Гера къ Петерсбергу, чтобы помѣшать баварскимъ войскамъ вступить сюда изъ Рено. Орудія были отправлены для подкрѣпленія, черезъ Франкфуртскую или Франкскую улицы. Въ половинѣ пятаго войска все еще стояли на площадяхъ; всѣ обозы были отправлены по направленію въ Хюфельдъ. Всѣ выходы въ городъ были заняты. Ночь прошла спокойно; несмотря на то, что всѣ ожидали столкновенія, съ вечера же прусская артиллерія и кавалерія воротились въ городъ, а войска, стоявшія на площадяхъ, спокойно разошлись по квартирамъ.

6-го. — Изданіе «Ханауской газеты» запрещено, и типографскіе станки ея опечатаны.

Въ Бокенгеймѣ также объявлено осадное положеніе.

Въ Касселѣ утромъ опять ударили тревогу, и весь прусскій гарнизонъ сталъ подь ружье. Скоро узнали, что два ба-

тальона фузелеровъ и одинъ егерскій батальонъ вдругъ получили приказаніе идти къ Фульдѣ, и сегодня же вечеромъ должны были прибыть въ Хюфельдъ. Два батальона тотчасъ же отправились, по желѣзной дорогѣ, къ Бебрѣ.

7-го, въ 8 часовъ утра, прусскій 18-й линейный пѣхотный полкъ оставилъ Кассель, чтобы примкнуть къ арміи генерала фон-дер-Грёбена. Предъ его отправленіемъ, полковникъ фон-Ханъ всенародно благодарилъ городъ Кассель за радушный приемъ, найденный въ немъ Пруссаками. Потомъ, съ барабаннымъ боемъ и воинскими пѣснями, полкъ отправился въ путь, по желѣзной дорогѣ.

Прусскія и соединенныя баварско-австрійскія войска занимаютъ слѣдующія позиціи: Пруссаки заняли долину рѣки Фулды, до моста при селѣ Кольхаузѣ (въ четверти мили къ югу отъ города Фулды), городъ Фульду, высоты, идущія къ Ренскимъ-горамъ, до Флоренцберга и Мельтеса, Бронцель, Лангенбиберъ, Бибраштейнъ, Нидербиберъ, Виттгесъ и Лангенбергъ съ одной стороны, какъ равно холмы, идущіе къ Фогельсбергу, съ другой стороны, съ селами Обергизелемъ, Нидергизелемъ, Клейнхейлигкрейцомъ, Гайнцелемъ, Клейнлюдеромъ, Мальгесомъ, Маберцеллемъ и проч., а потомъ Петерсбергъ и Фрауенбергъ, съ селами Горасомъ, Кемерцеллемъ, Низгомъ и др. Баварско-австрійскія войска отчасти сосредоточены въ главномъ направленіи отъ Нейхофа къ Фульдѣ, отчасти же занимаютъ склоны Рѣнскихъ-горъ и мѣстечки Бильгерцель, Обердирлосъ, Унтердирлосъ, Динпертсхаузенъ, Дидерсхаузенъ и Ейхенцель на восточной сторонѣ долины, и тоже многія села на западной.

Выправка баварскихъ войскъ прекратилась; они наблюдаютъ строгую дисциплину. Впрочемъ, глубокое спокойствіе господствуетъ во всемъ Гессенѣ; жители принимаютъ въ движеніи очень мало участія: они съ радостію платили бы подати, еслибъ чиновникамъ было угодно принимать ихъ.

8-го. Войска, постоянно собравшіеся съ двухъ сторонъ, враждебно смотрѣли другъ на друга. Сегодня они столкнулись. Князь Туръ и Таксисскій велѣли своимъ войскамъ придвинуться къ Фульдѣ, и замѣтивъ, что Фульдская долина не занята неприятелемъ, думалъ что войдетъ въ Фульду безпрепятственно; но едва авангардъ приблизился къ Бронцеллю, какъ на него посыпался пули прусской пѣхоты. Первые выстрѣлы были на передовыя войска, вперед которыхъ ѣхалъ генералъ Хейльбронель; слѣдующіе выстрѣлы вынесли на

себѣ австрійскіе егеря, которые входили въ деревню по лѣвой сторонѣ улицы, при чемъ у нихъ было ранено 5 человекъ; по правой сторонѣ улицы входилъ баварскій 11-й пѣхотный полкъ, до котораго неприятельскіе выстрѣлы не достигли; вслѣдъ за тѣмъ, деревня была очищена отъ Пруссаконъ и занята союзными войсками. Отрядъ баварской легкой кавалеріи, которому поручено было прозвести рекогносцировку въ Бронцелъ, встрѣченъ былъ тоже сильнымъ огнемъ пикета прусскихъ гусаръ.

9-го. — Вчерашнее дѣло не имѣло дурныхъ послѣдствій. Сегодня же получено изъ Берлина предписаніе, вслѣдствіе котораго весь прусскій отрядъ выступилъ изъ города сегодня утромъ. Въ 2 часа п. п., вмѣсто него, сюда вступилъ Князь Туръ и Таксисскій съ баталіономъ австрійскихъ егерей, двумя баталіонами баварской пѣхоты, полкомъ легкой кавалеріи и 6-ти фунтовой конной батареей.

Франкфуртъ на Майнѣ. Дипломатическія сношенія между Курфюршествомъ и Пруссіею прекращены, о чемъ уже сообщено прусскому королевскому уполномоченному г. фон-Тиле. Посланникъ Курфюршества въ Берлинъ, г. Дёрнбергъ, отозванъ.

25-го ноября вечеромъ здѣсь опять произошли довольно важныя безпорядки. Два прусскихъ унтер-офицера отправлены были съ тѣмъ, чтобы собрать въ казармы всѣхъ прусскихъ солдатъ; вдругъ на нихъ напали около 50 баварцевъ, и несмотря на отчаянную храбрость свою, Пруссаки должны были уступить огромному числу нападающихъ; одинъ изъ нихъ получилъ сильный ударъ въ голову и, вѣроятно, сегодня же умретъ; другой раненъ въ лѣвое плечо: ударъ раздробилъ ему кость. Прусскіе офицеры съ трудомъ удерживаютъ своихъ солдатъ въ казармахъ — такъ сильна въ нихъ жажда мщенія.

26-го. Вчерашняя стычка имѣла очень гибельныя послѣдствія; нѣсколько раненыхъ уже умерло. Патрули по городу ушлены, и для предупрежденія всякаго новаго столкновенія, какъ прусскимъ, такъ и баварскимъ войскамъ велѣно оставаться въ особые кварталы города, изъ которыхъ солдаты не могутъ выходить, подъ опасеніемъ немедленнаго арестованія.

Курфюртъ Гессенскій протестуетъ противъ вступленія прусскихъ войскъ въ его владѣнія.

Баварія. — Военное министерство предписало 2-му баталіону состоящаго здѣсь пѣхотнаго полка Наслѣднаго Принца, немедленно созвать всѣхъ отпускиныхъ чиновъ, и приготовить-

ся къ походу. По распоряженію того же министерства, долженъ быть сформированъ новый баталіонъ артиллеріи, изъ шести ротъ.

Саксонія. — Военный министръ приказалъ всѣмъ резервамъ арміи и солдатамъ, находящимся въ отпуску, собраться подъ знамена. Въ томъ же приказѣ предписывается немедленно купить 2.700 лошадей, и привести всю саксонскую армію въ движеніе.

11-го числа утромъ, батарея артиллерійскихъ орудій, давно стоявшая въ Лейпцигѣ, оставила его, чтобы примкнуть къ саксонскому корпусу арміи, собирающемуся въ окрестностяхъ Гроссенхайна. Рота стрѣлковъ прикрывала батарею. Сегодня же, въ 11 часовъ утра, другой отрядъ стрѣлковъ отправился къ Гроссенхайну по лейпцигско-дрезденской желѣзной дорогѣ; другая часть здѣшняго гарнизона послѣдуетъ за нимъ на дняхъ, и здѣсь останется лишь малочисленный гарнизонъ, который, вѣроятно, будетъ составленъ большею частію, изъ военнаго резерва.

Виртембергъ. — 2-го. Военный Министръ отдалъ приказъ по всѣмъ полкамъ, созвать подъ знамена всѣхъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ отпуску. Рота пѣхоты будетъ состоять изъ 200 человекъ.

Король пожаловалъ Его Свѣтлости Князю Паскевичу, по случаю юбилея его 50 лѣтней службы, большой крестъ ордена за военныя заслуги.

Баденъ. — 4-го. Всѣ баденскія войска получили приказаніе немедленно идти въ округъ Констанцскаго-озера, для прикрытія границы. Это приказаніе получено здѣсь вчера вечеромъ, и уже сегодня отправляются туда два эскадрона драгунъ и батарея конной артиллеріи. Завтра за ними послѣдуютъ 2-й и 8-й пѣхотные баталіоны, а послѣ завтра остальные войска. Кадры баталіоновъ должны быть исполнены, и каждая рота будетъ состоять изъ 130 чел.

7-го. — Одинъ изъ баталіоновъ прусскаго 20-го полка вступилъ сюда еще 4-го с. м., а вчера вечеромъ, прибылъ въ Карlsruhe и другой прусскій баталіонъ, 26-го пѣхотнаго полка.

Дармштадтъ, 22-го. Министерство обнародовало воззваніе къ народу, по поводу предстоящихъ выборовъ. Министерство показываетъ, что въ оппозиціи, которую правительство встрѣтило въ распущенномъ Собраніи участвовало только меньшинство гражданъ; далѣе оно выражаетъ надежду, что чиновники останутся вѣрными своей присягѣ. «Мы ожидаемъ съ увѣ-

ренностью, что общественные чиновники, которые разделяют с нами наше справедливое и сознательное стремление, при предстоящих выборах членов Национального Собрания будут действовать не только прилежно, принимая прямое участие в выборах, но и увеличат, по возможности, круг избирателей, действуя прямыми указаниями, приличными увещаниями и объяснением системы и намерений правительства и самого положения страны, и таким образом будут содействовать к достижению тех результатов, которые одни могут быть спасительны». В заключение приведено объявление велико-герцогского уполномоченного при Франкфуртском Сейме, от 8 августа, в котором изложено, что правительство, для достижения предположенной цели, т. е. устройства Германского Союза, единственным возможным путем считает, согласно с предложением Австрии, созвание Германского Сейма.

Саксен-Мейнингенъ. Вся кобургская граница занята, 6-го ноября, австрийскими войсками. Это целый корпусъ арміи, состоящій, по-крайней-мѣрѣ, изъ 20,000 челов., съ 60 пушками. Общиннымъ начальствамъ поручено заготовить фуражъ и провизию на 6 дней.

Гамбургъ, 6-го. Прусскій 8-й гусарскій полкъ и отрядъ артиллеріи, стоявшіе здѣсь съ прошлаго года, отправились сегодня въ Перлебергъ. Завтра выходятъ отсюда 2 батальона 12-го полка, а послѣ завтра и остальные прусскія войска, а именно: 3-й батальонъ того же полка и 7-й егерскій батальонъ.

П р у с с і я .

Берлинъ. Королевскимъ повелѣніемъ отъ 2-го ноября, Палаты созываются къ 21 числу сего мѣсяца.

Въ официальной части прусскаго Staats-Anzeiger, напечатано королевское повелѣніе отъ 3-го ноября, которымъ государственный министръ генерал-лейтенантъ *фон-Радовицъ* уволенъ отъ управления министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ той же газетѣ напечатано, что генералъ отъ кавалеріи, графъ *фон-Бранденбургъ*, скончался 6-го ноября въ восемь часовъ утра, послѣ трехдневной болѣзни, на 59 году своей жизни.

Графъ *Фридрихъ-Вильгельмъ фон-Бранденбургъ*, родившійся 24-го января 1792, посвятилъ себя, съ самой ранней юности, военному поприщу, потому-что еще въ февралѣ 1803 года онъ былъ записанъ юнкеромъ въ гвардію. Однакожь, его дѣйствительная служба начинается только съ ноября 1807. Въ слѣдующемъ году 12-го ноября, онъ поступилъ подпоручикомъ въ гвардейскій пѣхотный полкъ, а въ іюль 1809 въ полкъ лейб-гвардіи. Въ томъ же году, 20-го сентября, графъ произведенъ въ поручики, а въ 1811 году, 11-го октября, въ ротмистры. Въ этомъ чинѣ, онъ былъ прикомандированъ, 24-го марта 1812, къ генерал-майору фон-Йорку, отличился тогда во многихъ сраженіяхъ, и получилъ орденъ Pour le mérite. Въ 1813 году, 14-го іюня, графъ произведенъ въ майоры, и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ сраженіяхъ при Мекерицѣ, Кольдицѣ, Кенигсвартѣ, Левенбергѣ, Бунцлау, Вартебургѣ, Фрейбургѣ, на Герзельскихъ горахъ, при Сен-Дизье, при взятіи Шалона-на-Марнѣ, Шато-Тьерри и Кле и въ большихъ битвахъ при Грос-Гершенѣ, Бауценѣ, на Кацбахѣ, при Лейпцигѣ, Бриеннѣ, Лапѣ и Парижѣ. При переходѣ черезъ Рейнъ (при Каубѣ), графъ первый ступилъ на тотъ берегъ. За свои блистательные подвиги при Мекерицѣ онъ получилъ желѣзный крестъ второй, а при Вартебургѣ первой степени. Въ 1814 году, 30 мая, графъ произведенъ въ подполковники и причисленъ къ свитѣ Е. В. Короля. Въ слѣдующемъ году онъ произведенъ въ полковники, и опредѣленъ въ тотъ самый полкъ, въ которомъ началъ свое военное поприще, а 23 апрѣля 1816 получилъ и начальство надъ этимъ полкомъ. Въ 1819 году, 28-го марта, графъ фон-Бранденбургъ назначенъ начальникомъ первой гвардейской кавалерійской бригады, а 23 апрѣля 1823 произведенъ въ генерал-майоры. Въ сентябрѣ 1826, онъ получилъ орденъ Краснаго Ора второй степени, а въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ временнымъ инспекторомъ гвардейской кавалеріи. 24-го сентября 1832, графъ получилъ звѣзду къ ордену Краснаго Ора второй степени, съ дубовыми листьями, и спустя два года, назначенъ дѣйствительнымъ инспекторомъ гвардейской кавалеріи. 30-го марта 1837 его произвели въ генерал-лейтенанты, и ровно черезъ годъ назначили начальникомъ 11-й дивизіи. 6-го февраля 1839, Король поручилъ ему управление дѣлами 6-го корпуса арміи, а 29 ноября того же года назначилъ его командующимъ генераломъ этого корпуса. 30-го ноября 1846, графъ фон-Бранденбургъ наименованъ шефомъ 5-го кирасир-

скаго полка, а 5-го мая 1848 назначенъ командующимъ генераломъ 8-го корпуса арміи. Въ томъ же году, 6 ноября, онъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, и послѣ того, назначенъ президентомъ Совѣта Министровъ. Въ прошломъ году Король наградилъ отличную службу графа фон-Бранденбурга орденомъ Чернаго Ора.

6-го ноября издано слѣдующее королевское повелѣніе: «По предложенію государственнаго министерства, симъ повелѣваю немедленно поставить армію на военную ногу, предоставляю военному министру сдѣлать нужныя для сего распоряженія. Берлинъ, 6-го ноября 1850. (Подпис.) Фридрихъ-Вильгельмъ. (Контрал.) фон-Ладебергъ, Мантейфель, фон-дер-Хейдтъ, фон-Рабе, Симонсъ, фон-Штокхаузенъ».

Три дня спустя обнародовано новое Королевское повелѣніе: «Мы Фридрихъ-Вильгельмъ, Божіею милостию Король Прусскій, и проч., по предложенію Нашего государственнаго министерства, повелѣваемъ: 1) Вслѣдствіе Нашего повелѣнія отъ 6-го с. м., которымъ армія Наша поставляется на военную ногу, всѣмъ прусскимъ поданнымъ, принадлежащимъ къ резерву или ландверу или уволеннымъ на неопредѣленное время изъ рядовъ арміи и находящимся, съ позволенія или безъ позволенія правительства, за границею, отдается симъ Наше королевское повелѣніе немедленно возвратиться въ прежнее мѣсто жительства, и явиться къ ихъ военному начальству. 2) Тѣмъ, которые въ точности исполнять это повелѣніе не позже 15-го декабря сего года, Мы даруемъ симъ Наше Монаршее прощеніе, такъ-что они будутъ освобождены отъ всѣхъ законныхъ наказаній, если невпновны въ другихъ преступныхъ дѣйствіяхъ, какъ-то: недозволенномъ выходѣ изъ Нашего королевства или вступленіи въ иностранную гражданскую или военную службу. 3) Тѣ, напротивъ, которые не возвратятся въ установленный выше сего срокъ, должны ожидать строгаго наказанія по законамъ. Берлинъ, 9-го ноября 1850. (Подпис.) Фридрихъ-Вильгельмъ, (Контрос.) фон-Ладебергъ, фон-Мантейфель, фон-дер-Хейдтъ, фон-Рабе, Симонсъ, фон-Штокхаузенъ».

12-го.—И. В. Король и Королева, 9-го с. м. присутствовали при торжественномъ отиываніи тѣла президента Совѣта Министровъ, генерала отъ кавалеріи графа фон-Бранденбурга.

Въ Берлинѣ проявляется большое одушевленіе; не только вся армія поставлена на военную ногу, но даже первый корпусъ ландверовъ, а изъ втораго корпуса по 400 челов. съ

батальона. Со всѣхъ сторонъ правительство получаетъ добровольныя припошенія; одинъ общинный коммиссаръ обязался снарядить шесть егерей; крестьянинъ изъ окрестностей Берлина представилъ военному министру шесть сыновей своихъ, прося помѣстить ихъ въ армію; всѣ шестеро, сказали онъ, достойны умереть за Короля. Вообще волонтеровъ поступаетъ на службу чрезвычайно много. Одинъ купецъ пожертвовалъ 10,000 талеровъ.

Е. В. Король Прусскій открылъ, 21 ноября, собраніе Палаты тронною рѣчью:

«Господа депутаты Первой и Второй Палаты! Въ нынѣшнее тяжкое время я съ довѣренностью вижу васъ снова вокругъ моего трона. Со времени послѣдняго вашего собранія, правительство мое дѣятельно заботилось о приведеніи въ исполненіе составленныхъ вмѣстѣ съ вами органическихъ законовъ. Законъ объ общинахъ вводится во всѣхъ частяхъ Пруссіи, и только различныя обстоятельства, обозначенныя въ самомъ законѣ, замедлили введеніе его въ разныхъ частяхъ государства. Хотя дѣло о распредѣленіи поземельнаго налога на основаніи закона 24 февраля не вездѣ еще окончено, но правительство мое постарается представить вамъ въ возможно скорѣйшемъ времени результатъ этого труда. Постройки желѣзныхъ дорогъ, которыя вы доставили моему правительству возможность предпринять, производятся съ большою дѣятельностію и успѣхомъ. Другія публичныя работы также успѣшно производятся, и содѣйствуютъ улучшенію состоянія запятого или класса народа. Вслѣдствіе улучшенія всеобщаго спокойствія, торговля и промышленность въ нынѣшнемъ году оживились, и по нѣкоторымъ отраслямъ, дѣла производились съ большою дѣятельностію. Улучшенія по почтовой части, произведенныя вслѣдствіе почтовыхъ трактатовъ, заключенныхъ съ другими германскими государствами, и переговоровъ съ иностранными державами, касательно облегченія взаимныхъ сношеній, уже произвели полезныя результаты. Мы уже начали радоваться возвращенію спокойствія, какъ вдругъ покушеніе на мою жизнь обратило наше вниманіе на бездну, на краю которой мы все еще находимся. Я говорю не о собственной моей жизни: она въ рукахъ Всевышняго, и при томъ опасности, отъ которой я столь чудеснымъ образомъ спасся, доставила мнѣ удовольствіе получить изъ всѣхъ частей Пруссіи безчисленныя доказательства преданности и вѣрности; я говорю о глубокомъ возмущеніи всѣхъ понятій,

которое могло повести къ покушенію на мою жизнь, о пренебреженіи всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, обнаружившемся при этомъ прискорбномъ случаѣ. Непослѣднее виною этого событія было своеволие тишенія, а какъ при послѣднемъ собраніи Палаты невозможно было исправить временный законъ отъ 30 іюня, то правительство мое долгомъ почло, на основаніи параграфа 63 устава, сдѣлать дальѣйшія временныя распоряженія, для устройства тишенія. Эти распоряженія могли быть только временнымъ средствомъ къ устраненію зла; почему вмѣстѣ съ ними вамъ представленъ будетъ новый законъ о тишеніи, назначенный для прочнаго и продолжительнаго существованія. При разсмотрѣніи закона этого, вы, вмѣстѣ съ моимъ правительствомъ, постараетесь согласить требованія разумной свободы, съ условіями безопасности государства и общества. Предписанныя уложеніемъ предварительныя работы, для опредѣленія отношеній церкви къ государству, уже начаты, и правительство мое постарается рѣшить эти затруднительные вопросы какъ можно скорѣе, съ сохраненіемъ выгодъ обѣихъ сторонъ. Проектъ закона о народномъ просвѣщеніи будетъ скорѣе оконченъ, но обширность предварительныхъ работъ не позволила представить вамъ его при самомъ открытіи Палаты. Въ скоромъ времени представленъ будетъ вамъ также проектъ закона о медицинскомъ управленіи. Давно обработанный проектъ уголовныхъ законовъ ожидаетъ вашихъ совѣщаній. Присоединеніе Гогенцоллернскихъ владѣній къ нашей монархіи требуетъ составленія для нихъ закона о выборахъ. Поручаю вамъ поспѣйшѣе разсмотрѣніе этого проекта, потому-что конечно и вы, вмѣстѣ со мною, пожелаете видѣть посреди васъ депутатовъ этихъ областей. Господа депутаты, съ бюджета 1851 года вы увидите, что не только всѣ государственные доходы увеличены, но и расходы, по возможности, сокращены. Но расходы, причиненные потрясеніями 1848 года, еще не могутъ быть покрыты обыкновенными доходами; по этому увеличеніе доходовъ Пруссіи еще необходимо. Поручаю вашему внимательному разсмотрѣнію предложенія, которыя будутъ сдѣланы по этому предмету моимъ правительствомъ. Вамъ будетъ представленъ также подробный отчетъ объ употребленіи кредита въ 18,000,000 талеровъ, назначеннаго на военныя издержки. Но опасности, побудившія васъ къ назначенію этого кредита, еще не миновались. Мирныя мои отношенія къ великимъ европейскимъ державамъ не прерывались,

но старанія мои доставить Германіи сообразное съ ея потребностями уложеніе, остались, къ сожалѣнію, безъ успѣха. Я остаюсь при моей мысли, на которой основывался мой дѣйствіи по этому предмету, и надѣюсь на будущее; но къ осуществленію этой мысли на новыхъ отношеніяхъ приступлю только тогда, когда будущій составъ Германскаго Союза будетъ опредѣленъ. Надѣюсь, что относящіяся къ тому совѣщанія приведутъ къ желанному концу. Миръ съ Данією заключенъ и ратификованъ, но еще не во всѣхъ частяхъ своихъ приведенъ въ исполненіе. Въ одномъ сосѣднемъ государствѣ произошли важныя замѣшательства; произведенная съ одной стороны попытка вмѣшаться въ эти дѣла, грозила нарушить права Пруссіи, и привела къ недоумѣніямъ, въ которыхъ мы непосредственно замѣшаны. На представленія наши, основанныя на условіяхъ географическаго и военнаго положенія нашего, не обращено доселѣ надлежащаго вниманія со стороны владѣтеля этого государства и его союзниковъ; сверхъ-того въ странахъ, отдаленныхъ отъ мѣста, гдѣ произошли эти затрудненія, вблизи нашихъ границъ, происходили сборы войскъ, угрожавшіе безопасности нашей монархіи. Тогда и я не могъ долге отлагать принятіе нужныхъ мѣръ; я призвалъ всю военную силу государства. Съ гордостью и радостью вижу я, что мой воинственный народъ единодушно возстаетъ и присоединяется къ моему войску, пзѣстному своимъ мужествомъ и вѣрностью. Скороѣ будемъ мы вооружены силойѣе, нежели когда-либо въ прежнія и новѣйшія времена. Мы не щемъ войны, мы не хотимъ уменія ни чьихъ правъ, никому не навязываемъ своихъ предложеній, но мы требуемъ учрежденія нашего общаго отечества сообразно съ настоящимъ положеніемъ нашимъ въ Германіи и Европѣ, и согласно съ правами, дарованными намъ Богомъ. Право на нашей сторонѣ; мы будемъ защищать его, и до-тѣхъ-поръ не положимъ оружія, пока не будемъ увѣрены, что право это признано. Это долгъ нашъ передъ Пруссіей и Германіей. Надѣюсь, что наше вооруженіе будетъ достаточно для огражденія нашихъ правъ. Вооруженіе наше, если цѣль его будетъ достигнута, безопасно для спокойствія Европы, потому-что народъ мой столько же благоразуменъ, сколько спленъ. Вы, милостивые государи, должны дать мнѣ средства, необходимыя для достиженія цѣли. Я сожалѣю о жертвахъ, которыя по этому случаю должна будетъ принести нація, но я знаю, господа депутаты, что ваша ревность не уступитъ ревности всего

моего народа. Вы докажете, что наше уложеніе, котораго я твердо держусь, возбуждаетъ силу дѣйствій Пруссіи, а не парализируетъ ея, и какъ при мгновенномъ порывѣ всѣ партіи въ народѣ исчезаютъ, народъ и войско тѣсно соединяются со мною и между собою, то конечно и вы, Гг. представители этого великаго народа, будете единодушно и твердо помогать мнѣ въ предстоящихъ опасностяхъ. Итакъ да будетъ нашимъ лозунгомъ: согласіе въ вѣрности, надежда на Бога въ одномъ духѣ, — въ дрепнемъ, истинно прусскомъ духѣ. Этимъ часто помогали намъ Богъ, — поможетъ и впредь. — Я въ этомъ убѣжденъ».

Вторая Прусская Палата избрала членовъ Коммиссіи для составленія адреса въ отвѣтъ на тропицу рѣчь. Изъ 22 членовъ 9 принадлежатъ къ лѣвой сторонѣ, 9 къ центру и только 4 къ министерской партіи, т. е. къ крайней правой сторонѣ.

Бржи въ Вѣнѣ, Франкфуртѣ и другихъ городахъ начинаютъ беспокоиться, видя, что вооруженіе и движенія войскъ повсюду продолжаются. Второстепенныя государства — Саксонія, Ганноверъ и другія, вооружаются, чтобы быть готовыми на всякій случай, и вся Германія походитъ на огромный лагерь. Очевидно, что такое положеніе не можетъ быть продолжительно: германскія государства не въ состояніи вынести издержки этихъ вооруженій, которыя стоятъ почти также дорого, какъ и самая война.

Что же касается до Пруссіи, то не выводъ войскъ ея изъ Касселя, а можетъ-быть и изъ всего Курфюршества, не усмиреніе Шлезвиг-Гольштейна австрійскими войсками запятнаетъ честь Пруссіи: можно сдѣлать одно, и согласиться на другое, не теряя своего достоинства. Но что дѣйствительно пятнаетъ честь Пруссіи, такъ это то, что войска ея, готовые къ бою, уже цѣлый мѣсяць стоятъ въ Курфюршествѣ, не зная, чего они тамъ хотятъ; что для Пруссіи шлезвиг-гольштейнскій вопросъ и по-сію-пору непонятенъ и темнѣе, чѣмъ сфинксова загадка; что она и теперь еще не знаетъ, какимъ образомъ привести въ исполненіе «свободныя совѣщанія», свободное право составлять союзы, такъ что австрійскій кабинетъ можетъ привести Пруссію въ крайнее затрудненіе, давъ ей право начать выполненіе ея требованій, или совершенную свободу дѣйствовать по ея усмотрѣнію.

А В С Т Р І Я .

Вѣна, 2-го ноября. — Кромѣ фельдмаршала графа Радецкого, призваны въ Вѣну многие другіе генералы, чтобы участвовать въ большомъ военномъ совѣтѣ. Составъ арміи полагается въ 180,000 человекъ, въ томъ числѣ 130 эскадроновъ кавалеріи. Изъ Пруссіи получены успокоительныя предложенія, однакожь они не могутъ быть приняты, потому-что остановили бы неизбѣжное вмѣшательство Союза.

Графъ Шанборъ отправился, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Венецію, для свиданія съ испанскимъ инфантомъ Дон-Жуаномъ.

Императоръ Австрійскій съ большою свитою пріѣзжалъ на станцію южной желѣзной дороги, и осматривалъ тамъ прибывшіе два батальона пѣхотнаго Великаго Князя Михаила Павловича полка и 19 егерскій батальонъ. Число генераловъ, которые здѣсь собираются, постоянно увеличивается.

Ожидаемое выступленіе войскъ изъ Форарльберга и Рейты послѣдовало теперь дѣйствительно. Уже бригада Сивьорини, подъ начальствомъ фельдмаршал-лейтенанта Легдича, идетъ отъ Брегенца, на Реттенбахъ и Кемптенъ, къ Кауфбейерну. Часть бригады Корели (пѣхота Бенедика и легкая кавалерія Виндизигреца) выступила изъ Райты и равновѣрно направилась на Кауфбейернъ, чтобы, по слухамъ, отправиться оттуда по желѣзной дорогѣ въ Ашаффенбургъ.

По распоряженію военного министерства, офицеры въ Австрійской Италіи не будутъ увольняемы въ отпускъ, до дальѣйшаго распоряженія.

Въ Вѣну прибылъ фельдмаршалъ графъ Радецкій.

Фельдцейхмейстеръ Иелачичъ издалъ недавно прокламацію, по поводу движенія пограничныхъ войскъ къ Вѣнѣ; теперь выступаютъ въ походъ вторые батальоны Кроатскаго и Славонскаго пограничныхъ полковъ, и первый батальонъ Оттоманскаго полка.

«Вы оставляете теперь, говоритъ Банъ въ заключеніе, свои семейства, свое войско, отечество, которое съ помощію Божіею скоро опять увидите, возвышенные сознаниемъ вѣрно исполненной обязанности; но и въ другихъ войскахъ найдете вы старыхъ боевыхъ товарищей, которые встрѣтятъ васъ съ восторгомъ; вы увидите нашего рыцарскаго Императора и

Повелителя, вы прочтете в его глазах, услышите из его уст, какъ цѣнить и дорожить онъ своими храбрыми Крашницами, и воскликнете единодушно: да хранитъ и благословитъ Богъ нашего всемогущѣйшаго Императора Франца Иосифа!»!

Императоръ, высочайшимъ повелѣніемъ отъ 2 числа сего мѣсяца, всемогущѣйше даруетъ прощеніе, въ случаѣ если преступники не провинились въ чемъ-нибудь другомъ, всѣмъ тѣмъ бывшимъ инсургентамъ, которые служили въ арміи и бѣжали, до 6-го ноября, т. е. до дня обнародованія этого повелѣнія, и добровольно явятся до конца марта мѣсяца 1851 года.

Вечеромъ 5 числа, скопчался въ Эбенцвейерѣ Эрцгерцогъ Фердинандъ д'Есте. Тѣло его будетъ, по его желанію, перевезено въ Вѣну, въ королевскую могилу. Эрцгерцогъ умеръ съ спокойствіемъ въ душѣ, на рукахъ брата своего, Эрцгерцога Максимилиана д'Есте, послѣ трогательнаго прощанія. Всѣ его служители получили пенсію. Онъ родился въ Моденѣ, 25 апрѣля 1781 года, и былъ второй сынъ Эрцгерцога Беатрисы. Славу героя заслужилъ онъ во время французской войны, въ которой онъ участвовалъ съ 1805 года до самаго конца; въ этомъ году онъ назначенъ былъ командиромъ третьяго армейскаго корпуса, съ которымъ занялъ Баварію, и разбилъ Баварцевъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1808 году онъ вступилъ въ Варшаву съ 36,000 чел., и велъ войну, съ большою храбростью и стойкостью, противъ союзниковъ Наполеона въ Галиціи, до заключенія мира. Въ 1815 году Эрцгерцогъ велъ австрійскіе резервы въ Люневиль, а по заключеніи мира былъ назначенъ главнокомандующимъ генераломъ въ Венгріи; въ 1830 году онъ назначенъ военнымъ и гражданскимъ генерал-губернаторомъ въ Галиціи, и оставался на этомъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, пока совсѣмъ не удался отъ службы. Въ 1848 и 1849 годахъ, покойный помогалъ общинамъ въ окрестностяхъ Эбенцвейера, которыя почти совсѣмъ обѣднѣли.

Всѣ военные долгое время не будутъ получать отпусковъ. Наборъ 76,000 чел. начнется еще въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Всѣмъ отпускнымъ повелѣно возвратиться въ свои полки, и для того, чтобы сохранить въ арміи людей опытныхъ, тѣ, которые подавали въ отставку, но еще не получили ее, не будутъ уволены. Съ нѣкотораго времени въ штабѣ генерал-квартирмейстера замѣтна сильная дѣятельность. Въ Верхней

Австріи городское начальство уже приняло всѣ мѣры для производства набора 1,560 рекрутовъ, которые приходятся на ея долю изъ 76,000 человекъ.

8-го было засѣданіе Военнаго Совѣта, подъ предѣтельствомъ Императора; въ немъ присутствовалъ между прочими и фельдмаршалъ *Радецкий*. Во всѣхъ частяхъ Австріи дѣлаются военныя приготовленія; военнымъ госпиталямъ и провіантскимъ комиссіямъ приказано готовиться къ выступленію.

16-го.—Изъ отчетовъ Комиссіи народнаго здравія видно, что съ 26-го октября по 9-е ноября прибавилось къ 13 больнымъ только 19 человекъ, такъ что всѣхъ больныхъ холерою 32 чел.; 10 изъ нихъ выздоровѣло, 9 умерло, а 13 осталось въ больницахъ. Такъ какъ въ день среднимъ числомъ заболѣваетъ только одинъ человекъ, то холера, какъ говоритъ Комиссія, не можетъ уже считаться эпидемическою болѣзнію. Во все время, пока она свирѣпствовала въ Вѣнѣ, тамъ заболѣло 1777 человекъ, 987 изъ нихъ выздоровѣли, а 777 умерли; 13 еще въ больницахъ.

Попытка министерства торговли топить паровозы необожженнымъ каменнымъ углемъ, удалась какъ нельзя лучше, такъ что на всѣхъ государственныхъ дорогахъ будетъ употребляться простой каменный уголь. На лабзвйтской желѣзной дорогѣ съ нѣкотораго времени постоянно топятъ паровозы браун-колемъ.

Изъ Бѣлграда пишутъ отъ 11-го ноября: «Спѣшу сообщить вамъ радостное извѣстіе, что Болгарскій вопросъ, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ русскаго посланника, благополучно оконченъ. — Болгарія сдѣлалась теперь младшимъ членомъ европейскаго государственнаго семейства. Говорятъ, что въ Князя Болгаріи будетъ назначенъ Грекъ *Вогоридесъ*, бывшій Князь Самосскій.

Статистическія цифры относительно Венгріи и Воеводства Сербіи: обѣ эти провинціи занимаютъ пространства 3,962 кв. миль; въ нихъ 60 городовъ, 793 мѣстечка и 11,690 деревень. По численію въ 1848 г., народонаселеніе королевства (со включеніемъ Сербіи) состояло изъ 11 милліоновъ человекъ; позднѣйшая перепись показала однако, что это число было слишкомъ ве-

люко; за исключеніемъ Сербіи, въ Венгріи теперь жителей 8.014.485; въ томъ числѣ католиковъ 5.700.000; униатовъ 600.000; православнаго исповѣданія 1 миллионъ, протестантовъ аугсбургскаго исповѣданія 700.000, протестантовъ швейцарскихъ 1.300.000. Цѣнность пашни и лѣса можно приять въ 250 миллионѣвъ; кромѣ-того лошадей около миллиона, рогатаго скота 4.200.000 штукъ, овецъ 17 миллионѣвъ. Цѣнность промышленныхъ и мануфактурныхъ здѣлій равняется 60.142.000 гульденовъ. Железныхъ дорогъ въ королевствѣ немного: кромѣ прежней центральной дороги, которая открыта только мѣстами, есть дороги вѣнско-нейштетдско-одебургская и пресбургско-тирнауская конная. Въ 1847 ввезено въ Венгрію иностранныхъ товаровъ на 53.471.000 флор.; вывезено на 57.525.000 флор., со включеніемъ Трансильваніи. Въ отношеніи народнаго образованія, въ Венгріи одинъ университетъ, 8 академій, 21 лицей, 28 духовныхъ школъ, 17 философскихъ училищъ, 95 гимназій, и вообще 250 народныхъ школъ. Въ этомъ отношеніи Венгрія стоитъ гораздо ниже другихъ австрійскихъ провинцій, и въ Далмаціи, при народонаселеніи въ 20 разъ меньшемъ, число школъ болѣе, чѣмъ въ Венгріи (разница—37 школъ).

Затрудненія, которыя препятствуютъ введенію въ Венгрію новыхъ законовъ, касательно сбора податей и доходовъ штемпельной таксы, возбужли въ здѣшнихъ финансовыхъ кружкахъ разныя опасенія. Во многихъ странахъ недостатокъ въ деньгахъ составляетъ главное затрудненіе.

Судя по недавно сдѣланному исчисленію, число Евреевъ въ Австрійской Имперіи простирается до 729.005 душъ. Оно различается на различныя коронныя земли слѣдующимъ образомъ: въ Австріи, ниже рѣки Ена, 4296 душъ, въ Каринтіи и Крайшъ 2.000, на прибрежныхъ земляхъ 3.530, въ Тиролѣ и Форарльбергѣ 978, въ Богеміи 70.037, въ Моравіи и Силезіи 40.064, въ Галліи 328.806, въ Далмаціи 410, въ Ломбардіи 2.965, въ Венеціи 4.760, на Военныхъ границахъ 537; въ Венгріи (приблизительно) 265.620, въ Трансильваніи (приблизительно) 7.000. Только въ Австріи и Штейермаркѣ нѣтъ Евреевъ, которые бы тутъ родились и имѣли постоянную осѣдность.

Въ Далмаціи, народонаселеніе, на пространствѣ 2,223 кв. миль, въ 15 городахъ, 35 мѣстечкахъ и 829 деревняхъ, про-

стирается до 410,988 душъ. По вѣроисповѣданію они раздѣляются слѣдующимъ образомъ: 330,827 католиковъ, 865 униатовъ и 78,827 православнаго исповѣданія, 28 протестантовъ и только 410 Евреевъ. Удобной земли 2,134,442 іоховъ, третья часть которой находится подъ лѣсомъ. Въ 1846 году сельскія произведенія Далмаціи доставили 9,500,300 флоринѣвъ, изъ чего видно, что эта земля въ этомъ отношеніи не можетъ сравняться съ другими коронными землями, которыя производятъ гораздо болѣе. Скота считается: лошадей 19,199, быковъ и воловъ 49,632, коровъ 38,513 и овецъ 67,908. Въ этой странѣ разводять необыкновенно много козь, которыя приносятъ большую пользу промышленности. Годичный доходъ, приносимый промышленностью, составляетъ только 3,524,000 флоринѣвъ. Полагаютъ, что въ Далмаціи дороги занимаютъ пространство въ 239' миль. Для содержанія ихъ, въ 1847 было употреблено 185,497 флор. Какъ извѣстно, Далмація отдѣлена отъ другихъ владѣній Австріи таможенною границею. Результаты ея торговаго движенія въ 1848 году были слѣдующіе: Ввезено товаровъ сухимъ путемъ на 364,000 флоринѣвъ, конвенціонной монетой моремъ на 2,851,000 флор.; сухимъ путемъ вывезено товаровъ на 146,000 фл., моремъ, на 3,155,000 фл.; такъ что Далмація кажется дѣятельною странюю, благодаря своей морской торговлѣ. Въ 1847 году далмацкій торговый флотъ состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ: 5 кораблей для большихъ путешествій, въ 1,350 тоннъ, 246 большихъ каботажныхъ судовъ, 1,128 малыхъ каботажныхъ судовъ, 663 барокъ, всего въ 19,250 тоннъ. Въ церковномъ отношеніи, въ Далмаціи находится 373 католическихъ прихода, 3 грекоуніатскихъ, и 115 православныхъ. Бѣлое духовенство состоитъ изъ 957 чел., монашествующихъ 353 чело-вѣка въ 71 монастырѣ. Въ Далмаціи находится 6 духовныхъ учебныхъ заведеній, 26 гимназій, 1 спеціальная школа, 251 народныхъ школъ, 1 дѣтскій приютъ. Дѣтей, которые могутъ поступить въ школу, 25,114; изъ этого числа только третья часть посѣщаетъ школы. Изъ числа способныхъ къ ученію дѣвочекъ, посѣщаютъ школы только 10-ая часть. Въ Далмаціи находятся 4 больницы, 8 военныхъ госпиталей, 1 родильный домъ, 4 воспитательныхъ дома; для бѣдныхъ тамъ есть заведеніе общественнаго призрѣнія и 58 домовъ для бѣдныхъ. Въ Царѣ и Рагузѣ есть сохранныя кассы. Число преступленій, по случаю которыхъ въ 1846 году нѣкоторые лица подверглись судебному преслѣдованію, простирается до 394, кромѣ

того оставалось преступниковъ, надъ которыми производились еще слѣдствія, 737. Причиною большого числа преступленій, закоренѣлый обычай родовой мести и склонность къ насилиствамъ. Съ 1848 года людей, обвиненныхъ въ важныхъ нарушеніяхъ полицейскихъ постановленій, было 5,157 человекъ.

Статистическія свѣдѣнія о Военной-границѣ и Трансильваніи. Въ Военной границѣ жителей 1,226,408 ч., въ томъ числѣ мужчинъ 625,776. Въ этомъ числѣ римскихъ католиковъ — 515,545, униатовъ—62,744, православныхъ—598,603, аугсбургскаго исповѣданія — 14,586, швейцарскаго. кальвинистовъ — 31,053, Унитаріевъ—4,341; Евреевъ только 537. Это народонаселеніе живетъ въ 12 городахъ, 23 мѣстечкахъ и 2,041 деревняхъ. Сумма произведеній сельской промышленности въ 1846 г. составила цѣнность въ 30,376,000 фл. Лошадей 212,313 шт., рогатаго скота 570,000, овецъ 1,140,706 штукъ. Капиталъ фабричной промышленности простирается до 6,133,000 фл. По границѣ идетъ одна желѣзная дорога, за то другія дороги въ хорошемъ состояніи: въ Нижней Австріи шоссе простирается на 126 миль, а въ границѣ, на половинномъ пространствѣ—302 миль. Высшихъ училищъ считается 45, школъ 2,138, такъ что въ этомъ отношеніи, Военная граница даже превосходитъ многія провинціи. Прямыхъ податей собрано въ 1848 году 896,852 фл., прочіе доходы принесли 700,634 фл.

Трансильванія занимаетъ пространство въ 954 квадратныхъ милъ: жителей въ ней 2,182,700, городовъ 11, мѣстечекъ 64, деревень 2,305. Въ числѣ жителей, римскихъ католиковъ 221,400, 650,300 униатовъ, 725,700 православныхъ, 44,160 унитаріевъ, 220,400 протестантовъ аугсбургскаго исповѣданія, 558,300 кальвинистовъ и 7,000 Евреевъ. Произведенія сельской промышленности представляютъ цѣнность 50 милліоновъ гульденовъ. Лошадей около 350,000, быковъ и воловъ 250,000, коровъ 550,000, овецъ 2 милліона шт. Въ промышленности обращается капиталъ въ 28,134,000 флор., тогда какъ въ Венгріи, при народонаселеніи въ 5 разъ большемъ, промышленность представляетъ первоначальный капиталъ 60,000,000 фл.; слѣдовательно Трансильванія въ этомъ отношеніи не такъ бѣдна, какъ обыкновенно думаютъ; главную роль въ ея промышленности играетъ горное дѣло; богата также мѣстность, населенная саксонскими выходцами. Пути сообщенія находятся въ очень дурномъ состояніи, желѣзной дороги нѣтъ ни одной. Высшихъ училищъ считается 45, въ

томъ числѣ 25 гимназій; школъ 1,744; на волошское и пѣмекое народонаселеніе приходится изъ этого числа одна треть, а двѣ трети на Маляровъ. Кромѣ-того въ Германштадтѣ находится одно промышленное и одно филармоническое общества.

Статистическія свѣдѣнія о провинціяхъ Верхней Австріи и Зальцбургъ: объ провинціи занимаютъ 333 квадратныхъ мили; въ нихъ 17 городовъ, 140 мѣстечекъ, 6,702 деревень; жителей 856,694 душъ, изъ которыхъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія 15,981 душа, реформатскаго 5, сектантовъ 20 и православнаго 1 человекъ; остальные римскіе католики; земли производительной 2,962, 223 іоховъ; сельская промышленность доставляетъ произведеній на 42,881,000 фл. ежегодно. Лошадей считается 54,450, воловъ и быковъ 99,390, коровъ 413,214, овецъ 341,400. Промышленность всякаго рода, кромѣ сельской, доставляетъ въ годъ произведеній на 31,854,000 фл. Содержимыя казною дороги простираются на 128 миль 2,399 клафтеровъ, прочія на 767 $\frac{1}{2}$ миль. Въ обѣихъ провинціяхъ одна желѣзная дорога, конная, отъ Гмундена чрезъ Линцъ до Будвейса. Блага духовенства 1092 лица, монаховъ 354, монахинь 314; протестантскихъ священниковъ 12. Высшихъ учебныхъ заведеній въ обѣихъ провинціяхъ 27, въ томъ числѣ 3 гимназій и 1241 народная школа; больницъ 4, временныхъ госпиталей 6, 1 домъ умалшленныхъ, 1 воспитательный домъ, домовъ призрѣнія 133, и 569 домовъ для бѣдныхъ. Въ уголовно-статистическомъ отношеніи въ 1848 совершено 755 новыхъ преступленій, отъ прошлаго года оставалось неоконченными 230 уголовныхъ дѣлъ. Тяжкихъ преступленій совершено въ томъ же году 2792.

27-го. Полномочному гражданскому комиссару въ Венгріи, барону *Герингеру фон-Еденбергу*, поручено распоряженіемъ Императора отъ 25 числа, временное исправленіе должности губернатора въ Венгріи.

29-го. Въ сегодняшнемъ номерѣ *Wiener Zeitung* напечатано: «Императорское австрійское правительство, твердо слѣдуя намѣренію сохранить въ Германіи миръ, и употребить для того всѣ средства, съ радостію согласилось на личное свиданіе между императорско-австрійск. и Королевско-прусскимъ министрами иностранныхъ дѣлъ, чтобы съ помощію непосредственныхъ между ними переговоровъ достигнуть мирнаго окончанія несогласій. Президентъ совѣта министровъ, князь *Шварценбергъ*, отправился съ этою цѣлію, 27 ч., въ Ольмюцъ, гдѣ онъ найдетъ королевско-прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ

барона фон-Майтсфельд; князя Шаарциберга сопровождают министерскій совѣтник баронъ Тьері, русскій посланникъ и полномочный министръ при вѣскомъ дворѣ баронъ Мейендорфъ, прусскій камергеръ графъ Вестфаленъ и другія лица.

30-го. Король прусскій почтилъ фельдмаршала графа Радецаго отличіемъ, которое въ настоящее время кажется добрымъ знакомъ. Прусскій Монархъ прислалъ сюда 1,000 флоринновъ, на бронзовый памятникъ, воздвигаемый въ честь фельдмаршалу. Эта новость произвела въ Вѣнѣ благопріятное впечатлѣніе.

Ф Р А Н Ц І Я .

Парижъ, 1-го ноября (Indépendance Belge) Справедливо сомнѣвались въ прочности мира, установившагося было 29 числа; вечеромъ положеніе дѣлъ перемѣнилось; въ, можетъ-быть, не знаете, что рѣшеніе Президента было такъ твердо, что онъ даже не принялъ г. Тьера, который пріѣхалъ вечеромъ въ Елизе, надѣясь съ помощію своей опытности и ловкости уладить дѣло г. Нёмайера. Противъ генерала Шангарье поведутъ тайную войну; мало-по-малу у него отнимутъ власть; уже генералу Перро грозитъ удаленіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что по закону долженъ не служашій, а отставной генералъ предводительствовать національной гвардіей, но собственно потому, что онъ очень близокъ съ генераломъ Шангарье. Я знаю навѣрное, что если эта тяжелая и безпримирная борьба продолжится далѣе, то большинство Совѣта, готовое на примиреніе, уже нѣсколько разъ намѣревавшееся подать въ отставку, наконецъ потеряетъ терпѣніе, хотя въ послѣдній разъ оно уступило требованіямъ Елизе, только для того, чтобы не запутывать и безъ того уже затруднительнаго положенія. До назначенія генерала Шрамма, генералъ Лагитъ предлагалъ даже взять на себя управленіе военнымъ министерствомъ недѣлю на двѣ, думая, что ему лучше можно ладить съ генераломъ Шангарье, нежели повозбужденному.

Въ тотъ же вечеръ собралась неожиданно Постоянная Комиссія, въ числѣ одиннадцати членовъ; засѣданіе было очень бурно, и одинъ изъ бывшихъ министровъ г. Людовика-Наполеона, принадлежавшій къ умѣренной партіи, выставилъ ошибочную исполнительную власть съ свойственной ему торжественно-

стію, и можетъ-быть въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. Сдѣлано было предложеніе созвать немедленно собраніе, и поручить ему защиту генерала Шангарье. Предложеніе это не было принято, а на слѣдующее засѣданіе приглашены были министры военныхъ и внутреннихъ дѣлъ. Явился однако только г. Барошъ, извинивъ своего товарища болѣзнію и объявивъ, что готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, что ему сдѣлать удобнѣе, потому-что онъ болѣе знакомъ съ ходомъ дѣлъ, чѣмъ генералъ Шраммъ. Г. Барошъ защищалъ законныя права Президента Республики, относительно перемѣщенія отрядныхъ командировъ, согласно съ положеніями совѣта министровъ. Никто не оспаривалъ этого права; ему отвѣчали только, что Комиссія должна была спросить, не хотѣли ли при этомъ событіи наградить преданность къ лицу, во вредъ преданности къ государству. Г. Барошъ не сказалъ на это ни слова, и доказывалъ, что перемѣщеніе г. Нёмайера есть фактъ отдѣльный, немѣшій никакой связи съ стремленіями, которыя могли бы показаться подозрительными Собранію или Комиссіи; наконецъ онъ возобновилъ увѣренія, что до-тѣхъ-поръ, пока онъ и его товарищи останутся въ министерствѣ, никогда не будетъ нарушено уложеніе, чему будетъ служить доказательствомъ и посланіе Президента къ Собранію. Увѣренія г. Бароша въ правотѣ его управленія были вполне приняты Комиссіею; но генералъ Ламорисьеръ замѣтилъ, что въ случаѣ, пожалуй невѣроятномъ, попытки произвестъ въ государствѣ переворотъ, выходъ въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ и его товарищей уже не спасетъ правительства отъ затруднительнаго положенія, если армія будетъ разстроена. За тѣмъ, признавая вполне право исполнительной власти, какъ бы ни горестно было перемѣщеніе г. Нёмайера, призваннаго къ командованію дивизіей генераломъ Кавенькомъ послѣ іюля 1848 и съ честью сохранившаго свое званіе при нѣсколькихъ министрахъ, генералъ Ламорисьеръ перенесъ споръ на такое поле, на которомъ министерству было труднѣе защищаться, и заговорилъ о крикахъ при саторійскомъ смотрѣ, спросивъ у министра, былъ ли наказанъ тѣ, которые кричали. Г. Барошъ отвѣчалъ отрицательно. Министръ доказывалъ, что обществу 10 декабря нельзя приписывать такой важности, какую приписываетъ ему комиссія; слѣдствие, которое онъ велѣлъ произвестъ, не дало результатовъ столь опредѣлительныхъ какъ тѣ, которые были доставлены Собранію. Говорилъ что въ Монмартрскомъ предмѣстіи, въ частномъ домѣ, въ ком-

натъ, украшенной золотыми пчелами и тремя портретами Бонапартовъ, между прочимъ и Президента-Республики, пронесены были страшныя клятвы противъ членовъ Постоянной Коммиссiи.

Здѣсь, какъ и всегда, г. Барошъ умѣлъ успокоить членовъ Коммиссiи. Нужно признаться, что роль г. Бароша необыкновенно трудна; въ Елизе обязанъ онъ предостерегать Президента отъ опасныхъ совѣтовъ и увлеченій, видъ дворца — ему предстоитъ защищать его власть и значеніе противъ враждебныхъ чувствъ, возбуждаемыхъ этими несчастными увлеченіями; удерживая съ одной стороны, умѣряя съ другой, г. Барошъ устраняетъ много зла, хотя и не можетъ привести въ исполненіе всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреній, и если не всегда удается ему избѣжать противорѣчій, происходящихъ отъ его двойной обязанности, не говоря о политической системѣ, хорошей или дурной, которой онъ послѣдовалъ, то должно признаться, что глава министерства, — потому-что онъ въ самомъ дѣлѣ глава его, — исполняетъ свое назначеніе съ мужествомъ и искусствомъ, и что при томъ направленіи, которое, повидимому, сохранить Елизе, потеря его будетъ почти невозвратима.

Послѣ ухода министра, составлена коммиссiя изъ шести членовъ, которымъ поручено написать протоколъ засѣданія, упомянувъ въ немъ, что молчаніе министра даетъ поводъ думать, что дѣйствительно удаленіе г. Нёмайера обусловлено его поведеніемъ въ Сатори, но что собранія созывать заранѣе не слѣдуетъ, на томъ основаніи, что министръ доказалъ свою преданность уложенію. Протоколъ будетъ прочтенъ завтра въ особенномъ засѣданіи.

Г. Беррье не былъ ни на одномъ изъ этихъ собраній; г. Моле попрежнему не одобряетъ Елизе, а г. Одиллонъ Барро открыто нападаетъ на президентскую партію. Изъ членовъ Коммиссiи только Гг. Леонъ Фюше, Пёнень и Геккеренъ вполне преданы Президенту. Генералъ Шангарнье не сказалъ ни слова, пока былъ въ Коммиссiи г. Барошъ, а потомъ разсказалъ подробности дѣла о караулѣ de l'Echelle: во-время монархiи, этотъ постъ въ Тюльери отоплялся на счетъ Людовика-Филиппа и занимаемъ былъ національной гвардіей; въ 1850 лѣтомъ отопленіе было лишне, но теперь, осенью, гвардія требовала дровъ, но не получила ихъ ни отъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и публичныхъ работъ, ни отъ главнаго штаба своего. Холодъ заставлялъ ее уступить свое мѣсто жан-

дармамъ, получающимъ содержаніе отъ военнаго министерства; потомъ узнали, что гоненіе противъ національной гвардіи имѣло связь съ удаленіемъ г. Нёмайера.

Генералъ Карреле, поступившій на мѣсто г. Нёмайера, былъ полковникомъ парижской гражданской гвардіи, произведенъ при Людовикѣ-Филиппѣ въ генерал-майоры, а въ генерал-лейтенанты при генералѣ Кавеньякѣ, въ 1848; теперь онъ былъ въ Марселлѣ.

Дѣло генерала Нёмайера очень запутано; генералъ Шангарнье взялся уговорить его принять предложенныя ему мѣста, но незвѣстно, увѣнчаются ли старанія его успѣхомъ. Генералъ Нёмайеръ бѣденъ. Ударъ, нанесенный ему такъ несправедливо, поразилъ будущее его жены и дѣтей. По этому-то онъ нѣсколько времени колебался; къ тому же по виду нельзя считать перемѣщеніе его немилостию, потому-что онъ получалъ болѣе значительную должность. Въ это время его шурипъ, комендантъ Трошоу, переговоривъ съ сестрою, неожиданно пришелъ къ генералу, ведя за руку сестру свою и двоихъ дѣтей его.

— Генералъ, сказалъ онъ ему, васъ поставили между выгодою и честью; по мнѣнію вашего семейства, вы не должны колебаться!

— Хорошо, отвѣчалъ достойный солдатъ. Вы поняли меня; я колебался только изъ-за нихъ.

Тогда же написано было къ военному министру письмо, въ которомъ генералъ отказался отъ предложенной ему должности.

Приказъ генерала Шангарнье:

«Парижъ 2-го ноября».

«По силѣ закона, армія не имѣетъ права разсуждать, а по силѣ военныхъ предписаній, она должна воздерживаться отъ всякихъ демонстрацій и криковъ въ строю.

«Главнокомандующій напоминаетъ объ этихъ постановленіяхъ войскамъ, состоящимъ подъ его начальствомъ.

«Главнокомандующій генералъ Шангарнье».

4-го числа, генералъ Шангарнье былъ у Президента Республики. При входѣ генерала Шангарнье, Президентъ подошелъ къ нему съ достоинствомъ, и протягивая ему руку, сказалъ:

— Вы очень огорчили меня, генераль, но забудем прежде.

— Вы правы, принцъ, возразил *Шангарнье*: забудем прошлое, потому-что тяжело бы было возобновлять наше взаимное неудовольствіе. Но нужно обвинить дѣйствительно виновныхъ; а причиною несогласій между нами — ваши газеты, которыя защищаютъ васъ очень пеловко, а нападаютъ на меня еще болѣе пеловко. Когда онъ выставилъ передъ вашими глазами нмъ же вымышленное кандидатство мое на званіе Президента, я понялъ, что скоро ваше довѣріе ко мнѣ уменьшится.

Потомъ они говорили объ разныхъ предметахъ, не касаясь послѣднихъ происшествій, и разстались очень дружелюбно.

За первымъ дневнымъ приказомъ (о запрещеніи криковъ въ командованіе 1 дивизіею генерала *Карреле*; этотъ приказъ оканчивается слѣдующими словами: «пзвѣщая войска объ этомъ назначеніи, главнокомандующій не сомнѣвается въ томъ, что генераль *Карреле* поддержитъ въ войскахъ своей дивизіи духъ порядка, дисциплины и преданности, который составляетъ силу парижской арміи, и что, по примѣру своего предшественника, онъ обезпечитъ во всѣхъ отношеніяхъ полное исполненіе военныхъ постановленій».

5-го числа въ послѣдній разъ Временная Коммисія собралась въ залѣ Законодательнаго Собранія. Всѣ члены бюро и Коммисіи явились на этотъ разъ. Коммисія обратила особое вниманіе на иностранныя дѣла; за тѣмъ она занималась вопросами, которые будутъ представлены Собранію.

Коммисія получила офціальное увѣдомленіе о выборѣ генерала *Лазитта*, который на-дняхъ отправится въ Сѣверный департаментъ, чтобы войти въ сношеніе съ своими избирателями.

Префектъ полиціи приказалъ до новаго распоряженія не выдавать жалованья г. *Юну*, спеціальному комиссару при Собраніи, за то, что онъ слѣлалъ комиссіи ложный доносъ о вымышленномъ заговорѣ противъ гг. *Шангарнье* и *Дюпена*, не сообщивъ въ то же время копій съ него префекту полиціи, нарушилъ такимъ-образомъ правила о подчиненности, и тѣмъ подалъ поводъ къ нарушенію порядка.

Въ послѣднія двѣ ночи, главная квартира генерала *Шангарнье*, Тюильри, охранялась съ особенною бдительностію. Караулы были усилены, и многочисленные патрули ходили по окрестностямъ. Тюильрійскій гарнизонъ увеличенъ втрое, и половина его постоянно стоитъ подъ ружьемъ.

Въ Парижѣ производится теперь опыты надъ воздушнымъ шаромъ новаго устройства. Именно, нашли средство управлять аэростатомъ по вѣтру и противъ вѣтра. Шаръ этотъ имѣетъ видъ толстой, круглой рыбы, у которой плавательныя перья замѣнены двумя крыльями. Длина шара простирается до семи метровъ, и онъ пролетаетъ три метра въ секунду. Два опыта, произведенные до-сихъ-поръ, были удачны.

11-го числа открылись опять засѣданія Законодательнаго Собранія; но, хотя присутствовало 583 члена, особеннаго интереса первое засѣданіе не представляетъ. Дѣло г. *Юна* остается первѣнственнымъ. Онъ передалъ прокурору республики отъ имени президента Собранія рапортъ свой о заговорѣ противъ гг. *Шангарнье* и *Дюпена*, но опоздалъ. Прокуроръ употребилъ всѣ успія, чтобы вознаградыть потерянное время. О заговорѣ было ему донесено болѣе, чѣмъ за два часа до того, п онъ приказалъ уже начать слѣдствіе.

Генераль *Лий* разслалъ къ газетамъ слѣдующее письмо: «Общество 10 декабря было распушено не потому, чтобы слѣдствіе о безпорядкахъ, бывшихъ въ Гаврской улицѣ, доказало виновность его. Напротивъ того, теперь совершенно ясно, что Общество 10 декабря не принимало въ этихъ безпорядкахъ никакого участія. Общество 10 декабря распушено не потому, что составляло будто бы заговоры, старалось продлѣть власть Президента, мечтало объ Имперіи и проч. Оно было распушено для-того, чтобы уничтожить всякій поводъ къ клеветѣ.»

Всѣмъ полковникамъ парижской арміи велѣно по возможности постоянно держать своихъ людей въ сборѣ, чтобы при первой надобности они могли быть употреблены въ дѣло.

Засѣданіе Зак. Соб. 15-го ноября.—На очереди состояло разсмотрѣніе проекта закона объ организаціи торговли въ Алжиріи съ Франціею и иностранными державами. Эти пренія были отложены. Г. *Викторъ Лефранъ* представилъ докладъ Коммисіи, касательно судебныхъ преслѣдованій г. *Шавоа*. Затѣмъ Собраніе приняло безъ преній, послѣ перваго чтенія, нѣсколько незначительныхъ проектовъ закона. Разсмотрѣніе проекта о парижско-авишонской желѣзной дорогѣ было также отложено. На очереди не состояло болѣе никакихъ дѣлъ, и потому засѣданіе было закрыто.

Страшное несчастіе случилось съ кораблемъ *Valmy*, въ

морь, на пути из Торбая в Брестъ. 8-го числа, утромъ въ 5 часовъ, на палубѣ раздался страшный взрывъ, подобный электрическому выстрѣлу. Черезъ нѣсколько минутъ со всѣхъ сторонъ послышался крикъ:

— Мы всѣ погибли, пороховой магазинъ загорѣлся!

Тогда же пробита была тревога въ 3 батареи, сдѣлавъ былъ послѣдній выстрѣлъ, и лодки спущены на воду. Сотрясеніе было такъ сильно, что всѣ фонари потушли, и по всему кораблю, начиная со второй батареи, распространилась совершенная темнота, при удушливомъ дымѣ отъ пороха. Черезъ нѣсколько минутъ однако огонь былъ потушонъ. Но какой страшный хаосъ былъ на второй палубѣ! Со всѣхъ сторонъ раздавались вопли раненныхъ, которые, болѣею частью, были совершенно погребены подъ обломками дерева. Особенно пострадала двадцать морковъ; изъ нихъ десять умерло чрезъ полчаса; полагаютъ, что изъ остальныхъ спасти удастся только очень немногихъ. Въ этомъ несчастіи виноватъ палубный капонеръ, у котораго было подъ надзоромъ три ящика съ снарядами; одинъ изъ нихъ загорѣлся, но какъ,—это неизвѣстно. Капонеръ сдѣлался одною изъ первыхъ жертвъ своей неосторожности. Валму, совершенно разрушенный внутри, придется для починки въ брестскій портъ, куда эскадра прибыла 12-го ноября.

Шарль Бонапартъ, бывшій президентъ римскаго Учредительнаго Собранія, подалъ на Виконта *д'Арменкура* жалобу въ судъ, за его брошюру «Красная Италия».

Посланіе Президента Республлки, въ которомъ заключается годичный отчетъ его управленія, напечатано въ 100,000 экземплярахъ, которые должны быть прибиты на углахъ улицъ во всей Франціи и въ колоніяхъ.

Зак. Соб. 16-го. На очереди состояло тайное собраніе голосовъ для выбора четырехъ членовъ Законодательнаго Собранія въ члены Коммиссіи, для обревизованія пенсіонной кассы, сообразно закону отъ 18 іюня 1850 года. По окончаніи собранія голосовъ, вице-президентъ г. *Леонъ Фоше* занялъ мѣсто президента г. *Дюпена*. Министръ финансовъ, г. *Фульдъ* представилъ проектъ закона объ утвержденіи нѣсколькихъ кредитовъ, простирающихся всего до 1.659,000 ф. Министръ сказалъ, что проекты эти не терпятъ отлагательства. Собраніе согласилось съ министромъ. Коммиссія предложила Собранію, не разрѣшать судебного преслѣдованія г-на *Шавоа*, по дѣлу о его дуэли. Собраніе почти единогласно и

безъ преній согласилось на это. Затѣмъ сдѣловалъ докладъ Коммиссіи прошеній. Прошенія эти неинтересны. Вице-президентъ сообщилъ результатъ выборовъ, произведенныхъ въ началѣ засѣданія: подающихъ голоса было 407, абсолютное большинство 204 гол.; г. *Арманъ* (изъ Мелена) избранъ 270 гол., г. *Бенуа д'Ази*—266, г. *Дюфурнель*—254. Выборъ четвертаго члена послѣдуетъ въ понедѣльникъ. Затѣмъ засѣданіе было закрыто.

Представитель *Шавоа*, который пробылъ въ одной изъ парижскихъ больницъ, пока производилось слѣдствіе по его дѣлу, освобожденъ вслѣдствіе рѣшенія Законодательнаго Собранія.

Зак. Соб. 18-го. Господа демагоги снова разыграли одну изъ тѣхъ постыдныхъ сценъ, которыя во всѣхъ порядочныхъ людяхъ возбуждаютъ негодованіе и омерзеніе. Шумъ произошелъ по случаю разсужденій о выборѣ генерала *Лагитта* въ Сѣверномъ-департаментѣ, и дѣло кончилось тѣмъ, что этотъ выборъ утвержденъ большинствомъ 460 гол. пр. 173. Монтаньеры тѣшито возобновляли свой протестъ противъ новаго закона, на основаніи котораго выборъ былъ произведенъ. Въ этомъ же засѣданіи принять при второмъ чтеніи законъ о предоставленіи частнымъ людямъ пользоваться электрическими телеграфами.

Зак. Соб. 19-го. Представлены три предложенія: просьба о позволеніи потребовать объясненія, касательно заключенныхъ въ Бель-Иль; эти объясненія будутъ происходить 23-го числа; просьба о разрѣшеніи преслѣдовать судебнымъ порядкомъ гг. *Мио* и *Руе*, представителей Нievрскаго-департаментана, какъ авторовъ статьи, оскорбительной для большинства Генеральнаго Совѣта этого департамента, и наконецъ, требованіе военнымъ министромъ кредита для покрытія издержекъ набора 40,000 человекъ. Остальная часть засѣданія посвящена была различнымъ предложеніямъ о матеріальныхъ иттересахъ.

На площади, предъ зданіемъ судебныхъ мѣстъ, сегодня собралось много народа, по случаю производящагося процесса газеты la Presse. Когда дѣло началось, президентъ спросилъ отвѣтственнаго редактора, г. *Нефцера*, есть ли у него защитникъ? Г. *Нефцеръ* просилъ, чтобы г. *Жирандену* позволено было защищать его. Президентъ замѣтилъ, что такъ какъ г. *Жиранденъ* не адвокатъ, а представитель, то онъ не можетъ быть его защитникомъ. Тогда г. *Нефцеръ* объявилъ, что онъ

самъ будетъ защищаться. Адвокатъ республики доказывалъ преступность одной статьи, подложнаго посланія, составленнаго изъ отрывковъ, выбранныхъ изъ сочиненій *Людвика-Бонапарта*, и напечатанныхъ въ *la Presse*, подъ названіемъ: *Посланіе Президента*. *Г. Нефицеръ* прочелъ свою защитительную рѣчь. Послѣ совѣщанія, которое продолжалось полчаса, присяжные объявили подсудимаго виновнымъ. *Г. Нефицеръ* приговоренъ къ годичному заточенію и къ штрафу въ 2,000 фр. По объявленіи приговора, *г. Нефицеръ* требовалъ свидѣтельства въ томъ, что ему не дали защитника, что и было исполнено.

Беррье станетъ защищать викарѣ *д'Арленкура* противъ обвиненій князя *Кашино*, въ процессѣ по поводу изданной *д'Арленкуромъ* брошюры «Красная Италия».

Министръ народнаго просвѣщенія *г. Паррье* разослалъ циркуляръ ко всѣмъ чиновникамъ университетовъ: они должны дать подписку, что никогда не будутъ посѣщать кофейныхъ домовъ.

Зак. Соб. 20-го. Произошелъ довольно рѣдкій случай: Собраніе приняло предложеніе, представленное двумя членами крайней лѣвой стороны, гг. *Шаррасомъ* и *Латрадомъ*. Лѣвая сторона представляетъ обыкновенно такія предложенія, съ которыми благоразумнымъ людямъ трудно согласиться, но на этотъ разъ предложеніе ея было благоразумно, и даже практически полезно. Гг. *Шаррасъ* и *Латрадъ* требовали, чтобы дозволяли выбирать впредь инженеровъ путей сообщенія изъ прикомандированныхъ къ этому корпусу кондукторовъ, а не исключительно изъ однихъ только выпускаемыхъ изъ Политехнической-школы инженеровъ, какъ это дѣлалось до-сихъ-поръ. Собраніе, несмотря на сопротивленіе графа *Моле* и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ, приняло предложеніе (544 гол. противъ 108).

Слѣдственный судья *г. Бруссе*, былъ водимъ г-помъ *Алле*, который донесъ комиссару полиціи о заговорѣ противъ гг. *Шангарье* и *Дюпена*, въ домъ, означенный имъ въ улицѣ *Соссе*. Оказалось, что у означеннаго лавочника квартира была довольно велика, чтобы вмѣстятъ въ себя 26 человѣкъ. Слѣдственный судья нѣсколько разъ замѣчалъ *г. Алле*, какой вѣсь имѣютъ его свидѣтельства. *Г. Алле* не отступалъ отъ своихъ показаній. Послѣ этого его отвели не въ госпиталь, а въ тюрьму.

Коммиссія, назначенная для рассмотрѣнія предложенія о на-

значеніи Национальному Собранію полицейскаго комиссара, зависящаго отъ президента собранія, сдѣлала въ прошедшемъ засѣданіи министру внутреннихъ дѣлъ слѣдующія предложенія: 1) полицейскій комиссаръ можетъ быть избираемъ не только изъ числа парижскихъ комиссаровъ, но во всей Франціи; 2) онъ можетъ быть уволенъ отъ этой должности не иначе, какъ съ согласія бюро собранія; 3) жалованье ему должно быть выдаваемо изъ суммъ Национальнаго Собранія; 4) Коммиссія полагаетъ, что комиссаръ долженъ представлять свои донесенія сперва президенту и квесторамъ, которые, въ свою очередь, будутъ сообщать ихъ министру внутреннихъ дѣлъ. Званіе полицейскаго комиссара при Национальномъ Собраніи должно остаться за *г. Тюномъ*. Министръ объявилъ, что онъ намѣренъ представить это дѣло министерскому совѣту и Коммиссія разошлась до понедѣльника.

Зак. Соб. 25-го. Генераль *Фабье* сдѣлалъ предложеніе объ освобожденіи *Абдель-Кадера*. Собраніе какъ-бы заранѣе рѣшилось не принимать этого предложенія во вниманіе, поэтому почти не слушало генерала *Фабье*. Гг. *Шрамль* и *Тартасъ* опровергали его довольно неловко; изъ ораторовъ лѣвой стороны, послѣ *г. Антони Пуре*, противъ предложенія говорилъ *г. Шаррасъ*, и его блестящая импровизація заслужила рукоплесканія всего Собранія. Изъ предложеній, которыя представлены собранію, особенное вниманіе обращаетъ на себя предложеніе *г. Кретона* объ отмѣнѣ законовъ, воспрещающихъ Бурбонамъ въѣздъ во Францію.

Дѣло по доносу о заговорѣ противъ гг. *Шангарье* и *Дюпена* кончено: *Але* обвиненъ въ ложномъ доносѣ, и слѣдствіе далѣе продолжаемо не будетъ.

Зак. Соб. 27-го.—Отвергло, (437 гол. пр. 194), предложеніе генерала *Граммона*, о перенесеніи правительства изъ Парижа въ другой городъ.

Острое слово генерала *Шангарье*. При немъ говорили о республикѣ въ довольно-непочтительныхъ выраженіяхъ.

— Ахъ, господа, прервалъ генераль; прошу васъ, не говорите о республикѣ такъ дурно: она сдѣлала много добра.

— Какого же, генераль?

— Она увеличила число жандармовъ.

Зак. Соб. 28-го.—*Г. Шелхеръ* требовалъ, чтобы министерство приняло мѣры къ уничтоженію невольничества въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, на что министръ *Ла-*

гиттъ отвѣчалъ, что объ этомъ уже начаты переговоры. За тѣмъ приступлено было къ предложенію г. Паскаля Дюпра, который требовалъ, чтобы у префектовъ полиціи отнято было право запрещать продажу журналовъ на улицахъ; его предложеніе защищаемо было г. Банселемъ, однимъ изъ лучшихъ ораторовъ лѣвой стороны, и самимъ г. Дюпра; противъ него говорилъ г. Барошъ. Предложеніе было отвергнуто (378 гол. пр. 267.)

Французская Академія приступила сегодня ко вторичному избранію академика на мѣсто г. Фелетца. Изъ 28 гол. г. Низаръ получилъ 23; г. Алфредъ-Мюссе только 5; (третій кандидатъ, г. Монталамберъ, отказался); по этому первый провозглашенъ академикомъ.

Генералъ Шангарнье сказалъ недавно, по поводу предложеннаго ему начальства надъ рейнскою арміею:

— Я поѣду на Рейнъ, чтобы перейти черезъ него, если нужно, а не для того, чтобы смотрѣть, какъ онъ течетъ!

Г. Гизо былъ у Президента, и поднесъ ему свои сочиненія о Вашингтонѣ и Монкѣ. Президентъ съ благодарностью принялъ это предложеніе. Г. Гизо являлся къ Президенту, въ качествѣ директора Французской Академіи, чтобы представить на его утвержденіе выборъ въ академики г. Низара.

А н г л і я .

Въ Англіи раздраженіе англиканскаго народонаселенія противъ Папы, по случаю назначенія католическихъ епископовъ, ежедневно возрастаетъ. По этому поводу ежедневно собираются митинги, и само правительство, какъ видно выше, объявило, что оно не одобряетъ этой мѣры.

1-го ноября, лондонскій епископъ произнесъ въ соборѣ Святаго Апостола Павла, въ присутствіи многочисленной публики, состоявшей изъ членовъ духовенства и мірянъ, проповѣдь, къ которой долго говорилъ о современномъ вопросѣ, о возстановленіи католической іерархіи, и убѣждалъ своихъ слушателей остерегаться всякаго сближенія съ католическою религіею.

4-го. Недавно избранному лорду-меру объявлено, что онъ утвержденъ Королевою въ этомъ званіи.

По поводу назначенія католическихъ епископовъ, лордъ Джонъ Россель написалъ къ епископу дургамскому, слѣдующее письмо:

«Любезный лордъ, я согласенъ съ вами въ томъ, что нападенія Папы на нашъ протестантизмъ можно назвать наглыми и коварными, и потому мое негодованіе въ этомъ случаѣ такъ же велико, какъ можетъ быть ваше.

«Я не только поддерживалъ сколько могъ требованія католиковъ, о дарованіи имъ всѣхъ гражданскихъ правъ, но я желалъ и считалъ справедливымъ, чтобы духовная система римскихъ католиковъ устроена была такъ, чтобы могла послужить къ образованію многочисленныхъ Ирландцевъ, которые переселяются въ Лондонъ и другія мѣста, и безъ того остались бы въ языческомъ невѣжествѣ. Но это могло бы быть произведено и безъ нынѣшняго нововведенія.

«Невозможно смѣшивать мѣры, принятыя нынѣ Папою, съ раздѣленіемъ Шотландіи на епархіи епископскою церковью, или съ раздѣленіемъ Англіи на округа Леслезнами.

«Всѣ документы, полученные изъ Рима, показываютъ присвоеніе Папою непринадлежащихъ ему правъ на верховную власть въ англійскомъ королевствѣ, на нераздѣльное владычество, несомѣстное съ властью Королевы въ духовныхъ дѣлахъ, съ правами нашихъ епископовъ, нашего духовенства и съ духовною независимостью націи, которую мы защищали даже въ то время, когда страна исповѣдовала римско-католическую вѣру.

«Признаюсь, впрочемъ, что мое негодованіе превосходить мои опасенія.

«Если бы даже и было доказано, что министры и слугители Папы въ этой странѣ не нарушили закона, я увѣренъ, что Англія довольно сильна, чтобы противостоять всякому внѣшнему нападенію. Англія слишкомъ давно пользуется свободою протестантизма, чтобы какая-либо попытка, цѣль которой подчинить игу иностранцевъ наши умы и нашу совѣсть, могла имѣть успѣхъ. Мы не допустимъ, чтобы какой-либо иностранный владѣтель заковалъ въ цѣпи націю, которая такъ долго и такъ благородно защищала свое право на свободу въ мнѣніяхъ гражданскихъ, политическихъ и религіозныхъ.

«Касательно этого предмета я скажу только, что законъ

будетъ разсмотрѣнъ и что мы основательно разсудимъ, слѣдуетъ ли принять какія-либо новыя мѣры, по случаю недавняго присвоенія Папою непринадлежащихъ ему правъ. Впрочемъ есть опасность, которая беспокоитъ меня гораздо болѣе, нежели какое-либо нападеніе со стороны иностраннаго государя.»

Даже лордъ *Джонъ Россель* жалуется на нѣкоторыя измѣненія въ обрядахъ церкви, допускаемыя министрами англиканскаго исповѣданія, и изъявляетъ надежду, что англійскій народъ никогда не измѣнитъ своей привязанности къ протестантской религіи.

8-го. Депутатія отъ лондонскаго Общиннаго Совѣта благодарила вчера первенствующаго министра, на торжественной аудіенціи, за «миѣніе правительства», относительно вопроса о католическомъ духовенствѣ, выраженное имъ въ письмѣ къ дургамскому епископу.

Королева *Викторія* приготовляетъ вышивку для выставки 1851 года, а Принцъ *Альбертъ* сдѣлалъ нѣсколько скульптурныхъ произведеній. Бриллиантъ, извѣстный подъ названіемъ Ко-ги-пура, будетъ находиться въ собраніи драгоценныхъ камней.

Въ Англии изобрѣли средство складывать брамсели, не заставляя матросовъ взлезать на мачты. Это дѣлается посредствомъ механизма, помѣщаемого на палубѣ. Парусъ складывается самъ собою, въ ту самую минуту, какъ опустятъ рей, къ которому онъ прикрѣпленъ. Для того, чтобы развернуть его снова, требуется не болѣе двадцати секундъ. Это изобрѣтеніе можно назвать однимъ изъ чудесъ нашего вѣка, и нельзя сомнѣваться, что оно скоро войдетъ въ общее употребленіе. Говорятъ, механизмъ стоить очень недорого; онъ изобрѣтенъ однимъ изъ офицеровъ англійскаго флота, г-мъ *Коллингсмомъ*, секретаремъ адмирала *Морсби*. Посредствомъ этого механизма можно будетъ развертывать и складывать брамсели когда угодно, не подвергая жизнь людей ни малѣйшей опасности.

Число демонстрацій противъ назначенія г-на *Виземана*, постоянно возрастаетъ. Нижнее духовенство адресуетъ къ епископамъ протестаціи противъ папской буллы. Въ Экстерѣ и Глостерѣ собирались митинги, для совѣщанія о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять противъ католической пропаганды.

На дняхъ Е. В. Королева и Принцъ Альбертъ, посѣтили въ Клермонтѣ Орлеанскую фамилію.

12-го ноября, въ 4¼ часа утра, прибылъ въ Лондонъ кардиналъ *Виземанъ*. 10 числа онъ выѣхалъ изъ Люттиха и, кажется, не намѣренъ былъ такъ скоро прѣхать въ Англию, но принужденъ былъ поторопиться, потому-что его съ нетерпѣніемъ призывали англійскіе католики. Его прѣздъ былъ такъ неожиданъ, что назначенная для него квартира еще не была готова. Кардинала очень удивило письмо лорда *Джона Росселя* къ дургамскому епископу, тѣмъ болѣе, что только нѣсколько дней тому назадъ, онъ писалъ къ лорду *Росселю* изъ Вѣны, и не получилъ никакого извѣстія о манифестѣ перваго министра.

13-го. Въ 12 часовъ было засѣданіе Тайнаго Совѣта, въ Виндзорѣ, подъ предѣлательствомъ самой Королевы, въ присутствіи всѣхъ членовъ Кабинета. Засѣданія Парламента съ 14 ноября отстрочены на 17 декабря. Маркизь *д'Азеліо*, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Короля Сардинскаго, представленъ былъ лордомъ *Пальмерстономъ* Королевѣ въ особенной аудіенціи. Члены Орлеанской фамиліи, а именно Графиня *Нельи*, Герцогиня *Орлеанская*, Графъ *Парижскій*, Герцогъ *Шартрскій*, Принцъ и Принцесса *Жуавильскіе*, а равно Герцогъ и Герцогиня *Омальскіе*, находятся теперь въ Виндзорѣ.

Кардиналъ *Виземанъ* началъ отправленіе своихъ духовныхъ обязанностей, и въ 8 часовъ служилъ обѣдню въ католическомъ соборѣ Св. Георгія. Почтовому начальству запрещено принимать письма, адресованныя на имя архіепископа вестминстерскаго или епископовъ бирмингемскаго, нортгемптонскаго и проч., на томъ основаніи, что Королева не учредила подобныхъ епархій.

Въ Лондонѣ получены новыя официальные извѣстія объ одной части экспедиціи къ сѣверному полюсу. Корабль «*Entreprise*» (капитанъ *Коллинсонъ*) прибылъ 24-го іюня къ *Воахоо*, къ одному изъ Сандвичевыхъ острововъ и 30 іюня отправился въ Зупд-Коцебу. Корабль «*Investigator*» (капитанъ *Мак-Елуре*) прибылъ 1-го іюля къ *Воахоо*, чтобы черезъ нѣсколько дней отправиться вслѣдъ за первымъ кораблемъ. 6-го іюля корабль «*Cockatrice*» достигъ послѣднее изъ этихъ судовъ, и передалъ ему депеши отъ адмиралтейства. Екипажъ экспедиціи былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и полонъ надеждъ.

Зданіе для всемірной выставки будетъ еще увеличено на 46,000 квадрат. футовъ.

Кардиналъ *Визманъ* напечаталъ въ *Times* длинный манифестъ, въ которомъ изложены усилія, употребленныя римскимъ дворомъ для устройства въ Англіи римско-католической іерархіи; кардиналъ взываетъ къ чувствамъ вѣротерпимости, которыя такъ глубоки въ Англичанахъ, и наконецъ оправдываетъ послѣднюю папскую буллу, указывая особенно на то, что католическія епархіи, учрежденныя Папою, по географическому положенію своему совершенно отличны отъ англиканскихъ епархій. Этотъ манифестъ до сихъ поръ не произвелъ благоприятнаго дѣйствія на газеты.

Въ Реджент-Стритъ воздвигается великолѣпное зданіе, для помѣщенія тѣхъ предметовъ, которыя получаютъ преміи на всемірной выставкѣ, безъ различія, англійскаго ли они или заграничнаго происхожденія. Зала, назначенная для этого, будетъ въ готическомъ стилѣ, а украшенія въ восточномъ вкусѣ.

Число помѣстевъ въ Ирландіи, обременныхъ долгами и подвергнутыхъ оцѣнкѣ, очень значительно. На послѣдней недѣлѣ, 15 помѣстевъ продавались съ аукціоннаго торга. На дняхъ были проданы еще два большія имѣнія, и одно изъ нихъ раздроблено на 13 частей.

На разстояніи одной мили отъ Галвея, найдена свинцовая руда. Помѣщикъ *Джонсъ* изъ Дублина велѣлъ, по ирландскому обычаю, сломать цѣлый рядъ хижинъ для воздѣлыванія земли, на которой они стояли. Люди, производившіе эту работу, подумали, переворачивая землю, что они нашли серебряную руду. Счастливыя недолго оставались одни, со всѣхъ сторонъ нашелъ народъ; и принялся работать, въ надеждѣ наполнить себѣ карманы этимъ серебромъ, пока ихъ не разогналъ капитанъ компаніи рудокоповъ, который объявилъ, что это не серебряная руда, а свинцовая, и сейчасъ же откупилъ ее у г. *Джонса*.

Кентербурійскій архіепископъ, примаъ англиканской церкви, разослалъ къ священникамъ своей епархіи воззваніе. «Всякая религія, говоритъ онъ между прочимъ, которая увѣрена сама въ себѣ, должна искать пропаганды; дѣло только въ томъ оружіи, которое она для этого изберетъ». Онъ сильно возстаетъ противъ шезуитовъ, на которыхъ указывалъ еще въ 1840 г.; причину обращенія Англичанъ

въ католическую религію онъ видитъ, во-первыхъ, въ не-образованности бѣднаго класса, во-вторыхъ—въ товариществѣ съ ирландскими переселенцами, которыхъ число очень велико и которые такъ близки съ англійскими работниками, что легко могутъ содѣйствовать стараніямъ своихъ священниковъ.

Въ англійскихъ газетахъ помѣщены слѣдующія цифры, которыя показываютъ, какъ распространилось въ Англіи число католиковъ со времени эманципации ихъ, когда они получили одинаковыя права съ прочими Англичанами: съ 1820 г. число католическихъ церквей возрасло отъ 300 до 513. Съ 1837 г. въ Лондонѣ число обратившихся въ католицизмъ было только 600. Въ день освященія католическаго собора св. Георга при этомъ торжествѣ было католическихъ духовныхъ 15 епископовъ и 250 священниковъ и кромѣ того 3,000 мирянъ.

25-го было въ Сити засѣданіе, подъ предѣтельствомъ лорда-мера, и при этомъ утверждены адресы къ Королевѣ отъ «купцовъ, банкировъ и другихъ гражданъ Лондона» относительно притязаній римскаго двора. Въ этомъ собраніи лордъ-меръ постановилъ цѣлью его рѣшеніе вопроса, кто долженъ имѣть первенство въ Англіи: Папа или Королева? Онъ увѣщевалъ гражданъ не нарушать тишины и спокойствія. Въ адресѣ между прочимъ говорится: «Огромные успѣхи, которые сдѣлала нація въ три послѣднія столѣтія, должны быть приписаны освобожденію Англіи отъ враждебнаго вліянія иностранной церкви. Нынешній поступокъ Папы вызванъ желаніемъ возстановить то господство, отъ котораго избавилась Англія реформациею, запечатлѣнную кровію мучениковъ». Поэтому граждане убѣдительно просятъ Королеву, «принять мѣры къ поддержанію королевской власти и къ защищенію самостоятельности государства, на основаніи той статьи англійскаго уложенія, по которой никакой иностранецъ, никакой иностранный князь, прелатъ, сановникъ или владѣтель не можетъ имѣть въ Англіи права судить и никакой власти и преимущества въ свѣтскомъ или духовномъ отношеніи».

Сегодня въ Хайд-Паркѣ было небольшое волненіе; работники, строящіе зданіе для всемірной выставки, требовали возвышенія задѣльной платы; стекольщики жаловались, что могутъ заработать въ недѣлю только 22 шиллинга, а другіе

работники—что для обѣда остается имъ только полчаса. Полиція тотчасъ же возстановила порядокъ.

28-го. Генерал-лейтенантъ *Фон-Радовицъ* имѣлъ честь быть представленнымъ Е. В. Королевъ, и былъ приглашенъ къ королевскому столу.

Въ Биркенхедѣ произошло между католиками и англиканцами столкновение, сдѣлавшее необходимымъ вмѣшательство вооруженной силы: 2 человека было убито и 15 человек ранено. Беспорядки продолжались отъ 10 часовъ утра до 11-ти часовъ вечера. По послѣднимъ извѣтѣямъ изъ Биркенхеда, спокойствіе тамъ было совершенно возстановлено. Протестанты предложили созвать новое собраніе. Между тѣмъ всѣ дальнѣйшія мѣры отложены до слѣдующей недѣли.

Письмо католическаго пера, лорда *Болонга*, къ лорду *Зетланду* производить, въ настоящее время, сильное впечатлѣніе въ Лондонѣ. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, сказано: «Невозможно въ одно и тоже время сообразоваться съ духомъ англійскаго уложенія и признавать власть Папы въ мѣстныхъ дѣлахъ. Такова дилемма, до которой Папа довелъ англійскихъ католиковъ. Римская церковь не терпитъ никакой умѣренности со стороны своихъ членовъ, почитая эту умѣренность за холодность. Надобно объявить себя въ пользу римской церкви или противъ нея; середины нѣтъ. Итакъ я полагаю, что ни одинъ англійскій католикъ не можетъ ни принять, ни признать смѣлаго римскаго едикта, не нарушая своихъ гражданскихъ обязанностей, и, кажется, нѣтъ надобности присовокуплять, что образъ дѣйствій лорда *Джона Россела* почитаю я именно такимъ, какого должно ожидать отъ искренняго друга нашего уложенія».

Въ газетахъ напечатанъ отвѣтъ кардинала *Визмана* на адрессъ католическаго дублинскаго духовенства; кардиналъ выражаетъ надежду, что Англичане поймутъ значеніе папской буллы, поймутъ, что она не противорѣчитъ англійскимъ законамъ, и волненіе, возбужденное ею, прекратится.

ШВЕЦІЯ И НОРВЕГІЯ.

Стокгольмъ, 23 ноябр. Е. В. Король лично открылъ сегодня засѣданія Сейма. Параграфъ тронной рѣчи, отно-

сящійся къ иностраннымъ дѣламъ, содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Наши отношенія къ иностраннымъ державамъ, попрежнему, запечатлѣны искреннимъ дружествомъ. Посреди печальныхъ раздоровъ, возникшихъ на сѣверѣ, правительство Соединенныхъ-королевствъ неизмѣнно получало отъ всѣхъ державъ, соприкосновенныхъ этому дѣлу, самыя неоспоримыя доказательства довѣрія. Не теряя изъ вида сохраненіе мира, столь вождѣннаго для нашего отечества, я никогда не переставалъ соединять свои усилія съ усиліями моихъ союзниковъ, чтобы содѣйствовать возстановленію мира въ сосѣдственной намъ странѣ, согласно съ достоинствомъ и независимостію сего королевства. Имѣю причины надѣяться, что неопровержимыя права справедливости, столь храбро поддерживаемыя оружіемъ, восторжествуютъ, наконецъ, въ полной мѣрѣ».

Д А Н І Я .

17-го ноябр.—Въ Шлезвигѣ, вслѣдствіе движенія впередъ, произведеннаго по приказанію генерала *Виллизена*, Гольштейнцы снова атаковали, 14 и 15 чиселъ, авангардъ датской арміи. Итакъ, въ эти два дня происходили стычки близъ Брекендорфа, гдѣ Датчане захватили одинъ гольштейнскій постъ, вмѣстѣ съ начальствующимъ офицеромъ. Сильная дивизія войскъ, съ 30 пушками, скоро будетъ отдѣлена отъ репдебургской арміи, и займетъ укрѣпленную позицію на высотахъ Ельбы, чтобы воспротивиться вступленію войскъ Германскаго Сейма. Австрія, какъ извѣстно, взялась въ точности исполнить мирный договоръ, заключенный Пруссією съ Даніей, отъ имени Германіи и, кажется, хочетъ употребить для обезоруженія гольштейнской арміи свои пограничныя и кроатскіе полки, въ которыхъ много Венгерцевъ и Итальянцевъ.

Утверждаютъ, что прусскія войска выходятъ изъ Гамбурга не для чего инаго, какъ для избѣжанія столкновенія съ Австріяцами, которые должны идти чрезъ этотъ городъ въ Гольштейнъ. Въ послѣднюю недѣлю, датскія эскадры блокировали Киль и всѣ другія гавани Гольштейна съ удвоенною строгостію: нейтральнымъ кораблямъ, къ

какой бы націи они ни принадлежали, уже не позволяют ни входить туда, ни выходить».

Б Е Л Г І Я .

Брюссель, 12-го ноября.—Засѣданія Палаты открыты министерствомъ. Король не присутствовалъ при этомъ.

И Т А Л І Я .

Римъ, 24-го октября.—Миссія г-на *Пинелли* не имѣла ни малѣйшаго успѣха. Папа адресовалъ къ верчеллійскому архіепископу посланіе, въ которомъ изъявляетъ свое живѣйшее сожалѣніе о невозможности согласиться на предложеніе *Пинелли*. Требованіе сардинскаго правительства, чтобы туринскій архіепископъ *Францони* былъ отрѣшенъ отъ должности и чтобы Папа утвердилъ законъ *Сиккарди*, показалось Его Святѣйшеству тѣмъ болѣе неисполнимымъ, что законъ *Сиккарди* явно противорѣчитъ существующимъ договорамъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чѣмъ кончится это дѣло.

1-го ноября. — Въ Тайной Консисторіи, собиравшейся у Папы, Его Святѣйшество произнесъ рѣчь, въ которой онъ строго порицаетъ образъ дѣйствій Пьемонта относительно церкви. Всѣ переговоры, происходившіе между этимъ государствомъ и римскимъ дворомъ съ 1841 г., излагаются въ ней подробно. Всего болѣе Папа жалуется на законъ о публичномъ обученіи, 1848 г., устраняющій католическое духовенство отъ всякаго вліянія на это обученіе. Римскій дворъ изъявляетъ готовность исправить устарѣвшіе церковные законы, но съ условіемъ, чтобы церкви было предоставлено болѣе свободы въ ея дѣйствіяхъ.

Въ той же рѣчи довольно подробно излагается весь ходъ сношеній римскаго двора съ сардинскимъ, начиная съ 1841 г., по поводу имуществъ духовныхъ, которыя мало-по-малу подчиняемы были въ Сардиніи свѣтской власти.

Въ 1841 г., на основаніи договора между Григоріемъ

XVI и Карломъ Альбертомъ, значительно уменьшены были имѣнія пьемонтскаго духовенства. Уменьшеніе это было такъ велико, что правительство Короля само долго не рѣшалось исполнить въ Сардиніи условія этого договора; но въ 1848 г. оно потребовало отъ римскаго двора новаго договора; однако предложенныя имъ условія не могли быть вовсе приняты. По этому римскій министръ при сардинскомъ дворѣ предложилъ другія условія, по которымъ, хотя церковь и лишалась почти всѣхъ имуществъ своихъ, зато въ другихъ отношеніяхъ получила большую свободу дѣйствія. Въ этомъ положеніи были переговоры, когда вся Италия была потрясена революціею. По восстановленіи мира, въ Римъ былъ присланъ новый уполномоченный, чтобы возобновить переговоры о церковныхъ имуществахъ, чего однако не сдѣлалъ, и возвратился въ Туринъ. Въ это время министерство представило сардинской Палатѣ Депутатовъ законъ о совершенномъ отчужденіи духовныхъ имуществъ въ пользу казны. Многія другія права церкви тоже были нарушены этимъ закономъ. Протестъ римскаго двора противъ такого проекта остался безъ отвѣта, и онъ получилъ силу закона. Папа не только жалуется на нарушеніе правъ церкви этимъ закономъ, но упоминаетъ о рѣчахъ, произнесенныхъ въ Парламентѣ, въ которыхъ свѣтской власти приписывалось право нарушать безъ согласія Папы заключенные съ нимъ договоры. Какъ уже говорили, Папа въ своей рѣчи сильно возстаетъ противъ изданнаго въ Сардиніи закона о преподаваніи, и въ концѣ торжественно протестуетъ противъ поступковъ сардинскаго правительства.

Графъ *Монталамберъ* пріѣхалъ въ Римъ; 6-го числа нѣкоторые демократы хотѣли сдѣлать рѣзкую демонстрацію противъ него, какъ одного изъ защитниковъ римской епископціи; предъ домомъ его уже собралась значительная толпа, но полиціи удалось во-время разсѣять ее.

Въ тотъ же день, въ засѣданіи Общиннаго Совѣта г. *Монталамберъ* былъ единогласно признанъ римскимъ гражданиномъ, и Совѣтъ рѣшилъ сдѣлать медаль съ его груднымъ изображеніемъ.

Всѣ лицеи и университеты Церковной Области, за исключеніемъ римскихъ, открыты, Римскія учебныя заведенія этого рода еще не могутъ быть открыты, потому-что зданія,

въ которыхъ они немѣщаются, сильно повреждены и требуютъ значительныхъ поправокъ.

Сардинія.—23-го числа, Король, въ сопровожденіи обѣихъ Королевъ, открылъ рядъ парламентскихъ засѣданій 1851 г. Въ тронной рѣчи, Е. В. выразилъ удовольствіе, возбужденное въ немъ образомъ дѣйствій Палаты въ продолженіе предшествовавшаго ряда засѣданій. По поводу спора съ римскимъ дворомъ, Король выразился такъ: «Усилія моего правительства еще не могли положить конца спору съ римскимъ дворомъ, возникшему вслѣдствіе законовъ, въ которыхъ государственныя власти не могли отказать новымъ политическимъ условіямъ королевства сардинскаго. Во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ, мы постоянно имѣли въ виду, и уваженіе, питаемое всеми нами къ папскому престолу, и твердую рѣшимость поддержать независимость нашего законодательства. Оставаясь вѣрными нашимъ обязанностямъ, и продолжая пользоваться нашими правами, мы надѣемся, что время и благотворное вліяніе религіознаго чувства и цивилизаціи приведутъ насъ къ согласію, составляющему одну изъ первыхъ потребностей общественнаго быта». Рѣчь Короля была принята съ знаками живѣйшаго удовольствія. По закрытіи засѣданія, Е. В. дѣлалъ смотръ національной гвардіи.

Къ числу пожалованныхъ савойскимъ орденомъ за гражданскія заслуги принадлежатъ *Массимо д'Азелио* и *Сильвіо Пеллико*.

Испанія.

Мадридъ 31-го октября.—Сегодня открыты засѣданія Кортесовъ. Городъ спокоенъ.

Е. В. Королева сама открыла засѣданіе тронною рѣчью, въ первой части которой изложила положеніе дипломатическихъ сношеній съ другими державами; упомянула о возстановленіи дружественныхъ отношеній съ Англіею и о благопріятныхъ послѣдствіяхъ экспедиціи въ Италію, содѣйствовавшей поддержанію престола Папы. Во второй части рѣчи говорится объ исправности всѣхъ частей государственнаго управленія, о внутреннемъ благосостояніи страны и ея

колоній, и о счастливомъ освобожденіи острова Кубы отъ нападений пиратовъ. Наконецъ Е. В. предлагаетъ на разсмотрѣніе Кортесовъ всѣ постановленія, сдѣланныя ея правительствомъ по части военной, судебной, финансовой и проч., и заключаетъ рѣчь изъявленіемъ полной увѣренности въ благоразуміи собранія, испытаннаго предшествовавшими годами.

Отправляясь на засѣданіе, Королева и Король выѣхали изъ дворца въ 3 часа по-полуночи, въ парадной каретѣ, запряженной восемью лошадьми, при громѣ пушекъ. Сенаторы и депутаты встрѣтили ихъ громкими восклицаніями.

1-го ноября было засѣданіе, въ которомъ президентомъ избранъ г. *Луисъ Майонсъ*.

2-го числа, Палата занималась разсмотрѣніемъ адреса Королевѣ, въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Г. *Тсарагоса* оправдывалъ себя отъ обвиненій въ томъ, что по его приказанію задержаны были многія газеты; онъ доказывалъ, что этимъ хотѣлъ устранить всякой поводъ къ нарушенію спокойствія, что, впрочемъ, онъ приверженецъ свободы тишенія. Г. *Пидаль* защищалъ внутреннюю и виѣшнюю политику правительства, особенно по отношенію къ несогласію съ Англіею и къ браку графа *Монтеломина*, для котораго не было никакого политическаго повода. Разрѣшеніе даровано Папою, какъ лицомъ духовнымъ, а не какъ свѣтскимъ властителемъ, и переговоры о конкордатѣ приближаются къ концу.

Греція.

Греческая Королева лично открыла, 12 поября, засѣданія греческихъ Палатъ, рѣчью, въ которой торжественно объявляетъ, что нація выполнила всѣ желанія, высказанныя Королемъ при отъѣздѣ; съ своей стороны, Королева благодарила за содѣйствіе, оказанное ей всеми классами народа. Впрочемъ въ отношеніи фактовъ, рѣчь эта не важна, потому что въ ней не говорится о намѣреніяхъ правительства и проектахъ, которые представлены будутъ Палатамъ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ Женевскомъ-кантонѣ производились выборы, на которыхъ партія радикаловъ одержала совершенную побѣду. Не только г. Фази, глава правленія, былъ почти единогласно снова избранъ, но все радикалы, внесенные въ списокъ, тоже, такъ что въ Большомъ кантонскомъ Совѣтѣ остался только одинъ депутатъ охранительной партіи. Причины этого событія еще неизвѣстны. Говорятъ о соединеніи между крайними партіями и партіями радикаловъ и духовныхъ.

Швейцарскій Національный Совѣтъ разсматривалъ, 20 ноября, Фрейбургскія просьбы, о которыхъ въ послѣднее время было говорено въ журналахъ. Первая изъ этихъ просьбъ, о вознагражденіи за убытки, причиненные Фрейбургу во-время войны противъ Зондербунда, не заслуживаетъ особеннаго вниманія; но вторая гораздо важнѣе. Второю просьбъ требуютъ, чтобы Федеральное Собраніе возвратило гражданамъ Фрейбурга права, дарованныя федеральнымъ уложеніемъ 1848 г. Эти права, говорятъ они, нарушены частнымъ Фрейбургскимъ уложеніемъ, которое принято два года тому назадъ, и не можетъ быть измѣнено въ теченіе 10 лѣтъ. Отъ этого то послѣдняго условія хотятъ Фрейбургцы освободиться. На просьбѣ пятнадцать тысячъ подписей. Коммиссія Національнаго Совѣта, найдя ее важною, рѣшила, чтобы оба Совѣта разсмотрѣли ее безъ отлагательства, для-того, чтобы дать Федеральному Собранію возможность заняться ею въ теченіе настоящихъ своихъ засѣданій.

ТУРЦІЯ.

Въ среду, 11-го октября, въ концѣ 10-го часа утра, ужаснѣйшій взрывъ поколебалъ константинопольскій портъ до его глубины: трехдечный 120-ти-пушечный корабль Нейри-Шефкетъ, подъ флагомъ великаго адмирала, взорванъ былъ въ портѣ, ниже арсенала, посреди всего оттоманскаго флота; въ немъ загорѣлась пороховая камера. Въ нѣсколько

минуть гавань была покрыта обломками и мертвыми тѣлами; корабль продержался въ колебаніи на водѣ минутъ пять, прежде чѣмъ поглощенъ былъ водою, и на поверхности воды осталась только верхушка грот-мачты. На немъ было отъ шести до семисотъ человѣкъ, когда произошло это бѣдствіе, котораго не знаютъ еще причины, и изъ всего экипажа успѣли спасти плававшихъ на водѣ не болѣе двухъ сотъ человѣкъ.—Въ частномъ письмѣ изъ Константинополя отъ 11-го октября, число погибшихъ показываютъ въ 600 человѣкъ; большая часть пороховыхъ запасовъ, которые загорѣлись, была уже свезена въ арсеналъ. Капитанъ-паша съѣхалъ съ корабля не болѣе какъ за полчаса до взрыва.

Сербія. Бѣлградъ, 29-го. Возстаніе въ Босніи приняло другой характеръ. Боснійскіе Турки вытѣснили отсюда низамское войско, и убили тузаскаго хаймакама. Поводъ къ тому подалъ, какъ говорятъ, новый фирманъ, по которому не только Райи, но и Турки должны платить подати съ своихъ имуществъ. Это обстоятельство, а также и извѣстныя притѣсненія чиновниковъ, вывели Турокъ изъ терпѣнія, и побудили ихъ къ этому отчаянному поступку. Райи спокойны.

4-го (23-го октября ст. ст.). Султанъ пожаловалъ 100,000 піастровъ для вдовъ и сиротъ матросовъ, погибшихъ при взрывѣ корабля «Нейри Шефкетъ»; въ арсеналѣ дѣятельно занимаются вытаскиваніемъ изъ воды всего, что возможно спасти изъ остатковъ погибшаго корабля. Считаютъ большимъ счастіемъ, что, по возвращеніи флота въ Босфоръ, бывшіе на этомъ кораблѣ, во-время кампаніи, боевые запасы свезены были на берегъ и что на немъ оставалось только немного пороху для салютовъ; въ противномъ случаѣ, при взрывѣ этого морскаго колосса, вѣроятно, разрушенъ былъ бы весь арсеналъ, и погибла бы значительная часть флота.

Изъ Константинополя пишутъ отъ 25 октября, слѣдующее:

«Въ политическомъ мирѣ все спокойно, и иностранные представители воспользуются этимъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя поѣздки. Русскій посланникъ, напримѣръ, побѣхалъ осматривать Афонскую-гору, гдѣ, какъ извѣстно, находятся нѣсколько монастырей, подлерживаемыхъ Россією.

«Французскій министръ намѣревается отправиться въ Черное-море; англійскій министръ тоже ѣздитъ на Афонскую-гору; съ этою цѣлію онъ отправился на англійскомъ паро-

ходъ въ Салонику, и при возвращеніи его случилось происшествіе, которое стоить вниманія: «Серъ *Страдфордъ Каннингъ* не взялъ фирманъ для прохода черезъ Дарданеллы, полагая, вѣроятно, что это совсѣмъ ненужно. Возвращаясь, онъ спокойно вошелъ въ проливъ, но какъ скоро пароходъ поравнялся съ фортами, ему приказано было остановиться. Такъ какъ пароходъ продолжалъ идти, то сдѣланъ былъ пушечный выстрѣлъ, холостымъ зарядомъ; пароходъ и тутъ не остановился; тогда въ него два раза выстрѣлили ядрами, которыя, къ счастью, пролетѣли мимо; пароходъ ускорилъ свое движеніе, чтобы избѣгнуть другихъ выстрѣловъ, и сѣлъ на мель, такъ что принужденъ былъ ждать другаго парохода, который помогъ ему сняться съ мели. Впрочемъ, случай этотъ не имѣлъ другихъ послѣдствій, и серъ *Страдфордъ Каннингъ* могъ только увѣриться, что Порта исполняетъ договоръ 15 іюля въ отношеніи ко всѣмъ и къ каждому.»

Извѣстія изъ Герцеговины доходятъ до 8 ноября; возстаніе тамъ еще не усмирено. *Омер-Паши* пришелъ съ войскомъ въ Блато, недалеко отъ Мостара; отъ жителей этого города требовалъ онъ выдачи 15 зачинщиковъ, между прочимъ *Гаваса-Паши*. Еще не знаютъ, что на это отвѣчали Мостарцы, но полагаютъ, что они подчинятся требованіямъ *Омера-Паши*. Между-тѣмъ, *Кавас-Паши* оставилъ позицію при Когницѣ. *Ассан-Бегъ* выступилъ изъ Требины; говорятъ, что его вызвалъ оттуда Сераскирь, который скоро же достигнетъ цѣли, чѣмъ сначала предполагалъ.

Газета «Лойда» говоритъ, что Мостаръ сдался, и съ-тѣхъ-поръ въ городѣ спокойно. *Омер-Паши* весьма скоро прекратилъ новое возстаніе въ Пасовинѣ. Войско инсургентовъ, состоящее изъ 5,000 человекъ, разбито на голову при Врандукѣ; 150 инсургентовъ убиты на мѣстѣ. Врандукъ занятъ. Сераскирь превратилъ въ пепелъ сосѣднее мѣстечко Зенсе, изъ котораго сильно стрѣляли. 10-го числа при Когницѣ произошло новое сраженіе между форпостами *Раваса-Паши* и Сераскира. Пороховой запасъ, находящійся близъ Сараево, былъ взорванъ по приказанію *Абди-Паши*.

Сараево. — Бывшіе здѣсь паши, предводители инсургентовъ, ушли изъ города, опасаясь приближенія *Омера-Паши*; глава его, *Али-Паши*, прежній визирь Мостара; онъ долго скрывался, и успѣлъ отерочить вступленіе султанскихъ войскъ въ Герцеговину; потомъ удалился онъ въ

Буну; зная о его вѣроломствѣ, *Галан-Бей* не отправился въ Буну. Теперь Сераскирь расположилъ одинъ отрядъ близъ Сараево, на холмѣ Горница. Инсургенты подвинули свои аванпосты къ городу, и стоятъ отъ него въ двухъ миляхъ. Попятно, что при такомъ положеніи дѣлъ промышленность сильно страдаетъ, и благосостояніе жителей нарушено.

Въ Алеппо произошло возмущеніе, направленное противу Христіанъ, и преимущественно противу Грековъ. Поводомъ къ этому послужила греческая дѣвушка, которая приняла мусульманскую религію, и потомъ снова обратилась въ христіанскую вѣру. Греческая церковь защищала дѣвушку отъ фанатическихъ стараній магометанъ обратитъ ее въ свою вѣру, и отъ разныхъ выраженій взаимной злобы дошло до ссоры, жертвою которой сдѣлалось отъ 50 до 500 человекъ, болѣею частию, Грековъ, а могли быть и всѣ не магометане, находящіеся въ Алеппо, если бы ихъ не спасла отъ злобы толпы стража консульствъ, въ которыхъ спаслись всѣ тѣ, которые туда укрылись. Донесеніе, полученное Портою, было сдѣлано подъ влияніемъ еще продолжавшагося возмущенія. Порта съ живѣйшимъ сожалѣніемъ узнала объ этомъ несчастномъ происшествіи, и судъ надъ зачинщиками будетъ производиться съ надлежащею строгостью, не-смотря на вѣроисповѣданіе виновниковъ.

10-го. Несогласія съ Египтомъ принимаютъ, повидимому, важный характеръ. *Артим-Бей* и *Ксалиль-Паши*, котораго вице-король хотѣлъ развести съ женою его, дочерью *Мегемета-Али*, употребляютъ всѣ усилія, чтобы выставить *Аббаса-Пашу* въ невыгодномъ свѣтѣ. Вице-король имѣетъ однако здѣсь тоже агента, президента Совѣта, *Гассана-Пашу*, котораго прислалъ именно для того, чтобы разстроить козни противъ него. Своего главнаго толмача, брата *Артим-Бея*, *Шазая*, велѣлъ онъ посадить подъ арестъ; онъ обвиненъ въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Константинополемъ; онъ кромѣ того запретилъ семейству своего бѣглаго министра выѣзжать изъ Египта. Настоящая обстоятельство для *Аббаса-Паши* очень невыгодны; но Порта сдѣлала ошибку, отправивъ къ нему комиссара *Мустафа-Пашу*, съ особеннымъ полномочіемъ; извѣстно, что его назначаютъ въ преѣмники вице-королю; Министерство *Решид-Паши* еще слишкомъ мало утвердилось, чтобы предпринимать такія строгія мѣры. Египетъ такая страна, въ ко-

торой возстаніе возможно, чѣмъ гдѣ-либо. Съ другой стороны, поведеніе *Галил-Паши* въ Смирнѣ, притѣсненія, которыя онъ дѣлаетъ Грекамъ, могутъ возбудить сопротивленіе и повести къ разрыву между Турціею и Греціею; онъ основывается только на томъ, что не существуетъ договора, по которому бы греческимъ подданнымъ предоставлялось право владѣть въ Турціи недвижимыми имуществами. Говорятъ, что такая политика принята изъ угожденія серу *Страдфордъ Каннингъ*; съ другой стороны, говорятъ, что одинъ изъ посланниковъ старается погубить *Галил-Пашу*, и что этотъ сановникъ призывается въ Константинополь, по его внушенію.

Извлеченіе изъ письма, присланнаго изъ Константинополя, въ которомъ точнѣе сообщаются подробности о беспорядкахъ въ Алеппо:

«Губернаторъ Алеппо, съ 9 октября, велъ переговоры съ инсургентами, которые сообщили ему свои условія. Сначала паша отказался отъ нихъ, но депутация консульствъ, изъ консуловъ французскаго, англійскаго, австрійскаго и нѣкоторыхъ другихъ, уговорила его согласиться на условія, и сдѣлать всѣ требуемыя уступки, чтобы предупредить новыя несчастья. Паша, одобливъ ихъ совѣтъ, созвалъ, 20 числа, всѣхъ шейковъ и улемовъ, и рѣшилъ клятвенно обѣщать возмутившимся жителямъ исполнить слѣдующія главные условія:

- 1) Что будетъ даровано неограниченное всепрощеніе.
- 2) Что *Абдалла-Бей* будетъ назначенъ каймаканомъ или вице-губернаторомъ Алеппо (этотъ инсургентъ былъ нѣкогда музелиномъ, гражданскимъ губернаторомъ Алеппо).
- 3) Что у Султана выпросить позволеніе не примѣнять новой системы правленія въ провинціи Алеппо.
- 4) Что контрибуція будетъ не личная, а поземельная.
- 5) Что христіанское богослуженіе будетъ совершаться публично, и колокола будутъ уничтожены.
- 6) Что паша воротится въ своей дворецъ, а вельможи въ свои жилища. (Съ 10 числа всѣ они заперлись въ казармахъ).

21-го числа, глашатый объявилъ объ этихъ условіяхъ въ разныхъ частяхъ города; они были радостно приняты всѣми мусульманами. Съ этого времени порядокъ не былъ нарушенъ, и христіанъ уже не притѣсняютъ.

На слѣдующій день, губернаторъ съ незначительной охранной стражею, прошелся по городу и былъ вездѣ принятъ очень хорошо.

Порта очень раздражена слабостью губернатора, и врядъ ли она согласится на уступки, сдѣланныя имъ мятежникамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, это былъ бы дурной примѣръ другимъ сирийскимъ городамъ, гдѣ уже давно замѣчаютъ признаки непокорности.

Въ Дамаскомъ округѣ еще не возстановленъ порядокъ. 17 ч. было новое столкновеніе между возмутителями и войсками Султана. Первые, въ числѣ 2000 ч., расположились близъ Маллулы, и начали нападеніе. Войска показали видъ, что отступаютъ, но потомъ обратились на преслѣдующихъ ихъ возмутителей, и отбросили ихъ до Маллулы. Наконецъ самый городъ былъ взятъ и отданъ въ добычу войскамъ. Церковь св. Феклы и монастырь Св. Сергія совершенно ограблены. Предводитель возмутителей *Емиръ Могмедъ* сдался наконецъ начальнику иррегулярныхъ войскъ и былъ переланъ *Мустафъ-Пашъ* вмѣстѣ съ двумя братьями; 18 числа они привезены были въ Дамаскъ, а оттуда отправлены въ Константинополь, чрезъ Бейрутъ. Въ Горанѣ волненіе успокоили обѣщаніями.

Россійскій Чрезвычайный Посланникъ при Оттоманской Портѣ г. *Титовъ* переѣхалъ изъ лѣтней резиденціи, на зиму, въ домъ посольства, въ Перѣ.

5-го ноября праздновано было здѣсь наступленіе новаго мусульманскаго года; это былъ первый день мѣсяца могаррема 1267 года еджры.

А М Е Р И К А .

Нью-Йоркъ, 9-го октября. Въ сентябрѣ прибыло сюда 5457 нѣмецкихъ переселенцевъ; въ 1849 г., въ томъ же мѣсяцѣ прибыло ихъ только 5170. Большею частію пріѣхали они чрезъ Бременъ и Гавръ, потомъ чрезъ Гамбургъ, Антверпенъ, Роттердамъ, Ливерпуль и Лондонъ.

По извѣстіямъ изъ *Сан-Франциско*, отъ 1-го сентября, горное искусство тамъ находится въ совершенномъ младенчествѣ; при всемъ томъ добыча золота превосходитъ всякое вѣроятіе; съ 11 апрѣля 1849 по 1 іюля 1850 отправлено золота на 15,129,388 долларовъ (долларъ—150 коп. сер.); съ того времени добыто еще не менѣе 5—6 милліоновъ. Золотой песокъ продается по 16 дол. съ небольшимъ за унцъ; при займахъ звонкой монеты въ мѣсяцъ даютъ 6—8—15 процентовъ. Промышленность здѣсь вполнѣ процвѣтаетъ; теперь въ гавани лежитъ около 500 судовъ всѣхъ націй. Городъ послѣ пожара совершенно обстроился. Недавно провезли здѣсь тѣло покойнаго президента *Телора*; въ многочисленной толпѣ, собравшейся по этому случаю, особенно замѣтны были Китайцы въ своемъ національномъ костюмѣ. Правительство принялось за обзорніе калифорнскаго и орегонскаго береговъ, и нашло нѣсколько гаваней, изъ которыхъ можно сдѣлать превосходные порты.

Пароходъ «*Еуропа*» привезъ изъ Соединенныхъ-Штатовъ журналы отъ 23-го октября. Общественное вниманіе было занято все тѣми же вопросами о выборахъ, которые должны производиться 5 ноября, о невольничествѣ и о недавно принятомъ биллѣ, касательно выдачи бѣглыхъ невольниковъ. Последній вопросъ принялъ такой оборотъ, что угрожаетъ самому Союзу. Волненіе, возбужденное въ *Детруа* (въ *Мичиганѣ*) арестованіемъ нѣсколькихъ негровъ, требуемыхъ Южными-Штатами, еще не утихло. Жители снова пытались освободить плѣнныхъ, и войско постоянно окружаетъ тюрьму.

Куба. Пароходъ «*Isabel*», привезъ извѣстія изъ Гаваны, по 8 октября. Снятіе осаднаго положенія съ острова и распушеніе милиціи должны были, какъ кажется, уничтожить всякія опасенія; напротивъ того эти мѣры только удвоили ихъ. За два дни до отбѣзда парохода «*Isabel*», въ гавани много говорили о томъ, будто-бы 6,000 челов. сдѣлали высадку въ 60 миляхъ отъ города. Несмотря на неосновательность этого слуха, онъ причинилъ на биржѣ безпокойство, о которомъ было уже забыто. Впрочемъ, нѣкоторые корреспонденты увѣряютъ, что виновники этихъ ложныхъ вѣстей только этого и добивались, что это была просто биржевая уловка, къ которой прибѣгли, чтобы уронить выеокую цѣну разныхъ товаровъ, неправившуюся инымъ спекулянтамъ. Вѣроятно, что ми-

нутное дѣйствіе этой ложной вѣсти пройдетъ такъ же скоро, какъ и было произведено. Одно время заговорили также о составленномъ будто бы заговорѣ противъ жизни генерал-капитана, и предосторожности, принятыя по этому случаю въ казармахъ, придали этому слуху нѣкоторую вѣроятность. По изслѣдованію дѣла оказалось, что все это произошло отъ чрезмѣрнаго рвенія одного стараго Испанца, который сообщилъ графу *д'Альбуа* болтовню нѣсколькихъ негритянокъ, заключающую въ себѣ, какъ ему показалось, слѣды какаго-то заговора. Вообще, какъ видно, эти тревоги и безпокойства были бы весьма невинны, если бы они не угрожали разстроить спокойное и упроченное положеніе страны.

Въ Гаванѣ колера рѣшительно прекратилась, и тамъ по этому случаю служили благодарственный молебенъ; эпидемія продолжается однакожъ во внутренности и на югѣ острова.

А з і я.

Индія.—Вотъ вкратцѣ извѣстія, привезенныя индѣйскою почтою изъ Бомбея, отъ 2 октября.

Генерал-губернаторъ, маркизъ *Дальгузи*, продолжаетъ свое путешествіе по сѣверу Индіи; около 25 ноября онъ долженъ быть въ нагорномъ Индустанѣ. Около того же времени главнокомандующій серъ *Чарльзъ Непиръ* намѣренъ оставить *Калькутту*, для возвращенія въ Европу.

«Африды, окружившіе *Коханъ*, обращаются съ гарнизономъ съ меньшею неприязнью. Они назначили капитану *Кокку* срокъ, по истеченіи котораго сдѣланъ будетъ приступъ, и тогда они намѣрены уничтожить въ крѣпости всѣхъ послѣднихъ оружіе. Но они обѣщали ему не только не преслѣдовать его, если онъ оставитъ крѣпость съ оружіемъ и обоими, но даже дать ему всѣ средства достигнуть *Петавера*. Англичане не приняли этихъ условій и съ слѣдующею почтою надобно ожидать извѣстій о сраженіи.

«Въ первый разъ извѣстія изъ *Декана* говорятъ о мирѣ. Низамъ нашель лучшимъ примириться съ своимъ первымъ министромъ, которому войска очень преданы.

«Въ Бомбейѣ собирается подписка для проведенія туннеля подъ возвышенностію, лежащею на коммерческой дорогѣ

компаніи; это предпріятіе дѣлается въ память покойнаго раджи Саттараха, котораго владѣнія соприкасаются съ владѣніями компаніи, и который всегда содѣйствовалъ ея коммерческимъ видамъ.

«Въ Калькуттѣ заключена конвенція съ представителями лондонскаго дома *Ельмси и К^о* для построения перваго участка бенгальской желѣзной дороги, который простирается на 30 миль. Неизвѣстно, когда приступятъ къ работамъ.

Ост-Индія. Голландцы, послѣ кровопролитнаго сраженія съ Китайцами на островѣ Борнео, при рѣкѣ Зомбасѣ, одержали надъ ними побѣду.

Шайки китайскихъ разбойниковъ производятъ грабежи и пожары въ провинціяхъ Кангсы и Кантонѣ. По взятіи Кинчана, они приблизились къ Контону на 120 англійскихъ миль.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЪВЕЦЪ.

Подъ лазурной далью
 Пѣсня звучно летя,
 Неземной печалью
 Сердце въ груди бьется.
 Нѣтъ! восторгъ и радость
 У пѣвца младаго:
 Жизни пѣть онъ сладость,
 Полюбилъ онъ снова!

Полюбилъ онъ страстный
 Душеньки-дѣвицы
 Взглядъ, какъ небо ясный,
 Длинные рѣсницы;

Плечь атласныхъ мраморъ,
Снѣгъ роскошной шеи,
Станъ, какъ стройный яворъ,
Ножку милой феи.

Онъ поетъ такъ сладко

Про любовь и очи;
Пощелуй, украдкой
Данный въ мракѣ ночи;
Какъ, смѣясь, горѣли
Губки огневныя;
Какъ слезою мѣли
Очи голубыя;
Какъ на нихъ глядѣли
Звѣзды золотыя!

Д. ОЗНОВИЩИНЪ.

ХРИСТИАНИНЪ.

Онъ ангель въ тѣло облеченный,
На то, чтобъ радовать людей;
На немъ какъ риза остовъ тѣнный
И нѣтъ, ему не тѣсно въ ней!
Любовію руководимый

Онъ мужъ и въ скорби и въ трудахъ,
Увѣренъ въ томъ, что домъ родимый
Ему отворенъ въ небесахъ.
Слетѣвъ на срокъ опредѣленный,
Съ людьми онъ тѣломъ здѣсь живетъ,
А духомъ самъ жилецъ вселенной —
И жизни цвѣтъ въ Эдемѣ рветъ.

М. ПОЛОВЦОВЪ.

УТРО.

Туманы разлетаются
Надъ сонною рѣкой;
Яснѣе означаются
Хребты передо-мною.

Вокругъ все небо чистое,
Погасли звѣзды въ немъ.
Лука росой душистою
Обрызганы кругомъ....

Въ душѣ моей молчаніе —
 Мнѣ сладко и легко:
 Всѣ прежнія страданія
 Отъ сердца далеко.

П. К.

ВЕЧЕРЬ.

Вдали заря огнистая
 Полнеба обняла,
 Роса внизъ золотистая
 Невидимо сошла.

Покрылася туманами
 Широкая рѣка;
 На небѣ какъ румянами
 Облиты облака.

Къ ночлегу въ пору позднюю,
 На всѣхъ холмахъ, вдали,
 Всѣ тучки цѣпью розною
 Слетѣлись — и легли.

Ночь лѣтняя сгушается...
 На небѣ блѣдный полукругъ —
 Тó двѣ зари встрѣчаются
 Какъ съ старымъ другомъ другъ....

П. К.—СКІЙ.

ХАМАР-ДАБАНЪ.

Смотри: стойтъ передъ тобой,
 Въ величьи дикомъ и суровомъ,
 Гигантъ съ ледяной головой,
 Одѣтый снѣгомъ, какъ покровомъ.

Одинъ онъ въ выси черныхъ тучъ
 Съ завѣтнымъ небомъ породнился;
 Въ челѣ его блестящій лучъ,
 Играя свѣтомъ, отразился.

Внизу потокъ воды бѣжить,

А тамъ, вдали, сѣдая мгла
Долины горъ Хамар-дабана
Прозрачной дымкой облегла.

Иркутскъ.

П. КОЖЕВНИКОВЪ.

ВЪ РОЛОМБУ.

Courage! ardent navigateur!...

Оставь безъ вниманій козни враговъ,—
Отмести ихъ коварству презрѣниемъ;
И вѣрный призыву пророческихъ сновъ,
Спѣши въ даль за ихъ откровеньемъ.
Спѣши—окриленный надеждой—впередъ,
Не бойся пучинъ Океана;
Корабль твой послушно волна понесетъ
И онъ избѣжитъ урагана.
Впередъ! не покорствуй волненію думъ:
Ты выше стоишь заблужденья!
Всегда уповаль твой прозорливый умъ
Спокойно въ возможность творенья!

И если бы даже за ризой морей
И не были новыя страны, —
То вѣрно бъ предъ волей могучей твоей
Миръ вышелъ изъ пѣдръ Океана...

П. КОЖЕВНИКОВЪ.

ВЪ НОЧИ.

(Изъ Кёрнера).

Доброй ночи вѣзмъ усталымъ!

День уже погасъ.

Дремлетъ все.... не шелохнется....

Скоро утро вновь проснется,

Спите, добрый часъ!

Все покойно; на деревнѣ

Ночь уже лежитъ.

И неслышенъ звукъ гитары;

Тихо ходитъ сторожъ старый

И въ рожокъ трубитъ.

Пусть вамъ снится рай волшебный,
 Дай Богъ вамъ покой!
 Отъ любви кому не снится,
 Пусть кому тогда приснится
 Милыхъ цѣлый рой.

Доброй ночи! встанетъ солнце
 Приметесь за трудъ.
 И настанетъ снова то же....
 Сторожить надъ нами Боже!...
 Спите.... Онъ вѣдъ тутъ.

Симферополь.

И. ЧЕХЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО МОРЯКА.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Плаваніе изъ Маниллы до Камчатки. — Петропавловскъ. — Первое знакомство. — Бада на собакахъ. — Завоеваніе Камчатки. — Камчатскія нарѣчія. — Прежняя жизнь Камчадаловъ. — Обрядъ сватовства. — Климатологическія замѣтки о Петропавловскѣ. — Горячіе паратунскіе ключи. — Промыселъ Камчадаловъ. — Прощаніе. — Выходъ въ море. — 27-дневный штормъ. — Валь, вкотившійся съ кормы.

Итакъ, какъ я говорилъ, мы оставили Маниллу. Большой запасъ превосходныхъ сигаръ самолюбиво напоминалъ намъ о наслажденіяхъ за хорошимъ стаканомъ китайскаго чаю и доброю сигарою, и мы невольно забывали минутную тоску, которую наводитъ обыкновенно разставанье съ берегомъ, имѣя въ виду большой переходъ. Кромѣ-того, мысль — свидѣться съ другимъ концомъ нашего благодатнаго царства, суровою Камчаткою, и съ добрыми, радушными и гостепріимными Рускими, нашими земляками — какъ нельзя болѣе одушевляла насъ, и снова пошли повороты, шиплы и марсафалы; загудѣли опять боцманскія дудки; зашевелились матросы; клетни, маты и найтовы накладывались на мѣста; чарки расхаживали по рукамъ расторопныхъ и удалыхъ, — словомъ, вездѣ была замѣтна жизнь, дѣятельность и награды. Осиротѣвшая каютъ-компанія, во время пяти-дневной стоянки въ Маниллѣ, собрала снова своихъ сочленовъ, и шутки, анекдоты и остроты игриво сыпались отовсюду. Весело, право весело было служить въ кругу такихъ

образованныхъ людей, какъ общество монахъ сослуживцевъ!... Это не лесть, но правдивая и откровенная истина...

27 июля солнце находилось у насъ въ зенитѣ; широта была 16°2'30"N-я, а долгота 118°36'06"O-я отъ Гринвича.

Августа 9, 10 и 11 мы штормовали. Брам-стенги были на вайтовахъ, а паруса несли самые ничтожные: штормовую бизань, рифленный гротъ-трисель и фока-стаксель; все остальное было закрѣплено. Этотъ штормъ былъ замѣчательнѣе необыкновенными и частыми шквалами; гичку унесло волненіемъ, оторвавъ съ кормовыхъ боканцевъ, а капитанскій катеръ и десятку болѣе чѣмъ исковеркало; впрочемъ, это обстоятельство насъ не огорчало: привычка — дѣло великое!...

Кажется, появленіе наше въ водахъ Нептуна было отпраздновано чинно, съ малѣйшими причудами, — но слово владыки волѣ до-сихъ-поръ не осуществлялось: въ каждый переходъ насъ привѣтствовали штормы, штили, и если ровные — то все же не попутные вѣтры; а онъ — злодѣй! — увѣрялъ насъ въ благополучномъ и скоромъ плаваніи, если отпразднуемъ появленіе въ его владѣніяхъ. Просьбу его, какъ читатели, можетъ-быть, помнятъ, мы исполнили, а онъ, вѣроятно, забылъ про свое обѣщаніе; впрочемъ европейцы — вотъ варвары, которые его избаловали!

Штормъ прекратился къ вечеру 11 числа. Погода наступила ясная; вѣтры стояли сначала ровные, подѣ-часъ попутные, но часто перемежались несносными штилями, продолжавшимися до сорока сутокъ *сряду*, при жесточайшихъ жарахъ. Штиль изрѣдка — обстоятельство пріятное; но если онъ продолжается недѣлями — тоска, ужасная, необъяснимая тоска!... въ особенности послѣ свѣжаго вѣтра, при огромной зыби... несносно!..

15 августа мы пересѣкли тропикъ Рака; полуденная широта была 23°32'39"N-я, а долгота 131°16'06"O-я отъ Гринвича.

Интересно бы посмотреть — подумаютъ, можетъ-быть, многие — что дѣлаютъ моряки въ такихъ продолжительныхъ переходахъ?... Спать, курить, ѣдать. — Нѣтъ, милостивые государи, и въ-особенности, государыни, въ такихъ переходахъ и такомъ плаваніи морякъ имѣетъ гораздо болѣе поводовъ для разсказовъ, и проводить время несравненно пріятнѣе и полезнѣе васъ, скучныхъ и вялыхъ старожиловъ вели-

кихъ гравовъ! Вспомните, сколько разнообразій представляетъ вамъ жизнь на морѣ. Положимъ, сегодня штиль; вы гуляете по-палубѣ какъ по троттуару Невскаго-проспекта, — а если завтра штормъ, при которомъ и, леера къ вашимъ услугамъ, то что за раздольная картина готова веселить вашъ созерцающій взоръ! Гармоническія завыванія вѣтра въ снастяхъ напоминаютъ вамъ какія-то знакомыя мелодіи, болѣе или менѣе меланхолическія, и вы, при небольшомъ пылкомъ воображеніи, переноситесь мыслью къ самымъ отраднѣйшимъ воспоминаніямъ, не замѣчая, что погода *ресетъ*. Но вотъ, на горизонтѣ завидѣлись зловѣщія тучи; вы переходите отъ мечтаній къ сущности, и наблюдательнымъ взоромъ слѣдите за страшною, разъяренною стихіею. Вы довольны, что она васъ веселитъ, и боретесь съ нею, не страшась вѣдръ ея пучины, отъ которой васъ *отдѣляетъ одна доска*: кажется такъ, господа мореходы?..

Однако, виноватъ, заговорился. Впрочемъ, я не докончивъ своего очерка о жизни на морѣ, и подтверждаю вамъ при этомъ неоспоримую истину, что отличительная характеристическая черта моряка есть откровенность. — Вы не вѣрите? — Напрасно! — Я разскажу вамъ теперь все наше житье-бытье; ни о чемъ не умолчу, и ничего не стану утрировать. Прошу поирислушать.

Во-первыхъ, выходъ изъ порта доставляетъ каждому изъ насъ *первый* случай узнать, до мелочей, приключенія каждаго на берегу, потому-что всѣ сѣзды на берегъ происходятъ не иначе, какъ по-вахтенно, отчего передача ихъ не всегда удобна, и остается преимущественно до выхода въ море. Тутъ припоминаются всѣ случаи, анекдоты и поѣздки, и при игривой и легкой болтовнѣ время проводится неподражаемо-весело, за обѣдомъ, ужиномъ и чаемъ. Библіотека занимательныхъ и поучительныхъ книгъ, путешествій и т. п., занимаетъ, въ свое время, общество свободныхъ отъ службы офицеровъ, и эта благородная тишина во-время чтенія, при клубахъ махроваго дыма ароматическихъ сигаръ, прекрасна, увлекательна! По мѣрѣ приближенія къ новому порту, о немъ прочтываются всѣ свѣдѣнія изъ путешествій бывалыхъ мореплавателей, которыя сообщаются на досугъ другъ-другу, пополняя такимъ-образомъ знанія одного знаніями другого. Эти занятія разнообразятся на время смѣною вахтъ: появленіе смѣнившихся вахтеннаго офицера и

его помощниковъ воскрешаетъ въ безмолвной кают-компаниі разговоръ, хохотъ и анекдоты къ случаю; а у моряковъ они безчисленны. Къ тому же, наша кают-компания могла гордиться на этотъ счетъ: незабвенный П. Н***. былъ дѣла дока этого дѣла!.. Прибавьте ко всему, къ довершенію, отличный столъ, конечно безъ свѣжаго мяса и хлѣба, прекрасныя вина и пріятную бесѣду, — и вы составите себѣ, нѣкоторымъ образомъ, довольно близкую идею о нашей жизни, въ которой, если къ столу поданъ герметически-закупоренный супъ и соусъ, да еще и жаркое, — смѣло говорите «воскресенье!» и въ календарь не заглядывайте!.. Случится пивнишникъ — и шампанское на столѣ!

Такимъ-то вотъ образомъ мы плыли до 14 сентября. Обсервационный пунктъ вышелъ въ этотъ день въ шир. 45°06'N-й долготѣ 154°16'O-й отъ Гринича; онъ отстоялъ отъ входа въ авачинскую-губу, по картѣ, въ 505 вт. миляхъ по прямому румбу. Между-тѣмъ, появленіе наше въ умѣренномъ поясѣ становилось довольно ощутительнымъ, и легкіе тропическіе костюмы замѣнялись фризowymi шюртуками; обувь — непромокаемыми сапогами, а манильскія соломенныя шляпы — зюйвестками. Въмѣсто обычнаго лимонада, мелькали стаканы портера, и свѣжій, здоровый и родной воздухъ нашъ заботливо ободрялъ прохладю наши души, изнемогавшія въ теченіе *шести* мѣсяцевъ въ тяжкомъ, невыносимомъ зноѣ. Въ отношеніи къ холоду, тропики насъ избаловали: на шканцахъ, смотришь, градусовъ 9 тепла, а кажется, что около 10 морозу. Серьезно: такъ бы вотъ и укутался во что-нибудь потеплѣе!..

Съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали появленія камчатскихъ береговъ, можно себѣ представить. Но вѣтеръ шалилъ; то стихалъ, то заходилъ, — словомъ, испытывалъ слабую сторону человечества — терпѣніе!.. Впрочемъ, наши люди были совершенно довольны, предвидя прибытіе въ *русскій* портъ, гдѣ имъ неужно будетъ прибѣгать къ безтолковой тарабарщинѣ, какъ напримѣръ: «осей, комъ гирь; руссманнъ добрый человекъ: гивъ сюда вещь, два рѣбли больше муней.» Право забавно, какъ эти добряки силились бывало искажать русскія слова, въ твердомъ предположеніи, что въ такомъ видѣ они гораздо понятнѣе иностранцу; такъ ли оно, не такъ ли, а они всегда добирались до толку, хотя иногда, въ затруднительныхъ слу-

чаяхъ, прибѣгали къ своимъ знахарямъ по-иноземщинѣ, которые гордели подь-часть такую нелѣпицу, что и Русскій былъ бы не въ-состояніи что-нибудь понять.

Изъ числа первокласныхъ остряковъ, у насъ былъ боцманъ Невзоровъ. Слыша, однажды, когда мы дѣлали наблюденія для долготы, что первый пунктъ берега, который должны увидѣть, называется мысомъ Лопатка, онъ, по прошествіи нѣкотораго времени, преторжественно закричалъ съ баку своимъ *младшамъ-ребятамъ* — какъ онъ называлъ обыкновенно людей — что «лопатка-де видна». Тутъ, изъ-подъ баку, къ нему высыпали на верхъ всѣ вахтенныя, и осматривъ предварительно весь горизонтъ передъ носомъ, наконецъ сиросили, гдѣ онъ видитъ? — «А это-то что?» — продолжалъ онъ, указывая на нѣсколько лопатокъ, употребляемыхъ для сгона воды съ палубы, и лежащихъ въ гальюна. «Пошелъ, да сгони со шкафута воду» — прибавилъ онъ въ-заключеніе, и мигомъ разогналъ вахтенныхъ по работамъ! Это былъ прелихой боцманъ и занимательный острякъ.

Подъ-вечеръ 17 сентября мы увидѣли на лѣвый кранболъ берегъ: это была одна изъ южныхъ сопокъ полуострова Камчатки; намъ оставалось отъ нея до авачинской-губы, по опредѣленіямъ, около 140 вт. миль. Всѣ выбѣжали при этомъ наверхъ, чтобъ полюбоваться родимыми берегами. Мрачная, дикая и уединенная Камчатка представилась намъ съ гигантскими сопками въ полномъ величіи, при закатѣ сѣвернаго солнца, которое, осѣняя красноватымъ отливомъ покрытыя снѣжною пеленою возвышенности полуострова, плавно и медленно опускалось въ нѣдра Великаго-океана. Тучи скопились, образовывали шквалы, къ тому же противные, потому снова разсѣивались, и находило безвѣтріе. Верстахъ въ двухъ или трехъ отъ насъ огромный китъ тѣшился на поверхности *Тихаго* — въ буквальномъ смыслѣ — океана, пуская величественные фонтаны, и съ силою удара хвостомъ по водѣ, скрываясь по-временамъ въ глубинѣ. Навинные остряки-матросы не упустили при этомъ, конечно, случая надъ нимъ поостричься, а разсматривая снѣжные берега и сопки прелестной Камчатки, перенеслись въ разговорахъ къ родинѣ, разболтались о засѣвахъ, объ ози-

момъ, и ну-ка считаться другъ передъ другомъ въ званіяхъ земледѣльцѣ, шутить и смѣяться.

19 сентября мы пришли на видъ авачинской-губы; но вѣтеръ былъ рѣшительно противный и къ тому же такой тихій, что мы едва удерживали свое мѣсто лавировкою. Нѣтъ ничего несноснѣе подобнаго положенія: и видить глазъ, да зубъ нейметъ!..

На другой день, часу въ третьемъ по-полудни, насъ подогналъ хорошій брамсельный, зюйд-остовный вѣтерокъ, и мы весело понеслись ко входу въ авачинскую-губу. Однако, нѣсколько спустя, насъ настигъ густой туманъ... берега обложились пасмурностью, и мелкій и частый дождь довершалъ удовольствіе. На бакъ и обоихъ шкатурахъ были разставлены часовые, чтобъ смотрѣть впередъ, и транспортъ нашъ, утомленный большіи переходомъ, величаво и горделиво понесся въ объятія спокойныхъ береговъ, хотя правда и незнакомыхъ, но все же, однако, родныхъ. По мѣрѣ приближенія ко входу, берега стали постепенно прочищаться, и вскорѣ за тѣмъ мы пробѣжали камни *Три-брата* и *Бабушкинъ*, а въ заключеніе *Роковую-мель*, отъ которой стали склонять курсъ къ Петропавловску. Къ-сожалѣнію, пасмурность не позволила намъ рассмотреть хорошенько примѣтныхъ мѣстъ, въ замѣнъ которыхъ обозначался только лишь силуэтъ гористыхъ береговъ, почему капитанъ невольнорѣшился простоять всю ночь въ губѣ, въ которой мы бросили якорь 20 сентября, въ $\frac{1}{2}$ 5 часа вечера, рассчитывая, что находимся отъ *Сигнальнаго-мыса* на WSW, въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ верстъ.

Такимъ-образомъ цѣль нашего плаванія была достигнута: мы стали на якорь на порогъ того отдаленнаго порта могущественнаго царства, куда наше мудрое Правительство, заботящееся о благоденствіи своихъ подданныхъ, послало насъ для отвоза разныхъ необходимыхъ вещей. Этотъ путь изъ Кронштадта до Петропавловска мы совершили въ одинъ годъ и пятнадцать дней, изъ числа которыхъ были собственно подъ парусами 248 дней и 6 часовъ, а остальное время провели, по необходимости, на якорныхъ стоянкахъ въ Колепгагенѣ, Гельсинерѣ, Портсмутѣ, Генерифѣ, Капштадтѣ, Никобарахъ, Пуло Пенангѣ, Сингапурѣ и, въ заключеніе, въ Манилѣ.

Отдавъ якорь, мы отсалютовали 7-ью пушечными выстрѣлами. Исправность, съ которою послѣдовали отвѣтныя салюты, доказывала, что насъ ожидали нетерпѣливо. Между-тѣмъ туманъ сталъ нѣсколько прочищаться, а дождь мало-по-малу переставать, такъ-что вскорѣ мы могли рассмотреть селеніе Авача и оконечность Сигнальнаго-мыса, по которымъ оказалось, что мы вдалились слишкомъ много въ губу, и прошли входить къ Петропавловску. Хотя при такихъ обстоятельствахъ намъ и можно бы было войти въ гавань, но вѣтеръ, вѣчно враждующій съ моряками, злодѣйски измѣнилъ, перейдя вдругъ къ NO, и набѣгая, иногда, изъ-за ущелий сильными порывами; къ тому же лавировка съ большимъ судномъ въ узкости не всегда удобна, и мы, по вѣсѣмъ этимъ причинамъ, невольно остались на ночь въ губѣ. Отданное приказаніе—«подвахтенныхъ на низъ!»—оставило на палубѣ нашего Або однихъ вахтенныхъ, между-тѣмъ какъ остальные всѣ разошлись по каютамъ. Собравшіеся въ кают-компаніи офицеры, промокшіе до послѣдней нитки, погоняли своихъ вѣстовыхъ «дать переодѣться», между-тѣмъ какъ благодѣтельный буфетчикъ хлопоталъ о глянтивнѣ, за которымъ мы вскорѣ съ удовольствіемъ кейфовали: стакаецъ подобнаго согрѣвающей наитка и манильская сигара — право по нутру промокшему и прозябшему!

Вечеромъ, часу въ 11 въ исходѣ, насъ посѣтилъ помощникъ начальника Камчатки и командиръ военнаго бота *Амуръ*, единственнаго судна Петропавловска, чтобъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ въ ихъ отдаленный край. Свиданіе было радостное, оживленное неподдѣльною восторженностью.

На слѣдующій день мы стали верноваться въ гавань, съ 6 часовъ утра. Свистъ боцманскихъ дулокъ и повелительное: «топни, молодцы, топни!» магически дѣйствовало на нашихъ людей, и одинъ вертъ за другимъ дружно и на ходу вырывались изъ пловатаго грунта. Въ началѣ 10 часа мы обогнули Сигнальный-мысъ, изъ-за котораго портъ *Петра* и *Паула* сталъ обрисовываться.

Петропавловскъ построенъ при подомвѣ двухъ горъ, почти параллельныхъ между собою, изъ которыхъ западная называется

ся *Сигнальною*, а восточная *Калахтырским-хребтомъ*. Къ северу отъ города, изъ-за Никольской-горы, возвышается величественная *Аваинская сопка*, а къ юго-западу видны гигантскій *Велюй*; горы и примыкающія къ нимъ возвышенности небрежно покрыты роскошною снѣжною целеною, и вся эта окрестность дышетъ очаровательною дикою прелестью. Изъ замѣчательныхъ строеній города, особенно бросающихся въ глаза, можно назвать Соборъ Св. Петра и Павла, домъ начальника Камчатки и два-три дома обывательскихъ; остальные строенія не болѣе какъ хижины.

Спустя недолго, мы миновали рифъ, простирающійся отъ Сигнальнаго-мыса къ SSO; капитанъ приказалъ спустить гичку, на которой отправился съ рапортомъ къ начальнику Камчатки, препоручивъ старшему офицеру по приходѣ въ губу ошвартоваться.

Небольшая гавань Петропавловска очень спокойна; впрочемъ, не всегда. При сильныхъ землетрясеніяхъ, нарушающихъ иногда спокойствіе здѣшнихъ величественныхъ береговъ, въ петропавловской губѣ дѣлается большой приливъ и отливъ, и въ заключеніе, сильный водоворотъ. Не помню въ которомъ именно году, одно охотское судно стояло здѣсь во-время землетрясенія, и было *сорвано съ четырехъ якорей*, и выброшено на берегъ: такъ силенъ былъ образовавшійся водоворотъ. Мнѣ разсказывали также, въ-послѣдствіи, о землетрясеніи, случившемся въ Петропавловскѣ мѣсяца за четыре до нашего прихода. Оно было, какъ говорили, такъ велико, что размахн креста колокольни петропавловскаго собора доходили до трехъ футъ въ каждую сторону, отъ вертикальнаго положенія шпика. Беспрестьянными глухими подземными ударами жители были приведены въ состояніе паническаго страха; скотъ попадалъ, производя страшное мычаніе, а собаки подыали раздирающій вой. Это землетрясеніе продолжалось четверть часа.

Но вотъ, къ 6 стклякамъ, мы положили якорь и ошвартовались въ полу-кабельтовѣ отъ берега. Скромная наружность города Камчатки превсполила наши души какою-то неизъяснимою радостью, и истина прелестнаго стиха:

«Отечества и дымъ намъ сладокъ и приятен!»

какъ нельзя болѣе оправдывалась. Къ полдню незабвенный Алексѣй Леонтьевичъ Х***, командиръ помпугата мною бота «Амутъ», явилъ намъ примѣръ русскаго хлѣбосолюства: онъ прислалъ въ кают-компанію свѣжаго ржаного хлѣба, грудей, рыбы свѣжей и соленой, и превосходную кувалку, словомъ, яствъ, которыхъ мы даже не видали болѣе года.

— Прекрасно!... превосходно!... Ай, да Алексѣй Леонтьевичъ!... Вотъ удружили! такъ поговаривали мы, потирая руки и расхаживая около длиннаго стола, застановленнаго такими соблазнительными вещами. Вскорѣ явился къ намъ и самъ Алексѣй Леонтьевичъ. Тутъ толки, хохотъ, шумъ, разспросы развеселили нашу общую бесѣду (кают-компанія, и каждый изъ насъ торопливо узнавалъ о почтѣ, съ которою ожидали обѣщанныхъ писемъ изъ Петербурга. Но почта еще не приходила: ее ожидали со дня на день съ брикомъ изъ Охотска. При этомъ я вспомнилъ о письмѣ моего дяди, П. Т. К**, къ здѣшнему старожилу и купцу Ф. Д. Колмакову. Алексѣй Леонтьевичъ былъ очень обязателенъ, указавъ мнѣ миленькій домикъ Колмакова, сельски-расположенный при небольшомъ ручейкѣ, и посовѣтовалъ мнѣ навѣстить старика поскорѣе, говоря, чтобъ я поберегъ только свое сердце. «Вы молодъ», говорилъ онъ: «а дочери его прекрасны!»

Не-смотря, однако, на его пріятное и заманчивое предостереженіе, я былъ на другой день что-то не въ духѣ, и не былъ на берегу, отложивъ съѣздъ до завтра.

На другой день, полъ-вечеръ, я собрался наконецъ съ Т*** на берегъ, съ исключительнымъ намѣреніемъ, сдѣлать первый визитъ Колмакову. Подходя къ его дому, мы невольно припомнили предостереженіе добродушнаго Алексѣя Леонтьевича, и мысленно, съ нетерпѣніемъ приготовлялись удостовѣриться, до какой степени слова его были справедливы. Но вотъ—мы въ прихожей; насъ просили въ залу. Здѣсь приняла насъ дѣвушка лѣтъ 19, съ открытымъ лицомъ, обнаруживавшимъ доброту. Большіе, каріе глаза, темнорусые волосы, стройный станъ, густыя брови и рѣсницы—вотъ данныя, чтобъ обрисовать очаровательницу, въ которой намъ было, разумѣется, не трудно узнать одну изъ дочерей Колмакова. На наши вѣжливости

и комплименты она отвѣчала непринужденно, мило и безъ всякой застѣнчивости. Не ожидая встрѣтить такой развязности, которою она щеголяла, въ камчатской барышнѣ, мы, сказать откровенно, кажется немного смѣшались, нашли свое положеніе неловкимъ, какимъ-то дикимъ; однакожь, тутъ же оправдись, и не замедлили отрекомендоваться.

— Весьма пріятно пріобрѣсти ваше знакомство; батюшка будеть много обрадованъ: онъ уже давно не получалъ писемъ отъ нашего Николая,—говорила она мнѣ въ отвѣтъ, узнавъ, что я воспитывался вмѣстѣ съ ея братомъ. Она съ невинною простотою поддерживала нашъ разговоръ, и видимо старалась занять *петербургскихъ* гостей. Вскоръ вошелъ въ комнату ея отецъ, старикъ Федоръ Дмитріевичъ.

— Позвольте васъ облобызать, яко-бы сына своего, произнесъ почтенный старикъ, сжимая меня въ своихъ объятіяхъ. Эта сцена неволью тронула насъ до глубины души... Описать восторгъ отца я не въ состояніи. Нужно было видѣть, съ какимъ радостнымъ умилениемъ онъ смотрѣлъ на меня, слушая повѣствованія о его сынѣ, находившемся въ то время въ Петербургѣ, слѣдственно, въ разстояніи 13 тысячъ верстъ! Крупныя слезы навертывались у него на глазахъ... онъ закидалъ меня вопросами, на которые я едва успѣвалъ отвѣчать, между тѣмъ какъ Т^{***} — занялся прелестной Евгеніей: такъ звали старшую дочь Колмакова, которая насъ встрѣтила.

Посреди, то шуточныхъ, то серьезныхъ разговоровъ время летѣло весело и незамѣтно, какъ вдругъ зарева пушка (11), возвѣстившая 9 часовъ, прогрѣла и пробѣжала глухими перекатами посреди неподвижныхъ великановъ гористыхъ окрестностей Петропавловска.

Мы собрались идти.

Старикъ Колмаковъ просилъ насъ навѣщать его почаще, говоря, что мы можемъ располагаться въ его домѣ какъ въ своемъ, словомъ, безъ околичностей. Мы поблагодарили за радушіе и поторопились уходомъ.

Дорогою почти ничего не говорили, потому-что мысли были заняты весьма важнымъ дѣломъ, требовавшимъ молчаливаго обсужденія.

Такимъ-образомъ началось наше знакомство съ петропавлов-

цами, съ которыми мы познакомились въ короткое время до того, что не было дома, въ который мы не были бы вхожи. Къ чести почтенныхъ гражданъ отдаленнаго Петропавловска, должно сознаться, что гостепримство и хлѣбосольство доведены у нихъ до полного совершенства: стоить только къ кому-нибудь зайти, чтобъ засидѣться, на худой конецъ, часовъ на шесть: запотчуютъ васъ и тѣмъ то, и тѣмъ, словомъ, хоть на убой!

Между-тѣмъ намъ отвели квартиру въ домѣ купца Сахарова, такъ-что къ 25 числу мы могли перебраться съ холоднаго транспорта на теплую квартиру. Это событіе было довершено радостнымъ извѣстіемъ: приходомъ брика изъ Охотска. Намъ привезли почту,—а съ нею, Мм. Гг., мы ожидали общанныхъ писемъ изъ Петербурга!...

Новости и коробъ пріятныхъ извѣстій веселили моихъ сослуживцевъ; лишь одного изъ нихъ роковая судьба не пощадилла скорбною вѣстію—о потерѣ его отца!... Горькая и жестокая минута!... И все утѣшеніе въ столь незамѣнимой потерѣ состояло только въ соболѣзнованіяхъ благородныхъ и искренно преданныхъ ему товарищей!

Сентября 28 и октября 1 въ соборѣ Св. Петра и Павла происходили благодарственные молебствія, первое было по-случаю обрученія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжною Марією Дармштадтскою,—а второе по случаю бракосочетанія Ихъ Высочествъ. При этихъ великоторжественныхъ дняхъ, по окончаніи благодарственныхъ молебствій, были наряды съ церемоніями, и въ-заключеніе, объѣздъ у начальника Камчатской-области (въ нашу бытность былъ Капитанъ 1 ранга Страннолюбскій).

Къ этому времени на транспортѣ начались работы; пошла выгрузка привезенныхъ вещей, и вѣчно-наивѣвающая лудка весельчака-боцмана, залываясь въ изгибистыхъ треляхъ, мастерски ободряла людей, и тяжелые токи шута поднимались изъ трюма, облегчая тѣмъ постепенно нагруженный транспортъ. Одинъ день на вахтѣ, а два дня свободныхъ на охотѣ, или у Колмаковыхъ,—вогъ мое постоянное препровожденіе времени. Однажды, на охотѣ, я имѣлъ случай познакомиться съ М. П.

Заруднымъ, чиновникомъ гражданского вѣдомства, и приобрѣти въ немъ милого и любезнаго собесѣдника и товарища, встрѣтилъ, къ довершенію, удивительнаго стрѣлка: убить на лету птицу пулею, для него, кажется, легче, чѣмъ истребить за завтракомъ пять-шесть десятковъ устрицъ. На досугѣ онъ разсказывалъ намъ про житье-бытье петропавловцевъ въ лѣтнее время, кажется въ августѣ, когда они и онъ охотятся и собираютъ ягоды.

Но оставляя лѣтнія занятія петропавловцевъ въ покоѣ, я обращаюсь къ настоящему времени, т. е. къ зимѣ, которая здѣсь настала. Дорога, холмики, лѣса — все это покрыто и запудрено снѣжкомъ; губу же, или собственно гавань Петропавловска подернулъ уже тонкій ледъ, и я, вспоминая въ то время недавно минушіе годы, подвизывалъ себя нѣсколько разъ коньки, и катался вокругъ транспорта, осмѣиваемый при каждомъ неловкомъ паденіи.

Первая зимняя путка въ Камчаткѣ, въ особенности же въ Петропавловскѣ, имѣетъ свои удовольствія. Любители или истые ѣздоки на собакахъ вооружаютъ къ этому времени свои заѣзжильныя санки; собаки охорашиваются, лаютъ и рвутся съ цѣпей, на которыхъ онѣ проводятъ цѣлое лѣто, и забавная ѣзда на собакахъ начинается. Не смотря на удобство санокъ, употребляемыхъ въ этой ѣздѣ, онѣ очень неловки для новичка, который, при всей осторожности, непременно вылетитъ изъ нихъ при первомъ толчокѣ, или даже неровности косогора, по которымъ пролегаютъ здѣсь вообще всѣ дороги. Съ перваго взгляда на санки трудно подумать, чтобъ эти паенія были такъ удобны; но въ самой вещи, ѣзда на нихъ требуетъ вѣкоторой сноровки и небольшой практики. Мнѣ ни за что не вѣрилось, чтобы я не могъ справиться съ тремя собаками, и обойтись безъ того, чтобъ не выпасть изъ саней; однако, на другой день меня убѣдили, что «дѣло мастера боится!» Мнѣ дали трехъ собакъ и посадили, въ куклянкѣ * и торбасахъ ** въ санки; но

* Такъ называютъ въ Камчаткѣ верхнее зимнее платье; это почти мѣшокъ съ рукавами и прорѣхою для головы. Куклянки шьются изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, такъ-что внутри и снаружу ихъ приходится шерсть.

** Торбасами называются теплые сапоги, сшитые изъ тюленьихъ шкуръ.

едва-только успѣли отдать найтѣвы, которыми они были прикрѣплены къ столбу, я, не отъѣхавъ и 10 или 15 сажень, торжественно вылетѣлъ изъ саней, и упустилъ собакъ: а это считается величайшимъ стыдомъ между ѣздоками. «Выпасть изъ саней», говорятъ они: — дѣло возможное; но упустить собакъ стыдно.»

Интересно взглянуть поближе на ѣзду на собакахъ вообще; къ тому же, я такъ пристрастился къ ней въ бытность мою въ Камчаткѣ, что могу сообщить моимъ читателямъ нѣсколько интересныхъ подробностей.

Во-первыхъ, нужно замѣтить, что собакъ приучаютъ къ этой обязанности безъ особенныхъ стараній; ихъ привязываютъ щенками на цѣпи, которая прикрѣпляется къ довольно длинному шесту, врытому въ землю. Въ такомъ положеніи собака проводитъ первый годъ своего существованія, и привыкнуть къ гибкости шеста, который она сгибаетъ по-мѣрѣ натягиванія цѣпи, доходитъ наконецъ самоукою до премудрости, таская за собою санки. Годовому щенку обрубаютъ хвостъ, чтобъ онъ не *лижовалъ*, (не лѣнился) и запрягаютъ потомъ въ сани, гдѣ, вмѣстѣ со старыми собаками, онъ приучается быть послушнымъ забавной командѣ ѣздока.

Собакъ запрягаютъ въ сани, обыкновенно, по-парно и одну впереди; послѣдняя называется *передовою* и бываетъ обыкновенно умная собака, такъ-что цѣпы на нихъ доходятъ между ѣздоками-любителями даже до семи-сотъ рублей. Упряжь чрезвычайно проста, легка и удобна; возжей, слѣдовательно, и уздечекъ, нѣтъ: передовая собака слушаетъ словъ: *клячъ-клячъ* — на-право, *хуе-хуе* — на-лѣво, и прищелкнутого продолжительнаго *аааа* — *стой*. Кроме того, ѣздокъ употребляетъ еще *оштыль*, дерево съ небольшою погнбью и заостреннымъ желѣзнымъ наконечникомъ, которымъ онъ задерживаетъ санки на ходу, и въ-случаѣ необходимости, прикрѣпляетъ ихъ, опрокинувъ, на открытой и голой тунарѣ.

Для скорой и легкой ѣзды употребляютъ такъ-называемую *санку*. Она состоитъ изъ двухъ деревянныхъ полозьевъ, (которые дѣлаются также изъ китовыхъ ребръ, чтобъ увеличить ходкость саней по вѣсту), соединенныхъ между собою двумя деревянными коньялами, на которыхъ помѣщена продолговатая плетеная корзина, или коробка. Она покрывается медвѣжьей

шкурою, украшенною бронзированными или вызолоченными лапами; на концы, сапные дуги и принадлежащія къ нимъ баштаги накладываютъ клѣтки изъ разноцвѣтныхъ ремешковъ, соблюдая эту нестроту также и въ сбруѣ. Въ подобныя сани запрягаютъ обыкновенно отъ пяти до семи собакъ. Скорость этого рода ѣзды удивительна. Отъ Петропавловска до Авачинскаго-селенія считаютъ 12 верстъ; это разстояніе, разумѣется, около средины зимы, когда собаки уже нѣсколько обѣгались, истинные *подоки* проѣзжаютъ въ *тридцать пять минутъ!* Почти невѣроятно.

Для путешествій или путей продолжительныхъ, здѣсь употребляютъ *повозку*; это тоже кибитка, только въ миниатюрѣ. Она обшита внутри медвѣдемъ, а снаружи юфтью; спереди накладывается полость, которую тщательно зашнуровываютъ во время *пурги* (вьюги, метели). Въ повозку запрягаютъ отъ 12 до 24 собакъ, которыя управляются *каиромъ*; слова: *взвозчикъ*, *кучеръ* — непонятны жителямъ Камчатки.

Экитажка — почти та же повозка; разница въ томъ, что она отдѣляется нѣсколько щеголоватѣе и изысканнѣе, и употребляется исключительно дамами.

Нарта замѣняетъ въ Камчаткѣ наши роусуски; на ней возятъ дрова, воду и всякія тяжести. Она дѣлается преимущественно изъ березы, крѣпко и просто; но легкость все-таки соблюдается.

Не знаю какъ для другихъ, а мнѣ поправилась ѣзда на собакахъ; въ-особенности пріятно прокатиться вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, когда собаки, видя свою тѣнь, стараются обогнать ее. Мы составляли нѣсколько поѣздокъ на Авачу и Калахтырку; это было нѣчто въ-родѣ пикниковъ. Выѣдутъ, бывало, шесть-семь санокъ — и на первой же тулдрѣ начнутъ гонку; при этомъ, необходимо замѣтить, много значить *умнье* ѣздить, т. е., во-время и, главное, умѣючи вскрикнуть на собакъ, или свиснуть, и тому подобное. Владѣлецъ нашей квартиры М. П. Сахаровъ показавъ намъ однажды эту удаль. Побесѣдовавъ сначала съ *виштовкой*, какъ онъ называлъ бутылку съ зельемъ, онъ нарядился въ куклянку, взялъ оштыль, и поѣхалъ гоняться. Воротившись, и конечно первый, ему вздумалось намъ показать, до какой степени его передовая собака послушна. И что жъ онъ, какъ бы вы думали, сдѣлалъ?... *Вильгамъ* къ намъ

въ комнату *на семи собакахъ!*... Замѣчательно, что въ такихъ случаяхъ все дѣло зависитъ отъ передовой собаки: куда она, остальные пойдутъ за нею. Мнѣ кто-то, не помню, разсказывалъ про собаку, которая, какъ увѣрили, пробѣжала, по желанію своего съюда, чрезъ зажженный костеръ; и я этому охотно вѣрю послѣ того, что самъ видѣлъ у Сахарова.

Однимъ взглядомъ на генеральную карту нашей земли показывается, какія раздольныя границы предоставлены Провидѣніемъ нашему обширному Русскому Царству.

Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, Камчадаламъ, принявшимъ христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь слова Божія, предоставлена была десятилѣтняя льгота отъ ясачныхъ податей. Въ Камчатку были отправлены благочестивые пастыри, которые заводили по острогамъ школы, и обучали безвозмездно дѣтей казаковъ и Камчадаловъ.

По наружности, Камчадалы нѣсколько отличены отъ сибирскихъ народовъ: лица у нихъ не столь продолговаты и скулисты, а губы толсты, при большомъ ртѣ. Въ домашнемъ быту были нечистоплотны въ высшей степени, и ѣли пищу изъ одной посуды съ собаками. Платье носили, какъ и теперь, изъ звѣрныхъ кожъ; питались кореньями, рыбою и морскими звѣрями. Зимую жили (такъ же и теперь) въ земляныхъ юртахъ, а лѣтомъ въ шалашахъ или балаганахъ. О Богѣ имѣли самыя развращенныя понятія; обряденіе, праздность и чувственные наслажденія — вотъ все, что было весельемъ и удовольствіемъ Камчадала.

Что касается до языка камчатскихъ народовъ, можно замѣтить, что его раздѣляютъ на три разряда: камчатскій, коряцкій и курильскій; впрочемъ, каждый изъ нихъ имѣетъ по-нѣсколько нарѣчій. Въ камчатскомъ языкѣ ихъ три: одно у сѣверныхъ Камчадалъ, другое у южныхъ, а третье у жителей по Пенжинскому-заливу. Иные полагаютъ, впрочемъ, третьимъ нарѣчіемъ языкъ Чукчей. Хотя первыя два нарѣчія чрезвычайно разнятся между собою, Камчадалы понимаютъ, однако, другъ-друга безъ пособія толмача. Въ третьемъ нарѣчій много коряцкихъ словъ, хотя по преимуществу оно состоитъ изъ смѣси первыхъ двухъ нарѣчій. Камчатскій языкъ непріятенъ для уха; онъ состоитъ изъ гортанныхъ звуковъ, произ-

пошение его трудно, протяжно, и сопровождается сильными тѣлодвиженіями.

Перейдемъ съ вами, читатели, отъ Камчадаловъ къ мѣлымъ петропавловскимъ камчадалкамъ, которыхъ намъ удалось наконецъ видѣть въ полномъ блескѣ на балѣ, затѣяномъ обществомъ нашихъ офицеровъ, собравшихся однажды у Камчадаловыхъ.

Дѣло остановилось изъ-за квартиры, помѣщеніе которой соотвѣтствовало бы хотя нѣсколько желанной цѣль. Однако, была была поправлена: старикъ Федоръ Дмитриевичъ не отказалъ имъ служить своимъ домомъ, въ которомъ было прекрасное помѣщеніе, и они, по привычкѣ всѣхъ моряковъ—задуманное тотчасъ же исполнить,—тутъ же рѣшили, что 25 октября долженъ быть «пиръ на весь міръ!»

Для за два до назначеннаго пиршества разнесли приглашенные билеты, въ которыхъ общество нашихъ офицеровъ покорѣннѣе просило петропавловцевъ на чашку чаю.

Можно представить себѣ, сколько у насъ, холостяковъ, было къ этому дню хлопотъ. Гости стали собираться къ 7 часамъ вечера. Дамы расположились въ сосѣдней комнатѣ, и чинно усѣвшись, бесѣдовали о своихъ муженькахъ. Среди ихъ, между нами было сказано, бабочки возможныхъ климатовъ и цвѣтовъ...

«Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллы; а тѣ какъ яхонты горятъ!»

Рѣзко выступали паружу, какъ радуга на широкомъ небосклонѣ, Евгений и Софія (младшая дочь) Колмаковы. Все отличало этихъ прелестныхъ существъ отъ общества, которымъ онѣ были окружены: манеры, тоизъ, нарядъ... все это доказывало нѣкоторую свѣтлость; а о красотѣ я лучше умолчу, потому что младшая сестра перлъ, самая дорогая жемчужина Петропавловска!... Прибавьте къ этому неизъяснимый нарядъ, который я описалъ въ вамъ до малѣйшихъ подробностей, еслибъ не знакомый мнѣ стихъ поэта:

«Мужчинамъ къ этимъ объясненьямъ,
Таланты вовсе не дамы!»

меня не удерживала. А впрочемъ, страшно, серьезно, дѣло!

Однѣ взглядъ черныхъ и горелыхъ глазокъ,—и какое непонятное электричество прорябитъ вашу кровь по жиламъ!... Невольно унесешь мыслью...

Но вообразите себѣ, снисходительные читатели, что меня вывело изъ такого патетическаго размышленія?... Варварскій *чижикъ* разыгрывавшаго тамъ на скрипкѣ музыканта, который онъ пошелъ выбирать на своей скрипкѣ; не хотя расхохотаться!...

Между-тѣмъ начался кадрили, для котораго была набрана музыка изъ русскихъ національных пѣсенъ.... Въ первой фигурѣ игралъ *чижикъ*; во-второй: *и шумитъ, и гудитъ*; въ-третьей: *душа красная дьявица*; въ-четвертой: *перепелка* и, наконецъ, въ-пятой: *татаринъ*. Татаринъ, — это была, кажется, любимая пѣса усерднаго музыканта: онъ всегда улыбался, когда разыгрывалъ ее, при чемъ маленькіе глаза его почти исчезали.

Кадрили шель, по-качатски, довольно усѣбно: дамы изрядно путались, но этаго рода замѣшательства выкупались вполнѣ тщательными *па*, пестрившими этотъ монотонный танецъ цивилизаціи. Всѣ веселились, шутили, танцевали, кружились, я даже самъ музыкантъ, для соблюденія такта, а можетъ и для собственнаго удовольствія, припрыгивалъ и отъ души улыбался, поглядывая по-переменно то въ полъ, то въ потолокъ. Вечеръ прошелъ вообще въ непринужденномъ весельѣ, и только къ 5 часамъ утра гости наши разъѣхались.... виноваты!—*разошлись по домамъ*.

На другой день я былъ съ Т... и Заруднымъ на охотѣ. Однако, на этотъ разъ она была не совсемъ удачна. Несчастный Т... какъ-то остунился, упалъ—и разскѣ себѣ верхнюю губу о камень, между которыхъ пробирался къ стаду привлекательныхъ утокъ. Мы воротились. Нашъ докторъ стянулъ ему рану пластырями, и по-прошествіи двухъ-недѣльнаго карантина остался одинъ рубецъ, который при разросшихся у него въ-послѣдствіи усахъ сдѣлался почти незаметнымъ. Но какъ бы то ни было, эта злодѣйская рана лишила его многихъ удовольствій. Помнишь ли ты, Т...?

У Заруднаго я проводилъ вечера очень пріятно. Мы болтали много объ охотѣ, ловлѣ звѣрей и рыбы, и такимъ-образомъ я собиралъ подъ-часъ прелюбопытныя свѣдѣнія. Онъ рассказывалъ мнѣ, между-прочимъ, о прекрасной попыткѣ петро-

павловскихъ Камчадаловъ заняться ловлею китовъ, т. е. китовымъ промысломъ, хотя и ограничились на первый случай однимъ опытомъ. Что жъ, въ добрый часъ! Этотъ промыселъ можетъ быть очень выгоденъ и удаченъ, если примемъ въ соображеніе замѣчательную смѣлость и отвагу Камчадаловъ, оказавшіяся во-время опыта. Кроме-того нужно замѣтить, что къ здѣшнимъ берегамъ китоловныя суда подходятъ весьма рѣдко, отчего и немудрено полагать, что киты водятся здѣсь во множествѣ, что впрочемъ подтверждаютъ также и жители. Судя по китовымъ ребрамъ и усамъ, видѣннымъ мною въ Петропавловскѣ, можно думать, что въ здѣшнихъ водахъ водятся преимущественно киты породы *Cetus (right или black-whale по-англійски)*, отъ которыхъ получается самый лучший китовый усъ; эти киты водятся обыкновенно въ большихъ широтахъ, и принадлежать къ самой большой породѣ.

На 10 ноября общество офицеровъ Петропавловска пригласило насъ на вечеръ. Ниръ былъ веселый, пріятный и, пожалуй, разнообразный. Танцами дирижировалъ любитель витеватыхъ *на Bombardero*, какъ его называли въ шутку), а *оркестромъ* — тотъ же музыкантъ, что игралъ на скрипкѣ!

Въ отношеніи къ климату, Петербургъ могъ бы позавидовать Петропавловску. Самые сильные морозы, которые едва запоминаютъ старожилы, доходили здѣсь до 22° по Реомюру; лѣтомъ бываетъ обыкновенно отъ 20 до 25 градусовъ тепла.

Почва около Петропавловска очень плодородна и удобна для разведенія овощей; въ этомъ отношеніи замѣчательны въ особенности горячіе пахатунскіе ключи. Они находятся на западномъ берегу авачинской-губы, въ 12 верстахъ отъ Петропавловска. Тамъ былъ посаженъ когда-то картофель, который еще до-сихъ-поръ не вывелся и, вѣроятно, никогда не выведется. Недѣль за пять до нашего прихода выросла, говорятъ, брюква, вѣсившая *тридцать фунтовъ!* Постоянная температура пахатунскихъ горячихъ ключей 20° по Реомюру; вода ихъ особенно полезна цынготнымъ, страждущимъ грудными болями, и вообще отъ многихъ недуговъ. При ключахъ находятся ванны; надзоръ за ними порученъ особо назначенному на то чиновнику.

Главное прокормленіе жителей Камчатки составляетъ рыба; рѣки полуострова наполнены ею въ изобиліи. Большая часть рыбъ принадлежитъ къ лососинной породѣ; онѣ называются: *чавыча*,

кйжучъ, красная, хайкѣ, юкола и горбуша; лучшія изъ нихъ: чавыча, кижучъ и хайко; юкола идетъ преимущественно въ пищу собакамъ. Изъ мелкихъ рыбъ водятся въ здѣшнихъ рѣкахъ: *кунжо, голицы (форели), вахля, корюшка, камбала и сельди*. Большую рыбу ловятъ *крючьями* и *маршомъ*: первымъ орудіемъ рыбу вытаскиваютъ изъ рѣчныхъ ямъ, а вторымъ бьютъ, когда она идетъ по рѣкѣ. Запасъ рыбы на круглый годъ производится въ четыре лѣтніе мѣсяца; ее провяливаютъ на открытомъ воздухѣ, почему весь годовой запасъ ея находится въ совершенной зависимости отъ случайностей: поиди въ это время дождь — рыба вся пропадетъ, и Камчадалу нечѣмъ кормить своихъ собакъ; а въ нихъ все его богатство, все его достояніе! Есть у него собаки, у него будутъ соболи и лисицы, а съ ними добудетъ онъ чай, водку, табакъ, свинецъ и порохъ, словомъ все, что ему нужно, что составляетъ его потребности. Если жъ собаки его пропали, онъ не въ состояніи ничего добыть.

Главный промыселъ Камчадаловъ состоитъ въ ловлѣ соболей, лисицъ, выдръ, горностаевъ и бѣлокъ; они занимаются также ловлею дикихъ барановъ, изъ рога которыхъ выдѣлываютъ жижи, вилки и т. п., козъ, оленей, медвѣдей, волковъ; нерпы (тюлени), лохтаки, сивучи, моржи и косатка добываются также во множествѣ, принося вмѣстѣ съ тѣмъ немаловажную пользу для Камчадала, въ смыслѣ домашняго обихода. Около Нижне-Камчатска водятся бобры, но промыселъ ихъ незначителенъ.

Я и забылъ было упомянуть объ охотѣ за тетеревами на собакахъ. Она производится слѣдующимъ образомъ. Когда вѣздокъ увидѣлъ на деревѣ тетерева, онъ не подлѣзаетъ къ нему прямо, но начинаетъ около него кружиться, уменьшая постепенно разстояніе: это дѣлается для того собственно, что тетеревъ, по выраженію камчатскихъ жителей, *сторожка*, и не допуститъ охотника на ружейный выстрѣлъ. Если же начать около него кружиться, то тетеревъ, любясь собаками, до того засмотрится на нихъ, что охотнику-вѣздоку можно будетъ подлѣзать къ самому дереву, остановить собакъ, прицѣлиться и стрѣлять на вѣрняка; а Камчадалъ иначе и не любитъ тратить заряда, потому-что свинецъ дорогъ.

Растительность въ окрестностяхъ Петропавловска небогата; мелкая береза, ольховникъ, кедровникъ, тальникъ и листвен-

нища,—вотъ что встрѣчается преимущественно въ здѣшнихъ мѣсахъ.

Господствующіе вѣтры NO, O и SO. Сѣверо-восточные и юго-восточные вѣтры наносятъ лѣтомъ пасмурную погоду, а зимою жестокая пурга. При западныхъ вѣтрахъ погода бываетъ обыкновенно ясна, и стоитъ по нѣскольکو недель сряду.

Между-тѣмъ, у насъ кончилась къ этому времени выгрузка, и люди были заняты нагрузкою балласта, наливкою въ бочки и котлы прѣсной воды, исправленіемъ такелажа, и вообще приведеніемъ въ порядокъ всего рангоута. Эти приготовленія явно свидѣтельствовали о скоромъ отходѣ транспорта изъ милой стороны!... Путь предстоялъ намъ, правда, обратный, къ своимъ близкимъ,—но все отчего-то хотѣлось простоять еще нѣсколько времени въ Петропавловскѣ; что то особенное приковывало меня къ левой паружности окрестностей, и всюду, и во всемъ видѣлся мнѣ чудный и неподражаемый образъ очаровательной Софїи, съ ея выразительными и горделивыми глазками!

По мѣрѣ того какъ мои посѣщенія къ Колмаковымъ учащались, мечтательное воображеніе уносилось къ несбыточнымъ предположеніямъ, и восхищался моимъ кумиромъ, я подъ-конецъ рѣшительно влюбился!... Смѣшно;—а сколько помнится, совершенная правда!...

Однажды, подъ вечеръ, мы пригласили къ себѣ нѣсколькихъ Камчадаловъ, чтобъ посмотрѣть ихъ туземный танецъ, называемый *бахил* (пляска медвѣдей или медвѣжья). Уморительнаго въ немъ много. Дѣло въ томъ, что медвѣдь начинаетъ ухаживать за медвѣдцей и строить ей куры. Мотивъ припѣва, сопровождающаго пляску, выражаетъ намѣренія *медвѣдя*, и потому, конечно, грубъ, даже дикъ. Камчадалъ, принявшій на себя роль главнаго медвѣдя, выдержалъ ее прекрасно, по-крайней-мѣрѣ, очень натурально; другія дѣйствующія лица какъ то спутались, и главный медвѣдь вбѣсплся. Мы, натурально, расхохотались, чѣмъ сконфузили танцующихъ и разстроили весь забавный спектакль. Замѣчательно, что танцы всѣхъ дикихъ племенъ выражаютъ или высказываютъ преимущественно страсти!...

Съ 1838 года сюда приходитъ американское трех-мачтовое судно изъ Бостона, привозя необходимѣйшія для здѣшняго края продукты: муку, рисъ, вина, табакъ и многое т. п., въ замѣнѣ

которыхъ оно увозить отсюда, для спекулятивныхъ оборотовъ, прекрасную соленую рыбу и, для придачи, до ста двадцати тысячъ р. а. наличнымъ капиталомъ. А между-тѣмъ сибирскіе русскіе богачи, какъ напримѣръ Шелиховъ, не обращаютъ, по-видимому, никакого вниманія, на эту промышленность и торговлю которая могла бы быть для нихъ полезною еслибы на какіе-нибудь пять-шесть лѣтъ, они рѣшились ссудить не болѣе 300 тысячъ. Ну, что бы напримѣръ завести хорошенькій баркъ, тоннажъ хотя въ 400; ходить въ Манилу, на Сандвичевы-острова и въ Калифорнію, гдѣ такъ дешевы естественныя произведенія и рогатый скотъ, и тѣмъ оживить уединенный камчатскій край, хотя транзитною торговлею?... Сколько истинныхъ русскихъ спасибо отозвалось бы на это благодѣтельное предпріятіе!...

15 ноября было свидѣтелемъ нашего прощальнаго бала; мы отпраздновали его въ нашей скромной обители, которая оказалась на этотъ предметъ очень достаточной.

17 числа приступили, по приказанію капитана, къ выплыванію льда по направленію къ выходу въ авачинскую губу, въ которой, кромѣ прибрежныхъ мѣстъ, еще не замерзало. Работы шли успѣшно; транспортъ подвигался съ каждымъ днемъ къ выходу. 20 ноября служилъ у насъ молебствъ, при которомъ присутствовали многіе изъ жителей Петропавловска. Съ этого дня начались наши прощальные визиты, а черезъ два дня, оставивъ свое скромное помѣщеніе въ домѣ Сахарова, мы перебрались на холодный транспортъ. Морозы стояли въ это время около 13°.

На другой день, къ полудню, мы были уже почти у *коски**; а къ вечеру, выбравшись совершенно изъ льда, перешли подъ парусами въ авачинскую-губу; идти далѣе намъ не было никакой возможности, потому-что въ проливѣ, при выходѣ въ Океанъ, стоялъ еще сплошной ледъ. Съ разсвѣтомъ на 24 число мы сплывъ съ якоря,—потому-что ночью ледъ разломало,—поставили веѣ паруса, и съ тихимъ и ровнымъ норд-вестомъ вышли благополучно изъ авачинской-губы, взглянувъ въ послѣдній разъ на портъ Петра и Павла и домикъ *въ четыре чистенькихъ окна*

* Небольшіе песчаные мыски, выдавшіеся въ море, называются здѣсь *кошками*; вѣроятно, это испорченное отъ слова *коса*, *коска*.

Прощайте, прощайте Камчадалки!... Прощайте и вы, неприступныя скалы! Вы мрачны и грозны; но въ этомъ то и состоитъ вся прелесть, которою вы привлекаете взоръ путешественника!... Увижу ли я когда снова эти мрачныя и покрытыя сѣдинами берега?... Два чувства, совершенно противоположныя, боролись въ это время во мнѣ; во-первыхъ, мнѣ было грустно, что покидаю Петропавловскъ, а съ нимъ и С., а во-вторыхъ, утѣшительно, что возвращаюсь назадъ, на родину?... Къ вечеру берега сравнялись съ уровнемъ горизонта, и послѣднее «прости» посланное со вздохомъ и отъ всего сердца, было такъ трогательно... такъ трогательно, что мнѣ кажется ни за что не повторить бы этого теперь!

Послѣднія вершины сѣвговыхъ сопокъ величественной Камчатки стали уже скрываться совершенно изъ-виду, и нашъ одинокій транспортъ сопровождала только стая уриловъ и альбатросовъ. Нора-вѣсть усердно свѣжало; поверхность Тихаго океана хмурилась, сердито волновалась. Морозы было на шканцахъ до 6 градусовъ. Хлюпья пушистаго сѣтгу бѣлили рангоуть и густо садились на паруса, откуда глыбами падали къ намъ на палубу. Спасительныя куклянки, которыми мы запаслись въ Петропавловскѣ, придавала палубѣ нашего Або почти видъ жилища мѣста Чукотскаго-носа, и такимъ образомъ, — вмѣсто обычнаго звона тропическихъ странъ, вмѣсто очаровательныхъ формъ роскошной природы и тихихъ водъ съ разнообразными ихъ обитателями, которые были у насъ постоянно передъ глазами до посѣщенія Камчатки, мы созерцали теперь свое, родное, свѣдѣвшее съ натурою жителя сѣвера: сѣвга, ревъ ожесточеннаго осенняго вѣтра и морозы!

— Прощай, о жизнь береговая! — твердилъ мнѣ бардъ нашего Або. Прощай, и можетъ-быть надого!...

Къ концу ноября у насъ начался рядъ осеннихъ штормовъ, продолжавшихся около мѣсяца. Мы держались въ это позднее время года около параллели 40 градусовъ. Поводомъ къ тому служило желаніе капитана забраться, по-возможности, въ меньшую долготу, чтобъ перейти экваторъ ближе къ американскому берегу, градусовъ около 105, и не выйти такимъ образомъ изъ южныхъ тропиковъ въ слишкомъ большой долготѣ. Но Борей, «шотряся небесами», рвалъ марса-шкоты, и марсея не избѣга-

ли плачевной участи быть разорванными. Разумѣется, по удаленіи на значительное разстояніе отъ береговъ, морозы и сѣвга прекратились, — но за то наступили дожди, если не всегда проливныя, то постоянныя. Безиреставныя поддаванья въ полуборты, какъ тщательно они не были задвоены и замазаны, наводняли наши каюты; въ палубѣ было сыро, мокро, — а наверху дожди! Высушить промокшаго платья нельзя было и подумать: мы радовались тому, если къ пригласительному свистку боцмана, «пожаловать на вахту», съ штурковъ успѣла сбѣжать вода!... И это плаваніе продолжалось *двадцать-семь дней*.

Удивительно-ли, однако, что меня сочтутъ большимъ эгоистомъ? Я такъ много говорилъ уже о морякахъ, такъ много восхищался ими.... но виноватъ ли, если это моя родная стихія?

Итакъ, какъ я говорилъ, штормы продолжались у насъ 27 дней сряду. Въ особенности памятенъ мнѣ одинъ день этого труднаго плаванія, день, въ который мы были свидѣтелями немощной силы одного изъ десятка тысячъ тѣхъ враговъ, съ которыми морякъ обязанъ бороться при неостовствѣ разъяренной стихіи. Мы шли на фордевиндъ, со скоростію $8\frac{1}{2}$ узловъ въ часъ. Огромное океанское волненіе достигало страшныхъ размѣровъ; транспортъ казался не болѣе, какъ ладья, которыхъ могло помѣститься нѣсколько на одномъ валѣ. Вершины валовъ, какъ бы въ изнеможеніи срывались, и клубясь, сбѣгали шумящею пѣною по отлогости колоссальныхъ своихъ боковъ. Подобнаго огромнаго волненія намъ не случалось еще видѣть въ продолженіе всего плаванія. Вахта моя была съ пятого. Это было 11 декабря. Ропотъ волнъ и унылый свистъ вѣтра наводняли атмосферю таинственнымъ шумомъ. Вахтенный лейтенантъ блительно расхаживалъ на правыхъ шканцахъ; рулевые прилежно работали за штурваломъ; я не отходилъ отъ коммаса. При плаваніи на фордевиндъ чрезвычайно какъ трудно править рулемъ: не-смотря на большой навыкъ нашихъ рулевыхъ, рискнуть дѣло весьма легкое, даже, по правдѣ, неизбежное. Стоитъ зазѣваться или какъ говорятъ, *дать маху*, — то удержать будетъ трудно: судно сильно рискнетъ. Такъ случилось въ исходѣ четвертой стѣлки (6 часовъ), при смѣнѣ рулевыхъ. Я былъ занятъ приведеніемъ транспорта на румбъ, что при такихъ обстоятельствахъ довольно продолжительно. Между-

тѣмъ на бакѣ пробилъ четыре стклянки, и два человѣка шли уже на вьюшку, для бросанія лага. Въ это время, ко мнѣ подошелъ вахтенный лейтенантъ.

— Посмотрите—говорилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и смотря за корму:—вотъ, я вамъ скажу, валъ!... и съ этимъ словомъ раздался рокоть распавшейся вершины вала, который обратилъ его вниманіе. Но едва я хотѣлъ обернуться, чтобы взглянуть за корму, какъ что-то сильно меня ударило въ спину—и я очутился въ водѣ!...

Совершенно ошеломленный неожиданностью, по поводу которой я очутился, по всей вѣроятности, за бортомъ, глотая отвратительную океанную воду, я всѣми силами старался за что-нибудь ухватиться, или же наконецъ убѣдиться: гдѣ я? — Но старанія мои были напрасны: какъ я ни бился всплыть на поверхность воды, чтобы взглянуть хотя въ послѣдній разъ на Божій свѣтъ, на транспортъ, конечно далеко уже ушедшій отъ меня,—ничто мнѣ не удавалось. Сколько грустныхъ идей, съ отчаяніемъ раздиравшихъ мою душу, мелькнуло въ моемъ умѣ съ быстротою молніи въ эти горькія минуты!...

Находясь подъ вліяніемъ этого паническаго страха и невольно глотая горько-соленую воду, я провелъ, полагаю, съ минутой или полторы. Тутъ удалось мнѣ за что-то схватиться: я судорожно сжалъ снасть, пошавшуюся мнѣ въ руки, которую, однакожъ, къ довершенію моего отчаянія, у меня тотчасъ же вырвало, и въ слѣдъ затѣмъ прижало къ лѣвому борту между корронадою, нѣсколько нанекось гротъ—мачты. Транспортъ накрѣплено направо.... вода сбѣжала.... и вообразите мою радость: я былъ на транспортѣ, тогда-какъ считалъ себя за бортомъ, въ клочкующей стихіи Тихаго-океана!

Тутъ дѣло объяснялось: къ намъ вкатился съ кормы валъ, невозможно себя вообразить хаосъ, разоренный видъ нашей палубы! Все, что на ней было, все смыто и изломано въ дребезги. Четверку, — висѣвшую на кормовыхъ боканцахъ и замѣнявшую капитанскую гичку, которую у насъ оторвало волненіемъ по выходѣ изъ Манилы,—переломило въ срединѣ о гиковый секторъ, и унесло носовую часть вмѣстѣ съ переломленнымъ правымъ боканцемъ, слѣшкомъ въ 3 дюйма толщины, далеко за грот-мачту. Всѣ мѣдныя люковыя рѣшетки были вдавлены; траповые сектора вырваны изъ карлинцевъ;

нактоузъ сорванъ съ найтововъ и опрокинутъ; вьюшки, стклянки, снасти—перепутаны, все это носилось по прихоти огромной массы воды, вкатившейся къ намъ на палубу и неуспѣвшей еще перелиться за бортъ и пробѣжать въ пингаты. Рулевыхъ отбросило къ рострамъ; вахтенный лейтенантъ былъ невдалекѣ отъ меня; люди, сидѣвшіе подъ бакомъ, завалены ведрами, лопатками, ганшпугами, вымбовками, швабрами и курятниками,—а одинъ изъ людей, шедшихъ на вьюшку, былъ даже за бортомъ, но имѣлъ счастье удержаться за кончикъ у гротовыхъ вантъ. Да! бросай я въ это время лагъ, что только-что думалъ исполнить,—и покорнѣйшій вашъ повѣствователь былъ бы непремѣнно за бортомъ, а къ настоящему времени — чего добраго! какою-нибудь *дорогою жемчужиною* Тихаго-океана!

Можно себя вообразить испугъ, который произвело это обстоятельство въ жилой палубѣ. Тамъ всѣ спали, и вдругъ неимоверно сильный толчекъ, заставившій прилти въ содроганіе весь транспортъ, а за нимъ вода съ шумомъ врывается въ каюты, — не веселое пробужденіе! Видъ этого наводненія, прямо со сна, невольно долженъ былъ испугать утомленныхъ плавателей, которые наскоро одѣвшись, немедленно выбѣжали на верхъ. Въ палубѣ было воды по колѣно: ее выносили ведрами. Разрушительная сила вкатившагося вала оставила также слѣды и въ палубѣ. Дверь капитанскаго буфета была сорвана съ петель и вдавлена во внутрь, хотя она отворялась наружу.

Надо полагать, что причиною нашей бѣды было то, что рулевые рыскнули: транспортъ имѣлъ едва только достаточный ходъ, чтобы убѣгать отъ волненія, но когда развели рулемъ, задержали, слѣдовательно, и ходъ судна, отчего волненію было удобно насъ подогнать, и такъ называемый, *девятый* валъ преспокойно вкатился на палубу. И страшно, и любопытно было смотрѣть на это громадное волненіе! Иные естествоиспытатели полагаютъ, что вертикальная высота вала Тихаго океана достигаетъ 48 англ. футовъ; я полагаю, что нынѣшнее возвышеніе не уступало этому возвышенію.

Выкунавшись такимъ неожиданнымъ случаемъ въ фосфорической водѣ Тихаго океана въ декабрь, я простоялъ на вахтѣ еще два часа. Сибывшись, успѣшилъ переодѣться, и черезъ

четверть часа съ удовольствіемъ отдыхалъ за чаемъ съ сигарою.

Въ полдень этого памятнаго дня, обсервационный пунктъ вышелъ въ N шир. 37° 15', долготъ 163° 28' W отъ Гринича. Пройденнаго разстоянія отъ Петровавловска считалось 2050 италіанс. миль. Штормы продолжались послѣ этого еще ровно двѣ недѣли, такъ что 25 декабря, день Рождества Христова, мы провели при тихой и ясной погодѣ, небывалой у нихъ уже съ давнихъ поръ.

КАНИВАНСЪ.

ПАДУЧАЯ ЗВѢЗДА.

Дышетъ вѣшнею прохладою
Упоительная ночь;
Грудь обятая отрадой
Сна не въ силахъ превозмочь;
Блещутъ звѣзды въ небѣ чистомъ
Чуть мерцающимъ огнемъ,
И луна въ лучѣ сребристомъ
Изливается кругомъ.
Нѣга страстная объемлетъ
Воды, роши и поля;
Съ челоуѣкомъ будто дремлетъ
Вся усталая земля.

Посмотри; въ дали высокой,
Гдѣ чуть дышутъ небеса,
Гдѣ въ гармоніи глубокой
Затаились чудеса —
Посмотри, струей блестящей
Вдругъ скатилася звѣзда,
Надъ землею блеснула спящей

И погасла на всегда!
 Средь безмолвія родилась
 Вмигъ она въ твоихъ глазахъ,
 Появилась, прокатилась
 И исчезла въ небесахъ!

Вотъ вся жизнь ея — мгновенье!
 Ты подумалъ, можетъ быть;
 Съ жизнью собственной сравненье
 Сдѣлавъ, молвилъ: «стоитъ ль жить!»
 Но ты знаешь ли что болѣ
 Не живетъ ужъ та звѣзда?
 Гдѣ была она дотолѣ
 И сокрылася куда?
 Родилась она тогда ли
 Какъ увидѣлъ ты ее?
 Умерла ли, или далѣ
 Продолжаетъ бытіе?
 Можетъ быть стезей иною
 Она въ вѣчности летить,
 И падучею звѣздою
 Лишь на мигъ порой блеститъ!

Блещутъ звѣзды въ небѣ чистомъ
 Чуть мерцающимъ огнемъ,
 И луна въ лучѣ сребристомъ
 Изливается кругомъ.

Н. А.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

АГАФОНЪ ВЪ БАДЕНЪ,

ИЛИ

ДУМАЛЪ ТО, А ВЫШЛО ДРУГОЕ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

А.—Н.—И.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

СЕРГѢЙ СЕРГѢЕВИЧЪ ГОРЬЛЬСКІЙ, молодой художникъ-любитель.
 ЕГОРЪ ИВАНОВИЧЪ ПЬТУЛЬКИНЪ, зажиточный человекъ.
 АЛЕКСАНДРА ГАВРИЛОВНА МЕНСТРУЙСКАЯ, молодая вдова, его племянница.
 КАТЯ, ее горничная дѣвушка.
 АГАФОНЪ, слуга Горьльскаго.
 СЛУГА.

Дѣйствіе въ Баденѣ, въ гостинницѣ.

*Театръ представляетъ общую для двухъ номеровъ комнату.
 Налѣво дверь въ № 6, въ комнату Горьльскаго; направо дверь
 въ № 4, къ Пьтулькину и его племянницѣ; въ срединѣ выходъ.
 Двери номеровъ отворяются на сцену. Столы; стулья съ ко-
 жанными подушками; вѣшалка платяная и проч.*

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРЬЛЬСКІЙ, потомъ АГАФОНЪ.

Горьльскій (*выходя изъ своей комнаты съ медальономъ въ ру-
 кѣ.*) Агафонъ! Агафонъ!

Агафонъ (за кулисами.) Сейчасъ, сударь, сейчасъ!

Горьльскій (разсматривая медальонъ.) Этотъ медальонъ постоянно наводитъ на меня печальныя мысли о прошедшемъ, но у меня нѣтъ силъ разстаться съ нимъ.... Рѣшено, я беру его съ собой; пусть будетъ онъ моимъ вѣрнымъ спутникомъ.... Агафонъ! Агафонъ!

Агафонъ (вбѣгая.) Бѣгу, сударь, бѣгу!

Горьльскій. Я тебя разъ двадцать звалъ.

Агафонъ. Да я кричалъ вамъ, сударь, что сейчасъ приду.

Горьльскій. Кричалъ, да не шолъ!

Агафонъ. Это, извольте видѣть... тутъ прѣхали дорожные-сь, такъ я помогаль имъ... такъ себѣ, отъ нечего дѣлать, таскаль вещи.

Горьльскій. Да кто жъ тебѣ сказалъ, что тебѣ нечего дѣлать?... Когда ты здѣсь нуженъ... когда я самъ готовлюсь въ дорогу!...

Агафонъ. Такъ вы ѣдете, сударь?... Кажись... вы думали отправиться только сегодня вечеромъ, или завтра утромъ?

Горьльскій. Я передумалъ... утро чудесное... славное время, чтобъ идти пѣшкомъ, особенно для того, кто хочетъ снимать виды, срисовывать окрестности... Котомку на спинку, и маршь въ дорогу! Чемоданъ и шинель готовы?..

Агафонъ. Чемоданъ и шинель-сь? Кажись, почти что готовы-сь.

Горьльскій. Принеси сюда! (Агафонъ уходитъ въ № 6.) Давно-бы должно мнѣ заняться чѣмъ-нибудь! Я прѣхалъ въ Бадень не на воды, а какъ художникъ, думая, что прекрасная природа завлечетъ меня, вдохновитъ къ работѣ, и тѣмъ хоть на время отгонитъ печальныя воспоминанія... Но вотъ уже недѣля, какъ я здѣсь живу въ какомъ-то чадѣ отъ удовольствія, танцевъ и музыки, трачу деньги, ничего не дѣлая... А мнѣ все такъ скучно! забудусь на минуту... но взгляну (глядитъ на медальонъ) на эти коварныя, но все еще милая черты—и опять все прошедшее тяжелымъ камнемъ ляжетъ на сердце... Нѣтъ! не успокоишь меня и ты, мирная Германія! Сидѣть бы мнѣ да сидѣть дома!

№ 1.

Чтожъ дѣлать мнѣ? когда у насъ
Шататься лѣтомъ за границей—
Повсюду мода завелась:
На западъ тянутся станицей!..
Сынокъ въ Парижѣ для науки;
Въ Карсбадѣ мужъ съ женой мотаеъ:
Жену привезъ домашній другъ,
А мужъ чахоткою страдаетъ.
А тѣ отъ долга, уползаютъ.
И всѣ лечится уѣзжаютъ.
Иная ѣдетъ, чтобы скрыть
Любви обманутой терзанье,
А та—отъѣздомъ истребить
Грѣшковъ своихъ воспоминанье.
Огень туда же дѣтокъ шлетъ,
Чтобъ лучше имъ образоваться;
Рогатый мужъ жену везетъ—
Загнѣвъ, что дома стыдъ остается.
Другіе жъ ѣдутъ отъ того,
Что ихъ карманы слишкомъ туги;
Не могутъ дѣлать ничего;
Имъ нѣтъ заботъ—имъ все досуги!..

Агафонъ (съ маленькимъ чемоданомъ и шинелью.) Вотъ, сударь, ваши вещи.

Горьльскій. Безъ меня смотри хорошенько за комнатой, за моими вещами.

Агафонъ. Ужъ не безпокойтесь, за всѣмъ присмотрю; не въ первой разъ. А вы-сь... нескоро домой будете?

Горьльскій. Быть-можетъ... Хочу осмотрѣть всѣ окрестности, на это вѣрно нужно двѣ, или три недѣли. (Садится, вынимаетъ изъ кармана бумажникъ, и пересматриваетъ записанное въ немъ.)

Агафонъ. Двѣ, или три недѣли-сь?

Горьльскій. Да, ранѣе не жи мени.

Агафонъ. Вамъ бы, сударь, меня взять съ собой. Сергѣй Сергѣевичъ! Возмите-ка меня съ собой!

Горьльскій. Нѣтъ, Агафонъ! Я нынче не въ духъ; не до твоей болтовни...

Агафонъ. Да для меня все равно-съ. Ей Богу! А если угодно-съ, такъ я все молчать буду, ни гугу!

Горьльскій. Нѣтъ, останься здѣсь. Я хочу путешествовать одинъ.

Агафонъ. Такъ я вамъ въ тягость, сударь!

Горьльскій. Напротивъ, другъ мой, я знаю твою привязанность... Миѣ нравится твой характеръ, и миѣ даже трудно безъ тебя обойтись.

Агафонъ. Вотъ точно какъ и я-съ! Я тоже безъ васъ, какъ жется, никакъ обойтись не могу.

Горьльскій. Это хорошо.

Агафонъ. Сергѣй Сергѣевичъ! Возмите меня съ собой! Пожалуста-съ! ужъ я бы дорогой посмѣшилъ васъ, ужъ вотъ какъ бы!

Горьльскій. Ехъ, Агафонъ, не до смѣху, когда на сердцѣ любовь и печаль.

Агафонъ. Ага! вотъ что-съ... загвоздочка-съ! Кто же это васъ подцѣпить изволилъ-съ...

Горьльскій. Женщина, которую я любилъ, и которую всегда буду любить больше всего на свѣтѣ...

Агафонъ. Это не та-ли, что... знаете?... наменишная...

Горьльскій. Нѣтъ, не та!.. Тогда ты еще не служилъ у меня. Молодая вдова, на которой я думалъ жениться... (про себя) То была... чистая любовь... прошли тѣ золотые дни, и теперь... (встаетъ) Подай шинель!

Агафонъ (накидываетъ ему шинель на плечи.) Извольте, сударь.

Горьльскій (про себя.) Какой-нибудь капризь... а можетъ и подозрѣніе заставило ее измѣнить миѣ... Но какъ бы то не было, она не хочетъ видѣть меня... и я никогда ее не увижу... Женщины, женщины!.. что же ваши клятвы, ваши обѣщанія!..

Агафонъ. Вотъ вашъ чемоданъ, извольте привязать-съ.

Горьльскій. Ахъ, я умру съ тоски!

Агафонъ. Я положилъ въ чемоданъ съѣстнаго.

Горьльскій. Ты не понимаешь, и не поймешь никогда моего мученья.

Агафонъ. О, сударь, и очень понимаю-съ!

Горьльскій. Понимаешь? Ужъ не случилось ли и тебѣ влюбиться?

Агафонъ. Влюбиться!.. нашему брату!.. Была у меня такая... знаете, загадочная, что называется—вотъ и все!.. Маленькая, черномазенькая... Мы съ ней были вмѣстѣ въ одномъ домѣ; да тамъ, видите, замѣтили какъ-то, и вытурили насъ.

Горьльскій. Что же такое замѣтили?

Агафонъ. Что замѣтили? Да собственно ничего; замѣтили, что мы съ нею... кое-что того-съ... Намъ нужно было разлучиться, хоть оно сначала и небольшо приятно было. Я поступилъ къ вамъ, но нашла ли она себѣ мѣсто—не знаю. Ехъ, сударь, у всякаго своя загвоздка!

Горьльскій. Все-таки когда-нибудь ты опять съ ней сойдешься... между-тѣмъ какъ я... Прощай, Агафонъ... я иду. Кстати, есть ли у тебя деньги?

Агафонъ. Есть кое-что-съ; наберется. Вотъ русскихъ денежекъ давненько и въ глаза невидывалъ. То ли дѣло у насъ-то!... А здѣсь...

Горьльскій. Я тебѣ, кажется, еще и жалованья не давалъ?

Агафонъ. Нѣтъ еще-съ, не изволили.

Горьльскій. Это худо!..

Агафонъ, (чешетъ себя рукой голову). Да-съ, это не совсѣмъ хорошо-съ...

Горьльскій. Миѣ теперь самому едва станетъ на дорогу.

Агафонъ. Это весьма неприятно-съ. Но не извольте, сударь, объ этомъ много беспокоиться. Мы въ другой разъ сквитаемся.

Горьльскій. Впрочемъ, я скажу, чтобъ тебѣ здѣсь ни въ чемъ не отказывали. Прощай, Агафонъ.

Агафонъ. Счастливаго пути, сударь.

Горьльскій. Когда ворочусь, тотчасъ дамъ тебѣ денегъ.

Агафонъ. Ахъ, сударь! Ужъ съ какимъ нетерпѣніемъ я буду ждать васъ! (Горьльскій уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ II.

Агафонъ, (*одинъ*). Ушоль.... Теперь запремъ дверь.... (*занимаетъ дверь № 6 и беретъ ключъ*). Однакожь, чортъ возьми! мнѣ жалко разставаться съ нимъ. Неча сказать, славный баринъ! Я, говорить, не могу безъ тебя обойтись; мнѣ, говорить, нравится характеръ твой; самъ сказалъ... вишь ты!... Да, нечего сказать, добрый малый!... отъѣхалъ на три недѣли. зачѣмъ, куда, — да еще безъ слуги! — Нѣтъ, вотъ ужъ я бы этого не сдѣлалъ; былъ-бы у меня слуга, такъ я бы ни на шагъ отъ него; поминутно-бы въ затылокъ толкали.... Вотъ я себѣ теперь баринъ хоть куда! Одинъ! Ну, Агаша, наслаждайся! (*сидится въ кресло*). Фу, ты какъ важно! А? сидимъ себѣ, да и сидимъ.... чтобы выдумать такое, поважнѣе — чтобы время проводить? Развѣ велѣтъ себѣ того.... шляпки припустить, (*показываетъ обѣими руками на шею*) поставить ноги въ ванну и нюхать себѣ по-барски разные спирты, все одоколонны да летучія мази? Ужъ это было-бы точно что по-барски.... вли поспать сперва?... Закрою глаза, и буду все думать.... О чемъ? о чемъ? А, о Катѣ! Катя, Катеночка, Катерина Ивановна! Кошанъ ну портеву-съ! какой у васъ носикъ хорошенькій-съ.... Позвольте обнять васъ.... (*Дыластъ жевать какъ будто обнимаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

АГАФОНЪ и КАТЯ.

Катя, (*выходя изъ № 4-го*). Слушаю, сударь! Я справлюсь въ гостиницѣ.

Агафонъ. Это что!... голось.... Катя!

Катя, (*увидавъ Агафона*). Афона!

Агафонъ. Катя! какъ! ты здѣсь?

Катя. Здѣсь, а ты?

Агафонъ. Я тоже здѣсь!

Катя. Какимъ образомъ?

Агафонъ. Да такъ, съ баринномъ. А ты?

Катя. И я съ господами.

Агафонъ. Вотъ удружила!

Катя. Какое счастье!

Агафонъ, (*разсматривая ее*). Фу, какъ ты разряжена — просто барыня!

Катя. Мнѣ нынче счастье повезло: я нашла чудесное мѣсто. Я горничная у молодой вдовушки, пребогатой, по фамилии Менструйской, она пріѣхала сюда на воды для здоровья своего дяди, у котораго, кромѣ лишняго здоровья, нѣтъ никакой болѣзни.

Агафонъ. Гдѣжь вы живете?

Катя. Здѣсь, въ № А.

Агафонъ. Вотъ штука! А я въ № 6, такъ близко, и не встрѣтился!

Катя. Мы только вчера вечеромъ пріѣхали.

Агафонъ. Вотъ что! Я самъ только ночью воротился. Баринъ усымалъ меня.

Катя. Ну, а ты, давно здѣсь? и разумѣется — не одинъ?

Агафонъ. Я здѣсь съ баринномъ; но онъ уѣхалъ; т. е. не уѣхалъ, а пѣшкомъ пошолъ, и я того.... только что думалъ, что бы такое дѣлать....

Катя. Это очень кстати.... лучше быть нельзя! я увѣрена, что ты поладишь съ нашимъ....

Агафонъ. Съ какимъ вашимъ?

Катя. Съ дядею моею барыни, Егоръ Ивановичемъ Пѣтулькиннымъ. Онъ велѣлъ мнѣ прискаты ему человѣка — сегодня, тотчасъ-же.... У него есть одинъ, да тотъ на-дорогѣ заболѣлъ.... А Егоръ Иванычъ прекурьюзный человѣкъ, когда не кому его почистить и застегнуть. Маленькой веревочки самъ ни завязать, ни развязать не можетъ. За-то ужъ, сударь мой, кошелекъ съ деньгами скоро и превосходно развязываетъ. Преумерительный!

Агафонъ. Это ничего! я люблю такихъ.

Катя. Только ты не разживешься: вѣд мы пробудемъ здѣсь дней восемь, или десять, не больше.

Агафонъ. Такъ твой Егоръ Ивановичъ возьметъ меня только дней на восемь, или на десять?...

Катя. Къ несчастію.

Агафонъ. Какое тутъ несчастіе! (*спохватясь*). Ехъ, Катя! восемь дней быть съ тобою — да это просто, чортъ знаетъ что! (*обнимаетъ ее*).

Катя. Такъ ты согласенъ?

Агафонъ. Еще бы нѣтъ! (*всторону*). Десять дней!... это славно, баринъ явится только черезъ двѣ недѣли....

Катя. Впрочемъ, можетъ-быть мы и дольше останемся.... Барыня пріѣхала сюда, чтобъ выйти за-мужъ. Воды, видишь ты, только такъ, предлогъ. Она ждетъ жениха, они должны здѣсь встрѣтиться. Все это дядя сострипалъ, который тогда только и счастливъ, когда можетъ свадьбу уладить.... Она сама-то, сказать правду, неслишкомъ объ этомъ заботится.... Но тебѣ до этого дѣла нѣтъ, а вотъ что.... я тебя отрекомендую баринѣ, а барыня опредѣлитъ тебя къ своему будущему мужу.... Тогда.... помнишь, какъ ты общался мнѣ.... ты можешь по-свататься за меня, и вмѣсто одной свадьбы....

Агафонъ. Мы сыграемъ двѣ! Лихо! Ай да Катерина Ивановна, все уладить! То-то мы заживемъ!

Пѣтулькинъ, (*за кулисами*). Ей, малыи! человекъ!...

Катя. Это нашъ заветъ. Теперь кстати тебя представить.

ЯЗВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и ПѢТУЛЬКИНЪ.

Пѣтулькинъ, (*выходитъ изъ № 4, безъ стюртука*). Кто тутъ?... Мальчикъ! водится-ли хоть какая-нибудь прислуга въ этой гостинницѣ?...

Катя. Что вамъ угодно?

Пѣтулькинъ. Ты, кажется, видишь, что мнѣ угодно! Кричу во

все горло; племянница хочетъ идти со-двора, сердится... я цѣ-лый часъ зову мальчика! (*звонитъ*). Ей, слуги, люди!

Катя, (*тихо Агафону*). Скажи, что ты хочешь служить ему.

Агафонъ, (*приблизился къ Пѣтулькину*). Я, сударь, могъ-бы послужить вамъ, еслибъ вы сударь, удостили меня....

Пѣтулькинъ. Ты, любезный? Ты принадлежишь къ числу слугъ этого заведенія?

Агафонъ. Заведенія?...

Катя. Нѣтъ-съ, онъ безъ мѣста.... Славный малыи; я хотѣ-ла вамъ его предложить.

Пѣтулькинъ. Ты знаешь его?

Катя. Какъ же, сударь, не знать! мы съ нимъ долго вмѣстѣ жили.

Пѣтулькинъ (*всторону*). Его физиономія мнѣ нравится... чтобъ испытать, попробуемъ съ разу озадачить! (*Гролко*). Слушай, любезный! Проворенъ ли ты?

Катя. Онъ, сударь, проворный малыи.

Пѣтулькинъ. Я, любезный, тебѣ впередъ говорю, что я очень вспльчивъ, и не люблю, чтобы заставляли ждать... А можно ли на тебя положиться? вѣренъ ли ты?

Агафонъ. О, что до этого—спросите Катю-съ!

Пѣтулькинъ. Этого достаточно! Она за тебя порука, и я те-бя принимаю. Обязанности твои теперь же начинаются, и про-должаются до моего отъѣзда включительно.

Агафонъ. Слушаю-съ... Восемь или десять дней, какъ она мнѣ говорила.

Пѣтулькинъ. По талеру въ день... Эта сумма удовлетворяетъ твоимъ желаніямъ? Я думаю?

Агафонъ. Вы совершенно правы, сударь.

Пѣтулькинъ. Да, я люблю также, чтобы въ разговорѣ со мною употребляли отборныя выраженія; по этому ты старайся замѣ-чать, какъ я объясняюсь... А какимъ именемъ ты зовешься?

Агафонъ. Агафономъ.

Пѣтулькинъ. Агафономъ,.. Мнѣ бы лучше нравилось: Афонъ, —это гораздо короче... Впрочемъ, все-равно. Катя, позови пле-мянницу.

Катя. Онѣ сами сюда идутъ-съ.

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪ ЖЕ и МЕНСТРУЙСКАЯ.

Менструйская. Какъ, дядюшка, вы еще не готовы? А я все ждала васъ. Поторопитесь, пожалуйста!

Пятюлькинъ. Поторопитесь, поторопитесь! хорошо сказать... Поторопитесь! Когда ни одного человѣка не было около меня... Къ счастью, наконецъ, нашелъ вотъ одного.

(Агафонъ кланяется).

Менструйская. Такъ одѣвайтесь же поскорѣе.

Пятюлькинъ. Разумѣется! Сю мнѣдуту! Только, другъ мой, одежда моя не весьма въ порядкѣ и опрятности послѣ дороги, такъ вѣдь не надѣвать же мнѣ на себя грязи и пыли! (въ сторону). Кажется, что-то въ родѣ каламбура отпустилъ! (громко). Афонъ!

Агафонъ. Агафонъ, сударь.

Пятюлькинъ. Отправляйся въ мою комнату; тамъ на стулѣ увидишь ты платье; возьми его, и приведи въ надлежащій порядокъ.

Агафонъ. Вычистить его, слушаюсь! (хочетъ уйти).

Катя (тихо). Куда жъ ты? Видишь, ты не знаешь гдѣ. Пойдемъ, я тебя сведу.

Пятюлькинъ. Афонъ!

Агафонъ. Агафонъ, сударь.

Пятюлькинъ. Прими задатокъ.

Агафонъ. Покорнѣйше благодарю-сь! Не прикажете ли еще чего?

Пятюлькинъ. Пока ничего.

Агафонъ (въ сторону). Я къ нему какъ разъ привыкну!

(Катя и Агафонъ уходятъ на право).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПЪТУЛЬКИНЪ и МЕНСТРУЙСКАЯ.

Пятюлькинъ. Ну, племянница! что значать эти вздернутыя губки; эта кисленькая гримаса? На что это похоже? Подумай, что мы въ Баденѣ, жилищѣ игръ и смѣха, радостей и удовольствій, веселья и... и... (въ сторону). Вотъ нескстати занкнул!

Менструйская. И несносной скуки!

Пятюлькинъ. Несносной скуки, дурочка! Здѣсь ждетъ тебя амуръ подъ формою жениха! (въ сторону). Вотъ это удачно сказано!

Менструйская. Это-то и заставляетъ меня задумываться.

Пятюлькинъ. Тутъ нечего задумываться... Человѣкъ молодой, хорошъ собою, щедро надѣленъ... природою... всѣми дарами, большимъ состояніемъ; мой бывшій воспитанникъ; словомъ—женихъ, котораго ты получишь изъ собственныхъ моихъ рукъ.

Менструйская. Признайтесь, дядюшка, что, вѣрно, онъ не слишкомъ мною интересуется, когда не только еще не являлся, но даже не справлялся до-сихъ-поръ объ насъ.

Пятюлькинъ. Не обвиняй его напрасно! Приѣхавши вчера, я тотчасъ послалъ возвѣстать ему о нашемъ прибытіи, и онъ не замедлитъ явиться къ намъ сегодня утромъ.

Менструйская. Однако, ужъ скоро двѣнадцать часовъ.

Пятюлькинъ. Молчаніе! Кто-то идетъ! Не онъ ли?

ЯВЛЕНИЕ VII.

ТЪ ЖЕ, СЛУГА съ письмомъ, потомъ АГАФОНЪ.

Слуга (входитъ въ среднія двери). Вотъ вамъ, сударь, письмо.

Пятюлькинъ. Письмо?

Слуга. Изъ русской гостиницы. (Уходитъ).

Менструйская. Вѣрно отъ Зубинскаго.

Пѣтулькинъ. Точно такъ! Я узнаю его руку... (*распечатываетъ письмо*).

Менструйская. Читайте!...

Пѣтулькинъ (*читаетъ*). «Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Егоръ Ивановичъ! Вы увѣдомляете меня о себѣ и объ вашей любезной племянницѣ. Это чрезвычайно меня радуетъ. Но я ожидалъ васъ сюда только завтра, и чтобъ убить время, далъ слово одному изъ моихъ друзей ѣхать съ нимъ на охоту, бить на озерѣ утокъ. Я не могу теперь отказаться, давши слово; но по возвращеніи моемъ тотчасъ васъ посѣщу. Извините меня предъ вашею прелестною племянницею, и скажите ей, что я горю желаніемъ возобновить съ нею знакомство, прерванное путешествіемъ».

Менструйская. Какъ мило и любезно!

Пѣтулькинъ. Какъ пріятно, что онъ обходится съ нами безъ церемоній. Я самъ такого характера.

Менструйская. Чрезвычайно любезенъ... предпочитаетъ мнѣ утокъ!

Пѣтулькинъ. Ну, ужъ ты слишкомъ строга къ нему... Впрочемъ, я очень знаю, что этому причина воспоминаніе о вѣщѣмъ любезнѣйшемъ Сергѣѣ Сергѣевичѣ Горѣльскомъ... Вотъ безхарактерный-то человѣкъ, нестерпимое существо!

Менструйская. Нѣтъ, дядюшка, вы не знаете его. Еслибъ вы его увидѣли...

Пѣтулькинъ. Меня не было въ Петербургѣ, когда ты свела съ нимъ знакомство, но я достаточное имѣю о немъ понятіе, и къ счастью—успѣлъ въ-время отторгнуть тебя отъ края погибели... или такъ—сказать, отъ этого бездоннаго колодца, въ который ты готова была низринуться (*тихо*). Каково! (*громко*). Гм... Либерали!.. пустозвонъ, который съ тобою о сватѣбѣ говорилъ, и въ тоже время въ другомъ мѣстѣ заводилъ любовную интригу!

Менструйская. Зачѣмъ вы напомнили мнѣ... Это въ-самомъ-дѣлѣ низко, ужасно!

(*Пѣтулькинъ съ удовольствіемъ потираетъ руки*).

Агафонъ. (*Входитъ съ платьемъ и поетъ*).

Ѣхали дитятки
На маленькихъ козляткахъ,
Слуги на собакахъ,
Жена на коровѣ!..

Пѣтулькинъ. Это что значить? Какъ ты смѣешь орать передо мною!

Агафонъ. Передъ вами, сударь? Вы изволите стоять ко мнѣ спиной.

Пѣтулькинъ. Все-равно! Я приказываю молчать!

Агафонъ. Я думалъ, что тутъ никого нѣтъ-съ...

Пѣтулькинъ (*племянницѣ*). Между-тѣмъ, какъ мой Зубяскій... во всѣхъ отношеніяхъ превосходить...

Менструйская. Пожалуйста, дядюшка, одѣньтесь наконецъ, и пойдите.

Агафонъ начинаетъ изъ всей силы выколачивать запыленное платье.

Пѣтулькинъ. Что ты дѣлаешь, оселъ? Развѣ не можешь дожидаться, пока мы выйдемъ?

Агафонъ. Я думалъ, что вы уже изволили уйти.

Пѣтулькинъ. Отправься лучше на кухню, и принеси мнѣ чего-нибудь закусить. У меня въ желудкѣ чрезвычайное трясеніе.

(*Садится у стола*).

Агафонъ. Сейчасъ, сударь.

Пѣтулькинъ. Чего-нибудь полегче.

Агафонъ. Не угодно ли бульону-съ? Это самое легчайшее-съ.

Пѣтулькинъ. Ну, отправляйся за бульономъ, да живѣй!

Агафонъ. Въ одну минуту.

№ 2.

Пятюлькинь (*Агафону*).

Поскорѣй! дожидаться
 Мой не любитъ аппетитъ;
 Долженъ ты повиноваться
 Если баринъ твой велить.

Менструйская (*Пятюлькину*).

Боже мой! какъ это скучно:
 Утро цѣлое васъ ждать.
 Здѣсь такъ тѣсно и такъ душно!
 Да поидемте же гулять!

*(уходитъ къ себѣ).*Агафонъ (*Пятюлькину*).

Ваша правда-съ! дожидаться
 Не годится господамъ;
 Я готовъ повиноваться,
 И бульонъ сейчасъ подамъ.

(бѣжитъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ПЯТЮЛКИНЪ, потомъ ГОРЬЛЬСКІЙ.

Пятюлькинь (*протираетъ себѣ руки*). Ушла! выходить на повѣрку, что этотъ Зубинскій ужасный дуралей! Я подаю за него голосъ, защищаю его сколько могу; однакожь.... въ сущности я порицаю его поведеніе.... какъ-будто весь свѣтъ нарочно сговорился противъ моихъ плановъ.... Въдъ этакъ онъ можетъ и женитьбу свою разстроить!

Горьльскій. Какой ужасный жаръ! Нѣтъ, въ эту пору далеко не уйдешь! Лучше дома сидѣть.

Пятюлькинь. А! это что за гость?

Горьльскій (*увидя Пятюлькина*). Ага! Новоприбывшій! Я еще, кажется, не видалъ здѣсь этой фигуры.

(оба раскланиваются).

Пятюлькинь (*видя, что Горьльскій садится*). Вотъ-те на! Онъ изволяетъ преспокойно располагаться! Мнѣ придется глотать мой бульонъ передъ этимъ господиномъ — слуга покорный! Лучше уйду! Афонъ найдетъ меня (*уходитъ въ № 4-й*).

ЯВЛЕНИЕ IX.

ГОРЬЛЬСКІЙ, потомъ АГАФОНЪ.

Горьльскій. Гдѣ жъ мой Агафонъ? У него ключъ отъ комнаты—хорошо, если онъ никуда не ушелъ (*звонитъ, и садится тамъ, гдѣ сидѣлъ Пятюлькинь*).

Агафонъ (*бѣжитъ съ бульономъ*). Несу, сударь, несу! Горячій, прямо съ огня! (*увидя Горьльскаго*). О!

Горьльскій. Чего ты испугался?... что я воротился?

Агафонъ (*смѣшавшись*). Это вы-съ?... зачѣмъ же вы?... Ахъ, это вы, сударь! простите меня!

Горьльскій. Чтѣ у тебя тамъ?

Агафонъ (*старался, чтобъ тотъ не увидѣлъ, что у него въ чашкѣ*). Чтѣ это-съ?

Горьльскій. Да, въ чашкѣ?

Агафонъ. Въ чашкѣ-съ? Это.... не знаю, сударь.... съ виду похоже на бульонъ.

Горьльскій. Для кого?

Агафонъ. Для кого-съ? Вы изволите спрашивать: для кого этотъ бульонъ? (*въ сторону*) Ляшь бы только тотъ сюда не сунулся!

Горьльскій. Ты, вѣрно, видѣлъ, какъ я вошелъ съ улицы, и догадался, что я проголодался. Это очень кстати. Спасибо тебѣ.

Агафонъ (*хочетъ уйти*). Если не хотите, то какъ вамъ угодно-съ.

Горьльскій. Напротивъ....

Агафонъ. Не извольте принуждаться—съ ради меня-съ.

Горьльскій. Съ чего ты взялъ? Я просто ѣсть хочу. Давай скорѣй! *(беретъ чашку съ бульономъ)*.

Агафонъ *(тихо)*. Вишь какъ глотаетъ сердечный!

Горьльскій. Да, послѣ моей прогулки этотъ бульонъ съ булкой очень пригодился.

Агафонъ *(тихо)*. Онъ очень хорошо пригодился—бы и другому.... *(беретъ чашку съ блюдечкомъ, и ставитъ на столъ)*. Въ, вѣрно, сударь, что—нибудь забыли, что такъ скоро воротились?

Горьльскій. Я? нѣтъ. Я.... ничего не забылъ.... я только передумалъ.

Агафонъ *(тихо)*. Вотъ человекъ! Семь пятницъ на недѣлѣ!

Горьльскій. Возми-ка съ меня чемоданъ и шинель! *(Агафонъ снимаетъ и кладетъ чемоданъ къ дверямъ № 6, а шинель вѣшаетъ на вѣшалку)*. Бродить одному, пѣшкомъ, съ кузовомъ на спинѣ, признаюсь, не слишкомъ много пріятностей!

Агафонъ. Однакожъ.... вы изволили говорить, что это развеселило бы васъ.

Горьльскій. Развеселило бы меня! Да неужели я никогда не перестану грустить о томъ, что удалось одной женщинѣ провести меня? Это была бы непростительная слабость.

Агафонъ. Е! Сергѣй Сергѣичъ! Позвольте намъ сказать: ужъ нынче на томъ свѣтѣ стоятъ; ужъ кого ни возьми, или тутъ, или тамъ, только все не очень-то больно крѣпко держится.

Горьльскій. При томъ я на дорогѣ неожиданно встрѣтилъ давнишняго знакомаго.... *(про себя)*. Вотъ человекъ! — всегда веселый, беззаботный! Три года странствованій нисколько не измѣнили его.... Невольно позавидуешь такимъ людямъ!

Агафонъ *(вздыхаетъ)*. И я тоже-съ.

Горьльскій *(громко)*. Онъ пріѣхалъ сюда, чтобы жениться, и въ ожиданіи свадьбы уѣхалъ на охоту. Я приглашенъ на свадьбу.

Агафонъ. Ну, а какъ же, сударь, то, что вы хотѣли срисовать?

Горьльскій. Немного нарисуюшь, пройдя пѣшкомъ нѣсколько миль въ такую жару. Въ такомъ случаѣ нужно непременно ѣхать въ экипажѣ.

Агафонъ. Прикажете? я пойду найму *(хочетъ идти)*.

Горьльскій. Послушай, тебѣ кажется не нравится, что я скоро воротился?

Агафонъ. Мнѣ, сударь? мнѣ.... нѣтъ-съ.... Я.... *(тихо)* чтобъ только тотъ не прішелъ сюда!

Горьльскій. Гдѣ ключъ?

Агафонъ. У меня-съ; извольте. Вы тамъ останетесь?

Горьльскій. Да, переодѣнусь, потомъ пойду со двора.

Агафонъ *(тихо)*. А я опять пойду за бульономъ *(хочетъ идти)*.

Горьльскій. Ты не уходи, мнѣ тебя нужно будетъ.

(уходитъ въ свою комнату).

ЯВЛЕНИЕ X.

АГАФОНЪ одинъ, а потомъ ГОРЬЛЬСКІЙ.

Агафонъ. Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ-день! Два сокола на плечахъ: одному подашь, а другой съѣсть. Нужно будетъ отъ одного отдѣлаться.... не расколешься на двое какъ полѣно. А досадно.... кабы съ обоями жить можно — такъ оно бы лучше.... Молодой-то славный парень, и при томъ долженъ мнѣ за нѣсколько мѣсяцевъ жалованья, по этому вдругъ разстаться съ нимъ.... жалко!.... Оно не то, чтобы и старый-то былъ не хорошъ. Нѣтъ! Тоже человекъ прѣблгородный.... по талеру въ день—я задатокъ прямо далъ.... какъ ни вертись, отдашь задатокъ... Прощай Катя! Вотъ тебѣ и свадьба! Не гадай впередъ! Что ты будешь дѣлать!... Какъ ни кинь, все клинъ!.. Развѣ вотъ что!... выбрать по жеребью: завяжу на платкѣ узелокъ—да и вытасу: кого Богъ дастъ! *(вынимаетъ платокъ носовой изъ кармана и завязываетъ на одномъ концѣ узелъ, потомъ въ лѣвую руку беретъ конецъ съ узломъ и еще другой конецъ)*. Нѣтъ! это нейдетъ. Выходить, что я самъ знаю, который съ узломъ *(подумавъ)*. А, вотъ оно гдѣ! кажется былъ въ чемоданѣ завалышійся грошъ.... *(идетъ тихонько къ чемодану, рвется въ немъ, боится, чтобъ не засталъ его Горьльскій, наконецъ находитъ)* нашолъ! Вотъ ужъ и видно, что русская вещь—съ орломъ! *(становится на колыни)* орелъ—бу-

деть молодой (показывает на № 6); рѣшотка старѣй (показывает на № 4). Не знаю, что выдетъ, а кажись, что рѣшотка. Ну, орелъ или рѣшотка? (хочетъ бросить вверхъ монету).

Пѣтулькинъ (за кулисами звонитъ). Ей, Афонъ! куда же ты пропалъ?

Агафонъ (вскакиваетъ). А! рѣшотка кричитъ! а я и платье еще не вычистилъ. Живо! (беретъ сюртукъ Пѣтулькина). Нужно вынуть все изъ кармановъ, а то еще, пожалуй,хватишь щоткой, да что-нибудь испортишь; вѣдь напихаютъ такъ, что и чистить нельзя. (вынимаетъ торопливо бумажникъ и ночной колпакъ, и кладетъ ихъ на столъ) Ну, этой дряни и въ карманахъ ничего бы не сбѣлалось... Можетъ онъ ужъ и забылъ про свой бульонъ... (ставитъ чашку подъ столъ) Вотъ такъ! (чиститъ платье на стоящей въ комнатѣ вѣшалкѣ).

Горьльскій (за кулисами). Агафонъ!

Агафонъ. Вотъ и орелъ!

Горьльскій (въ дверяхъ съ сюртукомъ въ рукѣ). Агафонъ!

Агафонъ (услыша, что дверь отворится, постыдно схватываетъ сюртукъ Пѣтулькина, и прячетъ его себѣ за спину). Чего изволите?

Горьльскій. Мое платье все въ пыли.

Агафонъ. Пожалуйста! я сейчасъ вычистю.

Горьльскій (бросаетъ ему сюртукъ). Поскорѣй! (уходитъ къ себѣ).

Агафонъ. Два платья заразъ! (вынимаетъ изъ сюртука Горьльскаго медальонъ и табачный кисетъ, и кладетъ ихъ на тотъ же столъ. Начинаетъ чистить). Оно не то, чтобы я работы боялся, нѣтъ, справлюсь....

Пѣтулькинъ (за кулисами). Афонъ! Да придешь ли ты?

Агафонъ. Ага! рѣшотка злится! Снести ему скорѣе (хватаетъ платье Пѣтулькина и въ торопяхъ кладетъ въ его карманы вещи Горьльскаго, а вещи Пѣтулькина въ карманы Горьльскаго, и притомъ каждую вещь въ особый карманъ). Пусть теперь хоть оба лягутся—не робѣемъ!

ЯВЛЕНИЕ XI.

АГАФОНЪ и ПѢТУЛЬКИНЪ.

Пѣтулькинъ (безъ сюртука). Гдѣ ты сидишь!

Агафонъ. Виновать, сударь! Я все торопился....

Пѣтулькинъ. А гдѣ мой бульонъ?

Агафонъ. Какой бульонъ-съ?

Пѣтулькинъ. Какъ, несчастный, ты уже забылъ!

Агафонъ. Ахъ, вашъ бульонъ! Да его, сударь, ужъ нѣтъ больше....

Пѣтулькинъ. Нѣтъ бульону!

Агафонъ. Весь, сударь, вышелъ.

Пѣтулькинъ. Боже мой! это всегда со мной случается!

Агафонъ. А вотъ извольте теперь ваше платье, оно готово-сь. (надвѣваетъ ему сюртукъ Горьльскаго).

Пѣтулькинъ. Что за чортъ, какъ узко (онъ старается надѣть).

Агафонъ. Посильнѣе, сударь, поспильнѣе!

Пѣтулькинъ. Да онъ всегда мнѣ широкъ былъ! Что ты съ нимъ сбѣлалъ?

Агафонъ. Ахъ, виновать, сударь, простите! Это не вашъ.... это....

Пѣтулькинъ. Не мой?... такъ чей же?

Агафонъ (подаетъ сюртукъ). Вотъ это вашъ-съ!

Пѣтулькинъ. Да отвѣчай мнѣ: чей же тотъ?

Агафонъ (одвѣая Пѣтулькина). Чей-съ?... не знаю-съ... тутъ есть русскіе господа-сь, такъ ихъ человекъ, Иванъ, пришолъ, да и проситъ меня: вычисти, говоритъ, сюртукъ; это господскій сюртукъ.... Тутъ, сударь, ничего особеннаго нѣтъ! Ей-Богу! это у насъ часто водится!

Пѣтулькинъ. Агафонъ, я весьма тобою недоволенъ! Во-первыхъ, ты слишкомъ разбѣянъ—это признакъ присутствія постороннихъ страстей. Тутъ что-то есть.... (подумавъ) Ужъ не съ Катериною ли у васъ шашни завелись?

Агафонъ (въ сторону). Самъ выручилъ! (громко). Я не пошибъ вамъ, сударь, сказать этого, а оно немножко такъ....

это... Катерина Пвановна... вотъ ужъ два года, какъ мы, знаете-сь, съ ней... немножко того....

Пѣтулькинъ. А-а! видишь что! меня не обманешь. Ну, что жь? За чѣмъ дѣло стало? Женись, да и баста! съ моей строны — я не прочь! Но нужно, чтобъ и племянница согласилась.... и если я останусь тобою доволенъ, — то буду твоимъ посажоннымъ отцомъ.

Агафонъ. Ахъ, сударь! ввѣкъ буду васъ помнить, сто лѣтъ проживете, все буду помнить, никогда не забуду!

Пѣтулькинъ. Это чувство любезный, возвышаетъ тебя! завяжи башмакъ.

Агафонъ (*наклоняясь*). Пожалуйте, сударь. (*Пѣтулькинъ ставитъ ему ногу на колына*).

Горьльскій (*за кулисами*). Агафонъ!

Агафонъ (*въ-сторону*). Вотъ-то не во-время позвалъ!

Пѣтулькинъ. Тебя кто-то зоветъ?

Агафонъ. Вамъ такъ показалось, сударь.

Горьльскій (*за кулисами*). Агафонъ! (*Агафонъ осканиваетъ и рохнетъ ногу Пѣтулькина*).

Пѣтулькинъ. Ты слышишь, что тебя зовутъ!

Агафонъ. Это Иванъ кричитъ, чтобъ я принесъ платье его барина (*беретъ платье Горьльского, и хочетъ идти*).

Пѣтулькинъ.

№ 3.

Куда же ты?—Онъ положитъ,
Сперва со мной окончи дѣло.

Агафонъ.

Иванъ большой пріятель мнѣ,
Его нельзя заставить ждать.

(*Уходитъ съ платьемъ въ № 6*).

ЯВЛЕНИЕ XII.

ПѢТУЛЬКИНЪ, потомъ МЕНСТРУЙСКАЯ.

Пѣтулькинъ (*потиралъ себѣ руки*). А вѣдь у меня изъ глазъ ничего не ускользнетъ, каковъ! Вотъ хоть и теперь, съ этимъ малымъ—я тотчасъ узналъ, гдѣ раки зимуютъ... Этотъ Афонъ впрочемъ.... препорядочный лѣнтяй. Но у него есть чувства, которыя смягчаютъ мою досаду (*увидъ Менструйскую*). А, племянница! Ну, что скажешь?

Менструйская. Пойдемъ ли мы, наконецъ, сегодня гулять?

Пѣтулькинъ. Я готовъ. Боюсь только, что безъ насъ прилетитъ вдругъ мой молодецъ Зубинскій; потому-что письмо его отъ вчерашняго числа... Впрочемъ, пойдемъ пожалуй, если ты такъ торопишься.

Менструйская. Если хотите знать—я именно оттого и тороплюсь, чтобъ не засталъ насъ Зубинскій, который, впрочемъ, я увѣрена, не скоро разстанется со своими утками.

Пѣтулькинъ. Ты къ нему несправедлива, и нападаешь на него.

Менструйская. Я этого отъ васъ не скрываю. Поступокъ его неучтивъ, непростителенъ! Горьльскій никогда бы этого не сдѣлалъ.

Пѣтулькинъ. Опять Горьльскій! Ты обѣщала не произносить болѣе этой фамиліи.

Менструйская. Будьте, дялюшка, спокойны!.. Я сама никогда не въ состояніи измѣнить, за то и никогда другому не прошу измѣны. Если бъ кто меня истинно любилъ, и еслибъ я успѣла увѣриться въ этой любви—никакая сила не заставила бы меня покинуть его. Но человекъ, которымъ я обманута—не долженъ ждать отъ меня ничего, кромѣ презрѣнія. Я отказалась отъ Горьльскаго навсегда, и въ доказательство тому — отдала вамъ всѣ его письма.

Пѣтулькинъ. Ну, ты не такъ-то легко съ нами разсталась!... Вчера, отдавая ихъ, вдругъ вздумала опять перечитывать всѣ. (*передразнивалъ*) Ахъ, дялюшка! дайте еще въ послѣдній разъ

прочсть ихъ. Больше ужъ я никогда не стану читать ихъ, и не увижу никогда!

Менструйская. Мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ полюбоваться его поэтическимъ слогомъ. Онъ такъ краснорѣчиво говорить о любви!

Пятулькинь. Къ счастью они попались въ мои карманы! Вотъ они *(бьетъ себя по карману)*. И я уже давно осудилъ ихъ на истребленіе... всепожирающимъ пламенемъ.

Менструйская. Вы хотите сжечь ихъ!

Пятулькинь. Въ огонь тотчасъ же! А то попадутся еще Зубинскому въ-руки... *(ищетъ бумажникъ въ карманахъ)*.

Менструйская. Зачѣмъ же жечь ихъ? Все равно спрячьте ихъ подальше.

Пятулькинь. Гдѣ же мой бумажникъ?... кажется.... онъ былъ въ этомъ сюртукѣ... *(вынимаетъ медаліонъ)*. Это что? какой то медальонъ.... портретъ!

Менструйская. Покажите.... *(посмотрѣвъ)*. Мой!..

Пятулькинь. Дѣйствительно, твой!

Менструйская. Тотъ, что снялъ съ меня самъ Горьльскій, съ тѣмъ, чтобы носить всегда на сердцѣ.

Пятулькинь. А я нашелъ его въ моемъ карманѣ!

Менструйская. Что это значитъ?

Пятулькинь. Это шуточки новаго слуги нашего, любезнѣйшаго Афона. Вотъ онъ самъ, кстати. Поди-ка сюда!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и АГАФОНЪ.

Агафонъ. Что прикажете, сударь? Вы, кажется, не такъ зло-ровы-сь.

Пятулькинь. Что это значитъ? А? откуда этотъ медальонъ?

Агафонъ *(съ удивленіемъ смотритъ на медальонъ)*. Тутъ портретъ-сь.

Пятулькинь. И куда ты дѣвалъ мой бумажникъ? Онъ былъ у меня здѣсь въ карманѣ; вмѣсто его очутилась вотъ эта чужая круглая принадлежность!

Агафонъ *(въ сторону)*. Я перемѣшалъ! Точно, не ремѣшалъ! Пятулькинь. Будешь ли ты отвѣчать? Я шутить не люблю! Агафонъ. Виновать, сударь.... Я какъ-то невзначай сунулъ къ вамъ въ карманъ.... Потому-что, когда торопишься — такъ часто случается, что совсѣмъ не туда попадешь.... но это не ваша вещь... сударь! Ей-Богу, не наша-сь.

Пятулькинь. Я очень хорошо вижу, что не моя, да чья же? Агафонъ. Чья-сь?

Пятулькинь. Да, кажется, я тебя русскимъ языкомъ спрашиваю: кому она принадлежитъ?

Агафонъ *(съ удивленіемъ)*. Кому она принадлежитъ? Вы изволите спрашивать, кому этотъ портретъ принадлежитъ?... Это мой-сь.

Пятулькинь. Твой!

Менструйская. Этотъ медальонъ?

Агафонъ. Да-сь; я вамъ все расскажу. Мнѣ подарилъ его баринъ, у котораго я прежде служилъ....

Менструйская. Онъ тебѣ его подарилъ!

Агафонъ. Да-сь, сударыня!

Пятулькинь *(Менструйской съ улыбкой)*. Это должно быть очень лестно для оригинала.

Агафонъ. Онъ заставлялъ меня нѣсколько разъ божиться, что я никому его, и ни за что не отдамъ. Прехорошенькій портретъ-сь! Онъ самъ часто это говорилъ. А ужъ онъ въ этомъ дѣлѣ былъ знатокъ, самъ художникъ; срисовывалъ чудесно разные виды, очень похожіе-сь! Я бывало самъ смотрѣлъ-сь и удивлялся.

Менструйская *(тихо)*. Нѣтъ сомнѣнія... это Горьльскій!..

Агафонъ. Вы, сударь, будете такъ добры, и отдадите мнѣ портретъ.... онъ для меня очень дорогъ!

Пятулькинь. Хорошо, будь спокоенъ. Мы послѣ сквитаемся.

Агафонъ. О, нѣтъ, сударь! Я не могу съ нимъ разстаться. Это память-сь.

Менструйская. Какъ, память!

Агафонъ. Да-сь, онъ оставилъ мнѣ его на память.

Пятулькинь. Твой баринъ оставилъ тебѣ на память этотъ медальонъ?

Агафонъ *(плачетъ)*. Да-сь! Его уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ! Онъ умеръ!..

Пятулькинь. Правду ли ты говоришь?

Менструйская. Умерь! возможно ли! Боже мой!.. Давно ли?.. Агафонъ. Позвольте, сударыня... Вотъ такъ... такъ... око-ло...

Менструйская. Пяти, или шести мѣсяцовъ?..

Агафонъ. Да-съ... этому есть пять, или шесть мѣсяцовъ.

Менструйская (*въ сторону*). Шесть мѣсяцовъ—съ тѣхъ поръ, какъ я прекратила съ нимъ сношенія! Бѣдный Serge! И я... несчастная! причиной его смерти...

Пятюлькинъ (*тихо*). Я наконецъ начисто отдѣлался отъ этого Горьльскаго!

Менструйская. Умереть такъ рано, въ такихъ лѣтахъ! (*про-ко*). И по какому случаю?... Ты незнаешь причину его смерти?

Агафонъ. Нѣтъ, сударыня, никто этого хорошенько не зналъ. Тутъ было что-то такое... особенное...

Менструйская. Отъ печали, можетъ-быть...

Агафонъ. Да-съ, не то печаль, не то Богъ вѣсть что...

Менструйская. Но въ его года, какая печаль могла такъ силь-но подѣйствовать на него?..

Агафонъ (*въ сторону*). Охъ, ужъ эти бабы, какъ онѣ любо-пытны!

Менструйская. Развѣ, отъ любви? можетъ... быть онъ былъ обманутъ?

Агафонъ. Да-съ, должно-быть, что отъ любви. Онъ мнѣ ска-залъ однажды... я это такъ хорошо помню, какъ-будто это бы-ло сейчасъ. Женщина, говорить, которую я люблю больше все-го на свѣтѣ, которую, говорить, я... ну, просто, то есть, обожаю,—не хочетъ говорить, совсѣмъ... видѣть меня.

Пятюлькинъ (*тихо*). Да молчи ты, болтунъ!

Агафонъ (*не слушая его*). О, говорить, Агаша! я умру непре-мѣнно отъ этого! Онъ мнѣ всегда говорилъ: Агаша; добрый былъ баринъ.

Пятюлькинъ (*тихо*). Зажмешь ли ты свою глотку!

Агафонъ (*плачетъ*). Не могу безъ слезъ объ этомъ вспо-минать-съ, ужъ у меня такое сердце!

Менструйская. О, Боже мой! если это правда!.. И я тому причиной!..

Пятюлькинъ. Ну, племянница, значить съ этой стороны все кончено. Этотъ человѣкъ... это общій законъ... Онъ умеръ—

это тоже очень натурально. Мы... почти всё умремъ; слѣдо-вательно, что изъ этого выходить? Нужно угѣшиться!..

Менструйская. О, нѣтъ, никогда!

Пятюлькинъ. Ты забудешь все въ объятіяхъ гименея, т. е. брака.

Менструйская. Могу ли я теперь думать о замужствѣ!

Пятюлькинъ. Очень можешь. А теперь пока пойдемъ гулять. Это разсѣетъ тебя.

Менструйская. Нѣтъ, я не пойду никуда; я уйду въ свою комнату; мнѣ нужно быть одной.

(*садится и закрываетъ лицо платкомъ*)

Пятюлькинъ. Какъ хочешь; пожалуй, останемся. (*Агафону*). Сыщи мой бумажникъ.

Агафонъ. Онъ гдѣ-нибудь тутъ-съ. А портретъ, сударь?

Пятюлькинъ. Я его покупаю.

Агафонъ (*въ сторону*). Вотъ тебѣ на!

Пятюлькинъ. Двадцать талеровъ отдамъ послѣ.

Агафонъ. Ахъ, сударь! Никогда бы я не сдѣлалъ этого грѣ-ха! Но ужъ для васъ... (*въ сторону*). Ну что ты будешь дѣ-лать? попуталъ окаянный!.. (*Пятюлькинъ и Менструйская ухо-дятъ*.)

ЯВЛЕНИЕ XIV.

АГАФОНЪ, потомъ ГОРЬЛЬСКІЙ.

Агафонъ. Отъ этого отдѣлался! А какъ быть съ тѣмъ со-коломъ?... Это его портретъ... А иначе нельзя было сдѣлать. Теперь, какъ достать бумажникъ?... Если мой еще не назо-лу у себя въ карманѣ, такъ хорошо; можно справиться. А если назо-лу?...

Горьльскій (*выходитъ встревоженный*). Агафонъ!

Агафонъ (*въ сторону*). О, назо-лу! бѣда!

Горьльскій. Откуда взялся этотъ бумажникъ въ моемъ кар-манѣ, вмѣсто медальона? Отвѣчай! что это значить?

Агафонъ. Этотъ бумажникъ?... Ахъ, сударь! Я искалъ его вездѣ; не могъ придумать, куда бы дѣвался мой бумажникъ? Куда это я запряталъ мой бумажникъ?

Горьльскій. Твой бумажникъ! Онъ твой?

Агафонъ. Да-съ, мой-съ (*въ-сторону*). Ужъ это меня разъ вывезло.

Горьльскій. И ты знаешь, что въ немъ находится?

Агафонъ. Ничего особеннаго!... Можетъ-статься... нѣсколько записокъ къ какой-нибудь Катвнкѣ, или Машенькѣ; это, изволите видѣть-съ, досталось мнѣ отъ барина, у котораго я былъ въ услуженіи.

Горьльскій. Отъ барина? отъ мужчины достались тебѣ эти письма?... увѣренъ ли ты въ томъ?

Агафонъ. Господи, Боже мой! Какъ же не увѣренъ!

Горьльскій (*тихо*). Мои письма въ рукахъ мужичины... жертва моему сопернику! О, теперь я понимаю причину нашего разрыва! (*громко*). Скажи, какъ зовутъ этого господина?

Агафонъ. Какъ его зовутъ? Вотъ ужъ этого, сударь, я никакъ не могу хорошенько припомнить; такая странная басурманская фамилія!

Горьльскій. Я это вѣрно узнаю въ бумажникѣ (*вынимаетъ письмо изъ бумажника*). Вотъ распечатанное письмо... съ адресомъ: «Пѣтулькину... помѣщику...» Ты говоришь, что у него фамилія не русская?

Агафонъ. Помилуйте-съ, будто нѣтъ Нѣмцовъ и Французовъ, которые бы назывались Пѣтулковыми, или какъ тамъ стоятъ; вѣдь у нихъ всякіе есть.

Горьльскій. Гдѣ же ты его оставилъ? Гдѣ онъ теперь? Въ Петербургѣ? въ Москвѣ? въ Польшѣ?

Агафонъ. Нѣтъ, сударь...

Горьльскій. Да вѣдь гдѣ-нибудь да долженъ же онъ жить!

Агафонъ. Точно такъ-съ. Только этотъ бѣдняжка, ужъ не станеть раздѣзжать больше-съ.

Горьльскій. Какъ такъ?

Агафонъ (*плачетъ*). Онъ умеръ!

Горьльскій. Умеръ!

Агафонъ. Вдругъ-съ! по этой то причинѣ отчасти я и отошелъ отъ него.

Горьльскій. Умеръ!... О, иначе онъ нигдѣ нескрылся бы отъ моего мщенія! (*садится къ столу*).

Агафонъ (*въ-сторону*). Что ему такое сдѣлалъ это бѣдняга Пѣтульковъ?

ЯВЛЕНИЕ XV.

Тѣже, и КАТЯ.

Катя (*выходитъ изъ № 4*). Ей, Фоя!

Агафонъ. А, Катя! (*идетъ къ ней*).

Катя. Всегда нужно бѣгать за тобой.... На, отнеси письмо....

Агафонъ (*тихо*). Тс.... тпше.... сейчасъ.

Катя. Отъ барыни въ русскую гостиницу; тотчасъ же!

Агафонъ. Погоди немного; теперь я разговариваю.

Катя. Съ кѣмъ?

Агафонъ. Съ землякомъ.

Катя. Онъ что-то слишкомъ хорошо одѣтъ.

Агафонъ. Еще бы!... Это.... поваръ.

Горьльскій (*выходитъ изъ задумчивости и встаетъ*). Что тутъ такое?

Агафонъ (*подбѣгалъ къ нему*). Ничего-съ; это Катя.... вы изволите знать.... моя пріятельница, о которой я сегодня утромъ вамъ сказывалъ....

Горьльскій. Она уже здѣсь?

Агафонъ. Да сударь! Она тоже здѣсь съ господами.

Горьльскій (*беретъ Катю за подбородокъ*). У тебя, вкусъ не дурень.

Катя. Вишь-ты, поваръ-то! туда же!

Агафонъ (*встаетъ между ними, оттолкнувъ Катю*). Она, сударь, иногда заговаривается; какъ вы думаете, она изволила прійти сюда за тѣмъ только, чтобъ я непременно ушелъ съ ней отсюда; я и говорю ей: если баринъ, говорю, позволить, такъ....

Горьльскій. Ступай куда хочешь; мнѣ все равно!

Агафонъ. Покорно благодарю-съ. (*уходитъ съ Катей*).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

ГОРЬЛЬСКИЙ, потомъ ПЬТУЛЬКИНЪ.

Горьльскій. Забыть меня для какого-нибудь Пѣтулькина!.. Отдать ему мои письма!... (разсматриваетъ ихъ). Всѣ тутъ! Она не оставила себѣ ни одного... (продолжаетъ ихъ разсматривать.)

Пѣтулькинъ (съ шляпою и палкою въ рукѣ). Чортъ знаетъ, куда дѣвался мой бумажникъ! Навѣлъ же я плута! (увидя Горьльскаго). А! тотъ самый, что былъ здѣсь давеча. Зачѣмъ онъ сюда жалуетъ? Ба! Если глаза мои вѣрно мнѣ служатъ... у него мой бумажникъ! Вѣрно онъ нашелъ его здѣсь гдѣ-нибудь.... читаетъ.... должно быть Русскій.... Милостивый государь!

Горьльскій. Къ вашимъ услугамъ.

Пѣтулькинъ. Извините, что я васъ беспокою. Я не хочу васъ заставлять ломать себѣ напрасно голову: это я имѣлъ неосторожность потерять.

Горьльскій. Вы потеряли? позвольте узнать что?

Пѣтулькинъ. Я думалъ, что ихъ потерялъ, и потому полагалъ, что они совершенно потеряны, но счастливый случай открылъ мнѣ....

Горьльскій. Однакожъ, сударь, что вамъ отъ меня угодно?

Пѣтулькинъ. Очень ясно что! (указываетъ на бумажникъ), вотъ что!

Горьльскій. Это вашъ бумажникъ? Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю я честь говорить?

Пѣтулькинъ. Съ русскимъ помѣщикомъ, а теперь путешественникомъ, Егоромъ Ивановичемъ Пѣтулкинымъ.

Горьльскій. Пѣтулькинъ! Вы Пѣтулькинъ!

Пѣтулькинъ. Да-съ, я Пѣтулькинъ! Тутъ рѣшительно ничего нѣтъ удивительнаго.

Горьльскій. И вы еще живы!

Пѣтулькинъ. Живъ ли я? Еслибъ былъ мертвъ, то ручаюсь головой, не потребовалъ бы теперь у васъ моего бумажника, а я,

кажется, очень ощутительно и положительно прошу васъ возвратить мнѣ его, какъ мою законную принадлежность.

Горьльскій. Позвольте, милостивый государь, тутъ есть письмо, на счетъ которыхъ намъ нужно объясниться.... Вы понимаете?... (показываетъ ему свою визитную карточку).

Пѣтулькинъ (посмотрѣвъ на нее). Вы Горьльскій! Сергѣй Сергѣевичъ Горьльскій?

Горьльскій. Да, я Горьльскій.

Пѣтулькинъ. И вы не умирали?

Горьльскій. Милостивый государь, эта шутка здѣсь совсѣмъ некстати; позвольте васъ спросить, отъ кого вы получили эти письма?... Я не иначе полагаю, какъ отъ Александры Гавриловны Менструйской?

Пѣтулькинъ. Молодой человѣкъ! Эта дама вступаетъ теперь въ законный бракъ, а потому я не совѣтую вамъ ее больше беспокоить, также какъ и мою особу.

Горьльскій. Нѣтъ, сударь, вы не такъ легко отъ меня отдѣляетесь. Это ваши интриги и проски разлучили насъ. Вы отравили мою жизнь, лишили меня лучшихъ моихъ надеждъ!... И вы мнѣ за все дадите отвѣтъ!

Пѣтулькинъ. Милостивый государь, если бы я могъ выразить то, что чувствую....

Горьльскій. (хватаетъ его за руку.) Знаете ли, что мнѣ слѣдовало бы съ вами сдѣлать?

Пѣтулькинъ. Я вамъ, сударь, заранѣе говорю, что я ненавижу бѣшеныхъ людей.

Горьльскій. (съ презрѣніемъ.) Вы глупецъ, и больше ничего...

Пѣтулькинъ. Знаете ли что, милостивый государь, я могу васъ самъ такъ обругать, что.... не хуже вашего...

Горьльскій. Поберегитесь! Я не слишкомъ терпѣливъ.

Пѣтулькинъ. Такъ неужели вы думаете, что я созданъ изъ тѣста?

Горьльскій. Берегитесь, говорю я вамъ. Я могу забыть ваши лѣта!

Пѣтулькинъ. Я васъ нисколько не обязываю ихъ помнить.

Горьльскій. Такъ вы принимаете мой вызовъ?

Пятюлькинь. Все, что вамъ угодно.

Горьльскій. Довольно, я иду за пистолетами.

(Пятюлькинь въ смущеніи; Горьльскій уходитъ въ средніа двери, взявъ шпату.)

ЯВЛЕНІЕ ХУІІ.

ПЯТЮЛКИНЪ и АГАФОНЪ.

Пятюлькинь. Онъ думаетъ, что я буду съ нимъ драться! Какъ же! Я обругалъ его—и будетъ съ меня. Если для него этого мало—ему же хуже... А я отправлюсь себѣ во свояси.

Агафонъ *(вбѣгал.)* Вотъ я, сударь, и воротился; отнесъ писемъ; ужъ я, сударь, бѣжалъ, бѣжалъ, даже дыханье захватывало.

Пятюлькинь. А. это ты агунъ бездушный! подя-ка сюда.

Агафонъ. Вы, сударь, ужасно какъ... красны. Вѣрно кто-нибудь разсердилъ васъ. Ужъ это такой народъ здѣсь!

Пятюлькинь. Миѣ слѣдовало бы препорочно побранить тебя. Что ты за сказку миѣ рассказалъ о Горьльскомъ?—Говорилъ, что онъ умеръ—между тѣмъ какъ онъ прездоровехонекъ.

Агафонъ. Какъ, онъ еще не умеръ!.. *(Представляется удивленнымъ.)*

Пятюлькинь. Я сейчасъ съ нимъ говорилъ.

Агафонъ. Что жъ дѣлать, сударь; нынче ничему нельзя вѣрить, ужъ такой свѣтъ сталъ! Прежде, бывало, кто умиралъ, такъ ужъ и кончено; а теперь... рѣшительно нельзя ни на что полагаться.

Пятюлькинь. Несмѣй представляться дуракомъ! Я подозреваю тебя въ связи съ этимъ сорванцомъ.

Агафонъ. Меня-съ? съ нимъ?

Пятюлькинь. Онъ вздумалъ уничтожить мою особу.

Агафонъ. Не ужели-съ вашу особу?

Пятюлькинь. Онъ всячески старался оскорбить и вызвать меня.

Агафонъ. О, если бѣ да я былъ тутъ!... Счастіе, что меня тутъ не было.

Пятюлькинь. У насъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ дуэль.

Агафонъ. Дуэль! Драться, стрѣляться! и вы пойдете, сударь?

Пятюлькинь. Слушай, Агафонъ! Этотъ бѣшенный придетъ сюда минутъ черезъ десять... Я уполномочиваю тебя сказать ему, чтобъ нога его не была на моемъ порогѣ.

Агафонъ. Позвольте, сударь, позвольте!

Пятюлькинь. Я даю тебѣ на это полную власть, понимаешь? Впрочемъ это для его же пользы. На дуэли я могъ бы оставить его объ одной ногѣ, или вовсе вычеркнуть изъ числа смертныхъ. Въ слѣдъ за тѣмъ мы тотчасъ же уѣдемъ, и ты съ нами.

Агафонъ. Чортъ возьми, сударь! Это что называется, очень деликатное обхожденіе.

Пятюлькинь. Очень деликатно съ моей стороны! Я это чувствую; но я не желаю ему смерти.

Агафонъ *(тихо.)* Какъ бы это такъ спроворить, чтобъ денегъ подобрать—и никого не разгнѣвить?

Пятюлькинь. Я буду стоять тутъ... въ моей комнатѣ.

Агафонъ. Только смотрите, сударь! не извольте показываться. *(Пятюлькинь уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ХУІІІ.

Агафонъ *(одинъ)*. Вотъ оно что!... къ счастью, баринъ куда-то вышелъ, и я сыграю надъ этимъ штуку *(подходитъ тихонько къ двери № 4 и смотритъ въ замочную скважину.)* Вонъ онъ тамъ у другихъ дверей слушаетъ. Трусить ближе подойти. Постой голубчикъ! *(становится у правой двери и кричитъ.)* Нельзя, сударь! не принимаетъ. Что вамъ угодно? *(отойдеши нѣсколько отъ двери, подражая голосу Горьльскаго.)* «Егоръ Ивановичъ Пятюльковъ, вѣрно, у себя?» Очень можетъ статься, что у себя; да вамъ-то къ нему войти нельзя! «А кто миѣ помѣшаетъ?» Я, сударь, я, его слуга—его вѣр-

ный слуга! «Я насильно войду; мнѣ очень нужно!» А я говорю вамъ, что вы не войдете! «А! вотъ что! вѣрно твой баринъ изволилъ прятать носъ за этой дверью?» Это не ваше дѣло! носъ у него собственный свой, онъ можетъ его прятать куда хочетъ, а вамъ до того дѣла пѣтъ! «Такъ скажи ему, что, что онъ старая, гнилая корга, мокрая курица!...» Вы сами мокрая курица! «Смотри ты у меня, мерзкій лакейшка! *(Во всю эту сцену, произнося слова Горьльскаго, онъ отодвигается нѣсколько отъ двери № 4, оборачивается къ ней лицомъ, и подражаетъ его голосу, а потомъ опять становится лицомъ къ двери.)*

ЯВЛЕНИЕ XIX.

АГАФОНЪ и ПѢТУЛЬКИНЪ.

ПѢТУЛЬКИНЪ. Что ты сдѣлалъ?

Агафонъ. Выпроводилъ его отсюда на вѣки.

ПѢТУЛЬКИНЪ. Я уѣзжаю, и послалъ уже Катю за каретой.

(Услыша, что кто-то идетъ, Агафонъ прячется въ уголъ комнаты.)

Агафонъ. Вотъ и другой! Ну, пропалъ я совсѣмъ *(прячется за шпатель, висящую въ углу, на вѣшалкѣ.)*

ПѢТУЛЬКИНЪ. Потому-что, если этотъ молодой человекъ вздумаетъ мнѣ опять хлопотъ надѣлать....

ЯВЛЕНИЕ XX.

ТѢ же и ГОРЬЛЬСКИЙ.

(Горьльскій входитъ и становится на то мѣсто, гдѣ стоялъ Агафонъ.)

ПѢТУЛЬКИНЪ. *(Увидя Горьльскаго.)* Боже мой! опять онъ! *(хочетъ уйти.)*

Горьльскій. *(останавливая его.)* На одну минуту, сударь мой! Мнѣ нужно съ вами поговорить.

ПѢТУЛЬКИНЪ. Я тутъ совершенно ни въ чемъ не виноватъ!

Горьльскій. Позвольте....

ПѢТУЛЬКИНЪ. Клянусь честью! Я нисколько тутъ не участвовалъ....

Горьльскій. Но послѣ такой смѣшной сцены, вы не уѣдете не принявъ отъ меня...

ПѢТУЛЬКИНЪ. Покорнѣйшій слуга!..

Горьльскій. Не принявъ отъ меня извиненія *(въ продолженіе этой сцены, ПѢТУЛЬКИНЪ все старается уйти, а Горьльскій его удерживаетъ.)*

ПѢТУЛЬКИНЪ, *(останавливаясь.)* Извиненія!

Горьльскій *(смѣясь.)* И я бы до сихъ поръ былъ въ заблужденіи, безъ друга моего Зубинскаго.

ПѢТУЛЬКИНЪ. Зубинскаго!... вашего друга!...

Горьльскій Да, я сейчасъ отъ него.

ПѢТУЛЬКИНЪ *(смотритъ ему на ногу.)* Вы сейчасъ отъ него? пѣшкомъ?

Горьльскій. Я побѣжалъ къ нему за пистолетами для нашего дуэля.

ПѢТУЛЬКИНЪ. Пѣшкомъ! *(въ сторону.)* Такъ значитъ онъ не былъ здѣсь!

Горьльскій. Отъ него я все узналъ... что вы его бывшій наставникъ и опекунъ, что всё, случившееся между нами, было только недоразумѣніе, что наконецъ, ваша племянница здѣсь, съ вами, и что я еще могу получить...

ПѢТУЛЬКИНЪ. Что, сударь, получить, что?

Горьльскій. Руку ея, если вы на то согласитесь...

ПѢТУЛЬКИНЪ. Никогда, сударь, никогда! Я старая, гнилая корга! Мокрая курица! Такъ никогда же!

Агафонъ, *(за вѣшалкой.)* Вишь, старыи! не бойсь всё слышалъ за дверью!

Горьльскій. Но послушайте... Егоръ Ивановичъ....

ПѢТУЛЬКИНЪ. Извольте убираться, милостивый государь, я васъ знать не хочу!

ЯВЛЕНИЕ XXI.

ТѢ же и МЕНСТРУЙСКАЯ.

Менструйская. Боже мой! что тут такое?

Пѣтулькинъ, (*поспѣшно.*) Поди прочь, ты здѣсь совершенно лишняя!Менструйская, (*увидя Горьльскаго.*) Боже мой, Горьльскій!.. это вы?.. вы живы... и здѣсь!...

Горьльскій. Да, Александра Гавриловна, и чтобы больше не разлучаться. Я невиненъ, меня оклеветали. Я никогда не переставалъ любить васъ, и знаю, что все еще любимъ вами. Придите теперь ко мнѣ на-помощь; помогите смягчить вашего дядю, скажите ему, что вы еще любите меня—и я буду счастливъ.

Менструйская. Дядюшка, теперь.... вы видите....

Пѣтулькинъ. Неправда! Она васъ презираетъ, ненавидитъ! Вы надѣлали глупостей!

Горьльскій. Которыя, я надѣюсь, она уже простила?

Пѣтулькинъ. И притомъ, ея сношеніе съ Зубинскимъ....

Горьльскій. Онъ отъ всего отказывается.

вмѣстѣ.	}	Пѣтулькинъ. Онъ отказывается!
		Менструйская. Моя правда, дядюшка.

Горьльскій, (*вынимаетъ изъ кармана письмо.*) Онъ иначе и не могъ поступить послѣ письма, которое получилъ отъ Александры Гавриловны.

Менструйская. Вы и это знаете?

Агафонъ, (*изъ-за шинели.*) Это-то самое, что я носилъ.Менструйская, (*Горьльскому.*) Вы его читали? (*показывая письмо Пѣтулькину.*)

Горьльскій. Читайте!... Думаютъ, что я умеръ, жалуютъ обо мнѣ, плачутъ, не хотятъ больше никому принадлежать.... О, теперь я вижу, что смерть бываетъ иногда очень полезна.

Пѣтулькинъ. Только пускай это кто хочетъ испытываетъ, а я — слуга покорный!

Менструйская. Дядюшка,—вы видите, что тутъ дѣйствуетъ сама судьба.

Пѣтулькинъ. Судьба индѣйка, а Зубинскій колпакъ! вотъ что я вижу.... Впрочемъ.... будьте счастливы, (*соединяя ихъ*) и сватобку лихо отпирuemъ!

ЯВЛЕНИЕ XXII.

ТѢ ЖЕ и КАТЯ.

Катя. Карета, сударь, готова.

Пѣтулькинъ. Ну, кажется, что намъ сегодня ужъ отсюда не уѣхать.

Катя. Ахъ, тѣмъ лучше! Я этому очень рада-съ!

Менструйская. Отчего же это?

Горьльскій. Я, кажется, знаю отъ чего. Мой лакей влюбленъ въ нее по-уши.

Пѣтулькинъ. Это довольно странно! мой человекъ также вмѣетъ на нее кое-какое любовное поползновение; и я взялся ходатайствовать за него.

Катя. Двое влюбленныхъ — вотъ тебѣ на! Какъ же мнѣ съ ними справиться?

Менструйская. Мнѣ кажется, что нужно спросить Катю. Пусть она сама выберетъ.

Катя. Я знаю только одного изъ нихъ и ужъ давно-съ. Впрочемъ, я все-таки.... лучше хотѣла-бы выбрать.

Агафонъ, (*изъ-за шинели.*) Неужели? Вотъ какова она!

Пѣтулькинъ. Стоитъ только позвать обоихъ.

Горьльскій. Такъ позовемъ.

Пѣтулькинъ. Эй, Афонъ!

Агафонъ, (*тоненькимъ голоскомъ*) Сейчасъ!Горьльскій, (*звонитъ*). Агафонъ!Агафонъ, (*басомъ*). Сейчасъ.Пѣтулькинъ. Что за чортъ! Какъ-будто они оба въ этой шинели сидятъ, (*идетъ къ шинели и беретъ за ухо Агафона*). Э-тотъ плутъ вѣчно штуки выкидываетъ. Что ты тутъ дѣлалъ?

Агафонъ. Ай, ай, больно-съ!

Горьльскій, (*беретъ за другое ухо*). Ты нарочно туда залезъ, чтобы насъ подслушивать?

Пѣтулькинъ. Ну, вотъ мой на лицо! Гдѣ же вашъ?

Горьльскій. Мой? Да вотъ онъ!

Всѣ. Онъ!

Горьльскій. Вотъ полгода, какъ я съ нимъ не разставался. Пятюлькинъ. А ко мнѣ онъ вступилъ съ услуженіе сегодня.

Горьльскій. Что все это значить?

Агафонъ, *(становясь на колѣни)*. Винавать-сь! Простите меня, сдѣлайте такую милость—простите! Ужъ я самъ говорилъ себѣ: орѣлъ или рѣшотка, что-нибудь одно.... вмѣстѣ не можетъ быть.... Оно такъ и вышло-сь, а я тутъ ничего худаго не думалъ, готовъ побожиться.

Горьльскій. Встань! Я тебя съ удовольствіемъ прощаю.—Ты, самъ того не зная, устраивалъ мое счастье.

Пятюлькинъ. Какое самъ того не зная! Онъ очень хорошо все зналъ! Онъ хитръе, нежели кажется.... Сунулъ медальонъ въ мой карманъ, да потомъ.... *(ищетъ у себя въ карманѣ)*.

Горьльскій. Ахъ, Боже мой! Медальонъ у васъ? А я въ суматохѣ, найди оригиналъ, чуть не забылъ про его копию. У меня между тѣмъ очутился вашъ бумажникъ, который впрочемъ теперь пора вамъ возвратить, *(ищетъ въ карманъ)*. Но только письма, вѣрно, у васъ назадъ возьмутъ.

Менструйская. Разумѣется. Они мнѣ теперь еще дороже.

Пятюлькинъ. Куда же я дѣвалъ опять медальонъ? *(Вынимая изъ кармана кисетъ)*. Это что такое? Кисетъ табачный.

Горьльскій, *(вытаскиваетъ у себя ночной колпакъ)*. Вотъ тебѣ разъ. Ночной колпакъ! Вѣрно тоже вашъ! И это все Агафоновы штуки.

Пятюлькинъ, *(находитъ въ другомъ карманѣ медальонъ)*. А вотъ и медальонъ!

Горьльскій, *(находитъ бумажникъ)*. А вотъ и бумажникъ. *(даетъ ему колпакъ и бумажникъ)*.

Пятюлькинъ, *(даетъ ему медальонъ и кисетъ)*. А вотъ вамъ ваше.

Агафонъ. А мнѣ-то что-сь? Мнѣ, вѣрно, ничего неостанется?

Пятюлькинъ, *(подводя къ нему Катю)*. Агафонъ! Даю тебѣ разрѣшеніе на женитьбу, и поздравляю съ такой прекрасной женой какъ Катя.

Агафонъ. Вѣкъ, сударь, за васъ буду Бога молить.

(Палуетъ руку у Кати, и представляетъ будущую супругу свою публикѣ).

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.

I.

— Антонъ Ивановичъ! а Антонъ Ивановичъ! куды это нынче поѣхалъ вашъ баринъ? говорила молодецкая, быстро-глазая дѣвушка, выглядывая въ полуотворенную дверь квартиры Павла Александровича Валова.

— А на-что вамъ, любопытныя вы едакія Даша, отвѣчалъ занимавшійся чисткою сапога человекъ, наружности солидной, лѣтъ сорока пяти, роста средняго, съ лицомъ бѣлымъ, носомъ и ртомъ обыкновенными, волосами и бровями русыми, глазами сѣрыми, особенныхъ примѣтъ неимѣющихъ.

— Ахъ, какіе вы странные! ужъ и спросить-то ничего нельзя у васъ; да я его встрѣтила, когда нашихъ усаживала. Богу молиться уехали къ Сергію всей семейкой.

— А усачь-то вашъ съ ними, Дарья Пантелѣвна! лукаво спросилъ человекъ, прищуриваясь однимъ глазомъ.

— Всѣхъ забрали, отвѣчала Даша. Дома только Ольга Андревна, да я....

— Такъ взойдите-жъ, хорошенькія вы едакія! Ольга то Андревна спитъ всегда, а вы и отвѣтъ мой узнаете, и себя

не простудите.... Погода-то ишь ты какая! а вы въ свняхъ въ одномъ платьицѣ стоите, долго ли простудитесь? Охъ, весна то здышная—хоть бы и совсѣмъ ее не было!...

Даша едакая, Дарья Пантелъевна тожь, не заставляла долго просить себя, ей самой хотѣлось побывать въ сосѣдской квартирѣ; Антонъ Ивановичъ,—встрѣчавшійся съ нею безпрестанно, по той же самой причинѣ, по какой Пирамъ и Тизбе полюбили другъ друга, то-есть по причинѣ близкаго сосѣдства,—то на лѣстницѣ,—то въ лавочкѣ, много говорилъ о богатомъ убранствѣ комнатъ барина. И вотъ она живо скрынула дверь, шорхнула платьемъ и очутилась предъ Антономъ Ивановичемъ, ударила его по рукъ и сказала тономъ оскорбленнаго самолюбія:

— Неучтивецъ вы!... передъ женскимъ поломъ сапоги продолжаете чистить....

— Да не успѣлъ я еще и оставить-то ихъ, а ужъ вы тутъ какъ тутъ. Ишь притки-то вы больно, Дарья Пантелъевна....

Но эта выходка осталась неотплаченною; Дашѣ нужно было замучить благорасположеніе Антона Ивановича, мимо котораго нельзя было попасть въ заманчивыя комнаты Валова; боясь невыдержать долго, она пошла прямо къ цѣли.

— Чтѣ-жь вы не покажете мнѣ комнату барина? Я вѣдь и зашла-то только посмотреть ихъ....

— Коли только за тѣмъ и пришли, такъ извольте доволествоваться, отвѣчалъ Антонъ Ивановичъ, съ пріятной улыбкой отворяя дверь.

— А у васъ безъ барина на ключъ не запираютъ двери? спросила Даша, входя въ комнату.

— Нѣтъ, Павелъ Александровичъ объ этомъ не приказывалъ.

— Ахъ, какъ хорошо! вскричала Даша, очутившись въ кабинетъ Валова.

Женское врожденное чувство изліцнаго подшенило ей это восклицаніе,—да и не одна Дарья Пантелъевна вскрикнула бы отъ удовольствія, увидѣвъ убранство квартиры, показывавшей въ ея хозяйцѣ человека достаточнаго, и свидѣтельствовавшей въ пользу художническаго такта его. Каждый

стулъ, каждая бездѣлушка имѣла тамъ свою идею и, казалось, не разрушая гармоніи цѣлаго, нельзя было бы разстановить этихъ вещей иначе. Пунсовые, шелковые занавѣсы на двухъ окнахъ, кокетливо приподнятыя бронзовыми скобками, смягчали рѣзкіе лучи свѣта и сообщали розовый, пріятный оттѣнокъ всѣмъ предметамъ. Нѣсколько затѣйливыхъ горшковъ съ цвѣтами, бросались въ глаза яркою, раннею своею зеленью. Изъ угловъ выглядывали насмѣшливый Сатиръ и задумчивый Хроносъ. Совершеннѣйшее одицетвореніе горячей мечты художника, сладострастная Венера, красовалась дивною законченностью формъ своихъ и ослѣпительной близкою. Нѣсколько мягкихъ дивановъ, шкафъ съ книгами, письменный столъ съ разными бездѣлушками, нѣсколько картинъ и портретовъ, коверъ съ изліцнымъ рисункомъ и каминъ—все сообщало комнатѣ характеръ спокойный и веселый, все показывало, что хозяйцѣ хочется, чтобы ему было удобно, а не старается пустить пыль въ глаза посѣтителемъ мишурнымъ великолѣпіемъ безвкусіа.

Другая комната, служившая Павлу Александровичу залю, вся дышала необыкновенною легкостію. Бѣлые, глянцевитые обои стѣнъ окаймлялись узорчатымъ кружевомъ граціозныхъ стульевъ орѣховаго дерева; кисейные, прозрачные занавѣсы, на большихъ свѣтлыхъ окнахъ и портьеры; бесѣдка съ плющемъ и превосходный флигель Дихтенталя, составляли все убранство залы.

Дарья Пантелъевна съ непритворнымъ восхищеніемъ перелѣзала отъ одной вещи къ другой, разсматривала со всѣхъ сторонъ, закидывала Антона Ивановича вопросами; ее, привезенную изъ деревни помѣщицею Ярыгиною, сосѣдкою Валова, и въ теченіи пяти лѣтъ почти никогда невыходившую изъ господской квартиры, походившей на мебельную лавку, поразила простота и изящность обиталища, недавно перелѣзавшаго сосѣда. Антонъ Ивановичъ наслаждался молча смущеніемъ и удивленіемъ дѣлушки, вѣроятно полагая, что *очень-прекрасное* убранство барскихъ комнатъ придаетъ и его особѣ нѣсколько личнаго достоинства.

— А скажите, очень богатъ баринъ вашъ?

— Не то, чтобы очень, а таки имевть... мы и оброку почти не беремъ, и жалованья не много получаемъ, а живемъ, благодаря Господа, какъ видите.

— Отчего-же къ барину никто не ходить?

— А будто не знаете.... сказала Антонъ и посмотрѣвъ на Дашу такъ выразительно, что она невольно вспомнила что-то очень смѣшное....

— Да, да, правда, вотъ какъ судьба-то распределяетъ дары свои; все даетъ, и умъ-то, и добродѣтель, и богатства... такъ вотъ, не забывайся человекъ!... изъянецъ какой-нибудь и прицѣпить....

— А будто ужъ и никто не ходить, продолжалъ послѣ нѣкотораго молчанія Антонъ; а ходить два раза въ недѣлю Аллеръ, настройщикъ изъ Нѣмцовъ, да почти каждый день ходилъ Ланитскій; вотъ теперь, такъ ужъ и онъ-то не будетъ ходить.

— Отчего-же?

Антонъ Ивановичъ нѣсколько минутъ не отвѣчалъ, потому-ли что его поставилъ въ тупикъ вопросъ Даши, оттого ли что не разсмѣшалъ вопроса или отъ чего нибудь другаго; только онъ съ минутою промолчалъ.

— Да оттого же не будетъ ходить, что кого же провожать похалъ Павелъ Александровичъ, какъ не его?... домой, въ губернію уѣзжаетъ сегодня Дмитрій Платоновичъ... ужъ какъ же и уговаривалъ его вчера баринъ не вѣхать! Цѣлый часъ бился. Не уѣзжай, говоритъ, Митя, ей Богу, не уѣзжай, что ты меня оставляешь одного совершенно.... я, говоритъ, вѣдь всѣмъ чужой здѣсь, я говорю, вѣдь уродъ, знаете.... а у самаго слезы на глазахъ такъ и дрожать.... Да и что, говоритъ, тебѣ вѣхать отъ ударовъ какихъ-то! надобно, говоритъ, воевать, да завоевывать.... вотъ, говоритъ, посмотри на меня.... Никто и знать не хочетъ, а я себѣ не унываю.... Пускай я такой, — и все кой-кому нуженъ.... Эхъ! Митя, все перемелется, мука будетъ.... Въ Петербургъ все полечче!... А тотъ все свое: состоянье, говоритъ, разстроилъ.... Такъ бери, говоритъ баринъ, у меня деньги, живи со мной, сквитаешься, только не уѣзжай, голубчикъ ты мой.... И долго потомъ что-то по французски

говорили. Поздо ушелъ Дмитрій Платоновичъ, а сегодня все-таки уѣзжаетъ. Баринъ ходилъ весь вечеръ вчера какъ убитый, и за фортуныяны не садился и въ должность сегодня не пошелъ, а этого съ нами еще никогда не бывало!...

Даша печально покачала головой.

— А впрочемъ, кажись, онъ очень добрый, сказала она.

— И, и.... какъ добръ!... ужъ я его съ пеленокъ знаю... скромнень, тихъ, лишній разъ меня не потревожитъ, самъ и раздѣнется, и одѣнется и все самъ себя сдѣлаетъ, все говорить: пожалуста Антонюшка, или Антонъ.... Утромъ встануть, да въ должность уходить; придуть, принесу имъ обѣдъ; они покушаютъ, трубочку покурятъ, съ полчаса походятъ по комнатѣ, да и сядуть, на фортуныянахъ играть; и играютъ ужъ-то они играютъ!... да такъ жалостно, что иной разъ душу всю готовъ бы выплакать слушая.... иногда сходятъ прогуляться, или читаютъ до ночи. Ты, говоритъ, Антонюшка, спи себѣ, а я посижу. Иной разъ съ настройщикомъ сидитъ и толкуетъ съ нимъ. Ну, не ангельская ли душа? Что ему настройщикъ? Пѣра, что ли? А нѣтъ, вѣдь сидитъ, да и разговариваетъ и руку жметъ ему; а ваша-то барыня сколько разъ зазывала его къ себѣ? Нѣтъ, нейдетъ.—Что мнѣ, говоритъ, въ ней? О чемъ я буду съ нею разговоръ вести?... Тамъ, говоритъ, съдѣять меня и осмѣютъ.... А вѣдь Павелъ Александровичъ дитяю красавцемъ былъ....

— Неужто красавцемъ?...

— Да, какъ же, весь въ отца, давъ матушку, а Александръ Петровичъ былъ изъ себя видный, красивый мужчина. Анна Федоровна не нарадовывалась ребенкомъ... такая была, все хотѣла, чтобы кругомъ ея пышно, да красиво было.... всѣ въ Могилкахъ ласкали, да нѣжили Павла Александровича, да случись у насъ нянюшка Татьяна Ивановна, ночью ребенка изъ колыбельки и повыронила.... ну, известное дѣло, что дитя?... Трудно ли нѣжныя его косточки попортить.... онъ на спинку и упалъ.... да и заплакалъ.... проснулась, испугалась нянюшка Татьяна Ивановна, да что станешь дѣлать?... убаюкивала, убаюкивала, а тутъ какъ нарочно

раньше господя домой вернулись, — матернее-то сердце вѣщуть.... подходить къ колыбелькѣ, хочеть поцаловать, да благословить Пашеньку, а Пашенька знай себѣ вопить, стонеть.... Чтѣ такое? что такое? всполошились, послали въ городъ нарочно за лекаремъ. Взънмо сердце у нянюшки Татьяны Ивановны, стала она просить прошенья и все разсказала... разгнѣвалась, страшно разгнѣвалась Анна Федоровна, даже глаза кровью налились, пожаловались Александру Петровичу.... да чтѣ ужъ тутъ жалоба!... У Павла Александровича, знай себѣ, росъ да росъ горбочекъ.

— Скажите, какія ужастя!

— Это еще не все, горбочекъ-то былъ бы ничего, а на восьмомъ годѣ съдѣлалась у Павла Александровича воспа... прививать-то ее прежде прививали, да вѣрно какъ нибудь на скорую руку.... пролежалъ мѣсяца три въ постели и всю красоту какъ рукой сияло.... а въ болѣзни-то скончался Александръ Петровичъ.... по духовной-то ему отцомъ 500 душъ было оставлено.... такъ мы ужъ и въ *Известителѣ* послѣ десять лѣтъ жили.

Въ это время на лѣстницѣ слышались тяжелые шаги, и сильный голось кликалъ Дашу. Старушка, произведшая этотъ шумъ, была Ольга Андреевна, домоправительница Ярыгиной, спавшая подобно баснословному Ильи Муромцу чуть ли не по двадцати пяти часовъ въ сутки.

— Ну, сказала Даша, — проснулась! и взглянувъ въ замочную скважину, она сбѣжала по лѣстницѣ въ лавочку, взяла тамъ пару яицъ и возвратилась какъ ни въ чемъ не бывало въ дѣвичью. Преданіе не сохранило встрѣчи, которою привѣтствовала домоправительница Дашу.

Антонъ Ивановичъ, по уходѣ Дарьи Пантелѣевны постоялъ немного на одномъ мѣстѣ, почесалъ у себя въ затылкѣ, надѣлъ на руку брошенный сапогъ, вооружился щеткой, и долго задумчиво мазалъ ваксой по голенищу, не попадая на передокъ обуви Валова...

II.

Павель Александровичъ возвратился домой блѣдный, разстроенный.

Еще утромъ онъ все еще надѣялся, что вотъ Митя, его добрый Митя не уйдетъ, но Митя ухалъ; онъ не могъ не ухалъ. Валовъ вовсе не былъ уродомъ; онъ не могъ не ухалъ. Валовъ вовсе не былъ уродомъ, хотя первое впечатлѣніе при взглядѣ на него было всегда не въ его пользу. Несмотря на свои 30-ть лѣтъ, Валовъ, жившій большею частію кабинетною, книжною, сосредоточенною въ самомъ себѣ жизнью, мало зналъ людей, онъ не былъ, какъ мы уже видѣли изъ разсказа Антона Ивановича, уродомъ отъ рожденія... У него была прекрасная, теплая душа, что не могло не сообщить чертамъ лица его нѣкоторой мягкости, сверхъ того, онъ былъ человекъ съ основательнымъ образованіемъ, отличный музыкантъ, но сосредоточенный въ самомъ себѣ, не любившій заискивать, что и было причиной того, что въ Университетѣ, гдѣ онъ былъ въжливъ и обходителемъ со всеми, познакомился и былъ друженъ съ однимъ Ланитскимъ, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ уже около десяти лѣтъ, не познакомился онъ ни съ кѣмъ, кромѣ обрусѣвшаго Нѣмца-настройщика.

Въ разговорахъ съ этимъ Нѣмцомъ, въ ученыхъ занятіяхъ, въ службѣ, гдѣ, благодаря способностямъ Валова, онъ пошелъ быстро и занималъ уже довольно значительное мѣсто, и въ музыкѣ проходило все время Павла Александровича. Кромѣ того, всякій день приходилъ Ланитскій и друзья проводили долгіе часы въ душевныхъ разговорахъ, въ воспоминаніи прежней студенческой жизни... Время шло быстро. Въ это время своей жизни, Валовъ былъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливъ человекъ на землѣ, матеріальныя потребности котораго обеспечены; онъ могъ и не служить, но служилъ, потому-что хотѣлъ быть полезнымъ.

И такъ, Валовъ былъ счастливъ; вся жизнь его освящалась сочетаніемъ труда, сознательнаго таланта и дружбы; но претерпѣвъ много въ ранней молодости, онъ боялся вѣрнуться своему счастію и считалъ, что судьба лаетъ ему

свои благодаренія взаимны, за что рано ли поздно ли придется ему дорого расплачиваться... мнительность эта увеличивалась въ немъ день со дня и часто, среди самаго веселаго разговора, любовно всматриваясь въ блѣдное лицо Ланитскаго, онъ внутренно терзался боязнию потерять друга... Ланитскій былъ моложе Валова нѣсколькими годами. Нѣсколько разъ на радужныя предложенія Валова располагать его достаткомъ какъ своимъ, благородный молодой человекъ отвѣчалъ:

— Не говори мнѣ, Павелъ, о деньгахъ; пользуюсь твоими, я пересталъ бы уже быть твоимъ другомъ; роль, которую я долженъ бы былъ принять на себя, слишкомъ унизила бы меня въ собственныхъ глазахъ своихъ... не говори мнѣ, Павелъ, никогда объ деньгахъ.

Между-тѣмъ, любовь къ матери, которая жила въ Харьковъ и которой помогалъ онъ, и глубокая привязанность къ Валову удерживали его въ Петербургъ; но однажды, послѣ какой-то непріятности, Дмитрій Платоновичъ вмѣгъ созналъ всю неопредѣленность и тягость своего положенія; письмо старушки матери, умолявшей прѣхать, хотя въ отпускъ, сына-кормильца и единственнаго, оставшагося у ней отъ прежде многочисленной семьи, довершило все... Ланитскій рѣшился ѣхать служить въ родной городъ, гдѣ скорѣе бы могъ онъ найти хорошее мѣсто и быть подлѣ матери. Сборы были не велики, небольшая, скопленная имъ сумма, давала возможность ѣхать и прожить до отысканія мѣста. Мы знаемъ уже изъ несвязнаго разсказа Антона Ивановича, какъ принималъ это извѣстие Валовъ, но къ чести его должны сознаться, что въ душѣ онъ совершенно оправдывалъ намѣреніе Ланитскаго, но удерживалъ его, хотѣлъ только, чтобы онъ скорѣе возвращался; чтобы онъ хотя на время отложилъ свой отъѣздъ, желая насмотрѣться на любимица души своей; но Ланитскій уже далъ себѣ слово, какъ можно скорѣе выѣхать изъ Петербурга.... Отсрочивъ же свой отъѣздъ, онъ можетъ быть рѣшился бы пожертвовать собою для Валова; и жертва эта была бы тягостна для обоихъ. — На другой день друзья въ послѣдній разъ обнялись на станціи, пожали крѣпко другъ дру-

гу руки и дилижансъ, переваливаясь съ боку на бокъ, покатысь по неровной, первой весенней дорогѣ, скрылся изъ глазъ Валова... Ударъ, хотя и ожидаемый, жестоко поразилъ Павла Александровича... Мужъ по разсудку, онъ былъ дитею по чувствамъ, и въ возрастъ положительности, въ душѣ отчасти оставался еще романтикомъ.

Антонъ Ивановичъ, увидавъ Валова, покачалъ головой... такъ онъ былъ блѣденъ... казалось съ отъѣздомъ Мити онъ потерялъ все. Ему было тяжело и скучно... въ комнатѣ казалось ему пусто.

Валовъ сѣлъ за фортепiano... оно грустно застонало подлѣ его пальцами, нѣсколько струнъ оборвавшись, мгновенно поднялись къ верху, и тотчасъ же опустились, продребезжали печально, уныло....

Амеръ, хотя это былъ его день, еще не приходилъ... Павелъ Александровичъ высунулъ разгоряченную свою голову въ форточку, чтобы освѣжиться; на дворъ поднималась вьюга... довольно молодая улица, въ которой жилъ Валовъ, была совершенно пуста.

Чтобы сколько-нибудь развлечься отъ тяготѣвшей надъ нимъ идеи, Павелъ Александровичъ бросился на диванъ и сталъ разбирать свое прошедшее, но какъ мало и тамъ утѣшительнаго... вотъ выздоровленіе отъ тяжелой болѣзни и узнаніе грустной вѣсти, что любимый отецъ уже похороненъ; вотъ оспа оставила слѣды свои на прекрасномъ лицѣ его, а тутъ этотъ горбъ... Но вотъ первая встрѣча съ Ланитскимъ... опять счастье, и виною все онъ же, Митя.. онъ помнитъ время, когда они сошлись, какъ-то робко и боязливо пожали въ первый разъ другъ-другу руку, осторожно избѣгали откровенности, хотя душа рвалась на встрѣчу... вотъ тихіе отрадныя вечера южнаго лѣта... беззнойное, заходящее солнце осыпаетъ прощальными лучами своими бѣлые хутора, благоухающіе черешни, ароматическій воздухъ доноситъ до слуха ихъ щебетаніе птицъ, а они сидятъ за городскими воротами и повѣряютъ другъ другу молодыя, залушевныя рѣчи...

— Я люблю, Митя... говоритъ Валовъ, прекрасную панночку... Быть при ней, видѣть ее, дышать съ нею однимъ

воздухомъ, вотъ моя жизнь, мое счастье. Слышу ли я ласковый голосъ, сердце мое мретъ и прыгаетъ, глажу ли на ще, мнѣ и больно и весело... поведетъ ли она своими черными, глубокими глазками, залетитъ ли звонкимъ смѣхомъ, дуна, кажется, рвется изъ тѣла навстрѣчу этимъ глазамъ, этому смѣху... и вижу я глаза эти всюду и живетъ этотъ смѣхъ вотъ здѣсь, въ сердцѣ моемъ... Но, Митя, Митя... она только такъ ласкова со мною, она не любитъ меня... рывясь и прыгая, она все-таки и въ шутку не называла бы мена горбуномъ, если бы любила меня... грустно Митя, мое безобразіе не позволяетъ мнѣ любить женщины...

И оправдались грустныя думы Валова, панночка вышла замужъ; оскорбленное чувство глубоко запряталось въ грудь Павла Александровича и еще милье, еще дороже сталь ему Митя... Прошла юношеская любовь, а въ душѣ осталось оскорбленіе, горькое убѣжденіе, что онъ точно урода, если любила панночка и товарищи — все заклеямило его этимъ прозваніемъ... И тяжело было ему кончать курсъ, еще тяжелѣе вхатъ въ Петербургъ, разставаться съ Митей, которому надобно было пробыть еще въ Университетѣ, тяжело и въ Петербургъ, одному, искать и долго не находить мвста... Измучили его эти два года... но вотъ прѣхалъ Митя... Валову улыбнулось счастье: музыка и другъ, другъ и музыка составили весь его міръ, онъ забылъ о своемъ уродствѣ, и вдругъ ударъ, уже предчувствованный сердцемъ, но тяжело отозвавшійся во всемъ организмѣ Павла Александровича...

Не выдержала душа Валова всѣхъ этихъ тягостныхъ мыслей, разразилась печаль его горячими, почти дѣтскими слезами... но они мало облегчили его... въ душѣ также пусто, тяжело... хоть бы какое-нибудь разъясненіе....

А между тѣмъ изъ залы раздавались нестройные, дисгармоническіе звуки фортепiano, которые, терзая его музыкальное ухо, отзывались тягостно въ душѣ.

Мы забыли сказать, что во время мечтаній Валова, мимо, незамѣтивъ его, прошелъ въ залу Аллеръ, и полагая

что Павелъ Александровичъ въ должности, принялся спокойно за настройку фортепiano....

Почти въ то же время какъ Валовъ услышалъ звуки настраиваемаго флигеля, Аллеръ услышалъ его рыданія; онъ, не подозревая, что это плакалъ самъ Валовъ, съ удивленіемъ заглянулъ въ дверь....

Аллеръ былъ невысокой, сухощавый старичекъ, съ рѣдкими, сѣдыми волосами, безпрестанно моргавшій и не любившій много говорить. Въ последнее время труженнической своей жизни, онъ самъ сдѣлался очень похожимъ на разбитое, старое фортепiano, и только Валовъ могъ играть хорошо на этомъ инструментѣ, только подъ его пальцами вырывались изъ души Аллера человѣческіе звуки, потому что хотя Аллеръ и не любилъ говорить много, но не даромъ прожилъ на свѣтѣ свои пятьдесятъ лѣтъ и вынесъ изъ жизни много опытности, теплоты и философіи....

— Что это, что это? съ изумленіемъ вскричалъ добрый Немецъ: вы плакать, милый херръ Валовъ! и заморгалъ сильнѣе обыкновеннаго своими вѣками, что означало сильное душевное безпокойство. Валовъ уже оправился отъ минутнаго увлеченія, онъ съ чувствомъ пожалъ руку Аллеру, и кротко сказалъ ему:

— Не безпокойтесь, не безпокойтесь, добрый Готлибъ Кристиановичъ... это пройдетъ, это такъ, ребячество, припадокъ....

— Зачѣмъ пришелъ припадокъ?... Ей, Антонюшка, стаканъ воды баршну... и, когда Антонъ явился, Аллеръ схватилъ съ подноса стаканъ, и самъ давалъ пить Валову, прыскалъ на него водою.

— Ну, теперь лучше, сказалъ Валовъ, котораго тронули и разсѣмили заботы Аллера—теперь совсѣмъ хорошо....

— А вѣдь я думалъ, что вы въ должности....

— Нѣтъ, я не пошелъ, Готлибъ Кристиановичъ, я не хорошо себя чувствовалъ, да притомъ же я.... провожалъ Ланитскаго.

— Развѣ онъ умеръ?... вскричалъ такъ дико Аллеръ, что Валовъ вздрогнулъ. Охъ, ужъ эта холера, холера!... вотъ и припадокъ то вашъ гдѣ...

— Нѣтъ, онъ слава Богу живъ, но уѣхалъ домой, въ губернію, меня одного оставилъ....

— О? бѣдненькій херръ Валовъ.... а я еще васъ пожурить хотѣлъ....

— За что это Готлибъ Кристиановичъ?

— За то, что вы не изволите беречь инструмента, такого инструмента, какъ вашъ.... охъ, еслибы моя дочь такой имѣла....

— А ваша дочь играетъ?...

При этомъ вопросъ глаза Аллера заблестали огнемъ гордости, онъ выпрямился.

— Моя то Луизхенъ? Какъ же... она еще въ пансіонѣ первой музыкантшей была.... охъ! продолжалъ Нѣмецъ, глубоко вздохнувъ.... кабы я деньги имѣлъ, я бы ей теперь какого учителя нанялъ!... а то все забываетъ играть.... а въ нашемъ положеніи это очень не лишнее; завтра умру я, такъ на послѣзавтра безъ куска хлѣба не будетъ.... можно бы мѣсто учительницы достать....

— Ехъ, Готлибъ Кристиановичъ, вѣдь учительницей-то быть не легко.... а Луиза-то Готлибовна должна быть еще очень молода....

— Завтра восемнадцать лѣтъ минеть.... О! продолжалъ весело Аллеръ, моя Луизхенъ на этотъ счетъ героиня!... я отецъ, и не следовало бы мнѣ такъ дитя свое хвалить, да нельзя; это такая дѣвушка, что не будь я отецъ ей—право, на старости лѣтъ самъ бы женился на ней... она, одна она только и привязываетъ меня къ жизни.... и дѣлается мнѣ страшно, что по законамъ природы, скоро долженъ я ее лишиться.... онъ грустно опустилъ голову....

— Полноте грустить, вы совершенно здоровы и долго еще можете прожить—и при васъ еще устроите ея судьбу.... положитесь на Провидѣніе, безъ него воображеніе чловѣка увлекаетъ Богъ знаетъ куда; никакого видимаго исхода, а тутъ вдругъ какой-нибудь случай....

— Случай, медленно проговорилъ Аллеръ: что то не вѣрю я въ счастливые случаи, да и вы-то, кажется... въ свою очередь скажу вамъ, полноте; мастера мы всѣ на утѣшенія, да въ жизни-то на однихъ утѣшеніяхъ далеко не уѣдешь...

Однако, я съ вами заболтался, мнѣ пора домой... завтра вѣдь у насъ праздникъ, одинъ изъ такихъ дней, когда выгоняешь все горе изъ души, чтобы хотя день прожить счастливо и покойно....

Валовъ сидѣлъ задумчиво; когда Аллеръ кончилъ и протянулъ ему руку, чтобы проститься, онъ медленно взялъ ее и сказалъ:

— Готлибъ Кристиановичъ, у меня до васъ есть просьба... исполните ли вы ее...?

— Если вы только не спросите у меня звѣзды съ неба, или чего нибудь другаго въ этомъ родѣ.

— Нѣтъ; желанія мои не простираются такъ далеко... но вотъ видите, я одинъ, умираю отъ скуки.... мнѣ бы хотѣлось нѣсколько развлечься.... я хотѣлъ спросить васъ: присутствіе посторонняго чловѣка, чловѣка тяжелаго и угрюмаго, не помѣшаетъ ли радости вашего праздника?...

— О! нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ Аллеръ, крѣпко сжимая руку Валова.... вы мнѣ много чести сдѣлали, я буду очень, очень радъ.... и Луизхенъ будетъ также рада.... Я жду васъ завтра часовъ въ шесть—адресъ мой вы имѣете.

III.

Schöne Seele

«Перенестись теперь, прошу я васъ» въ скромное жилище Готлиба Кристиановича Аллера, въ одну изъ ротъ Измайловскаго-полка, въ небольшой, желтаго цвѣта домикъ съ зелеными ставнями, ярко красною крышею и палисадникомъ.

Въ этомъ то домикъ жили Аллеры. Боясь быть утомительнымъ и выказаться челоѣкомъ подобнымъ тому, на котораго Горацийъ написалъ цѣлую сатиру, начинающуюся этими словами

Forte ibam via sacra....

авторъ, не-смотря на сильное желаніе поговорить побольше съ читателями, ограничится только не многими словами въ біографіи Аллера: онъ пѣшкомъ пришелъ въ Петербургъ, сначала былъ въ учени у какого-то булочника въ Гороховой, потомъ бросилъ неудовлетворявшую его работу печенья хлѣбовъ и сухарей, перешелъ къ инструментальному мастеру, жадно сталъ изучать внутренней механизмъ музыкальности, самоучкой захотѣлъ сдѣлаться виртуозомъ—долго сомнѣвался въ своемъ талантѣ, наконецъ совершенно увѣрился въ своей бездарности и въ наказаніе себя, за самопроизвольное вторженіе въ храмъ искусства, поклялся не дотрогиваться до клавишъ, кромѣ какъ для настройки ихъ. Это время его жизни между девятнадцатымъ и двадцатьпятьтымъ годомъ было для него климатическимъ временемъ поэзіи и страданій.... Случай свелъ его съ однимъ горячимъ натур-фисофомъ, полюбившимъ его и каждое воскресенье молодой Аллеръ слушалъ съ непритворнымъ одушевленіемъ трактаты учонаго о таинствахъ природы и ея истолкователей Гегеля, Фихте, Шеллинга; потомъ Аллеръ влюбился въ хорошенькую дочь одного шорника, Мину Югановну, забылъ природу и философію, почувствовалъ тоску одиночества, разными хитростями добился знакомства съ капризнымъ шорникомъ, угожденіями получилъ его довѣренность и.... отъ его благополучнаго брака съ Миной Ивановной родилась героиня нашего разсказа, хорошенькая, розовенькая Луизхень, съ большими, голубыми, задумчивыми глазками.

Случалось ли вамъ когда-нибудь, читатель, случайно, мимоходомъ, встрѣчать въ жизни дѣвushку съ дѣтскими, полуразвитыми формами, съ яснымъ, спокойнымъ лицомъ, на которомъ такъ и просвѣчиваетъ доброта и довѣріе, отънесенное тою грустною улыбкою, которая служила признакомъ духовности, заключасть въ себѣ что-то роковое, пророче-

ское, заставляющее васъ страшиться за будущую судьбу этого ребенка, къ которому, какъ-то неволью, безотчетно влечетъ васъ, усталого отъ прожитыхъ страданій, грустнаго опыта жизни....

Такова была Луизхень, добренькая, граціозная....

Бываютъ люди, которыхъ страданія посѣщаютъ ранѣе, чѣмъ они еще въ состояніи сознавать ихъ, давать себѣ ясный отчетъ, и понимая жизнь, покоряться....

Анна Ивановна умерла на третій день послѣ рожденія Луизхень.

Медленно развивалось дитя.... первое, что встрѣтило ее въ жизни было сиротство.

Могъ ли отецъ замѣнить ей ласки и нежность матери, отецъ, занятый съ перваго дня ея рожденія заботою, чтобы дитя имѣло кусокъ хлѣба въ послѣдствіи....

А въ первомъ возрастѣ, такая необходимость, такая вопіющая потребность горячихъ ласкъ, нежной любви матери!...

Взялась, правда, за исполненіе этихъ обязанностей одна старая дѣвushка, родственница шорника, и звала ее маленькая Луизхень *мутерхень* — и ласкала и цаловала ее.... но какъ далеко все это было отъ того, чему бы по настоящему следовало быть.

Отецъ видалъ ее рѣдко... въ два, три часа, свободныя отъ занятій, которыя проводилъ дома, бывалъ онъ всегда такой усталый, угрюмый и задумчивый, что боялась Луизхень къ нему и ласкаться.... изрѣдка только бывало возьметъ онъ ее на колѣни, погладитъ хорошенькую головку, посмотритъ любовно въ ея глазки, поцалуетъ ихъ, улыбнется и снова опуститъ ее на полъ....

Привычка быть одной, задумчивость и не разговорчивость Аллера, надъ которымъ сбѣлалась русская пословица: женится-перемѣнится, долгіе часы, которыя проводила Луизхень одна, въ саду, въ такомъ зеленомъ, такомъ миленькомъ, сухая, высокая фигура мутерхень и приземистая фигурка ку-

харки и пни Анисьи, что только и видѣла Луиза, рано приучили дѣвushку мыслить, мечтать, вдумываться, грустить и.... самостоятельно развиваться.

Это была хорошая сторона воспитанія, и природа развила ее лучше, нежели сдѣлала бы это *мутерхень*....

Однообразно тянулись годы—Луизѣ минуло 11 лѣтъ,—въ это время случилась въ ея жизни эпоха: пожилая *мутерхень*, никакъ немогшая простить природѣ, что она до сорока лѣтъ оставалась дѣвственницей, встрѣтила какъ-то случайно пожилаго Нѣмца, искавшаго себѣ *liebe Frau*—употребляла отчаянныя усилія очаровать его и слѣдствіемъ ея тактики въ одно утро, когда Готлибъ Кристиановичъ собирався идти на работу, былъ между ней и имъ слѣдующій разговоръ, происходившій на нѣмецкомъ языкѣ:

— Куда вы торопитесь, мнѣ нужно съ вами поговорить и посоветываться.... последнее было совершенно лишнее, потому-что если бы Аллеръ вздумалъ ей отсоветывать, то это только бы раздражило мутерхень, и она все-таки осталась бы при своемъ мнѣніи....

— Что такое, говорите вы, Каролина Денисовна? Не случилось ли чего-нибудь съ Луизхень....

— Съ ней ничего.... на этотъ разъ я попрошу у васъ вниманія собственно для меня.... Вотъ ужъ одиннадцать лѣтъ живу я у васъ въ домѣ, и знаю, что это васъ тяготить....

— Съ чего вы взяли это, Каролина Денисовна? Ужъ не хотите ли вы насъ оставить....

— Вы отгадали.... но только я не хочу, а *должна* васъ оставить....

— Почему же это, Каролина Денисовна? Мы все такъ любимъ васъ, Луизхень такъ къ вамъ привыкла....

— Въ ея лѣта и при томъ направленіи, которое я постаралась ей сообщить—трудно привыкають, но легко от-

выкають.... *Мнѣ* это гораздо труднѣе.... но вы поймете, что долгъ чести, есть такая необходимость....

И строгая дѣва приложила платокъ къ сухимъ глазамъ своимъ.

— Луизхень ужъ не дитя, она можетъ обойтись и безъ меня.... теперь надобно ей учителя.... и приучаться самой быть хозяйкой.... я довольно ѣла вашего хлѣба и теперь....

— Что вы, Каролина Денисовна, неужели вы полагаете, что то добро, которое вы своей компаніей дѣлаете моей дочери....

— Я вознаграждена за него, и теперь употребите деньги, выходяшіе на меня, для того, чтобы навѣть ей учителя.... а я... нашла случай устроить свою судьбу... я выхожу замужъ....

Аллеръ посмотрѣлъ на нее съ усмѣшкою; на лицѣ его ясно было видно, что намѣреніе сорокалѣтней дѣвы поставило его въ недоумѣніе, не слишкомъ лестное для мутерхень.... но какъ бы не было, разговоръ кончился къ крайнему удовольствію дѣвы, рѣшено было отправить Луизхень въ пансіонъ.... и мутерхень на слѣдующій же недѣль вручила подрывному, германскому обыкновенію копье, мечъ и щитъ избраннику своего сердца....

Трудно было платить Аллеру за Луизхень, ему какъ-то все не удавалось, но онъ хотѣлъ видѣть дочь счастливою и отдалъ ее въ порядочный пансіонъ....

Новыя впечатлѣнія, множество подругъ, маленькая дѣятельность, ученье—все это развлекало и нравилось Луизхень—движеніямъ ея сообщилась нѣкоторая живость, дикость ея прошла, она стала веселѣе, на губкахъ снова появилась улыбка, а скромность, доброта, мягкость характера и успѣхи—сообщали ей такое обаяніе, что подруги даже и старшія ея лѣтами почувствовали надъ собою ея авторитетъ....

Содержательница пансіона или, какъ ее величали, *мадаль* (хотя она была и Русская), не могла нахвалиться своей молодой ученицей, подруги сначала смѣялись надъ выговоромъ и русскимъ языкомъ ея, но скоро, какъ мы уже сказали, полюбили ее и говорили между собою, что

никогда еще не бывало на свѣтъ, да и не могло быть такой хорошенькой Нѣмочки....

Съ отцомъ видалась Луизхенъ (она была на полномъ пансіонѣ) три раза въ недѣлю, когда онъ приходилъ въ пансіонъ настраивать фортепіана, усердно разстроиваемые ученицами — и по воскресеньямъ, въ которые она приходила домой, и проводила весь день въ своемъ садикѣ, съ отцомъ и мутерхенъ, которая считала долгомъ чести являться съ не поворотливимъ мужемъ — тоже каждое воскресенье.

Такъ прожили около пяти лѣтъ порознь три лица, жившіе сначала вмѣстѣ. Алмеръ, настраивая попрежнему фортепіана, и становясь все грустнѣе и грустнѣе, мутерхенъ, наслаждаясь супружескимъ счастьемъ, Луизхенъ, растя и развивавшаяся....

Въ ея пансіонской жизни всего болѣе полюбилъ ее и имѣлъ на нее вліяніе учителя словесности и исторіи.... Это былъ чахоточный человекъ, изъ семинаристовъ, сынъ дьячка, выкормленный подлѣ открытымъ небомъ, вспоенный слезами матери, прошколенный нуждой невѣроятною... чего, чего не дѣлалъ онъ, чтобы образовать себя, сдѣлаться порядочнымъ человекомъ, приносить возможную пользу, въ томъ небольшомъ кругу, гдѣ заставила обращаться его судьба... Въ пансіонѣ, куда съ трудомъ попалъ онъ, онъ едва держался, потому-что мадамъ, съ претензіями на свѣтскость, не нравились его манеры, произношеніе и одежда, просяживалъ за 400 рублей ассигнаціями чуть не цѣлыя дни... теплая фізіономія дѣвушки пришлась ему по душѣ—разузнавши ея незавидное положеніе въ обществѣ, почувявши сердцемъ все угрожавшее ей возможное горе... онъ сталъ обращать на нее особенное вниманіе, говорилъ съ нею по цѣлымъ часамъ, пріучилъ мыслить по человѣчески, старался выработать ея характеръ, приспособить его къ выношенію трудностей жизни, къ примиренію съ ней... и вмѣстѣ съ тѣмъ образовывалъ ея умъ чтеніемъ лучшихъ русскихъ и нѣмецкихъ писателей, что доставалось ему самому чуть ли не кровавымъ потомъ... Бѣдняку казалось, что онъ разгадалъ назначеніе своей жизни, сдѣлать изъ прекраснаго ребенка женщину... и довольный собою, хать все болѣе и бо-

лѣе, безъ ропота, безъ жалобъ... Грустно было видѣть, какъ бывало, объясняя своей ученицѣ, или какъ онъ называлъ ее, *Schöne Seele*, какую-нибудь поэтическую страничку патріарха нѣмецкихъ поэтовъ—Гёте, начиналъ онъ кашлять и старался подавить свой кашель... потому-что видѣлъ какъ въ ту же минуту обращалась къ нему Луизхенъ съ заботливостью, кашлялъ, давился и краснѣлъ, говорилъ дѣвушкѣ, что это такъ только... ничего, пройдетъ... простудился немного, а въ душѣ просилъ Провидѣніе продолжить жизнь, готовую его оставить, пока не окончатъ онъ дѣла, взятаго имъ на себя... пока Луизхенъ не пріучится переносить утраты....

И онъ умеръ, умеръ ранѣе, чѣмъ желалъ... покрываю завѣсой грустную картину его смерти, потому-что много тѣснился въ груди моей мыслей...

Черезъ годъ Луизхенъ вышла изъ пансіона, куда вступила дѣвочкой—уже хозяйкой и женщиной.... Алмеръ нанялъ еще за недѣлю квартиру, гдѣ мы застали его въ началѣ этой главы, съ лихорадочнымъ трепетомъ убиралъ комнату своей Луизхенъ, всѣмъ, что было у него лучшаго—самъ устанавливалъ все—а пришла Луизхенъ, расположилась по своему, и комната взглянула моложе—и чище сталъ воздухъ въ ней, и свѣтлѣе глядѣли окна.... Много ласкала и цаловала она отца-старика, весело стало въ бѣдной семьѣ настройщика, и даже мутерхенъ, въ послѣднее время какъ-то не ладившая своимъ мужемъ, и для торжественности случая пришедшая погостить къ Алмерамъ—казалось, стала добрѣе и легче....

А какъ радовалась дѣвушка, найдя у себя въ комнатѣ фортепіано, купленное отцемъ цѣною лишений, и нѣсколько книгъ любимыхъ ея авторовъ, какъ благодарила его—это я уже неберусь пересказывать, потому что всякой чувствуетъ по своему....

Зажили Алмеры мирно.... только не долго радовалась Луизхенъ.... недостатокъ общества дѣлалъ жизнь ея грустною.... стало ей тѣсно въ томъ кругу, гдѣ принуждена была она жить — ходили къ Алмеру все такіе сухіе, холодные люди—а ей наступала пора любви, и любви такъ много было въ этомъ молодомъ сердцѣ....

И стала поверять дѣвушка бумагъ безотрадныхъ свои чувства—и слѣды многихъ слезъ носила эта бумага....

Къ Аллерамъ ходилъ одинъ молодой человекъ, аптекарскій помощникъ Краузе, привычка къ нему дѣлала нѣсколько сноснымъ положеніе дѣвушки;—она смотрѣла на него какъ на брата, можетъ-быть потому, что другихъ чувствъ къ себѣ не могъ поселить Краузе; это былъ такой, по видимому, сухой человекъ, который самыя чувства любви и расположенія не иначе отдавалъ людямъ, какъ по драхамъ, гранамъ и скрупуламъ, въ самомъ дѣлѣ однакожъ было иначе: онъ любилъ въ душѣ Луизхенъ со всею теплотою молодого, чувства съ постоянствомъ мужа,—но чувство глубоко запрятано было у него въ груди. Луизхенъ почти и не догадывалась объ немъ.

IV.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Съ самаго утра того дня, когда Луизхенъ должноствовало исполниться восемнадцать лѣтъ, въ скромной квартирѣ Аллера началась страшная суматоха. Еще накануне, за обѣдомъ, возвратясь отъ Валова, Готлибъ Кристиановичъ значительно посмотрѣлъ на дочь, и объявилъ, чтобы она приготовилась не ударить въ грязь лицомъ, что общался къ нему быть важной гость. Мутерхенъ, бывшая тутъ же, чтобы помогать Луизхенъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ, пустилась въ разспросы, но не могла добиться отъ Аллера, на котораго пальца припадокъ упрямства, ничего, кромѣ того, что это его благодѣтель, знатный и учоный человекъ. Сильно билось сердце Луизхенъ, когда она, разливая супъ, вслушивалась въ похвалы отца: ее вмѣстѣ и мучило любопытство увидѣть въ близи какое-нибудь важное лицо, и желаніе го-

ворить съ умнымъ человекомъ, чтобы повѣрить себя, и томилъ какое-то неясное предчувствіе любви....

Всю ночь не спала дѣвушка: много горячихъ слезъ пролила она, много светлыхъ грезъ пронеслось надъ ея головою. Встало солнце, поднялась и дѣвушка; солнце высушило ночныя слезы, и никакихъ слѣдовъ безсонницы не осталось на лицѣ ея, только лихорадочный румянецъ ярко разгорался на щечкахъ, да въ поступи осталась какая то томность....

Черезъ полчаса вошла въ ея комнату Анисья, заспанная, неумытая; принялась стирать пыль, да мести комнату; пыль столбомъ подняла; вышла Луизхенъ подышать воздухомъ въ палисадникъ, посмотрѣла на свои березки, погуляла, анъ глядя и мутерхенъ проснулась; началась суматоха—поздравленія—всталъ и Аллеръ, поцаловалъ дочь свою, поласкалъ ее, и сказалъ, что онъ снова просить ее быть внимательнѣе, потому что гость, обѣщавшійся ихъ посѣтить, очень важный человекъ и много добра для него сдѣлалъ.

Нужно ли было говорить это дѣвушкѣ?... Ей самой такъ наскучила обыденныя, окружавшія ея лица, не исключая и молчаливаго Краузе, ее такъ заинтересовали сказанныя наканунѣ отцомъ загадочныя слова, что нетерпѣніе ея увеличивалось прогрессивно съ каждымъ часомъ....

Собрались къ обѣду и гости; свои, короткіе знакомые, мутерхенъ въ чепцѣ, съ красными лентами, съ толстымъ мужемъ, Краузе, два, три старика, прежніе товарищи Аллера. За обѣдомъ пили за ея здоровье, желали ей счастья, мужа... Краузе, съ блѣдностью повторилъ этотъ тостъ,—дѣвушка не замѣчала—ей было не до гостей: воображеніе ея было настроено, ожиданіе ее мучило....

Вотъ вышли изъ-за стола. Старики съли за пуншь и вакштафъ; мутерхенъ укоряла своего мужа за его дурное поведеніе за столомъ, должноствовавшее, по ея словамъ, свести ее, мутерхенъ, въ гробъ.... Краузе подсылъ къ Луизхенъ.... но она довольно разсѣянно отвѣчала на немногосложные его вопросы... она слушала, какъ било три, четыре, пять часовъ... всякой стукъ экипажа

заставляя ее подбегать къ окошку... молодъ ли онъ? хорошъ ли онъ? Обратитъ ли на меня вниманіе, или будетъ смотреть на меня, какъ на неразвитаго ребенка? Вотъ вопросы, волновавшіе ее... Наконецъ... кто-то быстро подбѣжалъ къ крыльцу, на красивой лошади—взошелъ на стѣницу... Луизенъ готова была упасть въ обморокъ...

Вошелъ Валовъ.

Луизенъ едва осмѣлилась взглянуть на него... Такъ вотъ тотъ, кого ждало ея сердце—рыбой, горбатый... Но взоръ ея встрѣтился съ его взоромъ, а онъ такъ полною былъ ума, благородства, столько доброты отражалось въ немъ, что Луизенъ показалось, будто она давно уже знала его, будто онъ когда-то ужъ ласкалъ ее...

Алмеръ принялъ Павла Александровича съ распростертыми объятіями, не зная на какое мѣсто его посадить, чѣмъ отблагодарить за честь посѣщенія, подводилъ по нѣскольکو разъ своихъ пріятелей, рекомендовалъ ихъ, моргалъ въками, суетился...

А Павелъ Александровичъ?... Онъ только жаль сухую руку настройщика. Впечатленіе, произведенное на него дѣвушкой, было такъ сильно, что онъ едва сознавалъ себя. Наконецъ Алмеръ позвалъ Луизенъ и рекомендовалъ гостю свою молодую хозяйку... Павелъ Александровичъ всталъ, поздравилъ ее съ днемъ рожденія, и просилъ, чтобы она не отказалась принять отъ него, такъ какъ онъ слышалъ отъ отца, что она играетъ, кой-какія ноты... дѣвушка покраснѣлась... стала благодарить, отецъ захотѣлъ непременно, чтобы Валовъ слышалъ какъ она играетъ. Луизенъ съѣла за фортепiano, но прежде развернула подарокъ; это были партитуры двухъ трехъ оперъ, «Les trois Rêveries» Розелена и «Erlkönig» Шуберта. Луизенъ съ благодарностью взглянула на Павла Александровича, развернула ноты, и пальчики ея забѣгали по клавишамъ...

Кто не задумывался подъ дивныя, меланхолическіе звуки «Les trois Rêveries»? чье сердце не билось, чья душа не страдала при грустныхъ, полныхъ тоски и страданія переливахъ этой мелодіи? Гости выпустили изъ губъ замусленные чубуки, мутерхенъ сердито посмотрѣла на своего му-

жа, на лицѣ Краузе отразилась тоска, Валовъ чуть дыша наклонился къ роялю...

— Неужели Луиза Готлибовна вы въ первый разъ играете эту мелодію и такъ прочувствовали, такъ поняли все, что зашемляетъ въ ней сердце?

— Я бы васъ обманула, еслибы сказала да, да и вы вѣрно слышали, что я больше фантазирую, чѣмъ держусь нотъ... Однажды слышала я эту вещь... старалась ее запомнить—пѣсы, гдѣ выражается чувство, близкое къ нашему, запоминаются скоро.

— У васъ прекрасный слухъ, бѣглость и чистота изумительны, мысль передаете вы осязательно...

— Вы меня захвалите, а между тѣмъ, вѣрно, знаете сами, что часто порицаніе необходимо похвалы...

— Пожалуй, я не доволенъ игрой вашей, какъ музыкантъ, и если хотите скажу вамъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пьеса невыдержана...

— Благодарю васъ, но если вамъ угодно будетъ посѣтить насъ когда-нибудь въ другой разъ, я постараюсь сыграть лучше. Не говорите мнѣ, гдѣ я ошиблась, я сама постараюсь понять свои ошибки...

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ, потому Луиза исполнила съ большимъ одушевленіемъ еще кой-какія пѣсы... Валовъ былъ въ восхищеніи, какъ музыкантъ; онъ не ожидалъ встрѣтить столько таланта въ молодой дѣвушкѣ... Луиза кончила... потомъ просила его что-нибудь сыграть... Валовъ раскрылъ «Erlkönig».

— Вы знаете эту балладу нашего Шиллера?

И вотъ запоздалый вздохъ поскакалъ подъ темною мглою; топотъ лошади, вой стихій, хохотъ врага человѣческаго, неземная грусть мальчика, отчаяніе отца, наконецъ агонія дитяти и торжественность послѣдней минуты—вопроса о жизни и смерти, переданы были Валовымъ съ ужасающею вѣрностью—онъ самъ изнемогъ подъ тяжестью мысли, возбужденный его игрой...

Луизенъ стояла, какъ очарованная

... уста ея и руки

Сковались, какъ бы въ мирный часъ,
Благоговѣнной тишиной!...

Онъ кончилъ—Луизхенъ поблагодарила его такимъ взглядомъ, въ которомъ отразилась вся душа ея,—а душа эта была прекрасна...

Она не просила его больше играть, тонкимъ пониманіемъ женщины она увидѣла, что Валову не легко достаётся игра...

Оба были наэлектризованы—мудрено ли, что между мечтательной дѣвушкой и артистомъ-романтикомъ завязалась съ первой минуты тихая, ясная дружба...

О многомъ говорили они въ тотъ вечеръ—передъ дѣвушкой открылся новый міръ любви, и она безъ размышленія, съ первой же минуты предалась любви этой...

Не то было съ Валовымъ—онъ не повѣрилъ своему сердцу, а все смотрѣлъ на Луизхенъ, все говорилъ съ ней—потому-что ему пріятно было говорить съ ней, глядѣть на нее... обаяніе прекрасной женщины проливалось столько теплоты въ растерзанную его душу.

Кончился вечеръ, послѣ ужина, за которымъ Аллеръ поподчивалъ своего гостя заплесневѣлой бутылкой рейнвейна, доставшагося ему случайно, и много лѣтъ хранившагося въ погребѣ для какого-нибудь торжественнаго случая, настройщикъ просилъ Валова не кончить этимъ своихъ посѣщеній, Павелъ Александровичъ въ душѣ обдумывалъ подь какимъ предлогомъ могли бы эти посѣщенія бывать какъ можно чаще...

И всю ночь не спалъ онъ, и на слѣдующій день былъ какъ въ пылкѣ, и ждалъ только другаго вечера, чтобы снова ѣхать къ Аллеру, не вытерпѣвъ, вспомнилъ, что онъ забылъ у Аллера трость, стоявную преспокойно въ углу подлѣ Сатира,—и въ тотъ же вечеръ повхалъ къ Аллерамъ...

Не буду слѣдить шагъ за шагомъ развитіе страсти моихъ героевъ—я далъ себѣ слово быть какъ можно немногословнымъ съ читателями, пока не узнаю, что меня слушаютъ...

говорить и сомнѣваться, не надобѣшь ли — и глупо и неприятно. Коротко, Валовъ почти каждый день сталъ ѣздить къ Аллерамъ, предложилъ старику продолжать музыкальное образованіе дочери, перетащилъ свой флигель въ Измайловскій-полкъ, и все свободное время посвящалъ дѣвушкѣ.

А между-тѣмъ въ душѣ его зародился вопросъ: къ чему поведетъ привычка его къ молодой дѣвушкѣ? Спитъ ли его сердце, не можетъ ли въ немъ родиться любви, и его безобразіе, не сбываетъ ли для него пытки изъ этого чувства?

А Луизхенъ стала робко вдумываться въ свое положеніе, сердце проговорило: люблю—а разсудокъ представилъ ей все общественное неравенство между ней и Павломъ Александровичемъ.

Аллеръ смотрѣлъ глазами сердца на дочь и Валова,—онъ видѣлъ сходство характеровъ ихъ, въ душѣ его родилась пеленная надежда на счастье дочери, и часто онъ, съ какою-то нерышимостью качалъ головой, и отвѣчая невпопадъ на вопросы, радостно улыбался.

Краузе почти прекратилъ свои посѣщенія... онъ понималъ, что онъ былъ лишній; но когда видѣлъ Валова вмѣстѣ съ Луизхенъ, то хотя и становился молчаливъ и мраченъ, но не впадалъ совершенно въ отчаяніе, потому-что ему Валовъ казался человекомъ, немогущимъ вселить къ себѣ любви въ сердце восьмнадцатилѣтней дѣвушки.

Къ Лапитскому писалъ Павелъ Александровичъ по почтамъ, возвращаясь отъ Аллера; часто забывалъ отсылать письма на почту—часто не дописывалъ ихъ—часто писалъ, прочитывалъ, рвалъ или сжигалъ ихъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ первыхъ писемъ его.

....«Мнѣ совѣстно, Митя, передъ тобою — только ужхалъ ты, а я, зная всю мѣру любви твоей, зная все безпокойство, которое причиняетъ тебѣ мое долгое молчаніе—такъ рѣдко пишу къ тебѣ. Прости меня, я самъ не знаю, что со мной дѣлается; даже времени у меня совсемъ нѣтъ. Я писалъ тебѣ, что познакомился съ семей-

ством моего настройщика, что все семейство его: дочь-красавица, умная, очаровательная... что я учу ее играть, что мнѣ нравится эта дѣвушка, что я привязанъ къ ней, какъ ни къ кому еще, кромѣ тебя, разувѣется, не былъ привязанъ»....

«Меня сильно заботитъ судьба ребенка души моей—мнѣ бы хотѣлось устроить судьбу ея... Гдѣ найти человѣка, который былъ бы достоинъ ея, развѣ ты Митя; но нѣтъ, не сердись, братъ мой—она лучше тебя».

«Ты спрашиваешь, каковы успѣхи дѣлаетъ мой ученица? Я не учу ее, учить ее нечего; того, что природа вложила въ душу ея хватило бы на цѣлую дюжину артистовъ, столько души, столько любви и страданія въ игрѣ ея... Я не учу, я только восхищаюсь ея игрой и заставляю безпрестанно ее играть, потому-что мнѣ весело, сладко слушать ее... Слышалъ бы ты только, какъ она *Les trois Réveries* играетъ!..»

....«Иногда мы читаемъ, читаемъ вмѣстѣ, особенно Гёте, она такъ любитъ Гёте—сколько вопросовъ задаетъ она мнѣ, умныхъ вопросовъ, Митя, на которые не скоро ответишь... Чтеніе образовало ея умъ... взгляды ея на жизнь смѣлы и разсудительны... Во всѣхъ движеніяхъ ея мысли столько такта, столько тонкаго пониманія жизни... право, я не повѣрилъ бы, что мнѣ когда-нибудь удастся встрѣтить въ

жизни такую женщину... Если бы ты видѣлъ меня, когда мы, сидя съ нею вдвоемъ, плачемъ надъ какою-нибудь книгою, ты бы не повѣрилъ глазамъ своимъ»....

....«Я живу такою полною жизнью — я такъ счастливъ, Митя, что поневоле дѣлаюсь робкимъ; счастье неостоянно—я боюсь слишкомъ привязываться къ Луизенъ, тяжело будетъ мнѣ разставаться съ ней... Я всегда боюсь привязанности, потому-что всегда бываю ея жертвою... Я почти прекратилъ свои посѣщенія къ Алмерамъ... и тѣмъ лучше, тѣмъ граціознѣе кажется мнѣ Луизенъ—право, не знаю, что влечетъ меня къ ней—отчего такой теплотою вѣютъ на меня всѣ рѣчи ея—я боюсь не далеко ли зашелъ я?..»

....«Мнѣ иногда кажется, что ей не непріятно быть со мной, что много участія въ ней ко мнѣ—я боюсь этого, Митя; чѣмъ дороже становится мнѣ она, тѣмъ горче мнѣ смутныя чувства, непокидающія меня—рано-ли, поздно ли намъ должно будетъ разстаться, а отвыкать отъ нее—нѣтъ силы во мнѣ... Я похудѣлъ, Митя, цѣлыя ночи провожу я безъ сна, или думаю, думаю о счастіи моего ребенка... Я самъ не знаю, что чувствую я къ ней—не любовь ли ужъ это? Я погибъ, погибъ, Митя, я не умѣю мало любить; всѣ чувства, всѣ мысли мои сосредоточены будутъ тогда въ любви этой—каково будетъ мнѣ сознавать тогда свое уродство—преграду между нами непреодолимую?... Я предчувствую, Митя, что и она привыкнетъ ко мнѣ, даже, можетъ быть, полюбитъ меня, она не видитъ никого, къ нимъ никто не ходитъ, каково мнѣ будетъ тогда-то?... Что я для молодой дѣвушки?... Не знаю, а чувство все сильнѣе и сильнѣе растетъ въ душѣ моей.

V.

Отъ Павла Александровича Валова, къ Дмитрию Платоновичу Ланитскому.

Жребій брошенъ, Митя... я люблю! Это чувство безъ вѣдома моего вошло ко мнѣ въ душу, и жжетъ и давитъ ее... Зачѣмъ я пошелъ къ Аллерамъ, зачѣмъ слишкомъ много понадѣлся на себя и на жизненную опытность, разлетѣвшуюся какъ карточный домикъ, отъ перваго задушевнаго слова молодой дѣвушки, отъ перваго луча ея полныхъ счастья глазъ...

Любовь—благо; счастливъ, кому удастся на пути жизни, сорвать два, три благоуханныхъ цветка ея, согрѣвать воспоминаніемъ остальную жизнь свою.

Мнѣ послала судьба очаровательное созданіе; все, что есть въ природѣ прекраснаго: мысль, чувство, красота, талантъ, всемъ щедро надѣлена эта дѣвушка. Идти съ ней въ жизни рука объ руку, выше этого счастья, право, и быть не можетъ...

И что же? На меня, который оцѣнилъ бы и сдѣлалъ ее счастливой, она не можетъ никогда смотреть безъ отвращенія. Я знаю это, я уродъ, Митя... Это прихоть судьбы—столкнуть насъ такъ нельзя; я видѣлъ, что такое ея прихоти, гдѣ жизнь и смерть вели отчаянную борьбу, я видѣлъ юношей, умиравшихъ въ полномъ развитіи таланта и погибавшихъ безслѣдно, и многое видѣлъ я....

Посмѣйся надо-мною... впечатлѣніе, сдѣланное на меня этой дѣвушкой такъ сильно, что, что-бы ни сталъ я дѣлать, всюду со мною она. Сяду-ли играть, ничего болѣе не играю, какъ «Les trois Rêveries» и «Erlkönig», которыя такъ нравятся голубкѣ моей.

И къ чему поведетъ это чувство, жгучее, сосредоточенное?.. Оно убьетъ меня... я знаю, что не для меня создана Луиза...

А была минута, когда я отбросилъ съ негодованіемъ всякое размышленіе... доказалъ себѣ возможность счастья... и пошелъ къ Аллерамъ, съ намѣреніемъ просить у старика руки дочери. Луиза была особенно хороша, два, три слова ея ко мнѣ дышали такимъ теплымъ чувствомъ; рѣшимость моя возрастала болѣе и болѣе, я даже отвелъ въ сторону Аллера, и сказалъ ему, что хочу кой о чемъ поговорить съ нимъ наединѣ... но когда онъ отвелъ меня въ свою комнату, когда мы остались одни, въ вискахъ у меня застучало, сильнѣе обыкновеннаго забились артеріи... языкъ не повертывался—совѣсть съ кровью прильнула къ сердцу, въ мозгу зашевелился вопросъ, тяжелый вопросъ, Митя: за что ты погубишь ребенка? и дѣло кончилось тѣмъ, что я просилъ у него позволенія принести нотъ Луизинъ, хотя прежде, какъ самъ знаешь, безъ всякаго съ его стороны согласія носилъ ихъ. Такъ то смѣшно, Митя, оканчивается много важнаго на землѣ.

Отъ Павла Александровича Валова, къ Дмитрию Платоновичу Ланитскому.

Бываютъ дурные сны, Митя... но они всегда рефлексія нашихъ чувствъ—часто итогъ выжитаго на яву горя. Расскажу тебѣ два сна моихъ, и ты увидишь состояніе души моей....

Снилась мнѣ, какъ ты уже угадываешь, Луизинъ... Безпокойная фантазія опередила Богъ вѣсть сколько лѣтъ, прихотливо осуществила невозможное: я видѣлъ себя мужемъ Луизы....

Но Луиза была не та: большіе глаза ея были полны огня жгучаго, страстнаго! во всѣхъ движеніяхъ ея просвѣчивала любовь горячая, несдержимая... я тоже перевернулся, весь въ морщинахъ, худой, я сталъ безпокойнѣе, капризнѣе, и видѣлъ я,

что пришел я откуда то домой, неожиданный, и подлѣ нее сидѣлъ другой, и ласкалъ и цаловалъ ее.... сердце мое облилось кровью.... я хотѣлъ сказать имъ что то жесткое, отчего кровь застыла бы въ жилахъ у нихъ.... и не могъ... мнѣ стало жаль ихъ.... я самъ полюбилъ ихъ.... и заплакалъ я горько—и долго плакалъ.... проснулся....

Боль въ боку, приливъ къ головѣ горячей крови, измучили меня, я долго метался, и плакалъ, и стоналъ какъ въ горячкѣ.

Другой сонъ.... видѣлъ я, что снова я мужемъ ея, что дѣти у насъ были уже, и одинъ изъ нихъ, мальчикъ, такой чахлый, такой болѣзненный, горбатый, весь въ меня.... умиралъ....

Луиза блѣдная, съ впалыми глазами, лихорадочнымъ румянцемъ, стояла у постели его и плакала.... «Нѣтъ счастья намъ! зачѣмъ связала я съ тобою судьбу свою!... я счастлива была.... а теперь?... безъ любви, безъ радостей чашу я съ каждымъ днемъ.... зачѣмъ, если знали вы, что одно присутствіе ваше даетъ горе, зачѣмъ погубили вы меня? дѣти одинъ за другимъ умираютъ, скоро и сама я... тутъ она остановилась; я былъ блѣденъ какъ полотно, губы мои дрожали, въ ухахъ какъ колокольчикъ, звучали и проникали съ болью въ сердце слова ея, полила такой жестокой правды, такого справедливаго укора.... Мнѣ страшно стало, Митя.... волосы встали дыбомъ.... а предъ глазами моими тихо, тихо кончался ребенокъ нашъ—и въ обращенныхъ ко мнѣ взорахъ его виднѣлся тотъ же раздражающій душу вопросъ, тотъ же урокъ безошадный....

Я сумасшедшій, Митя.... надобно тебѣ разсказомъ бредать!... но пойми, братъ мой, что хочу я сказать этимъ.... въ основаніи души моей, въ характеръ моему, лежитъ что то, запрещающее мнѣ любить.... я уродъ и душею, какъ тьломъ, Митя!...

СТРАНИЦА ИЗЪ ДНЕВНИКА ЛУИЗЫ АЛМЕРЪ.

184.... Октябръ....

Нѣтъ болѣе сомнѣній.... я люблю его.... видѣть его, слушать его, сдѣлалось для меня необходимою.... говорить онъ—и я слушаю, не наслушаюсь.... все, все въ этомъ человѣкѣ мнѣ нравится—и голосъ и рѣчи, и смѣлыя мысли, полный любви ко всему прекрасному, и даже умное лицо его....

Вчера Каролина Денисовна назвала его при мнѣ уродомъ.... Въ груди у меня заныло, вся кровь заходила во мнѣ.... я поняла, что люблю его....

Люблю.... мнѣ пріятно сто разъ писать это слово, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ больно, такъ больно.... онъ не любитъ меня, онъ только принимаетъ во мнѣ участіе: зачѣмъ я не умна, не богата, зачѣмъ по своему положенію въ обществѣ не могу быть я его женой?...

Мнѣ жаль бѣднаго Краузе, онъ добрый-малый, онъ любитъ меня, я понимаю какъ трудно любить безъ взаимности.... онъ былъ бы счастливъ, если бы я согласилась быть его женою, а могу-ли я это сдѣлать любя другаго?...

А этотъ другой.... смѣю-ли, должна-ли я любить его? огромное разстояніе раздѣляетъ насъ въ обществѣ — онъ богатъ, уважаемъ, уменъ, знатенъ.... я только бѣдная дѣвушка....

Пускай мысли наши сходны, положимъ, я правлюсь ему... допущу даже, что въ припадкѣ участія, онъ предложитъ мнѣ руку свою.... должна ли я принять ее? — Неравенство наше, которое со временемъ разительно отъбьется, развѣ не положить между нами перваго семени несчастія? Онъ захочетъ, чтобы жена его была въ обществѣ, не хуже другихъ.... а общество не приметъ, отвергнетъ ее.... каково-же будетъ ему за великодушіе терпѣть горе, насмѣшки...

Но что я говорю, онъ и не думаетъ обо мнѣ; что ему бѣдная дѣвушка, что ему въ моихъ чувствахъ—что ему въ моемъ сердцѣ?... Итъ, я несправедлива, я сама не знаю, что говорю.... онъ добръ, онъ великодушень, а я обвиняю его....

Голова моя въ огнѣ, ни сна, ни покоя мнѣ нѣтъ. Будь что будетъ.... я знаю одно—я люблю—сердце не разсуждаетъ: люблю, люблю, люблю!...

Отъ П. А. В. къ Д. П. Л. Спустя мѣсяцъ.

Я очень разстроены, Митя; я совершенно боленъ, во всемъ существѣ моемъ чувствую какой-то физическій переворотъ. Много прожилъ, много испыталъ я въ короткое время разлуки нашей. По полученіи послѣдняго письма твоего, я такъ былъ доволенъ, что ты устроилъ судьбу твою, такъ сладко счастливъ, такъ тепло и горячо благодарилъ Создателя за тебя.... и вдругъ.... но перескажу тебѣ все сначала, прочувствуй до конца со мной драму мою... пожалѣй меня, Митя... поплачь со мной, родной мой.... пусть слезы мои находятъ свѣтлыми, достойными осужденія, ты не осудишь меня!..

Это было въ прошлую пятницу, утромъ; я не помелъ въ должность, голова была какъ-то не на мѣстѣ, ни играть, ни читать не могъ я.... хотѣлъ идти къ Аллерамъ, да подумалъ о злыхъ людяхъ, что осудятъ ни за что бѣдную дѣвушку, и Богъ знаетъ чего не выдумаютъ; грустно и досадно стало, а сердце такъ и рвалось туда.... вдругъ входитъ ко мнѣ Антонъ, говорить, что спрашиваетъ меня какая-то дама. Что думаю такое?... приказалъ позвать и что-же вижу, какъ ты думаешь?... Опа, моя милая, добренькая Луиза, вошла, и дрожить и смѣется, вся раскраснѣлась, на глазахъ слезы дрожать.... ноги у меня подкосились, въ глазахъ зарбило, по всему тѣлу мурашки заходили, я совсемъ потерялся, хотѣлъ говорить.... языкъ не повертывался, и вдругъ ни съ того, ни съ сего засмѣялся, какъ-буд-

то тутъ что-то смѣшное было, она еще больше зардѣлась, хотѣлъ взять ее за руку, чтобы свѣтъ пригласить, да рука моя какъ-то не попадала въ ее руку, хоть и она въ нервности протягивала мнѣ свою ручку, такую ручку, Митя, что вотъ такъ-бы и цаловалъ ее, такъ-бы все и цаловалъ....

Наконецъ кое-какъ узналъ я, что умираетъ отецъ ея; что вдругъ съ нимъ ударъ случился, что ходила она къ частному лекарю, да дома его не застала, и что не вытѣя никому ближнихъ, прѣехала ко мнѣ, чтобы я какъ-нибудь распорядился, и вдругъ остановилась, какъ-будто ей стыдно стало, и призналась мнѣ, что взяла она въ попыхахъ извожника, а во всемъ домъ двугривеннаго нѣтъ у нихъ, послѣднія деньги на рынокъ утромъ были отданы....

А что чувствовалъ я, Митя, при откровенномъ разсказѣ ея, что со мною было? Еслибы ты видѣлъ ее въ эту минуту, какъ хороша она была, въ какомъ блескѣ выказывалась красота этой богатой природы!... Живописецъ умерь-бы у ногъ ея, сознавъ безсиліе свое произвестъ выраженіе лица ея, грустное, дѣтски простодушное, и вмѣстѣ тѣмъ такое дивное, такъ свѣтло-граціозное, что, казалось, за одинъ взглядъ, за одну слезинку ея не грѣхъ-бы пожертвовать жизнью и всемъ счастьемъ, и всемъ, всемъ, что есть только для человека драгоценнаго....

Это была — сама красота, само счастье....

О какъ я проклиналъ тогда свое безобразіе! какъ жалка была мнѣ судьба моя, и ея судьба, ея, которую не съумѣетъ любить другой, какъ я любилъ-бы ее, еслибы могъ бытъ ея отцомъ, мужемъ, братомъ.... Страшно выросла моя любовь къ ней въ одну минуту.... тяжело стало мнѣ, и такъ грустно и такъ какъ-то адски весело.

Долго я не могъ придти въ себя, а когда очутился, первымъ движеніемъ моимъ было схватить изъ бумажника всѣ деньги, бывшіе тамъ.... Луиза въ попыхахъ забыла и поблагодарить меня — она исчезла.... Я одѣлся и поѣхалъ къ доктору — съѣлъ съ нимъ на дрожки и поѣхалъ къ Аллерамъ. Прѣзжаемъ — насъ встрѣтила вся въ слезахъ Лизья.. было уже поздно!... Я пожалъ руку доктору и

простился съ нимъ... пошелъ въ комнату... Аллеръ лежалъ на кровати, а Луизхенъ на колѣняхъ стояла у трупа его и молилась... Ни слова утѣшенія не могъ сказать я бѣдной дѣвушкѣ... только пожалъ ея руку... она взглянула на меня и зарыдала... лучше бы не жить мнѣ было, Митя, чѣмъ видѣть слезы эти! Краузе тоже былъ тамъ — онъ хлопоталъ и суетился — мы сухо поклонились. Душа моя была растерзана...

Отъ П. А. В. къ Д. П. Л.

Вчера хоронили Аллера, послѣднюю защиту молодой дѣвушки... На кого осталась она? Безъ средствъ, безъ опоры... Я на силу выстоялъ службу, такъ жалко было ее мнѣ, и пришло на умъ мнѣ: добро ли я дѣлаю оставляя ее, смѣю ли я, долженъ ли я это дѣлать? а я рѣшился оставить ее... Протвнвоположныя чувства кипѣли въ груди моей... борьба была тяжела... но послѣдняя...

Органъ торжественно гремѣлъ подъ сводами храма... Луизхенъ, вся въ черномъ, горячо молилась объ усопшемъ... въ церкви была только она, да прежила ея воспитательница, да несколько стариковъ, знавшихъ покойника...

Краузе стоялъ у стѣны: обыкновенно холодное лицо его оживлялось на этотъ разъ какою-то теплотою... онъ тоже страдалъ въ душѣ о Луизхенъ... я подошелъ къ нему: — Мнѣ нужно поговорить съ вами о важномъ дѣлѣ, скажалъ я — въ голосѣ моемъ дрожала любовь — онъ понялъ о чемъ шло дѣло; завтра утромъ я жду васъ къ себѣ, — глаза его засверкали, онъ крѣпко сжалъ мою руку, и мы простились... Аллера схоронили, Луизхенъ замертво привезли домой; до ночи просидѣлъ я у ея изголовья... пришелъ домой, и долго въ бессонницѣ промучался...

Утромъ чуть-свѣтъ пришелъ Краузе...

— Я хочу поговорить съ вами о дѣлѣ, исходъ котораго

жизнь и смерть для меня, сказалъ я ему: послушайте, вы посѣщали домъ Аллера, вы знаете дочь его; видѣть ее и не любить, значить не имѣть сердца: я люблю ее, знаю и вы также любите... я люблю, но много причинъ заставляютъ разсудокъ мой отказаться отъ счастья... вы поймете, какъ тяжело мнѣ, но я уязжаю. Отъ васъ зависитъ сдѣлать ее счастливою, вы молоды, счастье въ рукахъ вашихъ... не торопитесь дайте пройти ея горю — и женитесь на ней... но знайте, за судьбою ея буду слѣдить я, и если вы сдѣлаете ее несчастною, если хотя одна слезинка изъ-за васъ упадетъ изъ глазъ ея, вы найдете во мнѣ мстителя безъ милосердія, рука моя вѣрна и всюду найдетъ васъ... Роль, которую я беру на себя можетъ показаться вамъ странною, обидною... но мнѣ вы будете обязаны счастьемъ... я люблю самъ... и оставляю ее потому только, что хочу ея счастья... Взаимъ всего я прошу васъ сдѣлать ее счастливою, быть ея другомъ... она достойна этого.

Мой долгъ — обезпечить ее — я богатъ; когда женитесь вы, я отдамъ вамъ половину моего имѣнія, съ меня довольно и остальной, пусть она не знаетъ нужды и всего горя, которое связано съ ней...

Краузе хотѣлъ что-то говорить... я остановилъ его.

— Не отказывайтесь отъ богатства, вы не имѣете права на это, еслибы я предложилъ его вамъ, это была бы милостыня — вы молоды, вы можете работать; но она, она любить васъ, и вы должны охранить ее отъ нужды; пужда будетъ ей тяжела, хотя она и любить...

— Любить... но не меня, а васъ, Павелъ Александровичъ: вы добры и великодушны... въ вашемъ поступкѣ я вижу всю высоту вашу, и хочу въ благодарность быть, по-крайней-мѣрѣ, откровеннымъ. Послушайте: около двадцати-пяти лѣтъ назадъ, у бѣднаго ремесленника родился сынъ... отъ него не радовалъ... десяти лѣтъ, тупой и забытый — онъ не умѣлъ даже читать, драки съ соседними мальчишками составляли всю сферу его дѣятельности, изрѣдка грошъ или пряникъ — всѣ наслажденія!.. Во всемъ этомъ много грустнаго, не правда ли? но я пріучился во всемъ видѣть хорошую сторону... горе пріучило меня къ терпѣвию, ни что въ жизни не могло уже быть для меня хуже мнѣй испытан-

наго... и когда одинъ аптекаръ взялъ меня въ ученики, перемена положенія такъ ободрила меня, когда меня не били и кормили до-сыта, что благодарность, которую я почувствовалъ въ сердцѣ своемъ къ своему благодѣтелю побудила отвращеніе къ книгамъ... и я старался какъ можно болѣе трудиться и понимать чему учили меня, а въ механическихъ работахъ догадка и усердіе замѣняли во мнѣ ловкость и знанія... Черезъ восемь лѣтъ, я ужъ зналъ кое-что, черезъ десять я уже получалъ столько денегъ, что, привыкнуи довольствоваться малымъ, каждый годъ откладывалъ кое что, и въ пять лѣтъ скопилъ столько, что еслибы когда-нибудь Луиза Готлибовна согласилась раздѣлять со мною трудъ жизни—съ насъ было бы довольно... Значитъ вашихъ денегъ не надо мнѣ, еслибы даже... но мнѣ все въкъ придется жить одному...

Я росъ, трудился и жилъ въ одиночествѣ, даже говорить научился, поэтому простите мнѣ мою нескладницу... счастье не для меня, Павелъ Александровичъ....

Я утѣшалъ его, какъ могъ; смѣшно было бы послушать постороннему человеку, какъ мы уговаривали другъ-друга любить Луизу... разговоръ не кончился ничѣмъ, кромѣ того, что я приобрѣлъ еще человека, къ которому почувствовалъ расположеніе.

Между-тѣмъ слова его произвели на меня сильное впечатлѣніе.

Отъ того же къ тому же.

Черезъ педью.

Я рѣшился ухватъ, но передъ разлукой хотѣлъ еще разъ побить съ ней, еще разъ послушать ея голоса, отдохнуть на перепутьи и продолжать снова тяжелый путь мой...

Завтра я ѣду... сегодня вечеромъ я былъ у ней, она не знаетъ, что я увѣжаю, письмо должно придти уже тогда, какъ меня не будетъ въ Петербургъ; я ѣду къ тебѣ, Митя, мы снова будемъ вмѣстѣ, ты поможешь забыть мнѣ все грустное въ любви моей...

Не забуду я только ее, свѣтлымъ видѣніемъ озарившую грустную жизнь мою, не забуду и сегодняшняго вечера....

Я говорилъ съ нею о судьбѣ ея... въ ней такъ много покорности къ своей участи... говорилъ о Краузѣ... она уважаетъ его характеръ, но, кажется, не любитъ его, много о любви говорить я не смѣлъ, сердце ея еще такъ полно печали о дорогой утратѣ, что говорить долго о любви, было бы излишнимъ... мы вспоминали объ старикѣ, плакали вмѣстѣ...

Я былъ спокоенъ и веселъ, а теперь, возвратясь домой, снова начинаю хандрить. Я люблю, Митя, люблю болѣе, чѣмъ когда-нибудь: скажи мнѣ она одно слово, и я забуду все свои черныя мысли, я никуда не поѣду, какъ другъ, какъ руководитель останусь я при ней, буду смотреть на нее, буду охранять ее...

Нѣтъ, я долженъ ухватъ, я долженъ превратить въ сердце своемъ любовь въ то тихое, ясное чувство, которое одно можетъ быть достойно ея... чувство дружбы....

Я сознаю уже какъ это чувство сходитъ на мою душу, я начинаю дышать свободнѣе, мнѣ легко и весело, беру перо и пишу къ ней...

Отъ Вллова къ Луизхенъ.

Пишу къ вамъ, дитя мое, потому-что вы добры и молоды, потому-что я люблю васъ... и любовь моя не можетъ оскорблять васъ; это не любовь безумца, а сознанная любовь друга, отца и брата... Если бы я не былъ уродомъ, если бы въ характерѣ моемъ не было недостатковъ, если бы я

могъ поручиться за себя, что сделаю васъ счастливою, что связавъ судьбу вашу съ моею судьбою, я не заставлю когда-нибудь раскаяваться васъ, я бы предложилъ вамъ, дитя мое, и руку и сердце и всю жизнь мою...

А теперь что могу я дать вамъ?.. положимъ, изъ благодарности вы забудете мое уродство... пройдутъ годы, вы живя со мною, узнаете во мнѣ многое, чего я и не подозреваю за собой... вы раскаетесь въ своей поспѣшности... молодость возьметъ свое, вы полюбите... долгъ и справедливость возьмутъ верхъ въ сердцѣ нашемъ, я увѣренъ, вы останетесь добродѣтельны, но борьба пстоичить, убьетъ васъ... каково же мнѣ будетъ знать, что изъ-за моего самолюбія погибаетъ такое прекрасное созданіе, какъ вы, моя прекрасная... Послушайте: именемъ всего дорогаго для васъ, прахомъ отца вашего, участіемъ вашимъ ко мнѣ, именемъ любви моей къ вамъ, умоляю васъ,—не увлекайтесь... если вы могли, забывъ мое уродство, полюбить меня, забудьте меня... выходите за Краузе, онъ стоить любви по своему характеру, или, если сердце ваше не лежитъ къ нему — обождите, придетъ время, ваше сердце само изберетъ достойнаго—и вы будете счастливы.

А я... съ колыбели одинокій, оставленный людьми... смѣлѣ пройду свой тяжолый путь до могилы, зная о вашемъ счастіи... для меня же собственно довольно носить образъ вашъ въ сердцѣ, довольно вспоминать о тѣхъ сладкихъ часахъ, которыя мы проводили вмѣстѣ, когда мы жили одною мыслью... право, и такой избытокъ счастія можетъ убить человѣка.

У меня останется еще и воспоминаніе...

Тихое, теплое...

А вы, дитя мое, если, оборони Господи, когда-нибудь будете имѣть горе, нужду, знайте, что у васъ есть другъ, счастіе ваше для котораго, его собственное счастіе...

Чувство, можетъ быть болѣе сильное, чѣмъ бы следовало, заставляетъ меня ухъать, но время возьметъ свое... я возвращусь...

И тогда, моя добренькая, мы посмѣемся вмѣстѣ, что минута—и вы связали бы жизнь свою съ уродомъ, съ тяжолымъ

человѣкомъ, который, желая вамъ счастія, только мучилъ бы васъ.

— Господи ты мой, Боже, что это такое чудное случилось съ барининомъ, говорилъ Антонъ Ивановичъ, осматривая со всѣхъ сторонъ коляску, стоявшую на дворѣ—ни съ того, ни съ сего заскучалъ, замаялся, и во всемъ Петербургѣ ужъ жить не хочетъ...

— Кого это вы браните? проговорилъ сзади хорошо знакомый ему голосокъ; — взныло сердце у Антона Ивановича, захныкалъ... Ахъ, вы моя такая, етакая, Дарья Пантелъевна, прощайте, моя дорогая... увъжаемъ мы съ Павломъ Александровичемъ, а ужъ какъ и любилъ-то я васъ, простите, къ слову пришлось... ужъ не обиждайтесь...

— Если вы меня точно любите, сказала дѣвушка раскрасившись: такъ зачѣмъ же дѣло-то стало... баринъ вашъ третьягодни былъ у насъ, и купилъ меня, хоть и долго не соглашалась барыня... я теперь вольная, онъ и васъ хочетъ выпустить на волю, а за вѣрную вашу службу обещалъ мнѣ приданое...

Антонъ Ивановичъ не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Ахъ, онъ голубчикъ мой... ахъ, вы моя Даша бѣдная, да правда ль все это, да откуда узнали вы, и откуда баринъ-то узналъ о любви нашей?.. не говорилъ ли я вамъ, что это ангельская душа, какъ вы его разъ какъ-то, когда еще меня убѣгали, уродомъ назвали?

— Что было, то прошло... пойдемте вмѣстѣ благодарить Павла Александровича...

— Пойдемте, Даша вы етакая, а какъ же... сказаль, видимо смутясь Антонъ Ивановичъ... нешто ужъ онъ не хочетъ, чтобы я служилъ у него...

— Что за пустяки, развѣ вы не можете оставаться у него... я поведу за вами... обозы Павла Александровича поѣдутъ, такъ онъ прикажетъ имъ взять меня... ужъ мы и изъ чести должны съ вами послужить етакому распрекрасному барину.

— А и впрямь, плутовочка моя, умница вы, позвольте вашу ручку поцаловать...

— Что вы, что вы! вы еще не мужъ мой, а изъ оконъ-то весь домъ насъ увидить!...

VI.

Вся леица Павла Александровича уже уложены, но онъ не торопится уѣзжать.... ему грустно разставаться съ мѣстами, гдѣ онъ столько почувствовалъ въ послѣднее время.... письмо къ Луизхенъ уже отправлено, мышкатъ нѣкогда, а онъ все сидитъ, не имѣетъ силы послать за лошадыми....

Вдругъ дверь за нимъ тихонько отворилась.... Сердце его вздрогнуло: передъ Валовымъ стояла Луизхенъ....

Она была грустна и печальна, но робость ея пропала, въ этотъ разъ она сама протянула ему руку свою....

— Я приходила проститься съ вами, другъ мой.... защитить васъ.... не стыдно ли уѣзжать и не.... проститься.... а за мной еще долгъ вашъ....

Павель Александровичъ только цаловалъ ея руку, безъ словъ, безъ движенія, весь исполненный счастья....

— И вы можете оставлять меня въ тяжолыя минуты жизни моей, когда мнѣ нужна ваша опора, утѣшенія ваши.... Вы меня обманули въ письмѣ, вы никогда не любили меня.... Вы бы не уѣзжали, если бы точно любили какъ я.... люблю васъ....

— Луизхенъ, дитя мое, это слово....

— Было бы давно высказано, еслибы я не боялась, что бѣдной дѣвушкѣ неидеть отвѣчать письмомъ, что и я готова тоже любить васъ, но....

— Луиза, какъ вамъ нестыдно....

Вся рѣшимость Валова пропала, вся зданія мысли разлетѣлись безъ слѣда—одна любовь жила въ душѣ его....

— Павель Александровичъ, какъ вамъ не стыдно, заключать такъ неосновательно, такъ обидно, какъ въ письмѣ нашемъ, обо мнѣ.... Если бы вы точно были уродеъ, то ваша прекрасная душа, не нашла бы себя отвѣта только въ душѣ уродливой.... Развѣ вы не вѣрите наукѣ, возвысившей васъ, развѣ вы не вѣрите чувству, которое говорить вамъ прямо: одна красота въ жизни не есть счастье, а только горе, и безъ васъ я не могу быть счастлива (если бы не общест-

венное разстоянiе наше, я бы давно сказала это вамъ откровенно), если вы хотите этаго счастья, будете друзьями....

— Дитя мое, я долженъ уѣхать, я писалъ къ вамъ, что заставляеть меня это сдѣлать....

— Я сожгла бы письмо ваше, если бы оно не было написано рукой вашей,—развѣ вы не вѣрите, что я могу васъ сдѣлать счастливой....

Павель Александровичъ готовъ былъ упасть на колѣна, раскрывъ ей всю душу свою, но въ воображеніи его мелькнуло грустное лицо Краузе.

— Луиза, Луиза, я долженъ уѣхать, я не могу не уѣхать: васъ любить другой, этотъ другой достоинъ васъ, я не хочу на пути своемъ погубить....

— Краузе?... но я никогда не могу любить его... мнѣ жаль Краузе, но чтожъ дѣлать... Уѣзжайте же, если вы можете отъ меня уѣхать!.. Вы добры, вы благородны, ваша борьба дѣлаеть васъ еще выше.... я не смѣю требовать отъ васъ поступка противъ убѣжденій, я безъ того слишкомъ смѣло высказала вамъ свои чувства....

— Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать! Неужели счастье свое долженъ я купить цѣною страданій другаго....

— Привыкшаго переносить горе.... Въ жизни его не будетъ уже ничего хуже того, что съ нимъ было.... кротко произнесъ сзади знакомый голосъ Краузе; во все время сцены онъ былъ тутъ, ревность привела его, онъ видѣлъ, когда Луиза вѣхала и не могъ не идти за ней....

Валовъ горячо сжалъ его руку.... Краузе заплакалъ и выбѣжалъ изъ комнаты, гдѣ узналъ онъ конецъ своей первой и единственной радости.... А и было отчего бѣжать ему.... Валовъ такъ радостно, такъ тепло цаловалъ по его уходѣ свою невѣсту.

Луизхенъ не противилась.... она была весела и счастлива....

— Если вы все еще боитесь моего непостоянства, Павель Александровичъ, то вы будете имѣть годъ сроку для испытанія меня; черезъ годъ кончится трауръ мой, до-тѣхъ-поръ мы чужіе.

— Прикажете идти за лошадьми, — сказалъ выставя лицо свое изъ за дверей Антонъ Ивановичъ.

— Натъ.... выкладывай вещи.... я остаюсь.

Антонъ Ивановичъ покачалъ головой:

— Не рехнулся ли баринъ-то! подумалъ онъ.

А бѣдный Краузе?

Съ этого дня совершился съ нимъ праственный метаморфозъ;—всѣ деньги, скопленные цѣною лишений, пошли на гулянья—не для чего уже было ему копить ихъ!... За то онъ кутилъ и веселился на дачахъ, въ только что открытомъ тогда Пассажѣ, и вездѣ, гдѣ на свои деньги, чело-вѣкъ можетъ пожуировать.... Валовы напрасно старались вырвать его изъ грязи, куда больше и больше съ каждымъ днемъ погрязалъ онъ....

Черезъ два года родился у Валова сынъ,—не чахлый, а здоровый и румяный,—весь въ Луизхенъ....

Антонъ Ивановичъ представлялъ Дашѣ сдакой, любившей иногла покапризничать, примѣръ господъ своихъ:

— Вѣдь вотъ живутъ какъ голубки, — не то что мы съ вами, Дарья вы Пантельвна!

НИКОЛАЙ КУРОЧКИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДАЧНЫЙ СОСѢДЪ.

ПОВѢСТЬ МЕРИ.

Виль д'Оврѣ.

Въ окрестностяхъ Парижа, лѣтомъ, когда солнце склоняется за холмы,—нижняя тѣнь разливается по полянамъ и придаетъ очаровательный видъ фермамъ, тропинкамъ, рѣшоткамъ парковъ, берегамъ рѣкъ, крышамъ замковъ, подернутымъ какъ бы зеленою плесенью, мирному горизонту, перерѣзанному рядомъ тополей, непошиженность которыхъ свидѣтельствуешь о спокойствіи, ясности воздуха. Ничего не можетъ-быть прелестнѣе вида живой картины, олушевляющей, такъ сказать, эту натуру, когда съ лѣстницъ станціи желѣзной дороги сбѣгаетъ цѣлый караванъ молодыхъ женщинъ и мужчинъ, спѣшавшихъ страхнуть парижскую пыль на сосѣднихъ лугахъ и населяющихъ, до слѣдующаго дня, маленькій городокъ изъ бѣленькихъ

домиковъ, разбросанныхъ по равнинѣ, точно длинная улица, измѣнившая прямой линіи, чтобы украсить холмиками и садами.

Юня 1 го, 1844 года, въ то самое время, когда версальскій поѣздъ остановился у станціи Виль д'Оврѣ, молодая женщина вышла изъ вагона и произвела сильное движеніе восторга въ толпѣ, находившейся въ залѣ пассажировъ.

Молодая женщина выдержала движеніе изумленія очень долго и спокойно, она не улыбалась восхищавшимся даже признательностью, выражающейся одною изъ улыбокъ, бросаемыхъ мраморными богинями на поклонниковъ, толпящихся у ихъ сиделки. Она сошла съ лѣстницы въ поѣздъ, гдѣ стоятъ рядомъ слабейскій омнибусъ и аристократическая коляска, общее назначеніе которыхъ,—развозка пассажировъ по дачамъ Виль-д'Оврѣ, удаленнымъ отъ станціи желѣзной дороги.

Около дюжины молодыхъ людей бросились къ омнибусу, въ пріятной надеждѣ проѣхать хоть пять минутъ, на одной скамьѣ, съ очаровательною женщиною, за которою слѣдовала горничная; одѣта она была въ черномъ, что заставляло предполагать въ ней вдову.

Молодая женщина остановилась на минуту, въ десяти шагахъ отъ деревенскаго омнибуса; маленькіе агатовые пальцы ея, отгнѣнные шелковыми полу-перчатками, болѣе граціозными чѣмъ мушья, завистливыя перчатки, открыли зонтикъ и она стала любоваться видомъ, съ выраженіемъ, изблнчавшимъ сильную внутреннюю радость.

Одинъ мыслитель сказалъ:

При видѣ прекраснаго мѣстоположенія, мы невольно ищемъ вокругъ-себя кого-нибудь, кому могли бы сказать:

— *Какое прекрасное мѣстоположеніе!*

Молодая женщина опустила зонтикъ на правое плечо, и слегка коснувшись китайскимъ въеромъ руки горничной, сказала ей съ выраженіемъ удовольствія и счастья:

— Делія, какъ хорошъ этотъ видъ!

— Да, небрежно отвѣчала Делія, смотря на поѣздъ, быстро летѣвшій къ Парижу,—видъ очень не дурень, но я предпочитаю ему лицу Сент-Онорѣ.

Печальная улыбка мелькнула на лицѣ молодой женщины.

— Делія, сказала она, мнѣ кажется, что кучеръ мой еще не пріѣхалъ.

— Вотъ онъ ѣдетъ, сударыня. Старый Антонъ не знаетъ еще дороги. Вѣдь онъ въ первый разъ пріѣзжаетъ за вами на станцію.

Ковдукторъ омнибуса очень фальшиво протрубилъ какую-то арію, нагбась склонить тѣмъ молодую женщину съѣсть къ нему; но, увидѣвъ красивую коляску, скоро приближавшуюся, онъ подалъ сигналъ къ отъѣзду.

Коляска скоро удалилась съ молодою женщиною и ея спутницею, и остановилась у рѣшотки одного сада; молодая женщина выскочила и вступила на порогъ своего дома или, лучше, на крыльцо храма цвѣтовъ.

Тамъ молодая и прекрасная вдова, графиня Клотильда де Фонтальбъ, скрываетъ свою красоту, свой умъ и свои богатства. Будучи только двадцати-шести лѣтъ отъ роду, она испытала уже всѣ страданія, изобрѣтенныя для женщинъ французскою мужскою любезностью; а потому, новое намѣреніе, принятое ею, и созрѣвшее подъ трауромъ, внушало ей радость, составлявшую часть ея будущности. Она рѣшилась жить пустынною, вдали отъ мірскихъ козней, отъ обольщеній Парважа. Планъ ея былъ прекрасенъ и соответствовалъ чистой простотѣ ея наклонностей: она любила цвѣты, музыку, живопись, вышиванье, чтеніе; этого было достаточно, чтобы бороться со скукою дня; что-же касается до часовъ ночи, то ихъ сокращалъ здоровый сонъ.

Съ какою прелестью дѣтской радости осматрѣла она всѣ подробности своего благоухающаго жилища! Сколько улыбокъ расточила она прекраснымъ цвѣтамъ, распускавшимся со всѣхъ сторонъ! Сколько ласкательныхъ взглядовъ подарила она фонтанамъ, лужайкамъ, кіоскамъ и мирному горизонту, обрамлявшему жизнь ея равной счастіемъ...

Вечеромъ этого перваго дня она уснула, вслушиваясь въ музыку, превосходившую музыку Россини... въ природную мелодію лѣтнихъ ночей.

Проснувшись, Клотильда де Фонтальбъ позвонила, Делія вошла съ тѣмъ пасмурнымъ видомъ, которымъ обыкновенно отличаются горничныя, когда ихъ будятъ въ шесть часовъ утра.

— Позвольте спросить васъ, сударыня... сказала Делія, одѣвая свою госпожу.

— Спрашивай, отвѣчала Клотильда улыбаясь.

— Неужели вы не находите, сударыня, что на дачѣ, простъ, невозможно жить, и что въ Парижѣ гораздо лучше?

— Я этого не нахожу, Делія.... Подыми шторы, я хочу видеть восходъ солнца; лучи его должны бросать дивные отблывы на вершины деревьевъ.

Делія хотѣла исполнить приказаніе своей госпожи, но вдругъ вспривнула.

— Невозможно поднять, сударыня! вотъ неприятно-то!... Мы вчера вечеромъ этого и не замѣтили.... Стоило увѣзжать изъ Парижа, чтобы имѣть сосѣдей и за-городомъ.... Куда не повернешься вездѣ сосѣди!... Точно, какъ и дворники....

Молодая женщина посмотрѣла по направленію пальца Деліи и, дѣйствительно, увидѣла сосѣда въ саду, находившемся по другую сторону дороги.

Сосѣдъ былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати четырехъ или двадцати шести и хотя онъ сидѣлъ, но все-таки можно было замѣтить его высокій и стройный ростъ; на всемъ на немъ лежалъ какой-то особенный отпечатокъ благородства и хорошаго общества. Несмотря на то, что было только шесть часовъ утра, одежда его голаясь-бы въ полдень и казалась, что то былъ какой-нибудь балльный посѣтитель, отдыхавшій на зарѣ отъ усталости вальса, чтобы снова возвратиться на балъ; каменная его неподвижность пугала взглядъ; онъ сохранялъ положеніе человѣка восторженнаго, задумавшагося и погруженнаго въ глубокія размышленія. Съ балкона Клотильда, можно было рассмотреть только часть его лица, но и этого было достаточно, чтобы составить выгодное мнѣніе о цѣлой его физиономіи. Волосы его были черны и волнисты, рука, совершенно женская, прекрасная и блѣдная. Торсъ его напоминалъ торсъ Антипы, только въ черномъ фракѣ.

Это случайное сосѣдство, какъ оно странно не было, первоначально очень мало заняло госпожу де Фонтальбъ. Она даже не высказала ни какихъ предположеній предъ своею горничною, молодою ловкою дѣвушкою, лукавою и предприимчивою во всѣхъ отношеніяхъ, истинною субреткою старинной комедіи.

Госпожа де Фонтальбъ ушла съ балкона, произнесла нѣсколько безсвязныхъ словъ, которыя поясняли, что эта виѣшняя картина не стоила труда, чтобы терять для нее болѣе времени, и продолжала заниматься своимъ туалетомъ, къ великому сожалѣнію Деліи. Молодая дѣвушка, кажется, готова была вѣчно продолжать наблюденія и чтобы заставить свою госпожу подойти снова къ окну, очень ловко оборвала два шнура. Это обстоятельство положило конецъ одѣванью и обѣ женщины подошли къ окну, близъ котораго Делія стара-

лась поправить свою оплошность и какъ-нибудь зашнуровать корсетъ.

— Очень неприятно, начала она, связывая свои гордіевы узлы, быть въ темнотѣ по милости сосѣдей.... Онъ все еще тамъ, на своей земной табуреткѣ, безъ всякаго движенія!... Я готова спорить, что это кака-нибудь статуя, одѣтая въ мужское платье... О, я не хочу скрывать, что онъ меня очень занимаетъ и если вы позволите, заведу такой шумъ, который навѣрно оживитъ эту модную статую.

— Не смѣй даже думать объ этомъ, отвѣчала Клотильда, не должно никогда подавать сосѣдямъ случай къ мысли, что ими занимаются и особливо тогда, когда о нихъ совершенно не думать.

— Но я буду чистосердечна, сказала Делія и признаюсь, что мнѣ всегда нужны для забавы, какіе-нибудь сосѣди, съ-тѣхъ-поръ, какъ я одѣта. Вы не повѣрите, какъ пріятно видѣть, что дѣлаютъ другіе, не будучи сама ни кѣмъ замѣчена. Вчера я съ большою неохотой пріѣхала въ деревню, полагая, что кромѣ деревьевъ мы не будемъ имѣть иныхъ сосѣдей; а нынче я уже чувствую себя гораздо веселѣе. Это сосѣдство общаетъ много. Всякій гонитъ скуку по своему.

Госпожа де Фонтальбъ отвѣтила на болтовню хорошенькой горничной самою одобрительною улыбкою и сѣла передъ балкономъ, скрываемаая сторою. Делія расплела прекрасные волосы своей госпожи и начавъ убирать ихъ, съ искусствомъ и ловкостію ученика Маристона или Рюттера, не терала изъ виду ни чего, что происходило вокругъ. Каждый локонъ упалъ изъ подъ ея руки черною змѣйкой, съ какимъ-нибудь новымъ замѣчаніемъ.

— Молодой сосѣдъ все въ томъ же положеніи.... онъ по прежнему смотритъ на то же дерево; можно подумать, что онъ считаетъ листья. Это будетъ очень продолжительно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не сидѣлъ-бы такъ спокойно, еслибъ зналъ, что у него сосѣдкою самая хорошенькая женщина. Вотъ еще новость.... вышелъ слуга, прекрасно одѣтый.... онъ положилъ книгу.... молодой человѣкъ беретъ ее.... оказывается, что онъ не статуя.... Онъ открылъ ее и читаетъ.... Сосѣдъ нашъ долженъ быть очень порядочнымъ молодымъ человѣкомъ; я узнаю это по прекрасному жилету его слуги.... Сударыня, довольны-ли вы вашей прической?

— Какая-бы она не была, отвѣчала госпожа де Фонтальбъ, улыбувшись самодовольно иредъ зеркаломъ, она всегда бу-

деть хороша для деревни, гдѣ всякій одѣвается только для себя самого.

— Позвольте мнѣ не согласиться съ вами, прервала Делія; въ этѣ деревнѣ нужно обращать на себя вниманія больше, чѣмъ въ Парижѣ. Когда вы выйдете въ садъ, всѣ окружныя окна тотчасъ отворятся и изъ нихъ сотни глазъ станутъ наблюдать за вами.

— Мнѣ это совершенно равно, сказала Клотильда, призадумываясь предъ множествомъ платьевъ, какое-бы изъ нихъ ей надѣть; мнѣ все равно, я умерла для свѣта... Я здѣсь заключилась какъ въ могилу и мало забочусь, будутъ-ли пренебрегать мною или удивляться въ Виль-д'Овре.

— Я вижу, что вы затрудняетесь въ выборѣ платья, замѣтила Делія съ легкимъ признакомъ насмѣшливости; правда, что всѣ они отличны, особливо это... Еслибъ я имѣла честь быть модной женщиной, я бы предпочла для деревни бѣлый цвѣтъ. Какъ бѣлое платье хорошо и бросается въ глаза, между зеленью деревьевъ! Къ этому я надѣла бы черную кружевную мантилью и легкую шляпку... Я увѣрена, что вы со мной согласитесь...

Клотильда равнодушно пожала плечами и указала на бѣлое платье.

— Первое, какое попадется подъ руку, отвѣчала она; мнѣ, право, все равно.

Кончивъ уборъ госпожи де Фонтальбъ, Делія сложила на груди руки и съ видомъ удивленія окинула Клотильду съ головы до ногъ.

— Боже мой! вскричала она, какъ счастливы мужчины, которые имѣютъ случай встрѣчать подобныхъ женщинъ.

— Глупая Делія, отвѣчала Клотильда, какое ты дитя!

— Я буду всѣмъ, чѣмъ вамъ угодно, сударыня... теперь я не вижу никакого препятствія поднять стору... а

Вѣроятно вамъ будетъ пріятно подышать на балконѣ утреннимъ воздухомъ?...

— Нѣтъ Делія, я сойду въ садъ.

— Молодой человекъ все на томъ же мѣстѣ, продолжала Делія, подымая рукою стору; онъ продолжаетъ читать... Онъ долженъ быть какой-нибудь сочинитель... впрочемъ вѣтъ, еслибъ онъ былъ сочинитель, онъ не читалъ-бы, а писалъ...

Делія обернулась; она была одна и только одинъ шумъ отъ платья госпожи де Фонтальбъ, сходящей съ лѣстницы, долеталъ до ея слуха; минута была благоприятна. Она съ шумомъ отворила окно и вышла на балконъ, освѣщаемая полными лучами утрен-

него солнца, хорошенькая какъ грація, послѣ окончанія убранства Венеры.

Делія разсчитывала на сценической эффектъ, но обманулась въ ожиданіи. Посмотря на провзведенный ею страшный шумъ, сосѣдь остался въ томъ же положеніи. Онъ продолжалъ читать и даже слуга не мелькнулъ предъ ней.

Тогда она начала иѣтъ одинъ изъ самыхъ живыхъ, вольныхъ кушетокъ, полила два горшка герани, уронила на севрскую дорогу лейку, била по стекламъ, какъ по клавишамъ, но всѣ эти маленькія хитрости пропадали безъ всякой пользы. Сосѣдь сохранялъ свое равнодушіе, свое спокойствіе и неподвижность.

Въ эту минуту во всемъ Виль д'Овре произошло всеобщее движеніе; его живописныя домики оживились, кіоски и бесѣдки наполнились хорошевыми женщинами; садовыя рѣшотки заскрипѣли на своихъ петляхъ; дѣти взобрались на деревья и всѣ стѣны покрылись, какъ большими плодами, головами любопытныхъ. Делія, видѣвшая это движеніе и полагавшая, что она уже слишкомъ много успѣла въ своемъ желаніи, хотѣла уже изъ скромности удалиться съ балкона, когда топотъ лошадей, шумъ каретъ, и всадники въ блестящихъ одеждахъ, показавшіеся на севрской дорогѣ, приковали ее къ мѣсту. Проѣзжали придворные. Но Делія мало обратила на нихъ вниманія, ея глаза не отрывались отъ ея таинственнаго и раздражавшаго ея любопытство сосѣда. Читавшій не переставалъ читать, слуга непоказывался. Вскорѣ шумъ блестящаго поѣзда смолкъ въ отдаленіи, и только слышался лай деревенскихъ собакъ, встревоженныхъ незнакомыми имъ лошадьми.

Внезапный приходъ разносчика отвлекъ Делію отъ мѣста наблюденія и доставилъ ей случай имѣть предлогъ сойти на севрскую дорогу въ надеждѣ, что можетъ-быть неподвижный молодой сосѣдь самъ выйдетъ за принесенными въ деревню газетами и журналами.

Она съ легкостію серны сбѣжала по лѣстницѣ.

— Есть-ли у тебя что для насъ? спросила служанка разносчика, останавливая его у дверей ихъ дома; что-нибудь для графини де Фонтальбъ? Нашъ слуга оставилъ вчера въ Парижѣ нашъ новый адресъ.

Лицо разносчика просвѣтлѣло предъ молодою и полнеюкою служанкою, ея розовыми щеками, зеленоватыми глазами и бѣлокурыми кудрями. Онъ снялъ шляпу, отеръ лобъ и отвѣчалъ какъ отголосокъ:

— Графиня де Фонтальбъ? Именно, вот пакетъ съ журналами по этому адресу.

— А писемъ нѣтъ? спросила Делія.

— Нѣтъ, сударыня.

— Пойщи получше, любезный.

— О, я уже все переискалъ, сударыня.

— Покажи мнѣ, пожалуйста, твою сумку и дай я поищу сама.

Я люблю читать имена, написанныя на адресахъ. Это все нашімъ сосѣдамъ. Каково! стало-быть около насъ живутъ все самыя порядочные люди; все лучшее общество... я полагаю, что у тебя есть или письма, или журналы всѣмъ жителямъ?

— Да, почти ко всѣмъ.

— Нѣтъ ли у тебя чего въ 21-й номеръ... вотъ, который напротивъ меня. Но, кажется, что этотъ номеръ ни кѣмъ не нанятъ.

— Нѣтъ, онъ нанятъ однимъ....

— Однимъ?...

— Однимъ медвѣдемъ, сударыня.

— Ахъ, Боже мой, что это ты говоришь?

— Да, и еще я льщу, называя того, кто нанялъ 21 номеръ, этимъ именемъ. Медвѣди, которые находятся въ ботаническомъ саду, гораздо образованнѣе и ласковѣе его.

— А что онъ молодъ или старъ, этотъ медвѣдъ? спросила Делія съ притворнымъ равнодушіемъ,

— Ему лѣтъ двадцать пять или тридцать, и хотя онъ всегда одѣтъ какъ герцогъ, только въ отношеніи къ вѣжливости совсѣмъ иной.

— Что же онъ такое сдѣлалъ тебѣ?

— Да вотъ что.... Во первыхъ онъ не получаетъ ни писемъ; ни журналовъ, что заставляетъ меня предполагать, что онъ умѣетъ читать. Согласитесь сами, всякій да получаетъ хоть отъ кого нибудь письмо на свѣтъ.... Медвѣдъ 21 номера ни отъ кого. Да вотъ что случилось еще недавно. Кто-то сдѣлалъ ошибку на адресѣ; это не новость; бываетъ столько разсѣянныхъ! Письмо было написано въ 21 номеръ; повинуясь своей обязанности, я прихожу, звоню, мнѣ отворлютъ, и я вижу предъ собою молодого человѣка, лежащаго на скамьѣ, какъ самый ужасный лѣнтяй. Я готовился вручить ему письмо, какъ явился слуга, прекрасно одѣтый, который сказалъ мнѣ очень грубо:

— Это не сюда.

— Но, возразилъ я, вотъ вашъ номеръ.

— Я тебѣ говорю, что баринъ мой не получаетъ ни какихъ писемъ, закричалъ онъ мнѣ указывая на дверь. Иди въ 31 номеръ.

— Но 31 номера не существуетъ.

— Такъ иди куда хочешь!

Въ эту минуту раздался звонокъ, которымъ госпожа де-Фонтальбъ звала Делію и горничная, простившись съ разносчикомъ, заперла дверь и побѣжала къ своей госпожѣ, передать новости о 21 номерѣ.

Клотильда развернула журналы, казалось выслушала съ терпѣливою благосклонностію рассказъ Деліи, и потомъ сказала ей строгимъ голосомъ:

— Правно, Делія, я вижу, что ты не тратишь даромъ времени, живучи въ деревнѣ, но этотъ родъ занятій мнѣ не нравится, и можетъ меня компрометировать. Ты молода, вѣтрена и неопытна, я тебѣ прощаю много проступковъ, потому что они неразлучны съ твоими лѣтми, но совѣтую на будущее время быть предусмотрительнѣе.

Послѣ этихъ деликатныхъ наставленій, Делія поспѣшила почтительно поклониться, благодаря этимъ за добрый совѣтъ.

Госпожа де Фонтальбъ поселилась въ Вилль д'Оврѣ безъ всякаго намѣренія и тѣмъ менѣе, чтобы взойти въ тѣсныя сношенія съ первыми попавшимися ей сосѣдями; напротивъ, она упорно желала отдалиться отъ всѣхъ, но очень свойственное человѣчеству любопытство занимало ее съ самаго утра, и хотя она наружно и старалась показать Деліи, что слушаетъ ее только изъ снисхожденія, а между тѣмъ слушала съ настроеннымъ вниманіемъ все, что только пересказывала ей сосѣдка о молодомъ сосѣдѣ.

Когда молодая и прекрасная вдова окончила перелистывать журналы, записки и фельетоны, когда она осмотрѣла всѣ свои цвѣты, клѣтки, свои ноты и книги она столкнулась лицомъ съ лицомъ съ тѣмъ ужаснымъ врагомъ, который издавна тревожитъ все человѣчество—со скукою, и вдругъ усомнилась въ принятомъ намѣреніи оставаться затворницею.

Грусть мрачить не только людей но и цвѣтъ неба, и зелень деревъ. Такъ-то сталося и съ Клотильдою. Она безсознательно сорвала цвѣтокъ, и бросила его на землю, уныло прошептавъ слѣдующіе стихи какого то неизвѣстнаго поэта: «Пожалуйте о смертномъ, который, одинокій съ своею скукою, идетъ за цвѣткомъ и хранитъ его для одного себя.»

Потомъ мысли ея невольно перенеслися къ таинственному мо-

лodomу чeлoвѣку, котораго случай даровалъ ей сoсѣдомъ и который съ такимъ упорствомъ и твердостью переносилъ одиночество и его томительную скуку.

— Проходя аллею, въ которой мечтала Клотильда, Делія остано- вилась и какъ бы ни чего не замѣчая сказала:

— Если у васъ нѣтъ для меня особыхъ приказаній, я стану продолжать мое вышиванье.

— Да, отвѣчала Клотильда ласковымъ голосомъ и съ нѣжною улыбкою, какъ бы желая ими загладить строгость недавняго выговора, да, Делія, иди работать и не терй напрасно времени съ сосѣдами и разносчиками.

— Ахъ, сказала вздыхая Делія, по отараченію, которое я чувствую къ работѣ, мнѣ кажется, что мнѣ суждено было родиться не иначе какъ для-того, чтобъ быть свѣтскою женщиной.

— Хорошо, по-крайней-мѣрѣ, что ты откровенна, Делія, замѣтила госпожа де Фонтальбъ.

— О нѣтъ, отвѣчала Делія, но если бы я не призналась въ этомъ, вы бы угадали.

— А что... не видишь ничего новаго... тамъ... напротивъ? спросила Клотильда голосомъ, который отзывался сколько угрозою, столько и какиъ-то поощреніемъ къ болтовнѣ.

— У сосѣда, сударыня?... О, ничего, или почти ничего... то есть, если позволите признаться, то убирая кое что, сейчасъ, въ верхней комнатѣ и совсѣмъ не желая, я видѣла, какъ нашъ сосѣдъ завтракалъ съ книгою въ одной рукѣ и съ вилкою въ другой—онъ кажется читаетъ постоянно и завтракалъ не болѣе пяти минутъ... потомъ онъ началъ гулять, не покидая книги... наконецъ, я могла разсмотрѣть его лицо. Оно совсѣмъ не замѣчательно. Онъ блѣденъ, съ большими черными блестящими глазами, съ тонкими усиками. Судя по выраженію, онъ долженъ принадлежать къ хорошей фамиліи.

— И ты разсмотрѣла все это, совсѣмъ того не желая? спросила улыбаясь Клотильда.

— Безъ всякаго желанія, сударыня. Согласитесь, я не виновата, что имѣю глаза.

— Хорошо, хорошо, Делія; иди, и принимайся за работу.

— Ахъ, я забыла сказать вамъ еще про одну странность, которую также не желала видѣть. Слуга принесъ блѣдному нашему сосѣду новую книгу, вѣроятно потому-что первая, не смотря на свою немѣрную толщину, была уже прочитана. Это заставляетъ полагать, что чтеніе продолжится до вечера. Я пойду работать, сударыня.

— Но неперемимая, прервала Клотильда съ строгимъ выраженіемъ, которое никакъ не согласовалась съ удерживаемою улыбкою; еще разъ какая мнѣ нужда во всемъ этомъ?

— Это справедливо, отвѣчала Делія, я забыла, что вамъ совершенно не нужны такія подробности. Впередъ этого со мною не случится.

Госпожа де Фонтальбъ хотѣла посвятить все остальное время вечера испытанію, можетъ ли она перенести совершенное уединеніе и занялась положительными и глубокими думами. Она повторила въ памяти печальную потерю своего прошедшаго, какъ превосходное средство, чтобы защитить себя отъ опасностей и потерь, которыя могли ее ожидать въ будущемъ. Она отпустила Делію, и желая освѣжить комнату, открыла окно. Сонъ всегда ослушивается тѣхъ, кто его ищетъ. Не имѣя силъ заснуть, Клотильда прислушивалась къ всякому шуму, ко всякому шороху, раздававшемуся въ окрестности среди лѣтней ночи, когда звукъ фортепіано заглушилъ все прочіе звуки. Прелодія раздавалась торжественно, величественно какъ звукъ храмоваго органа. То не былъ какой-нибудь навивный романсъ или каватина, готовая вылетѣть изъ губъ артиста. То было самое чудное гармоническое вдохновеніе, которое когда-либо-развѣ можетъ слышать челоуѣкъ, и то если ему будутъ доступны гимны небесныя...

Молодая женщина тихонько сошла съ постела и, скользя по ковру, подошла къ окну.

Комнаты сосѣдняго дома, ярко освѣщенныя, допускали видѣть все, что находилось въ нихъ. Молодой челоуѣкъ, таинственный сосѣдъ, сидѣлъ за фортепіано и пѣлъ самымъ чистымъ контраalto анданте изъ квинтета *celeste non piacere*, высокую мелодію Россіи, которой выраженіе заключаетъ въ себѣ радости, какія только можетъ таить въ себѣ челоуѣческое сердце.

Голосъ пѣвца имѣлъ невыразимую прелесть. Клотильда слушала съ какою то восторженностію этотъ гимнъ, который казалосъ подымался надъ вершинами деревъ мелодическимъ снопомъ и потомъ падалъ золотою росой, при блескѣ звѣздъ на землю, усыпанную цвѣтами.

Послѣ анданте, музыка прекратилась, комнаты потемнѣли и окна затворились. Госпожа де Фонтальбъ не слышала ни чего болѣе. Она окинула еще разъ маленькій городокъ съ его домиками, разбросанными по долинѣ и сѣла у окна, опустивъ голову, все еще прислушивалась къ умоляющему голосу сосѣда.

ГОСПОЖА И СЛУЖАНКА.

Странная жизнь сосѣда госпожи де Фонтальбъ ни сколько не измѣнилась и на другой день. Казалось, что таинственный молодой человѣкъ рѣшился постоянно заниматься. Слѣдующіе за этимъ дни не представляли ни какой значительной перемѣны и только была измѣнена программа ночнаго концерта, который молодой сосѣдъ давалъ самому себѣ передъ сномъ грядущимъ.

Такое соседство сдѣлалось наконецъ невыносимо и раздражительно. Нѣжные нервы госпожи де Фонтальбъ и Делія помпуптно волновались, при мысли объ этой живой загадкѣ, которая мелькала передъ ними, въ полномъ свѣтѣ, отъ утренней зари до поздней ночи. Однажды даже ветерпѣливая Делія, выведенная изъ себя молодымъ незнакомцемъ въ пятнадцатый разъ открывавшимъ одну и ту же книгу каждодневно, въ пять часовъ вечера, рѣшилась разбить стекло, которое съ трескомъ разсыпалось на каменной мостовой.

Головы всѣхъ сосѣдей, ожидающія только какого-нибудь случая, чтобы показаться наружу, толпою высунулись изъ оконъ и съ балконовъ, и только одна голова молодого сосѣда осталась наклоненною и неподвижною надъ книгою.

Клотильда рѣшилась принять самую дѣйствительныя мѣры, какія принимаютъ только въ крайнихъ случаяхъ. Она приказала затворить всѣ ставни въ верхнемъ этажѣ съ самымъ симметрическимъ шумомъ, который могъ дать время всякому увидать отъѣздъ ихъ. Она заключилась съ Деліею въ низу, закрыла фортепіано и прекратила всякія сношенія извнѣ.

Такая новая система существованія продолжалась три дня и всѣ сосѣди, въ продолженіи трехъ недѣль дѣлавшіе въ свою очередь, разныя заключенія о госпожѣ де Фонтальбъ и наблюдавшіе за нею, не менѣе какъ она за своимъ сосѣдомъ, наконецъ не стали болѣе сомнѣваться въ отъѣздѣ ихъ красивой дачницы и начали толковать ея отсутствіе не слишкомъ благоприятно для репутаціи молодой женщины.

На четвертый день вечеромъ Клотильда и Делія рѣшились покинуть свой притонъ, и переселившись въ верхній этажъ, сдѣлать рекогносцировку въ земляхъ сосѣда. Молодой человѣкъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ съ тою же книгою; это конечное обстоятельство убѣдило обѣихъ женщинъ, что ихъ непостижимый

сосѣдъ не перемѣнялъ своего образа жизни даже въ то время, когда онъ не могъ подозрѣвать, чтобы за нимъ наблюдали.

— Это уже слишкомъ! сказала Делія, сжимая надъ головою руки; есть отъ чего сойти съ ума! Сосѣдамъ не позволительно такъ вести себя; намъ нужно будетъ на него жаловаться.... Онъ ведетъ себя очень странно и даже, можно сказать, сумасбродно, графиня....

— Но кажется, Делія, замѣтила смѣясь госпожа де Фонтальбъ, что каждый можетъ распорядиться у себя какъ хочетъ. Почему ты думаешь, что онъ не имѣетъ права жаловаться въ свою очередь и на насъ. У себя онъ властенъ дѣлать что хочетъ.

— Да, сударыня, если только то, что онъ хочетъ, не беспокоитъ сосѣдей. На это есть постановленія. Въ Батиньоль рядомъ съ моей прежней госпожей, жилъ сосѣдъ, пускавшій каждый вечеръ фейерверкъ на заднемъ дворѣ. Она пожаловалась меру и тотъ запретилъ такое увеселеніе.

— Ты говоришь несправедливо, Делія; между нашимъ сосѣдомъ и вашимъ прежнимъ нѣтъ ничего общаго.

— Но, графиня, прервала Делія, я бы предпочла въ этотъ разъ, чтобы онъ пускалъ два раза въ день фейерверкъ, игралъ на трубѣ, читалъ вовсе горло провинціальную газету, чѣмъ такіе поступки. Тогда бы мы имѣли по-крайней-мѣрѣ удовольствіе и право жаловаться на эту язву, зная его имя и осыпать его упреками изъ нашихъ оконъ; между-тѣмъ какъ теперь, въ продолженіи трехъ недѣль, мы тратимъ лишь напрасно воображеніе, разгадывая тайну, которая мѣшаетъ намъ веселиться днемъ и спать ночью, не имѣя никакого права нарушить съ своей стороны спокойствія нашего сосѣда.

— Право, Делія, ты кажется принимаешь все это уже слишкомъ близко къ сердцу, замѣтила Клотильда, съ принужденною улыбкою, худо скрывавшею сильную озабоченность; не желая, чтобы это соседство свело тебя совершенно съ ума я, чтобы сохранить тебѣ послѣдній расулокъ, намѣрена уѣхать отъ сюда на двѣ недѣли и поселиться въ Сен-Клу, въ какой-нибудь гостиницѣ.

— А послѣ двухъ недѣль, сударыня?

— Мы вернемся опять сюда, и будемъ жить также, какъ жили до-сихъ-поръ.

— И увидимъ опять тоже самое, я готова прозакладывать голову. Если бы кто захотѣлъ со мною спорить, я готова жертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ, сохраняющимся въ сберегательной кассѣ, и утверждать что даже въ послѣдній лѣтній вечеръ,

этот противный молодой человек будет читать ту же самую книгу. Нѣтъ, графиня, какъ вы не старайтесь казаться хладнокровною, вы тоже женщина, и такой случай долженъ наконецъ истощить ваше терпѣніе!

— Советъ напротивъ, Делія; правда, что мое любопытство очень сильно, но между-тѣмъ я отнюдь не раздражена и это общество только занимаетъ меня. До-этихъ-поръ мнѣ случалось видѣть только вѣтренныхъ, праздныхъ, себялюбивыхъ людей, и вотъ я встрѣчаю случайно подъ моимъ окномъ, исключеніе— молодого человека совершенно противоположнаго, всегда прекрасно одѣтаго, только для собственного достоинства, который разсуждаетъ, учится, между-тѣмъ какъ другіе въ его лѣта стараются позабыть даже то, чему когда либо учились. Подобное открытіе рѣдко и достойно моего вниманія, и я бы желала узнать только имя нашего сосѣда, чтобы включить его въ мои записки какъ особенное чудо.

— Если это такъ, сказала Делія съ улыбкою, смѣшанною со вздохомъ, то дѣло важнѣе, нежели я предполагала.

— Берегись за свои слова, Делія, замѣтила графиня съ кроткою строгостію; моя снисходительность придаетъ тебѣ уже слишкомъ много смѣлости.

Делія посмотрѣла на потолокъ, повертѣла руками и закусила губы, какъ бы опасаясь высказать что нибудь болѣе.

Два дипломата могутъ иногда обмануть одинъ другаго, двѣ женщины никогда. Живое участіе, которое возбуждалъ въ графинѣ таинственный сосѣдь, не ускользнуло отъ Деліи. Клотильда также отгадала быстрое молчаніе Деліи, и не желая продолжать дальѣе разговора съ своею служанкою, отпустила ее, слѣлавъ нѣсколько незначительныхъ вопросовъ.

Мы уже сказали, что молодой сосѣдь разнообразилъ пѣніе и вмѣсто высокихъ торжественныхъ гимновъ, пѣвалъ аріи изъ разныхъ оперъ. Твердо увѣренная въ самой себя, графиня между-тѣмъ, нѣсколько дней сразу, отказывала себѣ въ удовольствіи слушать страстные напѣвы, которые каждый вечеръ звучали въ ушахъ ея. Быть можетъ, несмотря на всю свою твердость, Клотильда, видѣла какую нибудь опасность и страшилась пѣвчій голосомъ, имѣвшимъ для нея тѣмъ большую прелесть, что онъ всегда раздавался только въ тѣ часы, когда душа бываетъ особенно настроена, молчаливостію почти, ко всему, что ускользаетъ отъ нее въ шумѣ дня.

Когда въ этотъ вечеръ сосѣдь началъ предподирать, графиня отошла отъ окна съ твердымъ намѣреніемъ не слушать

пѣвца. Одно самое естественное разсужденіе остановило ее на срединѣ комнаты:

— Бѣжать, значить сознаваться въ своей слабости, предполагать опасность, подумала она. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ я не случилась здѣсь, я бы не пришла его слушать; но такъ какъ я случилась въ этой комнатѣ, останусь и послушаю.

Музыка, поразившая въ этотъ вечеръ слухъ ея, не принадлежала къ репертуару Оперы и гостиныхъ; то были мелодическіе звуки, полные страсти и пѣвности, слова, въ которыхъ каждый слогъ составляетъ слово любви, говорить о тоскѣ одиночества, манить счастіемъ обоюдности чувства.

Графиня ждала что пѣвецъ повторитъ свой романсъ, но никто въ окружности не требовалъ повторенія концерта. Фортепиано издало нѣсколько финальныхъ нотъ и умолкло. Темнота скрыла жилище пѣвца.

Солнце давно уже ходило по небу, когда графиня закрыла глаза. Деревенскій разносчикъ уже стоялъ предъ дверьми ея дома и отдавалъ Деліи послѣднее, оставшееся у него письмо.

— Ну, поработалъ таки я сегодня, сказалъ онъ горничной, отирая лобъ. Кромѣ обычныхъ писемъ и пакетовъ, я долженъ былъ разнести тридцать циркуляровъ, по-крайней-мѣрѣ верстѣ на шесть въ окружности. Я измучился какъ волъ и только потому не похожъ на него, что не впряженъ въ телегу.

— Тридцать циркуляровъ, замѣтила Делія, это просто мученье въ такой жарѣ!

— Вотъ и вамъ, сударыня; это послѣдній.

— Я знаю эти циркуляры. Это должно быть просьба участвовать въ какомъ нибудь базарѣ для благотворительной цѣли.

— Не могу вамъ сказать; я уважаю тайну писемъ; это моя обязанность.

— А скажи мнѣ пожалуйста... сосѣдь, который живетъ здѣсь, этотъ медвѣдь, по прежнему не получилъ ни одного письма?

— О нѣтъ, нынче я имѣлъ удовольствіе принести первое письмо въ его номеръ. Онъ также получалъ циркуляръ.

— Вотъ неожиданная новость. Какъ же принялъ тебя нынче его слуга? раскажи пожалуйста.

— Нынче меня приняли съ тѣмъ уваженіемъ, котораго заслуживаетъ моя должность.

Я позвонилъ; слуга отверъ мнѣ дверь.—Письмо къ господину Мишело де Розану, сказалъ я.

— Сколько слѣдуетъ заплатить, спросилъ меня слуга этого медвѣдя.

— Заплачено впередъ, отвѣчалъ я. Вотъ все, что я могу сообщить вамъ новаго.

— Мишель де Розанъ, вскрикнула Делія, стараясь сколько возможно скрыть свою радость. По-крайней-мѣрѣ, добавила она шопотомъ, намъ извѣстно его имя; и этого достаточно для начала.

Проститься съ разносчикомъ, прыгнуть на лѣстницу, запечатать дверь, подняться на верхъ и разбудить графиню, было для Деліи мгновеннымъ подвигомъ.

Первый взоръ госпожи де Фонтальбъ, кипутый на горничную, былъ грозенъ, потомъ онъ немного смягчился.

— Мнѣ показалось, графиня, что вы звонили, сказала Делія, подавая почтительно журналы и письмо.

— Делія, прервала графиня, ты очень хорошо знаешь, что я не звонила; не извиняйся впередъ этимъ, когда будешь приносить ко мнѣ письма, добавила она съ упрекомъ, происходившимъ быть можетъ отъ сладкаго прерваннаго свидѣнія.

— Простите, графиня, отвѣчала Делія, складывая руки такъ кротко и такъ значительно что невольно должна была укротить негодование всякаго разбуженнаго не вполнѣ; но вы не будете мнѣ нужны читать это письмо. Я знаю его содержаніе. Это приглашеніе участвовать въ базарѣ для благотворительной цѣли. Его получили всѣ сосѣди, даже господинъ Мишель де Розанъ.

— Кто это Мишель де Розанъ, котораго имя ты объявляешь мнѣ чуть не задыхаясь? спросила Делію госпожа де Фонтальбъ. Что это за лицо?..

— Это нашъ сосѣдь... тайна, загадка, все это одинъ и тотъ же Мишель де Розанъ; какъ объяснилъ мнѣ разносчикъ, принесшій сюда всѣ циркуляры.

— Послушай, Делія, сказала графиня строгимъ голосомъ, котораго служанка старалась показать видъ, будто испугалась; ты ужасно легкомысленна и безразсудна; ты готова меня компрометировать каждую минуту.

— Графиня, отвѣчала почтительно Делія, вы напрасно упрекаете меня, я ничего не спрашивала сама у разносчика, но вы знаете, какъ эти люди болтливы. Они готовы первые отвѣчать на все, даже на то, о чемъ никакъ не думаютъ ихъ спрашивать. Это не моя вина, какъ вы видите.

— Хорошо, хорошо, сказала графиня, худо скрывая улыбку. Дай мнѣ журналы и прочитай этотъ циркуляръ сама.

Делія взяла пакетъ, прочла нѣсколько строкъ и вскрикнула.

Потомъ она передала циркуляръ графинѣ. Она пробѣжала его въ минуту и передала Деліи.

Что же тутъ такого особеннаго? спросила она. Отчего ты закричала?

— Я никакъ не могла скрыть своего удивленія, графиня, отвѣчала скромно Делія.

— Удивленія? удивленія о томъ, что мертвъ Вилль д'Овре приглашаетъ меня на балъ? Чтò тутъ чрезвычайнаго?

— Если бы, графиня, вамъ было угодно понять лучше слова мои, то можетъ-быть....

— Не-смотря на все мое желаніе, это мнѣ невозможно, отвѣчала госпожа де Фонтальбъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, вы правы сударыня, я очень вѣтрена, и позабыла сказать, что разносчикъ принесъ также приглашеніе и нашему несносному сосѣду Мишелю де-Розану.

— Ну, чтò же изъ этого?

— То, что вырвавшійся у меня крикъ означалъ: вотъ наконецъ, неожиданный, благоприятный случай узнать кое-что положительное о нашемъ сосѣдѣ. Его отрываютъ отъединенія, размышленія и таинственности. Онъ будетъ разговаривать съ женщинами, приглашать ихъ на танцы, играть на фортепіано, разсуждать съ меромъ. Читая приглашеніе на балъ, я поняла все это въ одну минуту и крикъ мой былъ очень естественъ.

— Какъ ты все хорошо устроишь въ своей головѣ, сказала графиня, съ такою невнимательностію, которая ни сколько не показывала внутренняго волненія. Одно слово разрушить всѣ твои воздушные замки.

— Я бы желала услышать его, сударыня.

— Я не поѣду на этотъ балъ!

— Ахъ! вскрикнула Делія, съ насмѣшливымъ сомнѣніемъ. Я никакъ не ожидала этаго слова.

— Развѣ я для того пріѣхала въ эту глушь, чтобы показываться въ толпѣ? ты, кажется, знаешь это.

— Но деревенскій балъ не можетъ считаться свѣтомъ, графиня, замѣтила Делія.

— Да, если бы во время лѣта, эта деревня не обращалась въ шумный Парижъ.

— Вы раздражите и огорчите мера, вы рискуете поссориться съ нимъ, сударыня....

— Я лучше соглашусь поссориться съ меромъ, чѣмъ съ своею совѣстію. Притомъ же мое отсутствіе не будетъ ни кѣмъ замѣчено.

— Отсутствіе самой красивой парижской дамы не будетъ замѣчено! Это только вы можете такъ думать, сударыня.

— Замолчи, Делія, я совершенно неизвѣстна въ этой деревнѣ и желаю исполнить обязанности, которыя сама на себя наложилла.

— Вы неизвѣстны въ деревнѣ, вскрикнула Делія; ахъ, графиня, если бы вы хоть одинъ день побыли на моемъ мѣстѣ, вы бы усомнились въ вашей неизвѣстности. Вы только три раза выходили въ церковь, а между тѣмъ уже все кричатъ о вашемъ имени, о вашей красотѣ и прекрасныхъ приемахъ; и повѣрьте, не смотря на простоту вашей одежды, всякій узнаетъ въ васъ женщину большаго свѣта. Видяшіе васъ издали, угадывая вашу красоту ускоряютъ шаги, чтобы хоть минуту взглянуть на васъ вблизи и потомъ проходить мимо нашего балкона съ выраженіемъ восторга и удивленія. Существуетъ только здѣсь одинъ домъ, въ которомъ не говорятъ о вашихъ прелестяхъ и въ которомъ вы до сихъ поръ неизвѣстны, этотъ домъ перель вами...

— Делія, сказала графиня, прерывая служанку, откуда ты знаешь все... Каково, продолжала госпожа де-Фонтальбъ, она успѣла открыть даже, что человекъ, о которомъ и совѣмъ не желаю думать, называется Мишелемъ де-Розаномъ.

Графиня произнесла эти слова въ полголоса, будто про себя, какъ бы желая этимъ поощрить Делію къ дальнѣйшимъ разсказамъ, не роняя между тѣмъ своего достоинства.

— О, я бы узнала его имя въ первый день, продолжала Делія, если бы хотѣла, но я знаю, сколько должна дорожить вашимъ именемъ. Я только нечаянно воспользовалась такимъ открытіемъ, отъ болтуна, который ни сколько не можетъ васъ компрометировать.

— Это значитъ, сказала графиня, развертывая обертку журналовъ, что ты и еще узнаешь что нибудь случайно.

— Да, отвѣчала Делія, я увѣрена, что узнаю что нибудь больше, чѣмъ одно имя.

— Вотъ какъ, сказала госпожа де-Фонтальбъ, читая заглавіе журнала.

— Этотъ молодой человекъ влюбленъ, продолжала Делія, съ увѣренностію, и я открою предметъ его страсти.

— Какъ ты еще молода, Делія, замѣтила графиня, принимаясь смотрѣть на другое заглавіе; нашла же ты влюбленнаго, должно быть, самаго новаго рода.

— Вы правы, графиня, это влюбленный совершенно новаго рода. Вѣроятно этотъ молодой человекъ готовится жениться и готовится къ супружеской жизни уединеніемъ. Дома онъ занимается серьезными предметами, а ночью воспѣваетъ свою любовь и, должно признаться, такимъ голосомъ, который долетаетъ не до одного слуха, но и до сердца. Если онъ не влюбленъ, то никто не любилъ и не будетъ любить. И какъ должна быть счастлива любимая имъ женщина!... Вотъ я полагаю въ чемъ состоитъ его тайна, по мы скоро узнаемъ все, я несомнѣваюсь.... Если сосѣдь нашъ приметъ приглашеніе мера, это будетъ значитъ, что онъ будетъ не одинъ; ихъ будетъ двое; я заранѣе почитаю себя счастливою, что буду издали смотрѣть на этотъ балъ и подиѣчать тайну его сердца.

— Делія, сказала графиня, взявъ журналъ въ руки, скажи кучеру, чтобы онъ закладывалъ точчасъ коляску, и приходи поскорѣе одѣвать меня. Я ѣду на нѣсколько дней въ Парижъ.

— Въ Парижъ, сударыня?

— Право, Делія, мнѣ кажется ты поминутно готова теперь вскрикивать отъ удивленія. Что же ты находишь чрезвычайнаго въ этомъ отъѣздѣ?...

— Право, ничего! вы вѣроятно не все ваши дѣла окончили въ Парижѣ... Поѣду ли я съ вами, графиня?...

— Нѣтъ, я пробуду въ Парижѣ только нѣсколько дней... и посмотрю, могу ли тамъ обойтись безъ горничной хоть одиѣ сутки.... Делія, я кажется, что-то тебѣ приказывала?

Делія почтительно кивнула головою и вышла.

Черезъ нѣсколько часовъ вся садовая улица, на которой жила госпожа де-Фонтальбъ была въ сильномъ движеніи отъ любопытства. Двѣ красивыя лошади и богатая коляска заставили высунуться изъ оконъ всѣхъ сосѣдей. Графиня скоро показала на порогѣ и вспрыгнула въ экипажъ.

Кучеръ наклонился къ Деліи, стоявшей у подножки коляски.

— На станцію, что ли? спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, по севрской дорогѣ, въ Парижъ, отвѣчала она.

Делія проводила глазами графиню и побранивъ сквозь зубы Мишеля де-Розана, который одинъ изъ всѣхъ живущихъ, не занялся отъѣздомъ госпожи ея, заперла дверь и пошла въ садъ ломать себѣ голову и отгадывать таинственную причину, кото-

рая, вдругъ, повлекла графиню въ Парижъ, куда прекрасная, добровольная отшельница не хотѣла никогда возвращаться.

Делія думала два дня, строила разныя предположенія и ничего не отгадала.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Въ то самое время, когда графиня спѣшила въ Парижъ, около девяти часовъ вечера, въ одной изъ многолюдныхъ улицъ этого города собралось у молодого Вильфрида Граціо нѣсколько молодыхъ людей. Когда общество составило довольно значительный кружокъ, Вильфридъ Граціо, считавшійся въ модномъ свѣтѣ за богача, артиста и литератора, сѣлъ въ кресло и развернувъ рукопись, связанную зелеными лентами, просилъ позволенія сказать нѣсколько словъ. Потомъ, окинувъ внимательнымъ взглядомъ собравшихся, началъ такъ:

— Госпожа, драматическое произведеніе, которое я буду имѣть честь вамъ читать, носитъ заглавіе «Нур-Иеганъ». Содержаніе его заимствовано изъ исторіи королевства Лагорскаго или Пенджабскаго. Дѣйствіе происходитъ въ правленіе Короля Иеганджира.

Всѣ вы знаете, господа, храбрую супругу Иеганджира, Нур-Иеганъ, амазонку, которая перешла на слонѣ рѣку Иеллисъ, дала огромное сраженіе Емиру Мохабету, чтобы возвести на престолъ своего сына и сама растрѣяла стрѣлы изъ пяти колчановъ. Вы всѣ знаете эту эпопею борьбы бронзовыхъ гигантовъ, согрѣтую солнцемъ тропиковъ, которая, въ продолженіи многихъ вѣковъ, разоряла самую цвѣтущую страну свѣта и наполняла развалинами и водами.

Изъ этой-то плодотворной земли, этой огромной книги былого, извлекъ я мое драматическое произведеніе Нур-Иеганъ. Я поручаю себя вашему вниманію, не требуя отъ васъ снисходительности.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Въ глубинѣ сцены, рѣка Иеллисъ, окруженная пятью кирпичными пирамидами, воздвигнутыми воинами Александра. На-

лѣво, на первомъ планѣ, палатка Нур-Иегана. На право пальмовый лѣсъ. При поднятіи занавѣсы, начинается занимать заря. Два воина играютъ въ шахматы передъ палаткою. Камни замѣняютъ имъ шахматы.

— Это очень хорошо, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, я люблю поднятіе занавѣсы.

— И тѣмъ болѣе правдоподобно, прибавилъ другой, свѣсивъ голову на спинку кресель, что всѣ Сипай и носильщики паланкиновъ играютъ въ шахматы на протяженіи четырехъ-сотъ лѣтъ отъ Калкуты до Лагора.

Граціо поблагодарилъ наклоненіемъ головы, взглянулъ въ окно, выходящее на дворъ, выказалъ какое-то безпокойство и продолжалъ:

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(*Воинъ, выступалъ пшикою*).

Старикъ Факиръ, играющій всегда съ бонзой Тобліемъ,
И всякій разъ изъ дюжины игорь одну ему дающій,
Мнѣ говорилъ однажды: Слушай сынъ
Слона всегда ты ставь предъ Королевой
Иль будешь мать. То мудрый былъ советъ:
Нур-Иеганъ его примѣнить къ дѣлу
И Лагора врата откроетъ Королевъ
И юный сынъ ея на утро будетъ царь.

Въ эту минуту дверь отворилась и какой-то молодой человекъ, очень хорошо одѣтый, скорыми шагами вошелъ въ комнату. Чтеніе тотчасъ прекратилось.

— Какъ, это ты! вскричалъ читавшій, положи рукопись на столъ; вотъ ужъ я никакъ не ожидалъ тебя.

— Я поѣхалъ въ девять часовъ съ половиною, отвѣчалъ прибывшій и почую въ Парижѣ, а съ восходомъ солнца опять уѣду завтра въ свою Виль-д'Оврскую пустыню.

— Ну, а какъ наши дѣла? спросилъ тихо хозяинъ.

— До-сихъ-поръ, отвѣчалъ прибывшій, я ничего еще не могу сказать, кромѣ того, что ужасно скучаю.

— Бѣдный де-Розанъ, сказалъ Граціо.

— Не прозвоня так громко моего имени, замѣтил де-Розанъ, таинственный сосѣдъ, госпожи де-Фонтальбъ, я, какъ тебѣ известно, сохраняю здѣсь никого и не желаю добровольно потерять то, что имѣю право купить за мѣсячное отчужденіе отъ васъ и отъ всѣхъ удовольствій.

— Да, да, подтвердилъ Граціо, бѣдный де-Розанъ; но расскажи намъ, почему пришла тебѣ охота преслѣдовать графиню такъ странно! Надѣяться успѣть тогда, когда ты не обращаешь на нее никакого вниманія—вотъ новый родъ Дон-Жуанства!

— Отъ этаго-то поведенія я и жду вѣрнаго успѣха, отвѣчалъ де-Розанъ; вы знаете, какъ графиня была избалована. Всѣ мужчины начали казаться ей вѣтренными, не стоящими вниманія. Она въ отчаяніи удалилась изъ Парижа и кажется поклялась, что Гименъ никогда не будетъ имѣть на нее права. Это мнѣ стало досадно за весь мужскій полъ вообще и за себя въ особенности, тѣмъ болѣе, что госпожа де-Фонтальбъ премилая женщина, хотя и оригинальна до крайности. Я встрѣчалъ ее иногда въ свѣтѣ и не будучи примѣченъ ею, замѣчалъ, любилъ прислушиваться къ ея разсужденіямъ. Остальное вамъ известно; я поселился въ Виль-д'Овре и съ тѣхъ поръ неизмѣнно своей тактикѣ. Мое упорное одиночество, странность моихъ поступковъ раздражали любопытство графини; воображеніе докончить остальное. Нынче я узналъ, что госпожа де-Фонтальбъ ухала въ Парижъ отъ бала, на которомъ могла быть лучшимъ украшеніемъ. Это меня испугало и разстроило, но къ счастью, свѣденія, собранныя мною, оказались благоприятными и я спѣшу возвратиться въ свое уединеніе. Прощайте, теперь уже поздно; я вамъ буду писать о всемъ, что случится, изъ Виль-д'Овре, а въ замѣнъ прошу только одного—не пишете мнѣ сами ни строчки. Это необходимо. Графиня кажется поклялась полюбить только нелюдима и чулака. До свиданія.

Молодые друзья расстались...

ДЕРЕВЕНСКІЙ БАЛЬ.

На колокольѣ Виль-д'Овре пробило десять часовъ вечера. Опершись рукою на балконъ, Делія, съ слезами на глазахъ, слушала отдаленные звуки бала и отъ чистаго сердца бранила графиню, которая такъ неожиданно уѣхала въ Парижъ, безъ

сомнѣнія изъ страха не пасть предъ искушеніями такого веселаго праздника.

Въ то время, когда молодая горничная предавалась отчаянію, видя, что ей не удастся полюбоваться живописною картиною Виль-д'Оврескаго бала, предъ домою графини остановилась знакомая уже коляска и слуга почтительно высаживалъ изъ нея госпожу де-Фонтальбъ.

Делія едва удержалась, чтобы не вскрикнуть отъ радости; какъ безумная бросилась она стремглавъ съ лѣстницы на встрѣчу графини, которая перебѣгала съ ступени на ступень въ одѣждѣ, не представлявшей никакихъ сомнѣній о томъ, какъ она желала провести вечеръ.

— Ступай и одѣвайся скорѣе, Делія, сказала графиня, входя въ комнату.

— Мнѣ одѣваться! вскрикнула Делія, прыгая отъ радости. Если вы графиня удостоите окинуть меня взглядомъ, вы увидите, что я уже почти готова и могу сопровождать до двери бала такую красавицу какъ вы!

— Она права, прошептала графиня, осматривая горничную съ удивленіемъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то страхомъ... Развѣ ты угадала, Делія?...

— Я ничего не угадала, отвѣчала Делія, и только предполагала. О, суларыня, позвольте еще разъ осмотрѣть васъ... Боже, какъ вы хороши, и по всей справедливости только въ Парижѣ умѣютъ убирать молодыхъ дамъ, какъ слѣдуетъ... Прекрасная мысль мелькнула у васъ... Васъ просятъ на деревенскій балъ; ничего не готово... вы ѣдете въ Парижъ и возвращаетесь отъ туда, какъ слѣдуетъ, въ самый часъ начала праздника!

— Делія, ты можешь болтать что хочешь. Нынче въ полдень, я еще не думала быть на балу... но потомъ перемѣнила мнѣніе. Такъ какъ я поселилась въ этой деревнѣ, то имѣю ли право быть невѣжливою противъ мера, который не позабылъ о моемъ уединеніи. Эта мысль рѣшила меня согласиться на его обязательное приглашеніе.

— Я тоже думала, что вы кончите такъ, а не иначе, подтвердила Делія... какъ можно, чтобы вы рѣшились огорчить кого-нибудь, особенно мера, человѣка почтеннаго и гостепріимнаго... Быть-можетъ и кто-нибудь другой, по этому же случаю, будетъ на балѣ...

— Кто же, этотъ другой?... что за странное слово, Делія, лучше поспѣшимъ на балъ и, пожалуйста, не болтай ничего лишняго съ горничными..., слышавъ?

— Мало того, что слышу, — понимаю.

Когда слуга доложилъ о прїѣздѣ графини де-Фонтальбъ, меръ самъ поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и ввелъ ее въ залу, при звукахъ Штраусова вальса. Въ круженіи его вихря быстро незамѣтилъ вновь прибывшей, но графиня однимъ быстрымъ взглядомъ окинула всѣхъ посѣтителей и увѣрившись, что всѣ были ей незнакомы, не остановила вниманія ни на одномъ лицѣ.

За то всеобщее вниманіе сосредоточилось на Клотильдѣ послѣ вальса, и толпа молодыхъ людей спѣшила составить вокругъ нее тѣсную рамку. Каждый спрашивалъ своего сосѣда и получалъ въ отвѣтъ только жестъ молчаливаго удивленія. Двадцать гандовщиковъ устремились приглашать госпожу де Фонтальбъ, но ни одинъ изъ нихъ не отважился подойти первымъ. Такъ величественна и недоступна была она въ красотѣ своей. Между-тѣмъ какъ состязатели переглядывались и ожидали въ кругу своемъ смѣльчака, какой-то молодой человекъ, стоявшій въ отдаленіи отъ всѣхъ, приблизился къ креслу госпожи де Фонтальбъ и почтительно произнесъ обычное приглашеніе на танцы.

Молодая женщина легкимъ наклоненіемъ головы изъявила свое согласіе, не видя между-тѣмъ лица того, кто приглашалъ ее, потому что онъ стоялъ за спинкою ея кресла. Оркестръ заигралъ; въ эту минуту только графиня взглянула на своего кавалера и невольный трепетъ пробѣжалъ по ней. То былъ ея таинственный сосѣдъ, отшельникъ Виль д'Овре, денди-траппистъ, котораго странная жизнь давно занимала любопытное воображеніе обихъ женщинъ.

Съ какою ловкостію, съ какими изящными приѣмами, какими гармоническими словами началъ онъ разговоръ, которымъ каждый каналеръ волею или неволею обязанъ занимать свою даму.

Мишель де Розанъ прїѣхалъ на этотъ балъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ.

— Если я встрѣчу госпожу де Фонтальбъ, думалъ онъ:—если

только я встрѣчу эту женщину, которая мѣсяцъ тому назадъ просталась со всѣмъ свѣтомъ, то она прїѣдетъ на балъ для одного меня. Мои невинныя тенѣта, поставленныя противъ нее въ саду, подлѣ ея балкона, стало-быть не пропали даромъ, и тогда я могу рѣшиться на все, не переходя черту приличій и тѣ условія, которыя требуются отъ почтительной и робкой любви.

Воспользовавшись нѣсколькими минутами отдыха въ антрактѣ кадрия, Мишель де Розанъ началъ разговаривать съ госпожею де Фонтальбъ.

— На балъ прїѣзжаютъ всегда съ такою радостію, сказалъ онъ, и оставляютъ залу вѣчно съ грустью. Этотъ опытъ долженъ бы казаться всякаго удерживать дома и тѣмъ избавлять отъ такихъ воспоминаній, которыя сглаживаютъ пріятныя впечатлѣнія.

— По чему же это? спросила графиня, поднявъ глаза на лобстру:—можетъ ли кто это доказать, и на всѣхъ ли равно дѣйствуетъ такъ балъ?

— О, я не говорю про всѣхъ, возразилъ де Розанъ: — я включаю въ это число не много избранныхъ.

— То-есть такихъ, замѣтила графиня: — когорые понимаютъ поэзію удовольствій.

— Такіе-то люди и суть мои избранные, графиня; они съ восторгомъ наслаждаются своею жизнію. Несмотря на то, что разсудокъ долженъ удалять насъ отъ такихъ роковыхъ случаевъ, которые доставляютъ намъ счастье страдать, мы все-таки бѣжимъ за ними.

— Стало-быть вы и себя причисляете къ этимъ немногимъ? спросила графиня съ притворною разсѣянностію и невнимательностію, играя своимъ китайскимъ опахаломъ.

— Къ счастью или несчастью, только да, сударыня!

— И прїѣхали на балъ искать благопріятнаго случая быть завтра несчастливимъ?

— Да, завтра, а можетъ быть и всегда!

— Всегда! Вотъ какъ вы честолюбивы и постоянны въ вашихъ удовольствіяхъ. Впрочемъ я понимаю васъ, и кажется, могу истолковать вашу мысль. Балъ сильно раздражаетъ и кружитъ голову: все носится въ вихрѣ движенія, все въ немъ веселье и радость, потомъ слѣдуетъ безмолвіе, скука и уединеніе. Это еще болѣе испытываемъ мы, женщины, между-тѣмъ какъ мужчины всегда имѣютъ возможность разсѣяться, даже послѣ бального шума и

вы, также какъ и прочіе молодые люди вашихъ лѣтъ забудете круженіе этого кадрили среди круженій и шума Парижа.

— О, никогда никогда, сударыня... для этого бала я покинулъ свое уединенное убѣжище, которое мнѣ всегда было драгоцѣнно, а завтра быть-можетъ будетъ почтенно и славно. То, что происходитъ со мною нынче вечеромъ, не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенною жизнью. Я, оставивъ Парижъ, бѣжалъ не отъ толпы, но отъ одной преслѣдовавшей меня мысли. Я похоронилъ себя въ цвѣточную могилу, не далеко отъ сюда, не имѣя, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ другихъ товарищей, кромѣ науки и искусства; мой умъ былъ спокоенъ и я быть-можетъ позабылъ бы...

Но случай имѣетъ всегда роковую предусмотрительность... Я прибылъ сюда на балъ изъ одного приличія и что-же... встрѣчаю здѣсь женщину, точь въ точь живой призракъ той, которую я долженъ забыть навсегда по долгу и обязанности.

— Но мнѣ кажется, что вы мнѣ высказываете сердечную исповѣдь, замѣтила графиня, старался скрыть улыбкою и охаломъ, внутреннее волненіе.

— Простите, если я какъ-нибудь оскорбилъ ваше вниманіе, сударыня, отвѣчалъ Мишель де Розанъ; я готовъ стать предъ вами на колѣна...

— Признаніе не можетъ никого оскорбить, сказала молодая женщина, оборотельнымъ голосомъ. Балъ кажется изобрѣтены только для признаній, и ихъ по неволѣ принимаютъ точь въ точь, какъ будто они вырываются какъ какіе-нибудь невольные вздохи. Итакъ вы нашли здѣсь чрезвычайно сходящую женщину, съ...

— Да, сударыня, я люблю одну благородную даму и люблю ее безнадежно, почтительно, молча, такъ что она и не подозреваетъ моего чувства. То, что я узналъ объ этой женщинѣ, заставило меня покинуть Парижъ. Она прекратила всѣ связи, соединяющія ее съ обществомъ, сказала вѣчное прости свѣту и ея вдовство не будетъ имѣть окончанія.

— О, сударь, прервала графиня, возвышая голосъ, молодая женщина, часто даетъ такіа обѣщанія, но послѣ нѣкотораго времени...

Тутъ графиня замолчала.

— Но, сударыня, продолжалъ де Розанъ съ жаромъ, она кажется намѣрена сдержать свое слово.

— Теперь въ этой исповѣди недостаетъ только имени, замѣтила своему кавалеру госпожа де Фонтальбъ.

— Имя это я долженъ вырывать изъ сердца, сударыня...

— Какое же оно?

— О, я не могу произнести его; на языкѣ человѣческомъ нѣтъ такихъ гармоническихъ звуковъ....

— Однакоже?

— Это,—графиня Клодильда де Фонтальбъ, а ея живой двойникъ.... вы....

Послѣдній звукъ смычка прервалъ разговоръ и госпожа де Фонтальбъ не имѣла случая выказать свое удивленіе.

Де Розанъ подвелъ ее къ креслу и удалился въ садъ, чтобы подышать прохладой вечера.

Отдыхъ не былъ продолжителенъ, танцы слѣдовали за танцами и графиня получила столько приглашеній, что потеряла надежду возобновить разговоръ съ своимъ первымъ кавалеромъ. Между-тѣмъ Мишель де Розанъ выбралъ себѣ приличное мѣсто, чтобы незамѣтно наблюдать за молодою графинею и угадывать, по выраженію ея лица, что происходитъ, послѣ ихъ разговора, въ ея сердцѣ.

Это наблюденіе требовало опытнаго взора, потому-что всякая женщина умѣетъ искусно скрывать передъ толпою самыя сильныя ощущенія. Де Розанъ проникъ эту маску и подъ видомъ равнодушія и безпечной веселости замѣтилъ большую озабоченность. Онъ сталъ въ свою очередь ждать случая снова сойтись съ графинею и помѣстился какъ бы нечаянно на порожнее кресло, стоявшее рядомъ съ тѣмъ, на которомъ должна была сѣсть Клодильда.

Въ-самомъ-дѣлѣ, она скоро очутилась рядомъ съ нимъ.

— Сударыня, началъ опять де Розанъ, я покину этотъ балъ, съ глубокою грустью въ сердцѣ; я чувствую, что въ глазахъ вашихъ, я ничто иное какъ преступникъ, незаслуживающій прощенія, а между-тѣмъ.... Ваше милое имя звучитъ во всѣхъ устахъ, слѣдовательно оно не можетъ быть здѣсь тайною. Я дѣлалъ вамъ не признаніе въ любви къ другой, я желалъ высказать свою страсть вамъ, и прошу у васъ какъ милости забыть, что я имѣлъ несчастье совершить такое огромное преступленіе.

— Какое же преступленіе? отвѣчала графиня, я увѣрена въ такъ воспитаны, что не захотите съ намѣреніемъ оскорбить

женщину; впрочем, я вамъ прощаю отъ всего сердца воображаемое зло. Я отнюдь не желаю быть причиною вашей завтрашней грусти.

— Ваше равнодушіе, графиня, причиняетъ мнѣ больше грусти, чѣмъ вашъ гнѣвъ. Вы поступаете со мною какъ съ вѣтреннымъ ребенкомъ и смотрите на меня съ состраданіемъ, съ высоты вашего величія. О, еслибъ вы знали, что нѣтъ ничего убійственнѣе женскаго состраданія!

Ненависть можетъ еще породить въ насъ надежду; состраданіе никогда.

— Это кажется мнѣ очень страннымъ, замѣтила госпожа де Фонтальбъ. Что же вы желаете? чтобы я обидѣлась и разсердилась на васъ?...

— Да, я бы предпочелъ это. Вы не знаете меня, вы первый разъ меня видите и поступаете такъ великодушно, какъ не поступили бы съ самымъ искреннимъ своимъ другомъ. Тутъ скрывается для меня такая задача, которой я не понимаю.... Ваша доброта заставляетъ меня трепетать. Она убійственнѣе самаго сильнаго равнодушія....

Мишель де Розанъ придавъ лицу своему выраженіе глубокаго отчаянія. Графиня старалась показаться хладнокровною и искала случая покончить какънибудь этотъ разговоръ, который приводилъ ее въ смущеніе.

— Скажите откровенно, спросила она; когда видѣли вы меня въ первый разъ?

— Три года тому назадъ, отвѣчалъ де Розанъ утвердительно: 12 апрѣля, на балу у герцогини де Клозанъ, въ улицѣ Анжу-Сент-Оворе, № 39.

— Да, это правда, я была на этомъ балу.... тѣмъ болѣе, что на немъ былъ почти весь Парижъ.

— Я видѣлъ тамъ только васъ, графиня, и съ той минуты вы сдѣлались единственною мечтою моей жизни. Я васъ увидѣлъ въ полномъ сіяніи вашей красоты, потомъ я встрѣтилъ васъ въ одеждѣ вдовы и съ грустію узналъ о вашемъ намѣреніи удалиться отъ свѣта и заключиться въ глушь провинціи. Тогда я самъ обрекъ себя также на уединеніе и поклялся жить одною мыслию о васъ и о моей безнадежности.

На лицѣ графини мелькнула самодовольная улыбка; въ эту минуту раздались звуки фортепіано и какая-то молодая, шестнадцати лѣтняя дѣвушка зашла романсъ.

Мишель де Розанъ всталъ, показывая видъ, что хочетъ раскланяться съ графинею; но она остановила его благосклонною улыбкою.

— Мнѣ кажется, сказала она, что вы не слишкомъ большою любитель музыки и пѣнія?

— Подлѣ васъ, графиня, отвѣчалъ де Розанъ, можно полюбить самаго злаго врага. Впрочемъ, чтобы подтвердить ваши догадки, признаюсь вамъ, что въ музыкѣ и въ пѣніи я люблю только серьезныя вещи.

— Въ такомъ случаѣ, сказала графиня съ такимъ взглядомъ, который заставилъ вспыхнуть де Розана:—я увѣрена, что вы мнѣ не откажете въ томъ, о чемъ я намѣрена просить васъ.

Де Розанъ почтительно поклонился.

— Вы вправѣ приказывать мнѣ, графиня, а не просить, отвѣчалъ онъ:—ваше слово для меня законъ.

— И такъ, продолжала госпожа де Фонтальбъ:— вы видите, балъ превратился въ концертъ. Я васъ прошу сѣсть за фортепіано и спѣть намъ какую-нибудь мелодію.

— Какую-же, графиня?

— О, первую, какая придетъ вамъ въ голову, Напримѣръ, хоть эту:

Я слушала его прекрасный голосъ,
Когда луна серебрила даль полей.

Де Розанъ поднялъ голову и на лицѣ его выразилось приторное удивленіе. Онъ всплеснулъ руками:

— Какъ, вскричалъ онъ:— вы знаете эту мелодію, графиня? Но эта мелодія сочинена мной, какъ музыка, такъ и слова! Я сочинилъ ее для себя собственно, и никогда, ни въ какомъ случаѣ, не дѣлился съ публикою. Вы приводите меня въ удивленіе!

— А я прошу спѣть эту мелодію, повторила графиня, съ очаровательною улыбкой. Вы мнѣ сказали, что мое слово для васъ законъ. Вспомните это и повинуйтесь.

Де Розанъ поклонился.

— Ваша воля—и мое желаніе и мой обѣтъ, отвѣчалъ онъ пойдя къ Фортеніано.

Онъ ударилъ по клавишамъ и началъ пѣть мелодію, которую требовала отъ него графиня.

Успѣхъ его превзошелъ всѣ ожиданія; общее браво огласило комнаты бала, но де Розанъ желалъ только одного — улыбки госпожи де Фонтальбъ. Но напрасно искалъ онъ ее глазами; она уѣхала, не дождавшись окончанія послѣдняго куплета. Графиня даже позабыла поблагодарить пѣвца.

— Нужды нѣтъ, думалъ де Розанъ, уѣзжая съ бала, во всякомъ случаѣ она прекрасная и прелюбезная женщина. Она ясно показала мнѣ, что не только ничего между нами не кончено, но что все еще остается на будущее время, какъ окончанію журнальнаго фельетона на слѣдующій день.

И онъ радостно отправился на свою дачу и цѣлую ночь ему гремѣлась госпожа де Фонтальбъ и ея богатое состояніе.

На другой день онъ не выходилъ изъ комнаты; напрасно и графиня и Делія ждали его въ саду.

Давно придуманное, но неожиданное заключеніе.

Нѣсколько дней графиня была задумчива. Привыкнувъ видѣть предъ собой де Розана, ей становилось какъ-то не ловко. Она начала справляться. Сосѣдъ ея переѣхалъ въ Парижъ.

— Вотъ вамъ и музыка, твердила Делія, раздѣвая вечеромъ госпожу де Фонтальбъ; не правдали: несмотря на всю странность нашего сосѣда, присутствіе его все-таки оживляло немного?

Графиня задумчиво перелистывала книгу и не отвѣчала ни слова.

Прошло двѣ недѣли, и несмотря на то, что погода стояла прекрасная, и начинался только августъ, графиня опротивѣла Виль д'Овре.

— Делія, сказала она однажды утромъ своей служанкѣ: — я намѣрена нынче же переѣхать въ Парижъ.

Делія вспрыгнула отъ радости.

— Ахъ, вскричала она:—вы оживили меня! Парижскія развлеченія, быть можетъ, принесутъ вамъ пользу. Съ вѣкотораго

времени я стала бояться за васъ. Вы сдѣлались блѣдны, задумчивы.

— Свѣтъ томитъ меня, Делія; бываютъ минуты, когда я право желаю поскорѣе умереть.

— Вы, умереть, графиня! не-уже-ли ничто не привязываетъ васъ къ жизни?

Госпожа де-Фонтальбъ печально покачала своею красивою головкою.

— Ничто, ничто, отвѣчала она.

— Ни одно воспоминаніе?

Графиня призадумалась.

— Что пользы въ однихъ воспоминаніяхъ, сказала она со вздохомъ.

— Постарайтесь найти въ существенности что-нибудь, что-бы васъ заняло.

— А гдѣ искать этой существенности?

— Да, вотъ, напримѣръ, нашъ сосѣдъ, замѣтила лукаво Делія: вѣдь онъ занималъ же васъ нѣсколько времени, своею странностію. Постараемся отыскать его въ Парижѣ, познакомьтесь съ нимъ для смѣху и вы увидите, что среди невинныхъ шутокъ надъ нимъ, ваше отвращеніе къ жизни мало по малу затихнетъ.

— Да гдѣ же мы отыщемъ въ Парижѣ нашего сосѣда? спросила вдругъ живо г-жа де-Фонтальбъ.

Делія опять радостно вскрикнула.

— О, если за этимъ только дѣло, то надѣйтесь на меня, отвѣчала Делія: я познакомилась съ слугою господина де-Розана и знаю его городскую квартиру...

— Какая ты плутовка, Делія!.. Но къ чему послужитъ все это?

— Будто нужно имѣть всегда какую-нибудь цѣль, графиня?

— Я полагаю.

— О, если вы только хотите видѣть кого-нибудь съ цѣлью, отвѣчала Делія, притворно вздохнувъ, то вы неизлечимы, вы никого не любите и всѣхъ чуждаетесь.

— Право? спросила г-жа де-Фонтальбъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ: ты ошибаешься, Делія... по довольно объ этомъ, пора заняться нашимъ переѣздомъ.

Делія ушла, бросивъ на графиню пылкій взглядъ. Она угадала ея сердце.

Шумъ и вѣчная дѣятельность не развлекли госпожу де-Фонтальбъ; она по прежнему жила уединенно, не желала по видимому ни съ кѣмъ сблизиться, а между-тѣмъ призракъ ея вечерняго пѣвца поминутно мелькалъ въ ея воображеніи.

— Чтѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, сказала она однажды своей горничной, отчего намъ несправиться о... о нашемъ медвѣдѣ, такъ ли странно онъ ведетъ себя, какъ и прежде?

— Я уже справлялась, отвѣчала радостно Делія.

— Ну, чтѣ онъ?

— По словамъ его слуги, онъ сдѣлался еще страннѣе, чѣмъ былъ.

— Право, чтѣ же онъ дѣлаетъ; зачитался?

— О нѣтъ, графиня, отвѣчала вздохнувъ Делія. Онъ бросилъ все, ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова, задумывается и чуть не также, какъ вы, жаетъ смерти, какъ подарка.

— Бѣдненькій, прошептала госпожа де-Фонтальбъ, когда ты увидишь снова его слугу, Делія, скажи ему, чтобы онъ передалъ господину де-Розану, что мы съ тобою иногда вспоминаемъ о томъ удовольствіи, которое онъ доставлялъ намъ своимъ пѣніемъ.

— О, непременно, сударыня, я увѣрена, что это оживитъ его.

— Почему ты это думаешь?

— Эта моя тайна, замѣтила лукаво Делія, потупивъ глаза.

Графиня самодовольно улыбнулась.

— Поди, поди, болтушка, сказала она; мы съ тобою какъ дѣти занимались только одними игрушками.

Для два госпожа де-Фонтальбъ не упоминала ни слова о де-Розанѣ; наступило время оперныхъ маскарадовъ, про которые всѣ говорятъ, что тамъ очень скучно, а между-тѣмъ, въ которые всѣ собираются съ самою живѣйшею радостію.

— Графиня, сказала ей однажды Делія.

— Чтѣ тебѣ нужно?

— Прежде скажите, что вы меня прощаете.

— Въ чемъ?

— Дайте сперва ваше слово; преступленіе не большое, и сдѣлано мной изъ одного человѣколюбія.

— Ну говори, отвѣчала госпожа де-Фонтальбъ.

— Я обманула господина де-Розана.

— Какъ это?... и почему это мнимое преступленіе касается до меня?

— Потому-что, желая спасти его отъ отчаянія, я употребила ваше имя.

— Ахъ, Делія! вскрикнула графиня: опять какал-нибудь новая необдуманность, которая можетъ повредить моей репутаціи.

— О, напротивъ, ни сколько, сударыня; желая, чтобы г-нъ де-Розанъ сколько-нибудь развлекся, я сказала его слугѣ, какъ-бы за тайну, что вы будете въ маскарадѣ.

— Только-то, произнесла графиня съ притворнымъ смѣхомъ; я тебѣ прощаю это преступленіе, но ты жестоко подшутила надъ нимъ.

— Почему жъ это?

— Потому что онъ не встрѣтитъ меня въ маскарадѣ... да и чтѣ я ему!..

— Чтѣ вы ему, графиня! вскричала Делія: да вы жизнь его...

— Это кто сказалъ тебѣ такую смѣшную новость?

— Если хотите знать кто — такъ онъ самъ. Онъ поминутно бродитъ подъ вашими окнами; желаетъ васъ видѣть, и все напрасно.. Неужели у васъ такое каменное сердце, что вы не хотите подарить человѣку хоть одной отрадной минуты?

— Перестань болтать пустяки, Делія, поди прочь.

— Слушаю, графиня.

Делія ушла; госпожа де-Фонтальбъ задумалась; до поздняго вечера присидѣла она одна, не имѣя охоты ни чѣмъ заняться.

Часть опернаго маскарада наступалъ.

.....
 Прошло болѣе часу, какъ Мишель де-Розанъ былъ уже въ маскарадѣ Оперы; онъ совсѣмъ не былъ похожъ на человѣка предавашагося отчаянію, напротивъ: лицо его было свѣжо и румяно, а улыбка выказывала самоувѣренность. Вдругъ кто-то легонько дотронулся до его плеча.

Онъ обернулся; за нимъ стояло богатое, женское домино.

— Ты никого не ждешь? спросила маска.

— Никого, отвѣчалъ де-Розанъ.

— Хочешь дать мнѣ руку?

— Съ удовольствіемъ, если тебѣ не скучно со мною, сказала де-Розанъ, подавая руку домино.

— Скажи-же мнѣ, продолжала маска, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда?...

— Вилѣть мечту мою.

— Мечту?

— Да, и голосъ твой напоминаетъ мнѣ ее, и потому я забываю грусть мою.

— А ты часто бываешь грустенъ?

— Всегда, особливо буду страдать завтра, потому-что былъ здѣсь и видѣлъ тебя, и слишкомъ много для моего счастья, и слишкомъ мало для него.

— Но ты незнаешь меня, чтобы говорить это, произнесло домино.

— Я знаю только мечту мою, отвѣчалъ де-Розанъ, потому-что оригиналъ мнѣ недоступенъ. Но впрочемъ, лучше намъ поговорить о чемъ нибудь другомъ. Спиши, если можешь развеселить меня, потому-что близка минута, когда я уѣду.

— Отчего это?

— Оттого, что въ этой толпѣ вѣтъ той, которую я люблю.

— Но ты можешь найти ее завтра.

— Завтра я уѣзжаю въ Алжиръ, сдѣлаюсь Спагомъ, и, вѣроятно, не увижу болѣе Парижа.

— Почему это?

— Потому-что меня убьютъ; это вѣрно.

Нѣсколько минутъ домино молчало, опершись на руку де-Розана и наконецъ вскрикнуло:

— Нѣтъ, тебя не убьютъ, и ты не покинешь Парижа!

— Ха, ха, ха, засмѣялся де-Розанъ.

— Это вѣрно, добавила маска, если ты говоришь правду и любишь мечту свою. Господинъ де-Розанъ, развѣ вы забыли свою сосѣдку въ Виль-д'Овре, добавила госпожа де-Фонтальбъ своимъ голосомъ.

— Графиня, вскрикнулъ де-Розанъ: вы ли это?

И онъ закрылъ лицо платкомъ.

— О, какъ завтра буду я страдать!... добавилъ онъ.

— Отчего же? Что можете сдѣлать васъ веселымъ?

— Я долженъ хоть минуту васъ видѣть.

— Хорошо, вы меня увидите.

— Когда и гдѣ?

— Чтò вамъ за нужда, только бѣ вы меня видѣли.

— А послѣ завтра?

— Можеть-быть; а теперь прощайте или, лучше сказать, до свиданія.

— Вы ѣдете, графиня; неужели вы не можете пробыть еще хотя минуту?...

— Нѣтъ, я чувствую себя нездоровою.

— Въ такомъ случаѣ я провожаю васъ до порога вашего дома, графиня.

— Дитя, прошептала госпожа де-Фонтальбъ.

— Отъ чего графиня?

— Оттого, что это невозможно.

— Отъ чего, позвольте повторить вопросъ?

— Отъ того, отвѣчала госпожа де-Фонтальбъ, ударяя де-Розана слегка вѣромъ по рукѣ, чтò я еще не слишкомъ много люблю васъ и можеть-быть въ эту минуту люблю болѣе, чѣмъ должна.

Де-Розанъ крѣпко сжалъ руку графини, и всѣ сомнѣнія его исчезли.

На другой день лукавая Делія принесла ему записку, онъ распечаталъ ее.

«Имѣющій уши слышитъ, имѣющій глаза видитъ, писала графиня. Что же вы не являетесь, просить извиненія въ вашихъ дерзостяхъ. Объявляю вамъ, что я очень сердита на васъ; постарайтесь оправдаться».

И де-Розанъ постарался оправдаться. Черезъ нѣсколько недѣль онъ женился на богатой отшельницѣ.

Делія вышла замужъ за его слугу и, благодаря щедрости новобрачнаго, завела модный магазинъ.

=

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЭТНОГРАФІЯ и ГЕОЛОГІЯ.

ОПИСАНІЕ КАСПІЙСКАГО МОРЯ И КАВКАЗА.

Э. Эихвальда *.

Кавказъ былъ знаменитъ еще въ древнія времена. Къ вершинѣ его былъ прикованъ Прометей, только черезъ тысячу лѣтъ освобожденный Геркулесомъ. Потомъ близъ него проходилъ Язонъ, на пути своемъ въ Колхиду, въ сопровожденіи Кастора и Поллукса. Они останавливались на рѣкѣ Фазисѣ, ** гдѣ въ рощахъ древней Колхиды находился храмъ Фрикса, разсказывавшаго имъ о золотомъ рунѣ. Слухъ о Каспійскомъ-морѣ

* Описание это составляетъ введение къ его *Каспійско-Кавказской Фаунѣ* (Fauna Caspia-Caucasica nonnullis observationibus novis illustravit Eduardus Eichvald).

** Нынешній Ріонъ, впадающій въ Черное-море.

въ то время былъ также далеко распространенъ, потому-что еще въ походъ Помпея извѣстно было, что индійскіе товары привозятся изъ Бактріи по Оксеусу (Аму-Дарья) черезъ Кирусъ (Кура) и Фазисъ (Ріонъ) до Эвксинскаго-понта (Чернаго-моря).

Такимъ-образомъ восточныя страны Азіи были соединены торговыми сполненіями съ важнѣйшими государствами древней Европы. Нужно было употребить не болѣе семи дней на перѣздъ изъ Индіи къ бактрійской рѣкѣ Икару, впадающей въ Оксеусъ; (устье котораго въ Каспійское-море совершенно засыпано пескомъ) отсюда товары шли въ Каспійское-море, потомъ вверхъ по Курѣ, до пункта, отстоящаго на пять дней пути отъ Фазиса, и наконецъ на судахъ достигали до Эвксинскаго-понта.

Впослѣдствіи Кавказъ прославился войнами Митридата, совершенно забытыми въ настоящее время. О дикости страны и разнообразіи племенъ, ее населяющихъ, упоминается всѣми, какъ о явленіи, достойномъ примѣчанія.

Каспійское-море, напротивъ, послѣ Александра, Кира и Селевка Никатора, почти не носило на себѣ, до нашего времени, ни чихъ судовъ, и впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій торговля съ Индіею совершенно не существовала.

Кавказскія горы начинаются на берегу Каспійскаго-моря, довольно высокою известковою горою *Бешмаркъ*, съ которою соединяются, далѣе къ востоку, двѣ скалы, выходящія изъ моря и называемыя Рускими: *Двумя-братьями*. На югъ идутъ отъ этой горы развѣтвленія по границамъ Шамахинскаго и Кубанскаго округовъ. На восточной отрасли принадлежать къ Кавказу три довольно значительныя возвышенности: *Шахдагъ*, *Тузандагъ* и *Бабадагъ*, отъ которыхъ отрасль эта идетъ къ С. З., дѣлая многіе изгибы и повороты, но не прерываясь, вплоть до самаго Чернаго-моря. Тамъ, кажется, само море возникло вдругъ для того, чтобы положить преграду горамъ, и не дать имъ распространиться далѣе. И онѣ высоко поднимаются, поворачиваютъ назадъ, идутъ въ странныхъ формахъ и въ различныхъ направленіяхъ, какъ будто преодолевая разнообразныя препятствія. Въ особенности на югъ и на сѣверъ идетъ безчисленное множество отраслей, съ высокими вершинами. Между ними возвышается трахитовый *Ельбрусъ*, (вѣроятно Стробилусъ древнихъ) до 15.400 парижскихъ футовъ, тогда какъ Казбекъ, также трахитовой породы, имѣетъ гораздо мѣнь-

* То есть пять пальцевъ.

шую вышину. * Военная дорога, проложенная близъ него, черезъ такъ называемую Крестовую-гору, идетъ на высотѣ 7,425 парижскихъ футовъ.

Сѣверная отрасль богата вытекающими изъ нея рѣками; но постепенно понижаясь, переходитъ въ пустынную, песчаную и маловодную равнину. На ней не видно слѣда холмовъ, и *Маличи*, который нѣкогда быстро протекалъ по ней, разливается теперь болотами и стоячими озерами.

Южная часть Кавказа изрыта лѣсистыми долинами и покрыта множествомъ горныхъ вѣтвей, идущихъ до Куры, которая течетъ между известковыми скалами. Эти отрасли тѣмъ выше, чѣмъ ближе къ Черному-морию и къ дикимъ возвышенностямъ, идущимъ на сѣверъ отъ Тавра. Изъ нихъ, въ разныхъ направленіяхъ, выходятъ рѣки, и самый значительный истокъ Куры, берущей начало свое въ горахъ, извѣстныхъ древнимъ подъ названіемъ частью *Геніохійскихъ*, частью *Кораксическихъ* горъ. ** Прежде почитали ихъ отраслью Тавра, съ южной стороны котораго выходитъ бурнымъ и стремительнымъ ручьемъ Араксъ съ его притоками.

Кура поворачиваетъ сначала на сѣверъ, потомъ на востокъ. Она возрастаетъ значительно, принимая въ себя множество рѣкъ и наконецъ *Араксъ*, прежде нежели онъ достигаетъ Каспійскаго-моря. Горные потоки тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ истоку Куры, потому-что оттуда выходитъ множество рѣкъ сѣверной оконечности Тавра и южной Кавказа. Въ Карталиніи, (части древней Иберіи) Кура принимаетъ съ лѣвой стороны, близъ г. Гори, *Альху*, и близъ *Мцрета*, прежней столпы Иберіи, *Арагу*, которую древніе Греки называли *Араюсомъ*. Далѣе, съ правой стороны, впадаютъ въ нее, за Тифлисомъ, *Алгетъ* и *Ксиа*, называемая также *Храмомъ*, и принявшая уже прежде *Тебедъ* съ его притоками, также *Актафа* и другія.

Съ лѣвой стороны принимаетъ Кура быстрый *Алазонъ*, (Алазоніусъ древнихъ) который, протекая по плодороднымъ и гористымъ мѣстамъ Кахетин, принимаетъ въ себя множество притоковъ. Изъ нихъ замѣчательнѣе другихъ *Юра*, довольно зна-

* По повѣстнымъ измѣненіямъ западная вершина Ельбруса имѣетъ 17.354 парижскихъ футовъ, а Казбекъ 15.512. Арагаты, состоящій также изъ трахита, имѣетъ 16,200 пар. фут., по измѣреніяхъ самаго Эйхвальда.

** *Heniochii montes*, или *Coraxici* (по Плинію Младшему).

чительная рѣка, впадающая въ него съ правой стороны. Она составляет на большомъ пространствѣ границу между возвышенными дугвыми равнинами: *Утидаръ* и *Караюс*, которыя въ прежнее время посѣщались командами горскихъ племенъ. Не смотря на значительное приращеніе воль Куры, теченіе ея уменьшается, и въ ровной части Албаніи, которую древніе называли Камбизеною, едва можно примѣтить, въ какую сторону идетъ она. Войдя въ низменную равнину Шамахи, принимаетъ она, кромѣ горныхъ ручьевъ коракенческой дѣли: *Гокчалъ*, *Гардешани*, *Туръ* и другихъ, въ древности разливавшихся озерами, *Араксъ* и съ противоположной стороны *Аксу*; потомъ, поворачивая на югъ, послѣ многихъ извиговъ, достигаетъ залива *Кизиль-Аганъ* въ Каспійскомъ-морѣ.

Въ древности Кура составляла границу между Арменією, принадлежавшею королю Митридату, съ одной стороны, и Иберією и Албанією съ другой. Теперь у самаго истока ея лежитъ граница Азіатской Турціи, и по ней живутъ въ Карталинніи и Кахетіи потомки древнихъ Иберцевъ, называемые теперь Грузинами; далѣе, съ одной стороны турецкія племена въ Елисаветпольской и Карабахской провинціи и въ Моголской и Сальянской степи, съ другой жители Шекинской и Шамахинской областей, правами схожіе съ Персіанами, но гораздо менѣе образованные, вѣроятно, по причинѣ ихъ суроваго климата.

Турецко-татарскія племена древней Албаніи всѣ пастухи и ведутъ кочующую жизнь, не перенимая у своихъ сосѣдей Персіанъ, ни устройства городовъ, ни даже постоянныхъ жилищъ. Нравы ихъ впрочемъ тихи и миролюбивы, и они не имѣютъ ни малѣйшей склонности къ войнамъ и беспорядкамъ. Это отнесется въ особенности къ жителямъ Шамахинскаго округа, которые безпрерывно переносятъ свои аулы или кочевья, и тихая жизнь ихъ нарушается только сосѣдними горами.

Верхняя часть Албаніи имѣетъ самую плодородную почву, открытую въ изобиліи произведеніями растительнаго царства, при самомъ умѣренномъ климатѣ, хотя труды земледѣльца ни мало не способствуютъ ея плодородію. Еще Страбонъ говоритъ: «По словамъ тѣхъ, которые вели тамъ войны, поля, «вдоль устья Кирова, однажды засѣянные, приносятъ три жатвы, хотя никогда не удобряются, и вспахиваются деревяннымъ

«плугомъ, вмѣсто желѣзнаго».—И теперь, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ находимъ мы тоже плодородіе, но вдвое дѣлвѣйшихъ жителей. Страбонъ объяснялъ превосходное свойство почвы и страны богатствомъ воды, масса которыхъ превышаетъ тамъ водяную систему Египта и Вавилоніи. «Вѣчно-цвѣтущіе луга», говоритъ онъ, «доставляютъ превосходныя пастбища, и даже «климатъ страны этой умѣреннѣе, нежели въ Египтѣ и Вавилоніи. Разсадники винограда никогда тамъ не опаываются, и «грозды срѣзываются однажды въ теченіе пяти лѣтъ. Даже «между ихъ домашними и дикими звѣрями замѣтна необычайная плодovitость».

Древніе Албанцы вооружались дротикомъ и стрѣлами, и, какъ Иберцы, носили латы, щиты и шлемы, выдѣланные изъ звѣриной кожи. Теперь оружіе ихъ похоже на персидское, но сами они подъ русскимъ управленіемъ сдѣлались миролюбивы. Во времена Страбона поклонялись они солнцу, Юпитеру и мѣсяцу, но всего болѣе послѣднему. Теперь, какъ магометане, исповѣдываютъ они монотеизмъ. Какъ при Клавдіи-Птоломеевъ воздвигались на сальянскихъ долинахъ алтари огнепоклонниковъ, такъ и теперь, на Апшеронскомъ-полуостровѣ, въ провинціи Баку, одно индѣйское племя, подобно древнимъ весталкамъ, неусынно хранить вѣчное пламя, выходящее изъ вѣдръ земли, и поклоняется ему, какъ божеству. На этомъ мѣстѣ воздвигнуть у нихъ храмъ, называемый Атепгагомъ, ярко освѣщенный подземнымъ огнемъ. — Всѣ равнины, лежащія по западной части Каспія, населены теперь турецко-татарскими племенами, къ которымъ принадлежатъ и Кумыки, живущіе въ окрестностяхъ Кизляра. Горы, пограничныя Албаніи и покрытыя лѣсомъ, населены, напротивъ, весьма воинственными лезгинскими племенами. Духъ этотъ много зависитъ отъ дикости горъ, на которыхъ не можетъ развиваться земледѣліе. Къ этимъ дикимъ и жестокимъ племенамъ принадлежатъ: *Авары*, *Казикумыки*, *Акуши*, *Каракайтахи*, *Табассаранцы*, *Анды*, *Койсубулинцы*, *Самуровцы* и проч. * Къ нимъ надобно также причислить древнихъ Дидурцевъ, обитающихъ на самыхъ высотахъ Кавказа и называемыхъ Рускими *Дидовцами*, также: *Кабучей*, *Анцугебъ*, и въ особенности *Бтлоканцевъ*. Эти разбойничьи племена имѣютъ со стороны Иберіи весьма кро-

* Всѣхъ лезгинскихъ племенъ считается 15.

нихъ сосѣдей, хотя такихъ же горцевъ. Племена эти, говорящія иберскимъ нарѣчьемъ, суть *Хевсуры*, *Лисавы* и *Тушишцы*. Всѣ они вѣрны и покорны Рускимъ, и только лѣтомъ живутъ въ горахъ, а зимою, когда начнется падать глубокой снѣгъ, сходятъ со своими стадами въ широкія и плодосныя равнины по берегу Алазона. Нѣкоторые изъ нихъ откочевываютъ еще далѣе, на 300 верстъ отъ ихъ лѣтняго мѣстопробыванія, въ степи Караги и Упадара, между Юрою и Алазономъ.

Вся Кахетія пользуется чрезвычайно пріятнымъ и благораспорядительнымъ климатомъ, въ особенности долина Гамборы, гдѣ постоянно дуетъ прохладный вѣтеръ, тогда какъ равнина между Алазономъ и Юрою, (Камбизомъ древнихъ) по причинѣ своей чрезмѣрной сухости во-время лѣта, имѣетъ вредное вліяніе на здоровье ея жителей. По этому, при наступленіи жаровъ, они удаляются въ горы.

Арага, выходящая изъ Кавказа на границѣ Хевсурской области, отдѣляетъ далѣе въ своемъ теченіи иберійскія племена отъ Кахетинцевъ. Первыя доставляютъ себѣ пропитаніе различными, но законными способами, частью земледѣліемъ, частью вступленіемъ въ русскую военную службу, гдѣ они постоянно отличаются храбростью, частью наконецъ, торговыми оборотами, по примѣру Армянъ, вывозя произведенія ихъ земли въ отдаленнѣйшія страны Россіи, и привозя оттуда русскіе и даже нѣмецкіе товары. Судныя и административныя дѣла этого народа ведутся богатѣйшими и знаменитѣйшими ихъ согражданами. Они употребляютъ, какъ для перевозки, такъ и для обработки земли, вмѣсто рабочаго скота, однихъ буйволовъ. Тоже самое было и во-время Плинія, между-тѣмъ какъ сосѣдніе съ ними Персіане, также какъ и въ древности, перевозятъ свои товары и вѣзятъ на верлюдахъ. Далѣе къ западу идутъ гористыя области Картливія и Имеретія и лѣсистая равнина древней Колхиды, нынѣшней Мингрелія. Онѣ окружены частью живописными горами, частью широко разросшимися лѣсами; весьма плодородны и наполнены горными проходами, о которыхъ еще Страбонъ упоминаетъ, какъ о непроходимыхъ. Берега Колхиды представляютъ гладкую песчаную равнину, мѣстами покрытую лѣсистыми оазисами, которые прорѣзываютъ быстрыя рѣки. Самая замѣчательная изъ нихъ Ріонъ, Фазисъ древнихъ. Въ древности принимали нынѣшнюю *Квирилу*, въ которую впадаетъ *Черишель*, за истокъ Фазиса, а настоящій ис-

токъ его, выходящій изъ Кавказа, они называли *Глакомъ*. *Гитросъ* древнихъ Грековъ называется теперь *Ченишелемъ*. Всѣ эти рѣки снабжаютъ Колхиду водою въ изобиліи, такъ что даже большая часть ея почвы сыра и болотиста, что имѣетъ весьма вредное вліяніе на здоровье жителей и ихъ смертность.

По этому-то никакъ нельзя не согласиться съ Страбонемъ, который всю Колхиду называетъ благословенною страной, хотя по отношенію къ своимъ произведеніямъ, она вполне заслуживаетъ это названіе. Изъ нихъ однако же надобно исключить медъ, который отъ соку рододендрова (розоваго лавра) получаетъ горьковатость. Еще въ древности вывозили изъ Колхиды: ленъ, пеньку, воскъ и смолу. Изъ кораблестроительныхъ деревьевъ доставляла она букъ и дубъ, а въ-послѣдствіи кленъ, орѣшникъ, ясенъ и друг. Теперь впрочемъ всѣ роды торговли упали, по причинѣ чрезвычайной лѣности жителей. Исчезли и слѣды древней Диоскуріи, этого города, знаменитаго торговлею, основаннаго Касторомъ и Поллуксомъ, на пути ихъ въ Колхиду, и во-время Страбона достигшаго такой степени славы и благосостоянія, что его посѣщало до 300 различныхъ племенъ, изъ которыхъ каждое говорило своимъ нарѣчьемъ.

Грунтъ земли въ Колхидѣ впрочемъ вездѣ плодороденъ, гдѣ только осушается солнцемъ. Въ древности думали даже, что тѣ, которые его обрабатываютъ, живутъ гораздо долѣе и счастливѣе. Но прежній блескъ страны исчезъ почти совершенно, и теперь напрасно бы стали отыскивать въ ней золотоносныя рѣки и росыши. Новая дорога, которую русское правительство проложило черезъ крутыя горы Иберіи и Имеретіи до Чернаго-моря, кажется, должна оживитъ торговлю Колхиды, потому-что и теперь уже къ мѣсту, гдѣ она оканчивается, пристають купеческія суда изъ Франціи, Италіи и даже Германіи.—Къ сѣверу Колхиды дѣлается постепенно гористѣе и суровѣе; сначала идетъ Мечгумской округъ, у истока Гипноса, потомъ разстилаются горныя равнины Сванетіи, лежащія на самомъ Кавказѣ и имѣющія весьма печальный и пустынный видъ.—Древніе утверждаютъ однако, что въ рѣкахъ Колхиды находится множество золотаго песку, который они добывали изъ рѣки прудыравленными сосудами и звѣринными шкурами.

Такимъ-образомъ, вѣроятно, возникло преданіе о золотомъ ру-

въ, но такъ какъ никому еще не удавалось отыскать ни слѣда золотаго песку въ рѣкахъ Колхиды, то должно думать, что древніе основали разсказъ этотъ на сходствѣ золота съ сѣрными колчеданомъ, которыми изобилуетъ Колхида.

Сванеты частью свободны, частью (живущіе по близости Кавказа) находятся подъ властью князя Дадіана. Къ нимъ принадлежатъ также племена *Зіоховъ* и *Татарханъ*, обитающихъ на вершинахъ Кавказа. Далѣе, страна замѣтно возвышается къ западу, и менѣе къ сѣверу, и оканчивается у Коракискихъ горъ, идущихъ на большомъ пространствѣ параллельно съ берегомъ. Весь этотъ округъ почти непроходимъ, и принадлежитъ дикому поколѣнію *Абазовъ*. Они раздѣляются на множество поколѣній, изъ которыхъ замѣчательны: *Бзыбы*, собственно такъ называемые *Абхазы*, *Цебелдицы* и *Самуракаццы*, всѣ владѣющіе огромными стадами.

Изъ русскихъ городовъ примѣчательнѣе прочихъ *Сухумъ-Кале* и *Сунджукъ-Кале*, съ хорошими гаванями, и на вѣншей границѣ—*Анапа* съ крѣпостью и также удобною гаванью. Тамъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было главное сборное мѣсто торговли рабами, по этому-то взятіемъ этого города Русскіе положили предѣлъ продажѣ людей, происходившей между Абазами и абазехскимъ племенемъ Кабардицевъ.

Всѣ доселѣ описанныя области, отъ Фазиса до Куры, какъ и вообще всѣ закавказскія страны, лежатъ подъ благообразнымъ климатомъ, и отдѣляются отъ части древней азіатской Сарматіи съ сѣвера и запада Кавказомъ, а съ востока и юга Коракисскими горами. Восточная часть этой страны, наполненная горными утесами и долинами и простирающаяся до Каспійскаго-моря, въ древности была почти незвѣстна; даже и въ настоящее время можно сказать тоже самое о гористомъ лезгинскомъ берегѣ, о которомъ мы имѣемъ только поверхностныя свѣдѣнія, собранныя предводителями русскихъ отрядовъ во время походовъ. Также мало знаемъ мы объ истокѣ весьма замѣчательной рѣки *Самуры*, которая, выходя изъ Кавказа, близъ Албанскихъ или Каспійскихъ-воротъ, вливается въ Каспійское-море. Древніе называли ее *Албаномъ*, и кажется, что своимъ быстрымъ теченіемъ одолжена она тому, что при истокѣ своемъ течетъ на довольно значительной высотѣ, и только въ концѣ

спускается на равнину, между-тѣмъ какъ Кура, почти равная съ нею величиною, болѣею частью протекаетъ по низменнымъ мѣстамъ, и потому теченіе ея далеко не такъ быстро. На Самурѣ живутъ, больше изъ лезгинскаго племени, *Ахтинцы*, *Рутулы*, *Докуслары* и *Алтилары*, отдѣльными обществами. Страна, занимаемая *Казикумыками*, имѣющими своихъ собственныхъ владѣтелей, по причинѣ своего положенія въ самой дикой и гористой части Кавказа, также почти непроходима. Къ сѣверу отъ нея простирается цѣпь горъ, идущая почти параллельно съ берегомъ Каспійскаго-моря, и на востокъ раздѣляющаяся на множество подобныхъ вѣтвей, между которыми есть много долинъ, покрытыхъ лѣсомъ, и истоковъ многихъ рѣкъ. Къ западу отъ этой горной цѣпи лежатъ пространства и безлюдныя владѣнія Аваровъ и сосѣднихъ съ ними Лезгинцевъ, по которымъ быстрый Койсу, Касай древнихъ, разливается тремя рукавами. Въ этомъ же округѣ, ближе къ Койсу, на высокихъ горахъ, лежатъ владѣнія *Чиркеецевъ* и *Гилришцевъ*, изъ которыхъ послѣдніе знамениты разбитіемъ и смертію Казимуллы. *Койсу* отдѣляетъ область Тарку, лежащую вдоль его береговъ и называвшуюся прежде Семендаромъ, отъ земель, принадлежащихъ прежде *Кумыкамъ*, простирающихся до рѣки Сулджи. Съ нею граничатъ *Акушинцы*, послѣ которыхъ въ гористыхъ окрестностяхъ Дербента живетъ шесть племенъ *Кубечен*, и далѣе *Табассараны*. Остальное пространство между верховьемъ Койсу, выходящимъ изъ Казбека, вѣчно покрытаго снѣгомъ, и рѣкою Аксаемъ, населено дикими и жестокими *Чеченцами*. Владѣя отдаленными и неприступными убржищами въ ущельяхъ горъ, племя это болѣе другихъ наклонно къ всеобщимъ возстаніямъ и къ набѣгамъ. Болѣею частью разбойники эти сражаются верхомъ, и по этому легче вооружены. Они раздѣляются на собственныхъ *Чеченцевъ*, *Ичкиришцевъ*, т. е. горныхъ жителей, *Шубутуцевъ*, живущихъ по рѣкѣ *Арзуни*, *Инушеи* и *Карабулаковъ* по *Сули*, и *Галасцевъ*, сосѣднихъ съ ними. Они не рѣдко набѣгами разоряли русскія пограничныя поселенія, но подобные случаи отвращаются нынѣ неутомимою бдительностью командующихъ пограничными постами. Нѣкогда лезгинскія племена сдѣлали подобнымъ образомъ нападеніе на Тифлисъ, изъ своихъ разбойничьихъ вертеповъ, черезъ горныя ущелья Кахетіи, поросшія лѣсомъ. Нагрянувши на него неожиданно, они разграбили этотъ богатый городъ, и съ огромною добычею, непреслѣдуемые, возвратились въ свои горы. Прежде подобными разбойническими

подвигами славился ханъ аварскій Омаръ, и когда онъ былъ побѣжденъ и убитъ въ битвѣ съ Русскими, Иберія долгое время не знала бѣды и набѣговъ. Только въ недавнее время Казим-Мулла возмутилъ всѣхъ Лезгинцевъ, пробудилъ въ нихъ страсть къ войнѣ, и долго держалъ въ страхѣ почти весь каспійскій берегъ, отъ Кизляра чрезъ Дербентъ и Тарки до Кубанскаго округа. Всѣ лезгинскія племена смотрѣли на него съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ и почтениемъ, и когда каменное укрѣпленіе, которое онъ себѣ выстроилъ на крутой горѣ, было взято Русскими, и самъ онъ былъ убитъ, многіе изъ его приверженцевъ удалились въ самыя неприступныя горныя ущелья, а остальные покорились ихъ храбымъ побѣдителямъ. Аварскій ханъ, который тогда былъ очень силенъ и обладалъ Кувзахскимъ царствомъ, заключилъ также союзъ съ Русскими. Владѣнія его впрочемъ въ скоромъ времени значительно уменьшились. Авары называютъ сами себя *Тавлинцами*, а остальнымъ горцамъ извѣстны подъ именемъ *Чиндолльцевъ*.

Сунджа отдѣляется отъ себя съ правой стороны значительное число притоковъ и между прочимъ шумную *Аргунь*, которая, протекая близъ русской крѣпости Грозной, вливается въ Терекъ. Этотъ быстрый потокъ выходитъ изъ главнаго хребта Кавказа, Казбека, проходитъ потомъ черезъ Кавказскія-ворота, мимо развалинъ горнаго укрѣпленія Даріала, омываетъ страну мирнаго племени Ингушей, отдѣляетъ Малую-Кабарду отъ Большой, и входитъ въ равнину, гдѣ подъ крѣпостью Екатеринодаръ принимаетъ въ себя *Малку*. Знаменитѣйшія поколѣнія Кабардинцевъ живутъ на низовьяхъ Малки, и только *Чегышское* и *Байкарское* племена живутъ въ гористыхъ странахъ, близъ Ельбруса. Они окружены съ востока *Чегенцами*, съ юга *Осетинцами*, *Сванетами* и *Абаздехами*, которыхъ раздѣляетъ Ельбрусъ, а съ сѣвера и запада рѣкою Малкою. Далѣе къ западу живутъ племена, названныя Русскими *Черкесами*, но которыя сами себя называютъ *Адами*. Это самое воинственное племя, страстно привязанное къ своей независимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое грубое и жестокое. Они болѣе всего стараются захватить какъ можно больше плѣнныхъ, и частью удерживаютъ ихъ у себя въ рабствѣ, частью продаютъ дорогою цѣною. Каждый мальчикъ у нихъ искусный стрѣлокъ, опытный ѣздокъ и охотникъ, какъ у древнихъ Сарматовъ. Главное, почетное и любимое занятіе у мужчинъ стрѣлать въ врага издалика, и ѣхать тому, кто промахнется! Они стройны, чрезвычайно кра-

сивы, и ростомъ выше другихъ кавказскихъ племенъ. Правы ихъ просты и сходны съ правами кочующихъ поколѣній. Они раздѣляются на пятнадцать родовъ, независимыхъ другъ отъ друга и управляемыхъ отдѣльными начальниками. Къ нимъ принадлежатъ во-первыхъ: береговые *Черкесы*, *Шеаки*, близъ крѣпости Анапы, и сосѣди ихъ *Натухайцы*; за ними слѣдуютъ *Шапсухи*, *Убыхи*, *Сати*, *Ардонцы* и въ горахъ *Албеджеви* и *Егерукаевцы*, граничащіе съ Абаздехами. На равнинѣ отъ Шапсуговъ, вдоль рѣки Урупа, до Кубани, живутъ еще семь племенъ *Камыши*, *Гатики*, *Черенцы*, *Темиргоевцы*, *Адемы*, *Мокоши* и *Бесленевцы*. Къ югу отъ кабардинскаго племени живетъ другое, также сильное: *Осетинцы*. 27 родовъ ихъ: *Диторцы*, *Вамсаджирцы*, *Татауровцы*, *Джерахи*, *Турсы*, *Назраповцы*, *Азарамати* и друг. живутъ въ окрестностяхъ Казбека. Немногіе изъ нихъ, по Уруку и Арадону, между притоками Терека, склонны къ возмущенію и грабежу, и нравы ихъ дикіи и грубы. Другіе, по ту сторону истока Терека и Мяхвы, близъ Чинвальской крѣпости, обитаютъ въ жилищахъ, устроенныхъ ими въ углубленіяхъ известковыхъ утесовъ, покорны Русскимъ и миролюбивы. Они мало повинаютъ сущность вѣса и мѣры, и безпечны во всѣхъ ихъ, какъ хозяйственныхъ, такъ и воинственныхъ предпріятіяхъ. Противъ нихъ, по сѣверному склону Ельбруса, до истоковъ быстрой Кубани и Малки, въ непроходимыхъ лѣсистыхъ долинахъ живутъ Карачаевцы. Они покорились только въ послѣднее время, и похожи наружною и одеждою на Кабардинцевъ, но болѣе ихъ склонны къ грабежамъ и хищничеству, что доказываетъ пребываніе ихъ въ дикихъ и суровыхъ ущельяхъ, въ которыхъ они имѣютъ одни аулы, но никакого постояннаго укрѣпленія. Они раздѣляются на одиннадцать родовъ, изъ которыхъ важнѣе другихъ: *Будоргоевцы*, *Бошхоевцы*, *Бибердушадцы*, *Вашильбаевцы* и *Шеграевцы*. До послѣдняго ихъ покоренія, вмѣстѣ съ Абазами и Кабардинцами, во всякое время были они готовы сдѣлать набѣгъ на русскіе предѣлы.

Племена, называемыя Русскими общимъ именемъ *Закубанцевъ*—частью Черкесы, обитающіе по притокамъ лѣваго берега Кубани, (древняго Гипаниса) покрытымъ лѣсами, частью принадлежатъ къ поколѣніямъ *Наврзювъ* и *Манзуровъ*, татарскаго происхожденія, живущихъ ниже, по тому же берегу Кубани.

Къ сѣверу отъ Кубани и Терека, до Кумы и даже дальше за нею, лежитъ степь, которой то гладкая, то холмистая поверхность состоитъ изъ песку. На ней кочуютъ нагайскіе Татары, возя за собою свои семейства, имущества и телеги. Вѣроятно, по этому въ древности называли ихъ Есседонами (отъ *essedae*, телега), а не Исседонами. Они принадлежатъ къ переродившемуся племени Савроматовъ, которое тогда населяло всѣ сѣверныя кавказскія степи.

Въ той странѣ мало городовъ. Замѣчательнѣе прочихъ *Ставрополь* и *Георгиевскъ*, извѣстный еще древнимъ подъ именемъ *Urbis Georgia*. Къ нимъ вѣкогда причисляли, теперь совершенно разрушенный, Маджаръ, который, вѣроятно, былъ главнымъ мѣсто-пробываніемъ западно-европейскихъ Маджаровъ.

Эти степи составляютъ на сѣверъ границу Кавказской-области. Во времена Страбона они были населены Сираками, нынѣшними *Сыржаками*, и *Аорбами*, нынѣшними *Ерсали*, принадлежащими къ финскимъ племенамъ, которыя, подобно Есседонамъ, кочевали въ кибиткахъ. Эти оба поколѣнія вели тогда значительную торговлю индійскими и вавилонскими товарами, которые они получали черезъ Мидявъ и Армявъ, и привозили на верблюдахъ. Черезъ эту торговлю, кромѣ другихъ вещей, приобретали они золотыя украшения. Теперь же страна эта весьма бѣдна народонаселеніемъ, хотя и до-сихъ-поръ еще покрыта плодородными полями и роскошными равнинами.

Послѣ краткаго очерка Кавказа и его обитателей, извѣстныхъ древнимъ подъ множествомъ теперь уже несуществующихъ названій,—мы должны обратиться къ подобному же описанію Каспійскаго-моря и его окрестностей.

Оно болѣе всѣхъ извѣстныхъ внутреннихъ озеръ открыто со всѣхъ сторонъ бурями и вѣтрамъ, и имѣетъ мало якорныхъ мѣстъ и гаваней. Черезъ это оно дѣлается неудобнымъ къ судоходству.

Вѣроятно, въ древнія времена Каспійское-море состояло изъ прѣсной воды, какъ объ этомъ упоминаетъ Александръ Македонскій и потомъ гораздо позже Варронъ, по свидѣтельству Кнея Помпея, который въ окрестностяхъ этого моря велъ вой-

ну противъ Митридата. Думаютъ, что соленоватость водъ его была нечувствительна по причинѣ множества рѣкъ, въ него впадающихъ.

Теперь извѣстно напротивъ, что Каспій имѣетъ почти такую же солено-горьковатость какъ Мертвое-море, и, вѣроятно, по этой же причинѣ ни то, ни другое не изобилуютъ произведеніями растительнаго царства.

Сѣверные и восточные берега Каспія песчаны, и служатъ кочевьемъ Киргизамъ, Туркменцамъ и Хивинцамъ. Западные берега гористы, удобны къ обработыванію, и заселены, къ чему много способствуютъ устья большаго количества рѣкъ и ручьевъ, которые не встрѣчаются на восточномъ берегу. Еще плодороднѣе и населеннѣе южные берега, покрытые перидскими селеніями, устроенными при шумныхъ рѣкахъ и въ лѣсистыхъ равнинахъ.

На восточныхъ берегахъ Каспія жили вѣкогда Массагеты, извѣстные своею храбростью въ войнахъ съ Киромъ и битвою при Оксеуѣ, данною ими подъ предводительствомъ ихъ царицы Томирисы. Они не знали другаго божества, кромѣ солнца, которому приносили въ жертву лошадей, и носили мѣдныя латы и множество золотыхъ украшеній на ихъ вооруженіи.

Между многими рѣками различной величины, вливающимися въ Каспійское-море, въ самой глубокой древности была знаменита огромною массою водъ своихъ *Ра*, нынѣшняя *Волга*.

Выходя изъ Валдая, изъ отдаленнаго запада Россіи, протекаетъ она большое пространство, и впадаетъ безчисленными устьями въ Каспійское-море, съ сѣвера **. Не въ дальнемъ отъ нея разстояніи впадаетъ въ Каспій *Римиз* древнихъ, нынѣшній *Уралъ*, выходящій изъ Рифейскихъ-горъ, и *Эмба*, на которой

* Изъ морскихъ порослей встрѣчаются только близъ Дербента и Балки: *Chondria obtusa*, *Polysiphonia fruticulosa* и *Ulva intestinalis*.—Онѣ не попадаютъ никогда въ прѣсныхъ водахъ.

** Страбонъ считаетъ эти устья Волги заливами моря, вѣроятно, приведенный въ заблужденіе ея необыкновенными разливами, случающимися около 15 іюня.

жили извѣстные своею добродѣтелью Галактофаги, предки Калмыковъ, вмѣстѣ съ народомъ финскаго происхожденія Аорсамн.

Далѣ къ западу вливается *Кула*, названная Плиніемъ *Удономъ*, и между ею и Волгою *Манишь*, образующій теперь стоячія воды. Кромѣ того, *Терекъ*, *Алонта* древнихъ, *Кайсу* или Кассій съ его двойнымъ устьемъ; потомъ, по ту сторону Дербента быстрый *Албанусъ*, теперешняя *Самура*, тихій *Пирзаганъ*, отдѣленный отъ нея Кавказомъ, и наконецъ, близъ южнаго берега, *Кура* и *Араксъ*, со множествомъ широкихъ устьевъ.

На восточномъ берегу встрѣчаются устья весьма небольшихъ ручьевъ, между прочимъ *Амарда* и *Максары*, упоминаемыхъ Кн. Помпеемъ, и, вѣроятно, нынѣшнихъ *Рудассара* и *Ашеръ-Етрека*.

На Каспійскомъ-морѣ много острововъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напр. противъ Волги и Терека, бесплодны и необитаемы, другіе, какъ въ Мангшлакскомъ-заливѣ, посѣщаются Русскими и Туркменцами, для ловли тюленей. Самые замѣчательные лежатъ въ Балханскомъ-заливѣ и близъ него, какъ *Челекьяперъ*, вѣроятно *Газата*, о которомъ упоминаетъ Плиніи. На немъ бытъ множество нефтяныхъ ключей.—Другіе лежатъ въ Астрабадскомъ-заливѣ, или поднимаются отдѣльными утесами, какъ близъ Кизиль-Агача. Они все состоятъ изъ известковаго камня, все вулканическаго происхожденія, и весьма опасны для мореплавателей. — Большая часть изъ нихъ значительной величины, но необитаемы.

Самые берега Каспія имѣютъ различныя свойства. Подлѣ лѣснаго персидскаго берега лежитъ къ юго-востоку Маганская-степь, извѣстная своею бесплодностью. Въ древности въ ней было такое множество змѣй, что проходить по ней можно было только зимою, и Кн. Помпей по этой же причинѣ не могъ достигнуть до Каспійскаго-моря. Теперь же въ ней весьма немного змѣй, и путникъ проходитъ ее безъ малѣйшаго опасенія.

Юго-восточный берегъ причисляется древними къ Гирканіи, и былъ извѣстенъ своимъ плодородіемъ. Отъ каждой лозы по-

лучался *мешретесъ* вина, съ каждой смоковницы сбиралось 60-ть *медимновъ* плодовъ; * изъ зеренъ пшеницы, случайно упавшихъ съ колосевъ, поднимались новые стебли; деревья были полны ульями пчелъ, и медъ капалъ съ листьевъ. Кромѣ того, по словамъ Аристовула, страна эта была богата лѣсомъ, въ особенности дубомъ (*gaercus castaneaefolia*), также какъ и въ настоящее время. Персіяне однако мало получаютъ выгоду отъ плодородія земли, и море не приносятъ имъ никакой пользы. — Небольшіе суда, называемые ими *сандалами*, привозятъ по временамъ нѣкоторые персидскіе товары къ сѣверному берегу, въ Астрахань, и отвозятъ оттуда русскіе. Съ той же цѣлью приходятъ иногда въ Персію и русскія суда.

Самый бесплодный берегъ восточный и потомъ сѣверный, равно сухой и песчаный. На нихъ нѣтъ ни лѣсовъ, ни луговъ, ни даже болотъ, и рѣдко встрѣчаются мѣста, покрытыя травою. Эта страна принадлежитъ теперь частью Калмыкамъ, частью Уральскимъ-казакамъ, которые имѣютъ тамъ большіе рыбные промыслы, и ловятъ много лебедей, особенно въ заливѣ Карасу, гдѣ собираютъ съ нихъ огромное количество перьевъ, и распредѣливши ихъ по длинѣ и величинѣ, продаютъ довольно дорогою цѣною. За лебедами охотятся во-время ихъ линіяи, потому-что они не могутъ летать въ то время, и ихъ можно ловить руками.

Сѣверо-западный берегъ совершенно другаго свойства. Онъ принадлежитъ частью къ древней Албаніи, нынѣшнему Дагестану, странѣ весьма гористой и многоводной. Между горами, въ которыхъ проходы такъ узки, что едва можетъ пробѣжать повозка, лежатъ цвѣтушія и плодородныя долины, о богатствѣ и разнообразіи обитателей которыхъ мы уже говорили. Но самые цвѣтушіе берега принадлежатъ самымъ грубымъ и дикимъ племенамъ. Еще въ древности весь скифскій берегъ былъ населенъ звѣрскими антропофагами. Плиніи говоритъ объ этой странѣ: «Тамъ лежатъ обширныя пустыни, населенныя множествомъ дикихъ звѣрей и людьми, извѣстными суровыми нравами; далѣе живутъ также Скифы, и лежатъ такія же пустыни, до самыхъ горъ, идущихъ по берегу моря, называемаго ими Табисомъ». Горы эти, вѣроятно, нынѣшняя плоская

* Мѣры эти въ различныхъ областяхъ Греціи были различны, и потому настоящая величина ихъ неизвѣстна.

Усть-Юртовская возвышенность, къ востоку отъ которой лежитъ Аральское-озеро—Табиясь Плинія. Страбонъ говоритъ объ немъ нѣсколько ясивѣ въ двухъ мѣстахъ, называя его то къ сѣверу, то къ востоку лежащимъ моремъ (отъ Каспійскаго). Геродотъ также упоминаетъ объ немъ, говоря объ устьяхъ Аракса (Страбонова Оксуса).

Этотъ восточный берегъ получаетъ отъ большихъ заливовъ совершенно другой характеръ. Въмѣсто песчаныхъ и поросшихъ камышемъ отлогостей, возвышаются на немъ крутые и высокіе утесы. Въ Балханскомъ и Кайдакскомъ заливахъ водятся въ большомъ количествѣ лебеди, пеликаны и фламинги (*Phoenicopterus ruber*), и огромныя стада тюленей нѣрѣдко выплываютъ на песчаный берегъ.

Въ отношеніи къ царству животныхъ, страна, краткій очеркъ которой мы представили, чрезвычайно бѣдна. Въ Каспійскомъ-морѣ весьма мало рыбъ, черепакожныхъ и пресмыкающихся, не только по числу породъ, но и по числу отдѣльныхъ существъ. Кажется, какъ-будто море это уже отжило свой вѣкъ, потому-что въ его ископаемой фаунѣ, находящей въ слюяхъ близълежащихъ горъ третичнаго образованія, не замѣтно такой ощутительной бѣдности въ породахъ. Пространныя низменности и отлогости горъ въблизи Каспійскаго-моря, также какъ болота и мѣста, поросшія тростникомъ, по Тереку, Курѣ, Волгѣ и Уралу, заключаютъ въ себѣ значительное количество ископаемыхъ остатковъ млекопитающихъ, птицъ, амфибій, насѣкомыхъ и рыбъ, породы которыхъ чѣмъ идутъ далѣе, тѣмъ становятся разнообразнѣе.—Чѣмъ выше поднимаешься къ гребню Кавказа, тѣмъ царство животныхъ бѣднѣетъ, и ограничивается наконецъ нѣкоторыми породами птицъ и насѣкомыхъ. Въ песчаныхъ степяхъ на восточномъ, южномъ и западномъ берегу Каспійскаго-моря, при совершенномъ недостаткѣ рѣчной и колодезной воды и при бѣднѣйшемъ прозябаніи, водятся только отдѣльныя породы грызуновъ и значительное число ящерицъ, змій и другихъ пресмыкающихся. На восточномъ берегу водятся также особенная порода ящерицъ*.

Сильные вѣтры покрываютъ часто тѣ страны наноснымъ пе-

* Къ породѣ этой относятся: *Phrynoscephali*, *Megalochili* и другія; также близъ г. Нузи весьма ядовитая порода *Trigonosephali*.

скомъ. Они далеко уносятъ его, и образуютъ мѣстами высокіе холмы, которые потомъ покрываются травой. На этихъ холмахъ появляются иногда, болѣе на восточномъ берегу, быстрыя антилопы и другія подобныя животныя.

Несмотря на сухой и жаркій климатъ, въ нѣкоторыхъ песчаныхъ степяхъ весною и лѣтомъ пробиваются небольшіе ключи и ручьи, но зимою, во время морозовъ, совершенно исчезаютъ, и всѣ водяныя птицы переселяются къ морю. По этому-то зимою, часто весь берегъ бываетъ покрытъ ими; въ особенности на Карасуйскомъ и Балханскомъ заливахъ собирается ихъ безчисленное множество. Съ наступленіемъ лѣта присоединяются къ нимъ еще прилетѣвшія съ востока и юга стада перелетныхъ птицъ.

На островахъ Каспійскаго-моря царство животныхъ имѣетъ совершенно особенный характеръ. Такъ, напримѣръ, Святой-островъ лѣтомъ покрывается безчисленнымъ множествомъ пирковъ и гагаръ, морскихъ ласточекъ, воронъ и другихъ породъ. Они кладутъ тамъ свои яйца на твердый песокъ, который издали кажется совершенно усеянъ ими. Берегъ острова покрытъ также всегда стадами тюленей.

Мазандеранскій или Гирканскій берегъ отличается отъ другихъ густыми лѣсами и болотами, поросшими тростникомъ, въ которомъ дикія свиньи живутъ огромными стадами; въ близлежащихъ песчаныхъ степяхъ водятся, кромѣ другихъ животныхъ, дикобразы, а въ лѣсахъ, кромѣ другихъ хищныхъ звѣрей, тигры, отличающіеся своею кровожадностью и быстротою.

Ближе къ западной оконечности Кавказа, въ Тальшинскомъ, Дербентскомъ и Кубанскомъ округахъ, берега становятся гористѣе, поростають лѣсомъ, пересѣкаются оврагами, и орошаются рѣками. Въ этихъ странахъ, покрытыхъ богатымъ прозябаніемъ, водятся множество коловратокъ (*systolides*) и другихъ насѣкомыхъ, между которыми есть много новыхъ породъ.

Кромѣ Терека и Урала, Волга и Кура также весьма богаты рыбою. Она ловится тысячами въ то время, когда поднимается вверхъ по рѣкѣ.

Страны, лежащія у подошвы Кавказа, рѣзко отличаются отъ склоновъ и вершинъ его своею фауною и флорою. Въ началѣ весны, у подошвы горъ, близъ Дербента и вдоль всего западнаго берега, рождается множество маленькихъ ручейковъ, отъ таянія снѣговъ, питающихъ тысячи насѣкомыхъ, амфибій и птицъ.

Съ наступленіемъ лѣта растительная сила исчезаетъ, по при-

чнѣ постоянныхъ жаровъ, и большая часть животныхъ переселяется въ другія, болѣе прохладныя мѣста.

На сѣверномъ склонѣ Кавказа лѣто, напротивъ, весьма коротко, и большая часть птицъ и насѣкомыхъ живетъ тутъ до тѣхъ-поръ, пока оно продолжается; въ остальное же время года полоса эта бѣдна животными; высочайшія вершины и окопечности Кавказа, на которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ и круглый годъ царствуетъ зима, едва имѣютъ слѣды растительности; на нихъ бродятъ животныя, свойственныя только самому холодному климату. Во-время зимы они живутъ при подошвѣ горъ, но съ наступленіемъ лѣта поднимаются выше. На склонахъ горъ и во-время зимы остаются нѣкоторыя породы грызуновъ, которыя съ наступленіемъ холоднаго времени засыпаютъ. Такъ большіе виды мышей на зиму прячутся въ норы, куда собираютъ прежде свои запасы. На отлогостяхъ горъ водится много буйволовъ. Эта порода рогатаго скота, отличающаяся длиною гривой, имѣетъ непримиримыхъ враговъ въ кабардинскихъ и абхазскихъ юношахъ, неутомимо ее преслѣдующихъ. Хотя на обихъ склонахъ Кавказа встрѣчаются и тогда одни и тѣ же виды животныхъ, но исключеній весьма много, и даже можно сказать, что горы эти составляютъ границу между южною европейскою и сѣвредною азіатскою фауною; животныя древней Колхиды, также какъ и жившія прежде въ Иберіи, Албаніи и въ степяхъ по Курѣ, совершенно истребились. Тамъ обитаютъ теперь: гіены, шакалы, антилопы и другія четвероногія, множество птицъ, черепахъ, змѣй, рыбъ (въ Курѣ) раковъ и насѣкомыхъ *.

Лѣтомъ жары (уже упоминаемые нами) исеушаютъ все растенія, и съ іюля до сентября вся страна становится обширною пустынею; даже люди удаляются тогда въ горныя ущелья.

Оставя поперечныя горы между Фазисомъ и Курюю, связывающія Кавказъ съ Тавромъ, мы пойдемъ въ долинахъ Имеретіи огромные лѣса и болотистую почву. Пары, поднимающіеся съ Чернаго-моря, образуютъ здѣсь густыя туманы. Въ болотахъ водятся животныя, свойственныя этому роду почвы.

Къ берегу Чернаго-моря, на границу Колхиды, прилетаютъ съ юга огромныя стада перелетныхъ птицъ. Они не принадлежатъ однако къ особеннымъ видамъ, и встрѣчаются точно такъ

* На вершинахъ Кавказа встрѣчаются: *Capra Caucasica*, *Antelope rupicapra* и *Felis catusferus*.

же на Кавказѣ, какъ въ Италіи и Германіи. Водныя птицы, отправляющіяся зимою въ далекія страны, прилетаютъ въ большомъ числѣ къ Каспійскому-мюрю, въ особенности къ сѣверо-западнымъ берегамъ, откуда разлетаются, по теченію большихъ рѣкъ, во внутренность страны. Большая часть птицъ, по обилию сторонамъ Кавказа, принадлежитъ къ перелетнымъ. Безчисленными стадами покрываютъ онѣ острова Каспійскаго-моря, гдѣ кладутъ яйца, и выведя птенцовъ, улетаютъ съ ними на югъ.

Къ озерамъ, у которыхъ также собирается множество этихъ птицъ, принадлежитъ въ особенности *Golchay*, на передской границѣ, къ сѣверу отъ степи, лежащей на возвышенности и окруженный высокими горами. Тамъ начинается уже персидская фауна, и подъ палящими лучами солнца глинистая и песчаная почва, содержащая въ себѣ въ изобилии натръ и другія соли, терпитъ большой недостатокъ въ водѣ.

Весьма небогатая фауна Каспійскаго-моря, заключающаяся въ нѣсколькихъ родахъ рыбъ и черепокожныхъ, отличается однако отъ фауны Чернаго-моря.

Последняя богата морскими животными и большими рыбами, поднимающимися вверхъ по рѣкамъ, впадающимъ въ море.

Что въ Каспійскомъ-мюрь въ допотопную эпоху было также множество морскихъ звѣрей, это доказывается окаменѣlostями ихъ въ близъ лежащихъ горныхъ слояхъ третичной формации. Вѣроятно, что и Каспій въ прежнее время былъ богатъ и рыбами, хотя слѣдовъ ихъ скоро разрушающагося остова нельзя было найти въ известковыхъ слояхъ... Пониженіе водъ Каспійскаго-моря и увеличеніе ихъ горьковатости могло имѣть значительное вліяніе на смертность ихъ обитателей, и даже въ наше время вымерли въ немъ многія породы черепокожныхъ и рыбъ, еще недавно существовавшія.

Черное-море, напротивъ, значительно увеличило свою фауну, чрезъ соединеніе водъ своихъ съ Средиземнымъ. Въ немъ живутъ теперь такія породы, которыхъ прежде не было, какъ дельфины и другія; также множество рыбъ, фосфорическихъ животныхъ и черепокожныхъ **. Несмотря на бѣдность фауны

* Между ископаемыми раковинами находятся: *Venus*, *Cardium*, *Donax*, *Mastra*, *Scrapatella* и др.

** Изъ рыбъ: *Blennius*, *Trachinus*, *Callionymus*, *Pleuronectes*, *Trigla* и др. Изъ фосфорическихъ насѣкомыхъ: Медузы и Нереемы. Изъ раковинъ: *Ostrea*, *Donax*, *Solen*, *Teredo*, *Venus*, *Mastra*, *Plavianella*, *Rissoa*, *Cerethium* и др.

Каспія и окружающихъ его береговъ, мы не сомнѣваемся однако въ прежнемъ соединеніи его съ Чернымъ-моремъ, посредствомъ Азовскаго. Это еще болѣе доказывается взглядомъ на Манычъ, разливающійся по своей долинѣ широкими озерами.—И въ самой древней epochѣ доисторическихъ временъ очень могло Черное-море отличаться своею фауною отъ Каспійскаго бассейна. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что и самое Черное-море имѣетъ другую фауну на восточныхъ берегахъ, нежели на западныхъ, близъ Константинопольскаго-пролива; и обитатели Средиземнаго-моря легко могутъ проходить черезъ него. Этому не мало также способствуетъ самое судоходство.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ МЕХАНИКОВЪ И СТРОИТЕЛЕЙ.

МАРКЪ ИЗАМБАРЪ БРЮНЕЛЬ.

Недавно умеръ этотъ знаменитый инженеръ, долгое время блиставшій на горизонтѣ инженернаго и механическаго міра. По рожденію онъ былъ Французомъ, но всю свою жизнь и геній почти исключительно посвятилъ на изобрѣтенія и разныя постройки, великой общественной пользы для Англіи. Серъ Изамбаръ Брюнель родился въ Гаввиллѣ, въ Нормандіи, теперь департаментъ Енче, 1760 года. Фамилія, къ которой онъ принадлежалъ, нѣсколько вѣковъ владѣла, и владѣть до-сихъ-поръ, землею, на которой онъ родился, и имя Брюнеля часто упоминается въ древнихъ архивахъ той провинціи. Его предназначали въ духовное званіе, и очень еще молодого послали въ Сен-Никенскую семинарію, въ Руанъ. Но вскорѣ замѣтили въ немъ такое сильное пристрастіе къ физическимъ наукамъ и столь великую способность къ математикѣ, что начальники заведенія стали совѣтовать назначить его на что-нибудь иное, тѣмъ въ духовное званіе, и переимѣнить родъ воспитанія. Отецъ его сильно возставалъ противъ того, чтобы слѣдатель своего сына инженеромъ,—профессія, которая, по его словамъ, скорѣе можетъ принести пользу другимъ, чѣмъ ему самому,

и рѣшился приготовить его къ морской службѣ, въ которой, думалъ онъ, успѣхи въ математикѣ сына его могли положить основаніе къ скорому повышенію въ этой профессіи. Когда онъ подростъ, то опредѣлился во флотъ, тѣмъ былъ обязанъ маршалу Кастри, тогдашнему морскому министру. Однажды онъ удивилъ своего капитана, показавши ему секстантъ и квадрантъ собственнаго своего устройства, и которые онъ часто употреблялъ для наблюденій. Създвигши нѣсколько разъ въ Западную-Индію, на Антильскіе-острова, Брюнель, возвратился домой въ 1792. Политическія событія, случившіяся въ то время во Франціи, принудили его удалиться въ Соединенные-Штаты, гдѣ самая необходимость, по счастью, принудила его послѣдовать врожденной склонности своего ума, и сдѣлаться инженер-механикомъ. Первымъ его дѣломъ было межеваніе обширной полосы земли близъ озера Еріо. Онъ былъ употребленъ при постройкѣ театра (Bowery-theater) въ Нью-Йоркѣ, незадолго передъ тѣмъ сгорѣвшаго. Онъ доставлялъ планы каналовъ и разныхъ машинъ для пушечной литейной, которую хотѣли тогда построить въ Ньюйорскомъ Штатѣ. Около 1799 года, въ головѣ его созрѣлъ планъ дѣлать корабельные блоки помощію машинъ. Въ то время Соединенные-Штаты вовсе не годились такому гению-изобрѣтателю, каковъ былъ Брюнель. Онъ рѣшился посѣтить Англію, и предложить свои услуги и давно обдуманые проекты англійскому правительству.

Въ извѣстіи о Брюнелѣ, помѣщенномъ въ англійской газетѣ Times, отъ 13 декабря 1849 года, исторія происхожденія и окончательнаго введенія блоковой машины написана очевидно ошибочно; мы упоминаемъ объ этомъ для того, чтобы тѣ, которые читали статью Times'a и нашу, не подумали, что вина на нашей сторонѣ. При составленіи своей біографіи Брюнеля, мы руководствовались Эдинбургской Энциклопедіей, свидѣтельствомъ сэра Самуеля Бентама, Шарля Дюпена, лично знавшаго Брюнеля, и разными статьями Mechanics magazine.

При предложеніи своей блоковой машины англійскому правительству, Брюнель не только не встрѣтилъ никакихъ препятствій своимъ планамъ,—обыкновенной судьбы всѣхъ изобрѣтений; — но былъ столь счастливъ, что при самомъ началѣ ему подавъ руку человѣкъ, который изъ всѣхъ тогдашняго времени людей могъ наилучшимъ образомъ способствовать его предпріятіямъ, котораго собственная репутанія и интересъ (что еще страннѣе) выигрывали, чистосердечно признавши достоинство иностранца. Мы говоримъ о тогдашнемъ главномъ

инспекторъ адмиралтейскихъ работъ, серъ Самуелъ Бентамъ.— Лордъ Спенсеръ былъ въ то время начальникомъ Адмиралтейскаго-совѣта, (Chief of the Board of Admiralty), и по настоятельному ходатайству покойнаго генерала сэра Самуеля Бентама, истиннаго благодѣтеля Брюнеля, при этомъ случаѣ, своимъ именемъ осѣнилъ припятіе Брюнеля и построеніе его машины. Мы приведемъ достовѣрную исторію введенія блоковой машины изъ одного напечатаннаго сочиненія генерала Бентама, и считаемъ за счастье приписать, что великодушный и въ высочайшей степени благородный поступокъ его при этомъ дѣлѣ не остается только по его собственному свидѣтельству, но признанъ и подтвержденъ, въ прекраснѣйшихъ и удовлетворительнѣйшихъ выраженіяхъ, однимъ изъ отличнѣйшихъ писателей Франціи, Шарлемъ Дюпеномъ, который имѣлъ все свидѣнія объ этомъ предметѣ отъ самого Брюнеля. Робертсонъ, издатель и редакторъ журнала Mechanics magazine, говоритъ, что онъ имѣлъ случай узнать это послѣднее обстоятельство достовѣрно. Г. Дюпень въ сочиненіи своемъ: Force Navale de la Grande Bretagne, томъ II, страница 251, упоминаетъ о блоковой машинѣ, говоритъ такъ:

«Генералъ Бентамъ составилъ проекты для всѣхъ этихъ машинъ, и гото выслать ихъ постройкѣ, когда г. Брюнель (тогда вовсе неизвѣстный) пришелъ представить другіе планы для главнѣйшихъ работъ блоковаго дѣла. Генералъ сейчасъ отвѣчалъ артисту: «Я самъ выдумалъ нѣсколько машинъ для дѣланія блоковъ, и вотъ мои средства исполненія. Теперь я посмотрю ваши.»—Генералъ Бентамъ нашелъ ихъ не только гораздо лучшимъ своихъ, но съ того времени отказался отъ своего собственнаго труда, и сталъ ревностно защищать проектъ своего совѣтника. *Мнѣ приятно приводить подобныя черты: онѣ дѣлаютъ честь человечеству.»*

Безъ всякаго сомнѣнія, что этотъ великодушный и благородный поступокъ серъ Самуеля Бентама гораздо лучше и выше всѣхъ на свѣтѣ открытій и изобрѣтеній; но чтобы имѣть понятіе объ этомъ необыкновенномъ мужѣ, какъ ученомъ и строителѣ, достаточнo упомянуть, что теперь въ разныхъ англійскихъ журналахъ печатаются оставшіяся послѣ его смерти бумаги, и свѣтъ съ удивленіемъ видитъ изъ нихъ, что дѣтъ за пятьдесятъ предъ сямъ, Бентамомъ были найдены и предложены для англійскаго флота многія изъ тѣхъ нововведеній, которыми мы теперь по справедливости имѣемъ право гордиться.

Вотъ собственные слова серъ Самуэля Бентама о блоковой машинѣ Брюнеля:

«Въ то время, когда я безпрестанно былъ занятъ составленіемъ положеній, формами для счетовъ, и другими дѣлами, касающимися до введенія моего новаго способа обращенія съ деревомъ, въ то время, говорю я, явился ко мнѣ тогда еще неизвѣстный иностранецъ, съ рисунками машинъ для дѣланія блоковъ, по которыя тогда простирались только на нѣкоторыя операціи, для выдѣлыванія наружной части блока (Shell). Рисунки показывали величайшее остроуміе и искусство въ механикѣ, и разговаривая съ нимъ, я нашелъ, что его идеи о механическихъ предметахъ были вѣрны и обширны; я узналъ также, что онъ былъ изобрѣтателемъ многихъ другихъ машинъ, очень-хорошо извѣстныхъ по своему употребленію и замисловатости. Тогда онъ былъ безъ всякой должности, по чрезвычайно прилеженъ къ своему дѣлу, и въ тоже время своими манерами сильно располагалъ въ свою пользу; его отношенія къ нашему отечеству (къ Англіи) ни въ какомъ случаѣ не могли быть помѣхою. Послѣ всего этого я имѣлъ право заключить, что услуги этого молодого человѣка (Брюнеля) могли быть очень полезны публикѣ, способствованіемъ введенія машины, сходной съ предлагаемой имъ, если только показать, что ему будетъ дѣйствительная польза, когда онъ исключительно займется этимъ предметомъ, и что вознагражденіе будетъ зависѣть отъ степени успѣха. Я присовѣтовалъ ему обратиться къ адмиралтейству, съ предложеніемъ ввести его машины въ портсмутскомъ морскомъ арсеналѣ. Когда это предложеніе было сдѣлано, и препровождено ко мнѣ на разсмотрѣніе, чтобы знать мое мнѣніе,—я присовѣтовалъ принять его, присовокупивъ, что дѣланіе блоковъ, какъ это было извѣстно тогдашнимъ лордамъ адмиралтейства, было одно «изъ намѣреній, для котораго предполагали употребить часть силы паровой машины, построенной въ портсмутскомъ арсеналѣ, для выкачиванія насосами воды изъ доковъ, по мѣрѣ надобности», и въ тоже время я еще говорилъ, «чтобы Брюнелю приказано было совѣтываться съ находящимся при арсеналѣ механикомъ, г-мъ Гудричемъ, о наилучшихъ средствахъ устройства разныхъ машинъ и аппаратовъ, могущихъ понадобиться для фабрикаціи разнаго рода и величины блоковъ, такъ чтобы соединить все вмѣстѣ, со включеніемъ машинъ, уже имѣющихся, и тѣхъ, которыя будутъ признано нужнымъ имѣть при арсеналѣ, и чтобы Брюнелю было приказано доставлять ко мнѣ рисунки, чертежи

и счеты издержекъ всего механизма, которыя могутъ показаться ему необходимыми», присовокупяя, что «такимъ-образомъ я буду въ состояніи представить господамъ лордамъ адмиралтейства мое дальнѣйшее мнѣніе касательно того, что сдѣлано лучшаго къ введенію этого новаго способа дѣлать блоки, для дѣйствительной пользы арсенала. Господа лорды адмиралтейства рѣшили согласно моему донесенію, чтобы машины Брюнеля были введены, какъ я предлагалъ. Г. Брюнель прилежалъ за усовершенствованіе своей машины, приспособляя ее къ особеннымъ потребностямъ флота, и вмѣстѣ съ механикомъ выдумывалъ лучшее средство построить ее въ Портсмутѣ, равно какъ и соединить ее съ другими машинами, уже существующими, и съ тѣми, которыя намѣревались построить, и сверхъ-того онъ распространялъ свою машину для всѣхъ операцій блоковаго производства, для чего ни прежняя машина Брюнеля, ни одна изъ моихъ уже готовыхъ, не были достаточны. Во-время этихъ занятій, онъ просилъ сдѣлать ему вѣкоторое пособіе, въ видѣ вознагражденія за свои труды. Лордамъ адмиралтейства угодно было препроводить письмо его ко мнѣ, съ приказаніемъ разсмотрѣть его просьбу и донести, что, по моему мнѣнію, надлежало сдѣлать. Въ отвѣтъ своемъ я представилъ, что Брюнелю слѣдовало платить по гиней въ день во все то время, какъ онъ будетъ наблюдать за сооруженіемъ своей машины въ городѣ и при надзорѣ за ея построеніемъ въ Портсмутѣ, съ прибавкою по десяти шиллинговъ въ тѣ дни, когда ему понадобится по своей постройкѣ куда-нибудь съѣздить,—какъ непосредственное вознагражденіе за трудъ и издержки подобныхъ путешествій. Брюнель предлагалъ, чтобы ему предоставили пользоваться, какъ онъ самъ съумѣетъ, отъ себя доставляя свои машины. Я же отвѣчалъ, что гораздо лучше вознаградить его по правилу, упомянутому въ артикулѣ подъ главою: Management. Оба эти мои мнѣнія были приняты господами лордами. Такимъ-образомъ Брюнель продолжалъ заниматься приготовленіемъ, пушеніемъ въ ходъ и дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ и распространеніемъ своей машины, совѣтуясь съ механикомъ и подъ моимъ надзоромъ, до самаго времени ея окончательной постройки.

«Таковы были мои поступки при этомъ дѣлѣ; однакоже они не обогнались безъ того, чтобы нѣкоторые не осуждали ихъ; тѣ, которые видѣли мою машину въ дѣйствиіи и которые при чтеніи ея описанія въ привилегіи, взятой мною за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, увидѣли, что въ ней заключалась большая

часть операций и способъ производствъ, которые были включены въ машину Брюнеля, не могли не замѣтить, что мнѣ не было никакой нужды рекомендовать другаго для приведенія въ совершенство столь хорошо извѣстнаго мнѣ дѣла, какъ дѣланіе блоковъ. Эти замѣчанія особенно громко повторяли тѣ, которые знали, что у меня подъ начальствомъ былъ помощникъ, механикъ, совершенно способный осуществить на практикѣ всякое механическое изобрѣтеніе, и что въ моемъ распоряженіи былъ человѣкъ (г. Жемъ Борръ), нѣсколько лѣтъ ходившій за моими машинами, тогда уже приспособленными къ выдѣлыванію формъ, гораздо многосложнѣйшихъ, чѣмъ самые блоки. Слѣдовательно, то, что я для осуществленія этого дѣла рекомендовалъ принять другаго, съ такимъ же жалованьемъ, какъ находящійся при арсеналѣ механикъ, и сверхъ-того еще съ непрѣмнымъ условіемъ будшаго, гораздо значительнѣйшаго вознагражденія, казалось несправедливымъ въ отношеніи къ моему помощнику и безполезною издержкою для публики, особенно послѣ того, какъ увидѣли, что большая часть предварительной работы подготовленія дерева для выдѣлыванія наружной части блоковъ (Shell), была съ самаго начала произведена машинами, тождественными съ моими, упомянутыми въ артикулахъ 1, 2, 3, и которыя многіе видѣли въ дѣйствіи въ помѣсть брата моего*; не смотря на все это, награда, данная Брюнелю подъ конецъ, была назначена по работѣ, дѣланной, какъ моими машинами, такъ и машинами его собственнаго изобрѣтенія. Всѣ эти обстоятельства, конечно, стоило рассмотреть, и дѣйствительно ни одно изъ нихъ не было упущено изъ виду; но чтобы судить о моемъ поведеніи въ этомъ случаѣ, должно принять въ соображеніе еще другія обстоятельства. Меня одного не доставало бы, какъ на мелкія подробности, неразлучныя съ введеніемъ вообще всѣхъ механизмовъ и усовершенствованій, такъ и на разныя улучшенія касательно управленія по арсеналу, а это послѣднее, какъ я имѣлъ право помогать, господу лорды считали за занятіе, въ которомъ услуги мои были даже гораздо важнѣе, чѣмъ введеніе машинъ, а самъ механикъ мало имѣлъ досугу, будучи употребляемъ съ большею пользою при

* Большая часть упомянутой здѣсь моей машины сдѣлана г. Джономъ Ллойдомъ, работавшимъ исключительно на меня прежде вступленія моего въ службу Его Величества (англійскаго короля): теперь онъ пользуется большою извѣстностію, какъ славный механикъ—мастеръ, и его очень часто употребляютъ, какъ артиллерійское вѣдомство, такъ и морскіе департаменты, преимущественно на сооруженіе подъемныхъ тросовъ (стапъ).

разныхъ другихъ механическихъ улучшеніяхъ и также пособіи при постройкѣ блоковой машины. Поэтому, я считалъ себя въ правѣ рекомендовать Брюнеля для послѣдняго дѣла; при томъ же вовсе невѣроятно, чтобы всякій другой родъ вознагражденія сдѣлалъ услуги его такъ прибыльными публикѣ, какъ присвоенное мною, которое столь тѣсно соединяло его собственный интересъ съ пользою публики.

«Что касается до исчисленія самой награды, то это было представлено невозможнымъ для постороннихъ, и рѣшеніе предоставили мнѣ. По справедливости, при этомъ случаѣ были обстоятельства, которыя, принимая въ соображеніе то, что тутъ былъ задѣтъ мой собственный интересъ, дѣлали для меня обсужденіе дѣла этого особенно труднымъ. Довольно значительная экономія была результатомъ, какъ усовершенствованнаго механизма, такъ и того, что блоки дѣламы были не вольными мастерами, всегда берущими нѣкоторый барышъ,—и отъ самаго хорошаго управленія по всему этому дѣлу. Касательно значительнаго уменьшенія издержекъ по производству блоковъ, оно происходило ни отъ помощи самаго Брюнеля, ни отъ моей; мнѣ часто говорили, что изобрѣтенія Брюнеля, какъ онъ и былъ остроуменъ и важны для точности фабриканціи блоковъ,—все-таки производимая ими работа въ отношеніи стоимости была немногимъ значительнѣе дѣланной машинами, употребляемыми обыкновенными дѣлателями блоковъ. Мнѣ также представляли, какъ уже сказано, что уменьшеніе издержекъ, производимое машинами, упомянутыми въ артикулахъ 2 и 3, вовсе немаловажно и не должно быть включено въ исчисленіе, на которомъ основывалась награда Брюнелю. Что касается до меня, то, замѣтивъ большую разность въ итогахъ сбереженій, вычисленныхъ Брюнелемъ (21, 174 фунт. стер.) и г-мъ Роджерсомъ, клеркомъ въ морскомъ департаментѣ, которому поручено было сдѣлать потребныя вычисленія отъ правительства, и сверхъ-того большую разность результатовъ вычисленій самого г-на Роджера (6, 691 ф. и 12, 742 ф.), смотря потому, какія цѣны двухъ подрядчиковъ, прежде поставившихъ блоки во флотъ, были принимаемы въ расчетъ, я думалъ, что тутъ была моя обязанность самому войти во всѣ подробности. Обсудивши хорошенько, я нашелъ, что не иначе, какъ съ большими хлопотами и значительною потратою времени, можно было сдѣлать нѣкоторые число блоковъ ручною работою, для того, чтобы я могъ вычислить, не только какая часть экономіи принадлежала всѣмъ машинамъ, но что принадлежало каждой машинѣ отдѣльно, то-

есть если бы я хотѣлъ опредѣлить, какая часть принадлежала всѣмъ машинамъ вообще, какая часть машинамъ Брюнеля, какая моей; и сверхъ-того, касательно сбереженій отъ устранения барьеровъ вольныхъ мастеровъ и также отъ какого бы то ни было особенно хорошаго управления, — все это такъ было трудно рѣшить, также какъ и что приходилось на долю введеннаго мною образа управления, что самъ я, будучи въ состязаніи съ г. Брюнелемъ по этому дѣлу, при такихъ необходимыхъ обстоятельствахъ, не могъ въ обоихъ случаяхъ рѣшиться опредѣлить сбереженіе, произведенное моими средствами при этой фабрикаціи, какъ долженствующее быть вычтено изъ награды Брюнелю; и тѣмъ менѣе, что въ отношеніи къ моей машинѣ, я была совершенно уверена, что г. Брюнель имѣлъ слишкомъ много дарованій, чтобы самому изобрѣсть машину для того же дѣла, если бы онъ не нашелъ моей для себя уже готовой. Въ отношеніи къ управленію, я нашелъ, что г. Брюнель входилъ въ мои мысли столь глубоко, и такъ хорошо пособлялъ мнѣ при выборѣ работниковъ, при самомъ началѣ дѣла, наблюдая за ихъ успѣхами и даже давая тѣмъ, которые показывали особенное желаніе приобрести особенную ловкость, или которые отличались прилежаніемъ, небольшія награжденія изъ своего собственнаго кармана, что я въ-самомъ-дѣлѣ считалъ его заслуживающимъ нѣкотораго вознагражденія за снисходительное моимъ видамъ отношеніе общаго управления. Потомъ, такъ какъ я считалъ въ высочайшей степени полезнымъ для ускоренія введенія общей системы механизма, чтобы мнѣніе публики было въ его пользу, и какъ это казалось гораздо вѣрнѣе произвести выставу на показъ красиво сдѣланныя машины, принадлежащія къ какому-нибудь одному предмету, то я рѣшился—по той причинѣ, что машины, употребляемыя исключительно для блоковъ, можно было особенно хорошо расположить, — чтобы онѣ были приведены въ наилучшее состояніе, какъ въ отношеніи къ наружному виду, такъ и къ самому употребленію, отлагая и даже совсѣмъ отнимая прочь тѣ части системы механизма, упоминаемаго въ артикулахъ 2 и 3, которые не принадлежали прямо къ блоковому производству, оставляя только необходимое для этого послѣдняго дѣла. Я не сомнѣвался, что Брюнель, въ то время почти всегда бывшій при работѣ, потому-что онъ самъ былъ заинтересованъ выолнѣ выказать и сдѣлать очевидными великія выгоды этой машины, будетъ стараться сдѣлать благоприятнымъ мнѣніе публики касательно введенія машины. Дѣйствительно, когда машина вошла въ употребленіе, онъ

не преминулъ сдѣлать это, потому-что его средства выказать выгоды машины для общаго употребленія, легко могли заставить множество народу, посѣщающаго мастерскія (wood-mills), приписать ему введеніе въ арсеналъ всѣхъ находящихся тамъ машинъ. Но какъ мой собственный интересъ не былъ задѣтъ отъ подобнаго мнѣнія, я не чувствую ни малѣйшаго сожалѣнія размышляя о моемъ тогдашнемъ поведеніи; что-же касается до награды, вычисленной мною какъ должную Брюнелю, — я лишь себя надеждою, что, по-крайней-мѣрѣ, лорды адмиралтейства одобрили мой поступокъ при этомъ случаѣ, ибо, разсмотрѣвши мои поясненія предмета, такъ же какъ г-на Ролжера и Морскаго-совѣта (Navy Board), имъ угодно было назначить г-ну Брюнелю опредѣленную мною награду, включивши ее въ сбереженіе отъ разнаго рода блоковъ и содержанія ихъ прежнихъ дѣлателей, когда они еще были выработываемы безъ помощи Брюнелевой, или съ малою помощію машинъ.»

Блоковая машина окончена въ 1806 году, и съ-тѣхъ-поръ находится въ постоянномъ дѣйствіи, снабжая англійскій флотъ блоками гораздо высшаго достоинства противъ употреблявшихся прежде, и съ большимъ сбереженіемъ издержекъ всякій годъ. Сочитано, что сбереженіе въ первый годъ дошло до 24,000 фунтовъ стерлинговъ (около 600,000 рублей ассигнаціями); и около двухъ-третей суммы этой присудили Брюнелю.

Мы не будемъ болѣе распространяться объ оригинальности и великой красотѣ этого изящнаго и гениальнаго произведенія новѣйшей механики. Даже теперь, по прошествіи сорока лѣтъ, несмотря на сдѣланные нами гигантские шаги къ усовершенствованію всѣхъ родовъ механизмовъ, она все-таки остается безъ всякой перемѣны, и также дѣйствительна, какъ при первоначальномъ сооруженіи. Она до-сихъ-поръ составляетъ предметъ глубокаго удивленія для всѣхъ тѣхъ, которые кое-что разумѣютъ въ строительной механикѣ. Желаящимъ поближе познакомиться съ блоковыми машинами, мы совѣтуемъ читать статьи объ этомъ предметѣ въ Edinburg Enciclopedia и особенно въ Rees Cyclopaedia of Arts; въ обоихъ этихъ сочиненіяхъ находятся прекрасныя рисунки и достаточно подробныя описанія этихъ машинъ.

Брюнель навсегда остался въ Англии, и постоянно отклонялъ различныя предложенія, дѣланныя ему многими другими правительствами.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія блоковой машины

онъ былъ употребляемъ английскимъ правительствомъ на построение пильныхъ мельницъ на новомъ началѣ, въ морскихъ арсеналахъ чатамскомъ и уличскомъ. Около этого времени многія изобрѣтенія были порождены его, въ высочайшей степени, плодотивнымъ умомъ. — Круглая пила, для распилки дорогихъ деревъ на тоненькія фанерки, и прекрасная маленькая машинка для наматыванія бумажныхъ нитокъ въ клубки, много распространившая ихъ употребленіе. Первое изъ этихъ изобрѣтеній на собственномъ заведеніи Брюнеля до того было усовершенствовано, что изъ куска дерева толщиной въ дюймъ выходило шестнадцать фанерокъ, такихъ гладкихъ, что для употребленія едва нужно было выпрямлять ихъ. Около двухъ лѣтъ до окончанія войны, Брюнель, подъ покровительствомъ Герцога Йорккаго, изобрѣлъ машину для дѣланія чрезвычайно прочныхъ и дешевыхъ сапоговъ для арміи; сначала они были въ большомъ употребленіи, но миръ 1815 года очень уменьшилъ на нихъ требованіе, и машина подъ конецъ была оставлена. Пароходство также въ это время привлекло его вниманіе. Онъ занялся постройкою одного изъ первыхъ рамегѣтскихъ пароходовъ, и если не ошибаемся, при этомъ случаѣ ввелъ начало двойной машины (double engine). Онъ также упросилъ английское адмиралтейство дать ему средства построить судно для буксированія кораблей въ морѣ, возможность чего тогда была отрицаема. Многіе другіе предметы большой общественной пользы занимали его умъ, но о которыхъ въ нашемъ краткомъ очеркѣ долгой и дѣятельной жизни Брюнеля мы не можемъ распространяться, потому что онъ любопытенъ только для немногихъ. Когда, послѣ достославнаго мира, блаженной памяти Императоръ Александръ посѣтилъ Англію, тогда Брюнель представилъ Ему проектъ проложенія туннеля подъ Невую, гдѣ, какъ думалъ Брюнель, скопленіе льда и везанность, съ которою онъ разрывается при концѣ зимы, дѣлали сооруженіе моста дѣломъ затруднительнымъ. Это было началомъ его послѣдующаго проекта сдѣлать туннель подъ Темзою, который прежде два раза уже былъ предпринимаемъ безъ успѣха.

Ральфъ Додль, въ 1799 году, получивъ отъ парламента формальный актъ на построение перваго туннеля подъ Темзою, и началъ работу; но вскорѣ долженъ былъ оставить ее отъ страшнаго количества воды, заливавшей всю работу чрезъ расщелины мѣловатаго грунта.

Въ 1809 году, знаменитый Треветикъ занимался проведеніемъ туннеля, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь находится тун-

нель Брюнеля. Треветикъ провелъ свой туннель на протяженіи 1011 футовъ, и всего оставалось только прорыть 100 футовъ; но по недостатку средствъ и частію по своему собственному неблагоразумію въ этомъ дѣлѣ, онъ не могъ продолжать того, что было такъ близко къ окончанію.

Въ 1824 году, Брюнель, при содѣйствіи нѣкоторыхъ лицъ, успѣлъ составить компанію для проведенія подъ Темзою туннеля, покровительствуемую Герцогомъ Веллингтономъ, который сначала до самаго конца не переставалъ принимать живѣйшее участіе въ этомъ удивительномъ сооруженіи. Многіе ученые были членами этой компаніи, между которыми знаменитый покойный докторъ Волластонъ былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ; братъ Волластона долгое время былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и способныхъ споспѣшествователей этого предпріятія. Работу начали въ 1824 году; она нѣсколько разъ была прерываема прорывами воды, и наконецъ дѣйствительнѣе всего прежняго истощенными средствами самой компаніи, въ распоряженіи которой никогда не было болѣе 180,000 фунтовъ стерлинговъ (4,500,000 рублей ассигнаціями). Наконецъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ по прекращеніи работъ, особеннымъ актомъ парламента была опредѣлена сумма, достаточная на окончаніе работъ подъ Темзою, и не смотря на то, что многіе первоклассные люди приводили, какъ казалось, очень дѣльные матіи о невозможности подобной работы подъ рѣкою, чрезъ тонкій, навознаго свойства грунтъ земли, онъ окончилъ и открытъ для публики въ 1843 году. Кромѣ генія Брюнеля, свѣтъ многіемъ обязанъ за окончаніе тенежняго туннеля подъ Темзою, зятю Брюнеля, г-ну Хоу (Hawes), человѣку чрезвычайно пропнцательному и съ большими связями въ свѣтѣ и парламентѣ. Большая сумма денегъ, опредѣленная парламентомъ на его окончаніе есть совершенно его дѣло. — Съ ученой точки зрѣнія, это сооруженіе навсегда пребудетъ памятникомъ величайшихъ способностей, безпримѣрной энергіи и рѣдкой настойчивости, плодovitости изобрѣтеній и средствъ въ такомъ дѣлѣ, которое всегда почиталось обремененнымъ въ непреодолимыхъ затрудненіяхъ; все это на вѣчныя времена доставило серу Марку Изамбару Брюнелю высокое мѣсто въ кругу инженеровъ всѣхъ націй. — Во время управленія лорда Мельбурна, по рекомендаціи покойнаго лорда Спенсера, тогда лорда Алторпа, Брюнель пожалованъ баронетомъ. Серъ Маркъ Изамбаръ Брюнель былъ вице-президентомъ Королевскаго Общества, членомъ Французскаго Института и вице-президентомъ Института гражданскихъ инже-

перовъ (civil engineer). Онъ также былъ кавалеромъ ордена Почетнаго Легіона. Что касается до его характера, то у него не было ни малѣйшей аффектаціи, манеры имѣлъ самыя простыя, былъ ко всѣмъ благосклоненъ, всегда готовъ на хорошіи поступокъ, и никогда не помнилъ о личныхъ себѣ обидахъ. Онъ умеръ на восемьдесятъ первомъ году, послѣ продолжительной болѣзни, первые припадки которой показались векорѣ послѣ окончанія его знаменитаго тоннеля. Заботы, попеченія и постоянное напряженіе тѣла и ума произвели легкую апоплексію, послѣ которой онъ до самой смерти своей никогда совершенно не поправлялся.

НИКОЛАЙ КАРЕЛИНЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитать книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1076 года.

97. *Библейско-біографическій словарь*. Составили Ф. И. Яцѣвичъ и П. Я. Благовѣщенскій. Изданіе книгопродавца В. П. Полякова. 4-части. С.-Петербургъ 1850 года.

Давно не имѣли мы пріятной обязанности представлять читателямъ разборъ книги, столь полезной, дѣльной и занимательной какъ Библейско-біографическій словарь, составленный гг. Яцѣвичемъ и Благовѣщенскимъ. Какъ составители, такъ и издатель имѣютъ равное право на благодарность публики; первые за добросовѣстный трудъ, второй за пожертвованіе, для благой дѣли, значительнаго капитала, простирающагося до *пятнадцати тысячъ* рублей серебромъ, безъ котораго прекрасное сочиненіе это еще, быть-можетъ, долго пролежало бы въ портфель авторовъ по недостатку средствъ къ изданію. Библейско-біографическій Словарь заключаетъ въ себѣ двоякую важность: историческую и духовную. Разсматривая дѣянія древняго міра, чудесное распространеніе христіанской церкви на землѣ, мы встрѣчаемъ множество людей, которые своими подвигами способствовали ея процвѣтанію. До-сихъ-поръ, немногимъ были извѣстны подробности жизни и дѣлъ многихъ лицъ, которыя дѣйствовали въ старозавѣтномъ мірѣ, и въ мірѣ христіанскомъ, потому-что не всякій имѣлъ достаточно времени прочитать всѣ книги Ветхаго и Новаго Завета, и по ихъ многочисленному содержанію, по ихъ огромности удержатъ въ своей памяти все, что только могло стноситься къ какому-ни-

будь изъ замѣчательныхъ лицъ, потому-что дѣйствія ихъ часто смѣшивались съ дѣйствіями другихъ, и невольно ускользали отъ вниманія въ огромной массѣ множества именъ. Составя систематическія и подробныя описанія каждаго лица порознь, гг. Яцѣвичъ и Благовѣщенскій дали возможность всякому обогатить себя историческими свѣдѣніями, не прибѣгая къ перелитыванію множества книгъ. Можно утвердительно сказать, что книга эта, дополненная хронологическимъ обозрѣніемъ лицъ новозавѣтной церкви и аналитическою таблицею содержанія словаря, займетъ мѣсто въ числѣ самыхъ необходимыхъ настоящихъ книгъ, тѣмъ болѣе, что цѣна ея, совершенно незначительная, смотря по объему, частямъ и печати доступна всякому, желающему имѣть у себя вещь полезную, занимательную и отлично напечатанную. Въ примѣрѣ выписываемъ біографію Св. Андрея Первозваннаго:

Андрей Первозванный былъ призванъ первый изъ Апостоловъ и учениковъ Иисуса Христа, происходилъ изъ Вифсаиды, небольшого Галилейскаго города, лежащаго на берегахъ Генисаретскаго озера. Сынъ Іоны, или Іоанна, онъ былъ братъ Апостола Петра и подобно ему рыбакъ. Сначала Андрей былъ ученикомъ Іоанна Крестителя. Когда послѣдній далъ свидѣтельство о Мессіи, возвратившемся изъ пустыни, послѣ сорокадневнаго искушенія, Андрей пошелъ въ слѣдъ Иисуса Христа. Это-то и называють первымъ призваніемъ сего Апостола. Онъ-то привелъ къ Христу Петра: впрочемъ невѣроятно, чтобы Спаситель не имѣлъ другихъ учениковъ, кромѣ этихъ двухъ братьевъ, съ Филиппомъ и Нафананомъ. Между-тѣмъ оба брата занимались попрежнему своимъ ремесломъ, и оставили его уже тогда только, какъ Спаситель обѣщалъ слѣдовать ихъ ловцами человѣковъ. Съ этого времени они соединились съ своимъ Учителемъ, и не разлучались съ Нимъ никогда, во время земной Его жизни. По совершеніи Пасхи, возвратившись изъ Іерусалима, Иисусъ Христосъ избралъ двѣнадцать Апостоловъ, въ главѣ которыхъ Евангелисты поставляютъ двухъ братьевъ Петра и Андрея. Во время чуда умноженія хлѣбовъ, Андрей покормилъ Спасителя въ толпѣ мальчика, имѣвшаго пять хлѣбовъ и давъ рыбы. Онъ же съ Филиппомъ показывалъ Спасителю язычникамъ, пришедшимъ въ Іерусалимъ для поклоненія истинному Богу, за нѣсколько времени до Его страданія. Святой Андрей былъ также однимъ изъ четырехъ учениковъ, спрашивавшихъ, спустя послѣ того два, или три дня, у Иисуса Христа о времени разрушенія храма, предсказаннаго Имъ. Вотъ все, что намъ извѣстно изъ Священныхъ книгъ о Святомъ Андрѣ. По свидѣтельству писателей греческихъ, Апостолъ проповѣдывалъ Евангелие въ нѣкоторыхъ областяхъ Азіи, откуда пришелъ въ Грецію, и основалъ въ Византіи Епископскій престолъ, на который поставилъ Епископомъ Стахіа св. Преимущественно Египтъ и Целонесъ

были мѣстомъ его проповѣди между Греками. Павлинъ утверждаетъ, что Апостолъ былъ посланъ въ Аргосъ, гдѣ посрамилъ краснорѣчіе и умствованія Софистовъ. Иполитъ, Епископъ Пордумскій, и знаменитый Оригенъ говорятъ, что Апостолъ Андрей проповѣдывалъ Евангелие и Скиѣамъ, народу сопредѣльному съ Греками, именно въ Россіи—въ Новороссійскомъ краѣ. Близость этихъ мужей ко временамъ апостольскимъ, которые имѣли возможность узнать истину отъ самихъ видѣвшихъ святаго Андрея, дѣлаютъ ихъ свидѣтельства несомнительными. Отсюда, по сказанію нашего летописца, Апостолъ приходилъ къ мѣсту, гдѣ теперь Кіевъ, на горахъ Кіевскихъ водрузилъ крестъ, и предсказалъ ученикамъ о православіи, которое современемъ здѣсь будетъ сіять. Изъ Кіева Апостолъ по Днѣпру и другимъ рѣкамъ отправился въ Новгородъ, и посѣтилъ страны при Балтійскомъ морѣ; потомъ отправился въ Римъ, откуда обратно переѣхалъ въ Грецію. Городъ Патрасъ въ Ахайи былъ предѣломъ его Евангельскихъ трудовъ. Здѣсь перво-званный ученикъ принялъ мученическую вѣнецъ. Чтò касается до времени его кончины, то опредѣлить его трудно. Одни относятъ ее ко времени гоненія Домиціана. У Сурія и другихъ біографовъ находится подробности о мученичествѣ этого Апостола, приписываемыя Священникамъ и Діаконамъ Ахайскихъ церквей. Наша обязанность сообщить ихъ здѣсь; ибо намъ надобно дать идею о спокойствіи и твердости духа первыхъ исповѣдниковъ Иисуса Христа предъ своими гонителями. Проконсулъ Егептъ прибылъ въ Патрасъ для преслѣдованія Христіанъ и принужденія ихъ къ поклоненію идоламъ.

Святой Андрей предсталъ предъ нимъ, и сказалъ: Ты, предстоящій предъ людьми, какъ судія ихъ преступленій, долженъ узнать, что есть на небесахъ Владыка, Который будетъ судить тебя, чтобы ты, отдавъ Ему поклоненіе, на которое Онъ имѣетъ право, воспротивился поклоненію суетнымъ изваяніямъ.

Егептъ отвѣчалъ ему: Если я не ошибаюсь, ты разрушитель храмовъ боговъ, Андрей, старающійся вовлечь народъ въ безумную секту, которую повелители имперіи рѣшили истребить?

Андрей. Эти императоры не знаютъ еще, что Сынъ Божій, шедшій на землю для искупленія людей, называлъ вашихъ идоловъ нечистыми демонами, врагами рода человѣческаго, ведущими его къ вѣчному мученію.

Егептъ. Подумай, что это суетныя и пустыя умствованія, за которыя вашъ Иисусъ Христосъ дѣйствительно заслужилъ крестъ, на которомъ распяли Его Іудеи.

Андрей. Ахъ, еслибы ты узналъ тайну этого креста! еслибы ты зналъ, съ какою любовью верховный Владыка всего пригвоздился къ нему за наше искупленіе!

Егептъ. Ты осмѣливаешься говорить о самопожертвованіи и провозвольномъ преданіи себя этого Человѣка, когда всякому извѣстно,

что Онъ былъ преданъ однимъ изъ своихъ, осужденъ Иудеями, приведенъ къ правителю, и распятъ римскими солдатами, по требованію народа.

Андрей. Сказанное мною справедливо, ибо я самъ былъ съ Иисусомъ, когда Онъ предался, и когда Ему измѣнили: прежде этой измѣны и послѣдовавшихъ за нею страданій, я слышалъ Его предсказаніе, что и то и другое вѣрно исполнится для спасенія человѣковъ. Онъ также предсказалъ намъ, что послѣ трехъ дней воскреснетъ.

Егеатъ. Удивляюсь твоей мудрости, которая обожаетъ человѣка, умершаго на висѣлицѣ, какъ бы онъ ни умеръ, произвольно, или нѣтъ.

Андрей. Его страданіе есть таинство, ибо наше искушеніе зависѣло отъ него, и можетъ-быть ты поймешь ее, если согласишься выслушать меня.

Егеатъ. Пожалуй, но предупреждаю тебя, что если ты не рѣшился повиноваться мнѣ, то тайна креста повторится на тебѣ.

Андрей. Еслибы эта угроза была страшна для меня, то я не осмѣлился бы тебѣ говорить такъ, какъ говорю теперь.

Егеатъ. Ваше ученіе столько же безумно, сколько безумна дерзость, съ которою ты мнѣ говоришь.

Андрей. Въ моихъ словахъ нѣтъ ни дерзости, ни мужества, они выражаютъ вѣру, находящуюся во мнѣ; ибо писано, что смерть праведниковъ драгоценна, а смерть грѣшниковъ плачевна. Вотъ по чему я хочу возвѣстить тебѣ тайну креста, непонимаемую тобою, для того, чтобы ты, увѣровавъ въ нее, возродился бы къ новой жизни.

Егеатъ. Чтобы возродиться, надобно умереть. Не хочешь ли въ-самомъ-дѣлѣ убѣдить меня, что я мертвъ, чтобы потомъ дать мнѣ жизнь, посредствомъ той странной вѣры, которую ты проповѣдуешь!

Андрей. Какъ надобно бы желать, чтобы ты узналъ это ученіе! чтобы ты повѣлъ, что въ крестѣ есть спасительная сила отъ грѣха, порожденнаго первымъ человѣкомъ преступленіемъ заповѣди не вкушать плода отъ древа познанія добра и зла! что этотъ грѣхъ былъ для человѣка источникомъ смерти, между тѣмъ какъ жертва Иисуса отвѣрзла ему источники жизни, столь долгое время закрытые!

Егеатъ. Сохрани свои умствованія для того, кто захочетъ повѣрить имъ. Что касается до меня, то знай, что если ты откажешься принести жертву всемогущимъ богамъ, то будешь сначала битъ, потомъ пригвожденъ къ тому же кресту, который ты считаешь съ такимъ благоговѣніемъ.

Андрей. Каждый день приношу я жертву истинному Богу, единому и Всемогущему,—и жертва, которую я приношу Ему, не состоитъ ни въ куреніи фиміама, ни въ крови и плоти козловъ и воловъ, но въ непорочномъ Агнцѣ, Который, служа пищею и питьемъ множеству вѣрующихъ, остается живымъ, чистымъ и несквернымъ.

Егеатъ. Что значать эти слова?

Андрей. Если хочешь проникнуть въ ихъ смыслъ, необходимо, чтобы ты выслушалъ съ смиренною охотою ученика.

Егеатъ. Я могу силою принудить тебя объяснить ихъ.

Андрей. Удивляюсь, видя столь безумныя слова, выходящія изъ устъ человѣка мудраго. Какъ могъ ты думать, что, муча учениковъ Христа, ты могъ бы проникнуть въ смыслъ Его Божественныхъ заповѣдей. Я возвѣстилъ тебѣ двоякую тайну плоти и жертвы христіанской. Увѣруй въ Божество Иисуса, Сына Божія, преданнаго смерти Иудеями, если хочешь повѣсть, какимъ образомъ закланный Агнецъ продолжаетъ жить, какимъ образомъ, снишедши на оltарь, на которомъ совершаются наши святыя тайны, и давши себя намъ въ пищу, Онъ существуетъ еще, не потерявъ ничего отъ своей чистоты, ни отъ своей первобытной цѣлости.

Егеатъ. Возможно ли это, когда ты самъ говоришь, что Онъ убитъ и съѣденъ?

Андрей. Вѣруй съ любовію, если хочешь повѣсть, иначе ты никогда не поймешь.

При этихъ словахъ Егеатъ, исполненный гнѣва, приказываетъ отвести Апостола въ темницу. Во-время его заключенія, со всѣхъ сторонъ провинціи стеклось множество народа, который хотѣлъ освободить Андрея, и предать смерти послѣдователя, но Апостолъ успокоилъ ихъ.

—Берегитесь, говорилъ онъ, произвести возмущеніе во имя Иисуса Христа, нашего Бога. Вспомните о терпѣніи Его. Онъ не кричалъ, не вырывался изъ рукъ своихъ палачей. Будьте же, по примѣру Его, тихи и спокойны. Высто старайся спасти меня, приготовьтесь сами выступить на арену, какъ неустрашимые воины Господа, которые умѣютъ страдать безъ ропота и жалобъ. Ужасы, оканчивающіеся смертію, не страшны для насъ, имѣющихъ твердую надежду на безсмертную жизнь. Истинно опасны мученія только тѣ, которыя не оканчиваются никогда.

Во время всей ночи Андрей говорилъ такимъ образомъ народу, который тѣнился вокругъ его тюрьмы. Съ появленіемъ зари Егеатъ приказалъ привести его предъ свое судилище, и обратился къ нему съ слѣдующими словами:

—Я думаю, что ночь сдѣлала тебя благоразумнымъ, и что ты согласишься вмѣстѣ съ нами предпочесть наслажденіе жизнію безумному восторгу, которымъ ты объятъ, и которому крестъ долженъ положить конецъ.

Андрей. Только тѣ наслажденія я согласенъ разделить съ тобою, которыя прелестяютъ тебѣ, если ты оставишь поклоненіе идоламъ; ибо знай, что самъ Иисусъ Христосъ послалъ меня проповѣдывать свое ученіе жителямъ этой провинціи, между которыми уже считается много Его поклонниковъ.

Егеатъ. Потому-то я и заставляю тебя принести жертву богамъ, чтобы обольщенный тобою народъ оставилъ заблужденіе, проповѣ-

дуемое тобою, и возвратился къ прежней вѣрѣ. Конечно справедливо, что нѣтъ въ Ахаіи ни одного города, въ которомъ храмы боговъ не были бы оставлены и пустынями. Итакъ, неправъ зло, слѣдланное тобою; умилостиви разгнѣванныхъ божества; только съ этимъ условіемъ ты можешь жить съ ними въ ладу. Если же откажешься, то оскорбленіе ихъ будетъ отмщено жестокими мученіями, которыя я умѣю разнообразить, чтобы казнь слѣловать соотвѣтствующую сопротивленію; а крестъ, о которомъ ты говоришь съ такимъ восторгомъ, заключить ихъ.

Андрей. Чало смерти, послушай меня, преклони ухо къ тому, что будетъ говорить рабъ Всемогущаго, Апостолъ Иисуса Христа. Доселѣ я говорилъ кротко, думая убѣдить тебя оставить служеніе суетнымъ изваяніямъ, и поклониться Богу, царствующему на небесахъ. Теперь мнѣ остается только доказать, какъ безсилны твои угрозы; избобрѣтай самыя жестокия мученія, они не произведутъ другаго дѣйствія, кромѣ того, что доставать мнѣ награду отъ Всевышняго.

Тогда Егеатъ приказалъ его сѣчь, и послѣ этого перваго испытанія привести къ себѣ, чтобы принудить его отречься отъ вѣры, и устроить угрозою послѣдняго наказанія, въ случаѣ сопротивленія. Но проповѣдникъ отвѣчалъ ему:

— Я служитель Иисуса Христа, и чувство страха у меня ничтожно въ сравненіи съ желаніемъ умереть для славы Его имени....

Послѣ этихъ словъ Егеатъ, не могши удержать своего гнѣва, приказалъ распять его на крестѣ, а чтобы продолжить мученіе сколь можно долѣе, прикрѣпить ко кресту не гвоздями, но веревками. Въ то время, какъ вели его на мѣсто распятія, окружающая толпа вопіяла противъ такого варварства, и спрашивала, что слѣдуетъ этотъ добрый и праведный человѣкъ, что съ нимъ поступаютъ такимъ образомъ? Но Андрей умолялъ ихъ не препятствовать его испытанію и радости. Пришедши на мѣсто, гдѣ былъ волруженъ крестъ, онъ вскричалъ:

— О крестъ, освѣщенный моимъ Господомъ и Владыкою, привѣтствую тебя: образъ ужаса, ты, послѣ того какъ Онъ умеръ на тебѣ, слѣлаась знакомъ радости и любви! О вселюбезный крестъ, всегда желалъ я умереть въ твоихъ объятіяхъ! Итакъ, прими меня, ибо чрезъ тебя я хочу быть представленнымъ къ Тому, Который тобою испыталъ меня!

Говоря эти слова, онъ снялъ съ себя одежду, и отдалъ своимъ палачамъ. Послѣдніе подняли его посредствомъ веревокъ на это орудіе казни. Толпа, присутствующая при этомъ зрѣлищѣ, состояла почти изъ 20,000 человѣкъ, между которыми находился братъ Егеата Стратоклесъ, присоединившійся къ толпѣ, чтобы оплакать несправедливость, которой жертвою дѣлаелся такой святой человѣкъ. Но послѣдній воодушевлялъ мужество своихъ братьевъ о Христѣ, и приглашалъ ихъ къ терпѣнью обѣщаніями вѣчнаго блаженства, которое послѣдуетъ за дьями испытанія. Между тѣмъ толпа бро-

сидаясь къ дому Егеата, и кричала, что такой святой, такой благочестивый и мирный человѣкъ не долженъ страдать такимъ образомъ, что надобно отвязать его отъ креста, на которомъ страдалъ уже два дня, и съ котораго онъ не перестаетъ возвѣщать истину. Егеатъ, опасаясь народнаго возненія, объявилъ, что онъ уступаетъ ея требованіямъ, и пришелъ на мѣсто, гдѣ находился мученикъ, который сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ? Если для того, чтобы исповѣлать вѣру въ Иисуса Христа, то прощеніе, обѣщанное мною тебѣ, несомнѣнно; но если для того, чтобы отвязать меня отъ древа, на которомъ я почиваю, то напрасно ты старался бы объ этомъ; ибо я уже наслаждаюсь зрѣніемъ Царя небесъ, уже я поклоняюсь Ему, уже я нахожусь въ Его присутствіи....

Между-тѣмъ тщетно исполнители казни старались возложить руки на Святаго, чтобы отвязать его; тщетно одни за другими приближались къ нему, невидимая сила останавливала ихъ руки. Въ это время Андрей возсылаъ къ Богу молитву за то, что Онъ благоволилъ воспретить намѣренію хотѣвшихъ замедлить часъ его награды, лишить блаженства видѣть скоро Того, для Котораго только онъ жилъ, и возвратитъ міру, для котораго давно уже умеръ. Въ самомъ дѣлѣ, свѣтъ, блестящій какъ молнія, пересѣкающая облака, скоро обнялъ его совершенно, и почти въ продолженіе получаса скрывалъ отъ зрителей; послѣ чего Андрей отдалъ духъ свой, и перешелъ на лоно Божіе.

Жена, по имени Максимила, взяла его тѣло, намазала благовоніями, и положила въ томъ мѣстѣ, гдѣ сама желала быть погребенною. Въ-послѣдствіи мощи Святаго Апостола Андрея, по повелѣнію Константина Великаго, были перевезены изъ Патраса въ Константинополь. Что касается Егеата, желавшаго воспротивиться Максимила, то наказаніе за его преступленіе не замедлило явиться. Онъ умеръ неожиданно тамъ же, среди публичной площади.

Память святаго и всехвальнаго Апостола Андрея Первозваннаго празднуется Церковію 30 го ноября и 30 го іюня.

Такъ увлекательно написано все сочиненіе. Не сомнѣваемся, что оно разойдется въ скоромъ времени; такое полезное и дѣльное изданіе должно занять мѣсто во всякой нѣсколько порядочной бібліотекѣ.

98. *Литературные вечера.* Изданіе Николая Фумели.—Вечеръ второй. Одесса. Въ типографіи Л. Нитче. 1850.

Не въ первый разъ приходится «Сыну Отечества» отдавать должную справедливость одесскимъ изданіямъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ перелистывалъ я «Литературные вечера», не приступая еще къ чтенію; точно съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ лакомка смотритъ сперва на вкусное блюдо, любясь имъ, вдыхая въ себя благоуханіе его.... «Литературные

вечера» изданы изящно; бумага прекрасная, печать чистая, шрифт красивый, и подобранъ съ большимъ вкусомъ.

Теперь печатаніе доведено вездѣ до такого совершенства, что, кажется, дальше нельзя и шагу ступить. Говорятъ, что всякое совершенное, полное развитіе искусства предшествуетъ совершенному же упадку его. Это весьма возможно: вѣдь явился же въ Парижѣ какой-то господинъ, изобрѣвшій *впрный и непреложный* способъ передавать мысли на какомъ угодно разстояніи съ быстротою, почти равняющеюся быстротѣ самой мысли. Этотъ магнетико-электрико-симпатико- и пр. и пр. и пр. способъ убьетъ всякую книжную торговлю; бумажная торговля будетъ еще существовать, но только на томъ основаніи, что въ мысль нельзя завернуть ни селедки, ни масла, купленного на пятакъ.

Если изобрѣтеніе господь... не помню какъ ихъ зовутъ; знаю только что фамилія одного начинается съ А, другаго съ Б; какъ это многозначительно! Азъ и Буки изобрѣли новый способъ передавать мысль. И такъ, если изобрѣтеніе Аз-Буки слѣдается *великимъ*, т. е. оправдается на дѣлѣ, то страшный переворотъ совершится въ словесномъ мірѣ.

Налюбовавшись на наружность «Литературныхъ вечеровъ» заглянемъ въ душу ихъ.

Первое проявленіе этой души—повѣсть, подъ заглавіемъ «Морицъ Сефарди» г. Рабиновича. Я прочиталъ эту повѣсть въ одинъ прѣсѣтъ и пожалѣлъ только о томъ, что *уже* прочиталъ ее, завидуя удовольствію, предстоящему тѣмъ, которые прочитаютъ ее.

Вотъ вкратцѣ содержаніе повѣсти г. Рабиновича.

Дѣйствіе происходитъ въ Одессѣ.

Молодой человѣкъ, Морицъ Сефарди, служитъ писцомъ у богатого купца, Фемистокли Кспра. У Морица одна изъ тѣхъ настойчивыхъ натуръ, которыя, вступивъ однажды на избраннѣйшій ими путь, ни за что не совратятся съ него; встрѣтивъ на этомъ пути препятствія, подобныя природы обожгутъ, если нѣтъ возможности иначе преодолѣть препятствіе, или, обманувъ, такъ-сказать, эти препятствія, проползутъ между ними или черезъ нихъ змѣей.

Въ одинъ осенній вечеръ Морицъ Сефарди усердно работаетъ въ конторѣ своего хозяина, вышедшаго прогуляться послѣ обѣда. Подоидя за чѣмъ-то къ бюро хозяина, молодой писарь нашелъ на немъ письмо на англійскомъ языкѣ, забытое старымъ негодяиномъ и заключавшее въ себѣ важную коммерче-

скую тайну. Сильно забилось сердце молодого честолюбца, когда онъ узналъ содержаніе письма...

У него есть другъ, Густавъ Штиръ, молодой человѣкъ съ состояніемъ, добродушный, но нѣсколько безнечный, нерѣшительный.

Узнавъ тайну, заключавшуюся въ письмѣ, Морицъ немедленно рѣшился воспользоваться ею. Онъ вышелъ изъ конторы, и подозвалъ перваго проѣзжавшаго извозчика.

— Хочешь заработать полтинникъ? спросилъ онъ его.

— Прибавьте, сударь! отвѣчалъ извозчикъ, не зная даже, о чемъ идетъ дѣло.

Этотъ извозчикъ Андрей Бирюкъ, прозванный товарищами *Щоколемъ*, за то, что онъ немного *маракуеть по иностранному*, весьма характеристическое лицо, составляющее необходимое звено въ цѣпи общей мысли автора. Бирюкъ — мѣщанинъ; онъ когда-то учился кондитерскому ремеслу, потомъ былъ лакеемъ, потомъ разносилъ фрукты, потомъ былъ маркеромъ, потомъ еще и еще чѣмъ-то, и наконецъ пошелъ въ извозчики. Не нужда и не тупоуміе заставляютъ Бирюка переходить изъ одного званія въ другое, — нѣтъ, онъ малый ловкій, смѣтливый, и успѣваетъ во всемъ, за что ни возьмется; но бѣда та, что этой живой, непостоянной съверной натурѣ не силится на одномъ мѣстѣ, а русскій человѣкъ величайшій врагъ скуки. Бирюкъ самъ говоритъ, что мѣняеть занятія.

— Для-ради скуки: чтобъ веселѣй было жить. До сихъ поръ Господь-Богъ миловалъ! Былъ обувь и сытъ. Были-бъ руки у плечъ, да голова на плечахъ, а кусокъ хлѣба и чарка *тОВО-СЪ* (онъ щолкнулъ себя пальцемъ въ шею) всегда будетъ!...

Морицъ посылаетъ Бирюка къ Штиру съ записочкой, въ которой приглашаетъ послѣдняго въ Мраморный-трактиръ, для сообщенія весьма важныхъ вѣстей.

Друзья сходятся въ трактирѣ.

Сефарди сильно взволнованъ, глаза его горятъ необыкновеннымъ огнемъ. Послѣ приготовительнаго вступленія, онъ открываетъ другу, что открылъ средство, которое дастъ Густаву вѣрный барышъ, а его, Морица, толкнетъ на большую дорогу.

— Даешь-ли слово, что послушаешься меня? спросилъ онъ Штира.

— Даю!...

— Слушай же, комиссіонеру Татецкому прибыло нѣсколько лодокъ съ злымиъ сѣменемъ, кажется, до десяти-тысячъ чет-

вертей. Не желая заняться выгрузкой и нанимать магазины, онъ старается продать сѣмя въ однихъ руки. Вчера вечеромъ маклеръ предлагалъ всю эту партію Ксирѣ, но торгъ разошелся за бездѣлницей. Ксира хочетъ немножко притѣснить коммиссіонера, въ полной увѣренности, что никто, кромѣ его, не дерзнетъ принять всю эту партію. Сегодня, при полученіи писемъ съ почты, я замѣтилъ, что отъ одного и тогоже лондонскаго дома было два письма, но не обратилъ на это большаго вниманія. Вообрази же мое изумленіе, когда, по уходѣ Ксиры послѣ обѣда на прогулку, я нахожу на его бюро открытое письмо, содержаніе котораго я затвердилъ наизусть. Вотъ оно: «Черезъ два часа послѣ отправки нашего перваго письма къ вамъ, въ здѣшнихъ кладовыхъ произошло сильный пожаръ и сгорѣло цѣлое депо, въ которомъ находилось до пятидесяти-тысячъ четвертей льнянаго сѣмени. Мы узнали эту новость сію минуту случайно — отъ одного прискакавшаго стрелка джентльмена, и успѣли еще васъ увѣдомить. Другіе узнаютъ объ этомъ гораздо позже, черезъ городскую почту, т. е. послѣ ухода заграничной. Старайтесь употребить этотъ случай съ пользой и закупить какъ можно больше сѣмени. Предлагаемъ себя въ участники и позволяемъ вамъ платить на мѣсяцъ по 43 шиллинга за квартиру. Барышъ будетъ несомнѣнный, потому-что, по случаю поздней осени, не предвидится, чтобы изъ Соединенныхъ-Штатовъ прибыли новые грузы сѣмени, а то, что сгорѣло, составляло весь здѣшний запасъ. Повторяемъ: спѣшите! цѣны до весны будутъ держаться неслыханныя. Понимаешь ли теперь — въ чемъ дѣло, Густавъ?»

— Кажется, догадываюсь, отвѣчалъ Густавъ. — Но не хочу ломать головы... Объясни, пожалуйста, до конца...

— Изволь. Одинъ только Ксира знаетъ объ этомъ пожарѣ въ Лондонѣ. До будущей почты еще осталось четыре дня, стало-быть здѣшніе купцы узнаютъ эту новость послѣ. Не желая возбудить ничьего подозрѣнія и стараясь показывать какъ можно больше хладнокровія, Ксира цѣлый день сегодня ничего не говорилъ о партіи Татецкаго, и я увѣренъ, что въ казино онъ весь сегодняшний вечеръ проигрываетъ въ вистъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Но онъ приказалъ уже на завтра позвать къ себѣ маклера Дубкова, который *трактуетъ* партію Татецкаго, — купить ее и будетъ стараться, до прихода почты, закупить неподоволь и все остальное сѣмя, какое только есть вашицо, и разумеется насытитъ кучи золота. Дѣло съ Татецкимъ у нихъ остановилось на шести рубляхъ съ чѣмъ-то, а лондонское письмо позволяетъ платить по девяти рублѣй серебромъ за четверть. Понимаешь ли ты теперь, Густавъ, что если предупредить Ксиру и купить завтра все сѣмя у Татецкаго, то завтра-же, или не позже какъ черезъ день, Ксира дастъ тебѣ огромный барышъ?»

Густавъ всплеснулъ руками и вскричалъ:

— Ты правъ, Морицъ! Это счастливейшій случай въ мірѣ. Рас-

полагай мной и моимъ капиталомъ, какъ знаешь: я весь отдаюсь въ твои руки....

— И такъ, вотъ что надо дѣлать, сказалъ Морицъ: — пока Дубковъ, отвязанный Франтъ, успѣетъ напомниться и примѣрить, какой жилетъ ему будетъ завтра къ лицу, ты возьмешь свои билеты и съѣдешь къ другому маклеру, на-примѣръ, къ Триди, котораго знаешь, и пошлешь его къ Татецкому. Ты, безъ лишннихъ торговъ, купишь всѣ десять тысячъ четвертей льнянаго сѣмени, съ условіемъ, чтобы лодки еще дожидались нѣсколько дней, — и дашь задатокъ. Я увѣренъ, что твои деньги не залежатся: киръ-Фемистокли возвратитъ тебѣ ихъ съ хорошими процентами....

— Но будутъ ли имѣть ко мнѣ довѣріе въ такой огромной операціи, когда я лицо рѣшительно неизвѣстное въ торговомъ мірѣ?

— Не беспокойся.... Ты объявишь, что, дѣйствительно, въ первый разъ выходишь на торговую арену и хочешь попробовать счастья на льняномъ сѣмени. Въмѣстѣ съ-тѣмъ, ты дашь въ задатокъ десять тысячъ рублѣй серебромъ банковыми билетами, писанными на твое имя. Для маклера нѣтъ доказательства — убѣдительное холочей монеты, а продавецъ достаточно обезпеченъ этимъ задаткомъ, когда товаръ еще находится въ его власти....

— Но если Ксира не захочетъ такъ скоро купить у меня эту партію, и я принужденъ буду принимать ее, что тогда дѣлать, когда съ задаткомъ кончается весь мой капиталъ?

— Безъ всякихъ «но», Густавъ!... Ксира купить всю твою партію и еще три такихъ, до прихода почты изъ Англій. Онъ долженъ ее купить, прибавилъ Морицъ, стукнувъ кулакомъ по столу и улыбувшись: — онъ долженъ ее купить, такъ какъ долженъ дышать воздухомъ, какъ долженъ ѣсть каждый день скумбрию, жареную на прованскомъ маслѣ!... Итакъ....

— Рѣшено! отвѣчалъ Густавъ: — завтра, въ восемь часовъ, еслибъ даже папъ Татецкій еще нѣжился подъ периной, онъ подпишетъ маклерскую записку о продажѣ своего льнянаго сѣмени Густаву Штиру!...

— Лаано!... Теперь.... послѣднее условіе....

— Знаю, прервалъ Густавъ: — половина барышей тебѣ!...

— Ты честивѣйшій человекъ въ мірѣ!... сказалъ Морицъ.

Молодые люди пожали другъ другу руки.

Послѣ краткаго молчанія, Штиръ весело засверкалъ своими добродушными сѣрыми глазами, и вставая съ своего мѣста, ударилъ по плечу Морица, углубившагося въ размышленія.

— Знаешь-ли, что пришло мнѣ въ голову? примолвилъ онъ. — Я какъ-то, въ дѣтствѣ, разъ или два отвѣдалъ шампанскаго, — ты, я думаю, никогда.... Не приказать-ли подать бутылку? Я угощаю тебя на счетъ будущихъ благополучій, мой милый товарищъ, въ надеждѣ, что и ты скоро будешь въ состояніи отплатить мнѣ тѣмъ-же.... Эй, кто нибудь!...

Вошелъ хорошенькій мальчикъ, въ тонкой бѣлой блузѣ поверхъ красной рубахи.

— Чижики, есть у васъ шампанское? спросилъ Густавъ.

— Какъ не быть, сударь.... отвѣчалъ Чижики. — Какого прикажете, *адоу* или *силлери*?

Друзья въ недоумѣннй посмотрѣли другъ на друга.

— Ужь, по мнѣ, лучше *силлери*, чѣмъ *адоу*, сказалъ смѣясь Густавъ.

Чижики лукаво поглядѣлъ на Густава, ловко повернулся и выбѣжалъ.

— Какіе мы съ тобой богачи, Морицъ, сказалъ простодушно Густавъ, когда воротившійся мальчикъ поставилъ раскупоренную бутылку на столъ: — когда даже не знаемъ разныхъ названій шампанскаго....

— Выучимся, отвѣчалъ Морицъ, наполняя бокалы. — Ну, за усѣхъ перваго предпріятія!

Друзья чокнулись, и принялись пить, смѣясь отъ полноты души и строя самые счастливые планы въ будущемъ.

Вино разогрѣло молодыхъ людей. Они острили надъ своими планами, не щадя ничего и никого, даже самихъ себя. Они были вполнѣ веселы, такъ веселы, какъ человѣку не удается быть часто на своемъ вѣку. Это была ихъ первая бутылка шампанскаго, при первомъ выступленіи на широкую дорогу жизни. Имъ казалось, что хохоча, спустя рукава, они пойдутъ подпрыгивать по этой дорогѣ, и все имъ будетъ удаваться, все ихъ будетъ веселить, какъ это пишучее вино, и привѣтно улыбаться имъ, какъ розовый круглолицый Чижики. Счастливы! Они, можетъ-быть, не знали, что пили первую чашу за упокой своей невозвратной беззаботности!

На другой день Морицъ явился въ контору съ спокойнымъ и серьезнымъ лицомъ. Сердце его дрогнуло, когда вошелъ маклеръ Дубковъ, призванный Ксирой. Получивъ приказаніе негодянта покончить дѣло, Дубковъ отправился, но черезъ четверть воротился блѣдный, разстроенный.

— Татецкій продалъ все! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

— Не можетъ-быть! вскричалъ старикъ.

— Какой-то Густавъ Штиръ купилъ сегодня утромъ всю партію.

— Какой Густавъ Штиръ?

— Не знаю.

— Не знаете ли вы его, кто-нибудь? спросилъ Ксира, обращаясь къ своимъ конторщикамъ.

— Густавъ Штиръ?... отвѣчалъ Базиль, кусая кончикъ своего пера. — Это молодой Нѣмецъ... человекъ, кажется, съ достаткомъ... Впрочемъ, Морицъ долженъ его хорошо знать: они кажется, приятели межъ собой..

— Морицъ! произнесъ киръ Ксира, повысивъ голосъ, что съ нимъ рѣдко случалось. — Морицъ!... Ааа!...

Морицъ всталъ и оборотился къ своему хозяину. Взоры ихъ встрѣтились. Въ глазахъ старика сверкала ярость, а въ глазахъ Морица видѣлось наглое спокойствіе. Не переставая глядѣть на Морица, Ксира медленно началъ опускаться въ свое кресло, стараясь успокоиться; а тотъ, не перемѣнивъ своего гордаго положенія, закинувъ за спину руки, не спускалъ съ Ксиры своихъ большихъ, выпуклыхъ глазъ. Нѣсколько секундъ длилась эта нѣмая сцена, и никто, кромѣ разыгрывавшихъ ее актеровъ, не понималъ ея.

Дубковъ подошелъ близко къ Ксирѣ и сталъ ему что-то говорить; старикъ очнулся и машинально усталъ глаза на него.

Морицъ спокойно сѣлъ на свое мѣсто.

Въ отвѣтъ на слова маклера, Ксира махнулъ только рукой. Маклеръ понималъ, что тотъ его не слушалъ или слушать не хотѣлъ. Въ огорченіи, онъ взялъ за шляпу и вышелъ изъ конторы, не забывъ въ передней сказать магазинеру Спираки, что его хозяинъ буйволъ.

Въ конторѣ было торжественно-тихо. Базиль чинилъ перья для завтрашняго дня; Морицъ, опершись о спинку стула, скрестилъ руки на груди и глядѣлъ въ потолокъ; бухгалтеръ дремалъ. Среди этой тишины раздавался звукъ пружиннаго кассоваго замка.

Этотъ меланхолическій звукъ пружины всегда имѣлъ сильное вліяніе на слушателей: сколько-бы ни было въ конторѣ Ксиры посѣтителей, и кто-бы они ни были, всегда, при этомъ звукѣ, глаза каждого обращались въ ту сторону, гдѣ счастливый хозяинъ открывалъ свою кассу.

И теперь было тоже самое. Бухгалтеръ проснулся, у Базиля перочинный ножикъ остановился на ногтѣ, — только одинъ Морицъ былъ равнодушенъ: онъ хорошо понималъ, въ чемъ дѣло.

— Мсье Сефарди, сказала Ксира: — подойдите!

Морицъ всталъ, положилъ передъ собой на столъ ключикъ отъ стоговаго ящика, снялъ съ гвоздя шляпу и подошелъ къ бюро.

— Получите ваше жалованье, сказалъ холодно Ксира, не глядя на него и подавая ему нѣсколько полумперіаловъ: — вы мнѣ болѣе не нужны.

Сефарди вѣжливо поклонился, кивнулъ головой своимъ товарищамъ и вышелъ.

Онъ взялъ дрожки и поскакалъ къ Штиру.

— Надо ковать желѣзо, пока оно горячо, говорить онъ другу; я сейчасъ отправлюсь къ Ксирѣ продавать твой товаръ.

Морицъ отправился домой, переоделся, и гордо явился въ контору въ черномъ фракѣ и лакированныхъ сапогахъ. Это былъ уже не утренній скромный писецъ, а человекъ самостоятельный, сознающій свое достоинство.

— Что угодно? спросилъ старикъ сурово.

— Я прїѣхалъ продать вамъ льняное сѣмя Густава Штира.
— Но....

— До почты только три дня.... същутся другіе.... Цѣна — девять рублей.

Тихое степеніе вырвалось изъ груди стараго скупца.

— Уступите....

— Ни копейки!

— Богъ вамъ судья!... Покупаю.

Въ четверть часа все было кончено. Штиръ получилъ обрѣтно свой задатокъ и сумму, составляющую барышъ.

— Уф! вскричалъ безпечный Густавъ, измученный непривычными хлопотами: кончено, и слава Богу!

— Это не конецъ, а только начало, возразилъ Морицъ.

— Ты шутишь!

— Нимало. Старый Ксира далъ промахъ. Онъ такъ былъ озадаченъ, что забылъ поручить маклеру закупить остальное сѣмя, которое находится въ Одессѣ.

Нѣсколько часовъ спустя все дѣло было кончено. Только тогда друзья рѣшились ѣхать позавтракать и отправились въ Мраморный-трактиръ. Тамъ Морицъ встрѣтился съ Ксирой. Какъ-бы угадывая другъ друга, они остановились одинъ противъ другаго.

— Что еще? спросилъ старикъ.

— Еще сѣмя, отвѣчалъ Морицъ.

— Какъ, неужели....?

— Штиръ купилъ все остальное.

Негодование овладѣло старикомъ, но онъ пересилилъ себя.

— Что-же вы хотите? спросилъ онъ.

— Продать вамъ.

— Почему купили?

— По-шести.

— А продадите?

— По-девяти.

— Это безчеловѣчно!...

Но нечего было дѣлать. Ксира купилъ и остальное сѣмя.

Молодые новички, совершивъ такое *ловкое* дѣло, рассчитались. Потомъ условились: Штиръ открыть торговый домъ, а Сефарди сдѣлаться биржевымъ маклеромъ. Долго помечтавъ о будущемъ, друзья разстались.

Морицъ Сефарди жилъ въ ветхомъ домикѣ, въ глухомъ переулкѣ. Онъ нанималъ маленькую комнатку у еврея, портнаго Геноха Хмѣльника, по прозвищу Золотой-Шовъ. Семейство

Геноха состояло изъ скупой, сварливой жены и хорошенькой 17-ти лѣтней дочери, Маргалы.

Морицъ любилъ Маргалу. Она часто приходила къ нему въ комнату, куда молодой человекъ возвращался усталый, измученный, изъ конторы. Свиданія молодыхъ любовниковъ были чисты; они толковали о будущности, и, повременамъ, когда эта будущность являлась имъ свѣтлою, радостною, они запечатлѣвали свои надежды пламеннымъ поцалуемъ. Пока Морицъ только мечталъ о богатствѣ, онъ все еще воображалъ, что онъ любить Маргалу; но когда онъ увидѣлъ переть собой *свои* деньги, тогда онъ вдругъ убѣдился, что эта необтесанная дѣвчонка ему не пара. Такъ какъ въ новомъ положеніи ему нельзя уже было занимать такую дрянную квартиру, то онъ рѣшился переѣхать, и въ то же время, объявить дочери портнаго, что всѣ прежніе планы ихъ были однѣми ребяческими мечтами, и что бракъ между ними—*невозможенъ*.

Какъ человекъ съ сильной волей, онъ долженъ былъ очищать себѣ дорогу отъ всѣхъ препятствій.

Между-тѣмъ дѣла шли прекрасно. Новый торговый домъ Густава Штира сдѣлался известнымъ, а Морицъ привелъ свое ремесло въ систему и уничтожилъ многихъ изъ-своихъ соперниковъ.

Однакожъ дружба между пріятелями нѣсколько остыла, когда Густавъ узналъ о поступкѣ Сефарди съ Маргалою.

— У тебя нѣтъ сердца, сказалъ Штиръ.

— Убирайся ты съ своимъ сердцемъ! отвѣчалъ Морицъ. Умъ главное, а сердце есть и у воробья.

Эта теорія не могла понравиться честному, прямодушному Нѣмцу; но сердце Сефарди было до того черство, что онъ теперь, пожалуй, и вовсе бы отказался отъ дружбы Густава Штира, еслибъ Густавъ Штиръ не былъ *торговымъ домою*....

Другое существо мелькало передъ Морицомъ, въ минуты скуки и бездѣйствія, въ отрадномъ свѣтѣ. Это была Сарра, дочь богатаго негодяя Абы Гольдмана. Аба зналъ отца Морица и приглашалъ послѣдняго къ себѣ по праздникамъ въ то еще время, когда Морицъ былъ нищимъ; но съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлался самостоятельнымъ, его стали принимать за-просто, какъ равнаго. Казалось даже, что 15-ти-лѣтняя Сарра, красавица и богатая наследница, отличаетъ Морица.... Но онъ не спѣшилъ; онъ чувствовалъ, что между имъ и богатымъ Гольдманомъ нѣтъ еще параллели, а потому продолжалъ дѣятельно увеличивать свое состояніе всѣми мѣрами и средства-

мп, внушаемыми ему его находчивымъ, изобрѣтательнымъ умомъ.

Однажды къ Сефарди явился коммисіонеръ многихъ богатыхъ помѣщиковъ, панъ Гемба, съ предложеніемъ уступить ему значительное количество шерсти. Панъ Гемба былъ человѣкъ чрезвычайно тяжолый, нерѣшительный. Морицъ зналъ это, и видя выгоду въ покупкѣ шерсти, рѣшился покончить дѣло разомъ, поскорѣе. Задержавъ его у себя, въ конторѣ, онъ поѣхалъ къ Штиру, покончилъ дѣло, и воротился.

Чрезвычайная поспѣшность маклера испугала коммисіонера. Онъ опять, по своему обыкновенію, замедляя, сталъ откладывать, и пригласилъ Морица прогуляться въ Казино, чтобы узнать, не пришла ли почта, и не привезла ли какихъ новостей, вслѣдствіе которыхъ могли-бы измѣниться цѣны на шерсть. Почты еще не было, и Гемба, поневолѣ, долженъ былъ признаться за подпись сдѣлки.

Дубковъ, тотъ самый маклеръ, котораго Морицъ своей первой шуткой лишилъ хорошаго куртажа, никогда не прощалъ ему этого. Увидѣвъ Гембу съ Морицомъ, онъ смелнулъ, что дѣло идетъ о шерсти, и ловко дернулъ пана за рукавъ.

— Мнѣ нужна проба вашей шерсти: есть покупатель, шепнулъ онъ ему.

Гемба обрадовался случаю отложить подпись сдѣлки. Морицъ пожалъ очень равнодушно плечами, но не отчаялся. Дождавшись почты, онъ узналъ, что на тонкую шерсть оказалось большое требованіе въ Бельгію и что черезъ одну или двѣ почты, въ Одессу вышлются большія порученія на закупку этого продукта.

Морицъ закурилъ сигару, и накинувъ свой легкій плащъ на одно плечо, отправился пѣшкомъ къ Гембѣ, хотя квартира его была довольно далеко отъ казино. Дѣловые люди ѣзятъ только по дѣлу, а пѣшкомъ ходятъ когда нечего дѣлать, или когда иногда обстоятельства заставляютъ показать видъ, что нечего дѣлать.

Совсѣдъ съ крыльца, Морицъ замѣтилъ какого-то человѣка, стоявшаго, опершись о стѣну, и вѣроятно, ожидавшаго кого-то. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по улицѣ, Морицъ услышалъ за собой топотъ и обернулся быстро назадъ. При ясномъ свѣтѣ луны, онъ увидѣлъ Геноха Хмѣльника.

— Добрый вечеръ! сказалъ Генохъ: — узнаете вы меня?

— Отчего-жъ и не узнать, отвѣчалъ Морицъ: — только нѣсколько мѣсяцевъ прошло, какъ вы не выдались съ вами.

— Да, только нѣсколько мѣсяцевъ.... А чтѣ претерпѣлъ я въ это короткое время!

Генохъ глубоко вдокнулъ.

— Что-жъ такое случилось? спросилъ Морицъ съ убийственною сухостью. — Что вы? какъ вы?... Что ваша дочь подѣлываетъ?

— *Ваша дочь!* вы ужъ забыли ея имя.... *Моя дочь,* герръ Морицъ, четыре мѣсяца не встаетъ съ постели: болѣзнь извурчила ее.

— А, жаль!... очены!..

— Вамъ жаль? въ-самомъ-дѣлѣ? возразилъ Генохъ съ горькой усмѣшкой.—Какъ вы добры.... вамъ жаль! Жестокій человѣкъ, вы убили мое бѣдное дитя!

— Я, реби Генохъ? ничуть!...

— Вы ограбили у меня мое единственное счастье, которое я имѣлъ, продолжалъ Генохъ, не слушая Морица.—Ахъ, суди васъ Богъ за вашъ поступокъ!

Морицъ вадернулъ плечами и ускорилъ шагъ. Генохъ продолжалъ:

— Четыре мѣсяца лежала *она* безъ всякаго сознанія, и вы были вѣчнымъ мучителемъ ее. Богъ.... слышите-ли, Морицъ? Богъ, котораго вы не знаете, наконецъ умилосердился надъ нею: ей стало немного легче, и первое ея слово было: «Отецъ! не можетъ быть... Морицъ не можетъ обмануть меня: это былъ страшный сонъ....»

Морицъ все молчалъ.

— И я не могъ отказать моему дѣтищу, продолжалъ Генохъ, у котораго крупныя слезы катились по лицу: — я рѣшился еще разъ видѣть васъ и.... отъ васъ самаго услышать....

— Чтѣ-жъ вы хотите услышать? спросилъ Морицъ.

— Охъ! я не въ состояніи продолжать.... Вы сами должны вѣдать....

— Я ничего не знаю.... Нужны вамъ деньги?

— О, вѣтъ, нѣтъ!

— Ну, больше я ничего не могу сдѣлать для васъ, отвѣчалъ Морицъ холодно.

— Рѣшительно, Морицъ?...

— Рѣшительно, Генохъ.

Генохъ съ быстротою молніи отскочилъ въ сторону.

— Негодяй! вскричалъ онъ.—На четыре локтя вокругъ тебя горитъ гѣгенемъ!...

Ни одинъ фибръ не пошевелился въ груди Морица: онъ только перешелъ на противоположный тротуаръ.

Морицъ пришелъ къ пану, щеголявшему у себя дома въ парусинной курткѣ и ситцевыхъ шароварахъ.

— Чтѣ такъ поздно? спросилъ Гемба.

— Дѣла нѣтъ; зашелъ къ вамъ поиграть.

— Извольте, вашъ слуга!

Сѣди играть. Морицъ дѣлалъ ужасные промахи и проигралъ. Какъ-бы нечаянно заговорилъ Сефарди о шерсти.

Ахъ.

— Неужели вы думаете, сказалъ онъ, что Дубковъ продать вамъ товаръ? Онъ хотѣлъ только мнѣ испортить. Эту тактику я же пустилъ въ ходъ, для наказанія перъшительныхъ продавцовъ. Эта метода называется: «Ни-тебѣ-ни-мнѣ»; но она ужь устарѣла.

— Такъ вотъ оно какъ! завтра, коханный, непременно завтра подпишу; сказалъ слово, такъ и сдержу.

— Не сдержите!

— Сдержу, и подпишу сдѣлку!

— Не подпишете.

— Какъ вы это смѣете говорить!

— Говорю и, даже, парй держу.

— Идетъ! Ящикъ шампанскаго, полсотни ананасовъ, вороной рысакъ и ваши столовые часы съ Венерой.

— Идетъ.

Ударилъ по рукамъ.

— Ну, теперь садитесь, сказалъ Морицъ, и не горячитесь впередъ: вы проиграли закладъ.

— Посмотримъ!

— Нечего смотреть.... Вотъ сдѣлка, подписанная Штиромъ; но почта получена; шерсть упала на долго....

У Гембы потемнѣло въ глазахъ. Но вдругъ его озарила свѣтлая мысль.

— Да! сказалъ онъ,—дѣлко его побери; я проигралъ.... но зачѣмъ вы возитесь съ сдѣлкой Штира? Отчего не возвратили ее ему?

— Я не видѣлъ его послѣ того.

— Не видѣли!... Такъ давайте-ка ее сюда, я подписываю ее, *господинъ маклеръ!* На это есть законъ: вамъ поручено купить; новаго приказа, въ отмѣну перваго, вы не получили, а вы сами отмѣнять ничего не въ правѣ, если не хотите потерять своей должности.

Морицъ подписалъ, притворяясь страшно раздосадованнымъ.

На другой день Гемба узналъ, въ какой попался просакъ. Въ первомъ порывѣ бѣшенства, онъ рѣшился приколотить Морица, но подумавъ, что тотъ, можетъ, сильнѣе его, успокоился и легъ спать.

Сефарди, насытивъ свое самолюбіе извѣстностью въ кругу своей дѣятельности, почувствовалъ, что этого еще мало для человѣческаго счастья. На него находили иногда тягостныя минуты пресыщенія этими вѣчными оборотами и толками о день-

гахъ. Однажды, выгнанный изъ дому этимъ тягостныхъ расположеніемъ духа, Морицъ гулялъ въ Городскомъ-саду.

На круглой площадкѣ сидѣла арфистка, и пѣла. Обаятельные звуки мелодическаго голоса поразили Морица. Звуки эти проникали ему въ душу, онъ жадно вслушивался въ нихъ...

Звуки умоляли, а онъ все еще слушалъ.

— Бѣдной музыкантшѣ! посылаешь вдругъ передъ нимъ голось.

Морицъ вздрогнулъ, положилъ на блюдечко арфистки монету, и помѣнялся съ нею нѣсколькими словами.

Арфистка ушла, и опять стала пѣть. Сефарди слушалъ ее, и смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Вдругъ за нимъ опять послышался другой голось.

— Чтѣ, небось, больно нравится?

Морицъ оглянулся, и увидѣлъ за собою Щоголя съ шарманкой.

Это тотъ же Андрей Бирюкъ, но вкусившій, по своему обычаю, еще нѣсколько долей веселія жизни. Оставивъ скитальческую извозничью жизнь, онъ поступилъ приказчикомъ къ Штиру, и благодаря своей русской расторопной и смѣливой натурѣ, безъ всякаго труда сдружились съ новою должностью.

Въ то самое время, когда Штиръ купилъ шерсть у Гембы, надобно было живѣе приняться за дѣло; Густавъ хотѣлъ поручить спѣшную приемку шерсти Бирюку, но тотъ оказался пьянъ—какъ спиртъ. Выведенный изъ терпѣнія грубостью его, Штиръ прогналъ Андрея.

Эта сцена очень удачно написана г. Рабиновичемъ.

Такимъ-образомъ Андрюшка попалъ въ шарманщики, новое занятіе, понравившееся его разгульной натурѣ и, повидимому, льстившее его эстетическому чувству.

Сефарди узналъ Щоголя, отошелъ съ нимъ въ неосвѣщенную аллею, и долго разговаривалъ.

Горъ этого вечера прекрасная пѣвица не появлялась болѣе въ Городскомъ-Саду.

Морицъ, никогда неупускавшій изъ виду свопхъ пѣлей, продолжалъ прилежно посѣщать домъ Гольдмана, гдѣ появилось новое лицо, весьма антипатичное Морицу. Это лицо былъ молодой докторъ Флаксъ, недавно пріѣхавшій изъ-за границы.

Кромѣ-того Сефарди часто ѣздилъ въ отдаленную часть города, въ чистенькій домикъ, гдѣ поселилась нѣмочка-арфистка. Морицъ осыпалъ свою очаровательную Минхенъ подарками; она была, повидимому, безъ ума отъ него.

Бывший писецъ, *камі* стараго Фемистоклі-Ксира, достигъ, казалось, до вершины своего счастья. Все улыбалось ему; fortuna предупреждала малѣйшія желанія его. Никому не удавалось провести, перехитрить его. Густавъ Штиръ — получать прежнюю дружбу къ нему, не переставалъ, однакожъ, питать къ нему полное, совершенное довѣріе. Арфистка Минхенъ платила ему за ласки самою пламенною, огненною любовію. Наконецъ приближалась и та минута, когда богатая наследница, красавица Сарра Гольдманъ сдѣлается его женою...

Ранъ утромъ Морицъ лежалъ еще въ постели, возвратившись очень поздно отъ престелной Минхенъ. Онъ чувствовалъ невыразимое самодовольствіе.

Вдругъ вовсе неожиданно явился Дубковъ.

Поздоровавшись, и помѣнявшись съ хозяиномъ нѣсколькими словами, Дубковъ сказалъ:

— У меня есть до васъ дѣло. Одинъ мой знакомый купецъ въ критическихъ обстоятельствахъ; у него есть большой грузъ сахару, который онъ продаетъ за безцѣнокъ. Обратитесь къ Штиру, — барышъ и куртажъ пополамъ.

Морицъ согласился и немедленно отправился къ Штиру. Онъ кончилъ дѣло, и поѣхалъ въ Казинно, гдѣ ждалъ его Дубковъ. Послѣдній, узнавъ объ окончаніи дѣла, уѣхалъ, но не отыскивать продавца, а прямо въ контору Штира.

— Что хорошаго? спросилъ вошедшаго Дубкова Густавъ Штиръ, сидѣвшій за письменнымъ столомъ.

— Не купите ли...

— Ничего не покупаю, отвѣчалъ Штиръ, не давъ маклеру кончить: — вѣдь вы знаете, у меня *свой* маклеръ.

— Да выслушайте же, сказалъ Дубковъ, рѣшившись ни за что не отстать.

— Мнѣ слушать некогда: я отправляю почту.

— Одно слово, мсьё Штиръ!

— Ахъ, Боже мой!.. Ну, говорите же скорѣй...

— Не купите ли грузъ сахару?.. просто безцѣнокъ.

— То-то грузъ сахару! отвѣчалъ съ неудовольствіемъ Густавъ, взявшись за перо. — Говорилъ же я вамъ, что у меня *свой* маклеръ... Далеко вамъ до Сефарди: онъ предупредилъ васъ...

— То-есть въ чемъ, мсьё Штиръ?

— Ахъ, отвѣжитесь, ради Бога!.. Ужъ я купилъ черезъ него вотъ сахаръ.

— Не можетъ быть: онъ обманулъ васъ... Вотъ коносаменты!

Штиръ съ недоумѣніемъ взглянулъ на Дубкова.

— Я что-то не понижаю васъ, Дубковъ, сказалъ онъ.

— А вотъ скоро поймете. Скажите, почему онъ вамъ продалъ?

Густавъ объявилъ цѣну.

— Безцѣльникъ! воскликнулъ Дубковъ: онъ низко обманулъ васъ. Продавецъ объявилъ цѣну полтиной дешевле... улыка на лицо: берите коносаменты за цѣну, которую я вамъ предлагаю. Сефарди хотѣлъ воспользоваться дешевой цѣной, и натянуть для себя излишекъ, который, въ общемъ итогѣ, составляетъ значительную сумму. — Быть не можетъ! вскричалъ огорченный Густавъ.

— Кажется, ясно... отвѣчалъ Дубковъ, протянувъ руку съ коносаментами.

Штиръ въ волнении нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Дубковъ торжествовалъ: онъ на-славу поддѣлъ Морица. Вместо того, чтобы дѣлиться съ нимъ излишкомъ и куртажемъ, онъ теперь одинъ получаетъ и то, и другое. Хотя съ перваго онъ долженъ былъ сбавить немного, чтобы показать Штиру разницу въ своей цѣнѣ перелъ цѣной Морица, однако и за тѣмъ еще излишку оставалось болѣе, чѣмъ пришлось-бы на часть Дубкова, еслибъ онъ не измѣнилъ предположенію, начертанному вмѣстѣ съ Морицомъ. У Дубкова, какъ у маклера довольно опытнаго и искуснаго въ счетныхъ выкладкахъ, тотчасъ въ головѣ мелькнула почтенная цифра заработка. не считая уже той отрадной выгоды, что Штиръ можетъ вознаградить Морица, откаавать ему отъ своего дома и, на мѣсто его, облизнуться съ Дубковымъ: это тоже стѣнитъ хорошаго куша. Дубковъ дѣйствительно не обманулся въ своихъ предположеніяхъ.

— Хорошо, мсьё Дубковъ, сказалъ Штиръ, остановившись перелъ нимъ и взявъ у него изъ рукъ коносаменты: я беру *черезъ васъ* сахаръ... Получайте деньги. Благодарю васъ! Вижу, вы честный человекъ... Сефарди потерялъ мой домъ на-всегда. На зло ему, я отнынѣ всѣ мои дѣла поручаю вамъ...

Дубковъ почтительно поклонился, пожалъ съ горячностью руку, поданную Густавомъ, и вышелъ.

Около полудня Штиръ пріѣхалъ въ казино и, увидѣвъ Морица, шедшаго къ нему на встрѣчу, съ пренебреженіемъ отворотился.

— Ты чѣмъ-то недоволенъ, Густавъ? спросилъ удивленный Морицъ.

Густавъ остановился, и измѣрилъ его глазами съ головы до ногъ.

— Я для *васъ* не «ты» и не «Густавъ», милостивый государь! признаюсь онъ съ холодною гордостью. Оставьте меня въ покоѣ: отнынѣ у насъ нѣтъ ничего общаго съ вами.

«Штуки Дубкова», подумалъ Морицъ, который, хотя и не могъ знать всѣхъ подробностей, однако тотчасъ догадался, что Дубковъ ухитрился какъ нибудь продать ихъ тайну съ выгодой для себя.

Это обстоятельство сильно разстроило Сефарди.

Его, мастера обдѣлывать дѣла, перехитрилъ ничтожный Дубковъ!

Густавъ Штиръ, вѣрившій въ него, какъ въ самаго себя, потерялъ къ нему довѣріе!

Чтобы какъ-нибудь разсѣяться, онъ рѣшился отправиться къ Минхенъ. Афонстка, неожидавшая его въ этотъ день, встрѣтила его разстроенная, взволнованная.

— Я больна, слаба... говоритъ она: уѣзжай, другъ мой... А между-тѣмъ сама одѣта какъ на балъ.

Страшная, жгучая ревность всныкнула въ груди Морица. Онъ вышелъ изъ себя, сталъ допрашивать, какъ вдругъ въ паружную оконную ставню раздался два легкіе удара...

Это былъ условный знакъ. Морицъ заставляетъ обманщицу отвѣчать на этотъ знакъ, и въ комнату, весело посвистывая, входитъ—Густавъ Штиръ...

Сефарди бѣсятся. Густавъ, необманывавшій его, а самъ обманутый, хотя и менѣе своего соперника, сохраняетъ все свое хладнокровіе. Морицъ убѣгаетъ, уничтоженный, оскорбленный до глубины души. Побродивъ по опустѣлымъ улицамъ, онъ на разсвѣтѣ возвратился домой.

Минхенъ,—счастіе, купленное золотомъ, измѣнило ему.

Сефарди захворалъ.

Онъ скоро выздоровѣлъ, и въ его нравѣ произошла большая перемѣна. Одна Сарра, думалъ онъ, доставитъ ему счастіе. Въ семейной жизни, неприправленной разочаровывающими и убійственными матеріальными нуждами, найдетъ онъ истинное счастіе...

Однажды, мечтая о предстоящемъ ему счастіи, онъ получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Господинъ Аба Гольдманъ имѣетъ честь просить къ себѣ господина Морица Сефарди на семейный вечеръ, имѣющей быть сегодня, во вторникъ, по-случаю бракосочетанія дочери его, дѣвицы Сарры, съ докторомъ медицины Натаномъ Флаксомъ.»

Морицъ проницески захохоталъ, и швырнулъ отъ себя приглашенный билетъ.

Еще обманъ!... Сарра, которая должна была увѣнчать всѣ его надежды, измѣнила ему!...

И вотъ все, все измѣнило этому человѣку, поставившему себѣ цѣлю—*обладаніе*....

Заглянувъ въ зеркало, Морицъ въ первый разъ увидалъ на своемъ широкомъ лбу, морщину, перерѣзывавшую его поперекъ....

Желая доказать свое равнодушіе, онъ отправляется на семейный вечеръ, и тамъ убѣждается, что Сарра, хотя и удивляется ему, Морицу, но дѣйствительно любить Флакса.

Огорченный, онъ оставляетъ общество и бѣжитъ искать развлечения въ театрѣ.

Тамъ, съ одной стороны, является ему счастливое лицо Густава, довольнаго, радостнаго, наслаждающагося жизнью; съ другой спокойное, торжественное лицо Ксиры, окруженнаго прекраснымъ семействомъ, и всѣми уважаемаго. Старикъ былъ бодръ и веселъ.

Морицъ бѣжитъ изъ театра. Бродя по улицамъ, онъ какъ бы нечаянно останавливается передъ небольшимъ домикомъ.

Морицъ узналъ этотъ домикъ, въ которомъ онъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотя бѣдный и неизвѣстный, однако имѣлъ свои блаженныя минуты. Онъ остановился среди глухой улицы, по которой не проходило ни одно живое существо, и устремилъ глаза въ открытое окно.

За большимъ рабочимъ столомъ, прислоненнымъ къ самому окну, при двухъ свѣчахъ, работалъ Золотой-Шовъ съ женою и дочерью. На столѣ были разбросаны куски сукна и принадлежности ремесла трудолюбиваго семейства. Генохъ значительно посѣдѣлъ, но былъ все такъ же бодръ и веселъ какъ прежде. Онъ болталъ безъ умолку и, вѣроятно, очень занимательно, потому-что жена, по временамъ, снимала съ носа очки, и, держа ихъ обѣими руками, со вниманіемъ уставляла глаза на мужа; а Маргала улыбалась и, облокотись на столъ, тоже часто не сводила глазъ съ отца. Эта дѣвушка и тогда еще имѣла право носить названіе «Орлеанскаго-Перла», потому-что она была также очаровательна, какъ прежде, хотя на восточный окладъ ея лица, время наложило нѣкоторую строгость. Морицу не слышно было ихъ разговора, но лица всего семейства въ полномъ блескѣ рисовались передъ нимъ, и онъ прочелъ на нихъ спокойствіе и довольство. Можетъ-быть, какія-нибудь благопріятныя обстоятельства совершились съ Генохомъ Хмѣльникомъ,—бѣдному такъ мало надобно, чтобъ ему подняться на ноги, или, можетъ-быть, ничего не совершилось, а все шло обычнымъ порядкомъ, и семейство это забыло свои страданія, причиненныя ему Морицомъ, какъ всякій бѣднякъ, чтобъ не броситься въ первый колодець, обязанъ забыть свои ежедневныя огорченія, такъ или иначе, но Морицъ не обманулся, когда, съ отчаяніемъ въ груди, бросившись бѣжать отъ стараго домика, безпрестанно повторилъ: «И тутъ, въ этой нищетѣ!... тоже своя доля счастья!»

Огни потухали въ окнахъ, гулъ постепенно сталъ умолкать, городъ предался покою, а Морицъ все бѣжалъ, не переводя духа, облитый потомъ. Онъ наконецъ, очутился за городомъ, неподалеку отъ Сѣвнн-площади, и, безъ всякаго сознанія, перескочивъ канаву, остановился на бульварѣ, окружающемъ городъ съ этой стороны.

Завернувшись въ плащъ и нахлобучивъ шляпу, Морицъ прислонился къ дереву. Онъ былъ весь уничтоженъ, изломанъ. Не какъ

гордый ненавистник жизни, стоялъ онъ, не съ насмѣшливымъ упрекомъ во взорѣ, а пригорюнившись, съжившись, какъ преступникъ передъ этой жизнью, которую онъ поналъ съ превратной стороны и безсовѣстно завтналъ.

И вся прошедшая его жизнь предстала передъ нимъ въ омерзительномъ видѣ. Его первый дебютъ въ Кеирой, его поступокъ съ Маргадой, такъ нѣжно его любившей, разрывъ съ Густавомъ, обманъ съ Гембой, всѣ хитрости и пронырства, всѣ мелкія низости, способствовавшія къ его обогащенію, которыми онъ въ свое время восхищался, которыя онъ называлъ подвигами твердости, ума, воли, ловкости, все это приняло свою настоящую форму и вытанулось передъ нимъ однимъ колоссальнымъ вопиющимъ упрекомъ. Тайный голосъ твердилъ ему: «да! ты былъ твердъ, уменъ, ты былъ *мак-леръ, торговецъ*, но ни разу не вспомнилъ быть человѣкомъ! Ты не цѣнилъ людей, не любилъ никого и не искалъ ничьей любви, какія же права имѣешь ты на счастье?»

Уже началъ показываться день, а Морицъ все стоялъ, какъ уличенный преступникъ, у дерева, дрожа всѣмъ тѣломъ и стылаясь поднимать глаза на пробуждающуюся природу. Онъ сталъ ничтожнымъ въ собственныхъ глазахъ, когда мысленно пробѣжалъ путь, лежавшій позади его. Ему было душно: дыханіе его сперлось. Онъ не отстегнулъ, а сорвалъ съ пуговицъ свой жилетъ и старался впитать въ себя воздухъ, чтобъ освѣжить про-охшее горло. Что-то нестерпимо давило его въ груди и рвало въ наружу: онъ не понималъ, что такое съ нимъ дѣлается.

Вдругъ, чья-то звонкая пѣсня заставила его поднять голову.

По дорогѣ, лежавшей по-ту-сторону качавы, ѣхалъ водовозъ и, сидя верхомъ на бочкѣ, изо всей мочи надрывалъ себѣ горло. Голосъ показался знакомымъ Морицу, онъ протянулъ шею и узналъ — Авдерея Щоголя.

«И ты, бездомный бѣдняга, тоже... по своему счастливъ!» — шопотомъ произнесъ Морицъ, сдвинувъ глаза, въ которыхъ показалась капля-то ѣдка влага. «Только я одинъ... я одинъ... лишній... ничтожный... чу!».

Онъ закрылъ лицо руками, и горько, болѣзненно зарыдалъ.

А утро было такое радостное!... Воробьи чирикали и сустились надъ головою Морица; дятелки, заливаясь, порхали вокругъ него, а вдали постепенно замирала веселая пѣсня Авдерея Щоголя.

Такъ кончается повѣсть г. *Рабиновича*. Принося автору искреннюю благодарность за доставленное удовольствіе, нельзя однакожъ не замѣтить ему, что окончаніе этой повѣсти *за нимъ*.

Эта повѣсть должна служить прологомъ къ развитію характера великаго въ психологическомъ отношеніи. Г. Рабиновичъ

можетъ выполнить этотъ трудъ; у него достанетъ на то силы. За повѣстью слѣдуютъ стихотворенія г. Щербины. Талантъ г. Щербины признанъ всѣми, даже тѣми, которые не любятъ стиховъ.

Далѣе: «Отрывокъ изъ безыменной рукописи». Забавный и, главное, очень ловко разсказанный эпизодъ изъ тревоженій супружеской жизни. Итальянская арія съ русскимъ аккомпаньманомъ.

За тѣмъ слѣдуетъ стихотвореніе г. *Картамышева* и четыре небольшія статьи г. *Зеленецака*: «Св. Дмитрій Ростовскій». — «Князь А. Д. Кантемиръ» — «М. В. Ломоносовъ.» — «Н. М. Карамзинъ». Въ этихъ послужныхъ спискахъ нѣтъ ничего новаго, ни даже серьезнаго критическаго взгляда. Такъ напримѣръ, статья о Кантемирѣ занимаетъ всего двѣ и три четверти странички. Всѣ же четыре статьи занимаютъ неполныхъ двадцать страничекъ, и какъ по наивности содержанія, такъ и по изложенію могутъ занять мѣсто развѣ въ исторіи русской литературы — *для дѣтей*. Самое забавное то, что подлѣ каждую статью указаны *источники*, которыми пользовался авторъ!...

Стихотвореніе «Картина» выходитъ изъ разряда нашихъ будничныхъ поэтическихъ произведеній.

Повѣсть «Практическій человѣкъ» г. *Е. Колбасина* написана довольно легко и пріятно, но въ содержаніи нѣтъ ни малѣйшей связи. Характеры ложны, натянуты. Видно, что авторъ хотѣлъ выразить какую-то идею, но силъ не достало. Почти ни одна глава не вяжется съ другою, эпизоды не оправданы. Можно выкинуть половину изъ этой повѣсти, и она нисколько не измѣнится. Тщетно старается авторъ придать нѣсколько поэтической окраски Юліи и Эвпатридису: она остается все тою же капризною, неинтересною дѣвушкою, а онъ тѣмъ же напыщеннымъ, безхарактернымъ существомъ. И съ какою цѣлю Цвѣтковскій, это грязное существо, выведенъ поэтомъ? И зачѣмъ брошены въ эту олапотриду Лукашка, слѣпые, нищіе, Щепневъ и Николай Ивановичъ?... Во всемъ этомъ калейдоскопѣ мы не нашли ничего практическаго. Нѣтъ, не таковъ Морицъ Сефарди! Вотъ практичность, которая хотѣ и устрашаетъ, но не внушаетъ отвращенія.

Еще одно замѣчаніе: у насъ съ нѣкоторыхъ поръ принято замѣнять букву *е* въ словахъ, гдѣ она произносится какъ *о* — буквой *о*. Это, нѣкоторымъ образомъ, упрощеніе правописанія; но оно нисколько не будетъ упрощено, если мы будемъ ста-

вить вездѣ о, даже тамъ, гдѣ е произносится какъ е. Это опять запутаетъ, повидимому, рѣшнный вопросъ.

Такъ въ повѣсти г. Колбасина мы встрѣтили слово ВЫШОЛЬ. Крайности соприкасаются.

Очень недурны стихотворенія г. Полонскаго.

«Мелкопомѣстные помѣщики. «Шулейко и Горностай», разсказъ Н. Ковалевскаго. Чрезвычайно грустная исторія, навещающая невыразимую тоску; исторія борьбы сердца съ разсудкомъ, борьбы, въ которой первое вѣчно бываетъ подавлено. Шулейко—сердце, простое, безобидное; Горностай—сухой, холодный и коварный разсудокъ.

Н. Омега, послѣдній изъ новыхъ поэтовъ, напечаталъ въ «Литературныхъ вечерахъ» подражаніе своей Альфѣ. «Выписываемъ это стихотвореніе любопытства ради.

Темно ужъ на улицѣ стало,
И хлопьями слѣгъ выпадаль....
Она у окошка стояла,
А я у калитки стоялъ.

Закинувъ свой плащъ, на сторожѣ,
Я робкіе взоры бросаю,
Боюсь, чтобы дворникъ—о; Боже!—
Метлою меня не прогвалъ.

Все было мнѣ какъ-то неловко,
О чемъ-то я тяжело вздохнулъ....
Она мнѣ кивнула головой,
А я ей рукою махнулъ!...

Наконецъ, въ заключеніе, помѣщенъ разсказъ «Мазурка и Похоронный маршъ» г. Н. Ф.; должно быть, піеса самаго бенефицианта.

Разсказъ этотъ не лишенъ занимательности, въ немъ есть даже очень порядочныя мѣста, но вообще онъ написанъ какъ-то урывчато; такъ и кажется, что авторъ куда-то спѣшитъ; бѣжитъ, бѣжитъ, и вдругъ остановится отдохнуть, и начнетъ спрашивать о предметахъ второстепенныхъ. Сцена на балу, когда являются Зашибаевъ и Подшибаевъ очень хороша: въ ней много истиннаго чувства.

Высказавъ наше безпристрастное мнѣніе, благодаримъ и Одесу, и г. Фумели за пріятный подарокъ.

99. Живописный Сборникъ замѣчательныхъ предметовъ (?) изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія. Изданіе А. А. Плюшара. С. П.-бургъ.

Г. Плюшаръ, по старой памяти, продолжаетъ дарить публику изданіями, отличающимися изящною вѣщностью. «Живописный Сборникъ», украшенный множествомъ прекрасныхъ рисунковъ, гравированныхъ на деревѣ, заключаетъ въ себѣ болѣе восьмидесяти статей разнообразныхъ и занимательныхъ. Въ долгие зимніе вечера этотъ сборникъ настоящей кладъ, особенно въ провинціи. Весьма важное достоинство его заключается въ томъ, что при чтеніи его могутъ присутствовать дѣвѣны, даже дѣти; ни одно слово не вызоветъ стыдливаго румянца на щеки молодой дѣвушки; изъ каждой статьи даже въ памяти дитяти могутъ остаться полезныя воспоминанія. «Живописный Сборникъ» вполне заслуживаетъ названіе Семейной Книги.

Можно бы сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на счетъ перевода нѣкоторыхъ статей и самаго заглавія, въ которое такъ неудачно попалось слово *предметы*, но изъ уваженія къ добросовѣстнымъ усиліямъ издателя, умалчиваемъ о недостаткахъ. Г. Плюшаръ самъ обратилъ на нихъ вниманіе и вторая, обѣщанная имъ книга «Живописнаго Сборника» будетъ изящна во всѣхъ отношеніяхъ. Надѣемся, что къ тому времени истощится и запасъ старыхъ картинокъ, уже знакомыхъ публикѣ.

100. *Алиція Паули*, романъ Поля Феваля. Въ 4 частяхъ, переводъ съ французскаго. Москва. 1850.

101. *Графиня Салисбюри*, сочиненіе А. Дюма, переводъ съ французскаго. А...вой. Въ 4 частяхъ. Москва. 1850 г.

102. *Докторъ Серванъ*, романъ Александра Дюма, переводъ съ иностраннаго, 2 части. Москва 1850 г.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что литературная московская дѣятельность ограничивается, болѣею частью переводами, и какъ-будто нарочно, переводами самыхъ плохихъ романовъ. Въ подтвержденіе этой истины вотъ еще десять томовъ, вышедшихъ изъ московскихъ фабрикъ иностраннаго вздору на русскій ладъ. Первый—романъ Феваля, самый плохой изъ всѣхъ его плохихъ романовъ, переведенъ сообразно съ достоинствомъ подлинника, плохимъ русскимъ языкомъ. Второй, графиня Салисбюри, есть не что-иное, какъ продолженіе «Эдуарда III», неудачная компиліяція англійской исторіи, написанная, вѣроятно, Александромъ Дюма на заказъ, въ самое

короткое время, и также и переведенная, какъ былъ составленъ оригиналь. О докторѣ Серванѣ нечего и говорить, тѣмъ болѣе, что его несуществующую литературную занимательность не искупаютъ даже и имя, — потому что онъ написанъ не *отцомъ* Дюма, а *сыномъ*. Въ этомъ случаѣ мы должны только замѣтить, что поговорка: «яблоко не далеко падаетъ отъ яблони», никакъ не можетъ быть приложена къ сродству въ литературномъ и артистическомъ отношеніи. Молодой Дюма, кажется, только писалъ этотъ романъ, или назовите его какъ угодно, для того, чтобы понабить руку: книгопродавцы напечатали его, вѣрно, только для того, чтобы наполнить чѣмъ-нибудь пустыя мѣста въ своихъ магазинахъ; а зачѣмъ явился онъ въ русскомъ переводѣ, этого, кажется, не отгадаютъ читатели и не можетъ растолковать и самъ переводчикъ. Самое вѣроятное предположеніе: — изъ единой любви къ процессу переводить что ни попало и какъ ни пошло, потому что «докторъ Серванъ» не имѣетъ въ себѣ даже и наркотическаго достоинства.

103. *Случайности жизни*. Рассказы, составленные для юношества Теодоромъ Дилитцемъ, профессоромъ Корол. Реальн. Школы. Переводъ съ нѣмецкаго, со втораго изданія *А. Лаврентьева*. С.-П.-бургъ.

Собраніе поучительныхъ и занимательныхъ рассказовъ для юношества Переводъ очень хорошъ, изданіе опрятное. Книга эта можетъ быть пріятнымъ и полезнымъ подаркомъ для дѣтей. Хотя она выступила очень скромно, безъ громкихъ объявленій, однакожъ заслуживаетъ гораздо болѣе вниманія, нежели многія другія книги, которыя вышли въ послѣднее время въ подарокъ къ праздникамъ.

104. *Мыслисловъ на 1851 годъ*. Съ портретомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Екатерины Михайловны. С.-Петербургъ.

Въ календарѣ на будущій, 1851 годъ, заключается, между прочимъ, въ видѣ прибавленія, весьма любопытная и довольно обширная статья: «О полномъ солнечномъ затмѣніи 16 (28) іюля 1851 года.»

СМѢСЬ.

ОСТРОВЪ КУБА. Американцы Соединенныхъ-Штатовъ издавна стремятся къ похищенію заманчиваго и запрещеннаго для нихъ плода, по справедливости называемаго перломъ Вест-Индіи. Такимъ образомъ, въ настоящее время появляются ополченіе волятеровъ, пытавшееся произвести нападеніе на Кубу, и подать сигналъ къ открытымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. И дѣйствительно, единственная цѣль этой экспедиціи могла состоять только въ томъ, чтобы исторгнуть у Испаніи ея колонію, подобно Техасу, Новой-Мехикѣ и Калифорніи. А потому мы надѣемся доставить удовольствіе нашимъ читателямъ, сообщивъ имъ ближайшія свѣдѣнія о природѣ, устройствѣ и населеніи Кубы, не только величайшаго и плодоноснѣйшаго между Антильскими островами, но, во многихъ отношеніяхъ, и наиболѣе доступнаго, изъ всѣхъ испанскихъ владѣній, для современнаго развитія.

Островъ Куба простирается въ длину почти на 790 англійскихъ миль; но четыре пятыхъ ея протяженія не превосходятъ ширины 50 англійскихъ миль; онъ содержитъ въ себѣ 2310 квадратныхъ географическихъ миль пространства. Длина его береговой линіи составляетъ около 1800 англійскихъ миль, и имѣетъ много хорошихъ гаваней; впрочемъ большая часть ея обложена мелководьемъ, рифами, песчаными отмелями или быстрыми водоворотами, что весьма затрудняетъ судоходство. Островъ перерѣзанъ въ длину горною цѣпью, которая на восточной сторонѣ довольно высока, но болѣе и болѣе понижаетъ-

ся къ морю, на западъ, гдѣ начинаютъ походить на волнистые холмы, едва доходящіе, при слабой покатости, до 250 и 350 фут. надъ уровнемъ моря. Высочайшая часть этихъ горъ имѣетъ около 9,500 футовъ возвышенія, и носитъ названіе *Cierra de-Coobry*; къ ней примыкаетъ *Cierra de-Tarquitio*. Но четыре пятыхъ поверхности состоятъ изъ равнинъ, орошаемыхъ текущими по покатостямъ горъ рѣками, между которыми замѣчательнѣйшая называется *Rio-Cauro*.

По послѣднимъ численіямъ народонаселенія Кубы состояло изъ 1,010,000 душъ, между которыми, около 420,000 бѣлыхъ, 88,000 свободныхъ мулатовъ, 65,000 свободныхъ негровъ, 11,000 мулатовъ невольниковъ, и 426,000 негровъ-невольниковъ. Къ главнѣйшимъ предметамъ вывоза принадлежатъ сахаръ, ликеры, сиропы, воскъ, медъ, какао, табакъ и сигары, хлопчатая бумага, рисъ, кофе и красное дерево. По близости богатыхъ мѣдныхъ рудъ, изъ которыхъ ежегодно извлекается болѣе 700,000 центнеровъ, находятся прекрасныя каменно-угольныя породы. Въ 1847 году, вывозы простирались на сумму 32 милліоновъ долларовъ. Привозъ товаровъ доходилъ въ томъ же году до 27 милліоновъ, и состоялъ изъ всякаго рода хлѣбныхъ произведеній, хлопчато-бумажныхъ тканей, различныхъ предметовъ роскоши, панциковъ, сырыхъ и обработанныхъ металловъ, и пр.

Управленіе островомъ ввѣрено генерал-капитану; въ военномъ отношеніи, его власть простирается на весь островъ; для гражданскихъ же дѣлъ Куба раздѣлена на два дистрикта, изъ которыхъ западный непосредственно подчиненъ генерал-капитану, а восточный находится подъ вѣдѣніемъ правительственной коллегіи; за дѣйствія послѣдней отвѣчаетъ только правительство метрополи. Военная сила состоитъ изъ 30,000 регулярныхъ и милиціонныхъ войскъ; островъ уже съ давняго времени имѣетъ множество укрѣпленныхъ мѣстъ, требующихъ гарнизона.

Куба раздѣляется на три военные округа, съ слѣдующими городами:

1) Въ *Западномъ округѣ*. Гаванна, Матаanzas, Ярусъ, Гуа-набакоа, Батавано, Гуинесъ, Сант-Яго, Маріель.

2) Въ *Среднемъ округѣ*. Пуерто-Принчипе (по близости котораго открыты золотые рудники), Санта-Клара, Нуевитасъ, Еспириту-Санто, Тринидадъ, Ремедіосъ, Хауга.

3) Въ *Восточномъ округѣ*. Сант-Яго ди Куба, Баракоа, Гибара, Хигуани, Хальгуинъ, Байамо или Сан-Сальвадоръ и Маданилю.

Гаванна, главный городъ острова, и величайшій во всей Вест-Индіи (въ немъ считается болѣе 160,000 жителей), находится на сѣверномъ берегу западнаго округа, и принадлежитъ къ числу наиболѣе цвѣтущихъ торговыхъ городовъ Америки. Прекрасная гавань его, представляющая помѣщеніе на тысячу кораблей, сильно укрѣплена, и имѣетъ обширные арсеналы, доки и корабельныя верфи. Улицы, по большей части, узкі, чрезвычайно населены и грязны, но новыя предмѣстья прекрасно отстроены. Гаванна производитъ почти двѣ трети внутреннихъ торговыхъ оборотовъ всего острова. Климатъ прекрасенъ, но пребываніе въ самомъ городѣ считается неблагоприятнымъ для здоровья.

Матаanzas, расположенный также на сѣверномъ берегу, въ 60 миляхъ отъ Гаванны, считается въ настоящее время, по своей хорошей гавани, вторымъ торговымъ городомъ острова, и имѣетъ около 18,000 жителей. На южномъ берегу находится *Тринидадъ*, одинъ изъ оживленныхъ торговыми городами, съ просторною, но открытою гаванью, и съ 14,000 жителей. *Пуерто-Принчипе*, внутри юговосточной части острова, тѣсный, дурной и довольно бѣдный городъ, но имѣетъ болѣе 30,000 жителей; по близости отъ него лежитъ въ недавнее время основанный городъ *Лас-Нуевитасъ*, служащій гаванью для Пуерто-Принчипе. Къ числу древнѣйшихъ и прекрасно построенныхъ городовъ острова принадлежитъ *Сант-Яго ди Куба*, расположенный на юговосточной его части, съ хорошою и безопасною гаванью, оживленною торговлею, и имѣющій болѣе 30,000 жителей. Противъ югозападной части Кубы лежитъ островъ *Пиносъ*—*Sola de Pinos*, — высокая скалистая масса, съ крутыми и обрывистыми берегами, и которая достигаетъ до 3000 футовъ надъ поверхностію моря. Весь островъ, имѣющій въ поперечникъ своемъ не болѣе 30 англійскихъ миль, богато покрытъ лѣсомъ; населеніе его едва простирается отъ 3000 до 4000 жителей.

Островъ Куба имѣетъ особенную для испанскихъ колоній важность, по своимъ прекраснымъ средствамъ къ производству вѣнечной и внутренней торговли. Многія пароходныя и пакетботныя линіи прикасаются къ гаванямъ острова, и приводятъ ихъ въ безпрестанное сообщеніе съ приморскими городами сѣверной и южной Америки и западной Европы. Распространен-

ная почти по всему острову съѣтъ желѣзныхъ дорогъ представляеть быстрое и безопасное сообщеніе для береговыхъ и внутреннихъ частей Кубы, и въ отношеніи почтовыхъ своихъ учрежденій не уступаетъ Соединеннымъ—Штатамъ.

Главный доходъ острова: воздѣлываніе сахарнаго тростника, табаку, пшеницы, кофе и другихъ колоніальныхъ произведеній, можетъ существовать только при пособіи Негровъ.

Число бѣлыхъ и темнокожихъ дѣтей обоего пола, на островѣ Кубѣ, по поголовной ревизіи 1827 года, простиралось до 119,319; изъ нихъ безъ всякаго сомнѣнія, болѣе нежели 104,400 остаются, безъ начального обученія, среди богатыхъ сокровищъ почвы и полной, великолѣпной растительности. Въ Гаванской области приходится одна школа на 790 темнокожихъ мальчиковъ и одно училище на 4,500 дѣвочекъ; въ области Принчипе это отношеніе еще болѣе невыгодно; тамъ полагается одна школа на 7,486 темнокожихъ дѣтей обоего пола. Въ области Сант-Іаго ди Куба соразмѣрность распределяется слѣдующимъ образомъ: одна школа на 587 темнокожихъ дѣвочекъ, и ни одной на темнокожихъ мальчиковъ. Училища въ Кубѣ состоятъ преимущественно подъ надзоромъ и контролемъ патристическаго и экономическаго Общества, настоятелей монастырей, или подъ вѣдѣніемъ нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣстъ. Въ области Гаваннѣ считается 76 училищныхъ инспекторовъ, получающихъ свои мѣста отъ генерал-капитана острова. Общее число лицъ, состоящихъ при народномъ обученіи, простирается въ Кубѣ до 418, изъ которыхъ въ Гаванской области находится 290; 64 въ дистриктѣ Принчипе и 64 въ дистриктѣ Сант-Іаго ди Куба.

Въ литературномъ отношеніи островъ Куба, или лучше сказать Гаванна, занимаетъ первое мѣсто между всеми британскими и французскими колоніями Англій.

ОЧЕРКИ ВОСТОКА. Персидскія балдерки и ихъ пѣсни.

Слово *Балдерка* происходитъ отъ персидскаго *базгеръ* (женщина для увеселенія). Пляшущіе мужчины называются *реказами* или *сузмоніями*. Они обыкновенно выбираютъ изъ мальчиковъ и дѣвушекъ отъ 12 до 16 лѣтъ; съ-тѣхъ-поръ уже ихъ не стригутъ и одѣваютъ въ шпирочайшія юбки. Танцы ихъ сопровождаются звуками кастанетъ, и въ нихъ вы увидите и бѣшеный разгулъ и тихую грусть. Только одинъ танецъ (именно изобрѣтенный Ней-Надиромъ) имѣеть виноватый характеръ, и

бладобрѣй приставляетъ къ самому носу, и потомъ дать отдыхъ мускуламъ наслаждаясь трубкой и нѣсколькими глотками мокка...

Кризисъ еще не наступилъ—остается выбрать черепъ. Тогда голову подставляютъ подъ красную висячую воронку, изъ которой выпускаютъ теплую воду въ видѣ душей на затылокъ, лицо, шею, и часто на платье страдальца. Если несчастный измокнетъ, цирюльникъ не виноватъ, мальчикъ поставляетъ небольшое блюдо, долженствующее служить резервуаромъ; а такъ какъ, чтобы избавить глаза отъ бѣкаго мыла, пациентъ долженъ герметически ихъ зажать, то въ этотъ предполагаемый резервуаръ попадаетъ только нѣсколько капель воды, а остальное идетъ уже прямо на платье брѣющагося.

Когда голова выбрита, ее поливаютъ благоухающимъ масломъ—что сообщаетъ ей лоскъ, только-что сдѣланной куклы. Трубка и кофе оканчиваютъ бѣдствіе.

Для тѣхъ, кто знаетъ суету, движеніе французскихъ кофейнъ, болтливость и дѣятельность парикмахеровъ, мусульманское безстрастіе и молчаливость покажутся самымъ цѣлѣннымъ контрастомъ.

Турки, воспитанные въ Европѣ, у себя снова вооружаются невозмутимую терпѣливостію.

Однажды, въ Константинополь, одинъ Англичанинъ, котораго брили подобно тому, какъ мы описали, не вытерпѣлъ и пошелъ жаловаться полицейскому офицеру, который въ то время безмолвно и безъ движеній курилъ въ кофейной. Онъ объяснилъ свою жалобу. Отвѣта не было. Онъ возвысилъ голосъ, умоляя, угрожалъ... Отвѣта не было! Офицеръ однако понималъ его, потому что Англичанинъ говорилъ по-французски, а Турокъ воспитывался въ Парижѣ. Наконецъ Англичанинъ, выведенный изъ себя, объявилъ, что онъ вынужденъ жаловаться своему посланнику, что дѣло дойдетъ до Султана и что Великобританія полагать удовлетвореніе... Слова отвѣта не было.

Только между двумя затаяжками, офицеръ открылъ ротъ, чтобы пробормотать слова, доказавшія Англичанину, что тотъ прекрасно понимаетъ его:

— Вы оглушаете меня, какъ швейцарскій барабанъ!

И снова впалъ въ бездѣйствіе.

Это было лучшимъ воспоминаніемъ, которое сохранилъ онъ въ Востокѣ отъ парижскаго воспитанія.

Англичанинъ, взбѣшенный, ушелъ...

ДОН-ЖУАНЪ. — *Разсказъ Гофманна.* Оглушительный шумъ и безпрестанные крики: «Спектакль начинается!» вывели меня изъ сладкаго усыпленія. Я слышу какъ басы дружно гуляютъ, слышу стукъ литавръ, аккорды трубъ, звуки, медленно вырывающіеся изъ гобоевъ и настраиваемыхъ скрипокъ; я протираю глаза. Не подшутилъ ли кто надо мною во-время моего опьянѣнія? Нѣтъ, я въ комнатѣ той же отеля, куда вчера прѣѣхалъ полуразбитымъ. Прямо противъ моего носа виситъ красный шуурокъ звонка. Я съ силою дергаю его. Является мальчикъ.

— Ради Бога, скажи, что это за музыка? Ужъ не дадутъ ли у васъ въ домѣ концерта?

— Ваше превосходительство, (замѣтите, я нилъ шампанское за общимъ столомъ) ваше превосходительство, можетъ-быть, не позволите знать, что зототъ домъ—смежный съ театромъ? Эта занавѣшенная дверь ведетъ по корридору въ ложу подлѣ № 23; она отдается обыкновенно иностранцамъ.

— Какъ? Иностранцамъ?

— Точно-такъ. Это маленькая ложа для двухъ, или трехъ особъ, неболье. Она предназначена для людей значительныхъ, весьма близка къ сценѣ, съ рѣшоткою, и обита зеленымъ. Если угодно вашему превосходительству, то сегодня даютъ Дон-Жуана, знаменитаго Моцарта. Цѣна мѣсту одинъ талеръ и восемь грошей; мы поставимъ на счетъ...

Онъ произнесъ послѣднія слова, отворяя мнѣ дверь въ ложу, потому-что при одномъ имени Дон Жуана, я кинулся въ корридоръ. Обширная зала убрана была со вкусомъ, и освѣщена блестящимъ образомъ. Ложи и партеръ были полны народомъ. Первые аккорды увертюры убѣдили меня, что оркестръ былъ прекрасный; и если пѣвцы хотя сколько-нибудь будутъ соответствовать ему, то должно ожидать подлаго наслажденія отъ изящнаго созданія Моцарта. Въ этомъ ожиданіи, ужасъ страшнаго и подземнаго *regno all' piano* обхватилъ меня. Страхъ проникъ въ мою душу. Веселая труба, помѣщенная на сѣльмомъ тактѣ аллегро, отозвалась какъ радостный крикъ преступника; мнѣ казалось, что страшные демоны вылетали изъ глубокой ночи, потомъ, существа, одушевленные радостью, съ упоеньемъ танцовали надъ поверхностью бездны. Борьба человѣческой природы съ силами непостижимыми, которыя угнетаютъ и стремятся разрушить ее, ясно представилась моему уму. Наконецъ, буря утихла; занавѣсъ взвился!

Окоченѣвшій и недовольный Лепорелло, закутанный плащомъ, во мглѣ ночной приближается къ навильону; онъ начинаетъ

пѣть: *Noite e giorno fatigar.* Итальянцы!... подумалъ я: *ah! che piacere!* Стало-быть, я услышу всѣ арии, всѣ рецитативы въ томъ видѣ, въ какомъ великій маэстро вдохновился ими и оставилъ ихъ намъ. Дон-Жуанъ выбѣгаетъ на сцену, за нимъ донна Анна, удерживая преступника за край плаща. Какая картина! Анна могла бы быть легче, стремительнѣе, болѣе величественна въ своей поступи: но за-то какая голова! глаза, изъ которыхъ, какъ изъ электрическаго центра стремятся любовь, невинность, гнѣвъ и отчаяніе. Разсыпанныя въ кольца волосы выются по лебединой шеѣ; эта бѣлизна шеи невольно обнаруживаетъ прелести, на которыя никто не могъ смотрѣть спокойно. Грудь, волнуемая чувствомъ, стремительно упадаетъ и возвышается. А какой голосъ! послушайте какъ она поетъ: *Non sperar se non m'uccidi!*... Посреди шума инструментовъ вырываются, какъ молнія, адекіе звуки; напрасно Дон-Жуанъ хочетъ освободиться. И еще хочетъ ли онъ этого! Зачѣмъ онъ могучею рукою не отталкиваетъ эту слабую женщину? Зачѣмъ не бѣжитъ онъ отъ нея? Не убило ли въ немъ силы преступленіе, которое онъ только что совершилъ? Не борьба-ли любви и невинности, кипящая въ немъ, отнимаетъ у него смѣлость? Старый отецъ заплатилъ жизнью за-то, что ночью дрался съ своимъ ужаснымъ противникомъ. Дон-Жуанъ и Лепорелло выходятъ на аван-сцену. Дон-Жуанъ снимаетъ съ себя плащъ, и остается въ платьѣ изъ краснаго атласа, богато вышитомъ; благородное и могучее сложеніе! Лицо его мужественно, глаза пронзительны, губы нѣжно округлены; странная игра мускуловъ его придаетъ ему какое-то ужасное выраженіе, которое, возбуждая въ зрителѣ легкій ужасъ, не уменьшаетъ красоту лица его; кажется, что онъ владѣетъ чарами обаянія; кажется, что женщины, хотя однажды встрѣтя взглядъ его, не могутъ болѣе отъ него оторваться, и сами радостно глядятъ на свое паденіе. Длинный и тошій, въ полосатомъ красномъ и бѣломъ камзолѣ, въ маленькомъ сѣромъ плащѣ и въ бѣлой шляпѣ съ красными перьями, Лепорелло снуетъ по землѣ; черты лица его представляютъ странную смѣсь добросердечія, пизости, ироніи и доброхотства: видно, что старый мошенникъ достоинъ быть слугою и сообщникомъ Дон-Жуана. Они благополучно перелезли черезъ стѣну, и убѣжали. Являются факелы, Дона Анна и Донъ Оттавіо. Донъ Оттавіо—маленькій, напыщенный, прилизанный гордый человѣчекъ, неболье двадцати одного года. Будучи женихомъ Анны, онъ, вѣроятно, живетъ близко отъ нея; онъ слышалъ шумъ, и могъ бы прибѣжать и спасти отца; но ему

нужно было прежде нарядиться, а можетъ-быть онъ боялся холоду ночи. — «Ma qual mai s'offre, o Dei, spettacolo funesto agli occhi miei!» Есть что-то болѣе, чѣмъ ужасъ при видѣ совершенаго злодѣянія. въ этомъ дуетъ и въ этомъ речитативѣ.

Сухопарая дона Ельвира, сохранившая еще слѣды прежней красоты, пивъ увядшей, приходитъ жаловаться на вѣтреннаго Дон-Жуана, и — сострадательный Лепорелло очень искусно дѣлаетъ свои замѣчанія, что дона Ельвира говоритъ какъ книга: *parla come un libro stampato*. Въ это время мнѣ послышалось, что кто-то съѣлъ сзади меня. Очень могло быть, что кто-нибудь, отворивъ дверь ложи, помѣстился въ глубинѣ ея. Это меня ужасно огорчило. Я былъ такъ счастливъ, сидя одинъ въ ложѣ, предаваясь безъ помѣхи дивному созданію Моцарта! Я былъ такъ счастливъ, что могъ свободно предаться впечатлѣніямъ, и принадлежать самому себѣ! Одно слово, одно глупое слово могло разрушить мое очарованіе! Я рѣшился не обращать никакого вниманія на моего сосѣда. и предавшись представленію, избѣгать каждаго слова и взгляда. Опершись головой на руки, обернувшись спиной къ моему товарищу, я обратилъ все вниманіе на сцену. Все соответствовало прелести начала. Маленькая Церлина, живая и влюбленная, очень мило утѣшала бѣднаго дурачка Мазетто. Дон-Жуанъ изливалъ презрѣніе къ людямъ, которые служили ему средствомъ увеселенія, въ отрывистой аріи: *Fin oh' han dal vino*. Игра его мускуловъ удивительно выражала господствующую въ немъ мысль. Явились маски, — ихъ трио была молитва, которая въ чистыхъ аккордахъ возвысилась прямо къ небу. Глубина театра открылась; раздалось чоканье стакановъ; поселяне и всѣ маски, которыхъ привлекъ одинъ звукъ Дон-Жуана, танцовали, составляя одушевленные группы. Три маски, сговорившіяся отмстить злодѣю, приближаются. Все дѣлается торжественнымъ, потомъ опять начинаются танцы, до минуты спасенія Церлины, когда Дон-Жуанъ смѣло вбѣгаетъ, съ обнаженной шпагою, навстрѣчу своему врагу. Онъ выбиваетъ шпагу изъ рукъ своего противника, и пробиваетъ себѣ дорогу между толпою, приведенною имъ въ безпорядокъ.

Уже давно я чувствовалъ сзади меня чистое и сладостное дыханіе — и — что-то похожее на шорохъ шелкового платья: я подозрѣвалъ присутствіе женщины; но совершенно погруженный въ міръ поэтической, открытый мнѣ музыкой, я не позволялъ себѣ разсѣяться. Когда заванѣсь опустился, я обернулся. — Не нахожу словъ для выраженія моего удивленія: дона

Анна, одѣтая точно также, какъ на сценѣ, сидѣла, устремивъ на меня свой взглядъ, полный души и выраженія! Я оставался безмолвенъ, глядя на нее. Уста ея (такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ показалось) одушевлены были легкой проницательной улыбкой, которую возбудила, вѣроятно, моя глупая физиономія. Я чувствовалъ необходимость говорить съ нею, но неожиданность, или скорѣе ужасъ, оковалъ мой языкъ и пригвоздилъ меня къ мѣсту. Наконецъ слова вырвались невольно изъ груди моей. — Какимъ-образомъ, я вижу васъ въ этой ложѣ? — Она отвѣчала мнѣ на самомъ чистомъ тосканскомъ нарѣчій, что если я не понимаю по итальянски, то она будетъ лишена удовольствія со мною бесѣдовать, потому-что она никакого другаго языка не знаетъ и не понимаетъ. Слова эти были полны вѣжности, и звучали, какъ пѣніе. Когда она говорила, выраженіе темно-голубыхъ ея глазъ принимало болѣе энергіи, и каждый взглядъ ея потрясалъ всѣ нѣры фибры. Это была безъ всякаго сомнѣнія дона Анна. Мнѣ неприходило въ мысль сомнѣваться въ возможности ея присутствія въ одно и тоже время въ ложѣ и на сценѣ. Съ какимъ удовольствіемъ я передалъ бы разговоръ, бывшій между мною и сеньорой; но переводя на нашъ языкъ, каждое слово мнѣ кажется грубо и блѣдно, каждая фраза тяжела, и можно ли передать грацію и легкость нарѣчія тосканскаго?

Въ то время, когда она говорила о Дон-Жуанѣ, и его роль, мнѣ казалось, что предо мной раскрывались всѣ тайны сокровища этого созданія, и я въ первый разъ проникалъ въ міръ, мнѣ неизвѣстный. Она сказала мнѣ, что музыка была всею ея жизнью, и что она въ вѣннѣ постигла множество такихъ вещей, которыя дотошъ оставались неизвѣданными въ сердцѣ ея.

— Да, я все тогда понимаю, сказала она, одушевленнымъ голосомъ и сверкая очами, но все остается холодно и мертво вокругъ меня; и когда, вмѣсто того, чтобы повясть меня, — мнѣ рупкопещутъ за трудную руладу или какую-нибудь фюриттуру, мнѣ кажется, что желѣзная рука сжимаетъ мое сердце! — Но вы, вы меня понимаете, потому-что міръ воображенія и міръ чудеснаго, гдѣ столько небесныхъ ощущеній, вамъ также открыты!

— Какъ? Небесное существо!... ты меня знаешь?...

Она улыбнулась и произнесла мое имя.

Раздался закусный колокольчикъ: блѣдность покрыла ненарушаемое лицо донны Анны; она приложила руку къ своему сердцу, какъ будто-бы почувствовала внезапную боль, и сказавъ слабымъ голосомъ: «Бѣдная Анна, теперь для тебя самыя ужасныя минуты!» исчезла изъ ложи.

Первый актъ оперы меня очаровалъ, но послѣ этого страннаго происшествія, музыка дѣйствовала на меня иначе, и еще могущественнѣе: она была какъ-бы давно ожидаемое исполненіе самыхъ сладкихъ мечтаній моихъ, какъ осуществленіе самыхъ тайныхъ предчувствій сердца. Въ сценѣ Доны Анны, мнѣ казалось, что я былъ окруженъ какою-то сладостною атмосферою: глаза мои невольно закрывались, я ощущалъ что-то похожее на поцалуй, по поцалуй этотъ имѣлъ всю продолжительность самаго мелодическаго звука.

Финалъ: «*Gia la mensa è preparata*» исполненъ былъ со всею его безумною веселостію. Дон-Жуанъ сидѣлъ и любезничалъ съ двумя молодыми дѣвухами, пуская въ потолокъ пробки, и давая свободный ходъ стремленію винограднаго сока. Дѣйствіе происходило въ небольшой комнатѣ; въ глубинѣ ея было высокое готическое окно, сквозь которое видно было ночное небо. Въ то время, какъ Эльвира напоминала измѣннику всѣ его клятвы, молніи полосили небо, и слышно было глухое приближеніе бури. Наконецъ раздается стукъ. Эльвира и молодая дѣвушка убѣгаютъ, и посреди страшныхъ акордовъ адскихъ духовъ является каменный колоссъ, предъ которымъ Дон-Жуанъ казался пигмеемъ. Полъ колыхался подъ громами стопами гиганта. Дон-Жуанъ, при звукахъ бури, грома и страшнаго рева демоновъ, вскрикиваетъ ужасно! Часъ его погибели наступилъ. Статуя исчезаетъ, густой дымъ наполняетъ залу, потомъ разсѣвается и показываетъ страшныхъ чудовищъ; Дон-Жуанъ бьется въ адскихъ мученіяхъ, и появляется время отъ времени между демонами. Вдругъ раздается страшный шумъ. Дон-Жуанъ и демоны исчезаютъ. Недвижный Лепорелло лежитъ въ одномъ изъ угловъ залы. Какъ отрадно появленіе новыхъ лицъ, напрасно ищущихъ Дон-Жуана! Кажется, что ихъ присутствіе спасло насъ отъ адскихъ силъ...

Является Дона Анна. Какъ она въ это время перемѣнилась! Смертная блѣдность покрывала лицо ея, глаза потухли, голосъ былъ перовенъ и трепетенъ; но въ маленькомъ дуэтѣ ея съ женихомъ, который хочетъ сыграть свадьбу тотчасъ же послѣ того, какъ небо избавило его отъ опаснаго мщенія, — она была еще болѣе восхитительна.

Хоръ, прекрасно исполненный, заключилъ гениальное созданіе; я выбѣжалъ изъ ложи въ самомъ восторженномъ расположеніи духа, въ какомъ я когда-либо помнилъ себя, и заперся въ моей комнатѣ. Скоро позвали меня ужинать за общій столъ. Я пришелъ машинально.

Общество было многочисленно, и представленіе Дон-Жуана составляло общій разговоръ. Вообще хвалили Италиянцевъ и ихъ госту; но маленькія сатирическія замѣчанія, брошенныя тамъ и сямъ, доказывали мнѣ, что ни одинъ изъ присутствующихъ даже не подозрѣвалъ глубокой цѣлы этой оперы изъ оперъ. Дон-Оттавіо очень поправился. Дона Анна показала слѣшкомъ восторженною. — Нужно, сказалъ кто-то, утѣрять себя на сценѣ, чтобы не такъ рѣзко дѣйствовать на зрителей. — Этотъ кто-то понюхалъ табаку, и совершенно согласился съ своимъ сосѣдомъ, который замѣтилъ, что Италиянка была однако же очень красивою жевщиною, но небрежна въ своемъ туалетѣ; потому-что въ самой патетической сценѣ ея прическа! растрепалась и вредила выраженію лица ея. Другой сталъ пѣвать арію: *fin oh'han dal vino*, и одна дама замѣтила, что Дон-Жуанъ былъ слѣшкомъ мраченъ, и не умѣлъ придать себѣ видъ вѣтреннаго молодого человека. Впрочемъ, всѣ единодушнo хвалили ходъ и конецъ піесы.

Усталый отъ всей этой болтовни, я убѣжалъ въ мою комнату.

Мнѣ было тѣсно, я задыхался въ этой скудной трактирной комнатѣ. Около полуночи мнѣ послышался шумъ у занавѣшенной двери: — Кто мѣшаетъ мнѣ, подумалъ я, посѣтить мѣсто этого страннаго свиданія? Можетъ-быть, я ее увижу еще разъ! Мнѣ очень легко перенести въ ложу этотъ маленькій столикъ, сѣбѣи и пунитръ. Вздумано-сѣбѣлапо. Мальчикъ приноситъ требуемой мною пуншъ; онъ не находитъ меня въ комнатѣ, и видитъ, что маленькая дверь растворена; идетъ за мною въ ложу, и кидаетъ на меня двусмысленный взглядъ. По моему звуку онъ ставитъ подносъ и уходитъ. Я облакачиваюсь на край ложи, и смотрю на безлюдную залу. Архитектура ея, прекрасно освѣщенная двумя сѣбѣями, странно рисуется въ чудныхъ отливкахъ. Вѣтеръ, проникающій въ полуоткрытыя двери, колышетъ занавѣсъ. Еслибы онъ взвился! Еслибы Дона Анна еще разъ явилась мнѣ! — Дона Анна! вскричалъ я невольно. Мой крикъ потерялся въ пустомъ пространствѣ; но онъ пробудилъ духовъ инструментовъ оркестра. Раздался слабый и страшный звукъ, какъ-будто прошептали милое мнѣ имя. Я не могъ побѣдить тайнаго ужаса, который однакоже не былъ лишь разочаранія.

Теперь я лучше понимаю мой ощущенія, и чувствую себя въ силахъ указать, что я подмѣтилъ въ дивномъ твореніи божественнаго маэстро. Поэтъ понимаетъ поэта; души посвященные угадываютъ то, что остается тайною для толпы. Если

смотреть на поэму Дон-Жуана, не ища въ ней мысли болѣе глубокой, если взять одну сказку, составляющую ея содержаніе, то едва ли можно разгадать, вакимъ образомъ на эту поэму Моцартъ могъ написать такую музыку. Гуляка, который черезъ мѣру любить вино и прекрасный полъ, который глупо приглашаетъ къ себѣ за столъ каменную статую командора, котораго онъ убилъ, защищая свою жизнь! — Тутъ не много поэзіи, и надобно согласиться, что такой человѣкъ не стоить труда, чтобы адскія силы явились на землю за нимъ, какъ за жертвою; онъ не стоить того, чтобы статуя приняла для него душу живую, и сойдя съ своего мраморнаго коня, пришла къ нему объявить ему гибель небесъ; наконецъ, онъ не стоить грома, гремящаго противъ него. Какъ любимаго сына своего, природа надѣлала Дон-Жуана всѣмъ тѣмъ, что возвышаетъ человека надъ обыкновенною толпою, осужденною на вѣчное страданіе и трудъ; она осыпала его всѣми дарами, которыя сближаютъ человѣчество съ началомъ божественнымъ; она предназначила его блистать, побѣждать и владычествовать. Она одушевила дивною организациею это сильное и совершенное тѣло; она заронила въ эту грудь искру того огня, который согрѣваетъ мысли неземныя. Онъ имѣлъ душу глубокую, умъ живой и быстрый. Но эти дарованія и были именно причиною, вслѣдствіе которой врагъ нашего рода сохранилъ силу уничтожить человека посредствомъ его же самого, внушая ему желаніе безконечнаго и жажду къ тому, чего онъ никогда не можетъ достигнуть. Это столкновеніе небснаго съ демономъ, борьба жизни моральной съ жизнью существенно погубили Дон-Жуана.

Желанія, порожденныя въ Дон-Жуанѣ могуществомъ его организациею, убиваютъ его, а возрастающая сила волнуется въ немъ кровъ и привлекаетъ его безпрестанно къ наслажденіямъ чувственнымъ, въ которыхъ онъ никогда не находитъ удовлетворенія своимъ желаніямъ.

Ни что на землѣ не возвышаетъ такъ человека, въ самыхъ задушевныхъ его мысляхъ, какъ любовь; огромное и таинственное вліяніе любви освѣщаетъ сердце наше и вылетъ съ тѣмъ вливаетъ въ него блаженство и смятеніе. Можно-ли удивляться, что Дон-Жуанъ надѣлся любовью утолить желанія, которыя наполняли его сердце — и что этимъ самымъ демономъ разставилъ ему сѣти? Онъ вдохнулъ въ Дон-Жуана мысль, что посредствомъ любви и сладострастія можно найти на землѣ неземное счастье, которое каждый изъ насъ носить запечатлѣннымъ въ глубинѣ души своей; можно удовлетворить безконеч-

ному желанію, которое томитъ насъ съ первыхъ дней нашего бытія. Неутомимо перебѣгая отъ красавицы къ красавицѣ, уцѣпляясь ихъ прелестью до пресыщенія, до охыненія самаго тягостнаго, думая, что онъ обманулся только въ выборѣ, надѣясь достигнуть идеальнаго, столь жадно имъ преслѣдуемаго, Дон-Жуанъ, наконецъ, былъ подавленъ удовольствіями жизни существенной; вообще презирая людей, онъ долженъ былъ въ особеннсти негодовать на эти призраки сладострастія, которые онъ такъ долго принималъ за высшее блаженство, и которые, наконецъ, такъ горько обманули его!...

Каждая женщина, которую онъ губилъ, была для него не чувственнымъ наслажденіемъ, но дерзкимъ возстаніемъ противъ человѣческой природы. Глубокое презрѣніе, питаемое имъ къ обыкновеннымъ взглядамъ на жизнь — въ то время, когда онъ чувствовалъ, что онъ выше обыкновенной жизни; прощеская и пенсіяемая веселость, съ которою онъ смотрѣлъ на счастье массы народа; презрѣніе, которое внушали ему спокойныя радости; потребность осуществить высокое предназначеніе нашей природы, — все это приводило Дон-Жуана къ тому, что онъ злобно игралъ этими тихими, покорными и жалкими существами, и дѣлалъ изъ нихъ рабынь своей пресыщенной прихоти.

Дона Анна поставлена въ противоположность съ Дон-Жуаномъ, по высокимъ совершенствамъ, которыя она получила отъ природы. Подобно Дон-Жуану, ей была дана особенная красота тѣла и души; но она сохранила чистоту идеальную, и адъ не могъ ее погубить иначе, какъ на землѣ. Какъ только совершилось это преступленіе — отщепеніе должно было тотчасъ же послѣдовать за нимъ. Дона Анна была создана, чтобы быть идеаломъ Дон-Жуана, чтобы извлечь его изъ отчаянія, которое развили въ немъ пагубныя страсти; но онъ увидѣлъ ее слишкомъ поздно, и уже не могъ не совершить адской мысли погубить ее. — Она не спасена: она погибаетъ! потому-что когда Дон-Жуанъ является въ началѣ дѣйствія — злодѣяніе уже совершено. Адскій огонь, пылающій въ душѣ его, покорилъ всякое сопротивленіе. Одинъ онъ, Дон-Жуанъ, могъ только возбудить въ ней это сердечное заблужденіе, которое отдало ее въ руки его. Послѣ ея паденія, всѣ гибельныя слѣдствія ея проступка совершаются вдругъ. Смерть ея отца, убитаго рукою Дон-Жуана, ея замужество съ холоднымъ, обыкновеннымъ, женподобнымъ Дономъ Оттавіо, котораго она прежде когда-то любила тою же любовью, которая терзаетъ ее, которая — прожгла грудь съ

минуты ея паденія,—все убѣждаетъ ее, что одинъ Дон-Жуанъ можетъ возратить ей спокойствіе, но это спокойствіе будетъ ей стоить жизни! Дона Анна безпрестанно возбуждаетъ въ холодномъ женихъ своею чувствомъ мщенія; она сама преслѣдуетъ измѣнника, и только тогда нѣсколько успокоивается, какъ увидѣла Дон-Жуана жертвою небеснаго мщенія. Дон-Жуана уже видѣть! Но ей не хочется согласиться на просьбы неотступнаго жениха: lascia, o caro, un anno ancora, allo sfogo del cor mio! говорить она, но Оттавіо не дожидается конца этого года! Донъ Оттавіо никогда не увидитъ въ своихъ объятіяхъ ту, которая знала пламенную страсть Дон-Жуана!

Съ какою живостью почувствовалъ я всѣ эти впечатлѣнія при аккордахъ перваго речитатива и разказа о ночномъ происшествіи!—Даже сцена Доны Анны во-второмъ актѣ: *studeli*, которая, смотря на нее поверхностно, не имѣетъ, кажется, ни къ кому отношенія, какъ только къ Дону Оттавіо, заключаетъ въ себѣ тайные звуки, выражающіе все волненіе души ея. — И что подумать объ этихъ словахъ, случайно, можетъ-быть, высказанныхъ поэтомъ:

Forse un giorno il cielo ancora
Sentira pieta di me!

Бьетъ два часа! — Электрическое сотрясеніе обхватываетъ меня. Я чувствую сладостный запахъ итальянскихъ духовъ, которые вчера заставили меня предугадать присутствіе моей сѣбки; невыразимое чувство, которое могъ бы я выразить однимъ пѣніемъ, обхватило меня. Вѣтеръ съ большею силою проникаетъ въ залу, струны оркестрнаго форте-піано звучатъ. — Боже! мнѣ кажется, что я какъ бы вдали слышу, на окриленныхъ звукахъ воздушнаго оркестра, голосъ Анны; она поетъ: *Non mi dir bell' idol mio!*—Откройся предо-мною далекое и неизвѣданное царство, отечество душъ! откройся неземное жилище, исполненное очарованія. гдѣ небесная и неизвѣстная грусть удовлетворяетъ насъ больше, чѣмъ безконечная радость и всѣ надежды, разсыпавшыя по землѣ! Дай проникнуть мнѣ за черту дивныхъ явленій; позволь въ то время, когда соизъдерживаетъ тѣло мое въ свинцовыхъ цѣпяхъ—мечтамъ моимъ, которыя то приводятъ меня въ ужасъ, то дѣлаются провозвѣстниками счастья, освободить мой духъ и вознести его въ надоблачныя селенія!

Разговоръ за общимъ столомъ.

Благоразумный человѣкъ, (*постукивалъ по крышкѣ своей табакерки*).

Очень досадно, что не удастся услышать скоро оперы, хорошо исполненной! Это все происходитъ отъ этого проклятаго преувеличванія.

Смуглый человѣкъ.

Да, да! Я самъ объ этомъ довольно часто говорилъ! Роль Доны Анны всегда ее разстраиваетъ! Всегда она играла и пѣла ее какъ сумасшедшая. Говорятъ, что она во все время антракта была въ обморокѣ, и послѣ сцены 2-го акта страдала нервнымъ припадкомъ.

Ничтожный человѣкъ.

О! Рассказывайте!

Смуглый человѣкъ.

Право, съ ней сдѣлался такой ужасный нервный припадокъ, что ее не могли вынести изъ театра.

Я.

Ради Бога, скажите, опасны-ли эти припадки? Скоро-ли опять услышимъ мы синьору?

Благоразумный человѣкъ, (*нюхалъ табакъ*).

Трудно скоро ее услышать, потому-что синьора умерла въ эту ночь — ровно въ два часа.

А КРЕСИНЪ.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Отъ Императорскаго Археологическаго Общества.—Подтвержденіе Бесселевой гипотезы о звѣздѣ Сиріусъ.—Причина свѣтоносности фосфора.—Присутствіе іода въ каменномъ углѣ.—Холодная покрывка желѣза мѣдью.—Перегонка ртути водными парами.—Открытіе золота въ Испаніи.—Растительное масло.—Новый горячій матеріалъ въ Россіи.—Новый фотографическій способъ Ньенса де Сен-Виктора.—Исслѣдованіе пепла, выброшеннаго Везувіемъ.—Новыя свѣдѣнія объ источникахъ Бѣлаго Пила.—Осушеніе Гарлемскаго-моря.—Послѣднее годовичное засѣданіе Французской Академіи.—Потребленіе опиума въ Англіи.—Шведскія фабрики.

ОТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Коллежскій совѣтникъ П. В. Голубковъ, препроводилъ въ Императорское Археологическое Общество 500 рублей серебромъ, для учрежденія пумизматической преміи. Общество, утвердивъ предложенную имъ задачу, приглашаетъ отечественныхъ ученыхъ къ соисканію этой преміи.

I. Премія коллежскаго совѣтника Голубкова предлагается въ награду за лучшее сочиненіе, написанное русскими ученымъ, на русскомъ языкѣ, о *монетахъ Саманидовъ*.

II. Предлагаемое на соисканіе преміи сочиненіе должно заключить въ себя: 1) *полную монографію саманидскихъ монетъ*; 2) *историческое введеніе о царствѣ Саманидовъ и сношеніяхъ его съ древнею Русью*; 3) *географическія извѣстія о городахъ, въ которыхъ чеканены монеты, и 3) топографію кладовъ съ этими монетами, найденныхъ въ Россіи и на Сѣверѣ вообще*.

Къ сочиненію должны быть приложены нужные *указатели и рисунки*.

III. За лучшее сочиненіе по означенному предмету выдается *пятьсотъ рублей серебромъ*.

IV. Премія выдается *вполнѣ*. Въ случаѣ-же, если изъ присланныхъ сочиненій ни одно не окажется совершенно удовлетворительнымъ, то задача повторается на другое полуторогодіе, а если и тогда не поступитъ *вполнѣ* достойныхъ сочиненій, то вызовъ о соисканіи преміи прекращается.

V. На полученіе преміи имѣютъ право всѣ отечественные ученые, не исключая и *дѣйствительныхъ членовъ Императорскаго Археологическаго Общества*.

Въ послѣднемъ случаѣ, авторъ сочиненія не можетъ принимать участія въ присужденіи награды.

VI. Срокъ для соисканія преміи назначается полуторогодовой, считая его отъ 1-го января 1851 года по 1-е іюля 1852 года.

VII. Сочиненія присылаются авторами въ рукописи на имя Императорскаго Археологическаго Общества, не позже 1-го августа 1852 года.

VIII. Сочиненія доставляются въ Общество безъ подписи автора, но каждая рукопись должна имѣть какой-либо девизъ, который находился-бы и на приложенномъ къ сочиненію запечатанномъ конвертѣ, съ запискою, содержащею въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя.

IV. О присужденіи преміи публикуется въ *вѣдомостяхъ*; при чемъ не дается отчета о причинахъ, послужившихъ къ отказу въ преміи тому или другому сочиненію; а сообщаются отзвѣзы лишь о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя признаны отъ Общества достойными награды.

X. Сочиненіе, утвержденное отъ Общества премією коллежскаго совѣтника Голубкова, напечатается въ запискахъ Общества, или же особою книгою.

Подтвержденіе Бесселевой гипотезы о звѣздѣ Сиріусъ.—Еще Бессель изъ наблюденій движенія Сиріуса вывелъ странное заключеніе, что, *весьма впрямую*, эта ярчайшая звѣзда цѣлаго неба соединена съ другимъ большимъ темнымъ мировымъ тѣломъ, точно такъ какъ соединены пары двойныхъ звѣздъ и что оба (и Сиріусъ и темное тѣло) обращаются по линіи коническаго сѣченія вокругъ общаго центра тяготѣнія. Противъ этого мнѣнія возставалъ нашъ Академикъ В. Я. Струве въ послѣднемъ примѣчаніи къ своимъ «*Etudes d'Astronomie Stellaire*».* Этимъ спорнымъ и весьма любопытнымъ вопросомъ занялся бывшій Пулковскій астрономъ, а нынѣ профессоръ астрономіи въ Кенигсбергѣ, г. *Петерсъ*, и успѣхъ его изслѣдованій превзо-

* См. въ упомянутомъ сочиненіи стр. 33 Примѣчаній.

шелъ всё ожиданія, такъ что двойственность Сириуса почти несомнѣнна. Г. Петерсъ успѣлъ даже вычислить предварительные приближительные элементы Сириусовой орбиты.

Среднее годовое движеніе Сириуса по его орбитѣ = 7,3104
 Слѣдовательно обращеніе = 49,245 лѣтъ.
 Прохожденіе Сириуса чрезъ нижній апсидъ его орбиты случилось въ 1792,819 год.
 Эксцентрицитетъ Сириусовой орбиты = 0,5647.

Изъ наблюденій прямыхъ восхожденій Сириуса можно опредѣлить только 5 элементовъ его орбиты; два же остальные остаются неопредѣленными. Поэтому желательно, чтобы на какой-либо обсерваторіи южнаго полушарія * занялись рядомъ наблюденій склоненій Сириуса, сравнивая ихъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ склоненіями содѣльныхъ звѣздъ.

Причина свѣтлосности фосфора.—Существовало множество предположеній для объясненія свѣта, издаваемого фосфоромъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Многие авторы думали, что этотъ свѣтъ зависитъ отъ испаренія, причемъ фосфоръ претерпѣваетъ измѣненія въ сплоченіи его частичекъ. Другіе, напротивъ того, полагали, что фосфоръ можетъ свѣтить только въ присутствіи кислорода, претерпѣвая медленное горѣніе своихъ паровъ. Наконецъ, въ новѣйшее время, г. Шенбейнъ доказывалъ, что свѣтлосность фосфора тѣсно связана съ произведеніемъ озона, что соотвѣтствуетъ упомянутому окисленію фосфора.

Рядъ новѣйшихъ опытовъ *Маршана* * служить, повидимому, подтвержденіемъ перваго мнѣнія и въ ущербъ двумъ послѣднимъ.

Въ большей части прежнихъ опытовъ ограничивались погруженіемъ фосфора въ закрытые сосуды, наполненные испытуемыми газами. Если эти газы не содержатъ въ себѣ свободнаго кислорода, то обыкновенно, послѣ перваго слабого мерцанія, свѣтъ фосфора совершенно прекращался; при этомъ мерцаніи объясненія присутствіемъ ничтожнаго количества свободнаго кислорода. Но такого рода опыты были весьма недостаточны, потому-что въ ограниченномъ объемѣ сосуда фосфоръ искорѣ переставалъ испаряться.

Г. Маршанъ заключалъ фосфоръ въ трубку, чрезъ которую

* Сириусъ имѣетъ $16\frac{1}{2}^{\circ}$ южнаго склоненія, и слѣдовательно, для Европейскихъ наблюдателей никогда не поднимается высоко надъ горизонтомъ.

* Journ. für pract. Chem. T. 1, p. 1.

пропускалъ непрерывную струю испытуемаго газа, и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Въ токъ совершенно чистаго и сухаго водорода, не только поверхность фосфора дѣлается блестящею, но еще окружается свѣтящеюся атмосферою. Если при этомъ температура будетъ понижена до -22° Цельсія, то фосфоръ не свѣтится; но при -15° свѣтъ опять появляется. Если токъ газа весьма быстръ, то онъ какъ будто потушаетъ свѣтъ; но чѣмъ выше температура, тѣмъ быстрѣ долженъ быть токъ газа, для произведенія этого результата. Этого нельзя объяснить охлажденіемъ, ибо свѣтъ существуетъ даже при -15° ; но, вѣроятно, погасаніе происходитъ отъ того, что количество пара несоотвѣтственно мало въ сравненіи съ количествомъ газа, въ которомъ оно разбѣяно. Бумага, напитанная крахмальнымъ клейстеромъ, содержащимъ іодистый потассій, не измѣняется въ токъ газа прошедшаго надъ фосфоромъ; слѣдовательно, здѣсь не образуется озона.

Токъ чистой углекислоты дѣйствуетъ совершенно подобно току водороднаго газа.

По увѣренію Маршана, фосфоръ свѣтится въ барометрической пустотѣ; но этотъ свѣтъ продолжается одно мгновеніе, потому-что испареніе мгновенно прекращается. Если же вновь дать ходъ испаренію, то и свѣтъ опять появляется.

Множество газовъ и летучихъ тѣлъ препятствуютъ свѣченію фосфора: таковы—вѣтъ, терпентинная эссенція, эфиръ, сѣрнистый углеродъ, сѣрноводородъ и другія. Отъ ихъ дѣйствія фосфоръ перестаетъ свѣтиться въ токъ водорода, при обыкновенной температурѣ, но при возвышеніи послѣдней, свѣтъ опять появляется. Фосфоръ свѣтитъ даже въ горячихъ парахъ эфира.

Въ воздухѣ и кислородѣ свѣтъ фосфора бываетъ другаго рода, и происходитъ отъ медленнаго горѣнія

Шенбейнъ говоритъ, что фосфоръ не свѣтится и не даетъ озона въ чистомъ кислородѣ. Въ закрытомъ сосудѣ оно дѣйствительно такъ бываетъ, но въ токъ кислорода фосфоръ свѣтитъ, и озонъ образуется, пока металлоидъ не покроется корою, препятствующею испаренію. Но если осторожно расплавить фосфоръ, не зажечь его, то свѣтъ и образованіе озона опять продолжаются прежнимъ порядкомъ.

По мнѣнію Маршана, ни одно тѣло не представляетъ такихъ явленій, какъ фосфоръ. Правда, что сѣра, мышьякъ, селеній, сурьма свѣтятся при возвышенной температурѣ; но этотъ свѣтъ

зависеть отъ горѣнія, и является только въ присутствіи свободнаго кислорода, а не въ углекислотѣ или въ водородѣ.

Присутствіе іода въ каменномъ углѣ.—Извѣстно, что Шатенъ открылъ присутствіе іода, въ видѣ іодистаго щелочнаго растворимаго соединенія, во всѣхъ прѣсноводныхъ растеніяхъ. Бюсси открылъ сверхъ-того іодъ въ каменномъ углѣ изъ Комментри. Этотъ послѣдній, содержа въ себѣ желѣзные колчеданы, иногда тихо стараетъ, отдѣляя на поверхность почвы, вмѣстѣ съ другими продуктами, мышьякъ и нашатырь; въ послѣднемъ Бюсси открылъ присутствіе іодоводородокислаго амміака. Исследовать продукты искусственной перегонки каменнаго угля при производствѣ свѣтлѣнаго газа, онъ также нашелъ іодъ въ значительномъ количествѣ. Замѣчательно, что іодъ одинаково существуетъ въ прѣсноводныхъ растеніяхъ, какъ вышѣшней, такъ и допотопной эпохи.

Прочная жидкая покрывка желѣза мѣдью.—Развести соляную кислоту тремя частями воды, прибавить въ нее нѣсколько капель раствора мѣднаго купороса, и въ эту жидкость опустить на нѣсколько часовъ желѣзную вещь, предварительно вычищенную виннымъ камнемъ и углемъ. Вынутая вещь хорошенько обтирается тряпкою, и потомъ опять погружается въ ту же жидкость, въ которую подбавить раствора мѣднаго купороса. Это повторяется нѣсколько разъ, прибавляя, предъ каждымъ новымъ погруженіемъ, небольшое количество мѣднаго купороса. Когда слой мѣди на желѣзѣ получитъ желаемую толщину, то вещь окунывается въ крѣпкій патровый шолокъ, высушивается и полируется мѣломъ.

Такимъ образомъ осажденная на желѣзо мѣдь держится весьма хорошо, и можетъ быть полирована кровавикомъ. Этотъ способъ ничуть не хуже гальваническаго, хотя и обходится гораздо дешевле.

Перегонка ртути сильно разогрѣтымъ водянымъ паромъ.—Перегонка ртути была донынѣ сопряжена со многими неудобствами и опасностями: нужно было употреблять много топлива, свѣдущихъ и рачительныхъ работниковъ, и притомъ часто случались неудачи и опасности. Нынѣ г. Вильетъ придумалъ перегонять ртуть помощью водянаго пара, нагрѣтаго до 350°—400°. Для этого пропускаютъ водяные пары чрезъ сильно нагрѣтую желѣзную трубу, гдѣ они разгорячаются до высокой температуры, и потомъ проходятъ съвозъ желѣзную цилиндрическую реторту, наполненную ртутью. Водяной паръ разогрѣваетъ металлъ, и потомъ увлекаетъ его механически, причемъ въ приемъ

никѣ получаютъ разомъ дѣй струп—ртутная и водяная. Этотъ способъ еще тѣмъ выгоденъ, что перегонка идетъ ровню и спокойно и притомъ нисколько не теряется ртути *.

Открытие золота въ Испаніи.—Число мѣсторожденій золота съ каждымъ годомъ увеличивается въ изумительной пропорціи. Такъ, наприимѣръ, въ извѣстной Нѣмецкой Горной Газетѣ помѣщено недавно извѣстіе, что въ испанской провинціи Леонъ открыты богатые золотыя росыпы, лежащія по впадинамъ берегамъ рѣки Даро, и преимущественно въ окрестностяхъ Греванды. Новыя извѣстія сообщены правительству уже болѣе ста принсковъ, для разработки которыхъ составились и еще составляются нѣсколько компаній. Въ главѣ пѣкорныхъ изъ послѣднихъ стоятъ значительные лондонскіе торговые дома.

Растительное масло.—Этотъ продуктъ называется ши (Shea) и получается изъ дерева, растущаго въ западной Африкѣ, и впервые описаннаго Мунго-Паркомъ въ 1796 году. Дерево весьма похоже на американскій дубъ. Плоды съ вида походятъ на испанскія оливки; изъ его зеренъ, покрытыхъ зеленою кожицей, извлекается кипяткомъ масло, тверже, бѣлѣе и вкуснѣе лучшаго коровяго. Оно удобно и не портясь сохраняется цѣлый годъ безъ пособія соли Туземцы, живущіе по Гамбін и Нигеру, занимаютъ приготовленіемъ этого масла въ большихъ размѣрахъ.

Джонъ Дунканъ, посѣщавшій Негрское королевство Догамей, причисляетъ дерево ши къ числу лавровыхъ. Онъ даетъ ему ростъ отъ 18 до 20 футовъ, а плоды изображаетъ въ видѣ свѣтлобурыхъ оливокъ, величиною съ голубиное яйцо. Зерно плода состоитъ исключительно изъ масла или твердаго жира (при обыкновенной температурѣ), свѣтлозеленаго цвѣта, въ свѣдствіи или при нагрѣваніи бѣлѣющаго. Масло ши вилкомъ скорѣе похоже на сало; при 35° оно начинаетъ размягчаться, а при 43° топится въ прозрачное, жидкое масло. По новѣйшимъ опытамъ Гг. Томсона и Вуда, оно растворяется въ кипящемъ виноспиртѣ, изъ котораго осѣдаетъ въ видѣ игольчатыхъ кристалловъ, при охлажденіи. Еще легче растворяется ши въ эфирѣ. Химическія разложенія показали, что этотъ растительный продуктъ состоитъ почти исключительно изъ смѣси довольно чистыхъ—эластина и маргарина.

Прежде ши употреблялось почти только туземцами, и то въ пищу. Нынѣ начали его вывозить и въ Европу, гдѣ этотъ по-

* *Moniteur industriel*, 24 oct. 1850.

вый продуктъ можетъ, не только служить питательнымъ веществомъ, но еще получить многоразличныя техническія примѣненія.

Новый горючій матеріалъ въ Россіи. — Во многихъ русскихъ журналахъ находимъ свѣдѣнія о новомъ топливѣ, открытомъ въ вышеишее лѣто, въ Естляндской губерніи, между станціями Ранна-Пунгернъ и Клейнъ-Пунгернъ. Въ этомъ мѣстѣ, между слоями сплурійскаго известняка, находится пластъ весьма замѣчательнаго вещества, отличающагося тонкостью, легкостью, ломкостью и свѣтлобурымъ цвѣтомъ. При разбиваніи его, по направленію слоевъ, отдѣляется изъ массы множество коралловъ, раковинъ и трилобитовъ. Отъ прикосновенія огня оно загорается, и продолжаетъ горѣть свѣтлымъ пламенемъ, отдающимъ много сажи.

Разложеніе этого вещества было произведено профессоромъ Дерптскаго Университета г. Петцольдомъ, который нашелъ въ немъ слѣдующія составныя части:

Органическихъ веществъ	6550
Кремнезема и его соединеній.	1136
Окисла желѣза и глины	230
Углекислой извести	1700
Углекислой магнезій.	20
Воды	120
	<hr/>
	9756
Потери при разложеніи.	244
	<hr/>
	10,000

Этотъ горючій матеріалъ доставляетъ золы цѣлую треть всего своего вѣса. При сухой перегонкѣ получается изъ одного фунта этого вещества 1½ кубическихъ фута свѣтлѣнаго газа, съ соответственнымъ количествомъ смолы. Замѣтимъ, что изъ одного фунта хорошаго каменнаго угля получается, при обыкновенномъ способѣ обработки, 7 кубическихъ футовъ свѣтлѣнаго газа. Слѣдовательно, для полученія этого газа каменный уголь почти въпятьеро выгоды вышеваго матеріала, отыскавшаго г. Петцольдомъ.

Относительно къ нагревательной способности, 4 фунта вышеваго топлива развиваютъ при сгараніи жара столько же, какъ

3 фунта каменнаго угля или 6 фунтовъ березоваго. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи новооткрытое вещество $\frac{1}{4}$ хуже каменнаго угля, но въ полтора раза лучше березоваго.

Всего выгоды употреблать это вещество на топливо, вмѣсто дровъ. Жечь его надобно на рѣшоткѣ, чтобы образующаяся въ большомъ количествѣ зола могла проваливаться сквозь отверстія и не мѣшать горенію. Поэтому его можно употреблять въ выкоуренныхъ заводахъ и ригахъ. Зола составляетъ хорошее удобреніе для почвы.

Пошнѣ протяженіе пласта этого горючаго вещества еще неопредѣлено съ точностію, но вѣроятно оны занимаетъ огромное пространство. Если это оправдается, то новый горючій матеріалъ можетъ принести большую пользу нашимъ Остзейскимъ губерніямъ. Станція Ранна-Пунгерна лежитъ между Дерптомъ и Нарвою, на берегу Чудскаго-озера, въ 239 верстахъ отъ Петербурга.

Новый фотографическій способъ.—Г. Ньепсъ де Сен-Викторъ уже извѣстный съ самой выгодной стороны своими усовершенствованіями въ дагеротипномъ дѣлѣ, придумалъ слѣдующій способъ, о которомъ г. Шеврейль сдѣлалъ Парижской Академіи Наукъ самый выгодный отзывъ.

Дагеровскія дощечки погружаются въ баню изъ поваренной соли, мѣднаго, желѣзнаго и цинковаго купоросовъ*, въ которой оны остаются нѣсколько секундъ, а потомъ обмываются перегнанною водою, и высушиваются на спиртовой лампѣ. Такимъ образомъ приготовленная дощечка можетъ принять на себя отпечатокъ гравюры, надъ нею положенной, если только выставить ихъ на полчаса на солнечные лучи, а потомъ обмыть аммиачною водою, или снѣродистымъ потассіемъ или первоосърватистокислымъ натромъ**. Такое обмываніе увлекаетъ за собою все неразложенное хлористое серебро. Затѣмъ обмываніе повторяется, употребляя еще большее количество воды; потомъ, высушивъ, придаютъ рисунку постоянство обыкновеннымъ способомъ, помощью хлористаго золота.

Тѣже самыя дощечки принимаютъ изображенія и въ камер-обскурѣ, лишь бы только оны оставались въ ней отъ одного до двухъ часовъ. Такой долгій промежутокъ времени не позволяетъ

* Последніе два купороса—желѣзный и цинковый, не необходимы для успѣха процесса.

** Hyposulfate de soude.

употреблять ихъ для сниманія портретовъ; но изобрѣтатель надѣется, что и это неудобство будетъ имъ устранено.

Г. Непсъ нашелъ также, что іодистое серебро можетъ помощію амміака давать, подобно хлористому, изображенія вполне удовлетворительныя, вовсе не прибѣгая къ посредничеству ртутныхъ паровъ.

Исслѣдованіе пепла, выброшеннаго Везувіемъ. — Знаменитый микрографъ Еренбергъ изслѣдовалъ пепелъ, выброшенный Везувіемъ 9 февраля нынѣшняго года, и нашелъ, что этотъ пепелъ отличается чернымъ цвѣтомъ и зернистымъ составомъ, похожимъ на весьма-мелкій ружейный порохъ. Микроскопъ показалъ, что зёрны не были сплавленные шарики, но осколки неправильнаго вида. Самые мелкіе кусочки, по большей части, кажутся стекловатыми и просвѣчиваютъ, хотя и не показываютъ слѣдовъ кристаллизаціи. Въ этомъ пеплѣ замѣчаются остатки различныхъ растеній. Употребляя хроматически поляризованный свѣтъ, ясно видно, что большая часть осколковъ одарены только простымъ преломленіемъ, и потому безцвѣтны; тогда какъ нѣкоторые представляютъ сильное двойное преломленіе, и потому ярко окрашены. Здѣсь попадаются осколки сплавленные и стекловатые, неславленные и перемѣшанные съ углеродистыми, но необугленными органическими остатками. Стекловатые, по мѣзистые частички этого пепла заставляютъ подозревать, что онѣ происходятъ изъ внутренней кратера; тогда какъ частички не стекловатые и одаренныя двойнымъ преломленіемъ суть, вѣроятно, осколки горючихъ породъ, потрясенныхъ и раздробленныхъ механически огромною вулканическою силою.

Растительныя частички происходятъ или изъ пыли, поднятой съ поверхности почвы, или онѣ плавали въ воздухѣ въ то время, когда были захвачены потокомъ пепла, или, наконецъ, могли заключаться въ остаткахъ массы древняго торфа.

Часто встрѣчаются частички, похожія на пластинки слюды. Онѣ, подобно послѣднимъ, одарены двойнымъ лучепреломленіемъ, но не представляютъ замѣтной спайности.

Весьма замѣчательно, что органическіе остатки, попадающіе въ пепелъ, не принадлежатъ исключительно къ формамъ морской воды, вліянію которой нѣкогда такъ положительно приписывали химическіе процессы, производящіе воспламенение и изверженіе вулкановъ.

По разложенію г. Генриха Розе, черный пепелъ, притягиваемый магнитомъ, состоитъ преимущественно изъ кремнезема, закиси и окиси желѣза, извести, магнезійи и глины. Составъ этого пепла весьма близко подходитъ къ составу извѣстнаго минерала авгита. Въ немъ также встрѣчается присутствіе фосфорной кислоты, которая по повѣщеннымъ химическимъ и минералогическимъ изслѣдованіямъ заключается, повидимому, во всѣхъ минеральныхъ тѣлахъ.

Новыя извѣстія объ источникахъ Бѣлаго Нила. — Г. Ребманъ, протестантскій миссіонеръ, живущій въ Момбарѣ, предпринялъ, въ сентябрѣ 1848 года, изъ мѣста своего пребыванія, пѣшеходное путешествіе на западъ, и пройдя миль съ 50 отъ берега, встрѣтилъ, въ королевствѣ Джана, горы, покрытыя вѣчными свѣгомъ, которыя, по разсказамъ туземцевъ, обитаемы злыми духами, убивающими путешественниковъ. Такое повѣрье произошло, вѣроятно, отъ вліянія холода свѣга на Негровъ, привыкшихъ къ экваторіальному климату и немѣющихся одежды. Съ другой стороны возвратился изъ Кордофана въ Каиръ, баронъ фонъ Мюллеръ, который нашелъ вдоль Нила, между 4° и 5° шир. племя Негровъ, управляемое королемъ Никлою, и слышалъ отъ послѣдняго, что тотъ въ молодые годы ходилъ далеко на югъ, и тамъ у источниковъ Бахр-ель-Абьада (Бѣлаго Нила) видѣлъ людей, бѣлыхъ какъ Турки. Названіе Бѣлаго Нила получаетъ рѣка, по словамъ Никла, отъ того, что вытекаетъ изъ горы, которой вершина совершенно бѣла (вѣроятно покрыта свѣгомъ?)

Извѣстный Африканистъ докторъ Бикъ (Beke), говоритъ, что это гора Килиманджора, о которой упоминаетъ географъ Кули (Couley) и что именно эта гора есть высочайшій пикъ такъ называемаго Луннаго хребта, въ которомъ еще Птоломей (1700 лѣтъ тому назадъ) помѣщалъ истоки Нила. Нѣкоторые географы вздумали было объявлять сомнѣнія въ дѣйствительности открытія, сообщеннаго г. Ребманомъ; но оно вполне подтверждается извѣстіями, привезенными докторомъ Крапомъ, только-что возвратившимся изъ внутренней Африки.

Осушеніе Гарлемскаго моря. Мѣсто, называемое обыкновенно Гарлемскимъ моремъ или озеромъ, еще въ XVI вѣкѣ составляло болотистую низменность, съ четырьмя отдѣльными озерами, на которой можно было жить и пахать. Въ упомянутомъ столѣтіи озера соединились въ одно огромное пространство воды, покрывшее всю низменность. Множество проектовъ было

составлено съ цѣлю спустить воду и возратить земледѣлю дно Гарлемскаго-моря, но до прошлаго года всѣ эти проекты осуществлялись только на бумагѣ. Наконецъ въ прошломъ году составилось общество богатыхъ капиталистовъ, которое подъ покровительствомъ правительства рѣшилось начать работы, обѣщающія дать въ руки антриверамъ до 20,000 десятинъ весьма плодородной земли. Въ 1849 году истрачено на работы по этому предпріятію около 15 милліоновъ рублей серебромъ, и теперь уже все озеро окружено каналомъ въ 3 сажени шириною и въ полторы глубиною и котораго вынутая земля образуетъ на берегу озера насыпь въ видѣ вала или плотины. Пять паровыхъ машинъ, изъ коихъ каждая въ 175 силъ, непрерывно выкачиваютъ воду, сперва изъ озера въ каналъ, а потомъ изъ канала въ море. Каждая машина выкачиваетъ 2220 кубическихкихъ сажень воды въ часъ.

Озеро имѣло глубины до 11 футовъ: болѣе половины было выкачано уже лѣтомъ, и надѣялись выкачать все остальное ранѣе нынѣшней зимы. На осушенныхъ мѣстахъ уже нынѣшнимъ лѣтомъ появились сады и огороды!

Последнее годишнее засѣданіе Французской Академіи. Сентября 8, происходило торжественное засѣданіе Французской Академіи, имѣющее мѣсто ежегодно для раздачи премій.

Первая историческая премія, назначенная барономъ Гиберомъ и могущая быть присуждаемою нѣскольکو лѣтъ сряду одному и тому же сочиненію, досталась опять г. Тьерри за его сочиненіе «*Considérations sur l'histoire de la France*». Вторая премія также вторично присуждена сочиненію г. Базена «*Histoire de la France sous Louis XIII*».

Монтіоновскія преміи получили гг. Мартенъ, Гарнье и Кастушь, за сочиненія философскаго содержанія; г-жа Деборд-Вальморъ за правоучительные рассказы (*Les anges de la famille*); г-жа Бауръ (*Baur*) за рассказы «*Soirées des jeunes personnes*»; г-жа Папъ, за педагогическое сочиненіе (*Enseignement pratique dans les écoles maternelles*); г-жа Монмерке, за правоучительную книгу (*Paul Morin*) и г-жа Шалье, за нравственно-политическое сочиненіе.

Монтіоновскую медаль въ 3000 франковъ получилъ г. Отранъ, за драму «*La fille d'Eschyle*».

Премія, учрежденная для поощренія литературныхъ талантовъ г. Малье-Латуръ-Лавдри, досталась г. Лагоссаду, за его переводъ Оссиана.

Академическая премія за лучшее похвальное слово госпожѣ Сталь присуждена г. Бодрильяру, а г. Каро удостоился почетнаго упоминанія.

На 1852 годъ премія по *краснорѣчію* предложена за лучшее похвальное слово г. Бернардену де-Сен-Пьерру, ученику Руссо и учителю Шатобриана.

Монтіоновскія преміи за добродѣтели были въ нынѣшнемъ году распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Большая премія присуждена, за спасеніе погибавшихъ, Наполеону Хюме, честному и трудолюбивому работнику. Онъ, при различныхъ случаяхъ, спасъ отъ смерти нѣсколько сотъ человѣкъ.

Преміи по двѣ тысячи франковъ были розданы двумъ престарѣлымъ дѣвицамъ и отставному солдату Балеми съ женою, за рѣдкое ихъ человѣколюбіе, преданность, сострадательность и самоотверженіе.

Нѣскольکو медалей въ 1000 и въ 500 франковъ розданы слугамъ, которые изъ скопленнаго во время долготѣи своей службы, помогали потомъ прежнимъ своимъ господамъ, пришедшимъ въ нищету отъ стеченія различныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ.

Потребленіе опиума въ Англіи.—Употребленіе опиума внутрь, какъ одуряющаго или опьяняющаго средства, въ англійскихъ мануфактурныхъ городахъ, развилось до ужасающей степени. Все го ужаснѣе то обстоятельство, что матери даютъ опиійную тинктуру малолѣтнимъ дѣтямъ, дабы они не мѣшали имъ своимъ крикомъ, во время работы; нѣкоторыя даже оставляютъ и запираютъ дома несчастныхъ дѣтей, заснувшихъ подъ вліяніемъ наркотическаго яда. Не говоря уже о Манчестерѣ, Ливерпулѣ и Бирмингемѣ, гдѣ не собрано точныхъ свѣдѣній, въ одномъ Аштонѣ продается еженедѣльно въ 6 аптекахъ, 6 галлоновъ опиійной тинктуры; а въ Брестонѣ употребляется еженедѣльно по 68 фунтовъ опиума, въ видѣ разныхъ препаратовъ.

Шведскія фабрики. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала *Austria* напечатано извлеченіе изъ отчета шведской торговой коллегіи о состояніи шведскихъ фабрикъ, мануфактуръ и промышленности вообще въ 1848 году. Извлекаемъ отсюда слѣдующія данныя:

Число всѣхъ фабрикъ и мануфактуръ въ 1848 году было 2648; въ нихъ число рабочихъ простиралось до 21,270. На нихъ изготовлено въ теченіе года товаровъ на сумму 19,548,300 банковыхъ талеровъ, и заплачено въ казну податей 37,654 б. т.

Сукна приготовлено 730 тысячъ аршинъ, а полусукна 260 тыс. аршинъ, цѣною на 5 милл. банк. тал. Изъ того количества вывезено на 23676 б. т.; остальное потреблено внутри королевства.

Коленкору и полотна приготовлено 1,637,500 арш., цѣнился 750 тыс. б. т. Вывезено на 300 тыс. б. т. Пращи механической 4 милл. фунт. на 2 1/2 милл. б. т.

Шелковыхъ тканей 157 тыс. аршинъ, на 750 тыс. б. т. Вывезено на 17 тыс. б. т.

Табаку курительнаго приготовлено 1,760,000 фунт., а нюхальнаго 2 1/2 милл. фунт. Цѣною на 1,300 тыс. тал. Вывезено на 16 тыс. тал.

Ремеслами въ городахъ занималось: 7233 мастера, 6160 подмастерьевъ, 7832 ученика, 1525 чернорабочихъ; всего 22740 человекъ. Въ деревняхъ: 1043 мастера, 301 подмастерье, 622 ученика, 179 чернорабочихъ; всего 2145. Въ вѣрхшпильяхъ 10031 мастеръ и 5763 подмастерьевъ. Всѣ они заплатили казѣ податей 91 милл. б. т.

Въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, промышленность сдѣлала въ Швеціи большіе успѣхи. Въ 1838 году, заводчики и ремесленники не произвели и половины того, что въ 1848 году, а податей съ нихъ было только одною частью менѣе, чѣмъ въ послѣднемъ году.

ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ. *Домашній лечебникъ.* Отъ жабы.—Отъ глистовъ.—Чтобы испорченные зубы выпадали безъ боли.—Отъ ревматизма.—*Хозяйство:* О питательности сухихъ кормовъ.—Сѣно.—Солома.—О строевомъ лѣсѣ.—Рубка лѣса.—Высушка лѣса.—Прочность деревъ.—Твердость деревъ.—Леченіе отмороженныхъ частей дерева.—О причинахъ худыхъ и хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ на однихъ и тѣхъ же поляхъ.—*Совѣты матерямъ:* Первые впечатлѣнія.—Выгоды дисциплины.—Характеръ, здоровье, привычки.—Соревнованіе.—Дружба между молодыми дѣвушками.—Важныя неудобства.—Вредныя связи.

Домашній лечебникъ. Отъ жабы (Esquinancie).

Надобно взять горсть шерсти со спины козла, замѣсить ее со свѣжими куриными яйцами, (желтки и бѣлки вмѣстѣ) сдѣлать изъ этого родъ густаго тѣста, завернуть въ тонкій платокъ, и привязать къ горлу; чрезъ полчаса большой почувствуетъ уже спасительное его дѣйствіе. Когда воспаленіе совсѣмъ пройдетъ, тогда снимаютъ платокъ съ этою шерстью, и изъ предосторожности отъ новой простуды носить нѣсколько дней на шеѣ протекную бумагу.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ Крыму одна молодая дама избавилась этимъ средствомъ отъ мучительной смерти. Нѣжный ея мужъ слыхалъ, что въ этомъ случаѣ должно пустить кровь; а какъ въ деревнѣ, гдѣ они жили, не было цирюльника, а онъ самъ не умѣлъ пустить кровь обыкновеннымъ образомъ, то увидѣвъ, что его жена не можетъ уже, ни глотать, ни говорить, и съ великимъ трудомъ уже переводить духъ, онъ поторопился употребить вышеописанное средство; и чрезъ полчаса больная могла уже говорить и глотать; а чрезъ нѣсколько часовъ воспаленіе совершенно прошло.

Послѣ того мнѣ нѣсколько разъ случалось употреблять это средство, какъ надъ самимъ собою, такъ и надъ другими, и всегда съ полнымъ успѣхомъ.

Отъ глистовъ. 1) Давать по утрамъ, на тощакъ, принимать столовую ложку деревяннаго масла, смѣшаннаго по поламъ съ лимоннымъ сокомъ.

2) Кушать сырой чеснокъ; или, особенно для дѣтей, сварить чеснокъ въ молокѣ, и дать выпить, предпочтительно по утру, на тошакъ.

3) Цытварнаго сѣмяши смѣшать погуще съ медомъ, и дать принимать по чайной ложкѣ, по нѣскольку разъ въ день.

Въ добавокъ, при вѣсхъ этихъ средствахъ, натирать животъ чесночнымъ сокомъ.

Чтобы испорченные зубы выпали безъ боли. Взять молоко изъ травы молочай (Wolfsmilch, Euphorbia esula) смѣшать съ пшеничною мукою; приложить это тѣло соломенкою на больной зубъ, и онъ чрезъ нѣсколько минутъ выпадетъ безъ боли; только при этомъ должно поступать весьма осторожно, чтобъ не задѣть другіе зубы.

Отъ ревматизма. Взять мягкую пропускную (пеклеюную) бумагу, сложить втрое или вчетверо, и приложивъ къ страждущему мѣсту, поить пока пройдетъ боль.

Баронъ Александръ Бодэ.

Хозяйство. *О питательности сушить кормовъ.* а) Сѣно. Питательность сѣна бываетъ различна, смотря потому, изъ какихъ травъ оно было приготовлено. Чѣмъ лучше зеленія травы, тѣмъ и сѣно получается изъ нихъ лучшаго достоинства. Нѣкоторые думаютъ, что зеленія растенія, во-время приготовления изъ нихъ сѣна, теряютъ нѣкоторыя изъ своихъ составныхъ началъ, отъ чего, будто-бы, и сѣно становится менѣе питательнымъ, нежели зеленія растенія. Если это предположеніе и справедливо, то питательность сѣна уменьшается, сравнительно съ зеленою травою, отъ того, что составныя начала растеній въ сухомъ видѣ перевариваются гораздо труднѣе, и труднѣе растворяются въ желудочномъ сокѣ.

Кромѣ-того питательность сѣна зависитъ также очень много и отъ способа его приготовления. Мы должны въ этомъ случаѣ всего болѣе подражать Англичанамъ и Швейцарцамъ, у которыхъ приготовленіе сѣна доведено до nec plus ultra. Такъ называемое бурое сѣно, приготовляемое по Швейцарскому способу, бываетъ весьма ароматно и гораздо питательнѣе, нежели зеленое сѣно, приготовляемое обыкновеннымъ образомъ, потому-

что отъ дѣйствія солнца изъ него улетучиваются всѣ ароматическія начала. Равнымъ образомъ сѣно, бывшее долгое время подъ дождемъ, бываетъ менѣе питательно, потому-что дождевая вода, такъ-сказать, выщелачиваетъ изъ него многія удобоваримыя вещества. Хорошее сѣно отъ дурнаго всегда отличается пріятнымъ ароматическимъ запахомъ, похожимъ на запахъ меду. Первые укусы сѣна содержатъ въ себѣ больше питательно питающихъ началъ, нежели сѣно, приготовляемое изъ отавы, но за-то отавное сѣно гораздо больше увеличиваетъ удой молока.

Сѣно, какъ мы знаемъ, содержитъ много горькаго и вяжущаго начала, и тѣмъ больше, чѣмъ оно хуже; а потому оно и не можетъ составлять хорошаго корма для лошадей, и не можетъ замѣнить имъ собою зерна. Если сѣно даютъ лошадямъ въ большомъ количествѣ, тогда у нихъ поражаются болезнями легкія, дыханіе бываетъ коротко, и нерѣдко развивается одышка.

Для рогатаго скота и овецъ во-время зимы сѣно составляетъ самый здоровый, самый питательный и самый сильный кормъ; въ этомъ отношеніи оно для нихъ тоже, что для лошадей овесъ. Овцы любятъ по преимуществу сѣно мелкое, выросшее на высокихъ и сухихъ мѣстахъ, рогатый же скотъ ѣсть охотно сѣно длинное и крупное, выросшее въ низменныхъ мѣстахъ; оно бываетъ жирно, богато листьями и называется *тяжелымъ сѣномъ*.

Сѣно изъ клевера, люцерны, еспарцета и зеленаго горошка, если только оно было приготовлено и сбережено хорошо, не уступаетъ, по своей питательности, хорошему луговому сѣну. Впрочемъ надобно замѣтить, что сѣно клевера, люцерны, еспарцета и зеленаго горошка скоро портится и становится вреднымъ для животныхъ; даѣе, клеверное сѣно возбуждаетъ позывъ къ поилу. По замѣчаніямъ нѣкоторыхъ хозяевъ, отъ клевернаго сѣна у ягнятъ развивается болѣзнь, извѣстная подъ именемъ *лѣнней болѣзни*, или паралича (Lämmerlähme); по эта болѣзнь болѣею частію развивается только тогда, когда ягнятамъ, вмѣстѣ съ клевернымъ сѣномъ, даютъ и другіе питательно питающіе корма, какъ напр. картофель. Сѣно, приготовляемое изъ такъ-называемой кормовой ржи, уступаетъ, по своей питательности, обыкновенному сѣну и занимаетъ средину между соломою и сѣномъ, а потому и кормовой ржи не должно разво-

дить больше, нежели сколько можно стравить ее животнымъ въ зеленомъ видѣ.

б) *Солома* принадлежитъ къ псевдо-перевариваемымъ веществамъ, плотная и твердая ткань ея весьма мало размягчается есною, и весьма трудно растворяется въ желудочномъ сокѣ; и твердость ея уменьшается тогда, когда ее приготавливаютъ для корма какимъ-нибудь искусственнымъ способомъ. Чѣмъ мягче солома, тѣмъ она лучше; солома незрѣвшая лучше перезрѣлой. Чѣмъ больше между колосовыми хлѣбами было сорныхъ травъ, тѣмъ и солома питательнѣе. Въ сухое лѣто солома получается лучшаго достоинства, нежели въ сырые, ненастные годы. Хорошо и сухо собранную солому животныя ѣдятъ охотнѣе, нежели бывшую подъ дождемъ. Солома отъ колосовыхъ хлѣбовъ, прозябшихъ на кислой и сырой почвѣ, менѣе годна для корму. Чѣмъ старше солома, тѣмъ она хуже; а потому ее нужно травить скотомъ въ началѣ зимы, когда только что животныя ста-нутъ на сухой кормъ.

Солома гороха и вики, если только ихъ убирали не совершенно перезрѣлыми, лучше соломы колосовыхъ хлѣбовъ, и по своей питательности близко подходитъ къ сѣну. Если же горохъ и вика во-время росту были поражены мѣдиною росой, то тогда они нездоровы для животныхъ, и часто у лошадей производятъ колику.

Всего лучше давать въ кормъ солому овцамъ и коровамъ, потому-что она содержитъ въ себѣ много вытяжковаго начала и древесины, возбуждаетъ такимъ-образомъ органы пищеваренія къ дѣятельности. Впрочемъ рогатому скоту давать въ кормъ соломы надобно меньше, нежели овцамъ.

Мякина и колосъ имѣютъ большую питательность, нежели солома. Свѣжая рапсовая шелуха занимаетъ, по своей питательности, средину между соломою и сѣномъ; старую же рапсовую шелуху животныя ѣдятъ плохо, потому-что она плѣснѣетъ и становится затхлою.

О строевомъ лѣсѣ. 1. Рубка лѣса. Время срубки деревьевъ нельзя подвести подъ общее правило. Напримѣръ, для хвойныхъ деревьевъ (сосны, ели, и проч.) употребляютъ вторую половину и конецъ зимы; для другихъ же стараются рубить ихъ тогда, когда въ нихъ меньше бываетъ соку. Весною и лѣтомъ сокъ деревьевъ бываетъ жиже, и потому высыхаетъ скорѣе, послѣ сруб-

ки деревь. Зимю же срубленный лѣсъ, по густотѣ, дѣлаетъ дерево мягче и не подвергаетъ его броженію и гніенію соковъ, которое всегда опасно въ лѣтнее время. Только тамъ, гдѣ полнота соковъ не можетъ имѣть вліянія на дальнѣйшую прочностьъ деревь; (напримѣръ тѣхъ, которые тотчасъ же сплавляются водою) время срубки предоставляется на произволъ хозяина. Тамъ же, гдѣ срубленные деревья остаются на воздухѣ и подвержены всѣмъ переменамъ температуры, срубленные зимою болѣе подвергаются гніенію, а лѣтомъ—трещинамъ.

2. *Висушка лѣса.* Это важнѣйшая часть приготовленія строеваго лѣса, потому-что всѣ послѣдующіе недостатки, болѣею частію, пропекаются отъ дурной недостаточной его просушки. Для достиженія этой цѣли всего полезнѣе слѣдующее средство. Съ деревьевъ, которыя назначены къ срубкѣ, должно весною сдирать всю кору, начиная снизу до первыхъ сучьевъ и въ такомъ видѣ оставить на все лѣто; слѣдующею же зимою ихъ срубить. Черезъ это, дерево выигрываетъ много плотности и крѣпости. Срубленные деревья оставить съ верхушкою и вѣтвями, которыя втягиваютъ въ себя остающуюся сокъ, и помогаютъ постепенной осушкѣ. Теплота и сквозной вѣтеръ должны довершить ее. Только деревья никогда не должно для осушки класть на голую землю и одно бревно на другое. Всякое прикосновеніе вредитъ осушкѣ. Да и вообще надобно часто перемѣнять положеніе осушиваемыхъ деревьевъ. Всего же лучше, если они могутъ быть поставлены стоймя.

Иные хозяева тотчасъ же сплавляютъ вновь срубленные деревья въ воду, и составляя изъ нихъ гонки, даютъ промывать ихъ проточной водѣ. Это средство очень полезно съ одной стороны, потому-что избавляетъ деревья отъ червей и гніенія, но съ другой уменьшаетъ гибкость и эластичность. И цвѣтъ дерева перемѣняется черезъ это. Сосна и ель дѣлаются темно-желтыми, дубъ почти чернымъ.

3. *Прочность деревь.* Она, болѣею частію, зависитъ отъ породы деревь, а также и смотря по предмету, на который ихъ употребляютъ. Въ водѣ или въ сырой болотистой почвѣ долго выдерживаютъ всѣ почти деревья; наиболѣе держатся дубъ, ольха, вязъ, букъ и лиственница. Перемѣнная же сырость съ сухимъ воздухомъ, скоро развиваетъ гніеніе, а запертой воздухъ, напримѣръ въ погребяхъ, еще сильнѣе, чѣмъ свободный. Въ перемѣнныхъ

температурахъ наиболѣе выдерживаютъ дубъ и вязъ, послѣ нихъ лиственница и ель. Въ сухой же почвѣ годятся и другія породы.

4. *Твердость деревь.* Твердость деревь можетъ быть въ строительной части только относительная, и считается по мѣрѣ тяжести, которую они выдерживаютъ. Это исчисленіе наиболѣе относится только къ балкамъ. Относительно твердость балокъ считается до того вѣсу, который онѣ могутъ выдержать. Минута перелома есть граница этой твердости. Главныя правила этой относительной твердости суть слѣдующія:

1. Четвероугольная балка, при увеличеніи ширины своей вдвое или втрое противъ первоначальной.

2. При увеличившейся вышины вдвое или втрое выдерживаетъ балка тяжесть вчетверо или въ девять кратъ противу первоначальной.

3. При увеличившейся длины балки вдвое или втрое выдерживаетъ она уже въ половину, или третью часть тяжести противу прежней.

Словомъ, твердость балокъ содержится въ прямомъ отношеніи ширины своей, въ квадратномъ отношеніи вышины и въ обратномъ длины.

Вотъ таблица относительной твердости разнаго рода деревь:

Ель	58 пуд.
Сосна	60 —
Бѣлый букъ	63 —
Ольха	73 —
Дубъ	75 —
Букъ	90 —

Леченіе отмороженныхъ частей дерева. Рѣдко морозъ повреждаетъ деревья, когда холодъ зимній начинаетъ постепенно увеличиваться; но когда холодъ наступитъ вдругъ сильный, особенно послѣ теплой осени, то деревья, которыя онъ застанетъ еще въ зелени, непременно пострадаютъ, или вообще, или мѣстами. Здѣсь должно замѣтить, что часть ствола къ корню, находящаяся въ снѣгу, никогда не повреждается отъ мороза. Деревья, помороженные совершенно, надобно обрѣзать до здороваго мѣста; остатокъ ствола дастъ обыкновенно побѣги, изъ которыхъ уже должно выращивать новое дерево. Дабы не имѣть надобности

прививать къ побѣгамъ, должно все вообще деревья прививать какъ можно ниже, почти у самаго корня; тогда каждый побѣгъ, вышедшій немного выше мѣста привоя, будетъ уже облагороженный, и новаго привоя на немъ не понадобится.

Несовершенно позыбшія деревья можно излечивать, надрѣзая кой-гдѣ кору на нихъ, отъ чего дальнѣйшее ея растрескиваніе останавливается. Это дѣйствіе называется корорѣзью.

На молодыхъ, сильныхъ и здоровыхъ деревьяхъ лопается иногда кора и безъ вліянія морозовъ; это происходитъ отъ избытка соковъ, особенно если дерево стоитъ на сыромъ мѣстѣ. Эту болѣзнь излечиваютъ сплошною или мѣстною корорѣзью, что производится слѣдующимъ образомъ: въ сплошной — остремъ садоваго ножа прорѣзаютъ кору дерева отъ самой верхины его и до корня, глубиною на половину или на три четверти коры, проводя разрѣзъ прямою или извилистою линіею. Въ мѣстной корорѣзи прорѣзаютъ кору только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. На разрѣзѣ кора расходится, и тѣмъ предотвращается паспльственное лопаніе ея. Подъ разрѣзомъ образуется обыкновенно новая кора. Корорѣзь можетъ вредить дереву только тогда, когда безъ нужды ее дѣлаютъ.

Если кора на деревѣ становится шершава и мѣстами жестка, то должно дѣлать корорѣзь мѣстною, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кора еще гладка. Это можно дѣлать какъ на стволѣ, такъ и на сучьяхъ.

У нѣкоторыхъ деревь кора дѣлается чешуйчатою, и лопается мѣстами; замѣтно, что природа сама хотѣла бы пособить дереву, но силы его недостаточны для того, чтобы сбросить старую кору свою. Съ того дерева надобно тупою стоговою ножа (т. е. затылкомъ его) или кромкою деревяннаго брусочка соскоблить всю отставшую верхнюю кожу, а весною очистить ее совершенно до самаго луба; тогда дерево покроется на этомъ мѣстѣ совершенно новою, гладкою корою.

О причинахъ худыхъ и хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ на однихъ и тѣхъ же поляхъ. Въ концѣ прошлаго лѣта, знакомый мнѣ помѣщикъ, прїѣхавшій въ свое имѣніе изъ столицы, пригласилъ меня осмотрѣть его поля во-время уборки хлѣба. Земля у него, по мѣстоположенію и качеству, превосходная, но пашни много, а рабочихъ рукъ мало, и потому удобряется навозомъ

каждогодно только ближайшая часть пашни отъ скотнаго двора, въ паровомъ полѣ.

По прибытіи пашемъ, на навозныхъ полосахъ бабы жали рос-
лый и колосистый хлѣбъ серпами; живинокъ оставался густой
и высокой, съ подъѣдомъ зеленой травы, а снопы чистаго хлѣ-
ба, съ длинными колосьями, связывались аккуратно, и имѣли бо-
лѣе аршина въ длину. Такого хлѣба, при насѣ поставили на
десятинь 18 копень, въ нихъ, по умолоту, окажется зерна не
менѣе 15 четвертей. Рядомъ, на яровомъ полѣ, стоялъ пре-
красный овесъ, въ аршинъ вышиною и съ обильнымъ зерномъ;
онъ посѣянъ былъ на тѣхъ полосахъ, которыя въ прошломъ го-
ду заняты были рожью, посѣянною въ пару по навозу. Эта рожь
также была снята серпомъ высоко отъ корня. Далѣе, крестья-
не этого помѣщика косили рожь съ запольныхъ неудобренныхъ
десятинь. Здѣсь представилось намъ горестное зрѣлище: рожь
стояла на корнѣ въ видѣ низкихъ и тонкихъ былиннокъ, кото-
рыя росли очень рѣдко; колосья на ней были тощія и короткіе;
зеренъ въ колосьяхъ было очень мало, и тѣ мелкія. Косцы ко-
сили этотъ хлѣбъ подъ самый корень, но при всемъ снопы, вы-
ходили мохнатые, въ видѣ вязанокъ соломы, и перенушанные.
На десятинь ставилось всего отъ 2 до 5 копень, и умолотъ хлѣ-
ба съ этихъ полосъ, не смотря на благоприятное лѣто, не объ-
щала возврата сѣмянъ. Земля, хорошая по свойству, до того
выпахалась и выкосилась, что между скуднымъ хлѣбомъ на ней
не было видно даже слѣда сорныхъ травъ, и скошенные десятины
являли видъ оголенной и растрескавшейся поверхности, лишен-
ной всякой зеленой растительности, кромѣ тонкихъ и рѣдкихъ
стеблей, оставленныхъ косою по снятіи скуднаго урожая ржи.
Въ яровомъ клинѣ, на запольныхъ же десятинахъ, былъ посѣ-
янъ овесъ, но онъ казался еще хуже ржи: былинки, съ немно-
гими зернышками, едва выросли на пол-аршина, и не обѣщали въ
умолотѣ тоже возвращеніе сѣмянъ, а въ уживѣ конны по 2 на де-
сятинѣ. Этотъ овесъ посѣянъ былъ на оголенной косою землѣ,
послѣ худаго урожая ржи, и разительно отличался отъ овса,
посѣяннаго на пашнѣ послѣ сжатаго серпомъ тучнаго хлѣба.
Таки послѣдствія я замѣчалъ вездѣ, гдѣ поля не удобряются
навозомъ и хлѣбъ снимается съ нихъ косою; я встрѣчалъ это
повсемѣстно въ Рязанской, Тульской и Орловской губерніяхъ,
и, полагаю, то же самое можно найти на всѣхъ поляхъ сре-

дней и сѣверной полость Россіи. Только южныя черноземныя
степи, при благодѣтельныхъ перелогахъ, не оказываютъ еще яв-
наго истощенія при отсутствіи искусственнаго удобренія земли,
и оголеніе поверхности пашни; но и эти тучныя земли могутъ
выпахаться подобно землѣ запольной среднихъ губерній.

— Чтѣ дѣлать мнѣ съ этою землею, которая не даетъ мнѣ ни-
какого дохода? спросилъ меня помѣщикъ, указывая на свои
запольныя запашки. Я думаю засѣвать эти полосы кормовыми
травами: говорятъ, что клеверъ и вика удобряютъ землю, или,
по-крайней-мѣрѣ, затѣняя ее своими широкими листьями, и ска-
шивался въ цвѣту, не такъ истощаютъ пашню, какъ рожь и овесъ.

— Это отчасти правда, отвѣчалъ я помѣщику: но чѣмъ же
будутъ питаться эти растенія до того времени, когда выро-
стутъ на ихъ стебляхъ широкія листья и цвѣтки, и могутъ ли
искусственно засѣяныя кормовыя травы на тощей землѣ возра-
сти и дать болѣе дохода, чѣмъ рожь и овесъ?

Помѣщикъ, подумавъ, согласился съ моими замѣчаніями,
и обратился ко мнѣ съ другимъ вопросомъ:

— Ну, такъ скажите, чтѣ дѣлать мнѣ съ этими полями, и
чѣмъ исправить эту истощившую землю?

— Съ удовольствіемъ предложу вамъ самое простое и вѣрное
средство къ исправленію вашихъ запольныхъ кленевъ: на буду-
щее лѣто не приказывайте ихъ засѣвать ни хлѣбомъ, ни травой;
оставьте эту землю въ залежъ; прикажите пасти на ней и класть
на подпыванье вашъ скотъ, которому теперь оставлены для паст-
бища одни только голые овраги. Отъ этого средства, на зале-
жи образуются превосходныя пастбища, скотъ приобрѣтетъ се-
бѣ кормъ, вы избавитесь отъ бесполезнаго труда и напрасной
работы на бесплодной запольной землѣ; все хозяйство непременно
улучшится, и вы получите тѣ выгоды, что будете имѣть за-
лежъ, т. е. улучшающуюся постепенно землю, съ возвышающеюся
за нее цѣною, запасную новъ, сытый скотъ и исправныхъ ра-
ботниковъ. Сверхъ того, вы будете имѣть хорошіе урожаи на
вашихъ навозныхъ поляхъ; они будутъ во-время и хорошо об-
работаны и съ нихъ благополучно убраны; также вы не буде-
те пахать и засѣвать тощую землю, за недостаткомъ навоза.
Ваше хозяйство пойдетъ разумнымъ путемъ; каждый годъ у
васъ будетъ унавоживаться половина пароваго поля поперебѣн-
но, т. е. каждый годъ будетъ удобряться $\frac{1}{2}$ часть всей вашей

запаски, и каждая полоса земли получить удобрение чрезъ 5 лѣтъ. Это поведетъ къ умноженію урожаявъ и навоза, и имѣніе скоро дойдетъ до того совершенства, когда у васъ будетъ удобряться навозомъ *цѣлое паровое поле*, или $\frac{1}{3}$ часть всѣхъ вашихъ запасекъ. Тогда вы будете имѣть постоянно хорошіе урожаи, и постоянно хорошей доходъ съ имѣнія.

Такое же благодѣтельное послѣдствіе оказалось бы вслѣдъ, отъ подобныхъ измѣненій въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, если бы хозяева оставили невыгодное, во многихъ отношеніяхъ, побужденіе, *сколь невозможно больше распахать и засеять земли*. Несоразмѣрно съ рабочими силами и количествомъ навоза, распаханная земля наноситъ большой вредъ важнѣйшимъ частямъ сельскаго хозяйства; въ такихъ имѣніяхъ и выгоны, и луга, и лѣса, все превращается въ запашку, отчего люди и скотъ нуждаются въ лѣсѣ и подножномъ кормѣ, а сами владѣльцы много теряютъ отъ истощенія своихъ земель, которыя, какъ выше сказано, до того, безъ удобрения, выпашиваются, что и въ благопріятное лѣто едва возвращаются сѣмяна. Между тѣмъ, эти изуревныя земли напрасно обрабатываются; обработка такихъ земель почти столько же стѣнитъ, сколько и обработка хорошей земли; при всемъ томъ, такая худая земля, будучи занята подъ посѣвы, и дѣлаясь годъ отъ года хуже, не вознаграждаетъ совершенно трудовъ хозяина. Съ другой стороны, она, какъ засѣянное хлѣбомъ поле, сберегается отъ поправки, стѣсняясь столь пухлыми въ нашихъ хозяйствахъ настибища, и при такихъ неудобствахъ и лишеніяхъ даетъ самый скудный урожай, неоккупающій и половины той суммы, во что можно оцѣнить ея обработку. Можно ли назвать такое хозяйство разсчитливымъ, въ которомъ обработка десятины земли стѣнитъ 30 руб., а хлѣба и соломы съ той же десятины въ урожаѣ получается всего на 15 рублей?..

Советы матерямъ. Молодыя дѣвушки очень впечатлительны, по причинѣ чрезвычайной пѣжности ихъ органовъ. Впечатлѣнія, принимаемыя ими, имѣютъ такое сильное вліяніе на ихъ характеръ и поведеніе, что только подъ крыломъ матери молодыя дѣвушки безопасны отъ нравственныхъ опасностей.

Молодой дѣвушкѣ суждено жить въ семействѣ и быть хозяй-

кой, а потому только въ домашней семейной жизни можетъ она изучить обязанности, соединенныя съ ея поломъ.

Но такъ какъ многія матери, ввѣряютъ воспитаніе своихъ дочерей содержательницамъ пансіоновъ; такъ какъ есть матери, которыя по слабости здоровья, по свѣтскимъ отношеніямъ, по различнымъ обстоятельствамъ или даже по слабости характера не могутъ сами исполнять священной обязанности, предписанной самой природой, то я считаю долгомъ указать на тѣ выгоды, которыя можетъ доставить пансіонское воспитаніе.

Первая изъ этихъ выгодъ — дисциплина, которой подлежатъ всѣ молодыя дѣвушки хорошаго пансіона. Точное распределеніе времени, уравниваніе труда и развлеченій имѣютъ благодѣтельное вліяніе на нравственность. Однообразіе часовъ, дней и недѣль служитъ успокоительнымъ, смиряющимъ средствомъ пылкихъ, прихотливыхъ наклонностей молодости; однообразіе сглаживаетъ неровности характера.

Дѣтское здоровье укрѣпляется отъ соразмѣрной и нравственной жизни, поэтому общественное воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ преимущество передъ домашнимъ. Благодаря наблюдательности общественнаго воспитанія, ученикъ избавляется отъ привычекъ, которыя могутъ быть часто вредны вполнѣдствіи, какъ то: отъ слабости къ нему родителей и друзей, отъ слишкомъ преувеличенныхъ понеченій, отъ лести, отъ роскоши и словомъ, отъ всего, что имѣетъ сильное вліяніе на нашу нравственную натуру, такъ трудно исправляемую, когда что нибудь въ ней укоренится.

Общественное воспитаніе, разсматриваемое съ другой точки зрѣнія, представляетъ сходство съ знаменитымъ храмомъ истины, о которомъ говоритъ госпожа Жанлисъ въ одной изъ своихъ сказокъ. Непришужденность, искренность и веселость, царствующія между ученицами, не позволяютъ имъ забывать существующіе въ нихъ недостатки обоюдное напоминаніе о смѣшныхъ привычкахъ или порокахъ, служитъ лучшимъ средствомъ для исправленія себя отъ нихъ. Въ домашнемъ воспитаніи, напротивъ, не-мо-

тря на всю прозорливость и внимательность родителей, есть что-то такое, что мѣшаетъ имъ замѣтить всѣ несовершенства дѣтей; болѣею частью, причиною этому бываетъ излишняя пѣжность. Присутствіе воспитательницы помогаетъ иногда этому недостатку; но если молодая дѣвушка уже имѣла время укоренить въ себѣ какія-нибудь дурныя привычки и слабости, то и самыя сильныя мѣры наставницы не вполнѣ будутъ удовлетворительны, и притомъ—всегда ли и всякая ли рѣшится громко и упорно изобличать свою воспитанницу въ тѣхъ смѣшныхъ сторонахъ и привычкахъ, которыя до того было незамѣчены? Далѣе, общественное положеніе, ходъ вещей, обстоятельства и другія обстановки жизни, перѣдко препятствуютъ намъ замѣтить наши недостатки, и такимъ-образомъ мы видимъ, что у многихъ женщинъ странности, причуды и смѣшныя понятія вредятъ самымъ лучшимъ врожденнымъ свойствамъ.

Важнымъ превосходствомъ общественнаго воспитанія должно почтеться *соревнованіе*. Оно зарождаетъ въ душѣ благотворную искру дѣятельности, изгоняетъ лѣность и беззаботность, и заставляетъ ученицу быстро совершенствоваться. Смотри на то добро, которое производитъ соревнованіе, можно сравнить его дѣйствіе и вліяніе съ дѣйствіемъ и вліаніемъ солнечныхъ лучей на плодородіе земли.

Но, между тѣмъ, основываясь на наблюденіяхъ и опытѣ необходимо замѣтить матерямъ семействъ и воспитательницамъ, что этимъ двигателемъ должно дѣйствовать съ большою предусмотрительностію, потому-что, производа благотворныя слѣдствія, если оно хорошо направлено, соревнованіе можетъ иногда служить источникомъ эгоизму, тщеславію и зависти. По этому благородіе требуетъ пользоваться этимъ вспомогательнымъ средствомъ съ большою осторожностію и предусмотрительностію, и тогда оно не будетъ служить средствомъ къ безмысленному, тупому подражанію одной ученицы другой, но станетъ заключать въ себѣ только науку истины и добродѣтели.

Особенно замѣчательно въ общественномъ воспитаніи то сочувствіе, которое является между ученицами, отъ естественнаго безкорытнаго порыва, всечаснаго столкновенія между собою, которое исчезаетъ въ свѣтѣ. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ видѣть двухъ школьныхъ подругъ, которыхъ дружескія сношенія растутъ и крѣпнютъ со временемъ, и которыхъ пріязнь не истребляется никакими жизненными переворотами. Стоитъ только посмотрѣть на маленькіе кружки ученицъ, гдѣ все обще, и радость, и огорченія, гдѣ смѣхъ производитъ общій смѣхъ, одна слеза рождаетъ многія слезы, и гдѣ чистосердечіе и согласіе соединяютъ всѣ души въ одну сочувствующую душу. Молодыя дѣвочки научаются одна отъ другой тому, что составляетъ совершенство какой-нибудь изъ нихъ, избѣгаютъ недостатковъ, замѣчаемыхъ въ другихъ, и черпаютъ въ одномъ источникѣ знаніе, благородіе, здоровье и довольство. Счастливая пора жизни, въ которой едва-едва какія-нибудь облачка затмѣваютъ улыбающіеся блескъ солнца!...

Нужно ли набрасывать тѣнь на такую свѣтлую картину?

Мать, помѣщающая свою дочь въ какое-нибудь общественное заведеніе, безъ сомнѣнія можетъ иногда думать: не упадетъ ли она между воспитанницъ съ дурными наклонностями. Соглашаясь въ томъ, что въ общественныхъ заведеніяхъ могутъ иногда встрѣчаться дѣти испорченныя при первоначальномъ домашнемъ воспитаніи, недоступныя къ ясному познанію истины добродѣтели, мы, съ другой стороны, должны также и успокоить родителей тѣмъ, что зло такого столкновенія уничтожается бдительностію и прозорливостію наставниковъ и наставницъ. Притомъ всякому извѣстна пословица, что *подобный ищетъ подобнаго*, точно также какъ и всякій можетъ понять, что ежеминутныя сношенія *возвышенныхъ и благородныхъ* душъ съ слабыми и неразвитыми, имѣютъ сильное вліяніе на нравственное усовершенствованіе послѣднихъ. Вступивъ въ возрастъ, доступный здравому разсудку и сознанію, дѣвушка, избавленная постояннымъ наблюденіемъ за нею, отъ многихъ

изъ своихъ врожденныхъ дурныхъ наклонностей, должна непременно почувствовать тѣ блага, которыя были доставлены ей заботливостію матери, и питать къ ней еще сильнѣйшее уваженіе и любовь....

ОЛЬГА ПЕТРОВА.

ПОХОЖДЕНІЯ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

Обстоятельства дѣйствуютъ на человѣка также благотворно, какъ на цвѣты весеннее солнце. Съ днями Петру Александровичу стало привольно, какъ рыбкѣ въ половодь; день ему сталъ казаться свѣтлѣе, даже погода, не смотря на свою неизвольную оттепель и слякоть въ такое зимнее время, показалась спосною, и позволяющею смотрѣть и слушать все то, что оставалось для него до-сихъ-поръ новостію.

Первый его выѣздъ былъ въ Академію Художествъ на годичную выставку картинъ. Любопытный взоръ Мошкина не пропустилъ ничего, отъ дверей до самой послѣдней комнаты, гдѣ «Послѣдній день Помпеи» Брюлова, замыкалъ нашъ отрадный художественный міръ. Какъ ребенокъ, приведенный въ блестящій магазинъ, Петръ Александровичъ подходилъ къ каждому архитектурному плану, статуѣ и картинѣ и не могъ оторваться. Онъ прибылъ почти первымъ, а вышелъ послѣднимъ. Мы уже сказали давно, что Петръ Александровичъ былъ человѣкъ любопытный, хотя не знатокъ, но артистъ въ душѣ (въ какой степени—это могла знать только его собственная душа); но все-таки онъ былъ артистъ, и потому исторія нашей живописи была ему довольно известна. Онъ зналъ, что Петръ Великій положилъ первое основаніе классической живописи въ Россіи, а до него всѣ картины писались стилемъ византійской школы, и вса дѣятельность художниковъ ограничивалась писаніемъ иконъ и расписаніемъ церковныхъ стѣнъ. Среди этихъ трудовъ художники писали игоды и портреты, но они ни чѣмъ не различествовали отъ прочихъ ихъ трудовъ—сусальное золото преобладало въ аксессуарахъ; охра и киноварь были почти единственными красками.

Лисенко и Баженовъ, учившіеся за границею, были первыми воспитанниками Академіи и положили первое основаніе русской школы, хотя она и была почти рабскимъ подражаніемъ Лорену и Лагренё. Ученикъ Лисенко, Угрюмовъ, человѣкъ съ первояснымъ талантомъ, утвердилъ это направленіе въ нашей живописи. Учрежденіе Эрмитажа при Императрицѣ Екатеринѣ, картинныя галереи, купельныя, для украшенія его, у сера Роберта Вальюля, графа Шуазеля, графа Брюля и барона Кроза породили множество замѣчательныхъ художниковъ. Явились живописцы: Соколовъ, Ротчевъ, Боровиковскій, Щукинъ, Левинъ, Алексѣевъ, Мартыновъ, Матвѣевъ, С. Щедринъ; скульпторы: Прокофьевъ, Гордѣевъ, Мартосъ, Шубинъ, Ф. Щедринъ, Козловскій, архитекторы: Волковъ, Михайловъ, Захаровъ, Демерцовъ, и вслѣдъ за ними живописцы: Акимовъ, Ивановъ, Шебуевъ, Смуглевичъ, Кречетниковъ, Скотти, Егоровъ, Варнекъ, Воробьевъ, Кипренскій, и другіе. Ореола русской живописи все ярче и шире кидала лучи свои, и приготавливала въ будущемъ новыхъ художниковъ, на которыхъ должно было отразиться ея сіяніе.

Нынешняя выставка обилуетъ истинно прекрасными произведеніями.

Петръ Александровичъ началъ свой обзоръ съ архитектурныхъ плановъ, болшую частію представленныхъ въ Академію для полученія званія художника, любовался воксалами Шауфельберга, Н. Брюлова, ученика профессора А. Брюлова, планами гостиницы Штраля и Макера и перешелъ къ статуямъ.

Бюстъ г. архитектора Монферана, сдѣланный г. Фолетти, ученикомъ профессора Витали, первый остановилъ его вниманіе повизною изобрѣтенія. Бюстъ исполненъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, соответствующаго различнымъ частямъ туловища. Лицо изъ бѣлаго мрамора, платье изъ коричневаго и т. д. Несмотря на изящество отдѣлки и вѣрное сходство съ подлинникомъ, подтверждаемое всѣми, знающими г. Монферана, эта нестрота неприятно поразила глаза Петра Александровича. При-

выкши видѣть всегда бюсты и статуи одноцвѣтными, ему стало пеловко и онъ перешелъ къ другимъ скульптурнымъ произведениямъ, къ *Русалкѣ*, мраморной статуѣ академика Ставассера и *Меланхолин*, мраморной статуѣ академика Кассингера.

Задумчиво сталъ онъ передъ русалкою; передъ нимъ ожили преданія дѣтства, темно и страшно закрадывавшіяся въ молодя понятія, подъ темнымъ покровомъ вечера, среди услужливаго шопота старательной няни....

Впечатлѣніе было сильно; мраморное изваяніе ожило предъ Петромъ Александровичемъ. Русалка сидѣла передъ нимъ, выжимая длинныя свои косы съ холодною улыбкою, сверкающая красотою; но утратившая въ влажной стихіи память о страсти и чувствѣ. Петръ Александровичъ стоялъ и думалъ, и ему невольно пришли на память превосходныя стихи Л. А. Мея, помещенныя въ «Москвитянинѣ». Мы подѣлимся ими съ нашими читателями.

Вотъ они:

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное,
Въ неспокойной лужкѣ озеро дѣсное....
Тучей потемнѣло, брызжетъ мелкой зернью,
Такъ и отликаетъ серебромъ, да чернью.
Вѣтеръ по дубровѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прышетъ....
И на гласъ бури, побросавши прялки
Вынырнули со дна рѣзвыя русалки.
Любо не-крешенымъ въ бурю-непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Любо звонкимъ смѣхомъ съ громомъ ошкаться!
Волны имъ шекочуть плечи наивныя,
Чешуть бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
Огонькомъ подъ пепломъ шеки половѣютъ,
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ.
Шумная ватага стройныхъ хохотушекъ
Рѣветъ надъ водою роетъ лѣтнихъ мушекъ.
Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,
Лишь одна отстала, отплыла въ сторонку...
Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ.

Полными руками прутья нѣвъ разводитъ,
Пританцалась въ листѣхъ на прибрежьи черномъ,
Славно бѣлый асабелъ въ тростникѣхъ озерномъ....
Вотъ ужъ по немногу непогодъ стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду влишкомъ сметаетъ,
Тучи разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ выпсыпали звѣзды;
Мѣсяць двоерогій съ неба голубаго
Засвѣтилъ отломкомъ перстия золотого..
Вдуритъ не подалеку, между пней и кочекъ,
Вспыхнулъ, словно свѣчка, синій огонечекъ,
Змѣйкой потянулся надъ травой высокой,
Свѣтлякомъ запыгалъ подъ густой осокой,
Звѣздочкою взвился къ деревьямъ вѣтвистымъ
И закапалъ съ листьевъ дождикомъ огнистымъ.
Искры, словно кудри, на вѣтеръ бросая,
Онъ передъ русалкой пляшетъ, припѣвая:
«Слушай, водяная, былъ необылица!
Какъ жила на свѣтѣ красная дѣвица;
Красная дѣвица, изъ дѣвицъ царина:
Толь не черноброва, толь не бѣлолица!
Да на грѣхъ та дѣвка съ парнемъ полюбилась,
Съ парнемъ полюбилась, въ прорубь утопилась.»
Вспрыгнула русалка, злится и топочетъ
Изловить блудящій огонечекъ хочеть;
Но проворнѣй зайца огонекъ несется,
Около русалки по тропинкамъ вьется,
Скачетъ, словно бѣлка, съ вѣтки на другую,
Манить за собою, дразнить водяную:
«Слушай, полюби-ка, ты меня, молодка,
Я ли ужъ не парень—для любови находка!
У меня въ болотѣ тина, да трясина,
Спи не просыпайся, что твоя мерина!
Полно, не поймаешь, я тебя проворнѣй
Поплывемъ—ка лучше,—въ озеръ просторнѣй!»
Онъ ужъ надъ водою и дрожитъ и вьется,
А за нимъ русалка бѣшено несется...
И опять по вѣтру искры разсыпая,
Огонечекъ пляшетъ, тихо припѣвая:
«А бывало дѣвка и гулять ходила,
На селѣ, подъ праздникъ хороховъ водила
Ночь на посидѣлкахъ вилоть до утра прятла,
Да своей старухѣ пѣсни напѣвала...
Чай, теперъ получше у тебя есть прятка?..»

Но его не слышитъ болѣе русалка:
Волу разогнала взмахомъ торопливнѣе,
И на дно нырнула съ хохотомъ тоскливымъ.

А творецъ Русалки—Ставассеръ, гдѣ же онъ? Что же толпа не показываетъ на него руками, не рукоплещетъ ему, не вызываетъ на новое произведеніе, полное думы, жизни и великаго творчества?.. подумалъ Петръ Александровичъ и тутъ же узналъ, что Ставассера нѣтъ уже... что рѣзецъ его лежитъ неподвиженъ надъ его далекою могилою, подъ тѣмъ благотворнымъ итальянскимъ небомъ, которое вдохновляло его высокій талантъ....

Мошкинъ взглянулъ на статуу Меланхоличъ Клерсингера. Ея задумчивый взглядъ, устремленный безотчетно въ пространство, ея поза, выраженіе лица, все исполнено было удачно, по мнѣнію Петра Александровича. Только поза ногъ немного пріостановила порывъ полного его удовольствія. Сложенныя ноги Меланхоличъ напомнили ему тѣхъ Турчанокъ, которыя на табачныхъ вывѣскахъ изображаются толкучими въ ступѣ табакъ. Ноги Меланхоличъ слишкомъ поджаты и сложены.

Петръ Александровичъ пошелъ далѣе и остановился передъ картиною академика Рисса «Крещеніе народа Великимъ княземъ Владиміромъ въ Кіевѣ».

Передъ нею стояли нѣсколько человѣкъ, принадлежавшихъ къ торговому русскому классу, толковали и спорили между собою. Мошкинъ сталъ прислушиваться.

— А что, говорили одинъ другому: какъ же это, Карпъ Поликарповичъ, Карамзинъ повѣствуетъ, что крещены были только Варяги и Руссы, а на повѣрку-то выходитъ, что и Малоросіяне въ ихъ числѣ были?... Изволите ли вы видѣть этого молодца съ подбритымъ затылкомъ; такъ у насъ все ходятъ въ Полтавѣ, Черниговѣ и Харьковѣ и теперь....

Мошкинъ молча согласился съ этимъ замѣчаніемъ, добавивъ про себя, что во всѣхъ лицахъ не видно южнаго отпечатка; въ Великомъ Князѣ, просвѣтителѣ Руси, не изображено величественной красоты и поворотилъ въ другіе зады.

Болѣе другихъ картинъ обратили его вниманіе слѣдующія:

Судъ Соломона, почетнаго вольнаго общника Шопена. Двѣ женщины стоятъ предъ судилищемъ мудраго царя; ложная мать

потупила глаза, и со стыдомъ сходить съ своимъ мертвымъ младенцомъ со ступеней трона; другая мать со взоромъ, полнымъ чувства, упала на колѣни и благодарить Соломона.

Петръ Александровичъ припомнилъ что-то знакомое, и наконецъ доискался, что въ деревнѣ у него есть гравюра съ картины Пуссена, изображающая тотъ же предметъ, съ тою только разницею, что въ ней мало есть поражающаго чувства. Ложная мать тамъ показывается жестокою, холодно глядяшею на опрокинутаго младенца, котораго вмигъ готовы убить по первому слову. Истинная мать на колѣняхъ, движеніемъ руки защищаетъ ребенка. У Шопена она съ нѣжностію прижимаетъ его къ груди своей. И тотъ и другой видъ натураленъ, но у Шопена онъ болѣе дѣйствуетъ на душу и умиляется, а у Пуссена приводитъ въ содроганіе и оставляетъ какое-то неприятное чувство.

Вторая картина Шопена «Саулъ и Давидъ» также оказалась знакомою Петру Александровичу по гравюрѣ, сдѣланной съ картины Гро: *Saül calmé par la musique de David*, по картелу Шопена, по сужденію многихъ знатоковъ, собравшихся около Мошкина, превосходила картину Гро глубокою обдуманностію, единствомъ мысли и прекрасною гармоніею въ цѣломъ.

Не менѣе картинъ Шопена поразили пріятно Петра Александровича картины и портреты другаго вольнаго общника академиі, Штейбена, представившаго на вышнюю выставку картину: *Спаситель на Голгофѣ* и портреты гг. Гарфункеля, Кокорева и Мамонтова.

Останавливаясь и любясь по нѣсколько минутъ предъ картинами гг. Тимашевского, выставившаго «Блуднаго сына» замѣчательнаго обдуманностію сюжета, естественностію колорита и тщательнымъ выполненіемъ аксессуаровъ—предъ Товіемъ, пещеляющимъ отца, г. Ксенофонта, и предъ картиною ученика профессора Маркова, Мореншильда—Большой Антіохъ, сынъ Селевка, царя сирійскаго, обратившей на себя всеобщее справедливое вниманіе и осмотрѣвъ картину г. Страшнскаго, Король Лиръ, замѣчательную яркостію колорита и тщательностію отдѣлки, Петръ Александровичъ какъ-то невольно все увлеклся куда-то толпою и очутился предъ двумя портретами—остановился, отодвинулся назадъ и чуть-было не вскрикнулъ.

Предъ нимъ были два портрета академика Заряико. Порт-

реть вице-президента Академіи, графа Ф. П. Толстаго и портретъ г. Хвостова.

Долго долго хотѣлось ему протянуть руки, чтобы удостовѣриться не вставлены ли въ рамы живые люди, не живые ли глаза смотрять на него и невольно заставляютъ своею жизненностію потуплять къ землѣ взоръ? А между тѣмъ это было только простое полотно, одушевленное кистію артиста-пигмаіона. Не имѣя возможности судить о сходствѣ, Петръ Александровичъ смотрѣлъ на нихъ какъ на высокое художественное произведеніе, въ которомъ малѣйшая складка, малѣйшій извивъ волоса запечатлѣнъ истинною и такимъ оптическимъ обманомъ, что такъ бы казалось и расправилъ этотъ волосъ или складку. Предъ нимъ былъ идеалъ поэзіи—въ области живописи. Онъ подошелъ ближе, желая посмотреть, до чего могла простираться тщательность отдѣлки и нашелъ только одинъ широкій размахъ кисти; то, что поражало въ нѣсколькихъ шагахъ, вблизи представляло только массу кое-какъ наброшенныхъ красокъ. Какъ творились такіе превращенія, сколько бы не думалъ Мошкинъ, онъ не могъ бы понять; это тайна художниковъ....

Идя обратно Петръ Александровичъ долго стоялъ предъ картиною ученика профессора Воробьева, г. Чернышева. Она изображала «Отъѣздъ».

Знакомый съ деревенскою жизнію, теплый сердцемъ, не смотря на сѣдые волосы, Петръ Александровичъ разчувствовался и задумался, предъ этою цѣлою повѣстью, полною движенія, жизни и разлуки. Предъ нимъ широко разметалась русская деревня съ барскимъ домомъ и церковью вдали. У крыльца стоитъ уже готовая телега съ парю лихихъ лошадей. Какой-то путникъ занесъ уже ногу на колесо, чтобы сѣсть на перекладныхъ и ѣхать вдаль, но къ нему бросается молодая женщина, и онъ снова сжимаетъ ее на груди своей; недалеко отъ этой группы заливается горькими слезами малютка, которую утѣшаетъ старушка. Несутъ корзину съ дорожными припасами; изъ двери спѣшить человекъ съ бутылкою вина. На право отъ телеги, у флигеля старикъ, въ накинутомъ халатѣ, о чемъ-то говоритъ съ сыномъ, ѣдущимъ съ баринемъ; подалеке стоитъ кормилица съ ребенкомъ и какой-то убогій старикъ, пришедшій посмотреть отъ нечего дѣлать, какъ уѣзжаетъ баринъ. Вся эта картина была дополнена такими аксессуарами, что Мошкину живо предста-

вился собственный его отъѣздъ изъ деревни. Художникъ не забылъ ничего: ни разбитого стекла въ окнѣ флигеля, ни нѣсколько отвалившейся штукатурки на стѣнахъ дома, ни кошки, которая взобравшись на крышу крыльца мяукаетъ и тоже изъясляетъ сожалѣніе, что разстается съ человѣкомъ домашнимъ. А вдали и окрестъ, на эти живыя существа смотритъ наша съверная природа, съ синѣющимъ вдали лѣсомъ, съ небомъ, покрытымъ сѣрными тучками, съ широкими равнинами, съ чернѣющими на нихъ селами....

— Bravo, bravo, прошепталъ Петръ Александровичъ, переходя къ картинѣ г. Рицони: «Жиды мѣнялы».

Въ избѣ сидитъ человекъ и считаетъ серебряныя и мѣдныя деньги, между-тѣмъ какъ другой, съ какою-то плутовскою улыбкою смотритъ на подгуляващаго мужика, старающагося отвернуть плясовое коленцо; за нимъ стоитъ другой мужикъ съ убитой дичью на спинѣ и ждетъ, кажется, своей очереди.

Картина отличалась тщательностію отдѣлки и истинной выразительностію лицъ.

Стеченіе толпы предъ нѣсколькими малепькими акварельными картинками, обратило вниманіе Мошкина. Онъ подошелъ ближе и удивленіе его исчезло. То были эскизы К. П. Брюлова, писанные акварелью.

Подъ однимъ изъ нихъ было написано: *Le Cardinal de Richelieu dansant devant la reine Anne d'Autriche*. Кардиналъ изображенъ въ испанскомъ костюмѣ, съ кастаньетами въ рукахъ; въ одномъ углу играетъ на скрипкѣ музыкантъ, въ другомъ ширмы, за которыми скрылись придворныя дамы и кавалеры.

Другой эскизъ представляетъ поѣздку за-городомъ, на островѣ Мадерѣ. Въ повозкѣ запряженной волами, похожей на наши сани, сидятъ двѣ дамы и два кавалера, другіе два верхомъ. Петръ Александровичъ взглянулъ пристально въ лица и увидалъ что всѣ они были портреты.

Третій и самый лучшій эскизъ, былъ поле сраженія, между Христіанскими рыцарями и Сарацинами.

Поле устѣно трупами.

Кромѣ этихъ эскизовъ Петръ Александровичъ долго еще любовался двумя портретами Брюлова, — Портретомъ Его Императорскаго Высочества Герцога Лейхтенбергскаго и портретомъ

влягини А. А. Баграціонъ. Живость колорита и смѣлость кисти достаточно говорили безъ подписи, что это произведенія Брюлова.

Тутъ Петръ Александровичъ началъ осматривать пейзажи, выставленные многими художниками и началъ съ пейзажемъ Гг. Чернецовыхъ, которые выставили нынѣшній годъ девять картинъ:

Академикъ Григорій Чернецовъ:

1. Храмы Святаго Петра во время благословенія Папы, въ день Святой Пасхи.

2. Мертвое море въ Палестинѣ.

Академикъ Никан. Чернецовъ:

1. Госафатова долина въ Иерусалимѣ.

2. Озеро Неми близъ Рима.

3. Венеція.

4. Александрія, въ Египтѣ.

5. Ефесъ, въ Малой-Азій.

6. Остатки древней церкви, въ Кутаисѣ.

7. Римъ съ Монте-Маріо.

Всѣ они поразили Мошкина своею отчетливостію и исполненіемъ.

Не менѣе пейзажей гг. Чернецовыхъ порадовала Петра Александровича картина г. Лагоріо: «Видъ съ Лисьяго-Носа на Финскомъ берегу». Мошкинъ, при видѣ этой картины невольно вспомнилъ видѣнныя имъ въ Эрмитажѣ картины Рюиздэля, которыя г. Лагоріо, взявъ себѣ за образецъ. Пейзажъ г. Лагоріо занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ на выставкѣ. Пейзажъ г. Ерасси: Сельскій видъ въ окрестностяхъ Выборга, гдѣ добросовѣстно и отчетливо соблюдена вся особенность этой сѣверной природы. Чухвы, представленныя г. Ерасси на первомъ планѣ могли быть узнаны даже и тогда, когда бы кто рѣшился поставить ихъ въ картинѣ, представляющей мѣстность Азій.

Между этими произведеніями мужской кисти, порадовали Мошкина художественные труды нашихъ дамъ, которыя, начавъ давно оспаривать у мужчинъ поле литературное, явились со-стязательницами и на аренѣ живописи. Три женскихъ имени красовались предъ нимъ. Подъ пейзажемъ, замѣчательнымъ вѣжностью колорита, онъ прочиталъ имя г-жи Сухово-Кобылиной;

подъ копіею съ картины Тинторета «Исусъ Христосъ, увѣнчанный терновымъ вѣнкомъ», имя г-жи Александровой и наконецъ, подъ копіею съ картины Академика Нефа, представляющей молодую дѣвушку въ итальянской одеждѣ, имя г-жи Григорьевой.

Такое явленіе порадовало Мошкина, тѣмъ болѣе, что съ каждою выставкою является какое-нибудь новое дарованіе, не принадлежащее исключительно къ классу художниковъ. Изъ этихъ добровольныхъ дашниковъ искусству и его поклонниковъ, особливо обратили вниманіе Петра Александровича двое; двѣ картины почетнаго вольнаго общника Графа А. Н. Мордвинова: «Большой каналъ въ Венеціи» и «Миланскій соборъ при лунномъ освѣщеніи». Вода въ первой картинѣ, казалось, двигалась и струилась, занавѣсы и сторы и паруса на первомъ планѣ колыхались, а Миланъ, окруженный сумерками, такъ и напоминалъ Мошкину стихи Князя Вяземскаго:

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Поэтическая ночь,
Ночь пѣмай, голубая....

Соборъ потонулъ въ туманѣ и только стрѣлки его башенъ озолотились лучами мѣсяца...

«Видъ въ Амальфи» и «видъ въ Неаполѣ» г. академика Воробьева, двѣ картины изъ военной жизни князя Максимова, ученика г. профессора Виллевалде, пейзажъ г. почетнаго вольнаго общника Ф. Ф. Львова, полный единства и дѣйствительности, съ деревьями и травою, наклонившимися отъ порыва вѣтра, котораго сила отразилась на всѣхъ аксессуарахъ картины, доковчили восхищеніе Мошкина и онъ осмотрѣлъ еще слѣдующія замѣчательныя картины выставки:

1. Внутренній караулъ въ Зимнемъ дворцѣ, г. Сверчкова, ученика профессора Виллевалде, прекрасное произведеніе, заслуживающее вниманіе отраженіемъ солнечныхъ лучей, пробивающихся черезъ окна, прекраснымъ колоритомъ и правильностію рисунка.

2. Двѣ картины другаго г. Сверчкова: Рысакъ на бѣгу и «Фаворитъ», рысакъ.

3. Деревенскій праздникъ, г. Шарлеманя.
4. Картины художника Камсенева: Древнюю башню на берегу Волхова; видъ Гельсингфорса; пейзажъ при лунномъ освѣщеніи.
5. Моцартъ и Сальери г. Соколова.
6. Группу собакъ, принадлежащихъ Его Императорскому Высочеству Константину Николаевичу, г. Швабе.
7. Табувъ лошадей, его же.
8. Голову старушки, г. Иванова.
9. Три картины изъ военныхъ сценъ, г. Захарова, ученика профессора Виллевалде.
10. Мальчика удыщаго рыбу, г. Виноградова, ученика профессора Маркова.

11. Крестьянскую дѣвушку г. Мартынова, ученика того жъ профессора, и нѣсколько другихъ картинъ, достойныхъ замѣчанія, и пожалѣвъ, что ему не удалось видѣть произведеній талантливыхъ художниковъ Айвазовскаго и Федотова, хотѣлъ-были удалиться и ѣхать домой, какъ вдругъ какой-то человѣкъ, драпированный лоскуткомъ, похожимъ на плащъ, привлекъ его вниманіе.

Петру Александровичу почудилось, въ первую минуту, что онъ видитъ предъ собою кликушу мужскаго рода: такъ человѣкъ этотъ какъ-то странно размахивалъ руками, испускалъ смѣхъ, похожій на ржаніе, ослабляя ротъ, довольно обширный для произведенія не только ржанія, но и рыканія льва. Сложивъ руки на подобіе зрительной трубки, восторженный этотъ субъектъ такъ страшно двигалъ изъ подлѣя своими бровями, напоминающими Зевса, двгавшаго ими тучи, и дѣлалъ такія особенныя тѣлодвиженія, особливо когда подходили дамы, что Петръ Александровичъ невольно отодвинулся нѣсколько назадъ.

Въ эту минуту его кто-то тихо ударилъ по плечу. Мошкинъ обернулся, за нимъ стоялъ, всюду проникающій какъ свѣтъ, Францъ Францовичъ Космополитскій.

— Что это, Пьеро, ты стоишь какъ окаменѣлый предъ картиной «Волки напали на быка», — неужели тебѣ никогда не удавалось видѣть этого въ натурѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ: — я невольно засмотрѣлся совѣмъ на другое. Меня заинтересовалъ вотъ этотъ джентльменъ.

Францъ Францовичъ взглянулъ по направленію пальца Петра Александровича.

— Я знаю этого физика, отвѣчалъ онъ.

— Кто-же онъ такой?

— Русскій Гелертеръ, онъ изъ *Германіи туманной привезъ учености плоды*, черноватые кудри до плечъ и такую витѣватую рѣчь, которую иногда не поймешь не пообѣдавши, какъ выражается старинное остроуміе. Это человѣкъ, у котораго лохань ума и рѣшето учености. Хочешь я познакомлю тебя съ нимъ? Человѣкъ много читалъ, много видѣлъ, перевозный какъ женщина, и все бредитъ Италією, въ которой когда-то былъ. *Сіе вѣрно* лишь потому, что иногда онъ говоритъ самымъ чистѣйшимъ языкомъ Неаполитанскихъ Лазарони.

— Нѣтъ, спасибо, отвѣчалъ Петръ Александровичъ, всё ваши знакомые до-сихъ-поръ приходились мнѣ какъ-то не по вутру.

— Но этотъ тебѣ придется по-праву; онъ индивидуумъ, мыслящій, не гуляющій, не шатающійся, побывалъ въ мытѣхъ и въ катаньяхъ, прошелъ черезъ воду и огонь и мѣдныя трубы.

— А что же, рѣшилъ наконецъ Мошкинъ: — много видѣлъ, лишняго знать не мѣшаетъ.

— Bravo, bravo, сказалъ Космополитскій; и онъ положилъ къ субъекту.

— *Carissimo*, сказалъ онъ: — вы здѣсь, что вы дѣлаете?

— Жрецедѣйствую, отвѣчалъ субъектъ, встряхнувъ головою такъ, что волосы поднялись у него на головѣ, на подобіе плавательныхъ жабръ ерша. Выпорхнулъ изъ своей куколы и восклицая: — да здравствуетъ творчество! ххх, ххха-съ!

— Ну, какъ въ паходите выставку? спросилъ его Францъ Францовичъ Космополитскій.

— Олимпическою!

— И давно уже здѣсь?

— Часа четыре-съ; вотъ уже цѣлый часъ люблюсь этимъ *ли-косомъ*, воставшимъ на вола.

— Этимъ волкомъ?... что же тутъ особенно замѣчательнаго, Антипъ Ивановичъ? я ничего не вижу.

Антипъ Ивановичъ всплеснулъ руками, вздернулъ плечами и подвѣлъ глаза къ потолку. Потомъ онъ произвелъ маленькое ржаніе, и отвѣчалъ Космополитскому:

— Это отъ того, что вы можетъ-быть вдались въ созерцаніе одной куконы-съ....

— Чтѣ такое кукона? спросилъ у Космополитскаго Петръ Александровичъ, тихоыко.

Францъ Францовичъ не успѣлъ отвѣтить, какъ Антипъ Ивановичъ уже самъ пояснилъ это....

— Это отъ того-съ, отвѣчалъ онъ, что вы пролетѣли, такъ сказать, скотобѣсно надъ одною поверхностью, и не желали выплутъ въ идею-съ, которую изобразилъ здѣсь художникъ.... Хотите ли я вамъ объясню ее-съ?...

— Какъ же, сказалъ Францъ Францовичъ....

— Bravo, bravo, заварировалъ пѣвучимъ голосомъ Антипъ Ивановичъ, тихоыко захлопавъ руками... О, глубина моя, Океанъ-море... я васъ расцалую за это... Вотъ видите ли-съ. Я полагаю, что художникъ символически изобразилъ здѣсь древній міръ. Воля у него ни-что иное какъ Юпитеръ; это тѣмъ болѣе повятно, что онъ принималъ фигуру этого животнаго, когда переплывалъ съ Европою море и влекъ ее въ Азію. И тутъ я вамъ скажу, скрывается глубокій смыслъ... Куда направлялъ Юпитеръ свой путь? въ Азію... Не открывается ли тутъ истина нравственнаго преобладанія Европы надъ Азією... И такъ, я вамъ доложу, воля этотъ, это *анисъ*. О, если я вамъ объясню корень этого слова, вы поймете, что въ немъ нѣтъ ни единого лишняго звука...

Тутъ прошелъ какой-то молодой мужичка, толстенькій, живой какъ ртуть, и Антипъ Ивановичъ, прекративъ свои объясненія обратился къ нему съ возгласомъ:

— О, моя музыкійская гамма, откуда ты?...

— Отъ Колотушкиной...

— Ну, здорова эта очаровательная Колибри... эта лилейнораменная Мавра Кузминична?...

Петру Александровичу было не безизвѣстно, какъ имя, такъ и фамилія той, о которой спрашивалъ Антипъ Ивановичъ, во его сбывало только прилагательное; по всеѣмъ его соображеніямъ: очаровательная Колибри, никакъ не могло идти къ пятидесятилѣтней, косой и незрочной женщинѣ, которая, притомъ задыхалась отъ толстоты, если иногда принимала намѣреніе пройти лишнюю сажень.

— А римская пѣга, Матрена Степановна?... продолжалъ Антипъ Ивановичъ....

И это имя не было не извѣстно Мошкину; такъ называлась племянница Колотушкиной, пережившая давно годы весны и уже нѣсколько лѣтъ считавшая только одни осени, лѣтняя, почти спавшая цѣлый день. Но Петръ Александровичъ скоро увѣрился, что медоточивыя уста Антипа Ивановича, честили такъ именно ему извѣстныхъ дамъ.

Францъ Францовичъ, любившій самъ со всеѣмъ знакомиться и всеѣмъ знакомить съ другими, свелъ Петра Александровича съ Антипомъ Ивановичемъ.

Антипъ Ивановичъ чрезъ нѣсколько минутъ шолъ уже съ Мошкинымъ объ руку, поминутно вмѣшивалъ во все или Италію и Грецію, бредилъ лѣпокудрыми Дианами и лилейнораменными Венерами и тутъ же переименовалъ Петра Александровича въ широту поднебесную. Даже слугу Мошкина, имѣвшаго простые сѣрые глаза, Антипъ Ивановичъ назвалъ ящероглазымъ. Онъ также освѣдомился, зналъ ли слуга Петра Александровича достопримѣчательности Помпей и желая растолковать, что такое Лазарони, легъ на полъ, говоря Трифону, что такъ бы онъ производилъ *far-niente*, когда бы имѣлъ честь быть лазарономъ.

Цѣлое утро Петръ Александровичъ, Францъ Францовичъ и Антипъ Ивановичъ пробыли вмѣстѣ.

Антипъ Ивановичъ наговорилъ пѣвучимъ голосомъ, напоминающимъ пѣсню о казанскомъ сиротѣ, тома съ три отвѣченностей, переходилъ отъ Анда къ Олимпу, сравнивалъ одѣвія Александра Македонскаго съ подвигами Ильи Муромца и утверждалъ, что запахъ чистаго дегтя предпочтаетъ, эссенціи изъ розъ. Онъ просилъ дать ему дегтя, чтобы доказать эту маленькую слабость; но къ сожалѣнію такого аромата въ пассажѣ не оказалось; притомъ же появилась на столѣ пареная рѣпа, любимое яство Петра Александровича.

Антипъ Ивановичъ вооружился вилкою и вскричалъ восторженно:

— О, олимпийская рѣпа, приступаю къ тебѣ жредедѣйствовать. Bacchus!.. soyez nous propice!.. Жредедѣйствуя такимъ обра-

зомъ, Антипъ Ивановичъ производилъ всечасныя возліанія Вакху, восхваляя ежеминутно трезвость и умѣренность спартацевъ, ругая Петра Александровича за его афинскую расточительность и восклицая:

— Широка, хочу ясти и пити!

Потомъ онъ обращался къ Трифону и спрашивалъ:

— Трифонушка, знаешь ли ты, какое это наклоніе, и почему я произношу это такъ, а не иначе?

На что Трифонъ отвѣчалъ ему:

— Мнѣ бы только знать господское платье, да комнату, а тамъ все иное хоть и не нибудь; я отъ этого умѣе не сдѣлаюсь.

Тутъ Антипъ Ивановичъ обратился къ Мошкину:

— Широкая душа, воскликнулъ онъ; позвольте мнѣ положить лобзаніе на ваши ланиты,...

— За что, Антипъ Ивановичъ?

— За что? О, Jupiter! вы не доступны понять меня. За вашего Трифонушку... Трифонушка!

Цалуй меня, цалуй, цалуй,

Въ уста и въ очи и въ ланиты!...

Но Трифонъ отступилъ и оградилъ себя подносомъ; тогда Антипъ Ивановичъ обратился къ Мошкину и началъ его мучить итальянскою поэзіею, не справляясь, доступно-ль были сколько-нибудь Петру Александровичу красоты ея. Антипъ Ивановичъ ушолъ, положивъ на полныя щеки Мошкина полновѣсныя лобзанія и обѣщаясь посѣщать его сколько возможно чаще, чтобы объяснять ему темныя мѣста, неопредѣленныя въ какой бы то ни было области знанія.

Петръ Александровичъ называлъ Антипа Ивановича челоукомъ умнымъ и начитаннымъ, Францъ Францовичъ опредѣлялъ ему собственное свое названіе, а Трифонъ, который слышалъ, что Космополитскій очень часто называлъ Антипа Ивановича, въ разговорахъ, *доктиссима*, рѣшилъ, что онъ никто иной, какъ повомодный какой-нибудь лекаръ и крайне удивлялся: отъ чего бы желалъ у него лечиться Петръ Александровичъ?

Нѣсколько дней Мошкинъ провелъ дома, занимаясь чтеніемъ новой комедіи Григорьева: «Житейская школа», и чтеніемъ послѣдней книжки «Отечественныхъ Записокъ»; по своему объему, она служила ему столикомъ, на который онъ клалъ все, что ни попадалось.

Занятія его были прерваны появленіемъ Трифона.

— Сударь, ономеднишій Нѣмецъ пришелъ.

— Какой ономеднишій Нѣмецъ?

— Да лекаръ, широкая душа.

— Какая широкая душа, повторилъ въ недоумѣніи Петръ Александровичъ; проси, что тамъ за широкая душа?

И въ отворенныя двери влетѣлъ Антипъ Ивановичъ.

— Широка! воскликнулъ онъ сдѣлавъ какое-то странное антраша: бейте въ бубны и восклицайте: эвво! Вострубимъ въ трубы во славу искусства!...

— Что такое? объясните, батюшка.

— Широка! предварительно дайте васъ облобызать за это слово. Вы воскрешаете, безсознательно, древній бытъ, но вы тутъ не много покосоязыничкали. Вы должны были сказать мнѣ: братъ милый, буй-туръ Антипъ! Я вамъ сейчасъ объясню!...

Но Петръ Александровичъ, желая знать только то, отчего ему должно радоваться, не желалъ объясненій. Онъ просто спросилъ Антипа Ивановича поскорѣе объяснитесь.

Оказалось, что восторгъ происходилъ отъ новой бронзовой лошади, поставленной на Аничковомъ мосту; Петръ Александровичъ не зналъ этого и поспѣшилъ посмотреть на новое произведеніе барона Клода.

Упавъ на землю, вожатый едва можетъ сдержать коня, который подвигался почти перпендикулярно на заднихъ ногахъ. Красота позы, отчетливость и соразмѣрность частей бронзовой лошади, были такъ превосходно исполнены, что Мошкинъ долго стоялъ и разсматривалъ всѣ четыре статуи, желая увидать какая изъ нихъ лучше. Но онъ напрасно переносилъ глаза отъ одного угла моста на другой, сравненія сдѣлать было нельзя. Всѣ четыре лошади были превосходны.

— Налюбовались? спросилъ Антипъ Ивановичъ.

— Да таки-такъ себѣ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

- И такъ я васъ повлеку теперь въ другое мѣсто.
 — Въ какое это?
 — А вотъ вы увидите.

Но Петръ Александровичъ отказался отъ всѣхъ предложеній. Онъ поблагодарилъ Антипа Ивановича и сѣвшилъ пробѣжаться по новому мосту, открытому подъ названіемъ Благовѣщенскаго. Широкой чугуною лентою легъ онъ черезъ рѣку, блистая заревомъ фонарей; толпы гуляющихъ обратили его въ настоящій невскій проспектъ. Мошкинъ не могъ надивиться легкости арокъ и вообще красотѣ всей постройки и той пользѣ, которую приносило постоянное сообщеніе жителямъ Васильевского острова. Съ этой минуты они перестали называться островитянами; катера, элботы и ялики вполонину утратили свое неудобное значеніе, отговорки *житьемъ за рѣкой* не стали имѣть ни какого извѣщенія. На обѣ части столицы положенъ этимъ общій уровень. Долго гулялъ Мошкинъ по гранитнымъ тротуарамъ новой постройки, слушая рассказы Антипа Ивановича о другихъ замѣчательныхъ мостахъ Европы и возвратился домой въ сильной настроенности читать, читать и читать.

— Уѣжая въ деревню, сказалъ онъ Антипу Ивановичу, непременно подпишусь на всѣ журналы и хотя подъ старость буду все болѣе и болѣе узнавать того и другаго, а то въ-самомъ-дѣлѣ, за неимѣніемъ книгъ по неволѣ занимаешься зайцами.

— Какъ, широта! вскричалъ Антипъ Ивановичъ, неужели у васъ нѣтъ ни какой библіотеки?

— Кромѣ кое какихъ книгъ, и то по нѣскольکو разъ читанныхъ, рѣшительно нѣтъ, отвѣчалъ Мошкинъ.

— Широта, закройте глаза, вскричалъ Антипъ Ивановичъ.

— Что такое?

— Закройте глаза, широта! прикрикнулъ еще громче Антипъ Ивановичъ.

— Да что это у васъ за фантазія? спросилъ удивленный Петръ Александровичъ.

— Вы увидите, что это требованіе пронетекаетъ изъ источника разума, истины и индивидуальнаго достоинства, отвѣчалъ Антипъ Ивановичъ. Прощу васъ, умоляю.

— Ну, ну, что тамъ такое... заключилъ Мошкинъ, исполняя просьбу.

— Оставайтесь же слѣпцомъ, произнесъ торжественно Антипъ Ивановичъ. Не желающій поглощать знаній, не долженъ смѣряться; но я дарю вамъ зрѣніе. Я самъ займусь съ вами.

— Благодарю, отвѣчалъ Мошкинъ.

— И такъ, мы начнемъ съ древнихъ скандинавскихъ сагъ. Потомъ выишемъ книги Зендавесты, Зороастра и Конфуція, призовокунимъ къ нимъ Санскритскія рукописи. Это будетъ составлять первый отдѣлъ нашихъ занятій. Второй отдѣлъ будетъ историческій, мы приобрѣтемъ рукописи ридныя, все въ поллиникахъ ...

— Но вѣдь существуютъ книги, составленныя по всѣмъ этимъ источникамъ, замѣтилъ скромно Петръ Александровичъ, къ чему же трудъ собирать то, изъ чего уже все собрано?

— Къ тому, чтобы вы имѣли право сказать: я все это знаю по фактамъ. Вы будете объяснять ихъ языкомъ самаго текста...

— Но меня могутъ многіе и не понять, прибавилъ Петръ Александровичъ.

— Тѣмъ лучше, замѣтилъ Антипъ Ивановичъ, это заставитъ читать другихъ.

— Ну, а эти Зендавесты, Зороастры и другіе, на что они?... я бы желалъ лучше имѣть какія нибудь путешествія, сочиненія о земледѣліи и тому подобное, что мнѣ доступно.

Антипъ Ивановичъ поднялъ голову.

— Я не роюсь въ пыли, отвѣчалъ онъ.

— А мнѣ къ сожалѣнію не доступны ваши заоблачныя страны, отвѣчалъ Мошкинъ.

Тутъ подвернулся Францъ Францовичъ.

— О чемъ у васъ толкъ, дѣти мои? вмѣшался онъ.

— Да вотъ толкуемъ себѣ о просвѣщеніи.... Не несчастливое ли мнѣ поучиться, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

Видно мнѣ на роду такъ написано. Такова уже моя судьба.

— Не смѣй роптать на судьбу, Петръ, прервалъ Францъ Францовичъ и вообще на счастье. Скажу тебѣ теперь къ слову, что счастье бываетъ всякому, хоть разъ въ жизни.

ИНОСТРАННАЯ ПОЧТА. Опять воздушный шаръ «Городъ Парижъ.»—Море и вѣтеръ.—Опасность.—Паденіе.—Гг. Дешанъ и Кремьё.—Воспламененіе газа.—Убытокъ въ 15,000 франковъ.—Альбони.—Новая опера Обера и Скриба.—Мадмоазель Дамронъ.—Рокпланъ.—Г-жа Виардо.—Пророкъ.—Г-жа Плункеттъ.—Ронкони.—Маріо.—Рашель.—Люмлей, европейскій импресарио.—*Соннамбула.*—Г-жа Зонтагъ.—Г-жа Угальдъ.—Новая Комедія.—Водевиль.—Дежазё.—Арналь.—Женни Линдъ въ Бостонѣ.—Послѣдній концертъ ея.—Безпорядки.—Отъѣздъ шведскаго солдовья.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ, я описывалъ вамъ веселый полетъ «Города Парижа.»

Теперь снова я буду говорить о немъ; но разсказъ мой далеко не будетъ такъ приятенъ, какъ первый разъ. Вотъ что случилось въ Марсели.

Многочисленная толпа занимала, 18 числа, пространство, съ котораго шаръ г. Годара долженъ былъ подняться на воздухъ. Площадь Прадо равномерно была покрыта любопытными, ожидавшими видѣть отправленіе аэростата. Погода была превосходная, вѣялъ легкій вѣтеръ, и «Городъ Парижъ», величественно качаясь надъ головами зрителей, взлетѣлъ на нѣкоторую высоту; вдругъ вѣтеръ увлекъ его по направленію къ морю, съ такою быстротою, что не-смотря на наставаніе другихъ воздухоплателей, числомъ четырехъ, г. Годаръ пожелалъ спуститься, что къ счастью и удалось ему въ помѣсть г. Пейселя близъ Святой-Мargarиты. Тогда было 4 часа и 5 минутъ. Черезъ нѣсколько времени путешественники рѣшились снова подняться, и спуститься за пригорками Жинета; но шаръ, освобожденный отъ значительнаго количества газа, не-смотря на выброшенный баластъ, не отдѣлялся отъ земли. Было положено, чтобы двое изъ воздухоплателей согласились не участвовать въ общемъ полетѣ, и г-жа Дешанъ съ г. Ложье пожертвовали собою необходимости. Г. Ложье уступилъ свое мѣсто г. Кремьё, который долженъ былъ куда-то ухать, и не могъ присутствовать при новомъ воздухоплатаніи, предположенномъ въ слѣдующее воскресенье.

Освобожденный отъ тяжести, шаръ поднялся медленно, уносилъ Гг. Годара, Дешана и Кремьё; было 5 часовъ. Видѣли, что аэростатъ принялъ прежнее направленіе, и началъ скрывать за пригорками Кассеса. Находясь вблизи морской поверхности, къ которой быстро несъ воздухоплателей вѣтеръ, г. Годаръ приготовился снова спуститься, и сбросилъ длинную веревку, чтобы она, цѣпляясь якоремъ за землю, уменьшила силу и стремленіе полета; въ это же самое время онъ выпустилъ газъ.

Шаръ былъ на высотѣ ста метровъ; вѣтеръ сильно бушевалъ между горъ, и якорь, не находя за что зацѣпиться, только скользилъ по кремнистой почвѣ утесовъ, оставляя за собой огненный слѣдъ искръ. Впрочемъ аэростатъ началъ спускаться, и скользя надъ неровною землею, приводилъ въ такое сотрясеніе лодку, что Гг. Дешанъ и Кремьё должны были, по совѣту Годара, лечь на дно. Онъ одинъ остался лишь стоя, чтобы управлять шаромъ и остановить его. Сильный толчокъ сбросилъ его на землю.

Поднявшіе поспѣшно и думая только объ опасности, которой подвергались его товарищи, Годаръ бѣжалъ за шаромъ, который въ нѣсколько секундъ пролеталъ довольно значительное пространство, и кричалъ, чтобы Дешанъ тянулъ къ себѣ конецъ веревки, находившійся у него въ рукахъ, между тѣмъ какъ Кремьё, показавшій при этомъ удивительное хладнокровіе, готовился обрѣзать веревки, которыми лодка была прикрѣплена къ шару, только что она коснется сколько нибудь земли.

Новый толчокъ выбросилъ Кремьё изъ лодки, но его паденіе не причинило ему никакого значительнаго ушиба. Тогда Дешанъ рѣшился спуститься въ свою очередь, но запутавшись въ веревку, получилъ нѣсколько ранъ въ голову. «Городъ Парижъ» продолжалъ нестись еще нѣсколько времени, и наконецъ упалъ не далеко за Кассесомъ.

Между-тѣмъ Годаръ, безпокоясь объ участи товарищей, продолжалъ бѣжать и достигъ ихъ у одной уединенной хижины, куда они были уже перенесены и окружены попеченіями и пособіями, которыхъ требовало ихъ положеніе. Пострадавъ мѣтѣ прочихъ, Годаръ тотчасъ же отправился въ Кассенъ, чтобы

достать тамъ повозку, и перевезти ушибенныхъ въ Марсель. Поворачивая за одинъ пригорокъ, онъ вдругъ увидалъ сильный свѣтъ, освѣщавшій всю окрестность. Это горѣлъ «Городъ Парижъ».... Неизвѣстно отъ какой причины загорѣлся находившійся въ немъ газъ. Поселане, находившіеся вблизи шара, объявили г. Годару, что аэростатъ его былъ уничтоженъ совершенно, за исключеніемъ верхушки; но что вспышка газа не причинила вреда никому изъ зрителей, любовавшихся пламенемъ этимъ какъ потѣшнымъ огнемъ.

Таковъ былъ конецъ этого вознесенія, на которое жители Марсея сбѣгались какъ на праздникъ.

Въ тотъ же вечеръ путешественники возвратились въ городъ. Шаръ цѣнитъ въ 15,000 тысячъ франковъ, что составляетъ значительный ущербъ для Годара. Чтобы вознаграить его за потерю, во многихъ округахъ города открыта подписка, въ пользу погорѣвшаго воздухоплавателя.

Альбони уѣхала въ Мадридъ, но великая пѣвица не совѣтъ погибла для Оперы. Она весной снова возвратится въ Парижъ, чтобы играть главную роль въ партитурѣ, которую Оберъ обѣщался написать для нея. Извѣстно, что въ Оперѣ теперь играютъ *Блуднаго Сына*, котораго музыка написана Оберомъ, а слова Скрибомъ. Дѣвица Дамронъ исполняетъ одну изъ главныхъ женскихъ ролей, и композиторъ въ восторгѣ отъ искусства, съ которымъ эта молодая артистка исполняетъ свое амбуа; но такъ какъ срокъ контракта г-жи Дамронъ истекаетъ, то Рокпланъ, искусный и остроумный директоръ Операго-театра имѣлъ съ Оберомъ слѣдующій разговоръ:

— Безъ всякаго сомнѣнія, любезный маэстро, дѣвица Дамронъ превосходитъ, но я не законтраговалъ ее снова.

— Почему же, любезный директоръ?.. отвѣчалъ Оберъ: она играетъ отлично.

— Ни слова противъ этого, но я ее не законтраговалъ.

— Вотъ странно! Ктѣ же будетъ пѣть и исполнять ея роль?

— Вы знаете, что въ этомъ случаѣ директоръ Оперы не слишкомъ затрудняется.

— Перестаньте, вы шутите; вы ее пригласите.

— Ничуть; я имѣю на то свои причины.

— Можно ли узнать ихъ?

— Это моя тайна!.. впрочемъ есть еще возможность.

— Возможность? Какая?.. спросилъ Оберъ съ истинно юношескою живостію.

— Очень простая; обѣщайте мнѣ написать партитуру для Альбони.

— Вотъ тебѣ разъ! а я обѣщала, что *Блудный Сынъ* будетъ моимъ послѣднимъ произведеніемъ.

— О! этому я не хочу вѣрить. И такъ это условлено, не правдали ли?

— Если вы этого уже неизмѣнно желаете... отвѣчалъ Оберъ.

— Вотъ новый контрактъ дѣвицы Дамронъ; потрудитесь, любезный маэстро, сами поднести ей его для подписи, потому-что она только вамъ обязана своимъ новымъ контрактомъ въ Оперѣ.

И такъ, дѣвицѣ Дамронъ мы единственно обязаны новымъ произведеніемъ Обера, написаннымъ для Альбони.

Госпожа Виардо выступила на сцену въ роль Фиды, въ Оперѣ Пророкъ, которую она создала превосходно.

Опера возобновила также граціозный балетъ «Питомца Фей», въ которомъ отличаетъ дѣвица Плункеттъ. Она не принадлежитъ къ числу первокласныхъ танцовщицъ; но обладаетъ такимъ достоинствомъ, которое всегда выше самаго таланта— это чрезвычайная грація, которая прекраснѣе самой красоты, по словамъ Ла-Фонтена.

Дирекція Оперы занята также, въ это время, постановкою *Сафо*, оперы въ двухъ актахъ и трехъ картинахъ, слова Емиля Ожье, а также новаго балета, сочиненіе Сен-Леона, музыка Бенуа, подъ названіемъ *Пакеретта*, назначеннаго для новой славы очаровательной Черито.

Рокпланъ, какъ искусный и дальновидный директоръ, не забылъ ангажировать Ронкони и Марию.

Рашель начала представленія въ театрѣ Французской Комедіи, ролью Камиллы въ *Горациахъ*. Знаменитая трагическая актриса была приветствуема единодушными рукоплесканіями. Пѣтъ

сомнѣнія, *что этотъ пріемъ никакъ не могъ сравниться съ тѣми извѣщеніями восторга, который въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ расточали ей жители Германіи; но Рашель артистка умная и смѣтливая. Она постигла всю цѣну чистосердечнаго и искренняго энтузіазма своихъ согражданъ, который не охлаждался ни разу въ продолженіе десяти лѣтъ. Рашель была превосходна въ роли Камиллы. Въ первыхъ трехъ актахъ она была тиха, вѣжна, задумчива, и только въ четвертомъ актѣ римскій характеръ является во всей своей энергіи. Въ четвертомъ актѣ она неподражаема въ трехъ сценахъ: сперва, когда она молча слушаетъ разсказъ Валерія, передающаго ей вѣсть о смерти Куріанія, ея возлюбленнаго; монологъ, который слѣдуетъ за этимъ разсказомъ, запечатлѣнъ самымъ грознымъ отчаяніемъ; наконецъ, послѣдняя сцена, гдѣ она разражается въ проклятіяхъ, потрясла всѣхъ зрителей.

Вообще, Парижъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣ драматическіе знаменитости. Италіанскій театръ открытъ подъ дирекцію Ломея, котораго можно назвать европейскимъ импрессарио. Опытный человѣкъ и смѣлый спекуляторъ, Ломей пожелалъ содержать въ одно и тоже время и Королевскій театръ въ Лондонѣ, и италіанскій театръ въ Парижѣ. Онъ настоящій *джегльменъ*, дѣлающій все съ роскошью и пзачествомъ, и благодаря своему двойному вліанію, онъ имѣетъ подъ рукою всѣ музыкальныя знаменитости Европы.

Открытіе Италіанскаго-театра началось «Дѣвницею лунатикомъ» *Sonnambula*, превосходнымъ, меланхолическимъ произведеніемъ Беллини. Зонтагъ исполнила роль Амینی съ невыразимою прелестію. Голосъ ея, попрежнему сохраняетъ свою чистоту, гибкость и мелодію; по своей методѣ и стилю она принадлежитъ къ школѣ Россини, которой самую лучшую представительницею служитъ Альбони. Зонтагъ была превосходна въ своей роли.

Въ Комической Оперѣ выступила снова г-жа Угальдъ въ *Торреадорѣ*, гдѣ она разливается настоящимъ соловьемъ.... не вогнѣвъ Женни Линдъ.

Въ театрѣ Гимназіи давали недавно новую маленькую комедію, безъ претензіи. Комедія эта, подъ названіемъ «*Маленькія средства*» сочинена Густавомъ Лемуаномъ, Лабишомъ и Курелемъ. Это новая глава изъ женской политики.

Баяръ и Диумануаръ поставили на сцену водевиль изъ пѣсни Беранже:

Ma grand' mère, un jour à sa fête
De vin pur ayant bu deux doigts....

Они назвали этотъ водевиль *la douairière de Brionne*. Роль старухи играла Дежазё. Она, какъ и Арпаль, вѣчно молода, вѣчно жива и полна энергіи. Водевиль много выигралъ отъ игры обоихъ артистовъ.

Weekly-Herald, Вѣстникъ Соединенныхъ-Штатовъ и другіе журналы Нью-Йорка, Бостона, и Провиденція продолжаютъ вѣщать, что наконецъ-таки *Линдоманіе* чуть-чуть было не прекратилась точь въ точь, какъ тѣ увеселенія, въ которыхъ дѣти начинаютъ ломать тѣ игрушки, отъ которыхъ прежде были въ восторгѣ.

Женни Линдъ, или лучше сказать ея директоръ Барнумъ, не находя въ Бостонѣ театральной залы, довольно обширной, нанялъ депо вагоновъ и локомотивовъ, на станціи Фитсбургской желѣзной дороги; зала была огромная; но съ аукціоннаго торгу было продано столько билетовъ, что зданіе не могло вмѣстить всѣхъ слушателей. Въ минуту открытія залы толпа бросилась съ яростію морской волны; окна брали приступомъ. Невозможно представить себѣ отчаянныхъ воплей дамъ, которыя то и дѣло подвергались опасности быть задушенными и раздавленными. Но это еще не все. Мѣста и скамьи были всѣ переломаны, и такъ какъ онѣ не были нумерованы, то случилось, что тѣ, которые заплатили за свои мѣста одинъ или два доллара, стояли впереди тѣхъ, которые заплатили за билеты въ десять разъ болѣе, и за то въ продолженіе цѣлаго концерта не могли ничего ни слышать, ни видѣть. Въ заключеніе такой неожиданности случилась еще слѣдующая мистификація: посѣтителямъ продавали програму концерта, въ которой не была напечатана ни одна изъ пѣсней, которыя пѣлись и игрались; но за то афиши были наполнены подробными біографическими извѣстіями о шведскомъ соловьѣ, а также и біографіи всѣхъ артистовъ,

участвовавшихъ въ этомъ концертѣ, и кончались громкими похвалами таланту *импрессаріо*.

Чтеніе этихъ афишъ было недостаточнымъ вознагражденіемъ, и неудовольствіе посѣтителей начало обнаруживаться не однимъ хохотомъ, а бѣшенными криками. Могла произойти кровавая драма, когда Лодеръ, одинъ изъ начальниковъ оркестра, вышелъ впередъ, и давъ знать, что хочетъ говорить, началъ:

— Миссъ Линдъ проситъ господъ недовольныхъ удалиться: она лично беретъ на себя отвѣтственность возвратить всѣмъ деньги....

Нѣкоторые удалились, прочіе остались, составляя сплошную массу, и въ полнмъ смыслѣ возвышаясь одинъ на другомъ.

Аминъ-Бей, полномочный турецкій посолъ, находился съ двумя молодыми секретарями въ первомъ ряду. Шумъ и вопли, казались, очень удивляли ихъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, они не могли понять крика, объяснявшаго, что зала не слишкомъ прочна и что одна изъ стѣпъ начинаетъ уже обрушиваться.

Барнумъ лично успокоилъ волновавшихся.

Наконецъ показалась Женни Линдъ, и начала концертъ американскимъ гимномъ, который начинается такъ:

I know that my redeemer lives; т. е.

Я знаю, что мой искупитель живъ.

Несмотря на видимое душевное волненіе, она пропѣла эту піесу и послѣдующія такъ блистательно и отчетливо, что ее заглушили рукоплесканіями, а тѣ, которые были давимы въ послѣднихъ рядахъ и находились внѣ залы, продолжали кричать неистово:

— Долой, Барнума, долой спекулятора, прочь торговцовъ билетами!..

Въ то время, когда Женни Линдъ садилась въ карету, чтобы ѣхать въ гостиницу *Revere*, ей вопили со всѣхъ сторонъ:

— Отдайте намъ наши билеты, возвратите намъ по настоящей цѣнѣ, которую мы заплатили.

Привыкшая къ новымъ крикамъ, прекрасная пѣвица возвратилась домой въ сильномъ огорченіи, и на другой же день, въ два часа съ половиною по-полудни, уѣхала въ сопровожденіи своего двоюроднаго брата, замѣняющаго у нее должность домашняго секретаря, и гг. Бенедикта и Белетти, двухъ артистовъ, путешествующихъ съ нею, по желѣзной дорогѣ, которая ведетъ въ Нью-Гавенъ. Она должна была соединиться съ Барнумомъ въ одномъ окрестномъ сельскомъ домѣ, и вмѣстѣ ѣхать въ Филадельфію, гдѣ Женни Линдъ должна давать концертъ.

Кассиръ Барнума оставался цѣлое утро въ Фитебургѣ, чтобы возвращать деньги тѣмъ, которые, получивъ билеты, не могли слышать концерта.

Барнумъ объявилъ во всѣхъ газетахъ, что беспорядки, отъ которыхъ онъ страдаетъ болѣе всѣхъ, совершенно произошли не оттого, что зала была слишкомъ мала; она могла бы вмѣстить еще тысячу человекъ, если бы распоряженія его не были уничтожены нѣкоторыми лицами, которые, забывъ законы умѣренности, причинили въ залѣ шумъ и волненіе. Впрочемъ, прибавляетъ Барнумъ, такихъ злонамѣренныхъ людей было не болѣе двадцати человекъ.

Телеграфическая депеша извѣщала въ это же время, что по-этому случаю между нимъ и его пансіонеркою возникло неудовольствіе. Неизвѣстно, справедливо ли это, только до-сихъ-поръ между шведскимъ соловьемъ и импрессаріо царствуетъ совершенное согласіе.

Въ тѣхъ же самыхъ журналахъ извѣщаютъ Барнума, что, кроме шести тысячъ билетовъ, розданныхъ имъ самимъ, одинъ изъ его агентовъ Пербамъ, продалъ еще три или четыре тысячи, въ самыхъ богатыхъ домахъ въ окрестностяхъ Нью-Йорка.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Есть люди, у которыхъ очень странно устроены умъ. Эти люди дѣйствуютъ и говорятъ очень просто, обыкновенно; но заставьте ихъ написать нѣсколько строкъ, и увидите, какая выйдет чепуха.

Вотъ нѣсколько примѣровъ.

* * *

Отрывокъ изъ письма:

О сколько извѣстна судьба моя, которая столь жестокииъ и мучимымъ несчастіемъ гонима, влекетъ жизнь мою, въ примѣръ тотъ, который я долженъ вамъ во всякое время открыть, и замѣтивъ оный въ точности, такъ какъ листъ на деревѣ начинаетъ желтѣть, и упадетъ со своего укрѣпленія, то я въ семь бѣломъ свѣтѣ, самъ не знаю какъ исправлю свое обстоятельство...

Изъ переводной повѣсти:

По приѣзду утренней почты, мистеръ К. бросился въ гостиницу, находящагося по сосѣдству съ домомъ, имъ продаваемымъ. Онъ принялъ газету *Таймс* и схватилъ оную, какъ скоро почталіонъ ее доставилъ. Онъ сорвалъ обертку, быстро побѣжалъ глазами по объявленіямъ и сказавъ, что онъ возвратится чрезъ одну минуту, побѣжалъ въ лавку, держа въ рукахъ газету. Она наполнена была покупателями, и т. д.

* * *

Изъ оригинальной повѣсти:

На другой день балъ.

О балъ, балъ, балъ! и зачѣмъ мы идемъ въ этотъ храмъ благообразныхъ сатурналіи, гдѣ находятяся грѣхи какъ черви; гдѣ ложь—душа и тѣло; гдѣ вздохъ окованъ приличіемъ; гдѣ тоска о будущемъ овладѣла всеми богатствами радости: улыбкой, свѣтлымъ взоромъ, ласкою.... и бросаетъ ихъ повсюду, какъ мотъ золото.... А посмотрите, какъ испаряется жизнь въ этихъ цвѣтахъ; вотъ кашляетъ 15 лѣтняя старуха; съ пяти лѣтъ станъ ея въ оковахъ. Какъ плодоносное дерево, котораго корень стѣсненъ въ небольшомъ горшкѣ, необразовавшееся еще, дало довременные плоды; такъ она въ 12 лѣтъ испытала уже все страданіе, пролила всѣ слезы!

Чудо какъ хороша Зинаида на балѣ! Это просто Флора, Аглая, всѣ Музы, всѣ Граціи, всѣ нимфы вдругъ, подъ видомъ одной Сильфиды.... Это настоящая балная дѣвушка!...

Лвы, Осагры и Актеоны, видѣнные на гуляньѣ, и множество другихъ, напередъ ужъ разобралъ всѣ кадрили, и поочередно танцовали съ Зинаидой—это суматоха, это толкотня, и все вокругъ нея! Женихъ сунулся туда же; хотѣлъ пуститься съ Зинаидой въ плясъ, да опоздалъ, и т. д.

* * *

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1823 года, я нашелъ слѣдующее объявленіе о продолженіи изданія другихъ журналовъ на 1824 годъ:

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

«Съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ извѣстить нашихъ читателей о многихъ отечественныхъ изданіяхъ: вотъ, по мнѣнію нашему, истинное богатство словесности, вотъ вѣрный признакъ распространенія просвѣщенія.»

Удивительно, какъ измѣнился русскій журнальный языкъ въ теченіи двадцати-семи лѣтъ!

Одинъ весьма любознательный чѣловѣкъ занимается сортировкой собственно русскихъ и иностранныхъ словъ, вкравшихся мало-по-малу въ русскій языкъ и сдѣлавшихся его достояніемъ.

Онъ обѣщалъ мнѣ сообщить результатъ своихъ разысканій. На первый случай онъ сообщилъ только слѣдующее: разбирая одинъ карманный словарь, онъ нашелъ, что подъ буквой А изъ 175 словъ,—34 русскихихъ, и 141 слово иностранное.

Впрочемъ и между 34 словами есть много такихъ, которыя могутъ быть названы русскими только по давности вторженія ихъ въ нашъ родной языкъ. Самые же коренныя русскія слова, по мнѣнію любознательнаго чѣловѣка, въ этомъ карманномъ словарѣ, подъ буквой А, только слѣдующія:

Авось—Аладья—Алиность.

Аляповатый—Амбарь (?)—Армякъ.

Арте ль (?)—Аршинъ (?)—Ась?

Ау!—Аханье—Ахти!

Различные виды слова *братъ*.

Братъ—братся.

Вбирать—выбирать—выбраться.

Добрать—добраться.

Забрать—забраться.

Набрать—набраться.

Отобрать.

Побрать—перобрать—пробрать—перобраться, —
пробраться.

Разобрать—разобраться.

Собрать—собраться.

Убрать—убраться.

— Кто не можетъ *одинъ* поднять камня, ступай мимо, и не берись.

Молодой чѣловѣкъ засталъ свою возлюбленную въ бесѣдѣ со своимъ соперникомъ, и по уходѣ послѣдняго сталъ упрекать невѣрную.

— Ваши обвиненія несправедливы; я невинна!... смѣю отвѣчала возлюбленная.

— Какое безстыдство! вскричалъ молодой чѣловѣкъ съ негодованіемъ: вы отпираетесь, хотя я самъ своими глазами видѣлъ, что онъ былъ здѣсь!...

— Подите, теперь я ясно вижу, что вы меня не любите, потому-что вѣрите своимъ глазамъ больше, нежели моимъ словамъ!...

Нѣкоторые ученые точно спаржа: головка хороша, а прочее жестко, безвкусно.

Одинъ плохой актеръ находился однажды въ обществѣ и заспорилъ о чемъ-то съ однимъ изъ гостей.

Такъ какъ актеръ былъ не только глупъ, но и грубъ, то разговаривавшій съ нимъ не захотѣлъ продолжать спора, превращавшагося въ брань, и отошелъ.

Нѣсколько минутъ спустя, слуга подходитъ къ актеру и говорить, что его кто-то спрашиваетъ въ прихожей.

Актеръ выходитъ, и видитъ въ прихожей господина, съ которымъ онъ только что спорилъ.

— Что вамъ угодно, милостивый государь? спрашиваетъ онъ.

— Ничего; я хотѣлъ только доставить вамъ удовольствіе сказать въ обществѣ, что васъ *вызвали*.

Въ Парижѣ, на концѣ бульвара Бомарше, есть мѣсто, отвѣдное для извозничьихъ каретъ, которыя стоятъ тамъ цугомъ; лошади такъ приучены, что лишь только первая карета отъѣдетъ, лошади второй сами идутъ впередъ и занимаютъ мѣсто уѣхавшихъ.

Въ одно зимнее утро первая карета уѣхала въ то самое время, какъ лошади второй ципали лежавшее между ними сѣно.

Бѣдные животныя печально посмотрѣли впередъ, потомъ на сѣно, колебались съ минуту, но наконецъ, вѣрныя обязанности или привычкѣ, печально двинулись впередъ.

Нѣсколько прохожихъ, пораженныхъ этою сценою, остановились. Всѣ смѣялись. Только одинъ, просто одѣтый, съ ленточкой Почетнаго-Легиона въ петличкѣ, человекъ лѣтъ пятидесяти, выступилъ впередъ, тщательно собравъ обѣими руками сѣно, и перенесъ его къ лошадямъ, двинувшимся впередъ.

— Этотъ господинъ долженъ быть добрый человекъ, сказалъ одинъ изъ прохожихъ.

— Еще бы! отвѣчалъ другой.

— Вы его знаете?

— Какъ же! Это писатель: Шарль Нодье.

Въ судѣ парижской неправительной полиціи происходила недавно очень забавная сцена.

Какой-то извозчикъ-меломанъ принесъ жалобу на какого-то Ламарра, похитившаго у него гармонику.

Президентъ суда. Расскажите, какъ было дѣло.

Извозчикъ. Надобно вамъ доложить, что я былъ всегда большой любитель музыки. Случилось такъ, что я купилъ на одномъ аукціонѣ гармонику; гармоника тоже очень пріятный инструментъ, а такъ какъ я нѣкогда игралъ на тромбонѣ, то и думаю: для того, кто игралъ на тромбонѣ—гармоника пустяки! Советѣмъ другое человекъ, непрактиковавшійся ни на какомъ инструментѣ... вотъ, знаете....

Президентъ. Всѣ эти подробности излишни; къ дѣлу.

Извозчикъ. Вотъ, знаете, сошлись мы съ Крепінѣ. Крепінѣ тоже извозчикъ, только съ другой биржи. Такъ какъ Крепінѣ очень любить музыку, то и предложилъ мнѣ закусить съ нимъ.— Пожалуй, говорю, отчего не закусить. Вотъ мы и видимъ вывѣску, на которой написано: «Можно получать во всякое время телатину, молочныя, личныя, сырныя и другія спадобья....»

Президентъ. Къ дѣлу, къ дѣлу! Всѣ эти подробности утомительны.

Извозчикъ. Вотъ мы и зашли. Позакусили. За десертомъ я досталъ свою гармонику, которая всегда при мнѣ, и заигралъ *арію Нормы* изъ оперы... изъ *Севильскаго-цырюльщика*, кажется. Вдругъ этотъ господинъ, который сидитъ тамъ, на скамьѣ обвиненныхъ, входитъ и велитъ подать себѣ рюмку водки. Потомъ сѣлъ и сталъ слушать меня.

— Хорошо, сказалъ онъ, да не советѣмъ. Дайте-ка, я съиграю.

Я подалъ ему гармонику. Онъ поправился, да какъ заиграетъ! Ну, печого сказать! Хотя онъ меня и надулъ, и обокралъ, а все-таки я долженъ признаться, что онъ игралъ какъ соловей! Самъ Паганини лучше бы не сыгралъ, да и Рубини бы спасовалъ, хотя нельзя не признаться, что у Рубини отлич-

ный голосъ. Онъ съигралъ намъ вальсъ *Жизели*, тоже, кажется, изъ *Севильскаго-цырольника*.

Президентъ. Да скоро ли вы объясните, какъ онъ васъ обманулъ?

Извозчикъ. А вотъ сейчасъ. Поигралъ онъ, да и говорить:

— Этотъ инструментъ не дурень, но надобно его починить. Я въ этомъ толкъ знаю.

— Еще бы не знать! подумалъ я. Въдъ не даромъ же онъ такъ искусно игралъ.

— Если хотите, прибавилъ онъ: я почию вамъ его, и дорожку не возьму.

Я и отдалъ, да съ-тѣхъ-поръ и не видалъ своего инструмента. Это меня крайне огорчаетъ; потому что съ-тѣхъ-поръ, какъ у меня вѣтъ гармоники, я почти разучился играть на ней. Я увѣренъ, что теперь не съиграю даже: *Злато мечтаные пустое*, тоже, кажется, изъ *Севильскаго-цырольника*....

Такъ какъ на Ламарра жалуются не впервые, то судъ приговорилъ его къ заключенію въ исправительный домъ на два года.

Было время когда поэзія занимала всѣхъ; то было время изобиловавшее поэтическими талантами. Пушкинъ, Жуковскій, Дельвигъ, Баратынскій, Плетневъ, Подолнскій, Туманскій, Ознобишинъ, Ротчевъ и другіе, составили одну общую поэтическую семью и часто, собравшись, сочиняли что нибудь. Не многимъ, можетъ-быть, извѣстна исторія превосходной пьесы Пушкина: *Въ чужбинѣ свято наблюдаю*. Мы расскажем ее нашимъ читателямъ.

— Это было въ Одессѣ.

... Въ Одессѣ пыльной
Гдѣ долго ясны небеса,
Гдѣ торопливо торгъ обильный
Свои подьземлетъ паруса.

Насталъ день Благовѣщенья, когда выпускаютъ птицъ,—обычай, неизвѣстно когда установленный. Пушкинъ встрѣтился съ Туманскимъ; оба они не были ни чѣмъ заняты.

*Сей былъ задумчивъ, тотъ угрюмъ,
Сердце людей ужъ знали оба....*

Отъ печего-дѣлать они задали себѣ тему и начали писать.

Пушкинъ написалъ:

Въ чужбинѣ свято наблюдаю,
Родной обычай старины,
На волю пичку выпускаю,
Въ день свѣтлый праздника весны.
Я сталъ доступенъ утѣшенью;
За что на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью,
Я могъ *отраду* даровать?

Туманскій, вдохновленный вызовомъ, отвѣтствовалъ:

Я нынче отворилъ темницу,
Крылатой узницы моей.
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей....
Она взвилася утопая,
Въ сѣнь голубаго дня,
И такъ зашла улетая,
Какъ бы молилась за меня....

Какъ кто пойдетъ, но только Пушкинъ, никогда не страдавшій самолюбіемъ въ дѣлѣ творчества, отдалъ преимущество Туманскому. Мы приводимъ этотъ примѣръ для того, чтобы показать, что при каждой бесѣдѣ рѣчь шла о поэзіи и, въ пріятельскомъ кругу, между разговорами о разныхъ мелочахъ, вдругъ задавалась какая-нибудь поэтическая тема, варіировалась и что выходило лучшимъ, то печаталось. Такимъ-образомъ являлось множество прекрасныхъ стихотвореній.

Однажды, собралось много первоклассныхъ поэтовъ; разговоры кончились, все было перетолковано, все рѣшено; рѣчи низались какъ жемчугъ и рифмы лились

Дружныя какъ волны....

Вдругъ одинъ изъ присутствующихъ вздумалъ предложить, чтобы всякій написалъ какую-нибудь стихотворную галimatію. Сказано, сдѣлано.

Одинъ, (не называемъ никого по имени) написалъ:

Отъ чего у лошадей,
Не растутъ во рту лимоны?...
— Отъ того, что у Дидовы,
Было взято пять рублей.
На помаду для сельдей.

Другой:

Тамъ, подъ выѣзскою гуся,
Въ макаронномъ чапракѣ,
Пляшетъ бурная Маруся,
Съ гололедицей въ рукѣ.

Третій:

На кухнѣ розоваго свойства,
Среди картофельныхъ зыбей,
За десять дюжинъ безпокойства,
Я искушалъ моихъ дѣтей.

Четвертый написалъ, многимъ и многимъ извѣстные стихи:

При свѣтлой мрачности сверкающихъ ночей
Я вижу черный блескъ отъ солнечныхъ лучей... и т. д.

Тогда такіе стихи писались для шутки, сознательно, отличались игривостію фантазіи, юморомъ и никого не могли привести въ недоумѣніе; пинче совѣмъ напротивъ.

Недавно мы имѣли пріятность получить слѣдующее письмо, адресованное въ редакцію:

«Милостивый государь!

«Всякому, обладающему какимъ-нибудь талантомъ, скрывать его отнюдь не должно. Онъ дѣлается виновнымъ противъ соотечественниковъ. Чувствуя въ себѣ сознаніе поэзіи и пламень, пожирающій все мое существованіе, я хотѣлъ-было излѣть давно мои звуки современникамъ, но колебался во мнѣніи. Приоттите дарованіе, которое, вѣрете Богу, вспыхнетъ пожаромъ сильнымъ, мировымъ, Байроповскимъ, Лермантовскимъ, ***; ***; ***; какимъ хотите. Если вы не помѣтите моихъ стиховъ, то — пораженный отчаяніемъ, я ихъ отдамъ.... самъ не знаю куда! но тогда вамъ — да будетъ стыдно!... Цѣна за строчку какъ вамъ угодно, — вдохновеніе не продается. — Адресъ : (слѣдуетъ подробный адресъ). Прошу подъ первымъ стихотвореніемъ подписать, изъ скромности: сто первый русскій поэтъ.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕЙНЕ.

На мрачномъ отблескѣ полудня золотого,
Средь розъ, которыя смѣются слезы льютъ,
И въ говорѣ молчанія вѣснаго,
На льдистой родинѣ малиновки поютъ,
Съ тобою я сидѣлъ, неблагодарной,
Задумчивый, въ задумчивости думъ....
Я пилъ душой твоей голосокъ янтарной,
Твой лепетъ я влагалъ въ свой слабый умъ.
Нѣма, точь въ точь какъ русская русалка,

Сидѣла ты, представь передо мной,
 А въ далекихъ летѣла точкой галка,
 А мѣсяцъ плылъ въ лазури голубой...
 Пылающій былъ хладенъ въ жилахъ пепель,
 И будто-бы за страсть меня дразнилъ,
 Молчалъ, занявшись курицею пепель....
 Другъ, счастливъ онъ, ему не до меня!
 А ты, которая какъ струйка извивалась,
 Когда статуею Любви явилась мнѣ,
 Ты только надо мной шутила и сморкалась,
 Съ громовымъ шопотомъ молча о старинѣ.
 Я трепеталъ, оцѣпенѣвъ какъ камонь,
 А галка все сидѣла и вилась...
 А въ жилахъ все, потухнувъ, рѣблелъ пламень...
 А съ пѣтухомъ все курица дралась...

Мы открыли, что стихотвореніе это написано съ цѣлю убѣ-
 дить «Нового Поэта, въ томъ, что *нелюбовь есть нелюбовь*».

МОДЫ.

МЕНТА И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Въ одной изъ тѣхъ частей Петербурга, которая хотя и не удалена отъ центра столицы, но отличается особенною характеристикою, находится довольно мрачный домъ, кажется трехэтажный, со стѣнами, пронитанными сыростью, и раздѣленный на вѣроятное число маленькихъ квартирокъ, населенныхъ — отъ подваловъ до чердака — многочисленными жильцами, народомъ дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, живущимъ изо дня въ день, частію прикованнымъ къ мѣсту, частію осуществлявшимъ собою задачу вѣчнаго движенія....

Поздно вечеромъ, въ одной изъ этихъ квартирокъ, получавшей дневной свѣтъ съ задворка, а вечерній отъ салыхъ, небезукоризненныхъ свѣчей, за большимъ столомъ соснового дерева, изрѣзаннымъ и исцарапаннымъ, сидѣла молодая дѣвушка, лѣтъ девятнадцати.

Она прилежно шила. Длинная полоса тафты, лежавшая на колѣняхъ молодой дѣвушки, и испадавшая на полъ, скромный толь, блонды, шелковыя ленты, лежавшія на столѣ, составляли странный контрастъ съ простымъ, почти бѣднымъ, но опрятнымъ убранствомъ комнаты.

Кромѣ вышеупомянутыхъ вещей, на столѣ лежали въ безпорядкѣ, изобличающемъ дѣйствительную дѣятельность, пожитки, мотки шолку, клубки нитокъ, футлярчики съ иглками и другія рукодѣльные принадлежности, не обставленные ни бархатными подушечками и не приведенныя въ систему *нессеера*, который гораздо бы лучше называть, просто, по-русски—*лишнимъ*.

Дѣвушка, занимавшаяся шитьемъ, была въ простенькомъ, ситцевомъ платьѣ, завистливо закрывавшемъ грудь и полныя плечи. Грустная задумчивость выражалась на кроткомъ, свѣжемъ лицѣ молодой дѣвушки.

По другую сторону стола сидѣла другая дѣвушка, тѣхъ же лѣтъ; на ней было измятое, нѣкогда довольно нарядное шоловое платье, изъ самой, однакожъ, дешевой тафты и, повидимому, уже нѣсколько разъ передѣланное и чуть-ли не перекрашенное.

Развалившись на стулѣ, скрестивъ ноги, облокотившись одною рукою на столъ, эта дѣвушка держала въ другой рукѣ какую-то розовую папироску, и пускала къ потолку дымъ тоненькими голубыми струйками.

— Ты мнѣ ужасно надоѣла, Любочка, сказала курящая дѣвушка: охота тебѣ возиться съ этими тряпками!... Брось, пожалуйста!

— Нельзя, Дуня, я дала слово, что принесу завтра утромъ, отвѣчала другая.

— Эка важность, что дала слово! Вѣдь она же не утромъ поѣдетъ на базъ.

— А если нужно будетъ что переменить?

— Ахъ, поди ты прескучная.... А какое будетъ платье?

— Какъ видишь, отвѣчала Любочка: розовое тафтяное, юпка съ поперечными, узкими, но длинными сборками, расположенными столбцами.

— А рукава?

— Рукава будутъ короткіе, гладкіе, обшитые маленькой фалболой изъ той же матеріи. Изъ-подъ розоваго лифа будутъ выходить двѣ бѣлыя юпки изъ блондоваго тюля, обшитыя блондовой оборкой. Обѣ юпки будутъ приподняты по сторо-

намъ бантами изъ широкихъ розовыхъ лентъ. На лифѣ, спереди и сзади будетъ кружево, также приподнятое на плечахъ розовыми бантами.... Хорошо?

— Ничего, недурно, возразила Дуня небрежно: да только то не хорошо, что ты не хочешь со мной ѣхать!

— Нельзя, душечка.

— Поди ты! Затвердила себѣ одно и то же. Чудо, какъ будетъ весело!... Мы будемъ танцовать, четыре челоуѣка музыкантовъ будетъ; папироски будутъ—да ужъ не Мюллеровскія, а поделикатнѣй!... Душечка, Любочка, поѣдемъ со мной!

Любочка отрицательно покачала головой.

— Всѣ твои родные будутъ тамъ! продолжала Дуня. Ѣдемъ, что ли?...

И Дуня вскочила, однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ по-други, обняла ее одною рукою, и стала ласкаться къ ней.

— Поѣдемъ, Любочка.... говорила она.

— Я вѣдь говорила тебѣ!...

— Постой, постой!... Я тебѣ еще не говорила, что будетъ наша львица, *ламузель Настазы*.... Ахъ, умора, умора! Она.... повѣришь ли, душка!... Она *заказала* себѣ платье! Настя прочитала въ томъ журналѣ, который она получаетъ отъ того, знаешь, маленькаго, чорнишкаго, какую-то моду.... Представь себѣ, у нея будетъ, какъ она мнѣ сама рассказывала, платье изъ красновато-лиловаго газа.... шутка!... на атласнаго чахлѣ, тоже красновато-лиловаго; верхняя юпка на поларшина недоходить до чахла и въ нѣсколькихъ мѣстахъ подобрана букетами изъ бѣлыхъ цвѣтовъ съ лиловымъ отливомъ.... точно цвѣтъ картофеля!... зелень къ цвѣтамъ зеленая, пре-зеленая.... вер-де-гри, извольте видѣть, команъ ву порте ву! На атласномъ чахлѣ, у самаго подола, нашито бѣлое кружево, фестонами кверху. Лифѣ, сзади довольно закрытый, но спереди очен-но вырѣзанный.... все на-показъ!... Посерединѣ лифа сборки, стянутыя книзу.... Же ву занъ при, лифѣ будетъ въ видѣ сердца....

Ахъ, тирантъ души моей!

Мое сердце ты встревожилъ....

Напередѣ лифа на два вершка видно modestie, то есть—закрой глаза! На плечахъ можно опять открыть глаза—modestie спряталось, только узенькое кружево, пришитое къ modestie идетъ кругомъ всего лифа... Ахъ, ты была у французенки, скажи, пожалуйста, что такое по русски, modestie?

— Скромность.

— Вотъ оно что! А въдъ глядя на дѣло, я воображала совсемъ другое.... Ну, Любочка, ѣдемъ смотрѣть мамузель Настазіи? Я заплачу за извозчика—одѣвайся, и ѣдемъ!

— Не проси, ты знаешь, какъ я упряма.

— А развѣ это хорошо?... Ну не хочешь ѣхать со мной, такъ оставайся же одна дома.

Любочка окончивъ работу погасила свѣчу и легла спать.

Сонъ послѣ труда не заставляетъ долго жать себя....

И вотъ спитъ Любочка, что она въ богато-убранной комнатѣ. Мягкій коверъ покрываетъ полъ; сквозь распущенные занавѣсы у оконъ просвѣчиваются китайскіе шторы. Етажерки уставлены драгоценными бездѣлушками, на изящномъ туалетѣ всѣ принадлежности женскаго наряда; вездѣ золото, серебро, фарфоръ, шолкъ....

Вотъ входитъ та самая мадамъ, отъ которой Любочка получаетъ работу. Любочка встаетъ передъ мадамой, та объявляетъ, что принесла съ собою цѣлый запасъ модъ и платьевъ новаго фасона.

Любочка молча кивнула головой, и вотъ передъ нею является цѣлый рядъ модъ.

Вотъ шляпка-dormeuse, для утреннихъ визитовъ, въ видѣ капора, украшенная внутри бѣлыми маргаритками, а на верху перьями.

Вотъ еще шляпка черная, со множествомъ черныхъ кружевъ и черною полуovalюю.

Далѣе еще прелестная, легонькая шляпка, вся изъ волановъ, розовыхъ лентъ съ зубчиками и кружевъ, съ неотгнзною тульею, подавшеюся нѣсколько назадъ.

Наконецъ и сѣрая пуховая, простенькая, но очень красивая шляпка...

Любочка любитъся. Не-смотря на то, что она насмотрѣлась на подобныя вещи, онѣ представляются ей теперь въ новомъ видѣ. Она выбрала себѣ изъ множества шляпокъ, являвшихся одна за другою, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, шляпку изъ малиноваго бархата, украшенную черными кружевами, и подъ которою милое личико ея казалось еще очаровательнѣе.

Потомъ явились чепчики, убранные кучами узенькихъ и разноцвѣтныхъ ленточекъ; наколки, съ небольшими бѣлыми и желтыми цвѣтками; чепчики, въ видѣ косынки, съ широкими лентами и небольшими бантиками у концовъ косынки.

Любочка выбрала себѣ бѣлую блондовую барбъ, въ видѣ косынки, съ мыскомъ напередѣ. Концы этой косынки были очень искусно подобраны и прищиплены у цвѣтовъ большими булавками изъ драгоценныхъ камней.

Затѣмъ молитка стала раскладывать платья. Горничная безпрестанно уходила въ другую комнату, и возвращалась съ чѣмъ-нибудь новымъ. Любочка казалось, что мадамъ привезла съ собою нѣсколько воровъ модъ.

Вотъ балное платье изъ пепельнаго моаре, съ пятью юнками, убранными аграмантнымъ кружевомъ; лифъ съ трубчатыми складками; вмѣсто рукавовъ двѣ еполетки, свободныя, обшитыя такимъ же кружевомъ; ниже еполетокъ кружевные рукава, плотно прикладываемые къ самому тѣлу.

Тутъ утреннее платье изъ сѣраго кашмира, подложенное цунцовою тафтою; далѣе вечернее платье изъ розоваго атласу, съ рисунками à la-Rompaon; плоская берта изъ кружевъ, корсажъ открытый на груди, съ бантами изъ лентъ. Еще платье изъ розоваго тарлатана, въ двѣ юнки: первая на три четверти аршина покрыта буфами изъ тюля-малинъ; за нею тотчасъ другая юнка, вырѣзанная большими круглыми воланами, обшитыми бахромой; вторая юнка открытая, въ родѣ распашнаго капота и соединенная въ три ряда бахромой.

Любочка съ особеннымъ вниманіемъ осматривала платья; она какъ-бы узнавала въ нихъ знакомыхъ, и каждому платью могла придать собственное имя... Одно напоминало ей Настю, другое Катю, третье Маму и т. д.

Сама не зная почему, Любочка выбрала себѣ платье совершенно черное, изъ лонской тафты, съ открытымъ корсажомъ,

снабженнымъ большимъ отворотомъ въ видѣ пелерины съ фесто-нами по краямъ и оканчивавшимся острымъ концомъ къ шпину; нѣсколько короткіе рукава были въ видѣ пагодъ, и об-шиты двумя широкими тюлевыми воланами; манишка на груди и подрюкачки изъ черного кружева.

Въ мрачномъ видѣ этого платья Любочкѣ представлялось что-то торжественное, но лишь только она отложила его, какъ суевѣрный страхъ сдавилъ сердце ея... Платье, бережно поло-женное на стулъ, съ отвисшими рукавами, показалось ей какъ бы живымъ существомъ... Чернѣ казалась тафта отъ ярко-малиноваго цвѣта шелковой покрывки стула; ярче и краснѣ казалась шелковая матерія отъ черного платья, на нее положен-наго....

Любочка скоро отвернулась, и какъ-бы желая разсѣять тя-гостное впечатлѣніе, схватилась за первое платье, попавшееся ей подъ-руку, съ намѣреніемъ оставить его себѣ.

То было подвѣчное платье, изъ бѣлаго дамасу, съ полуот-крытымъ корсажемъ и блондовыми оборками.

Взявъ это платье, Любочка смутилась еще болѣе. Она не мо-гла объяснить себѣ, зачѣмъ взяла она это платье, а между-тѣмъ ей не хотѣлось и отказаться отъ него...

А *мадамъ* все продолжала раскладывать одинъ нарядъ за другимъ, многорѣчиво выхваляя достоинства и красоты каждо-го поочередно, соглашаясь однакожь съ мнѣніемъ Любочки, и часто называя то некрасивымъ, безвкуснымъ, что за минуту она же сама выставляла за образецъ вкуса. Любочка и въ этомъ узнавала свою *мадамъ*, никогда не забывавшую ту дву-смысленную истину, что—*у великаго свой вкусъ*, и всегда со-гласовавшуюся съ *последнимъ* мнѣніемъ покупательницы.

За платьями явились мантили разныхъ фасоновъ, въ видѣ платковъ, мантили-казакъ, мантили-пальто, съ широкой ба-храмой, точно на театральной занавѣси, и наконецъ, даже про-сто пальто, въ видѣ мужскаго, изъ толстой мужской мохнатой шерстяной матеріи.

Мадамъ, желая, вѣроятно, сбить это непривившееся у насъ нововведеніе, сначала выхваляла его всѣми силами, но когда Лю-бочка презрительно покачала головой, мадамъ очень простодуш-но призналась, что въ-самомъ-дѣлѣ, эта медвѣжья шкура очень безобразна для *прелестнаго пола*.

Запасъ модистки этимъ не кончился. Она стала раскладывать блонды, цвѣты, перчатки, брошки, серьги. Любочка выбирала и откладывала,

Такимъ-образомъ прошло нѣсколько часовъ. Краснорѣчіе и запасъ мадамы истопились. Поблагодаривъ Любочку, она раскла-нялась... Любочка проснулась, солнце уже весело глядѣло въ маленькое окно скромной квартирки ея.

Любочка умылась холодной водой и опять принялась за ра-боту.

Мы слышали, что въ началѣ года Любочка открыла свой магазинъ.

Не можемъ не рекомендовать нашимъ читательницамъ дѣ-вшки такой трудолюбивой и одаренной способностью видѣть такіе *модные сны*.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ КНИГЪ

ВАСИЛІА ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

*Въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконой-линіи
подъ № 17.*

продаются слѣдующія книги:

Цѣны на серебро.

БИБЛЕЙСКО-БИОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ, или Жизнеописанія всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ священныя книгахъ Ветхаго и Новаго ЗАВѢТОВЪ, и другихъ, имѣвшихъ какое-либо вліяніе на ходъ и распространеніе Церкви Божіей на землѣ; съ аналитическою таблицою содержанія и дополненіемъ хронологическаго обозрѣнія достопамятнѣйшихъ лицъ Ново-завѣтной Церкви, время послѣ-библейскихъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Составили Ф. И. Яцѣвичъ и П. Я. Благовѣщенскій. Четыре тома компактной печати, въ два столбца, на лучшей веленовой бумагѣ. Въ этой книгѣ просто, ясно и

удобопонятно изложены житія лицъ, упоминаемыхъ въ Библии, и христіанскихъ мучениковъ, Святителей, Праведныхъ, и вообще всѣхъ благоугодившихъ Богу, съ указаніемъ ихъ жизни и времени празднованія Православною Церковію. Какъ по содержанію, такъ и по изложенію, это сочиненіе есть настольная книга каждаго благочестиваго христіанина, назидательная и поучительная для ума и сердца, заслуживающая каждодневнаго чтенія. Кромѣ важности предмета—житій великихъ Угодниковъ Божіихъ и нашихъ заступниковъ на небесахъ—этихъ великихъ образцовъ вѣры и благочестія, достойныхъ удивленія, благоговѣнія и подражанія каждаго, оно достойно вниманія еще и потому, что вкратцѣ знакомитъ и объясняетъ многія мѣста изъ Библии, что для любителей чтенія Священнаго Писанія составляетъ важную услугу. Желая доставить эту полезную книгу каждому, полагаемъ самую умѣренную цѣну: за четыре тома пять руб. сереб. съ пересылкою.

Гг. желающіе получить оную въ переплетѣ платятъ шесть руб. сереб.

ЖИВОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ Замѣчательныхъ предметовъ изъ наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія. Томъ I, на 1850 годовъ. Сборникъ напечатанъ въ 8 д. л., самаго большаго формата, на веленовой, гласпорованной бумагѣ, украшенъ 210 политипажами разной величины, и продается въ красивой цвѣтной, узорчатой оберткѣ, нарочно изготовленной въ Берлинѣ. Цѣна 5 р. сер., съ перес. 6 руб. сер.

ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ОПЕРЫ. Соч. Кажинскаго. Пер. съ польск. Ф. Томашинскаго. Сиб. 1851. Ц. 1 р. 50 к. сер., съ перес. 1 р. 75 к. сер.

ЗАПИСКИ О НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ Русскаго Императорскаго Монастыря, на Св. Горѣ Афонской. Соч. Автора Писемъ Святоторца. Изданіе слѣнца Ширлева, въ видѣмъ означеннаго Монастыря. М. 1850. Ц. 75 к. съ перес. 1 р. сер.

ОПИСАНІЕ ВАРШАВЫ, и ея окрестностей, съ дополненіемъ описанія Ченстохова, состав. П. Д. (съ новѣйшимъ планомъ Варшавы) Варшава. 1850. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 25 к. сер.

УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА УГОЛОВНЫХЪ СЛѢДСТВІЙ. Составлено Калайдовичемъ, бывшимъ Предсѣдателемъ Вятской Палаты Уголовнаго и Гражданскаго Суда. Изданіе второе. Спб. 1850. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. сер.

ПОМПЕЙ, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. В. Классовскаго, съ планами и пояснительными гравюрами; второе, исправленное изданіе, на лучшей веленовой бумагѣ. 1849. Ц. 4 руб. сер.

ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

ИЗДАНИЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ.

ГЕОГРАФІЯ ВЪ ЭСТАМПАХЪ, съ повѣстями и картинами по предметамъ географіи; текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, со многими отлично-литографированными и отпечатанными въ два тона картинками. Изд. второе. 1847. Ц. 3 руб. сер.

ВЕКФИЛЬДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ, романъ Оливера Гольдсмита. Перев. съ англійс. Я. Герда. Изданіе превосходно напечатанное, на лучшей веленовой бумагѣ, со множествомъ полиграфическихъ рисунковъ. Спб. 1846. Ц. 2 р. 50 коп. сер.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛОЧЕНІЯ РОБИНЗОНА КРУЗО. Описанная имъ самимъ. Соч. Д. Деоро. Перев. съ англійс. П. Корсакова, два большія тома, съ 200 превосходными рисунками. На лучшей веленовой бумагѣ, Цѣна, въ отличномъ французскомъ переплетѣ и съ пересылкою, 6 руб. сер.

ИСТОРИЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. Соч. Н. Ламбина, великолѣпное изданіе, посвященное всѣмъ Рускимъ, съ портретами Петра Великаго, Карла XII и 600 рисунками Спб. 1843. Ц. 7 руб., съ перес. 8 руб. сер.

ИСТОРИЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО, Короля Прусскаго, великолѣпное изданіе, украшенное 400 превосходными рисунками и посвященное Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Спб. 1844. Ц. 6 р. сер.

КАРТИНЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ. Съ 12-ю отлично гравированными на стали, въ Лондонѣ, гравюрами. Спб. 1843. Ц. 5 руб. сереб.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I. И ЕГО СПОДВИЖНИКИ въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ. Военная Галлерей Зимняго Дворца. Текстъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, портреты лучшихъ парижскихъ художниковъ. Спб. 1845, 46 и 1847 годовъ; шесть томовъ, въ отличномъ переплетѣ. Цѣна за каждыя два тома 15 руб. съ перес. 16 р. 50 к. сер.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СБОРНИКЪ. Изданный Н. А. Некрасовымъ. Изданіе превосходно напечатанное на лучшей бумагѣ, со множествомъ полиграфическихъ рисунковъ въ большую 8 л. Спб. 1845. Ц. 4 р. сер.

ПРАВЫ, ОБЫЧАИ И ПАМЯТНИКИ всѣхъ народовъ земнаго шара, изданіе, украшенное множествомъ рисунковъ, отпечатанныхъ и раскрашенныхъ въ Парижѣ. 1846. Ц. 6 руб. съ перес. 7 руб. сер.

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА, великолѣпное изданіе, украшенное 500 превосходными рисунками. Спб. Ц. 6 руб. съ перес. 7 р. сереб.

Гг. завѣдывающіе полковыми и другими библіотеками могутъ высылать свои требованія съ частью причитающейся по смѣтѣ суммы.

Гг. иногородные, желающіе имѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожаномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. сер. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 долю листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

Гг. иногородные благоволят адресоваться за всѣми вообще какъ прежде издаваемыми, такъ и вновь выходящими замѣчательными произведениями русской литературы, по всѣмъ отраслямъ наукъ и изящной словесности, находящимися въ моемъ магазинѣ, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ.

Всѣ требованія будутъ выполняемы безостановочно, съ уступкою, соразмѣрною достоинству и количеству требуемыхъ книгъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ВЪ ПОЛЬЗУ БѢДНАГО СЕМЕЙСТВА.

У Коммиссiонера журнала «Сынъ Отечества» книгопродавца **Василiя Петровича Полякова**, находятся въ продажѣ всѣ сочиненiя, извѣстнаго уже музыкальному мiру, композитора **Александра Васильевича Лазарева**, состоящiя изъ Русскихъ пѣсень, романсовъ, Итальянскихъ арiй и музыкально-драматическихъ пьесъ.

Цѣна всѣмъ сочиненiямъ (**ПЯТНАДЦАТЬ РУБ. СЕРЕБ.**) предоставлена *въ пользу одного бѣднаго семейства.*

Лицамъ, которымъ угодно будетъ выписывать всѣ сочиненiя, будетъ выдано *безплатно* послѣднее музыкально-религiозное сочиненiе **А. В. Лазарева**, на слова **М. А. Половцова**:

Помилуй насъ, Боже, прости прегрѣшенья,
Помилуй, и въ вѣрѣ нашъ духъ утверди!

Съ Итальянскимъ текстомъ.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА,
удостоивъ принять это сочиненіе, соизволила пожало-
вать автору музыки драгоцѣнные часы.

Читатели Сына Отечества въ скоромъ времени по-
знакомятся съ этимъ произведеніемъ, отдѣльный экзем-
пляръ котораго стоитъ 1 руб. 50 коп. сереб. За пере-
сылку прилагается за 1 фунтъ. Выписывающіе же 5
экземпляровъ за пересылку не платятъ ничего.

АНТОНІИМЪ ПЕТРОВЪ ЗНАКОМЪ ЯВ

[Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.]

Островъ Куба.

Очерки востока. Персидскія баядерки и ихъ пѣсни.

Турецкія цирюльни и брадобрыи.

Дон-Жуанъ. Разказъ Гофманна.

Новости ученаго міра. Отъ Императорскаго Археологическаго Общества. — Подтвержденіе Бесселевой гипотезы о звѣздѣ Сириусѣ — Причина свѣтоносности фосфора. — Присутствіе іода въ каменномъ углѣ. — Холодная покрывка желѣза мѣдью. — Перегонка ртути водяными парами. — Открытіе золота въ Испаніи. — Растительное масло. — Новый горю-

чій матеріалъ въ Россіи. — Новый фотографическій способъ Ньеса де Сен-Виктора. — Изслѣдованіе пепла, выброшеннаго Везувіемъ. — Новыя свѣдѣнія объ источникахъ Бѣлаго Нила. — Осушеніе Гарлемскаго моря. — Последнее годовое засѣданіе Французской Академіи. — Потребленіе опиума въ Англіи. — Шведскія фабрики.

Общепольное. *Домашній лечебникъ*: Отъ жабы. — Отъ глистовъ. — Чтобы испорченные зубы выпали безъ боли. — Отъ ревматизма. — *Хозяйство*: О питательности сухихъ кормовъ. — Сѣно. — Солома. — Остроемъ лѣсѣ. — Рубка лѣса. — Высушка лѣса. — Прочность деревъ. — Твердость деревъ. — Леченіе отмоорожен-

ныхъ частей дерева. — О причинахъ худыхъ и хорошихъ урожаевъ хлѣбовъ на однихъ и тѣхъ же поляхъ. — *Совѣты матеріалъ*: Первые впечатлѣнія. — Выгоды дисциплины. — Характеръ, здоровье, привычки. — Соревнованіе. — Дружба между молодыми дѣвушками. — Важныя неудобства. — Вредныя связи.

Прохожденія провинціала въ столицѣ.

Иностранная почта. Опять воздушный шаръ «Городъ Парижъ». — Море и вѣтеръ. — Опасность. — Паденіе. — Гг. Дешанъ и Кремь. — Воспламененіе газа. — Убытокъ въ 15,000 франковъ. — Альбони — Новая опера Обера и Скриба. — Мадмазель Дамронъ. — Рокпланъ. — Г-жа Виардо. — *Пророкъ*. — Г-жа Шуикетъ. — Рон-

кони. — Марио. — Рапелль. — Люмлей, европейскій импрессио, — Соннамбула. — Г-жа Зонтагъ. — Г-жа Угаль. — Новая комедія. — Водевилъ. — Дежаз. — Арваль. — Женни Линдъ въ Бостонѣ. — Последній концертъ ея. — Безпорядки. — Отъѣздъ шведскаго соловья.

Мысль и улыбка.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

РУССКІЯ КНИГИ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НОВОСТЬ.

Приложенія:

1. Модная картинка.

2. L'addio arietta, музыкальное сочиненіе А. В. Лазарева, посвященное Е. С. Графу Михаилу Юрьевичу Вильгорскому.

Журналъ **СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА** выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.
2. Въ конторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василія Петровича Полякова, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиннаго-Двора, подъ № 17-мъ.

Цѣна за годовое изданіе со всѣми приложениями *пятнадцать руб. сереб.* За пересылку къ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. сереб.

Всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи Сына Отечества, просить адресоваться въ Петру Романовичу Фурману, интеллигующему на Невскомъ, за Анничевымъ мостомъ, въ домъ Догнинова.

Рукописи, присланныя въ Редакцію, не будутъ возвращаемы.

Гг. подписчиковъ и вообще всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи, просить выставлять въ письмахъ сколь возможно явственнѣ имя и адресъ (иногородныхъ: губернію, уѣздъ и городъ).

Въ Редакціи находятся нѣсколько писемъ, на которыя она не отвѣчаетъ только потому, что имя и адресъ выставлены неявственно.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

1. Подписчики нынѣшняго года получаютъ въ Январѣ отдѣльно напечатанный романъ К. П. Масальскаго:

ЛЕЙТЕНАНТЪ и ПОРУЧИКЪ,

въ двухъ частяхъ.

2. Въ самомъ непродолжительномъ же времени выйдетъ второй томъ романа:

ДОНЪ-КИХОТЪ ДА ДАВНОСІИ

Великолѣпное изданіе большого формата множествомъ превосходныхъ полиграфическихъ рисунковъ, вывезено изъ Пари